4 P.o. rel. 517 n-1

Xerokopieren aus konservato-
rischen Gründen nicht erlaubt
Nur im Lesesaal benützbar

A, 60, 7

<36621044050019
<36621044050019
Bayer. Staatsbibliothek

СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВѢ

КАКЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПАМЯТНИКЪ

КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Е. В. БАРСОВА.

ТОМЪ I.

Высшихъ Женскихъ Курсовъ
БИБЛІОТЕКА
ОДЕССА

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1887.

4 P.o. rel. 517 n-1

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MUENCHEN

Изъ „Чтеній“ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. 1885 Кн. 3 (?)

Aus dem Tausch der Notgemeinschaft der Deutschen Wissenschaft * NDW

H

Милостивому Государю

Константину Петровичу

Побѣдоносцеву.

ОДЕССА

Отд. 14

№ 17

BAYERISCHE
STAATS-
BIBLIOTHEK
MÜNCHEN

Милостивый Государь

Константинъ Петровичъ!

Вотъ уже болѣе пятнадцати лѣтъ, какъ я имѣю счастіе пользоваться Вашимъ благосклоннымъ ко мнѣ расположеніемъ, которое всегда служило мнѣ на пользу и возбуждало меня къ научной дѣятельности. Не могу не цѣнить, что Вы, среди многосложныхъ Вашихъ занятій, находили и время, и возможность вести переписку съ незамѣтнымъ труженникомъ, витавшимъ на берегахъ Онѣжскаго озера. Своимъ добрымъ вниманіемъ къ моимъ посильнымъ работамъ Вы не только навсегда утвердили, но и постоянно поддерживали меня на трудномъ ученомъ пути. Окончивъ настоящую книгу, я сознаю, что она внутренно связана съ вашимъ благороднымъ воздѣйствіемъ на мои нравственныя силы.

Но не одно только это чувство побуждаетъ меня посвятить Вашему имени настоящую книгу.

Мнѣ извѣстно, какъ высоко цѣните Вы „Слово о полку Игоревѣ", это драгоцѣнное наслѣдіе Кіевской Руси. Мнѣ извѣстно, какъ близокъ Вашему сердцу тотъ идеалъ „единой земли Русской", который блистаетъ здѣсь такими яркими лучами, служа завѣтомъ Кіева Русской исторіи. Мнѣ извѣстно наконецъ, что если Вы сами всецѣло не занимались разработкой „Слова", то помогали разрабатывать его другимъ.

Вотъ почему, посвящая Вашему имени эту книгу, я остаюсь въ убѣжденіи, что если въ комъ, то именно въ Васъ настоящій трудъ мой встрѣтитъ доброе и благосклонное сочувствіе.

Благоволите же принять, милостивый государь Константинъ Петровичъ, настоящее мое приношеніе и какъ дань той глубокой признательности и какъ свидѣтельство того искренняго къ Вамъ уваженія, которыя не поддаются теченіямъ времени и перемѣнамъ мѣста, и останутся во мнѣ неизмѣнными, пока жива душа моя.

Е. Барсовъ.

Москва.
Ноября 2 дня 1882 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

„Слово о полку Игоревѣ“ есть памятникъ XII вѣка, сколько драгоцѣнный по своему историческому и литературному значенію, столько замѣчательный и по своей странной исторической судьбѣ. Онъ сталъ извѣстенъ намъ съ конца XVIII вѣка, въ спискѣ единственномъ и притомъ неисправномъ. „Только необъяснимая случайность, какъ замѣтилъ одинъ ученый, выбросила намъ изъ бездны забвенія эту думу о походѣ Игоря“. Но скоро погибъ и этотъ единственный списокъ—въ московскомъ пожарищѣ 1812 года, оставивъ насъ лишь при печатномъ изданіи, съ бездною недоразумѣній.

Не лучшая судьба постигла и первыя работы по его изученію. Изучалъ его графъ Мусинъ-Пушкинъ, явившій его свѣту, но изъ его бумагъ едва уцѣлѣлъ до насъ одинъ небольшой листокъ. Изучалъ его одинъ изъ главныхъ редакторовъ 1-го изданія А. Ѳ. Малиновскій, но и отъ его работъ найдены лишь незначительные остатки. Изучалъ его профессоръ Тимковскій и извѣстно даже, что только три слова въ текстѣ затрудняли его, но и его работы также пропали безслѣдно. Наконецъ даже и самые оттиски перваго изданія, въ большинствѣ своихъ экземпляровъ, сгорѣли вмѣстѣ съ своимъ оригиналомъ и въ настоящее время представляютъ большую библіографическую рѣдкость. Не даромъ Вальтеръ Скоттъ, прочитавъ этотъ памятникъ, въ одномъ изъ писемъ къ

2

графу Орлову выражалъ удивленіе, что Русскіе такъ мало умѣютъ понимать и цѣнить свои лучшія произведенія.

Но какъ скоро оригиналъ первопечатнаго изданія сгорѣлъ, тогда мы спохватились и поняли, какой драгоцѣнности у насъ не стало. Начиная съ Великой Императрицы Екатерины II, едва не всѣ имена извѣстнѣйшихъ русскихъ ученыхъ и литераторовъ связываются затѣмъ съ дальнѣйшей исторіей и разработкой этого памятника на почвѣ, оставленной печатнымъ изданіемъ. Императорская Академія Наукъ зорко слѣдила за появленіемъ подобныхъ трудовъ и спѣшила дать о нихъ свой отзывъ. Филологи, историки литературы, одинъ передъ другимъ, въ самыхъ разнороднѣйшихъ работахъ, спѣшили остановить свое вниманіе на „Словѣ“ и стремились пролить свой лучъ свѣта на темныя и испорченныя мѣста его. Исторіографы заносили его въ свои прагматическіе курсы, на страницы капитальнѣйшихъ трудовъ своихъ и снабжали его своими учеными примѣчаніями. Лучшіе поэты стремились другъ передъ другомъ уловить чудные оттѣнки подлинника и въ своихъ художественныхъ стихахъ воспроизвесть его неподражаемыя красоты. Въ лицѣ Александра Сергѣевича Пушкина, *само русское искусство*, восторгалось этимъ произведеніемъ Кіевской Руси и выступало за него на открытую борьбу съ скептицизмомъ и его діалектикой. Лучшіе педагоги—преподаватели словесности, также не уступали поэтамъ и ученымъ въ стремленіи внести въ него свои посильные комментаріи. И не только писатели свѣтскіе, но и знаменитѣйшіе писатели духовные обращали на него свое просвѣщенное вниманіе и не оставались равнодушными къ его высокому поэтическому значенію. Кіевскій митрополитъ Евгеній, Херсонскій архіепископъ Иннокентій, Черниговскій архіепископъ Филаретъ, ученѣйшій филологъ Павскій сказали каждый свое слово объ этомъ драгоцѣнномъ наслѣдіи Кіевской Руси. Листы новостей и текучей литературы спѣшили повѣдать свѣту о каждомъ болѣе или менѣе выдающемся трудѣ по его разработкѣ. Интересъ, вызываемый подобными трудами, не ограничивался текучею печатью; онъ становился предметомъ живаго обмѣна мыслей и въ частныхъ

письмахъ и домашнихъ бесѣдахъ, въ кружкахъ лицъ просвѣщенныхъ.

Не оставалось „Слово“ чуждымъ и славянскому міру. Знаменитѣйшіе иноземные славяновѣды: Добровскій, Ганка, Шафарикъ, посвящали ему свои досуги, ссылались на него, переводили и исправляли текстъ.

Какой высокій и чарующій интересъ представляетъ „Слово“ у насъ въ Россіи для людей литературныхъ, это еще съ большею наглядностію видно изъ того, что лица, посвящавшія себя его изученію, смотрѣли на свое дѣло, не какъ на личное занятіе, но какъ на дѣло историческое и какъ на подвигъ своей жизни: не только цѣлые годы, но даже цѣлые десятки лѣтъ были посвящаемы его изученію. Такъ А. Майковъ занимался имъ 8 лѣтъ, Мей 9 лѣтъ, Грамматинъ 15 лѣтъ, князь П. П. Вяземскій около 30 лѣтъ, Максимовичъ болѣе 40 лѣтъ. Намъ пришлось видѣть, какимъ одушевленіемъ и какимъ огнемъ, уже въ глубокой старости, озарялся взоръ Максимовича, когда заходила съ нимъ рѣчь о „Словѣ“; казалось, вмѣстѣ съ нимъ воплощалась въ его душѣ вся Кіевская Русь; казалось, въ эту минуту онъ молодѣлъ и горѣлъ пыломъ юнаго сердца.

Въ виду безъ сомнѣнія такой важности „Слова“ и столь глубокаго, связаннаго со всѣми силами души, отношенія къ нему изслѣдователей и переводчиковъ, изданія ихъ большею частію были посвящаемы или милымъ и дорогимъ друзьямъ и благодѣтелямъ, или же лицамъ именитымъ, меценатамъ и покровителямъ русской науки. Такъ, напримѣръ, изданія Пожарскаго и Грамматина были посвящены государственному канцлеру графу Румянцеву; изданіе Дубенскаго—министру просвѣщенія графу С. С. Уварову. Изданіе Де-ля-рю посвящено:

Тѣмъ «подъ чьимъ сердцемъ, его забилося жизнью впервые».
Добрая мать! И ты мой родитель!

Взываетъ онъ:

Вамъ, мои добрые, звуки мои! И если игра ихъ... хоть на мгновеніе для васъ усладила житейскія скорби;
Счастливъ поэтъ; его пѣсни ужè свою мзду получили.

Изданіе Данила Медича посвящено „Свѣтозару Милетичу, искреннему сербскому родолюбцу, кой ратуетъ на княжевомъ полѣ за свободу и просвѣщеніе милой отчизны, находящейся подъ Швабскимъ ярмомъ и подъ копытомъ гнуснаго турецкаго рабства“.

Громадная литература „Слова“ въ видѣ отдѣльныхъ изданій, переводовъ, толкованій, взглядовъ и мелкихъ замѣчаній, разсѣянныхъ во множествѣ самыхъ разнородныхъ статей, указываетъ, какая настойчивость и какое сильное умственное орудіе требуются для того, чтобы найтись въ этомъ разнообразіи, отличить существенное отъ маловажнаго и изложить все это прагматически, во внутреннемъ и послѣдовательномъ соотношеніи.

Но еще труднѣе послѣ такихъ многочисленныхъ работъ, охватывающихъ собою разныя стороны вопроса о „Словѣ“ и представляющихъ еще болѣе разнообразныя толкованія темныхъ мѣстъ его, еще труднѣе, говоримъ, выступить съ новой самостоятельной работой по возстановленію и уясненію его текста. У нѣкоторыхъ составилось даже убѣжденіе, что всякое новое толкованіе этихъ мѣстъ врядъ ли даже возможно. Признаемся, не безъ внутренняго смущенія взялись мы за эту задачу и не легкомысленное довѣріе къ собственнымъ силамъ въ данномъ случаѣ движетъ нами, а лишь горячее желаніе послужить уясненію этого безсмертнаго творенія, по крайней мѣрѣ настолько, насколько послужили ему другіе.

Главная наша задача направляется къ тому, чтобы возстановить его „историческое и художественное значеніе“, которое въ нашей школѣ едва не совсѣмъ поглощается филологическими и грамматическими тонкостями. Пользуясь знакомствомъ съ древне-русскою письменностію и народнымъ пѣснотворчествомъ, мы старались воспользоваться этимъ матеріаломъ для своей задачи такъ, чтобы наша книга была сколько не безполезна для ученаго филолога, столько же была доступна для всякаго любознательнаго человѣка. Насколько наша работа двигаетъ впередъ разработку „Слова“, пусть

разсудятъ о томъ другіе; мы же лишь замѣтимъ о себѣ: „stulta nostra mens, non scelerata fuit“.

Но что бы ни сказала критика о нашемъ трудѣ, она не лишитъ насъ утѣшенія, даруемаго сознаніемъ, что мы по мѣрѣ силъ своихъ старались выполнить свою задачу и что намъ удалось навсегда связать свое имя съ литературою „Слова“, въ коей блистаютъ столь славныя имена русской науки и литературы.

Вновь открытыя нами и здѣсь прилагаемыя бумаги Малиновскаго, безъ сомнѣнія, навсегда останутся драгоцѣннымъ вкладомъ въ исторію этой литературы.

Въ заключеніе пріятною обязанностію считаемъ выразить здѣсь нашу искреннюю благодарность за оказанное содѣйствіе: Аксакову И. С., Антоновичу В. Б., Буслаеву Ѳ. И., Бычкову А. Ѳ., Веселовскому А. Н., Викторову А. Е., кн. Вяземскому П. П., Забѣлину И. Е., Иловайскому Д. И., Карпову Г. Ѳ., Ключевскому В. О., Коршу Е. Ѳ. и Ѳ. Е., Костомарову Н. И., Майкову Л. Н., Миллеру О. Ѳ., Попову Н. А., Пыпину А. Н., Румянцову В. Е., Тихонравову Н. С., Графу Уварову А. С., а также иностраннымъ славянскимъ ученымъ: Патерѣ, Гатталѣ, Нерингу и Точилеско. Спасибо возносимъ мы и нашимъ критикамъ, почтившимъ своимъ вниманіемъ наши отдѣльныя статьи о „Словѣ“ напечатанныя въ разныхъ журналахъ: Андреевскому М. А., Ваденюку П., Маркову Е., Миллеру В. Ѳ. и Смирнову А. И.

Но особую признательность свидѣтельствуемъ здѣсь И. А. Вахрамѣеву, который по доброму къ намъ расположенію и просвѣщенному вниманію къ трудамъ нашимъ, нашелъ нужнымъ и возможнымъ увеличить число отдѣльныхъ оттисковъ настоящей книги.

ВВЕДЕНІЕ.

ОБЩЕЕ СОДЕРЖАНІЕ, ИДЕЯ И ФОРМА „СЛОВА".

Слово о полку Игоревѣ начинается «вступленіемъ, въ которомъ авторъ, обращаясь «къ братіи», заявляетъ, что онъ будетъ изображать походъ Игоревъ исторически, а не поэтически, по дѣяніямъ сего времени, а не по розмыслу Боянову, и при этомъ характеризуетъ старыя словеса «или пѣснотворчество» Бояна.

За тѣмъ, въ четырехъ основныхъ частяхъ или раздѣлахъ, въ Словѣ рисуются четыре главныя картины.

Картина первая изображаетъ предъ нами личный характеръ Игоревъ, его жажду славы, его безстрашіе, самый походъ, отчаянныя битвы, его пораженіе и бѣдствія Русской земли, вызванныя этимъ пораженіемъ.

Картина вторая рисуетъ предъ нами образъ Великаго Князя Святослава Кіевскаго, который спѣшитъ къ нему на помощь и взываетъ ко всѣмъ Русскимъ князьямъ, приглашая ихъ вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы. При этомъ передается его зловѣщій сонъ, оправданный несчастіемъ Игоря, а самое воззваніе къ князьямъ называется «золотымъ словомъ, со слезами смѣшаннымъ».

Картина третья даетъ намъ образъ Ярославны, которая тоскуетъ въ Путивлѣ и, глядя съ городской стѣны на чистое поле, причитаетъ, обращаясь съ заклинаніями къ солнцу, вѣтру и Днѣпру и умоляя ихъ прилелѣять къ ней ея милую ладу.

Наконецъ картина четвертая изображаетъ предъ нами освобожденіе Игоря изъ плѣна, его бѣгство въ родную землю, его прибытіе

въ Кіевъ и торжество обрадованнаго народа, который пѣлъ славу сперва старымъ князьямъ, а потомъ и молодымъ съ ихъ дружиною.

Таково общее содержаніе «Слова»!

Но рисуя эти картины, авторъ влагаетъ въ нихъ и свою политическую думу о тогдашнемъ укладѣ Кіевской Руси. Исходной точкой его воззрѣнія служитъ «*идея единой земли Русской*» или что то же, единаго государства Русскаго. Печальное зрѣлище представляла тогда Кіевская Русь: она состояла изъ многихъ областей, разрозненныхъ между собою и жившихъ своими особыми интересами. Князья этихъ областей занимались только личными счетами и ковали крамолы другъ на друга. Внутри себя Русь представляла тогда совокупность лагерей, враждебно стоявшихъ другъ къ другу. Чѣмъ яснѣе было государственное сознаніе автора «Слова», тѣмъ больше возмущается душа его бѣдствіями, вытекавшими изъ этой удѣльной розни и княжескихъ усобицъ. Стонетъ Кіевъ, стонетъ градъ Черниговъ, взываетъ онъ, и печаль жирная течетъ по землѣ Русской. Гибнутъ вои, гибнетъ дружина, и плачъ и стоны раздаются въ осиротѣлыхъ семействахъ. Со всѣхъ сторонъ скачутъ враги и зорятъ безпрестанно Русскія области и города. Все больше и больше изнемогала сила Русская, и вмѣстѣ съ тѣмъ надмевалась и царила надъ ней сила поганая. Изобразивъ въ подобныхъ очертаніяхъ бѣдствія Кіевской Руси, авторъ «Слова», какъ человѣкъ государственный, видѣлъ для нея одно спасеніе и это спасеніе лишь въ государственномъ союзѣ и единствѣ интересовъ. Онъ возвышаетъ свой голосъ и стремится воскресить въ сознаніи современниковъ забытое понятіе, что всѣ области Кіевской Руси суть «*единая земля Русская*».

Здѣсь мы замѣтимъ, что это понятіе «*земли Русской*» было нѣкогда содержательнѣе, чѣмъ за тѣмъ смѣнившія его понятія «Московскаго Государства» и «Имперіи Русской». Въ первые годы съ нимъ связывалось живое преданіе о тѣхъ боевыхъ трудахъ и страдахъ, коими отцы и дѣды наши стяжали и соблюли землю Русскую. Одно напоминаніе тогда «*о Русской землѣ*» вызывало слезы у лучшихъ людей Кіевской Руси. Такъ, когда Кіевляне въ XI вѣкѣ замѣтили Владиміру: «аще будете рать имати межу собою, то поганые будутъ радоваться и возьмутъ землю нашу, юже бѣша стяжали отцы ваши и дѣды трудомъ своимъ великимъ, онъ *заплакалъ* и сказалъ: поистинѣ, отцы наши и дѣды зблюли «*землю Русскую*», а мы хочемъ погубить». Такъ сильно нѣкогда дѣйствовало на князей понятіе «*земли Русской*», но въ эпоху пѣвца Игорева оно лишилось своей исторической силы и было лишь преданіемъ.

Авторъ «Слова», указывая на бѣдствія и опасности Кіевской Руси, стремится, говоримъ, воскресить въ сознаніи современниковъ это понятіе «*единой земли Русской*». Отъ личныхъ раздоровъ и мелкихъ интересовъ онъ возводитъ вниманіе князей къ идеѣ государственнаго единства и напоминаетъ имъ объ ихъ государственномъ долгѣ дѣйствовать за едино и служить общему благу. Среди разрозненныхъ областей и ихъ многочисленныхъ знаменъ онъ возвышаетъ одно великое знамя, на которомъ написано: «*единая земля Русская*», и водружаетъ его на горахъ Кіевскихъ. Носителемъ этой идеи и этого знамени авторъ дѣлаетъ именно Кіевскаго Великаго Князя Святослава Всеволодовича. Онъ заставляетъ его говорить знаменитую рѣчь, которую самъ же называетъ «*золотымъ словомъ*». Сила и одушевленіе этой рѣчи, этотъ кованый и мощный языкъ, указываютъ, какъ сильно сознавалась имъ потребность въ государственномъ объединеніи разрозненныхъ областей Кіевской Руси. Съ высоты Кіевскаго престола Святославъ обращается ко всѣмъ тогдашнимъ князьямъ, зоветъ ихъ на помощь и умоляетъ ихъ вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы, стрѣлять того поганова Кончака, загородить полю ворота своими острыми стрѣлами, за землю Русскую, за раны Игоревы. Самъ онъ, глубокій старикъ, готовъ съ пыломъ молодаго сердца, стать грудью за Русскую землю и нападать на враговъ подобно соколу, разъярившемуся во время мыта, но вотъ зло: князья ему не помогаютъ.

Стоя на высотѣ этого государственнаго идеала земли Русской, авторъ и самъ чувствуетъ себя свободнымъ отъ внѣшнихъ стѣсненій, стоитъ выше князей, раздаетъ имъ похвалы и порицанія и притомъ какъ властный носитель исторической истины и правды. Какъ дружинникъ, онъ восторгается дѣйствіями князей, насколько отражался въ нихъ идеалъ дружинный. Онъ сочувствуетъ ихъ стремленіямъ водить вои на землю Половецкую; онъ благоговѣетъ предъ ихъ храбростью, безстрашіемъ и готовностію сложить свою голову; онъ дорожитъ дружинными понятіями рыцарской чести и славы, но, какъ человѣкъ государственный, онъ скорбитъ въ то же время объ удѣльной розни, о княжихъ крамолахъ, такъ губившихъ силу Русскую. Этимъ объясняется и нѣкоторая двойственность въ характерѣ «Слова»: пѣснь славы является въ то же время и пѣснію скорби; восторженный тонъ быстро смѣняется элегическимъ; и радость и горе здѣсь, такъ сказать, обнимаются.

Многіе видятъ «Слово» нестройнымъ по своей внѣшней формѣ: одни видятъ въ немъ пропуски, другіе—вставки, иные—смѣшеніе фак-

товъ. Мы съ своей стороны не видимъ ничего подобнаго. Напротивъ на нашъ взглядъ, «Слово» и по своей внѣшней формѣ есть произведеніе удивительно цѣльное и гармонически стройное.

Особенности формы «Слова» съ одной стороны обусловлены подражаніемъ пѣснотворчеству Бояна, а съ другой—личнымъ творчествомъ автора.

Подобно тому, какъ Боянъ, начиная кому пѣснь творить, уносился фантазіей ко временамъ отдаленнымъ и художественно сочеталъ свое время съ временами древними, и авторъ «Слова» *свиваетъ* въ немъ свою эпоху—эпоху Игоря и Святослава, съ эпохой старой, воспѣтой Бояномъ—эпохой Олега и Ярослава. Такое *свитіе* двухъ эпохъ проходитъ чрезъ все «Слово» отъ начала до конца и представляетъ тотъ историческій нервъ, который связываетъ его съ поэзіей Бояна и служитъ органическимъ узломъ двухъ литературныхъ направленій. Обѣ указанныя эпохи имѣютъ внутреннюю связь· тамъ: въ князьяхъ первыхъ временъ, воспѣтыхъ Бояномъ, лежитъ начало усобицъ, которыя взросли такими несчастіями въ годину Святослава и Игоря. Гранью, соединяющею обѣ эти эпохи, служитъ Владиміръ Мономахъ; его относитъ авторъ «Слова» къ первой годинѣ и къ первымъ князьямъ, но именно отъ него же начинаетъ онъ и свою собственную повѣсть: «почнемъ же повѣсть сію отъ стараго Владиміра». Говоритъ ли за тѣмъ о неслыханныхъ битвахъ Игоря, вызванныхъ его жаждой личной славы и начатыхъ необдуманно, онъ вводитъ въ эту картину и воспоминаніе о томъ, какъ было «въ ты полки и въ ты рати» въ эпоху Ярослава и Олега, при усобицахъ, пѣтыхъ Бояномъ. Обращается ли онъ за тѣмъ на западъ Руси, къ славному нѣкогда Полоцкому княжеству, онъ и здѣсь усобицы своего времени связываетъ съ усобицами времени стараго и рядомъ съ Изяславомъ, княземъ нынѣшнимъ, годины Святославовой, изображаетъ Всеслава, князя первыхъ временъ, воспѣтыхъ Бояномъ. Выдвигая самого Святослава, какъ носителя идеи единой земли Русской во время похода Игорева, онъ, при изображеніи бѣдствій, вызванныхъ этимъ походомъ, съ сожалѣніемъ вспоминаетъ и Владиміра Мономаха, который держалъ знамя этой идеи на тѣхъ же горахъ Кіевскихъ, въ годину первую, при первыхъ князьяхъ, пѣтыхъ Бояномъ.

При этомъ самыя характеристики князей старой эпохи по преимуществу отзываются эпическими очертаніями и видимо отражаютъ на себѣ воздѣйствіе Бояновыхъ пѣсенъ.

Такимъ образомъ тѣ мѣста, которыя нѣкоторымъ изслѣдовате-

лямъ кажутся излишними или мало умѣстными, нарушающими стройность или послѣдовательность разсказа, на нашъ взглядъ, являются въ «Словѣ» существенными и органически необходимыми: онѣ именно показываютъ, что авторъ его отъ начала до конца находился подъ воздѣйствіемъ Бояна и, подобно ему, свивалъ въ своей пѣсни разныя эпохи. «Слово», такъ сказать, соткано на основѣ Боянова пѣснотворчества; пѣснь по былинамъ отражаетъ въ себѣ форму старой исторической пѣсни на героической основѣ.

Далѣе форма «Слова» характеризуется свободнымъ творческимъ расположеніемъ историческихъ фактовъ. При чтеніи и художественной его оцѣнкѣ никакъ не слѣдуетъ забывать, что авторъ является въ немъ не какъ историкъ а какъ художникъ—поэтъ. Не преемственность фактовъ, не дробность событія имѣютъ для него значеніе, но лишь характеры дѣйствующихъ лицъ и главнѣйшіе моменты дѣйствія, въ которыхъ сказалась ихъ сила. «Слово» представляетъ не лѣтописное повѣствованіе о событіи, а лишь, такъ сказать, галлерею отдѣльныхъ картинъ этого событія художественно воспроизведенныхъ творческимъ геніемъ и озаренныхъ одной и той же идеей. Вслѣдъ за «вступленіемъ», не касаясь никакихъ обстоятельствъ похода, авторъ прямо начинаетъ разсказъ свой съ характеристики Игоря, какъ отважнаго и рѣшительнаго героя: онъ прямо ставитъ его въ землѣ Половецкой и притомъ въ самую критическую минуту его нравственной борьбы, когда онъ съ одной стороны стоитъ уже на вражеской землѣ, а съ другой—само небо заставляетъ его воротиться. Это былъ моментъ, въ которомъ наиболѣе всего сказалось его нравственное распаленіе къ воинскому подвигу. При этомъ собственными его словами авторъ характеризуетъ неустрашимый и непреклонный духъ своего героя.

Характеристику Игоря авторъ заканчиваетъ славословіемъ его дружины, достойной по собственнымъ словамъ его, пѣснотворчества Боянова. Его творческому воображенію — невольно предстаетъ при этомъ и другой главный герой его поэмы князь Всеволодъ съ его Курянами, къ характеристикѣ которыхъ онъ и переходитъ, пользуясь совершенно другимъ моментомъ дѣйствія.

Любопытенъ и въ высшей степени своеобразенъ переходъ отъ одной характеристики къ другой. Пользуясь пѣснями Бояна или подделываясь подъ ихъ размѣръ, и недоумѣвая, какъ лучше прославить отважную рѣшимость Игоря и его дружины, онъ продолжаетъ:

Стоятъ стязи въ Путивлѣ,
Игорь ждетъ мила брата Всеволода,
И рече ему буй—туръ Всеволодъ.

То есть: Сынъ готовъ, отецъ дожидается своего брата, и сказалъ ему братъ....

Такимъ образомъ съ полей Половецкихъ, отъ страшнаго солнечнаго знаменія авторъ свободно и быстро переноситъ Игоря въ родную землю на бесѣду съ своимъ братомъ, въ тотъ моментъ приготовленія ихъ къ походу, въ который также ярко сказался нравственный образъ этого буй — тура и его рѣшимость дѣйствовать заедино.

При этомъ авторъ характеризуетъ его подобно Игорю также собственными его словами. «Свѣтлый ты Игорь! говоритъ Всеволодъ, оба мы Святославичи т.-е. одного мы племени и духу; сѣдлай своихъ борзыхъ коней, а мои давно ужъ готовы». Итакъ, и второй герой былъ столь же рѣшительный и того же закала, какъ и самъ Игорь. Дружина же его, по собственнымъ словамъ, была свѣдома въ воинскихъ путяхъ, и закалѣна въ бояхъ: она была достойна своего «буй тура». Трудно что-нибудь представить художественнѣе описанія этой дружины.

Охарактеризовавъ подобнымъ образомъ главныхъ своихъ героевъ въ самыя рѣшительныя минуты нравственнаго возбужденія ихъ къ воинскому подвигу, авторъ снова ставитъ Игоря на пунктѣ солнечнаго затменія и рисуетъ за тѣмъ переполохъ въ степяхъ Половецкихъ, возбужденный походомъ Игоря. Дальнѣйшее движеніе его обозначено также кратко: «Игорь къ Дону вои ведетъ» и обставлено новыми зловѣщими знаменіями природы, которая продолжаетъ сдерживать его на пути.

Далѣе изображаются самые бои и паденіе стяговъ Игоревыхъ.

Такимъ образомъ весь этотъ разсказъ о походѣ Игоря представляетъ здѣсь лишь живописныя очертанія, выражающія слѣдующіе главнѣйшіе моменты дѣйствія: 1) Герой Игорь въ минуту страшнаго солнечнаго знаменія. 2) Буй-туръ Всеволодъ въ минуту приготовленія къ походу. 3) Переполохъ въ землѣ Половецкой. 4) Новые ужасы на дальнѣйшемъ пути Игоря. 5) Первая удачная стычка и несчастные бои. Не смѣна времени и мѣста, не преемство фактовъ—имѣютъ при этомъ значеніе: живые люди съ ихъ думами и ощущеніями прежде всего носятся въ творческомъ духѣ автора.

Итакъ другая, существенная особенность внѣшней формы «Слова» характеризуется быстрыми и неожиданными переходами отъ одного

момента дѣйствія къ другому. Эти переходы—совершенно Бояновскіе, подобные перелётамъ орла или рысканію волка, но въ сущности они указываютъ на творческій геній автора, умѣющій схватить самые существенные моменты въ событіяхъ и въ немногихъ словахъ художественно очертать характеры дѣйствующихъ лицъ, не нарушая въ существѣ сцены самаго дѣйствія.

Эта особенность, также какъ и первая, проходитъ чрезъ все «Слово» отъ начала до конца. И тѣ изслѣдователи, которые смотрятъ на «Слово» съ точки зрѣнія лѣтописной и предъявляютъ къ нему требованія хронологіи и фактической послѣдовательности, на нашъ взглядъ, обнаруживаютъ лишь свое недомысліе художественнаго и творческаго характера «Слова» и задачи самого пѣвца, который характеризуетъ лица и событія, какъ поэтъ, а не описываетъ ихъ, какъ историкъ. Не слѣдуетъ отъ автора требовать того, чего онъ дать не думалъ.

Текстъ «Слова» печатается нами по первому изданію съ разночтеніями Петербургской (Екатерининской) копіи, черновыхъ бумагъ Малиновскаго и выдержекъ Карамзина, и съ необходимыми исправленіями, обоснованными на нашемъ «Опытѣ возстановленія испорченныхъ мѣстъ «Слова», и «Историко-критическомъ Словарѣ».

Въ прилагаемомъ переводѣ «Слова» мы старались быть точными и, по возможности, удержать отдѣльные образы и живописныя выраженія подлинника.

ВМѢСТО ЭПИГРАФА.

„Слово о полку Игоревѣ“, помимо своего историческаго и литературнаго значенія, есть въ то же время поучительный памятникъ для всѣхъ будущихъ вѣковъ Россіи. Здѣсь, предъ нами, поэтическое выраженіе государственнаго строя Кіевской Руси и въ его идеалѣ и въ его дѣйствительности. Геній автора стремился, среди разрозненныхъ областей и ихъ узкихъ интересовъ, водрузить знамя единенія во имя „идеи земли святорусской“. Всѣ разнообразныя волны его творческой рѣчи сливаются у него въ одномъ потокѣ этой идеи. Его глубочайшая любовь къ русской землѣ, къ ея славѣ, къ ея чести, дѣлаютъ безсмертнымъ его произведеніе.

Вѣдь это то знамя, съ которымъ мы могли отразить отъ себя несмѣтныя полчища разныхъ варваровъ, наскакавшихъ на землю русскую. Вѣдь это то знамя, которое создало насъ великимъ народомъ, ввело насъ во всемірную исторію и сдѣлало насъ носителями общечеловѣческой культуры. Вѣдь это то знамя, которое одно можетъ служить вѣрнымъ залогомъ будущаго Россіи.

Скорбію пѣвца Игорева будетъ скорбѣть и болѣть сердце русское во всѣ времена, когда только будетъ видѣть, что этотъ великій идеалъ земли святорусской будетъ забываться и вмѣсто него, въ сферахъ общественныхъ и государственныхъ, станетъ властвовать удѣльное начало: „*се мое, а то мое же*“ и политическія понятія исказятся въ нихъ до того, что *о маломъ* будутъ говорить: „*се великое*“.

Блистая яркими лучами идеала земли святорусской, „Слово о полку Игоревѣ“ должно стать краеугольнымъ камнемъ нашего общественнаго воспитанія. Пусть развернется его великое знамя не только въ школѣ государственной, но и въ школѣ народной: пусть завѣтъ Кіевской Руси падетъ на сердце и перейдетъ въ сознаніе грядущихъ поколѣній; пусть это знамя научитъ школу вдохновляться благомъ единой земли Русской и возвышаться надъ мелкими, частными и личными интересами.

О, сынове Русстіи! Потщитеся сохранити свое отечество, руськую землю.

(„Новгор. лѣт.“, л. 232).

Братіе, пожальтеся о Русской землѣ и о своей отчинѣ и дѣдинѣ.

(„Кіев. лѣт.“ подъ 1170 г.).

Аще ли будете ненавидно живуще.... и которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налезоша трудомъ своимъ великымъ.

(„Кіев. лѣт.“ подъ 1054 г.).

I.

БИБЛІОГРАФІЯ «СЛОВА». [1]

ИЗДАНІЯ, ПЕРЕВОДЫ, ИЗСЛѢДОВАНІЯ И ЗАМѢТКИ НА РУССКОМЪ ЯЗЫКѢ.

1800 г.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ: Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго Игоря Святославича, писанная старинным русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія съ переложеніемъ на употребляемое нынѣ нарѣчіе. Москва. 1800. Съ поколѣнною росписью Россійскихъ великихъ и удѣльныхъ князей, въ сей пѣсни упоминаемыхъ.

1801 г.

Карамзинъ Н. М.: О Боянѣ въ «Пантеонѣ Россійскихъ авторовъ». (Соч. т. I, стр. 563—564).

1803 г.

Сѣряковъ И.: Походъ Игоря противу Половцевъ. Спб. 1803. Стихотворное переложеніе.

[1] Библіографическій Указатель къ литературѣ „Слова" мы составили еще въ 1875 году и тогда же, еще до появленія въ свѣтъ подобнаго труда г. Смирнова, отправили въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія", гдѣ онъ и появился въ печати лишь въ 1876 году. Какъ первый опытъ, „Указатель" нашъ не могъ быть ни полнымъ, ни удовлетворительнымъ. Съ тѣхъ поръ библіографическія работы продолжены были гг. Смирновымъ, Андреевскимъ и Ждановымъ. Пользуясь ихъ указаніями, мы въ свою очередь восполняемъ свой трудъ новыми библіографическими розысканіями. Переводы, изслѣдованія, рецензіи и замѣтки на иностранныхъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ, на нашъ взглядъ, могутъ имѣть лишь весьма относительное значеніе для будущей разработки „Слова" и потому мы выдѣлили ихъ въ самостоятельный „Указатель".

1805 г.

Шишковъ А.: Слово о плъку Игоревѣ, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова, съ переводомъ и примѣчаніями, «въ Сочиненіяхъ и переводахъ Росс. академіи». Спб. 1805. кн. VIII, стр. 23—234 и въ «Собраній сочиненій и переводовъ адмирала Шишкова». Спб. 1826, чч. VII и XI, стр. 382. (См. «Русскій Инвалидъ», 1819, №№ 157—161).

Евгеній митрополитъ: О Боянѣ въ журналѣ «Другъ Просвѣщенія», 1805. III, стр. 154—157. Статья эта переиздана въ «Сынѣ Отеч.», 1821 г., ч. LXX, стр. 172—175 и въ Словарѣ свѣтскихъ писателей» 1845 г.

1806 г.

Евгеній митрополитъ: О языкѣ пѣснопѣвца Игорева въ письмѣ къ графу Д. И. Хвостову отъ 31 окт. 1806 г. въ «Сборн. статей, чит. въ отд. русск. яз. и лов. Имп. Ак. Наукъ». Спб. 1868, т. V, вып. I, стр. 138.

1807 г.

Палицинъ А.: Игорь, героическая пѣснь. Съ древней славянской пѣсни, писанной въ XII вѣкѣ, переложилъ стихами Александръ Палицинъ. Харьковъ. 1807 г.

1809 г.

Грамматинъ Н. Ѳ.: Разсужденіе о древней русской словесности, написанное, по приказанію отдѣленія словесныхъ наукъ для полученія степени магистра кандидатомъ Николаемъ Грамматинымъ. М. 1809. О пѣсни Игоря, стр. 8—16.

1810 г.

А. В.: Замѣчаніе на одно мѣсто въ пѣсни о походѣ Игоря, въ «Цвѣтникѣ» 1810, VI, стр. 311—321.

1811 г.

Евгеній митрополитъ: О подложномъ Ояновомъ гимнѣ въ письмѣ къ Г. Н. Городчанинову отъ 15 генв. 1811 г. въ «Сборн. статей, читанныхъ во 2-мъ отд. русск. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ». Спб. 1868 г., т. V, вып. I, стр. 56

1812 г.

Евгеній митрополитъ: О гимнѣ Бояновомъ въ письмѣ къ Г. Н. Городчанинову отъ 6 мая 1812 г. См. Ibid., стр. 57.

Востоковъ А.: Есть ли какой размѣръ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» въ «Опытѣ о русскомъ стихосложеніи». См. въ «Спб. Вѣстникѣ» 1812 г., переизданномъ въ **1817 г.** по 2 изд., стр. 159—160.

Калайдовичъ К.: Записка съ задачей Обществу Любителей Россійской Словесности: «на какомъ языкѣ писана была пѣснь о полку Игоревѣ, на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ священнаго пи-

санія или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи» въ «Трудахъ Общества Любителей Россійской Словесности». М. 1812 г., кн. IV, стр. 159, 177—181.

Язвицкій Н.: Игорь Святославичъ, героическая пѣснь. Сокращена для чтенія въ «Бесѣдѣ любителей русскаго слова Н. Язвицкимъ. Спб. 1812 г., кн. IV.

1813 г.

Левицкій И.: Ироическая пѣснь о походѣ Игоря на Половцевъ, писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ переложенная въ стихи старинной русской мѣры. Спб. 1813 г.

Калайдовичъ К.: Запросы о пѣсни Игоревой къ Мусину-Пушкину отъ 13 декабря 1813 г. въ «Матеріалахъ для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича». М. 1862, стр. 96 и 97.

Отвѣтъ графа Мусина-Пушкина на запросы Калайдовича въ письмѣ къ нему графа отъ 31 декабря 1813 г. См. «Біографическія свѣдѣнія о жизни и ученыхъ трудахъ графа Мусина-Пушкина во 2-й части Трудовъ Общ. Ист. и Др.» 1824 г. (См. «Матер. для жизнеоп. Калайдовича Безсон.», стр. 100).

1814 г.

Калайдовичъ К. Ѳ. Свидѣтельство о томъ, что, по увѣренію А. Ѳ. Малиновскаго, сей важный памятникъ писанъ *полууставомъ, переходящимъ въ скоропись,* въ письмѣ Калайдовича къ графу Мусину-Пушкину отъ 3 генв. 1814 г. См. въ «Матеріалахъ для жизнеописанія Калайдовича», стр. 98—99.

Калайдовичъ: Записки важныя и мелочныя. «Дневникъ» въ «Лѣт. русск. литер. Тихонравова». М. 1859 г., кн. VI, стр. 82, 90, 94, 97, 98, 109—112. Съ разными свѣдѣніями, относящимися до изученія «Слова», какъ-то: о сходствѣ его съ Волынскою лѣтописью, о скептицизмѣ насчетъ его гр. С. П. Румянцова, о подложномъ спискѣ, купленномъ Малиновскимъ, объ открытіи сроднаго ему «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ» въ 2-хъ спискахъ, Тимковскимъ и Карамзинымъ; о сходныхъ съ «Словомъ» выраженіяхъ—въ пѣсни объ убогомъ Лазарѣ; о сношеніяхъ Калайдовича съ митрополитомъ Евгеніемъ по поводу «Слова» и наконецъ о занятіяхъ «Словомъ» проф. Тимковскимъ.

Тимковскій Р. Ѳ.: Отрывокъ изъ Записокъ Тимковскаго, изданный Н. Полевымъ подъ заглавіемъ: «Любопытныя замѣчанія къ Слову о полку Игоревѣ», въ «Сынѣ Отеч.» 1839 г., т. VIII, *Смѣсь,* стр. 15—20. [1]

[1] Свѣдѣнія о „Словѣ" записанныя рукою Калайдовича: „противорѣчіе въ показаніи Мусина-Пушкина относительно мѣста, которое занимало „Слово" въ . борникѣ" въ ряду другихъ статей,· свидѣтельство типографщика Селивановскаго, объясненіе нѣкоторыхъ словъ: усобица, кикахуть, путы, лукоморье, убуди, любо трудныхъ, стрикусы, поправки нѣкоторыхъ мѣстъ печатнаго текста, сице и рати—*на сицей рати* розы нося имъ на *рогы* носящимъ, и наконецъ опредѣленіе эпохи *Бояна*. Рукою Тимковскаго со словъ Калайдовича: Карамзинъ замѣтилъ сходство „Слова" съ Волынской лѣтописью", относилъ рукопись „Слова" къ исходу XV вѣка; городъ „Плѣсньскъ"

Евгеній митрополитъ: Мнѣніе его о томъ, когда сочинена пѣснь Игорева въ «письмѣ его къ Калайдовичу» отъ 18 января 1814 г. (См. Ibid., стр. 18).

Карамзинъ Н. М.: Мнѣніе его о вѣкѣ Пушкинской рукописи и о сходствѣ языка «Слова» съ Волынскою лѣтописью. (См. Ibid., стр. 20), а также *Записки Калайдовича* въ «Лѣт. русс. литер.» кн. VI, стр. 110 и «Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ гр. Мусина-Пушкина» во 2 ч. «Трудовъ Общ. Ист. и Др.» за 1824 г., стр. 110.

1815 г.

Строевъ П. М.: Краткое обозрѣніе миѳологіи Славянъ Россійскихъ. М. 1815, стр. 10—11, [1] гдѣ высказанъ взглядъ его на «Слово» и поддѣльный списокъ Малиновскаго.

Карамзинъ Н. М.: Отзывъ его о подложномъ пергаменномъ спискѣ, купленномъ Малиновскимъ, въ письмѣ его изъ Остафьева къ Тургеневу отъ 20 октября 1815 г. (См. въ «Библіотекѣ для чтенія» 1855, отд. журн. стр. 13 и далѣе).

1816 г.

Карамзинъ Н. М.: Исторія Государства Россійскаго. Спб. Его историческія и филологическія замѣчанія о «Словѣ» см. въ 1-мъ томѣ главу VII, а также примѣч. 71, 72, 114, 262, 263, 266, 268, 271. Во 2-мъ томѣ—примѣч. 118, 125, 132, 174. Въ 3-мъ томѣ—примѣч. 68, 70, 88 и 272. [2]

1818 г.

Калайдовичъ К. Ѳ.: Опытъ рѣшенія вопроса, на какомъ языкѣ писана пѣснь о полку Игоревѣ въ «Трудахъ Общ. любителей Росс. Словесности». М. 1818, ч. XI, стр. 1—32.

1819 г.

Пожарскій Я. О.: Слово о полку Игоря Святославича, удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ съ присовокупленіемъ примѣчаній. Спб. 1819.

Неизвѣстный критикъ: Разсужденіе о переводѣ г. Пожарскаго «Слова о полку Игоревѣ» и примѣчаніяхъ, сдѣланныхъ имъ на оное въ «Журн. древней и новой Словесности». Спб. 1819 г., №№ 9—11.

встрѣчается въ печатной книгѣ „Большаго Чертежа“, пѣснь сочинена въ княжествѣ Новгородъ-Сѣверскомъ и наконецъ „Слово“ Ортьма встрѣчается въ древнихъ грамотахъ архивскихъ.

[1] Подложный, пергаменный списокъ, купленный Малиновскимъ, онъ сначала считалъ подлиннымъ и относилъ къ XIV вѣку.

[2] Въ этомъ послѣднемъ излагается содержаніе другихъ статей, входившихъ въ составъ Пушкинскаго „Сборника“ и приводятся значительныя выписки изъ „Синагрипа“ и „Дѣянія прежнихъ временъ“.

Шишковъ А. С.: Нѣкоторыя примѣчанія на книгу, вновь изданную подъ названіемъ: «Слово о полку Игоря Святославича, вновь переложенное Я. П. съ присовокупленіемъ примѣчаній. Рядъ статей, помѣщенныхъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» за 1819 годъ въ №№ 157—161 и перепечатанныхъ затѣмъ въ «Полномъ Собраніи сочиненій Шишкова» 1826 г. въ т. XI, 332—401 стр.

Евгеній митрополитъ: Отзывы его о книгѣ Пожарскаго въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцову въ Воронежскомъ изданіи подъ заглавіемъ: «Переписка митрополита Евгенія съ графомъ Н. П. Румянцевымъ» 1868—1870 г., стр. 19—20; подобный же отзывъ его въ письмѣ его къ гр. Д. И. Хвостову отъ 26 іюня 1819 г. въ «Сборникѣ статей, читанныхъ въ отд. русс. яз. и слов. Импер. Ак. Наукъ». Спб. 1868, стр. 177.

Бѣлюстинъ: Плачъ Ярославны—стихотворное переложеніе въ журналѣ «Благонамѣренный» 1819, ч. VI, стр. 141.

Цертелевъ князь: «Опытъ собранія старинныхъ Малороссійскихъ сказокъ». Спб. 1819, стр. 6—13. Нѣсколько замѣчаній о «Словѣ», между прочимъ *о зозуленькѣ*.

1820 г.

Востоковъ А. Х.: Разсужденіе о славянскомъ языкѣ въ «Трудахъ Общ. любителей Россійской Словесности», т. XVII, стр. 7.

Неизвѣстный: О произведеніяхъ древней русской поэзіи. Спб. 1820. «Слово о пълку Игоревѣ», стр. 11—18.

1821 г.

Бутковъ П. Г.: Нѣчто къ «Слову о полку Игоря» въ «Вѣстникѣ Европы». М. 1821, ч. CXXI, стр. 34—63 и 100—122. Примѣчанія за подписью Б.

Евгеній митрополитъ: О Боянѣ въ «Сынѣ Отечества», 1821 г., ч. LXX, стр. 172—175. Здѣсь же о подложномъ гимнѣ Бояна Летиславу.

Онъ же: О пѣснопѣвцѣ Игоревѣ въ «Сынѣ Отеч.» 1821 г., ч. LXXII, стр. 34—37. Перепечатано въ «Словарѣ свѣтскихъ писателей» 1845 г.

Грамматинъ Н. Ѳ.: Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ XII столѣтія и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. Спб. 1821 г.

Неизвѣстный: Письмо объ Исторіи Россійской Словесности въ «Вѣстникѣ Европы» 1821 г.

1822 г.

Грамматинъ Н. Ѳ.: Критическое разсужденіе о «Словѣ о полку Игоревѣ» въ «Вѣстникѣ Европы». 1822, V, 113—139.

Оленинъ А. Н.: Замѣчаніе, что выраженія по морію и по сулію, нужно читать слитно, не отдѣляя предлоговъ *поморію* и *посулію.* (Указано въ изд. «Слова» Грамматина).

Гречъ: Опытъ исторіи русской литературы съ замѣчаніями о «Словѣ». Спб. 1822 г., по указаніямъ Жданова гл. I, отд. 2, § 22, А 8; Опытъ этотъ есть собственно лишь отдѣльное изданіе 4-й части учебной книги Россійской Словесности Греча (Спб. 1819—1822); въ 1-й части коей есть также изложеніе содержанія и слога «Слова», но не самостоятельное, а по Карамзину. (См. въ «Кіев. Унив. Изв.» 1880, № 7, стр. 229).

1823 г.

Грамматинъ Н. Ѳ.: Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII в. на славянскомъ языкѣ прозой и съ оной переложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквальнаго переложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. М. 1823.

Критическая замѣтка на это изданіе неизвѣстнаго въ «Сынѣ Отеч.» 1823 г., № 7 библіогр., стр. 329.

Евгеній митрополитъ: Отзывъ о томъ же изданіи въ письмѣ къ графу Д. И. Хвостову отъ 21 марта 1823 г. въ «Сборн. статей, чит. въ отд. русс. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ», т. V, вып. I, стр. 200. Подобный жо отзывъ его въ письмѣ къ графу Н. П. Румянцеву отъ 23 марта того же года въ «Перепискѣ Евгенія съ Румянцевымъ», стр. 75. Ворон. 1868—1870 г.

Павскій Гер. Петр. протоіерей: Отрывки изъ сохранившагося перевода «Слова», сдѣланнаго Павскимъ, изданы Н. И. Барсовымъ въ «Русской Старинѣ» 1880, май, стр. 108—112. Нужно думать, что переводъ знаменитаго филолога вызванъ былъ переводомъ Грамматина, который заявилъ себя филологіей, изумившей современниковъ.

1824 г.

Калайдовичъ К. Ѳ.: Біографическія свѣдѣнія о жизни, ученыхъ трудахъ и собраніи Россійскихъ древностей графа А. Мусина-Пушкина въ «Запискахъ и трудахъ Общ. Ист. и др. Росс.» 1824 г., во II ч., стр. 35—41. [1]

1825 г.

Загорскій В. А.: Плачъ Ярославны—стихотворное переложеніе въ «Новостяхъ литературы» 1825 г., ч. XIV, стр. 69.

Кеппенъ: Замѣтка по поводу изданія «Слова» въ нѣмецкомъ переводѣ Зедергольма въ «Библіографическомъ листкѣ» 1825 г., стр. 126.

[1] Здѣсь изложены запросы Калайдовича Мусину-Пушкину и отвѣты на нихъ графа 2; отзывъ типографщика Селивановскаго 3; статья о „Словѣ“ изъ „Spectateur du Nord 4; мнѣніе Шлецера о „Словѣ“; 5; свое мнѣніе о языкѣ „Слова“ и сравненіе съ „Сказаніемъ о Димитріѣ“, приписка къ „толковому Апостолу“, открытая имъ.

1826 г.

Иноходцевъ Б. П.: Два примѣчанія на мѣсто въ «Словѣ» *о Трояновой землѣ* напечатанныя въ VII томѣ «Собранія и переводовъ адмирала Шишкова». Спб. 1826, стр. 124.

Арцыбашевъ Н. С.: Игорь или война Половецкая въ «Вѣстн. Европы» 1826 г., т. CXLVII, № 11, стр. 177—193 и № 12, стр. 241—260.

Мальгинъ Т. С.: Примѣчаніе на выраженіе: *хотятъ прикрыти четыре солнца* въ VII томѣ «Собран. сочин. и пер. адм. Шишкова», стр. 123. Спб. 1826 г.

1828 г.

Пенинскій: Славянская Христоматія или избранныя мѣста изъ произведеній древняго отечественнаго нарѣчія. Спб. 1828, стр. 510—516. (Отрывки изъ текста «Слова» съ примѣчаніями по изданію Шишкова (по указанію Жданова).

Дубенскій Д. Н.: Мнѣніе, что «Слово» состоитъ изъ правильныхъ стиховъ гекзаметровъ въ «Опытѣ о народномъ русскомъ стихосложеніи». М. 1828. (Максимовичъ, сочин. III, 561).

1830 г.

Полевой Н.: Исторія русскаго народа. О «Словѣ», какъ памятникѣ XIII в.; о слѣдахъ въ немъ другихъ пѣснопѣній, объ его достовѣрности и пѣвцахъ ему предшествовавшихъ, во II т., стр. 161, 262 и 269; пояснительныя замѣчанія къ тексту и самый текстъ въ III томѣ; см. прим. 108, 109 и 112.

Скептическія воззрѣнія на древнюю литературу въ «Вѣстн. Евр.», 1830 г., № 1, стр. 68; № 8, стр. 287 и въ частности на «Слово о полку Игоревѣ» (Ibid, № 2, стр. 146).

С. С.: «Литературныя привязки», статья въ томъ же направленіи. (Ibid. въ №№ 19 и 20, стр. 286—295).

1831 г.

Шклярскій П.: Плачъ Ярославны—стихотворное переложеніе. См. стихотворенія П. Шклярскаго. Спб. 1831 г., стр. 11—13.

1833 г.

Вельтманъ А.: Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго. Переведена съ древняго русскаго языка XII столѣтія, съ краткими въ концѣ примѣчаніями. М. 1833 г.

Максимовичъ М.: Критическій разборъ упомянутаго изданія Вельтмана въ «Молвѣ» 1833, въ №№ 23 и 24, стр. 89—95, съ выраженіемъ мысли о родствѣ «Слова» съ южно-русскою поэзіею.

Полевой Н.: Критическая статья по поводу того же изданія Вельтмана съ выраженіемъ своего взгляда на «Слово», какъ на произведеніе сходное съ «сагами» и съ нѣкоторыми поправками и примѣчаніями къ его тексту въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1833 г., ч. V, стр. 419—442.

Давыдовъ И.: Замѣчанія его о «Словѣ» въ статьяхъ: о развитіи различныхъ родовъ и видовъ поэзіи въ «Ученыхъ Зап. Моск. Универ.» 1833, стр. 488.

Плаксинъ: Руководство къ познанію исторіи литературы. Спб. 1833, стр. 129—132, § 18: «Слово о полку Игоря» (по указанію Жданова).

1834 г.

Евгеній митрополитъ: О Боянѣ, въ письмѣ къ графу Хвостову отъ 16 іюня 1834 г. въ «Сборн. статей 2 отд. Имп. Ак. Наукъ» за 1868 г., т. V, вып. 1-й, стр. 208.

Глаголевъ А.: Умозрительныя и опытныя основанія словесности 1834 г. ч. IV, стр. 17—25, гдѣ указывается на близость «Слова» не только къ малорусскому или польскому, но и великорусскому нарѣчію и что для изученія его слѣдуетъ вникать въ самый духъ и внутреннія ея качества.

Строевъ П. М.: Указатель матеріаловъ отечественной исторіи, литературы и проч. въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.» 1834 г., т. I, стр. 155, гдѣ «Слово» названо проблеммой русской словесности.

Каченовскій Н. П.: Мнѣніе его передается въ «Ученыхъ зап. Московскаго Универс.», № 3, стр. 457. (См. также въ изд. «Слова» А. Н. Майкова, стр. 83).

Бѣликовъ П.: Нѣкоторыя изслѣдованія о «Словѣ о полку Игоревѣ» въ тѣхъ же «Учен. зап. Моск. Унив.» 1834 г., ч. V, стр. 295—308, 449—490.

Давыдовъ И.: Статьи его подъ заглавіемъ: «Составныя начала и направленіе отечественной словесности». Ibid. ч. III, стр. 296—302, 490—519.

Сеньковскій О.: Мнѣніе его о «Словѣ» въ разборѣ вышеупомянутаго сочиненія Глаголева въ «Библіот. для чтенія» 1834 г., т. IV, ч. 2, отд. 5, стр. 1—17.

Пушкинъ А. С.: Замѣчанія его о пѣсни Игоревой (по поводу скептиковъ). См. въ изд. П. В. Анненкова: «Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. Спб. 1873 г., т. I, стр. 467. (См. также въ изд. «Слова» А. Н. Майкова о встрѣчѣ Пушкина съ Каченовскимъ, стр. 105—106).

Бутковъ П. Г.: О войнѣ великаго князя Святополка съ Тугорканомъ въ «Сынѣ Отеч.» 1834 г., № 52, стр. 616—630.

Руссовъ С.: О подлинности стихотворенія, извѣстнаго подъ названіемъ: «Слово о полку Игоревѣ Игоря Святославича, сына Ольгова». Спб. 1834. Направлена противъ Сеньковскаго и Бѣликова.

Скромненко С.: Критическая статья на брошюру Руссова въ «Сѣверной Пчелѣ» 1834 г., № 294, стр. 1269—1272.

Козловъ И.: Плачъ Ярославны, переводъ стихами въ «Собраніи его стихотвореній». Спб. 1834, ч. II.

1836 г.

Максимовичъ М.: «Пѣснь о полку Игоревѣ». Изъ лекцій о русской словесности, читанныхъ въ 1835 году въ Университетѣ Св. Владиміра. Въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1836 г., № 4, отд. II, стр. 1—22; № 6, стр. 440—470; 1837 г. № 1, стр. 29—58.

Георгіевскій: Руководство къ изученію русской словесности, ч. IV, Исторія литературы. Спб. 1836 г., гл. V, стр. 150—156: «о пѣсни Игоревой и старинныхъ повѣстяхъ».

1837 г.

Максимовичъ М.: Пѣснь о полку Игоревомъ, сложенная въ концѣ XII в. на древнемъ русскомъ языкѣ. Издана съ переводомъ на нынѣшній русскій языкъ. Кіевъ. 1837 г.

Сеньковскій О.: Скептически-ироническая статья о «Словѣ» по поводу упомянутаго изданія Максимовича въ «Библіот. для чтенія», т. XXIV, отд. 6, стр. 35—37.

Сеньковскій: въ «Путешествіи по Исландіи Мармье» также выражаетъ свой скептицизмъ относительно «Слова».Ibid. 1837, т. XXIV, стр. 149.

Иванчинъ-Писаревъ Н.: Взглядъ на старинную русскую поэзію. М. 1837, стр. 43—50.

1838 г.

Кеппенъ П.: О древностяхъ южнаго Крыма 1837 г., стр. 63, прим. 189 гдѣ есть рѣчь о Готскихъ дѣвахъ и Тмураканскомъ болванѣ.

Снегиревъ И.: О Боянѣ, въ предисловіи къ «Словарю свѣтскихъ писателей» Евгенія, стр. 7; въ существѣ эта статья того же Евгенія, напечатанная въ «Сынѣ Отеч.» 1821 г.

Арцыбашевъ Н.: Повѣствованіе о Россіи. М. 1838, т. II, кн. 2, отд. 2, стр. 234—240; въ дополненіи стр. 369.

Пассекъ В.: Курганы и городища Харьковскаго, Валковскаго и Полтавскаго уѣздовъ. Здѣсь между прочимъ есть свѣдѣнія о Бусовомъ ярѣ, какъ бывшемъ становищѣ хана Буса въ «Русск. Историч. Сборн.» М. 1838, т. III, стр. 227.

Касторскій: Изданіе «Слова» при Краледворской рукописи. Прага. 1838, (По указанію Жданова).

1839 г.

Де-ларю М.: Пѣснь объ ополченіи Игоря, сына Святославова, внука Олегова. Переложеніе Михаила Де-ла-Рю. Одесса. 1839. Переводъ «Слова» гекзаметрами, съ предисловіемъ и примѣчаніями.

Критическая замѣтка неизвѣстнаго на переводъ Де-ля-Рю въ «Сынѣ Отеч.» 1839 г., т. XI, отд. 4, стр. 113.

Сахаровъ И.: «Слово о полку Игоревѣ». Издано въ «Пѣсняхъ русскаго народа» 1839 г., ч. V, стр. 277 и затѣмъ было перепечатано въ «Сказаніяхъ русскаго народа» (1841 г.) съ эпиграфомъ: «да постыдятся и посрамятся вси глаголющіи нань» въ 4-й кн., стр. 37—42. Изслѣдованіе о немъ помѣщено въ кн. 1-й, стр. 46—72.

Снегиревъ И.: «Слово о полку Игоревѣ». напечатанное въ приложеніи къ изданію. «Сказанія о побоищѣ Дмитрія Донскаго съ Мамаемъ» въ «Русскомъ историч. Сборникѣ», т. III, 1838—1839 г., стр. 107—128. Текстъ съ предисловіемъ и примѣчаніями.

1840 г.

По поводу перевода Де-ля-Рю были напечатаны, кромѣ упомянутой, еще двѣ замѣтки неизвѣстныхъ авторовъ:

Въ «Сѣверн. Пчелѣ» 1840 г., № 31, стр. 122—123.

Въ «Литературной Газетѣ» 1840 г., № 7, стр. 157—158.

1841 г.

Бѣлинскій В.: Общая идея народной поэзіи въ «Отеч. Зап.» 1841, №№ 6, 9 и 11. Статья эта затѣмъ перепечатана въ V томѣ «Полнаго собранія сочиненій Бѣлинскаго». Написана по поводу выхода въ свѣтъ «Сказаній русскаго народа» Сахарова, то же въ «Собран. его сочиненій» т. V.

Извѣстіе о поддѣльной рукописи «Слова», сдѣланной Бардинымъ, въ «Москвитянинѣ», 1841 г., № 3, стр. 245.

Прейсъ: О Хорсѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1841 г.. Февр., т. XXIX, отд. 4, стр. 32-- 37.

Замѣтка по поводу лекцій о «Словѣ» Мицкевича, читанныхъ въ Парижѣ въ «Москвитянинѣ» 1841 г., № 10.

1842 г.

Бутковъ П.: О финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ и словахъ русскихъ и финскихъ, имѣющихъ одинаковое знаменованіе. Спб. 1842. Очень многія выраженія «Слова» здѣсь сближаются съ финскими.

Евгеній митрополитъ: О славянскихъ лирикахъ—въ «Москвитян.» 1842 г. № 1, «Матеріал.», стр. 165, гдѣ выражается, что «пѣснь сія болѣе эпическое нежели лирическое произведеніе и древности не слишкомъ отдаленной Статья написанная для Державина.

Вельтманъ А.: «Упоминаемый бо-Янъ есть старецъ Янъ, упоминаемый Несторомъ», въ «Москвитян.», 1842 г., № 1, «Матер.», стр. 213.

Буслаевъ Ѳ. И.: «Сербская сказка о царѣ Троянѣ» въ «Москвитян.» 1842 г. № 11, «Критик.», стр. 203.

Эрдманъ: Слѣды азіатизма въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1842 г., № 10, отд. 4, стр. 32—37.

Шафарикъ: «Славянское народоописаніе» въ переводѣ Бодянскаго, 1843 г., гдѣ о «Словѣ» на стр. 16 Максимовичемъ подмѣчено, что здѣсь несогласно съ подлинникомъ пѣснь Игорю отнесена къ XIV в. «Москвит.» 1845, ч. II, «науки», стр. 5, 10 и «Максимовичъ», сочин. III, стр. 484.

1843 г.

Шевыревъ С.: Сличеніе «Слова» съ сказаніемъ Ипатіевской лѣтописи о походѣ Игоря въ «Москвитян.» 1843 г., № 12, «критика», стр. 425 и слѣд.

Замѣтка по поводу перевода «Слова» на сербское нарѣчіе Хаджича въ «Москвитянинѣ» 1843 г., № 7, стр. 226 (о Хаджичѣ см. ниже).

1844 г.

Дубенскій Д.: Слово о плъку Игоревѣ Святъславля пѣстворца стараго времени. Объясненное по древнимъ письменнымъ памятникамъ магистромъ Дмитріемъ Дубенскимъ. М. 1844. Напечатано было въ III части «Русскихъ достопамятностей» Общества Ист. и Др. М. 1844, и затѣмъ выпущено отдѣльно.

Критическая замѣтка неизвѣстнаго въ «Журн. Мин. Народн. Просв.», ч. XLII, стр. 34.

Буслаевъ Ѳ. И.: О преподаваніи отечественнаго языка. М. 1844. Въ разныхъ статьяхъ здѣсь много соображеній о стилѣ и миѳологіи «Слова». 2-е изданіе вышло въ 1867 году.

1845 г.

Бѣлинскій В.: Мнѣніе его о Боянѣ при разборѣ поэмы: «Русланъ и Людмила» Пушкина, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1844. То же въ «Полномъ собраніи сочиненій Бѣлинскаго» по 2 изд., стр. 430.

Бередниковъ Я.: Академическій разборъ сочиненія магистра Дубенскаго, подъ заглавіемъ: «Слово о полку Игоревѣ». См. 4-е присужденіе учрежденнымъ П. Демидовымъ наградъ 17 апр. 1845. Спб. 1845.

Буслаевъ Ѳ. И.: Критическій разборъ того же изданія Дубенскаго въ «Москвитян.» 1845 г. № 1, «критика», стр. 29—40.

Дубенскій Д.: Антикритика, подъ заглавіемъ: «О критическихъ замѣчаніяхъ г. Буслаева на изданіе «Слова о полку Игоря» Дубенскимъ» въ «Отечеств. Запискахъ» 1845, № 6, «Смѣсь», стр. 105 и слѣд.

Шевыревъ С.: «Исторія русской словесности». М. 1845 г., гдѣ 10-я лекція исключительно посвящена «Слову» (стр. 253—332). (Изданіе 2-е вышло въ 1859 г. М.).

Погодинъ М. П.: Письмо къ Шевыреву о 10-й его лекціи въ «Москвитянинѣ» 1845 г., № 1, «Моск. лѣт.», стр. 14—22.

Максимовичъ: Письмо къ М. П. Погодину о народной исторической поэзіи въ древней Руси, въ «Москвитян.» 1845 г., № 3, «науки».

Погодинъ М. П.: Отвѣтное письмо его Максимовичу съ мнѣніемъ, что наша историческая поэзія не чисто русская народная, но изчужа заимствованная и лишь принявшая у насъ своеобразный характеръ въ «Москвитян.» 1845 г., № 7, стр. 7.

Кіянинъ Дмитрій: Разсужденіе о томъ, что въ древней Россіи Поросско-украинскіе и Дунайскіе Трояновы валы построены были не Римскимъ, а Русскимъ Трояномъ. Кіевъ. 1845 г., стр. 1—43.

1846 г.

Головинъ Н.: Примѣчанія на «Слово о полку Игоревѣ». Н. Г. М. 1846 г.

Бодянскій О. М.: Объ одномъ прологѣ библіотеки Московской Духовной типографіи и тождествѣ славянскихъ божествъ Хорса и Дажьбога въ «Чтеніяхъ Общ. Истор. и древн. Росс.», 1846 г., № 2, стр. 10—20.

Аксаковъ К.: Ломоносовъ въ исторіи русской литературы и языка. М. 1846, гдѣ высказанъ взглядъ на автора «Слова» какъ иностранца. То же въ «Полномъ собраніи сочиненій К. С. Аксакова», т. II. М. 1875, стр. 142—147.

Бергъ Н.: Плачъ Ярославны—стихотворное переложеніе въ «Москвитян.», 1846 г., ч. I, кн. II, стр. 32.

Минаевъ Д.: «Слово о полку Игоревѣ»—стихотворное переложеніе. Спб. 1846 г.

Отзывъ о переводѣ Минаева неизвѣстнаго въ «Библіотекѣ для чтенія» 1846 г., т. LXXIX, отд. VI, стр. 28—32.

Подобный же отзывъ—въ «Современникѣ» 1846 г., т. XLIV, стр. 330—331.

Мацѣевскій: Очеркъ исторіи письменности и просвѣщенія славянскихъ народовъ въ переводѣ съ польскаго языка на русскій, въ «Чтеніяхъ Общ. Ист. и Др. Росс.» 1846 г., № 2, «Матер. иностр.», стр. 26—28.

1847 г.

Бѣлинскій В.: Взглядъ на русскую литературу, въ «Современникѣ» 1847 г. Въ «Полн. Собр. его сочин.» по 2 изд., стр. 49—50. Съ отзывомъ о переводѣ Минаева.

Отзывъ о томъ же изданіи Минаева неизвѣстнаго въ «Сынѣ Отечества», 1847 г., кн. II, отд. VI, стр. 26—31.

Подобный же отзывъ о томъ же изданіи въ «Финскомъ Вѣстникѣ», 1847 г., т. XIII, отд. V, стр. 43—44.

Сеньковскій О.: Замѣтка о «Словѣ» въ «Библіотекѣ для чтенія» 1847 г., № 9, «Литер. лѣт.», стр. 1. По поводу перевода Бергомъ Краледворской рукописи.

Ивановъ А.: Пѣснь о походѣ Игоря Святославича въ «Новой Библіотекѣ для воспитанія», 1847 г., ч. V.

Милюковъ А.: Очеркъ исторіи русской поэзіи. Спб. 1847, изд. 3-е. Спб. 1864, стр. 19—30.

1848 г.

Буслаевъ Ө. И.: О вліяніи христіанства на славянскій языкъ. М. 1848 г., гдѣ уясняются многія темныя выраженія и обороты «Слова». (См. напримѣръ стр. 25—72).

Галаховъ А.: Христоматія церковно-славянскаго и русскаго языковъ. М. 1848 г., т. I.

1849 г.

Венелинъ Ю.: Критическія изслѣдованія объ исторіи Болгаръ. М. 1849 г., «О Болгарскомъ Боянѣ, сынѣ царя Симеона», стр. 263—265.

Березинъ И.: Библіотека восточныхъ историковъ. Казань 1849 г. Здѣсь есть объясненіе словъ: туръ, куръ, тмутораканъ, въ I т. на стр. 12, 35 и 63.

Дидицкій: Русскій стихотворный переводъ, помѣщенный въ Львовскомъ журналѣ «Пчела». (По указанію Огоновскаго въ его изд. «Слова» стр. XL.)

Максимовичъ М.: Сборникъ Украинскихъ пѣсенъ. Кіевъ. 1849. Сличены нѣкоторыя мѣста «Слова» съ выраженіями Украинскихъ пѣсенъ.

Новиковъ Е.: О важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій. М. 1849 г.,

1850 г.

Максимовичъ М.: Разборъ упомянутаго сочиненія Новикова въ «Москвитян.» 1850 г., ч. I, № 1, кн. 1, стр. 19—28. Здѣсь отзывъ и объ изданіи «Слова» Дубенскаго.

Срезневскій И. И.: Мысли объ исторіи русскаго языка. И. Срезневскаго Спб. 1850 г.

Мей Л.: «Слово о пльку Игоревѣ»—стихотворное переложеніе въ «Москвитянинѣ» 1850 г., № 22, изд. 2-е. Спб. 1856. Есть и отдѣльный оттискъ послѣдняго изданія.

Буслаевъ Ө. И.: Объ эпическихъ выраженіяхъ Украинской поэзіи въ «Москвитянинѣ» 1850 г., № 18, «науки», стр. 19—47. То же въ его «Историч. очеркахъ русской народной словесности», т. I, статья 5, стр. 210—230. Трудъ этотъ вызванъ былъ упомянутымъ «Сборникомъ Украинскихъ пѣсенъ» Максимовича.

Дмитріевъ М. А.: О характерѣ поэзіи въ «Москвитянинѣ», 1850 г., № 5, отд. III, стр. 10. «О поэтическихъ качествахъ поэмы Игоревой».

1851 г.

Отзывъ неизвѣстнаго о «стихотворномъ переводѣ» Мея въ «Библіотекѣ для чтенія», 1851 г., т. CV, № 1, отд. 6, стр. 41—43.

Вяземскій кн. П. П.: Замѣчанія на «Слово о полку Игоревѣ» во «Временникѣ Общ. Ист. и др. Росс.», 1851 г., кн. 11 и 1853 г. кн. 17. Начало труда, изданнаго вполнѣ въ 1875 г. въ С.-Петербургѣ.

Отзывъ неизвѣстнаго о вышепомянутыхъ статьяхъ кн. Вяземскаго въ «Отеч. Запискахъ» 1852 г., № 2, отд. VII, стр. 35.

1852 г.

Бѣляевъ И. Д.: Географическія свѣдѣнія на Руси въ IX, X, XI и XII столѣтіяхъ до 110 года въ «Запискахъ Имп. Геогр. Общ.» Спб. 1852, кн. VI, стр. 79, 80, 139, 165, гдѣ есть не мало географическихъ указаній, относящихся къ «Слову о полку Игоревѣ».

Его же: Слово о полку Игоревѣ въ его отношеніи къ «Слову о Дмитріѣ Ивановичѣ» во «Временникѣ Общ. Истор. и др. Россійскихъ», 1852 г., кн. 14. Выводъ объ извѣстности «Слова о полку Игоревѣ въ древней Руси».

1853 г.

Замѣтка неизвѣстнаго о напечатанной во «Временникѣ» статьѣ И. Д. Бѣляева, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1853 г., въ генвар. кн. № 2, отд. 5, стр. 23—25.

Туловъ М.: Руководство къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи. Кіевъ. 1853, стр. 204 и слѣд.

Бѣляевъ И. Д.: «О сѣверномъ берегѣ Чернаго моря въ «Запискахъ Одесскаго Общества Истор. и древ.», 1853 г., т. III, стр. 35, гдѣ выражается соображеніе, что незнаемыя земли въ «Словѣ» значатъ утраченныя Русью и въ концѣ XII в. считавшіяся незнакомыми, чужими.

Соловьевъ С. М.: Исторія Россіи. М. 1853 г., т. III, стр. 107—110 и примѣч. 226. Нѣкоторыя весьма мѣткія соображенія относящіяся къ составу и характеру «Слова» и отчасти направленныя противъ перевода и примѣчаній Дубенскаго. 2-е изд. М. 1857 г.

1854 г.

Критическая статейка неизвѣстнаго на «Замѣчанія о Словѣ о полку Игоревѣ», князя П. П. Вяземскаго, въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1854 г., въ февр. кн., отд. IV, стр. 76—79.

Подобная же замѣтка на то же сочиненіе князя Вяземскаго въ «Современникѣ», 1854 г., т. XLVIII, № 11, отд. III, стр. 33 и слѣд.

Отзывъ о томъ же сочиненіи въ «Извѣстіяхъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ» 1854 г., т. III, стр. 42.

Гербель Н.: Игорь—стихотворное переложеніе пѣсни съ предисловіемъ Н. Гербеля. Спб. 1854. 2-е изд. 1855; 3-е—въ «Отголоскахъ», Спб. 1858; 4-е—въ «Поэзіи Славянъ». Спб. 1871; 5-е—Спб. 1876 г.

Сенковскій: въ «Библіотекѣ для чтенія» 1854 г., т. CXXIV, № 3, отд. VI, стр. 1—29. «О поддѣлкѣ «Слова», кѣмъ и когда оно поддѣлано.

Березинъ: Въ «Москвитянинѣ» 1854 г., т. II, № 5, отд. V, стр. 19—21, «О размѣрѣ «Слова»—это проза въ родѣ Арабской». За подписью Б.

Онъ же: Въ «Москвитянинѣ» 1854 г., т. VI, № 22, кн. 2, стр. 68—71. «О турчизмахъ въ «Словѣ».

Карелкинъ: Въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1854, т. XCIII, № 3, отд. IV, стр. 1—11. «Объясненіе сходства нѣкоторыхъ выраженій «Слова» съ другими памятниками общностію эпическаго языка.

Срезневскій И. И.: Отзывъ о переводѣ въ «Извѣстіяхъ 2-го отд. Импер. Акад. Наукъ», 1854 г., т. III, стр. 44.

К. Б.: Отзывъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», 1854, № 33, стр. 136 и слѣд.

Статья по поводу того же перевода въ «Современникѣ», 1854, т. XLIII, № 2, отд. IV, стр. 57—65. «О смѣшеніи въ «Словѣ» нарѣчій Бѣлорусскаго, Малорусскаго и Великорусскаго».

Замѣтка неизвѣстнаго въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1854, № 24.

Аѳанасьевъ-Чужбинскій: Переводъ «Слова» на малороссійскій языкъ; въ свѣтъ не вышелъ.

Отзывъ о немъ въ «Извѣстіяхъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ», 1854, т. III, стр. 198.

Головацкій Я.: Христоматія церковно-славянскаго и древне-русскаго языка, издан. въ Видни, 1854.

Отзывъ въ «Извѣстіяхъ 2-го отд. Имп. Ак. Наукъ», 1854, т. III, стр. 359.

Подобный же отзывъ о разсужденіи Головацкаго на нѣмецкомъ языкѣ о походѣ Игоря. Ibid. т. III, стр. 107.

Отзывъ той же Академіи Наукъ о нѣмецкомъ изданіи «Слова» Больца. Ibid, т. III, стр. 301—302.

1855 г.

2-мъ изданіемъ перевода Гербеля въ 1855 г. вызваны были замѣтки:

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1855 г., № 67.

Въ «Современникѣ» 1855 г., т. L, № 4, отд. IV, стр. 62.

Въ «Библіотекѣ для чтенія», 1855, т. CXXX, стр. 29.

Всѣ эти замѣтки суть не больше, какъ библіографическія извѣстія.

Максимовичъ М.: Замѣчанія на пѣснь о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переложеніи г. Гербеля въ «Москвитянинѣ», 1855, №№ 1 и 2. «Замѣчанія прекрасныя».

Отзывъ о «Замѣчаніяхъ» Максимовича въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» 1855, ч. LXXXVII, «обозрѣн. газетъ и журн.», стр. 6. Здѣсь же приведено мнѣніе г. Безсонова о Боянѣ.

Отзывъ о тѣхъ же «Замѣчаніяхъ» въ «Библіотекѣ для чтенія» 1855, томъ CXXX, кн. 4, «отд. журнал. изв.», стр. 13—19. Здѣсь и письмо Карамзина съ извѣстіемъ о купленной Малиновскимъ подложной рукописи «Слова».

Максимовичъ М.: Темное мѣсто въ пѣсни о полку Игоревѣ (нъ розпнося имь хоботы пашуть), въ «Москвитянинѣ», 1855, т. II, № 6, стр. 175—178.

Отзывъ объ этомъ объясненіи въ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.», 1855, ч. LXXXVII, стр. 211.

Дубенскій Д.: Отмѣтки на нѣкоторыя мѣста «Слова о полку Игоревѣ», въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1855, т. CI, іюнь, отд. «критики», стр. 1—12. Статья, направленная противъ Максимовича за отзывъ его о Дубенскомъ, при разборѣ сочиненія Новикова объ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій.

1856 г.

Кораблевъ С.: Слово о полку Игоревѣ Игоря Святославича внука Олгова, текстъ съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. М. 1856.

Отзывъ объ изданіи Кораблева въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1856 г., т. CIX, № 12, отд. III, стр. 101—103.

Мей: Слово о полку Игоревѣ въ стихотворномъ переложеніи; издано отдѣльной книгоі съ примѣчаніями. Спб. 1856 (1-е изд. см. выше).

Кулишъ П.: Записки о южной Руси. Спб. 1856 г.; о «Словѣ» т. I, стр. 194—195.

Отзывъ Академіи Наукъ о польскомъ переводѣ «Слова» Красинскаго, въ «Извѣст. 2 отд. Ак. Наукъ», 1856, стр. 80.

1857 г.

Филаретъ архіепископъ Черниговскій: Историко-статистическое описаніе Харьковской эпархіи, въ 4 отдѣленіяхъ, изъ коихъ первыя два изданы въ Москвѣ, а послѣднія въ Харьковѣ. О «Словѣ»—въ 4 отд. Харьковъ. 1857 г., стр. 278—279.

Максимовичъ М.: Пѣснь о полку Игоревѣ—въ переводѣ на Украинское нарѣчіе. Кіевъ, 1857, 2-е изд. въ Украинцѣ 1859, кн. I, стр. 43—86 и 87—112.

Филаретъ архіепископъ Черниговскій: Обзоръ русской духовной литературы. Печатанъ сначала въ «Ученыхъ Запискахъ 2 отд. Императорской Академіи Наукъ». Спб. 1857. О «Словѣ о полку Игоревѣ», § 37.

Отзывы о переводѣ Максимовича:

Въ «Кіевскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1857, № 26, стр. 181—183.

Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», 1857, № 204.

Таруновъ Я.: «Русскій Инвалидъ», 1857, № 61, стр. 668—669.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ рѣчь идетъ главнымъ образомъ о близости «Слова» къ малороссійскому нарѣчію.

1858 г.

Отзывъ неизвѣстнаго на переводъ Мея, изданный отдѣльной книжкой, въ «Отечественныхъ Запискахъ», 1858, т. CXLVII, отд. IV, стр. 34.

Данилевскій Г.: Догадка о словѣ Троянь, въ «Извѣстіяхъ 2 отд. Имп. Акад. Наукъ», 1858, т. VII, стр. 330—333.

Срезневскій И. И.: Задонщина вел. князя Дмитрія Ивановича, въ «Извѣстіяхъ 2 отд. Имп. Акад. Наукъ», 1858, т. VI.

Назаровъ I.: Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, «въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.» 1858, ч. XCIX, стр. 84.

Пыпинъ А. Н.: Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ, въ «Ученыхъ Запискахъ 2-го отд. Импер. Акад. Наукъ», 1858, т. IV, стр. 91—93.

Востоковъ А Х.: Словарь церковно-славянскаго и древне-русскаго языковъ. Изд. 2 отд. Имп. Ак. Наукъ. Спб. 1858.

Отзывъ Академіи Наукъ о чешскомъ переводѣ «Слова» Гатталы, въ «Изв. 2 отд. Акад. Наукъ», 1858, т. VIII, стр. 10 и 122—124.

Подобный же отзывъ той же Академіи о венгерскомъ переводѣ «Слова» Ридля Сенде. Ibid., 1858, т. VII, стр. 320.

1859 г.

Буслаевъ Ѳ. И.: Русская поэзія XI и начала XII в., въ «Лѣтописяхъ русской литературы и древностей», изд. Тихонравовымъ. М. 1859 г., т. I, кн. I, стр. 3—31.

Иловайскій Д. И.: Нѣсколько словъ по поводу вопроса о древнѣйшей русской поэзіи, въ «Русскомъ словѣ», 1859, № 12, отд, I, стр. 515—520.

1860 г.

Безсоновъ П. А.: Константинъ Ѳедоровичъ Калайдовичъ—біографическій очеркъ, въ «Русской Бесѣдѣ», 1860, кн. II. Отдѣльно. М. 1861. О «Словѣ» на стр. 5, 6, 21 и 22.

Кондратовичъ: Въ русскомъ переводѣ его сочиненія Dzieje literaturj w Polsce. О. Кузминскаго. М. 1860, стр. 68—70.

1861 г.

Буслаевъ Ѳ. И.: Историческая христоматія. М. 1861. Текстъ «Слова»—на стр. 582—618. Также и въ «Русской христоматіи». М. 1870. Изд. 2-е. М. 1877.

Водовозовъ В.: Разсказы изъ русской исторіи. Спб. 1861, вып. I. «Слово» напечатано въ русскомъ переводѣ съ пропусками.

Буслаевъ Ѳ. И.: Историческіе очерки русской народной поэзіи и искусства. Спб. 1861, т. I.

Костомаровъ Н. И.: Лекціи по русской исторіи. Спб. 1861.

1862 г.

Миллеръ Ор. Ѳ.: Опытъ обозрѣнія русской словесности съ историческими объяснительными примѣчаніями, ч. I вып. I, въ «Учителѣ», 1862 г. Отдѣльно въ 1865 г. Спб., стр. 352—374.

Онъ же: Христоматія къ опыту обозрѣнія русской словесности, ч. I, вып. I, въ «Учителѣ», 1862. Изд. 2-е, 1866. Здѣсь текстъ пѣсни, стихотворный переводъ, выбранный изъ разныхъ поэтовъ и примѣчанія.

Буслаевъ Ѳ. И.: Русскій богатырскій эпосъ, въ «Русскомъ Вѣстникѣ», 1862, №№ 3, 9 и 10.

Срезневскій И. И.: Чтенія о древнихъ русскихъ лѣтописяхъ, въ «Запискахъ Импер. Ак. Наукъ», 1862, т. II, прилож.

Костомаровъ Н. И.: Черты южно-русской исторіи, въ «Основѣ», 1862, № 6, стр. 19—35.

Котляревскій А. А.: Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли? въ «Основѣ», 1862, № 10, стр. 11.

Безсоновъ П. А.: Матеріалы для жизнеописанія К. Ѳ. Калайдовича, въ «Чтеніяхъ Общ. Истор. и Древн.», 1862. Вышли и отдѣльно. Сношенія съ графомъ А. И. Мусинымъ-Пушкинымъ и его семействомъ на стр. 94—100. Съ митрополитомъ Евгеніемъ на стр. 109—110.

1863 г.

Майковъ Л. Н.: О былинахъ Владимірова цикла. Спб. 1863. О Боянѣ и пѣвцѣ Игоревѣ, въ связи съ народной былевой поэзіей. См. стр. 29 и слѣд.

Галаховъ А.: Исторія русской словесности. Спб. 1863, стр. 60—62

Филоновъ А.: Русская христоматія. Спб. 1863, т. I, изд. 4-е, 1871.

Перевлѣсскій П.: Практическая русская грамматика съ сборникомъ статей въ прозѣ и стихахъ. Спб. 1863—1864 г., ч. III.

Судовщиковъ Е.: Пособіе при преподаваніи русской словесности. Кіевъ. 1863, стр. 27—30.

Петровъ К.: Курсъ исторіи русской литературы. Спб. 1863, 6-е изд. Спб, 1870, стр. 17—19.

1864 г.

Пекарскій П.: Слово о полку Игоревѣ по списку, найденному между бумагами Императрицы Екатерины II, въ «Запискахъ Имп. Акад. Наукъ», т. V, прилож. 2. Есть и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

Полевой П.: Опытъ сравнительнаго обозрѣнія древнѣйшихъ памятниковъ народной поэзіи Германской и Славянской. Спб. 1864 г. О «Словѣ» на стр. 91—101.

Ламанскій В. И.: О славянскихъ рукописяхъ, въ «Запискахъ Импер. Ак. Наукъ». Спб. 1864, т. VI, кн. I, № 91.

Стоюнинъ В.: О преподаваніи русской литературы. Спб. 1864, изд. 2-е. 1868. О «Словѣ» на стр. 82—89.

1865 г.

Карауловъ Г.: Очерки исторiи русской литературы. Θеодосiя, 1865. Изд. 2-е. Одесса, 1870. О «Словѣ на стр. 35—41.

Пыпинъ А. и Спасовичъ В.: Обзоръ исторiи славянскихъ литературъ. Спб. 1865, стр. 175.

√ **Аθанасьевъ А.:** Поэтическiя воззрѣнiя Славянъ на природу. М. 1865. Здѣсь много замѣчанiй, относящихся къ «Слову». См. «Указатель» подъ словами: *Боянъ*, *Волосъ*, *Дажьбогъ*, *Хорсъ*, *обида* и проч.

1866 г.

Тихонравовъ Н. С.: Слово о полку Игоревѣ для учащихся. М. 1866.

Коршъ Θ. Е.: Новыя сочиненiя профессоровъ Московскаго Университета въ «Московскихъ Университетскихъ Извѣстiяхъ», 1866—1867 гг., № 2, стр. 165—169.

Г. Г.: Калка, въ «Кишиневскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ», 1866 г., стр. 290—291.

Скопинъ и Кеневичъ: Сборникъ произведенiй русской литературы. Спб. 1866, ч. I, 3-е изд. Спб. 1878.

Николичъ А.: Опытъ исторической христоматiи. Одесса. 1866.

Петровъ К.: Русская историческая христоматiя. Спб. 1866.

1867 г.

Буслаевъ Θ. И.: Критическая статья объ изданiи Н. С. Тихонравова, въ Журналѣ Минист. Народ. Просвѣщенiя, 1867, № 2, стр. 441—455.

Макушевъ В.: Разборъ того же изданiя и въ томъ же Журналѣ 1867 г. № 2 стр. 455—472.

Некрасовъ Н.: О томъ же и тамъ же. 1867 г., № 3, стр. 772—777.

Погосскiй А.: «Слово о полку Игоревѣ (въ переводѣ прозою съ большими пропусками). Въ Журн. Досугъ и Дѣло, вып. 5, Спб. 1867 г. Изд. 3, Спб. 1871.

Неизвѣстный: «Слово объ Игоревомъ походѣ, Игоря Святославова внука Ольгова, въ переводѣ безтолковою прозою. Изданiе для народа, на большомъ листѣ.

√ **Лавровскiй П.:** «Коренное значенiе родства у Славянъ» въ «Запискахъ Импер. Акад. наукъ» 1867 г., т. XII, стр. 36.

Груздевъ А.: Сборникъ важнѣйшихъ произведенiй русской литературы. Спб. 1867 г.

Поповъ А. Н.: Пособiе при изученiи образцевъ русской литературы. Спб. 1867 г.

Шевченко: Плачъ Ярославны въ малорусскомъ переводѣ (Кобзарь 1867 г.), стр. 643.

1868 г.

Котляревскій А. А.: Въ разборѣ сочиненія Аѳанасьева: Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. См. Отчетъ о 10 присужденіи наградъ гр. Уварова. Спб. 1868 г. (Триглавъ не есть Троянъ).

Тихонравовъ Н. С.: «Слово о полку Игоревѣ». 2 изданіе исправленное для учащихся. М. 1868 г.

Коршъ Ѳ. Е.: Замѣчанія по поводу этого изданія въ Москов. Университ. Извѣстіяхъ, 1868 г., № 7, стр. 605 и слѣд.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н.: О составѣ русскихъ лѣтописей до конца XIV в. Спб. 1868 г. Замѣчаніе о поединкѣ Мстислава съ Редедею и смерти Романа, стр. 42.

Майковъ А. Н.: «Игорь въ плѣну» въ «Модномъ Магазинѣ» 1868 г., № 8. Отрывокъ изъ его стихотворнаго переложенія.

Лукашевичъ: «Объясненіе Ассирійскихъ именъ». 1868 г., стр. 59—61. (О словѣ «троянь»).

Водовозовъ В.: «Словесность въ образцахъ и разборахъ. Спб. 1868 г., стр. 295—298.

Котляревскій А. А.: О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. М. 1868 г., стр. 194. Замѣчаніе о выраженіяхъ: на *судъ* приведе, *суда* Божія не минути).

1869 г.

Максимовичъ М.: «Изъясненіе мѣстъ въ «Словѣ» съ именемъ «Троянь» въ «Трудахъ 1 Археологическаго Съѣзда въ Москвѣ». М. 1869 г., стр. 128.

Бычковъ А. Ѳ. и Гротъ Я. К.: Отзывъ *Ученаго Комитета* «Министерства Народ. Просвѣщенія—объ изданіи Н. С. Тихонравова: въ «Сборникѣ мнѣній Ученаго Комитета» Спб. 1869 г., стр. 29—30.

Некрасовъ И.: Рѣчь о современныхъ задачахъ изученія древне-русской литературы. Одесса, 1869 г. стр. 16.

Прыжовъ И.: Малороссія въ исторіи ея литературы въ «Филологическихъ Запискахъ», 1869 г., вып. 1—3.

Буслаевъ Ѳ. И.: въ Академической рецензіи на сочиненіе Стасова «О происхожденіи русскихъ былинъ» (Отчетъ о 12 присужденіи наградъ гр. Уварова 1869 г.). Спб. 1870 г.

Отзывъ о Сербскомъ переводѣ слова Медича въ «Голосѣ» 1860 г., № 360.

1870 г.

Костомаровъ Н. И.: Лекція о «Словѣ». Толкованіе мѣстъ съ прилагательнымъ «*Троянь*», въ *Голосѣ* 1870 г., № 117.

Лавровскій Н. А.: «Слово о полку Игоревѣ въ переводѣ Ербена». Критическая статья въ «Журналѣ Минист. Народнаго Просвѣщенія», 1870 г., октябрь. стр. 276—302.

Майковъ А. Н.: «Слово о полку Игоревѣ» въ стихотворномъ переводѣ съ предварительными замѣчаніями и критическими изслѣдованіями въ концѣ. Издано въ «Зарѣ», кн. 1, отд. I, 1870 г. Есть и въ отдѣльныхъ оттискахъ. Вновь издано въ «Собраніи Стихотвореній Аполлона Майкова». См. изд. 3, ч. III, Спб. 1872 г. Тотъ же переводъ перепечатанъ въ «Русской Исторіи» Погодина.

Отзывъ о переводѣ А. Майкова въ «Новомъ времени» 1870 г., № 42.

Буслаевъ Ѳ. И.: Христоматія древне-русской литературы. М. 1870 г.

Текстъ съ выпускомъ темныхъ мѣстъ, съ предисловіемъ и обстоятельными примѣчаніями.

Порфирьевъ И.: Исторія русской словесности. Казань, 1870 г., ч. I, стр. 315—324. 2 изд. 1876 г.

Аристовъ Н.: Христоматія по русской исторіи. Варшава, 1870 г. Текстъ Слова съ примѣчаніями по изданію Сахарова.

Хрущевъ И. П.: Бесѣды по русской литературѣ въ «Семейныхъ вечерахъ» 1870 г., №№ 1—5, 7, 11—12. Есть и отдѣльно. Спб. 1870 г.

Некрасовъ И. П.: Зарожденіе національной литературы въ Сѣверной Руси. Одесса, 1870 г., ч. I, стр. 148—156.

1871 г.

Малашевъ Я.: «Слово о полку Игоревѣ». Поэтическій памятникъ русской письменности XII в. Текстъ въ прозѣ, съ прозаическимъ переводомъ, примѣчаніями, полнымъ Словаремъ и 3 приложеніями. М. 1871 г.

Бураковскій С.: Русская народная поэзія и Бѣлинскій, Спб. 1871 г., стр. 30—35.

Безсоновъ П. А.: Бѣлорусскія пѣсни. М. 1871 г. О «Словѣ», стр. 1, LXIII.

В. М: «Слово о полку Игоревѣ». Текстъ съ переводомъ въ прозѣ и примѣчаніями. Спб. 1871 г. Пособіе для учащихся. Посвящено любимому другу.

Отзывъ въ Журналѣ: «Семья и Школа» 1871 г., № 7, кн. 2, стр. 85—88.

Буслаевъ Ѳ. И.: Въ разборѣ сочиненія Ор. Миллера: «Илья Муромецъ и Кіевское богатырство 1871 г. Спб. 1872 г.

Замѣчаніе его въ рецензіи на ту же книгу въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія», апр., 1871 г.

1872 г.

Ягичъ В.: Исторія Сербо-хорватской литературы. Смирнова 1881 годъ, Переводъ съ Сербо-хорватскаго на Русскій. Казань, 1872 г. Объ имени «Трояна» стр. 120.

Полевой П. Н.: Исторія русской литературы. Спб. 1872 г., гл. V, стр. 42—48, изд. 3, 1878 г. Помѣщенъ переводъ Майкова.

Погодинъ М. П.: Древняя русская Исторія до монгольскаго ига. М. 1872 г. т. II, стр. 1231—1242.

Бестужевъ-Рюминъ К. Н.: «Русская Исторiя». Спб. 1872 г., т. I, *Введ.* стр. 27—126 и гл. IV, стр. 254—255.

Колосовъ М.: Очеркъ исторiи звуковъ и формъ русскаго языка съ XI по XVI ст. Варшава, 1872 г., стр. 181—188.

√ **Квашнинъ—Самаринъ Н. Д.:** «Очерки Славянской мифологiи въ «Бесѣдѣ», 1872 г., кн. IV, стр. 242. Троянъ тождественъ Триглаву.

Веселовскiй А. Н.: Славянскiя сказанiя о Соломонѣ и Китоврасѣ. Спб. 1872 г. стр. 233.

Барсовъ Е.: «Причитанiя Сѣвернаго края». М. 1872 г., ч. I. стр. 29—30.

Викторовъ А. Е.: О поддѣльной рукописи слова въ «Отчетѣ» Москов. публичнаго и Румянцовскаго музея за 1870—1872 гг. Прил. № 21, стр. 66.

Дриновъ М. С.: Заселенiе Балканскаго полуострова Славянами. М. 1872 г., О словѣ «*Троянъ*», стр. 76—81.

Миллеръ Всев. въ «Москов. Университ. Извѣстiяхъ» 1872 г., IV, стр. 529—530.

1873 г.

Иловайскiй Д. И.: О памятникахъ Тмутараканской Руси и Тмутараканскомъ болванѣ, упоминаемомъ въ Словѣ о полку Игоревѣ М. 1873 г. Въ Трудахъ Московскаго Археологическаго Общества.

Миллеръ Ѳед. Б.: «Пѣснь Ярославны» стихотворный переводъ, въ собранiи его стихотворенiй. М. 1873 г., стр. 151—152.

Барсовъ Н. П.: Очерки русской исторической географiи. Варшава. 1873 г.

Алябьевъ Н. И.: «Слово о полку Игоревѣ» переводъ народнымъ стихомъ. Изд. Журн. «*Грамотѣй*» М. 1873 г.

Бунаковъ Н.: Христоматiя для изученiя образцовъ русской словесности. Воронежъ, 1873 г., изд. 3 1878 г., отд. II-й.

Орловъ М.: Курсъ Исторiи русской литературы. Спб. 1873 г. Вып. 1, изд. 3, Спб. 1878 г.

1874 г.

Григоровичъ В. И.: Что значитъ слово «толковинъ» или толковникъ въ русскихъ лѣтописяхъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ въ «Трудахъ Кiев. Археологическаго съѣзда», т. I, стр. LII—LIII, изд. 1878 г.

Барсовъ Е. О Словѣ о полку Игоревѣ. Рефератъ читанный на томъ же съѣздѣ Ibid., стр. LXI—LXII.

Ваденюкъ П.: «Гдѣ нужно искать рѣку, на берегахъ которой 5-го мая 1185 г. былъ разбитъ Игорь Святославичъ Новгородъ Сѣверскiй и которая названа Каялой, рефератъ, читанный на томъ же Съѣздѣ. Ibid. т. II, стр. 51—58.

Отчетъ о Кiевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1874 г. 3-го сентября.

Павловъ Н. М.: «Слово о полку Игоревѣ» въ русскомъ переводѣ съ предварительными объяснительными замѣчанiями. М. 1874 г. въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1874 г., № 2, стр. 801 и слѣд. Есть нѣсколько и отдѣльныхъ оттисковъ.

Ламбинъ Н.: О Тмутараиской Руси. Отрывокъ изъ сочиненія: «Опытъ возстановленія и объясненія Несторовой лѣтописи въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщ. 1874 г., ч. CLXX, отд. 2, стр. 58—95.

Иловайскій Д. И.: Тмутараиская Русь г. Ламбина въ «Русской Старинѣ 1874 г., т. IX. стр. 569—574.

Брунъ Ф.: О черноморскихъ Готахъ и слѣды долгаго ихъ пребыванія въ Южной Россіи—въ «Запискахъ Акад. Наукъ 1874 г., т. XXIV, стр. 18—23 и др.

Куникъ А. А.: О «Запискѣ Готскаго Топарха» въ «Запискахъ Имп. Акад Наукъ" 1874 г. (т. XXIV, стр. 61 и слѣд. стр. 150—160).

Потебни А. А.: Изъ записокъ по Русской Грамматикѣ. Воронежъ и Харьковъ, 1874 г.

Колосовъ М.: «Новыя данныя былеваго творчества Сѣверной Россіи»—въ «Филологическихъ Запискахъ» 1874 г., вып. 2.

Антоновичъ В. и Драгомановъ М.: Историческія пѣсни Малорусскаго народа. Кіевъ, 1874 г., т. I, стр. IV, XV и 23—31.

Костомаровъ Н. И.: «Рецензія на изданіе историческихъ пѣсенъ Малорусскаго народа» въ Вѣстникѣ Европы, 1874 г. кн. 12, стр. 573—629.

Коршъ Е. Ѳ.: въ переводѣ Карьера: «Искусство въ связи съ общимъ развитіемъ культуры» т. III, стр. 267. М. 1874 г.

1875 г.

Кендзерскій В.: Слово о полкові Игоревому зъ старосвитской грамоты XII сталиття, переклавъ В. А. Кензерскій. Кременчугъ, 1875 г.

Князь Вяземскій П. П.: Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ. Спб. 1875 г. Сюда вошли и статьи, напечатанныя во «Временникѣ» впрочемъ съ значительными пополненіями.

Хрущовъ И. П.: Отзывъ о помянутомъ изданіи кн. Вяземскаго въ «Кіевскихъ Университет. изданіяхъ, 1875 г., № 10, стр. 277—281.

Куникъ А. А.: Въ сочиненіи «Каспій» Дорна». Спб. 1875 г. См. Указатель къ статьямъ А. Куника, стр. 690.

Отзывъ о томъ же сочиненіи въ «Русскомъ мірѣ» 1875 г., № 164.

Житецкій П. И.: «Очеркъ звуковой исторіи Малорусскаго народа»,—въ Кіевскихъ Университ. Извѣстіяхъ 1875 г.

Веселовскій А. Н.: «Отрывки Византійскаго эпоса» въ «Вѣстникѣ Европы», 1875 г., апрѣль, стр. 755.

1876 г.

Барсовъ Е.: Критическій очеркъ литературы Слова о полку Игоревѣ въ «Журналѣ Мин. Народ. Просвѣщенія», 1876 г., №№ 9 и 10.

Шевченко: Переложеніе въ стихахъ «Плача Ярославны» и «Описанія битвы» (съ заранія до вечера, съ вечера до свѣта летятъ стрѣлы каленыя). См. Кобзарь (Прага 1876), стр. 358, 361, 362.

Колосовъ М.: Замѣтка на предъидущую статью Е. Барсова, ibid. № 12, стр 315—316.

Мордовцевъ Д.: Что мнѣ Гекуба и что я тебѣ Гекубѣ?.... Рецензія на «Замѣчанія о Словѣ» кн. Вяземскаго въ «Отечественныхъ Записахъ», Спб. 1876 г., № 6, стр. 107—118.

Отзывъ о томъ же сочиненіи кн. Вяземскаго въ «*Дѣлѣ*» 1876 г., № 1, стр. 78—81.

√ **Забѣлинъ И. Е.:** Исторія русской жизни, ч. I, стр. 519 — 522. Миѳъ о Троянѣ.

Гербель Н. В.: Поэма въ 12 пѣсняхъ, переложеніе «Слова» въ новомъ исправномъ видѣ, по указаніямъ критики. 5-е изданіе. Спб. 1876 г.

На это изданіе отозвались.

«Новости» 1876 г., № 356.

«Иллюстрированная недѣля» 1876 г., № 3.

«Русскій міръ» 1876 г., № 15.

«Сынъ отечества» 1876, № 24.

Скульскій А.: Слово о полку Игоревѣ. Переложеніе въ стихахъ, съ историческими примѣчаніями. Ярославль, 1876 г.

Иловайскій Д. И.: Розысканія о началѣ Руси. М. 1876 г.

Онъ же: Исторія Россіи, ч. I, Кіевскій періодъ. М. 1876 г., О «Словѣ» стр. 263—269, 327 и примѣч. 72.

Отзывъ о статьяхъ г. Смирнова «О Словѣ о полку Игоревѣ, напечатанныхъ въ «Филологическихъ запискахъ» въ 1875 и 1876 гг. въ «Указателѣ по дѣламъ печати» 1877 г., №№ 6—7.

Вяземскій кн. П. П.: «Синды, Зундъ и Сундары», отвѣтъ А. А. Кунику, въ Журн. Мин. Народ. Просвѣщ. 1876 г., № 3, стр. 1—49.

1877 г.

Барсовъ Е.: «Мнѣніе г. Колосова о времени написанія рукописи Слова о полку Игоревѣ» въ Журн. Мин. народ. просв. 1877 г. № 5, стр. 163—168.

Ч—нъ И.: Замѣтка по поводу неправильности чтенія одного мѣста въ «Словѣ о полку Игоревѣ» въ «Филологич. Запискахъ». 1877 г., вып. 2.

Вяземскій кн. П. П.: «Слово о полку Игоревѣ» изслѣдованіе о варіантахъ. Спб. 1877 г.

Отзывъ объ этомъ изслѣдованіи въ «Указателѣ по дѣламъ печати». 1877 г., № 6—7.

Миллеръ Всев.: Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. М. 1877 г.

Отзывъ въ «Указателѣ по дѣламъ печати», 1877 г. № 12—13.

Веселовскій А. Н.: Новый взглядъ на Слово о полку Игоревѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія» 1877 г., августъ, стр. 267—306.

Миллеръ Ор. Ѳ.: «Еще о взглядѣ В. Ѳ. Миллера на Слово о полку Игоревѣ» ibid. 1877 г. сентябрь, стр. 37—61.

Пыпинъ А. Н.: Старая и новая Болгарія въ «Вѣстн. Европы, 1877 г. май, стр. 307—312.

Миллеръ Всев.: Замѣтки по поводу Сборника Верковича. 1. Къ вопросу о національности Бояна въ «Словѣ о полку Игоревѣ» въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.». октябрь, стр. 110—115.

Потебня А. А.: Малорусская народная пѣсня по списку XVI в., текстъ и примѣчанія въ «Филологич. Запискахъ» 1877 г., вып. 2. Есть и въ отдѣльныхъ оттискахъ.

Смирновъ А.: Слово о полку Игоревѣ, ч. I. Воронежъ, 1877 г. Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ», гдѣ печаталось статьями съ 1875 и 76 гг.

Аристовъ Н. Я.: О землѣ Половецкой въ «Извѣстіяхъ Историко-Филологическаго Института кн. Безбородко въ Нѣжинѣ за 1877 г., Кіевъ, 1877 г. Неофф. отд., стр. 209—234.

Бурачковъ П.: О запискѣ Готскаго Топарха въ «Журн. Минист. Народ. Просвѣщ.» 1877 г., августъ, стр. 202, 222 и 250.

1878 г.

Гедеоновъ С. А.: Варяги и Русь, ч. I, стр. 13, 324, 327, 328, 333, 334, 339 и во мн. др. мѣстахъ. Спб. 1878 г.

Потебня А.: «Слово о полку Игоревѣ». Текстъ и примѣчанія. Воронежъ, 1878 г. Отдѣльный оттискъ изъ «Филологическихъ Записокъ», гдѣ было печатано статьями въ 1877 и 78 гг.

Иловайскій Д. И.: Воспоминанія о Галичѣ на Днѣстрѣ въ «Древней и Новой Россіи» 1878 г., № 2, о Словѣ, стр. 120.

Барсовъ Е.: Критическія замѣтки объ историческомъ и художественномъ значеніи «Слова о полку Игоревѣ», въ «Вѣстникѣ Европы», 1878, октябрь, стр. 767—812; ноябрь, стр. 346—385.

Марковъ Е.: Отзывъ о предъидущихъ статьяхъ Е. Барсова, въ «Голосѣ» 1878, № 347.

Миллеръ Всев.: Къ вопросу о «Словѣ о полку Игоревѣ». Отвѣтъ на тѣ же «замѣтки» Е. Барсова, въ «Критическомъ Обозрѣніи», 1879 г., № 3, стр. 20—31.

Онъ же: По поводу Трояна и Бояна «Слова о полку Игоревѣ» въ «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.», 1878, декабрь, стр. 239—267.

Миллеръ Ор. Ѳ.: Новые домыслы ученія о заимствованіяхъ, въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ, 1879 г., № 4, стр. 233—241.

Хрущевъ И. П.: О древне-русскихъ историческихъ повѣстяхъ и сказаніяхъ. Кіевъ. 1878. О «Словѣ» на стр. 195—212.

√ **Макушевъ В.**: О происхожденіи слова Дажьбогъ, въ «Филологическихъ Запискахъ», 1878 г., вып. 3, стр. 70—72.

Морозовъ П. Ѳ.: Историческія свидѣтельства о славянской народной поэзіи, въ «Памятникахъ древней письменности», издав. Обществомъ любителей древней письменности. Спб. 1878—1879 гг.

Будиловичъ А.: Первобытные Славяне въ ихъ языкѣ, бытѣ и понятіяхъ, по даннымъ лексикальнымъ. Кіевъ. 1878. Многія выраженія «Слова» сравнены съ общеславянскими, пра-славянскими и до-славянскими подобными выраженіями.

1879 г.

Словесникъ: Пѣснь о походѣ Игоря въ стихотворномъ переводѣ, въ «Исторической Библіотекѣ», 1879, № 11.

Библіографическое указаніе: въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», 1879, № 4, стр. 287.

Смирновъ А.: О «Словѣ о полку Игоревѣ». Вып. II. Пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ. Отдѣльный выпускъ изъ «Филологическихъ Записокъ». 1879.

Миллеръ Всев. Ѳ.: Нѣсколько новыхъ соображеній Малышевскаго объ авторѣ «Слова о полку Игоревѣ», рефератъ, читанный въ Обществѣ Исторіи Нестора лѣтописца въ Кіевѣ, 25 марта 1879 г., въ «Критическомъ Обозрѣніи», 1879, № 9.

Малышевскій И. И.: Къ вопросу объ авторѣ «Слова о полку Игоревѣ», въ «Журн. Мин. Народ. Просвѣщ.», 1879, августъ, стр. 252—261.

Библіографическая замѣтка о предъидущей статьѣ Малышевскаго, въ «Русскомъ Филологическомъ Вѣстникѣ», 1879, № 4, стр. 287.

Ждановъ Ив.: Русская поэзія въ домонгольскую эпоху, въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», 1879, іюнь.

Андреевскій М. А.: Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу, ч. I, гл. I—III. Екатеринославъ, 1879 г.

1880 г.

Андреевскій М. А.: Того же изслѣдованія. Вып. 2-й, ч. I, гл. IV. Екатеринославъ. 1880.

Павловъ Н. М.: Отзывъ объ изслѣдованіи г. Андреевскаго, въ «Руси», 1880, № 9.

Барсовъ Н. И.: Протоіерей Герасимъ Петровичъ Павскій, въ «Русской Старинѣ», 1880, май, стр. 106—112. Здѣсь приведены нѣкоторые отрывки изъ перевода «Слова» прот. Павскаго.

Ваденюкъ П.: Темное мѣсто въ «Словѣ о плъку Игоревѣ», въ «Сборникѣ Археологическаго Института», кн. 3, отд. I, стр. 140—144.

Иловайскій Д. И.: Исторія Россіи. Ч. II. М. 1880. О «Словѣ» на стр. 343—345 и 557—558; примѣч. 47.

Галаховъ А.: Исторія русской словесности. Изд. 2-е. Спб. 1880, т. I, отд. I Древне-русская словесность. О «Словѣ», стр. 294—300.

Ждановъ И.: Литература «Слова о полку Игоревѣ», въ «Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ», 1880, іюль, стр. 221—248; августъ, стр. 311—340. Въ послѣдней статьѣ есть замѣчанія относительно нѣкоторыхъ мѣстъ «Слова о полку Игоревѣ» (стр. 324 и слѣд.).

Голубинскій Е. Е.: Исторія Русской церкви. Т. I, первая половина тома. М. 1880. О «Словѣ о полку Игоря», стр. 700—705.

Мельгуновъ П. П.: О Донскомъ побоищѣ. Рѣчь, произнесенная 11 сентября въ Практическ. Акад. Коммерч. Наукъ. М. 1880 г.

1881 г.

Мрочекъ-Дроздовскій П.: Изслѣдованія о русской правдѣ. М. 1881. Вып. I, стр. 122—123. Ногата-рѣзана.

1882 г.

Прозоровскій Д.: Новый опытъ объяснительнаго изложенія «Слова о полку Игоревѣ». Спб. 1882, стр. 82.

Воскресенскій Гр.: Слово о пълку Игоревѣ Игоря сына Святъславля внука Ольгова. Съ варіантами по Екатерининскому списку и указаніями библіографическихъ работъ и изслѣдованіи «Слова» и съ опредѣленіемъ фонетическихъ и грамматическихъ особенностей языка «Слова». («Славянская Христоматія». Вып. I. М. 1882, стр. 92—109).

Барсовъ Е.: Причитанія Сѣвернаго края. Ч. II. М. 1882 г. О «Словѣ» на стр. LII—LV.

Его же: Переписка государственнаго канцлера графа Румянцова съ Московскими учеными, съ предисловіемъ, примѣчаніями и указателемъ. (О «Словѣ» упоминается на стр. 117, 121 и 123).

ИЗДАНІЯ, ПЕРЕВОДЫ И ЗАМѢЧАНІЯ НА СЛАВЯНСКИХЪ НАРѢЧІЯХЪ И ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ.

На польскомъ нарѣчіи:

Раковецкій: «Prawda Ruska», 1820, t. I, p. 78.

Линде: въ «Исторіи славянскихъ литературъ».

Годебскій: Wyprawa Igora przeciw Polowcom, poema Alexego Iwanowieza Mussin-Pusskina, въ сочиненіяхъ Годебскаго, 1821.

Бѣлевскій: Wyprawa Igora na Polowcow. Poemat slawianski, wydany przez Augustina Bielowskiego. Lwow, 1833. H. P. L., t. I, 208.

Лукашевичъ Леставъ: Rys. dz. pismennictwa Polskiego. 1836.

Вишневскій: Michala Wiszniewskiego Historya Literatury Polskiej, t. I. Krakow, 1840, стр. 224.

Воицицкій: Historya Polskies Literatury, t. I, p. 208—209

Кондратовичъ Людвигъ, подъ псевдонимомъ Syrokomli: Dzieje literatury w Polsce. 1850—1852. На русскій языкъ переведено О. Кузминскимъ. М. 1860, стр. 68—70.

Красинскій: Piesn o polku Igora Staroslawianski, poemat z XII wieku przeklad. ks. Adama Stanislawa Krasinskiego, Kanonika Katedry Wilenskiej. Petersburg, 1856 г.

На галицкомъ нарѣчіи:

Дедицкій Б.: Стихотворное переложеніе «Слова» на галицкое нарѣчіе, въ «Пчолѣ», Гушалевича. Львовъ, 1849.

Огоновьскій Ом.: «Слово о пълку Игоревѣ». Поэтичний памятник руськоі письменності XII віку. Текстъ с перекладом и с поясненьями. Львовъ, 1876 г.

На словинскомъ нарѣчіи:

Плетершникъ М.: Pesem o vojski Igorjevi, переводъ «Слова» на словинское нарѣчіе, въ «Programm des Gymnasiums zu Cilli am Schlusse des Schuljarhres 1865. (По указанію Огоновскаго).

На русинскомъ нарѣчіи:

Гушалевичъ: «Слово о полку Игоря Святославича» пѣснотворъ старорусскій изъ XII столѣтія. Издано Іоанномъ Гушалевичемъ. Львовъ, 1850 г.

На сербскомъ нарѣчіи:

Огнесловъ Утѣшиновичъ: Переводъ «Слова» на сербскій языкъ. 1852 г.

Милошь Свѣтичь (подъ псевдонимомъ Хаджичь): «Пѣсна о полку Игоревомъ» (XII в.). Съ подлинога русскога на србскій езыкъ преведена и сложена по начину юначкихъ нашихъ народныхъ пѣсама. По изданію Мих. Максимовича (Кіевъ 1837), первый путъ издана у «Голубици», а садъ прегляданя и исправлена по изданію Ник. Гербеля. Спб. 1854 г. Издана въ «Голубицѣ» 1842 г. и перепечатана во 2-й части его сочиненій, изданныхъ въ 1858 г.: «Дѣла Іована Хацича». 1858 г., т. II.

Людовикъ Гай: Замѣчанія въ разныхъ сочиненіяхъ.

Медичъ: «Слово о полку Игоревомъ или пјесма о Игоревој чети. Превео и објаснио Данило Međuth у светом Петрограду. 1840.

Извѣстенъ еще сербскій переводъ Новаковича, но мы, какъ и многихъ другихъ, не имѣли его подъ руками.

Ягичъ: Gradja za historiju slovenske narodne poezije, въ «Rad jugoslavenske Akademije znanosti i umjetnosti, кн. XXXVII. Загребъ. 1876.

На чешскомъ нарѣчіи:

Юнгманъ и Разнай: Первый переложилъ на чешскій языкъ прозою, а другой стихами въ 1808 г., но ихъ переводы не вышли.

Ганка: «Слово о пльку Ігоревѣ. «Slovo o plku Igorewie» Slawianom latinskago pisma. Vierno v podlinnom jazycie s reskym i niemeckym prevodom. Izdano Viareslavom Hankoju v Prazie, 1821, 8°, I—XII. Чешскій переводъ съ примѣчаніями 1—58 стр. Нѣмецкій 60—80 стр.

Шафарикъ: Slowanskij Narodopis. 1842. Русскій переводъ Бодянскаго см. подъ 1842 г. выше.

Эрбенъ: Dvé zpévu staroruský'ch, totíz: O vypravě Igorově, a Zadonština. S krĭtĭckymĭ hĭstorĭckymĭ ĭ jinymĭ vysvětlujicĭmĭ poznamkamĭ a doklady vydal kavel

Javomïv Erben. V. Praze, 1870, въ сочиненіяхъ чешскаго общества наукъ, Pojednani Kral. ceské Spol nauk, ч. VI, вып. 3. Прага. 1869.

Гаттала: «Slovo o polku Igorevé», Martin Hatalla. Praz. 1858.

Сабина часто упоминаетъ о «Словѣ» въ своихъ сочиненіяхъ о чешской словесности. (См. Dejepis literatury Ceske. Прага, 1860—1864).

На болгарскомъ нарѣчіи:

Жензифовъ Р.: «Слово за пълкъ-тъ Игоревь, Игоря сына Святъславля, внука Ольгова». Преведе отъ старорусскіі языкъ. Р. Жинзифовъ. М. 1863 г. (Новобългарска Сбирка. 1863 г.).

На венгерскомъ языкѣ:

Сценде: Szózat Igor hadjaratural a palócok ellen. Magyaritotta Riedl Szende. Praga, és Lipcse. 1858.

На французскомъ языкѣ:

Le Spectateur du Nord, Octobre, 1797, pag. 53. «Lettre au Spectateur sur la litterature Russe.»

Экштейнъ: Французскій переводъ въ журналѣ «Le Catholique».

Бланшардъ: Igor poeme heroique, traduit du russe par N. Blanchard. Moscou 1823.

Мицкевичъ А.: Cours de litter. Slav. Paris, 1840—1845. A. Mickiewicz.

Делявё: Въ «Revue de Deux Mondes» (15 Dec. 1854) о переводѣ Больца (по указанію Rambaud).

Отзывъ о переводѣ Больца былъ помѣщенъ также въ журналѣ «L'Athenaeum Francais», 1855, № 18.

Рамбо: La Russie epique, étude sur les chansons heroiques de la Russie. Paris. 1876. 2-ème partie, ch. 1-er: «La chanson d'Igor» (стр. 195—225).

Мартыновъ: Polybiblion revue bibliogr. universelle. 1876, № 4, p. 289—299.

На нѣмецкомъ языкѣ:

Шлецеръ: Göttingische gelehrte Anzeingen, 1801, St. 203, S. 2028.

Коцебу А.: Нѣмецкій переводъ въ журналѣ «Freimuthige».

Рихтеръ: Тоже въ «Russischen Miscellen, 1803, № 3, S. 1—56.

Мюллеръ: Heldengesang von Zuge gegen die Polowzer des Fürsten vom Schwerischen Nowgorod Igor Swätslawlitsch, geschrieben in altrussischer Sprache gegen das Ende des zwölften Jarhunderts. In die deutsche Sprache treu übertragen von Joseph Müller. Prag, 1811.

Переводъ неизвѣстнаго намъ переводчика, помѣщенъ былъ еще въ нѣмецкомъ журналѣ: «Morgenblatt», 1817.

Ганка: Spruch vom Heerzuge Igors, Igors Sohn des Swätslaw, Enkels des Olegs. Prag, 1821, съ чешскимъ переводомъ.

Зедергольмъ: Das Lied vom Slawonischen metrisch übersetzt vom Pastor Sederholm. Москва, 1825.

Шафарикъ: Замѣчаніе о «Словѣ» въ «Geschichte den Slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Ofen. 1826, стр. 150.

Ганушъ: Die Wissenschaft der Slawisch. Mythus, 1842, pag. 20.

Головацкій: Ueber Ihor's Heereszug gegen die Polowziv. (Viertes Programm des K. Akademischen Staats Gimnasiums im Lemberg am Schusse des Schuljahres), 1853. Lemberg.

Больцъ: Lied vom Heereszuge Igors gegen die Polowzïr. Aeltestes russisches Sprachdenkmal aus dem XII Jahrhundert. Herausgegeben vom Doctor August Boltz. Berlin, 1854.

Отзывы о Больцѣ:

1. «Magazin für die Litter. d. Ausl». 1854, № 134.
2. «Voss'sche Zeitung». 1854, № 258.
3. «Archiv für wissensch. Kunde von Russl. 1854, т. XIV, стр. 60—63.
4. «Europa». 1855, № 14.
5. «Litter Centralblatt». 1855, № 13.
6. «Blätter für lit. Unterh.». 1855, № 40.

Слобода: Извѣстенъ также его переводъ «Слова» на нѣмецкій языкъ и указанію Шевырева. (См. «Истор. Словесн.», т. II, стр. 353, изд 2-е).

Иричекъ Іосиф. и Герм.: Die Echtheit der Königinhofer Handschrift. 1862. (Ср. опытъ историч. обозрѣнія русской словесности Ор. Миллера, стр. 357, 361 и примѣч.).

Веселовскій А. Н.: Die Russische Todtenklagen, въ «Russische Revue», 1873, p. 29—30. (По поводу изданныхъ нами «Причитаній Сѣвернаго края»).

Онъ же: о Замѣчаніяхъ на «Слово о полку Игоревѣ», кн. Вяземскаго. Ibid., 1875, стр. 275—278.

Карьеръ: Die Kunst im zusammenhang der Kulturentwickelung und die Ideale der Menscheit. 1874, t. III. Русск. перев. Е. Θ. Корша см. выше.

Ягичъ: Forschungen auf dem Gebïete der Slawischen Volkspoesie, въ «Archiv für slav. Philologie», т, I, стр. 310—324.

Житецкій П. И.: Ueber des Altrussische Lied von Igors Heerzug. A. Agonovsklj, въ «Archiv für Slav. Philologie», t. II, 3, p. 661—664.

Крекъ Гр.: Beiträge zur slavischen Mythologie Veles, Volos und Blasius, въ томъ же изданіи Ягича.

Ягичъ: Замѣтка объ изслѣдованіи «Слова» г. Потебни. Ibid., т. III, 3, стр. 738.

II.

КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ ЛИТЕРАТУРЫ „СЛОВА“.

I. Открытіе и изданіе «Слова». Первые скептики. Первыя поддѣлки. Рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ Пушкинскому Сборнику вообще и къ рукописи «Слова» въ частности:

«Mais ce qui vous surprendra peut-être davantage, Monsieur, c'est qu'on a déterré, il y a deux ans, dans nos archives, le fragment d'un poëme, intitulé le *Chant des guerriers d'Igor*, qui peut être mis à côté des plus beaux morceaux d'Ossian, et qui a été fait dans le douzième siècle par un auteur inconnu. Un style énérgique, des sentiments d'un héroisme sublime, des images frappantes, puisées dans les horreurs de la nature, font le mérite de ce fragment, où le poëte, traçant le tableau d'un combat sanglant, s'écrie: «Ah! je sens que mon pinceau est foible et languissant; je n'ai pas le talent du grand *Bayan*, ce rossignol des tems passés». Il y avoit donc en Russie, avant lui, de grands poëtes, dont les ouvrages sont engloutis par les siècles! Nos annales ne nomment point ce *Bayan*; nous ne savons; ni quand il a vécu, ni ce qu'il a chanté. Mais cet hommage, rendu à son génie par un tel poëte, fait vivement regretter la perte de ses ouvrages» (*Spectateur du Nord*, 1797, Octobre, стр. 55 и 56) [1].

[1] «Вы, можетъ быть удивитесь еще болѣе, если узнаете, что два года тому назадъ открыли въ нашихъ архивахъ отрывокъ поэмы, подъ названіемъ: пѣснь

Въ такихъ словахъ и на такомъ языкѣ впервые появилось извѣстіе о знаменитомъ «Словѣ о полку Игоревѣ». Не трудно понять, съ какимъ недовѣріемъ встрѣтило это извѣстіе тогдашнее образованное Петербугское общество, презрительно смотрѣвшее на всю до-Петровскую старину, и тѣмъ поспѣшнѣе, что самъ Шлецеръ — отецъ русской исторической науки — усумнился въ возможности существованія у насъ такого памятника въ XII вѣкѣ.

Съ иными чувствами и думами отнеслась Москва къ этому открытію. Здѣсь уже восхищались драгоцѣнною пѣснію Игоря какъ роднымъ произведеніемъ древне-русскаго генія, списывали и переписывали ее съ разными, хотя и неисправными переводами. Самъ Мусинъ-Пушкинъ, открывшій эту драгоцѣнность и боязливо относившійся къ своему открытію въ Петербургѣ, — въ Москвѣ ободрился, встрѣтивъ здѣсь полнѣйшее сочувствіе и поддержу. По убѣжденію Малиновскаго и Бантыша-Каменскаго онъ рѣшился, какъ самъ говоритъ, «обще съ ними» свѣрить переложеніе съ подлинникомъ, и исправя съ общаго совѣта, что̀ слѣдовало, отдалъ въ печать. И вотъ, въ 1800 г. это Слово вышло въ свѣтъ подъ заглавіемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новгородъ-Сѣверскаго Игоря Святославича».

Печатая его, первые издатели спѣшили распространить и утвердить въ обществѣ тотъ самый взглядъ на него, какой былъ высказанъ въ *Spectateur du Nord*. «Любители Россійской словесности», гово-

Игоревыхъ воиновъ, которую можно сравнить съ лучшими Оссіановыми поэмами, и которая написана въ XII столѣтіи неизвѣстнымъ сочинителемъ. Слогъ исполненный силы, чувства величайшаго героизма, разительныя изображенія, почерпнутыя изъ ужасовъ природы, составляютъ достоинства сего отрывка, въ которомъ поэтъ, представляя картину одного кроваваго сраженія, восклицаетъ: «Увы! чувствую, что кисть моя слаба, что я не имѣю дара великаго Баяна — сего соловья временъ прошедшихъ!» Слѣдовательно, и до него были въ Россіи великіе поэты, которыхъ творенія поглощены вѣками. Лѣтописи наши не говорятъ объ этомъ Баянѣ, и мы не знаемъ, когда онъ жилъ и когда пѣлъ. Но это почтеніе, воздаваемое его дарованіямъ такимъ поэтомъ, заставляетъ сожалѣть о потерѣ его твореній».

рять они,—«согласятся съ нами, что въ семъ оставшемся отъ минувшихъ вѣковъ сочиненіи видѣнъ духъ Оссіановъ, что и наши древніе герои имѣли своихъ бардовъ, воспѣвавшихъ имъ хвалу. Жаль только, что имя сочинителя осталось неизвѣстнымъ.... Нѣтъ нужды замѣчать возвышенныхъ и коренныхъ въ сей поэмѣ выраженій, могущихъ навсегда послужить образцомъ витійства; благоразумный читатель отличитъ оныя отъ нѣкоторыхъ мелочныхъ подробностей, въ тогдашнемъ вѣкѣ терпимыхъ, и отъ вкравшихся при перепискѣ непонятностей».

Любопытно, какое именно участіе принималъ въ этомъ изданіи каждый изъ издателей. Было мнѣніе, основанное, впрочемъ, на преданіи, что историческія и филологическія примѣчанія къ нему писалъ извѣстный тогдашній критикъ Болтинъ [1]. Но найденныя нами черновыя бумаги Малиновскаго положительно доказываютъ, что всѣ примѣчанія принадлежатъ исключительно ему и изданы по его рукописи. Бантышъ-Каменскій участвовалъ только въ корректурѣ; первую держалъ Малиновскій, другую Бантышъ - Каменскій, а третью самъ Мусинъ-Пушкинъ. Участіе послѣдняго до того было ограничено, что онъ не имѣлъ даже права помарывать корректуру [2]. При такомъ числѣ корректоровъ и при частыхъ поправкахъ, печатаніе шло «медленно».

Вся работа по изданію на столько принадлежала Малиновскому, что, какъ видно изъ его черноваго предисловія, онъ самъ предполагалъ быть издателемъ или по крайней мѣрѣ ожидалъ, что трудъ его будетъ, по справедливости, усвоенъ его имени. Но Мусинъ-Пушкинъ не уступилъ ему этой чести. Въ черновыхъ бумагахъ Малиновскаго предисловіе заканчивается такъ: «Подлинная рукопись по своему почерку весьма древна и *принадлежитъ нѣкоторой знатной особѣ*, объ открытіи отечественныхъ древностей весьма усердствующей и многіе тому опыты уже явившей».

[1] *Сахаровъ*, Сказанія русскаго народа. Тоже мнѣніе повторяется и въ изслѣдованіи о Словѣ *г. Смирнова* (см. вып. I, стр. 34).

[2] *Сынъ Отечества*, 1839, III, отд. VI, стр. 17.

Но въ печатномъ изданіи вмѣсто приведенныхъ словъ читаемъ уже слѣдующее: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежитъ *издателю сего* (въ примѣч. г. *Дѣйствительному Тайному Совѣтнику и Кавалеру Графу Алексѣю Ивановичу Мусину-Пушкину*) который чрезъ старанія свои и просьбы къ знающимъ достаточно Россійскій языкъ доводилъ чрезъ нѣсколько лѣтъ приложенный переводъ до желанной ясности: и нынѣ по убѣжденію пріятелей рѣшился издать оной на свѣтъ. Но какъ при всемъ томъ остались еще нѣкоторыя мѣста не вразумительными, то и проситъ всѣхъ благонамѣренныхъ читателей сообщить ему свои примѣчанія для объясненія сего древняго отрывка Россійской Словесности (стр. VII — VIII).

Вся забота первыхъ издателей направлена была на художественное «переложеніе пѣсни», но они не вполнѣ понимали, да и не могли тогда понимать всего значенія палеографической точности въ изданіи. Что касается перевода, то онъ дѣйствительно по внутреннему достоинству превосходитъ многія послѣдующія изданія; въ немъ многія мѣста угаданы, хотя и не доказаны; Шлецеръ, сомнѣвавшійся въ истинѣ сего творенія, какъ скоро прочиталъ его, торжественно признался, что «въ піитической прозѣ оно есть древнее и даже подлинное: теперь я болѣе не сомнѣваюсь, но вѣрно ли оно вездѣ переведено на русскій языкъ, и наполнено ли Оссіановскимъ духомъ, пусть судятъ другіе» [1]. Этотъ голосъ заградилъ уста петербургскихъ скептиковъ на цѣлыя двѣнадцать лѣтъ.

Но вотъ, въ 1812 году въ Московскомъ пожарищѣ, на Разгуляѣ, вмѣстѣ съ домомъ Мусина-Пушкина, навсегда исчезла и драгоцѣнная рукопись «Слова». Теперь ясно стало для всѣхъ, какое важное значеніе имѣла она. Подняли свою голову скептики—и съ новою смѣлостію и отвагой возбудили относительно ея свои сомнѣнія. Поборники, съ своей стороны, спѣшили живыми свидѣтельствами закрѣпить ея подлинность. Не дремали и люди наживы: появились дѣйствительныя поддѣлки, которыя еще болѣе усиливали сомнѣнія относительно подлинности «Слова».

[1] *Gotting. gel. Anz.*, 1801, St. 203, p. 2028.

Самымъ горячимъ защитникомъ «Слова» былъ Калайдовичъ. «Я желалъ бы знать о всѣхъ подробностяхъ несравненной пѣсни Игоревой», писалъ онъ Мусину-Пушкину, отъ 30-го октября 1813 года, «на чемъ, какъ и когда она писана? Гдѣ найдена? Кто былъ участникомъ въ изданіи? Сколько экземпляровъ напечатано? Также и о первыхъ ея переводахъ, о коихъ я слышалъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго». Не давая положительныхъ отвѣтовъ на эти вопросы, Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, только жаловался ему на зложелательныхъ людей, кои не вѣрили ему и даже подозрѣвали его въ литературномъ подлогѣ. «Я самъ знаю», отвѣчалъ ему Калайдовичъ [1],—«сколь языкъ неблагонамѣренный можетъ огорчать каждаго изъ насъ, но что̀ значатъ сіи притупленныя невѣжествомъ и клеветой стрѣлы? Кто вѣритъ словамъ завистниковъ, дерзающихъ говорить, что пѣснь Игорева поддѣлана? Кто могъ съ такими познаніями въ исторіи и языкѣ не сдѣлать анахронизмовъ, живши въ XVIII вѣкѣ, и кто опять отказался бы отъ чести сочиненія такого памятника, которо́му удивляются отличные знатоки въ семъ дѣлѣ, не видя настоящей ему основы». Мусинъ-Пушкинъ, какъ видно, недоумѣвалъ и о томъ, зачѣмъ требуются отъ него подобныя свѣдѣнія, и потому Калайдовичъ прибавлялъ ему: «Желая успокоить легковѣрныхъ, утвердить благомыслящихъ и притупить жало неблагонамѣренныхъ, я хотѣлъ бы имѣть подробнѣйшее извѣстіе о пѣсни Игоревой, къ которой можно бы пріобщить извѣстіе о всѣхъ піесахъ, съ нею вмѣстѣ помѣщенныхъ. Мы все сіе желаемъ сдѣлать *нѣкоторымъ актомъ*, засвидѣтельствованнымъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ, Н. М. Карамзинымъ и А. Ѳ. Малиновскимъ—назовите, которыхъ вы знаете, и положимъ для утвержденія въ архивъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ». Живая вѣра въ судьбы науки и собственныя открытія Калайдовича не позволяли ему ни на минуту усумниться въ подлинности «Слова» и онъ каждымъ своимъ розысканіемъ спѣшилъ успокоивать графа, который, какъ видно, не зналъ, какъ себя оправдать отъ напраснаго нареканія. «Я увѣренъ», писалъ онъ, «что время, отъ коего зависитъ скрывать и открывать, явитъ намъ неоспоримыя свидѣтельства его достовѣрно-

[1] Отъ 13-го декабря 1813 года.

сти, подобно одному, найденному мною въ Апостолѣ 1307 года, гдѣ игуменъ Пантелеймонова монастыря Зосима, описавъ гибельную войну князей Михаила и Юрія, такъ заключаетъ: «при сихъ князѣхъ сѣяшеся и ростяше усобицами, гыняше жизнь наша въ князѣхъ которы и вѣцы скоротишася чл҃комъ». Вы изволите усмотрѣть изъ сравненія: сіе любопытное мѣсто столь сродно одно съ другимъ, что, кажется, игуменъ Зосима имѣлъ предъ собою пѣснь Игореву, не за долго предъ симъ сочиненную».

На такое горячее и настойчивое письмо Мусинъ-Пушкинъ уже не могъ не отвѣчать. Отъ 31-го декабря того же года онъ сообщилъ Калайдовичу слѣдующее: «До обращенія Спасо-Ярославскаго монастыря въ архіерейскій домъ, управлялъ онымъ архимандритъ Іоиль, мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности; по уничтоженіи штата остался онъ въ томъ монастырѣ до смерти своей. Въ послѣдніе годы находился онъ въ недостаткѣ, а потому случаю коммиссіонеръ мой купилъ у него всѣ русскія книги, въ числѣ коихъ въ одной, подъ № 323, подъ названіемъ Хронографъ, въ концѣ найдено Слово о полку Игоревѣ. Рукопись эта писана на лощеной бумагѣ, *въ концѣ лѣтописи*, довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или къ началу XV вѣковъ.... Во время службы моей въ С.-Петербургѣ, нѣсколько лѣтъ занимался я разборомъ и переложеніемъ оной пѣсни на нынѣшній языкъ, которая въ подлинникѣ хотя *довольно яснымъ характиромъ* была написана, но разобрать ее было весьма трудно, потому что не было правописанія, ни строчныхъ знаковъ, ни раздѣленія словъ, въ числѣ коихъ множество находилось неизвѣстныхъ и вышедшихъ изъ употребленія; прежде всего должно было раздѣлить на періоды и потомъ добираться до смысла, что̀ крайне затрудняло, и хотя все было уже разобрано, но я не былъ переложеніемъ моимъ доволенъ, выдать оную въ печать не рѣшался, опасаясь паче всего, чтобы не сдѣлать ошибки, подобной Щербатову, который, разбирая грамоту Новгородцевъ къ Ярославу (что̀, надѣюся, вамъ извѣстно), напечаталъ «почто отъялъ еси поле, Заячь и Миловцы?» [1].

[1] *Труды Общ. Ист. и Древн. Россійскихъ*, 1824, ч. I, стр. 35.

Изъ сего письма видно только, что рукопись «Слова» была писана яснымъ характеромъ, что правописаніе и строчные знаки ея не отвѣчали нынѣ принятымъ, и что слова въ ней писаны въ сплошную строку. Но не такія неопредѣленныя свѣдѣнія требовались Калайдовичу. Онъ снова обратился къ Мусину-Пушкину съ просьбою точнѣе опредѣлить характеръ письма и наименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой, для утвержденія сей драгоцѣнности. Но отвѣта не было. Мусину-Пушкину видимо были непріятны всѣ эти запросы: «Послѣдняго письма моего (отъ 3-го января 1814 г.), ваше сіятельство, получить еще не изволили, въ которомъ я просилъ наименовать особъ, видѣвшихъ подлинникъ пѣсни Игоревой».

Но симъ не кончились испытанія Мусина-Пушкина. Профессоръ Тимковскій, съ такою же ревностію изучавшій «Слово», просилъ Калайдовича (13-го февраля 1814 г.) разузнать отъ графа: «Чѣмъ онъ руководствовался при объясненіи пѣсни Игоревой и почему такъ, а не иначе переводилъ нѣкоторыя слова? Вѣрно ли напечатана рукопись, и не сдѣлано ли какихъ перемѣнъ, ибо замѣчено, что въ ней не соблюдено правописанія? Какъ поступали издатели при знакахъ препинанія? Почему слово «Олегъ» поставлено въ скобкахъ» и пр. Но всѣ эти допросы едва ли могли имѣть какой-либо успѣхъ. Мусинъ-Пушкинъ не могъ отвѣтить на нихъ больше, чѣмъ онъ уже отвѣтилъ.

За то скоро послѣдовало новое открытіе, которое проливало нѣкоторый свѣтъ на подлинное «Слово». Профессоръ Тимковскій нашелъ другое подобное же сочиненіе: это «Пѣснь о побѣдѣ Дмитрія Донскаго надъ Мамаемъ». Мы не можемъ себѣ представить, какимъ важнымъ событіемъ была эта находка въ тогдашнемъ литературномъ мірѣ. Ученые радовались и привѣтствовали другъ друга съ этимъ открытіемъ. Калайдовичъ не могъ удержаться отъ восторга. «Пѣснь сія подобна Игоревой», описывалъ онъ въ своемъ «Дневникѣ», «исполнена сильными выраженіями и красотою слога и во многихъ мѣстахъ столь сходна съ первою, что нѣтъ сомнѣнія, что сочинитель оной имѣлъ пѣснь Игореву образцомъ своимъ. Начинается она воззваніемъ къ неизвѣстному лицу, можетъ быть, къ сочинителю пѣсни Игоревой:

«*Повѣдай, Уранъ*». Въ ней вмѣсто Курчанъ описываются Суздальцы; вмѣсто Ярославны представлена жена князя Димитрія сидящею въ своемъ златоверхомъ теремѣ надъ Москвою рѣкою, пригорюнившись и сѣтующая о разлукѣ съ любезнымъ ей Димитріемъ. Встрѣчаются выраженія: *и трубы трубятъ звонко съ поволокою* и многія слова: *харалужный, стязи, галицы, лисицы*, какъ и въ пѣсни Игоревой. Въ сей же книгѣ помѣщена съ арабскаго переведенная сказка: *Синагрипъ царь Адоровъ Инаlivскія страны*, какъ и въ пѣсни Игоревой».

Тимковскій, вполнѣ понимая важность найденнаго имъ памятника для объясненія «Слова», усердно просилъ Калайдовича (23-го октября 1814 г.) приложить всѣ старанія о сысканіи другаго подобнаго списка. Какъ видно изъ «Дневника» Калайдовича, Тимковскому въ это время во всей пѣсни Игоревой были непонятны только семь словъ: 1) зегзица, 2) ортма, 3) папорози, 4) стрикусы, 5) тлековины, 6) харалужный и 7) шереширы. Не доумѣвалъ онъ еще и о томъ, гдѣ находились Плѣнскъ, и Дудутки, упоминаемыя въ пѣсни. За разъясненіемъ сихъ словъ, всегда готовый къ услугамъ Калайдовичъ обращался, по просьбѣ его, къ Сопикову, ксендзу Мореловскому и къ преосвященному Евгенію, но безуспѣшно. Всѣ откровенно признавались, что объяснить указанныхъ словъ они не въ состояніи. Нѣтъ сомнѣнія, что труды Тимковскаго по изъясненію «Слова» были бы для насъ драгоцѣнны, но къ сожалѣнію, и они, погибли во время Петербургскаго наводненія въ 1824 году. Максимовичъ писалъ впослѣдствіи, что «дядя его Романъ Ѳедоровичъ Тимковскій много и долго занимался изъясненіемъ сей пѣсни, уже приготовилъ ее къ печати, показывалъ ее нѣкоторымъ Археологамъ, и что даже только три мѣста оставались для него не ясными» [1]. Но въ силу злаго рока, преслѣдующаго этотъ памятникъ и труды Тимковскаго погибли, говоримъ, безвозвратно, какъ и подлинная рукопись «Слова».

Во главѣ скептиковъ этого времени стоялъ графъ С. П. Румянцевъ. Сомнѣнія его относительно подлинности пѣсни Игоревой отмѣчены собственною его рукою на поляхъ принадлежавшей ему книги 1-го изданія: противъ слова *женчугъ* написано: «въ Словенскихъ книгахъ

[1] См. Ж. М. Нар. Просвѣщ. 1836 ч. X, стр. 9.

жемчугомъ называется *бисеръ маргаритъ*. Нигдѣ не приведено рѣчей древнихъ съ симъ словомъ». Противъ слова *Салтани* замѣчено: „Mahmoud *Maleck* ou Roï des Ghasnevides fut salué sultan par Kalaf, simple gouverneur du Segestan.... Ce titre, jusqu' alors inconnu devint en usage parmi les Princes Mahometans. Il plut à Mahmoud, qui le porta le *premier*; auparavant les princes prenaient celui de *Maleck* ou de *Roï*. (*De Guines*, S. II, p. 162)" [1]. Противъ замѣчанія объ образѣ Пирогощей приписано: «Игорь родился въ 1151 г.; образъ былъ перенесенъ въ 1160 г.; какъ же могъ онъ послѣ сего похода найдти его въ Кіевѣ?»

Но для насъ любопытны болѣе тѣ споры, какіе велъ о томъ графъ С. П. съ Калайдовичемъ. Ученость Калайдовича возвышала его надъ современниками и внушала къ нему невольное уваженіе. Уважалъ его и графъ С. П., однакоже не вѣрилъ его увѣреніямъ въ подлинности «Слова». 20-го февраля, графъ, прощаясь съ Калайдовичемъ и увлеченный его бесѣдой, между прочимъ, сказалъ ему, «что по пріѣздѣ въ Петербургъ онъ увидитъ своего брата (Н. П. Румянцева) и сообщитъ ему, что нашелъ такого человѣка, который удобно можетъ представить ему другую пѣснь Игореву. Я поблагодарилъ за мнѣніе», прибавляетъ Калайдовичъ,—«и не находилъ силъ обольщать себя и тѣнью подобнаго сочиненія». Въ другой разъ, 14-го января 1814 г., возражая противъ подлинности «Слова», графъ выставилъ Калайдовичу на видъ, что въ немъ встрѣчается имя *солтаново*, появившееся не задолго предъ XII вѣкомъ, названіе народа *Венедицы* и мѣстоименіе *который*, неприличныя будто бы тому времени. Эти возраженія, какъ видно, поставили въ недоумѣніе Калайдовича, хотя и не смутили его собственной увѣренности. «*О имени солтана и Венедицъ*», записалъ онъ въ своемъ «Дневникѣ»,—должно справиться; а

[1] «Махмудъ Малекъ или царь Гасневидовъ привѣтствованъ былъ титуломъ *султана* Калафомъ, простымъ правителемъ, Сегестана. Этотъ титулъ до того времени неизвѣстный, вошелъ въ употребленіе у магометанскихъ государей: онъ понравился Махмуду, который первый его принялъ; до него государи носили титулъ Малековъ».

въ доказательство, что въ древнихъ сочиненіяхъ встрѣчаются слова' совершенно похожія на новыя, приводилъ я его сіятельству слово *бадогъ,* находящееся у Нестора по древнѣйшему Лаврентьевскому списку. Но въ еще болѣе рѣшительное затрудненіе поставленъ былъ Калайдовичъ въ спорѣ съ графомъ 24-го февраля того же года. Къ числу прежнихъ сомнѣній графъ присоединилъ новое. «Если образъ Богоматери», возражалъ онъ,—привезенный Пирогощею, въ 1160 г. перенесенъ былъ изъ Кіева во Владиміръ (какъ сказано въ примѣчаніи издателей), то какъ Игорь Святославичъ, возвратившійся въ 1185 г. изъ плѣна Половецскаго, могъ идти молиться въ Кіевъ Богородицѣ Пирогощей? Самое рожденіе его въ 1151 г. еще болѣе сіе запутываетъ.—Я не могши ничего припомнить, сознается Калайдовичъ въ своемъ «Дневникѣ», «согласился было съ нимъ, но г. Карамзинъ, съ коимъ я на другой день видѣлся, сказалъ мнѣ, что все сомнѣніе графа произошло отъ смѣшенія двухъ разныхъ иконъ Пирогощиной и писанной евангелистомъ Лукою, коей перенесеніе изъ Кіева должно дѣйствительно полагать въ 1160 г., что не противно будетъ не подверженному сомнѣнію мѣсту сему въ пѣсни Игоревой». Когда Калайдовичъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія графа, тотъ замѣтилъ, что икона, выдаваемая за письмо евангелиста Луки, писана масляными красками, между тѣмъ какъ искусство сіе появилось позже въ Италіи. Открытіе Тимковскимъ пѣсни о побѣдѣ Дмитрія Донскаго должно бы нѣсколько остановить недовѣріе графа. Но когда Калайдовичъ указалъ ему на эту находку, онъ также не повѣрилъ, замѣтивши, что походъ Игоря описанъ піитически и у Татищева. Вообще скептицизмъ графа заходилъ очень далеко. «Графъ», замѣтилъ Калайдовичъ,—«имѣетъ сильныя предразсудки въ поддѣлкѣ древнихъ рукописей. Онъ не вѣрилъ и Нестору, почитая лѣтописи монастырскими записками, а самаго Нестора—Петра Могилы фабрикою».

Къ числу скептиковъ, раздѣлявшихъ взглядъ графа Румянцова, принадлежалъ и митрополитъ Евгеній. Онъ писалъ: «Объ Игоревой пѣсни я не сомнѣваюсь, что она давняя и могла сочинена быть въ XV вѣкѣ, когда воображеніе и духъ Россіянъ уже ободрился отъ успѣховъ надъ Татарами. Но чтобы была и древняя до XIII вѣка, на

это потребны доказательства яснѣе игумена Зосимы. Растолкуйте мнѣ, къ чему авторъ написалъ въ самомъ началѣ: не лѣпо ли ны бяшеть начати *старыми словесы*? Не значитъ ли это, что онъ силился написать стариннымъ, прежнихъ временъ слогомъ, а не современнымъ себѣ? Слѣдовательно, онъ не современникъ событій. Сѣверное пѣснопѣніе древнее (ссылаюсь на Скандинавскіе саги и эдды) никогда не было такъ высокопарно, какъ пѣснь Игорева. Это воображеніе восточное, похожее на арабскія и татарскія пѣсни, а не греческія». [1]

Но вотъ среди этихъ-то споровъ, какъ бы нарочно для поддержанія недовѣрія и сомнѣнія — являются дѣйствительныя поддѣлки «Слова». Люди наживы, всегда чуткіе къ злобѣ дня, спѣшили уже ловить рыбу въ мутной водѣ. Но что всего любопытнѣе, прежде всѣхъ попался на ихъ удочку первый и главный редакторъ по изданію рукописи Слова, А. Ѳ. Малиновскій. Вотъ что̀ писалъ онъ на радостяхъ графу Н. П. Румянцову о своемъ новомъ мнимо-драгоцѣнномъ пріобрѣтеніи:

«Въ послѣднихъ числахъ мая сего 1815 года Московскій мѣщанинъ Петръ Архиповъ принесъ мнѣ харатейный свитокъ (столпъ) и продалъ за 170 руб. На вопрошенія мои, откуда онъ досталъ его,

[1] См. Сынъ Отеч. 1839 т. VIII. Смѣсь. стр. 18. Впослѣдствіи впрочемъ митрополитъ Евгеній выражалъ свое мнѣніе относительно древности «Слова» уже менѣе рѣшительно. «Кажется, писалъ онъ, что сочинитель старался писать не современнымъ—себѣ слогомъ, ибо самъ онъ въ началѣ своей пѣсни говоритъ: не лѣпо ли ны начати старыми словесы. Весьма многія слова и цѣлыя словосочиненія польскія и сходство ихъ съ Волынскою Лѣтописью заставляютъ предполагать, что языкъ этой пѣсни хотя русскій, однакоже больше Заднѣпровскій и особенно Волынскій, а не нашъ Украинскій, который началъ смѣшиваться съ Польскимъ уже по завладѣніи Украинскихъ странъ Литвою въ XIV вѣкѣ или еще позже». (Сынъ Отеч. 1821 г. ч. XXII стр. 34—37), Столь же осторожно выражалъ онъ свое сомнѣніе и позднѣе въ своихъ «Славянскихъ Лирикахъ» писанныхъ для Державина. «Пѣснь Игорева, писалъ онъ, имѣетъ на себѣ признаки древности, хотя и не слишкомъ отдаленной». (Москвит. 1842 г. Матер. стр. 165).

я получилъ въ отвѣтъ, что вымѣненъ иностранцемъ Шимельфейномъ на разныя вещицы въ Калужской губерніи у зажиточной помѣщицы, которая запретила ему объявлять о имени ея.

«Сей древній свитокъ заключалъ въ себѣ слово о полку Игоревѣ, переписанное 1375 года въ Суздалѣ монахомъ Леонтіемъ Зябловымъ на 11 пергаменныхъ листахъ; каждый изъ нихъ длиною отъ пятнадцати до тринадцати вершковъ; шириною жъ въ три вершка. Всѣ листы одинъ къ другому приклѣены продѣтыми въ трехъ мѣстахъ сквозь прорѣзанныя дырочки пергаменными ремешками и искусно узелкомъ перевязанными. Пергаменъ цѣлъ, хотя и есть на немъ дыры, но не отъ ветхости, а при самой выдѣлкѣ онаго такъ были; потому что писецъ переносилъ буквы чрезъ нихъ. Весь столпъ удивительно сохраненъ и чрезъ 440 лѣтъ ни малѣйшаго поврежденія не потерпѣлъ отъ времени; одна только сторона онаго въ обрѣзѣ по свертку нѣсколько потемнѣла, а другой край очень свѣжъ. Судя по данному въ сей хартіи направленію къ удобному свертыванію, можно навѣрно сказать, что она всегда сберегаема была въ кругломъ футлярѣ. Съ обѣихъ сторонъ вдоль столбца оставлены поля бѣлыя на полвершка, прямо облиневанныя тупымъ ножомъ; строки также всѣ и снизу и сверху для вмѣщенія буквъ облиневаны очень ровно. Двѣ заглавныя строки писаны киноварью и цвѣтъ ея не потемнѣлъ; текстъ же—чернилами уже полинявшими; но четкость удержана чрезъ миндальное масло, которымъ весь столпъ написанъ; почеркъ буквъ настоящій, уставный; препинаній никакихъ нѣтъ, а токмо въ 7 мѣстахъ поставлены точки киноварью и прописныя за ними буквы той же краски.

«По сличеніи сего столпа съ изданною въ печати пѣснію, не оказывается никакой въ смыслѣ дѣйствительной разницы, ниже прибавки, кромѣ измѣненія въ правописаніи и выговорѣ; но много есть писцовыхъ ошибокъ и недописокъ».

Къ сему описанію купленной рукописи приложенъ и самый сводъ разницъ ея съ печатнымъ изданіемъ «Слова». Изъ этого свода видно, что новая рукопись не только не представляетъ ничего новаго, но и переполнена грубѣйшими ошибками. Здѣсь же выписана и лѣтопись

новой рукописи: «Написася при благовѣрномъ и влъкомъ князѣ Дмитріи Константинѣвичѣ слово ѡ походѣ плъку игорева игоря святъславля внука олгова калугеромъ оубогимъ леонтиемъ пореклу злобовымъ въ богоспасаемомъ градѣ Суздали въ лѣто ѿ сотворения мира шесть тысящь ѡсмь сотъ ѡсмъдѣтъ третиаго».

Для подробнѣйшаго разсмотрѣнія Малиновскій обѣщался представить гр. Н. П. Румянцову снимокъ съ первыхъ 16-ти строкъ. «Сія рѣдкая по древности и по виду своему рукопись», писалъ онъ ему,—«будетъ издана вновь мною съ поправленіями въ переложеніи оной на употребляемое нынѣ нарѣчіе; ибо и въ 1-мъ ея изданіи я имѣлъ честь участвовать съ его сіятельствомъ графомъ А. И. Пушкинымъ и покойнымъ дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Н. Н. Бантышъ-Каменскимъ; а по исполненіи сей пріятной предъ учеными Россіянами моей обязанности, останется сей свитокъ навсегда въ библіотекѣ Московскаго государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ архива». Графъ Румянцевъ, не полагаясь рѣшительно на свое мнѣніе, всѣ присланныя имъ бумаги показалъ А. И. Ермолаеву, который видѣлъ подлинную рукопись Слова; онъ не усумнился покупку Малиновскаго назвать подложною. «Бывъ свидѣтелемъ, 23-го іюля», извѣщалъ Нестеровичъ Малиновского,—«невыгоднаго отзыва г. Ермолаева о найденномъ древнемъ спискѣ Пѣсни о полку Игоревѣ, будто списокъ сей поддѣланъ, пріятнѣйшимъ почелъ для себя долгомъ сообщить о семъ вашему превосходительству». Понятно, что и самъ Малиновскій скоро долженъ былъ убѣдиться въ своемъ жалкомъ обманѣ и поучиться практической мудрости у сыновъ вѣка сего.

Узнавъ объ этомъ пріобрѣтеніи Малиновскаго, Карамзинъ былъ имъ очень заинтересованъ, но также скоро долженъ былъ разочароваться. Отъ 20 октября 1815 года, онъ извѣщалъ о томъ изъ Остафьева Тургенева: А. Ѳ. Малиновскій, писалъ онъ, купилъ за 160 руб. харатейное Слово о полку Игоревѣ. Жаль, что списокъ неисправенъ и не пополняетъ печатнаго. Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться въ Москву, писалъ онъ въ другой разъ, посмотрю на купленное Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Слово: это любопытный подлогъ. «Въ подобный

же обманъ, какъ разсказывали тогда, введенъ былъ самъ графъ Мусинъ-Пушкинъ. [1]

Таковы были попытки изслѣдовать погибшую рукопись Слова или отыскать новую.

Но что была за рукопись, въ которой находилось «Слово о полку Игоревѣ», какимъ письмомъ была она писана, къ какому вѣку относилась и какъ пользовались ею первые издатели? Вотъ вопросы, которые имѣютъ первостепенную важность при возстановленіи и исправленіи испорченныхъ мѣстъ «Слова». Наши отвѣты на нихъ предложены были на Кіевскомъ Археологическомъ Съѣздѣ, затѣмъ были напечатаны въ Жур. Мин. Народ. Просвѣщенія [2] и вызвали горячую полемику со стороны другихъ изслѣдователей.

Покойный Академикъ И. И. Срезневскій относилъ эту рукопись, подобно Мусину-Пушкину къ концу XIV или началу XV вѣка. Тотъже хронологическій терминъ усиливаются закрѣпить за нею и новѣйшіе изслѣдователи. [3] Мы, съ своей стороны, поддерживая мнѣніе

[1] Этѣ поддѣлки приписывались Бардину. Вотъ анекдотъ напечатанный о немъ въ его некрологѣ: «Покойный Антонъ Ивановичъ Бардинъ былъ мастеръ подписываться подъ древніе почерки: поддѣлалъ Слово о полку Игоревѣ въ двухъ экземплярахъ и продалъ ихъ, одинъ графу Мусину-Пушкину, другой Малиновскому. Графъ пріѣзжаетъ въ Историческое Общество. «Драгоцѣнность господа!» Что такое? «Пріѣзжайте ко мнѣ». Поѣхали послѣ собранія. Графъ выноситъ харатейную тетрадку пожелтѣлую, почернѣлую. Всѣ удивляются, радуются одинъ Малиновскій высказываетъ сомнѣніе. «Что же вы?» Да вѣдь и я, графъ, купилъ вчера списокъ подобный. «У кого?» У Бардина. По сличеніи списки оказались одной работы. (Москвитян. 1841 г., № 3, стр. 245). Около того же времени и, вѣроятно, тѣмъ же Бардинымъ были поддѣланы «Гимнъ Летиславу» и «Оракулы Новгородскихъ Жрецовъ» (см. Сынъ Отеч. 1821 г. стр. 172—176). Достойно замѣчанія свидѣтельство митрополита Евгенія: «о Болновомъ гимнѣ спорятъ, но большая часть вѣритъ его неподложности. (См. Сборн. стат. 2-го отд. Акад. н. т. V, вып. I, стр. 56—57).

[2] См. Ж. М. Н. Пр. за 1876 г. №№ 9 и 10.

[3] Такъ, кн. П. П. Вяземскій относитъ ее къ XIV в. «Самое вѣское основаніе, по коему утраченную рукопись, говоритъ онъ, слѣдуетъ считать принадлежащею къ XIV столѣтію, отнесеніе оной академикомъ Срезневскимъ къ этому столѣтію.

Калайдовича и Тихонравова, утверждали, что рукопись «Слова» по своей древности не восходитъ далѣе XVI вѣка. Предъявленныя намъ возраженія заставили насъ болѣе внимательно отнестись къ рѣшенію поставленныхъ вопросовъ, что и привело насъ къ новымъ соображеніямъ. Но прежде, чѣмъ высказать эти соображенія, мы позволимъ себѣ остановиться на мнѣніяхъ нашихъ противниковъ.

Ревнители глубокой древней рукописи «Слова» обыкновенно опираются на свидѣтельство самого владѣльца рукописи графа Мусина-Пушкина. Но въ рѣшеніи означенныхъ вопросовъ, въ особенности никакъ нельзя руководиться показаніями Мусина-Пушкина.[1] Отвѣчая Калайдовичу на подобные же вопросы, онъ, вопервыхъ, от-

Орфографія и словосочиненіе въ текстѣ даютъ достаточныя данныя нашему знаменитому палеографу, чтобы опредѣлить эпоху написанія рукописи, не видавъ ея. (Изслѣдов. о варіат. стр. 156). Г. Смирновъ въ своемъ изслѣдованіи также пришелъ къ выводу, что «касательно характера письма больше имѣется данныхъ, чтобы держаться показанія самовидцевъ рукописи (относившихъ къ XIV—XV в.), чѣмъ раздѣлять мнѣнія лицъ, не видавшихъ рукописи (относившихъ ее къ XVIв.). (Вып. II, стр. 16).

[1] Такъ, Мусинъ-Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ Калайдовичу заявлялъ, что рукопись «писана была на лощеной бумагѣ довольно чистымъ письмомъ. По почерку письма и по бумагѣ должно отнести оную переписку къ концу XIV или началу XV вѣка. (Сынъ Отеч. т. VIII, стр. 15). Отсюда видно только, что почеркъ (какой не извѣстно) казался сему весьма древнимъ, но въ томъ то и вопросъ, былъ ли онъ таковъ въ дѣйствительности. Съ другой стороны, видно, что лощеную бумагу Мусинъ-Пушкинъ считалъ признакомъ древности. Г. Смирновъ, усиливаясь утвердить его мнѣніе, прибѣгаетъ къ странному толкованію его словъ: скорописи, говоритъ онъ, которая въ началѣ XIX стол. у насъ была отличаема отъ мелкаго уставнаго или полууставнаго письма всѣми, имѣвшими дѣло съ старыми рукописями, М.-Пушкинъ не придалъ бы (въ предисловіи) наименованія «весьма древнее»; онъ скорѣе бы назвалъ такое письмо просто древнимъ, а, пожалуй, и позднѣйшимъ. Но спрашивается: кто же когда нибудь думалъ или думаетъ, что такого рода скорописью писана была рукопись «Слова»? За тѣмъ, изъ словъ Мусина-Пушкина о лощеной бумагѣ г. Смирновъ выводитъ, что онъ опредѣлилъ XIV вѣкъ рукописи *по знакамъ бумаги*, руководясь будто бы указаніями Ермолаева. (О Словѣ ч. II, стр. 3—5). Но всѣ подобныя разсужденія относятся къ разряду гаданій, лишенныхъ положительнаго, научнаго основанія.

вѣчалъ не совсѣмъ обстоятельно; такъ, онъ писалъ, будто бы «Слово» было помѣщено «*въ концѣ хронографа*», тогда какъ въ печатномъ изданіи въ «изчисленіи матерій, содержащихся въ рукописи», оно помѣщено между повѣстію «Синагрипъ царь Адоровъ» и «Дѣяніемъ прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ». Во вторыхъ, Мусинъ-Пушкинъ старался отдѣлаться отъ Калайдовича общими мѣстами и неопредѣленными выраженіями въ родѣ того, что рукопись *довольно чистымъ письмомъ или довольно яснымъ характиромъ была писана*, не объясняя, что Сборникъ состоялъ изъ разныхъ статей, писанныхъ въ разное время и разными руками. Имѣя это въ виду, равно какъ и ту ограниченную роль, какую игралъ Мусинъ-Пушкинъ при изданіи, никакъ нельзя довѣрять его заключенію, будто подлинная рукопись Слова по почерку письма и по бумагѣ относилась къ концу XIV или къ началу XV вѣка.

Уже одно то, что Малиновскій и Бантышъ-Каменскій ограничились въ 1-мъ изданіи лишь общимъ замѣчаніемъ, что подлинная рукопись Слова «*по своему почерку весьма древняя*» указываетъ на ихъ осторожность и неувѣренность въ глубокой ея древности. Если бы они дѣйствительно раздѣляли мнѣніе Мусина-Пушкина, что эта древность восходитъ къ концу XIV или началу XV в., то они, навѣрное, выразили бы это убѣжденіе въ самомъ изданіи «*опредѣленно и рѣшительно*, а не ограничились бы такимъ общимъ замѣчаніемъ, которое можетъ имѣть весьма относительное значеніе; не только почеркъ XVI, но даже и XVII в. съ полнымъ правомъ можетъ быть названъ весьма древнимъ по отношенію къ XIX вѣку. [1]

Отзывъ Ермолаева, что рукопись была XV в., также мало имѣетъ значенія на томъ основаніи, что онъ не былъ ея издателемъ и не изучалъ ее спеціально: отзывъ этотъ могъ основываться на поверхност-

[1] Рѣшительно не понимаемъ, на какомъ основаніи, кн. П. П. Вяземскій въ своемъ изслѣдованіи о Словѣ говоритъ, что будто «въ предисловіи къ печатному тексту вѣкъ рукописи опредѣленъ концемъ XIV или началомъ XV столѣтія»» (изслѣд. о варіантахъ, стр. 159). Въ дѣйствительности, нѣтъ ничего подобнаго въ предисловіи.

номъ знакомствѣ съ нею. Профессоръ Смирновъ, возражая намъ между прочимъ разсуждаетъ: (II, стр. 4, 5). «Барсовъ, рѣшая вопросъ о вѣкѣ рукописи Слова и усиливаясь опровергнуть объ этомъ мнѣніе Мусина-Пушкина, какъ человѣка неопытнаго въ палеографіи, наравнѣ съ послѣднимъ ставитъ и Ермолаева. Такой взглядъ на Ермолаева, недовѣріе къ его авторитету, засвидѣтельствованному митрополитомъ Евгеніемъ и графомъ Румянцовымъ, стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ данными, представленными самимъ же г. Барсовымъ, именно, что графъ Румянцовъ, получивъ отъ Малиновскаго сообщеніе о купленномъ имъ пергаменномъ спискѣ Слова, не полагаясь на свое мнѣніе, показывалъ это сообщеніе Ермолаеву, который видѣлъ подлинную рукопись Слова и считался тогда первымъ знатокомъ палеографіи». Мы хорошо знаемъ, какимъ уваженіемъ пользовался въ свое время Ермолаевъ, какъ знатокъ палеографіи, мы хорошо знаемъ, что Ермолаевъ былъ учителемъ въ палеографіи даже самого Востокова, но вотъ что для насъ странно: этотъ знаменитый палеографъ не проронилъ ни одного слова въ минуту горячихъ розысканій о вѣкѣ рукописи «Слова», поднятыхъ Калайдовичемъ. Онъ молчалъ и въ то время, когда заподозрѣна была самая подлинность этого памятника. Графъ Румянцовъ, раздѣлявшій сомнѣніе въ его подлиности, и въ то же время питавшій, дѣйствительно, большое уваженіе къ палеографическимъ познаніямъ Ермолаева, даже и тотъ не услыхалъ отъ него ни одного слова объ этой рукописи, тогда какъ его мнѣніе могло бы имѣть большое значеніе для взглядовъ графа. Это упорное молчаніе Ермолаева, очевидца Пушкинскаго Сборника, молчаніе въ такую минуту, когда обстоятельства такъ вопіяли къ его мнѣнію, это молчаніе, говоримъ, указываетъ или на то, что Ермолаевъ равнодушно относился къ вопросу о вѣкѣ рукописи «Слова» или что онъ вполнѣ былъ согласенъ съ мнѣніемъ Калайдовича; это послѣднее всего вѣроятнѣе: молчаніе его было знакомъ согласія. Очень можетъ быть, что Ермолаевъ подтверждалъ мнѣніе Мусина-Пушкина, когда тотъ показывалъ ему самую рукопись,— что могло быть съ его стороны деликатной уступкой графу и его любительской склонности, общей многимъ собирателямъ, относить свои рукописи къ болѣе древнему вѣку, чѣмъ въ какомъ онѣ дѣйствительно писаны. Очень можетъ быть, что Ермолаевъ и самъ по себѣ,

на основаніи поверхностнаго знакомства съ нею, предполагалъ за нею такую древность, но былъ не увѣренъ въ своемъ мнѣніи и потому не отстаивалъ его. Иначе, говоримъ, упорное молчаніе Ермолаева особенно въ ту минуту, когда голосъ его авторитета могъ имѣть рѣшающее значеніе, для насъ совершенно не объяснимо.

«Кромѣ Мусина-Пушкина и Ермолаева, говоритъ г. Смирновъ, изъ самовидцевъ рукописи еще два компетентныхъ лица дали показанія о вѣкѣ ея: Малиновскій и Карамзинъ. Малиновскій относилъ ее къ XIV вѣку (Дуб. стр. VIII), а Карамзинъ считалъ ее написанною въ концѣ XV в.» (Сынъ Отеч. стр. 17, Смир. II, стр. 5). Но вотъ свидѣтельство Карамзина: подлинная рукопись «Слова», говоритъ онъ, была писана не въ концѣ XIV в. и не въ началѣ XV, а развѣ въ концѣ сего столѣтія. Выраженіе: *развѣ въ концѣ сего XV* столѣтія указываетъ, съ одной стороны, что, по его мнѣнію, это уже *крайній предѣлъ* ея древности, а съ другой, такимъ выраженіемъ предполагается, что, вѣроятно, она написана позднѣе. Ревнители мнѣнія Мусина-Пушкина, относящіе рукопись къ концу XIV или къ началу XV в., напрасно ссылаются на свидѣтельство Карамзина. Стоитъ только внимательнѣе вникнуть въ смыслъ его словъ, и тогда окажется, что онъ скорѣе стоитъ на сторонѣ тѣхъ, кои относятъ ее къ XVI в.

Другія замѣчанія исторіографа еще болѣе заставляютъ усумниться въ древности рукописи. Такъ, по словамъ Тимковскаго, Карамзинъ увѣрялъ Калайдовича, что по сдѣланному имъ Карамзинымъ сличенію, оказалось, что пѣснь о походѣ князя Игоря со всею точностію напечатана противъ подлинника, выключая выраженія «*вѣчи Трояни*», вмѣсто котораго въ подлинникѣ стоитъ «сѣчи Трояни» [1]. Онъ тоже находилъ и въ другихъ словахъ, въ коихъ сходныя въ той рукописи буквы *в* и *с* были принимаемы противно. [2] Помимо

[1] Сынъ Отеч. 1839 г. т. VIII, отд. IV, стр. 15—20.

[2] Лѣт. Русс, Лит. кн. VI стр. 90.

поправокъ къ тексту, для насъ важно здѣсь то общее замѣчаніе Карамзина, что въ рукописи можно было принимать одну букву вмѣсто другой: слѣдовательно, она была писана не такимъ *«яснымъ характиромъ»*, который составляетъ особенность XIV и первой половины XV в. Сомнѣваться въ подлинности такого мнѣнія Карамзина едва ли позволительно послѣ того, какъ самъ же Карамзинъ принялъ въ своей «Исторіи» чтеніе: ***сѣчи*** вм. вѣчи; ***по сѣчь я*** вм. повелѣя. Очевидно, онъ не предполагалъ только, но предпочиталъ такое именно чтеніе, какъ наиболѣе отвѣчавшее подлиннику. Притомъ же если профессоръ Тимковскій, передавшій намъ это свидѣтельство Карамзина со словъ Калайдовича, вѣрилъ послѣднему, то не вѣрить ему намъ едва ли позволительно. Тимковскій могъ видѣться съ Карамзинымъ и навести справку объ его показаніи.

Но всего важнѣе, безъ сомнѣнія, въ данномъ случаѣ свидѣтельство самого Малиновскаго, какъ перваго и главнаго редактора по изданію Пушкинской рукописи «Слова». «Сей важный памятникъ, писалъ Калайдовичъ Мусину-Пушкину отъ 3 генв. 1814 г., писанъ былъ, какъ увѣрялъ меня Алексѣй Өедоровичъ Малиновскій, *полууставомъ, переходящимъ въ скоропись*»[3].

Не довѣрять въ этомъ случаѣ Калайдовичу также не возможно: онъ писалъ такимъ образомъ графу Мусину-Пушкину—владѣльцу и издателю рукописи, писалъ, ссылаясь на главнаго его соредактора и пріятеля, писалъ наконецъ какъ человѣкъ—подчиненный Малиновскому: все это такія обстоятельства, кои дѣлаютъ несомнѣннымъ свидѣтельство этого послѣдняго, что рукопись «Слова» писана была дѣйствительно *полууставомъ переходящимъ въ скоропись.* Какъ скоро можно сказать такимъ образомъ о рукописи, то это значитъ, что она уже по своей древности не восходитъ ранѣе XVI в. XV-й вѣкъ отличается лишь мелкимъ полууставомъ; полууставныя буквы начали смѣшиваться съ скорописными главнымъ образомъ лишь во 2-й половинѣ XVI вѣка.

[3] См. въ «Матеріалахъ для біографіи Калайдовича» стр.

Наконецъ, намъ удалось открыть и еще болѣе прямое и рѣшительное свидѣтельство того же главнаго редактора 1-го изданія о вѣкѣ рукописи «Слова».

Приведемъ здѣсь его собственныя слова, имѣющія столь важное значеніе. «Сіе произведеніе россійской словесности», писалъ онъ графу Н. П. Румянцову,—«издано было въ 1800 году подъ заглавіемъ Ироической пѣсни о походѣ на Половцевъ удѣльнаго князя Новагорода и Сѣверскаго Игоря Святославича *съ рукописи XVI вѣка*, принадлежавшей дѣйствительному тайному совѣтнику графу А. И. Пушкину и почитавшейся единственною; но какъ, при нашествіи въ Москву непріятеля, она сгорѣла, то и не оставалось никакого убѣдительнаго доказательства для сумнящихся въ подлинности сего сочиненія и въ существованіи древнѣйшаго россійскаго пѣснотворца Баяна».

Итакъ, по словамъ Малиновскаго, подлинная рукопись Слова была писана въ XVI в. Если человѣкъ не только видѣлъ ее, но и *изучалъ и издавалъ* и не возводитъ ее ранѣе этого времени, то мы не имѣемъ права не вѣрить ему, тѣмъ болѣе, что, много лѣтъ служа въ Архивѣ иностранной коллегіи, онъ имѣлъ достаточно навыка опредѣлять характеръ письма, соотвѣтствующій XV и XVI вѣку.

Положимъ, онъ заявилъ это въ описаніи купленнаго имъ харатейнаго подложнаго списка «Слова» и чрезъ то, быть можетъ, хотѣлъ возвысить этотъ собственный списокъ сравнительно съ спискомъ Пушкинскимъ, но во всякомъ случаѣ такое положительное и прямое заявленіе, что рукопись, съ которой сдѣлано имъ же самимъ изданіе «Слова», была именно XVI в., указываетъ, какъ главный редакторъ его мало былъ увѣренъ въ такой глубокой ея древности, какую признавалъ за ней самъ Мусинъ-Пушкинъ и почему онъ въ своемъ изданіи Слова ограничился лишь глухимъ замѣчаніемъ, что она была «весьма древняя», а не обозначилъ того вѣка, къ которому относилъ ее самъ владѣлецъ. Письмо рукописей XIV, XV и XVI вв. такъ характерно и такъ опредѣленно, что для человѣка знающаго колебаніе здѣсь не возможно. Купленный Малиновскимъ поддѣльный списокъ «Слова» лишь далъ ему поводъ высказаться прямо и откровенно, къ какому именно вѣку, по его убѣжденію, относился Пушкинскій списокъ.

Но вотъ сохранилось еще другое и совершенно противоположное этому свидѣтельство того же Малиновскаго. Дубенскій въ своемъ изслѣдованіи о Словѣ (стр. VIII) замѣчаетъ, что онъ, Дубенскій, «имѣлъ счатіе быть у перваго редактора Слова А. Ѳ. Малиновскаго, *незадолго до его кончины* и что съ чувствомъ истиннаго уваженія говорилъ онъ объ этомъ твореніи, горько жаловался на критиковъ, и *завѣщалъ* (такъ случилось) выставить XIV вѣкъ подлинной рукописи».

Сторонники мнѣнія Мусина-Пушкина рады этому свидѣтельству и видятъ въ немъ надежную опору для своего мнѣнія, но также поспѣшно, какъ поспѣшно записали они и Карамзина въ ряды своихъ очевидцевъ—послуховъ.

Малиновскій, относившій рукопись къ XIV столѣтію, самоувѣренно, хотя и не совсѣмъ складно говоритъ г. Смирновъ, болѣе Карамзина занимался рукописью, болѣе его изучалъ почеркъ и при причисленіи ея къ XIV столѣтію, можетъ быть, имѣлъ какія нибудь основанія для насъ неизвѣстныя; послѣ *погибели рукописи*, онъ, навѣрное изучалъ рукописи, похожія по письму на погибшую, и на основаніи этихъ сличеній, составилъ мнѣніе, сдѣлавшееся для него убѣжденіемъ, вызвавшимъ въ немъ горькія жалобы на критиковъ, относившихъ ее безъ всякихъ основаній къ позднѣйшему вѣку, чѣмъ онъ показалъ (11, 14—15). Изъ статьи Барсова, продолжаетъ г. Смирновъ, мы узнаемъ, что Малиновскій относилъ рукопись и къ XVI столѣтію, но мы все-таки придаемъ больше значенія показанію Дубенскаго, сдѣланному со словъ Малиновскаго, потому что это показаніе было позднѣйшее (ibid.). Обращая вниманіе на Дубенскаго, не слѣдуетъ опускать изъ виду, что приведенныя имъ выраженія Малиновскаго, даже въ томъ видѣ, въ какомъ передаетъ ихъ Дубенскій, стоятъ въ связи съ трудомъ послѣдняго по разработкѣ «Слова»: онѣ выражаютъ лишь согласіе *съ выводами Дубенскаго*, что въ сущности и нужно было послѣднему для скрѣпленія своего мнѣнія авторитетомъ главнаго редактора перваго изданія. Дубенскій, сравнивая языкъ Слова съ языкомъ древнѣйшихъ памятниковъ, пришелъ къ выводу, что формы и законы языка «Слова» строго отвѣчаютъ формамъ и законамъ древнѣйшаго русскаго языка и, если критика запятнала этотъ памятникъ клеймомъ

отверженія, то это лишь значитъ только то, что она отвыкла отъ этихъ формъ и не знаетъ этихъ законовъ. По всей вѣроятности, Дубенскій въ личномъ своемъ разговорѣ сообщилъ Малиновскому эти свои выводы, и тотъ горько *жаловался на критиковъ*, не на тѣхъ, которые относили рукопись Слова къ XVI в.: Малиновскій не могъ забыть, что и самъ онъ держался того же мнѣнія, а *на тѣхъ*, которые отрицали самую подлинность «Слова» и противъ которыхъ направлено было изслѣдованіе самого Дубенскаго; и что далѣе, если онъ дѣйствительно завѣщалъ Дубенскому выставить XIV вѣка рукописи, то это значитъ лишь только то, что онъ подтвердилъ его выводъ о *древнихъ формахъ* сохранившихся въ языкѣ Слова, и вполнѣ согласился, что этѣ древнѣйшія формы служатъ неотразимыми уликами скептиковъ, считавшихъ этотъ памятникъ поддѣлкой XVI и даже XVIII вѣка.

Въ неясной и неотчетливой формѣ, въ какой передана намъ мысль Малиновскаго Дубенскимъ, сказывается для насъ лишь смѣщеніе вопроса *о древности написанія рукописи* съ вопросомъ *о древности языка* памятника, что далеко не одно и тоже. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что это смѣшеніе исходило изъ сознанія Дубенскаго; но съ другой стороны не удивительно, если и самъ Малиновскій въ разговорѣ съ Дубенскимъ не представлялъ строгаго различія этихъ вопросовъ, особенно послѣ того, какъ мы видимъ, что даже современные намъ ученые Колосовъ и Смирновъ заявили себя въ данномъ случаѣ такого же слитностію сознанія.

Во всякомъ случаѣ такое мнѣніе Малиновскаго, совершенно противное тому, что онъ прежде писалъ самъ, возбуждаетъ недовѣріе къ показанію Дубенскаго. Если подъ *критиками*, на которыхъ горько жаловался Малиновскій, разумѣть критиковъ относившихъ рукопись, какъ думаетъ г. Смирновъ, къ болѣе позднему вѣку, чѣмъ онъ показалъ, то положеніе Малиновскаго выходитъ комическое: не забудемъ, что въ числѣ подобныхъ критиковъ, такъ думавшихъ о рукописи, былъ и онъ самъ: такимъ образомъ оказывается, что передъ смертію онъ горько жаловался Дубенскому между прочимъ *и самъ на себя*.

При этомъ мы находимъ не лишнимъ напомнить тѣмъ, кому вѣдать надлежитъ, извѣстное правило логики, которое предписы-

ваетъ вѣрить свидѣтелю непосредственному болѣе, чѣмъ свидѣтелю посредственному. Въ силу этого правила, словамъ написаннымъ собственною рукою Малиновскаго, слѣдуетъ, кажется, вѣрить больше, чѣмъ показанію Дубенскаго, искавшаго въ немъ авторитета для своихъ соображеній и «имѣвшаго счастіе для того представиться ему». Мы позволимъ себѣ къ этому прибавить и другое правило, котораго логика не предусмотрѣла: свидѣтелю въ *здравомъ тѣлѣ* нужно вѣрить больше, чѣмъ свидѣтелю *умирающему*, у котораго нервный аппаратъ можетъ работать болѣзненно. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, послѣ того, какъ Малиновскій, будучи главнымъ редакторомъ 1-го изданія, не рѣшился напечатать, согласно мнѣнію Мусина-Пушкина, что рукопись была XIV в., и лишь ограничился неопредѣленнымъ выраженіемъ, что она была «*весьма древняя*», послѣ того, какъ онъ самъ свидѣтельствовалъ Калайдовичу, «что она была писана *полууставомъ переходящимъ въ скоропись*», послѣ того, какъ онъ писалъ графу Румянцову, что 1-е изданіе было сдѣлано *съ рукописи XVI вѣка*, вдругъ *передъ смертію* горько жалуется на критиковъ, кои не относили ее къ XIV в., и завѣщаетъ Дубенскому выставить этотъ самый вѣкъ подлинной рукописи. Недоумѣвая предъ такими фактами, критика должна склониться или къ тому, что Дубенскій не вѣрно понялъ или не точно передалъ слова Малиновскаго, или къ тому, что самъ Малиновскій былъ въ такомъ нервномъ состояніи передъ смертію, которое дѣлаетъ его завѣщаніе не имѣющимъ правоваго значенія въ наукѣ.

Изъ лицъ, не видавшихъ рукописи, но имѣвшихъ прямыя сношенія съ «очевидцами» ея, особенную важность въ данномъ случаѣ представляетъ свидѣтельство митрополита Евгенія. «Мусинъ-Пушкинъ нашелъ эту поэму, говоритъ онъ, при одномъ старинномъ Бѣлорусскаго письма Хронографѣ, по увѣренію его, яко бы конца XIV или начала XV вѣка, *а по увѣренію другихъ очевидцевъ, не старѣе XVI вѣка* [1]. «Итакъ, по свидѣтельству митрополита Евгенія, *очевидцы*, кромѣ самого Пуш-

[1] Въ статьѣ «о Пѣснопѣвцѣ Игоревѣ» см. Сынъ Отеч. 1821 г. ч. LXXII, стр. 34—37.

кина, увѣряли, что эта поэма по письму была «не старѣе XVI вѣка. Къ сожалѣнію, онъ не указываетъ, кого именно разумѣетъ онъ здѣсь подъ *очевидцами*, но понятно само собою, что никого другаго, какъ Бантышъ-Каменскаго, Малиновскаго и Карамзина» и быть можетъ, даже самого Ермолаева, которыхъ только и можно назвать *«очевидцами»* и съ которыми, какъ извѣстно, онъ имѣлъ ученыя сношенія.

Но едва ли еще не больше имѣетъ значенія въ данномъ случаѣ свидѣтельство Калайдовича, относившаго рукопись къ XVI вѣку: оно было его убѣжденіемъ, выработаннымъ на основаніи всѣхъ его письменныхъ сношеній и личныхъ объясненій съ «очевидцами» рукописи и редакторами 1-го изданія «Слова».

Но такъ какъ все, что мы знаемъ, хотя сколько нибудь о рукописи «Слова», знаемъ, почти исключительно благодаря Калайдовичу, то ревнители глубокой ея древности выразили безцеремонныя нападки на самую личность Калайдовича.

Здѣсь мы считаемъ долгомъ заложить доброе слово предъ памятію потомства за этого ревностнѣйшаго изыскателя и изслѣдователя русскихъ древностей. «Лихорадочное, тревожное отношеніе его къ Слову, говоритъ кн. П. П. Вяземскій, невольно заставляетъ сомнѣваться въ точности его словъ; скорѣе можно думать, что Карамзинъ лишь предполагалъ слово сѣчи вм. *вѣчи*, а Калайдовичъ этимъ воспользовался, чтобы набросить тѣнь на недобросовѣстность издателей. *Враждебное отношеніе Калайдовича къ памятнику XII столѣтія*, говоритъ кн. Вяземскій, весьма понятно: онъ не имѣлъ чести быть издателемъ памятника XII столѣтія; изданные имъ памятники обращали на себя меньшее вниманіе». Удивляемся столь смѣлому и рѣшительному приговору со стороны почтеннаго критика о внутреннихъ движеніяхъ Калайдовича при его розысканіяхъ о Словѣ. Ужели доказывать, что Пушкинская рукопись, съ которой издано Слово, восходила по древности не далѣе XVI в., значитъ уже питать «враждебное отношеніе къ самому памятнику XII в., дошедшему до насъ въ этой рукописи? Ужели отрицательное отношеніе къ мнѣнію Мусина-Пушкина о вѣкѣ этой рукописи непремѣнно предполагаетъ собою мотивы зависти? Ужели его энергичное розысканіе въ этомъ направленіи позволительно

безъ всякихъ околичностей, объяснять столь недостойнымъ порывомъ, дѣйствовавшимъ въ немъ *лихорадочно?* Нѣтъ; не отсюда истекала его изыскательность и не таковъ былъ этотъ человѣкъ. Энергія Калайдовича въ розысканіяхъ о рукописи Слова доказываетъ, что этотъ памятникъ былъ для него дорогъ, и дорогъ болѣе, чѣмъ для кого-нибудь изъ его современниковъ, независимо отъ того, дошелъ ли онъ до насъ въ спискѣ XV или XVI вѣка; онъ именно — Калайдовичъ болѣе чѣмъ кто-нибудь жалѣлъ, что такой драгоцѣнный памятникъ изданъ безъ всякихъ палеографическихъ данныхъ, которыя могли бы пролить нѣкоторый свѣтъ на темныя и испорченныя мѣста его; не чувство зависти, а чувство истины, заставляло его искать разъясненія своихъ недоумѣній у самыхъ редакторовъ 1-го изданія Слова—Мусина-Пукшкина и Малиновскаго. Не такъ свойственно поступать завистникамъ.

Добросовѣстность издателей тутъ не причемъ; то или другое чтеніе обусловливалось палеографическими особенностями рукописи, а потому было равно возможно и одинаково должно считаться добросовѣстнымъ.

Далѣе, кн. П. П. Вяземскій почти прямо обвиняетъ его въ клеветѣ. «Голословное» заподозрѣваніе, выраженное Калайдовичемъ (отнесеніемъ рукописи «Слова» къ XVI в.), говоритъ онъ, есть положительное обвиненіе Малиновскаго, Бантышъ-Каменскаго и Ермолаева въ *завѣдомомъ обманѣ*, а Карамзина въ *укрывательствѣ обмана* [1]. Но вѣдь мнѣніе Калайдовича хорошо было извѣстно всѣмъ означеннымъ лицамъ, и однако никто изъ нихъ не видѣлъ въ немъ такого безчестія для себя, какое усматриваетъ въ томъ нашъ современный ревностный изслѣдователь «Слова». Послушаемъ ихъ самихъ, какъ цѣнили они Калайдовича. Бантышъ-Каменскій въ своемъ письмѣ къ графу Румянцеву, отъ 26 дек. 1813 г., которое было своего рода завѣщаніемъ, для печатанія «Трактатовъ» рекомендовалъ Калайдовича, какъ человѣка крѣпко знающаго литературу и Россійскую исторію,

[1] Изслѣд. о варіант. Слова, стр. 3.

извѣстнаго по многимъ историческимъ и критическимъ отрывкамъ *въ исторіи о пѣсни Игоревой*. Малиновскій, по собственнымъ его словамъ, отдавалъ справедливость отличнымъ его способностямъ и знанію отечественныхъ древностей и, какъ мы видѣли, самъ склонялся на сторону Калайдовича въ мнѣніи о вѣкѣ рукописи «Слова». Я не присвою себѣ вашихъ открытій, писалъ ему Карамзинъ; я скажу публикѣ, чѣмъ обязана вамъ исторія». Самъ Мусинъ-Пушкинъ выразилъ свое безграничное довѣріе ему тѣмъ, что вручилъ ему свою «автобіографію» и велъ съ нимъ переписку о рукописи «Слова». Эти отношенія показываютъ, что никто изъ очевидцевъ рукописи не смущался мнѣніемъ Калайдовича объ ея вѣкѣ и никто не видѣлъ въ томъ обвиненія себя «въ завѣдомомъ обманѣ» или «въ укрывательствѣ обмана».

Итакъ, сводя показанія «очевидцевъ» рукописи, и лицъ, имѣвшихъ непосредственныя съ ними сношенія, мы видимъ:

1. Карамзинъ утверждалъ, что рукопись была писана не въ XIV и не въ началѣ XV-го вѣка, *а развѣ въ концѣ* сего столѣтія.

2. Малиновскій главный редакторъ 1-го изданія «Слова» письменно засвидѣтельствовалъ, что это изданіе было сдѣлано «съ рукописи XVI вѣка».

3. Митрополитъ Евгеній говорилъ, что по увѣренію *очевидцевъ*, за исключеніемъ самого Мусина-Пушкина, эта рукопись была «не старѣе XVI вѣка».

4. Калайдовичъ, дѣлавшій о ней тщательныя розысканія, довѣренный Мусина-Пушкина, сослуживецъ Малиновскаго, ревностный сотрудникъ Карамзина, относилъ ее также къ XVI в.

На сторонѣ свидѣтелей наибольшей ея древности остаются: самъ Мусинъ-Пушкинъ, какъ владѣлецъ, преувеличивавшій ея древность и далеко не авторитетный судья въ палеографическихъ вопросахъ, и затѣмъ Ермолаевъ, который самъ своего мнѣнія въ печати не заявилъ и противныхъ мнѣній не опровергалъ, видимо равнодушно относясь къ этому вопросу. Намъ не извѣстно даже, въ какой именно формѣ онъ высказывалъ свое предположеніе и насколько было оно условно или положительно. Что касается другаго мнѣнія Малиновскаго,

переданнаго Дубенскимъ, то подъ нимъ скрывается лишь одно недоумѣніе Дубенскаго, слившаго вопросъ о древности языка памятника съ вопросомъ о древности его написанія. Во всякомъ случаѣ мы благодарны сторонникамъ мнѣнія Мусина-Пушкина о характерѣ письма и вѣкѣ рукописи за то, что они, настаивая на своемъ, вынуждаютъ критику обратить болѣе строгое вниманіе на эти вопросы. Вопросъ о вѣкѣ рукописи далеко не такъ маловаженъ и безразличенъ, какъ кажется кн. П. П. Вяземскому. Съ разрѣшеніемъ его открывается для критики наибольшая возможность разчистить путь ошибокъ и разрѣшить грѣхи, допущенные первыми издателями. Да и собственныя предположенія кн. Вяземскаго напр. о существованіи въ рукописи *юса въ видѣ дельты* и нѣкоторыхъ надстрочныхъ знаковъ теряютъ всякое значеніе, при такомъ или другомъ рѣшеніи этого вопроса; если рукопись была XVI в., то въ ней не могло быть *юса въ видѣ Греческой дельты,* который встрѣчается лишь въ древнѣйшихъ рукописяхъ и то въ вышей степени рѣдко; если же она была XIV вѣка, въ ней не могло быть множества надстрочныхъ знаковъ и надписныхъ буквъ, что̀ составляетъ особенность позднѣйшаго правописанія». Руководящимъ началомъ при подобныхъ предположеніяхъ неизбѣжно должно служить такое или другое рѣшеніе вопроса о вѣкѣ рукописи «Слова».

Здѣсь критикѣ предстоитъ рѣшить слѣдующіе вопросы:

1. Всѣ ли статьи, входящія въ составъ Пушкинскаго Сборника, писаны были однимъ почеркомъ и относились къ одному вѣку?

2. Точно ли Слово о полку Игоревѣ было написано въ немъ полууставомъ переходящимъ въ скоропись XVI вѣка?

3. И наконецъ, какъ относились первые издатели «Слова» къ рукописному его оригиналу и насколько вѣрную его копію они передали намъ въ печатномъ изданіи?

Первые издатели въ «предисловіи» къ «Слову» въ особомъ примѣчаніи напечатали «матеріи» Пушкинскаго Сборника, по ихъ оглавленіямъ, и тѣмъ открыли возможность точнѣе опредѣлить происхожденіе его состава.

Особаго оглавленія, входившихъ въ него статей, которое обыкновенно, по древне-русскому обычаю, помѣщалось въ началѣ рукописей, здѣсь, повидимому не было, и издатели выписывали его «матеріи» по заглавіямъ, какія нашлись въ самомъ Сборникѣ, не разбирая строго, были ли это надписанія особыхъ главъ или заглавія отдѣльныхъ сочиненій.

«Книга сія содержала слѣдующія, по ихъ оглавленіямъ, матеріи:

1. Книга, глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ), рекше начало писменомъ Царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ....

2. Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе Русскихъ Князей и земля Рускыя.

3. Сказаніе о Индіи богатой.

4. Синагрипъ Царь Адоровъ, Иналивскія страны.

5. Слово о плъку Игоревѣ, Игоря Святославля, внука Ольгова.

6. Дѣяніе прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ о бръзости, и о силѣ и о храбрости.

7. Сказаніе о Филипатѣ и о Максимѣ и о храбрости ихъ.

8. Аще думно есь слышати о свадѣбѣ Девгѣевѣ, и о всъхыщеніи Стратиговнѣ.

Первыя двѣ статьи должны были занимать наибольшую часть Сборника, и потому самая рукопись должна была носить названіе «Хронографа». Всѣ прочія статьи были лишь дополненія къ «Хронографу».

По свидѣтельству Мусина-Пушкина, Хронографъ этотъ пріобрѣтенъ имъ отъ архимандрита Іоиля, бывшаго настоятеля Спасо-Ярославскаго монастыря, жившаго здѣсь въ то время на покоѣ. Теперь спрашивается: нѣтъ ли какихъ историческихъ указаній на то, когда, какъ и откуда попалъ этотъ Хронографъ въ Спасо-Ярославскій монастырь?

Познакомившись съ Исторіей библіотеки Спасо-Ярославскаго монастыря, мы узнаемъ, что здѣсь были нѣкогда два Хронографа, но одинъ изъ нихъ по своему написанію не могъ восходить ранѣе конца XVII-го, а другой былъ написанъ уже въ началѣ XVIII вѣка.

Извѣстно, что Дмитрій Ростовскій, занимаясь составленіемъ своего Келейнаго лѣтописца, употреблялъ всѣ мѣры къ тому, чтобы пріобрѣсть для своего труда Русскіе хронографы. Онъ, какъ извѣстно, пользовался при этомъ хрониками Андрохомія (1585 г.) Беллярмина (1613) Гагнея, Функція и многихъ другихъ. Въ виду этого понятенъ тотъ интересъ, съ какимъ онъ искалъ Русскихъ хронографовъ. «Возжелахъ, писалъ онъ Феологу въ 1707 году, аще Господь восхощетъ, сочинить Лѣтописецъ вкратцѣ за келлію, *но не имамъ книгъ.* Всѣ Лѣтописныя книги съ эпархіи Ростовской взяты къ вамъ, а *у меня только той, иже, списася съ онаго*, его же взимахъ во дворѣ печатномъ. Аще же Латыньскіи и имамъ, но съ нашими лѣтами не сходни. Молю убо честность твою, пожалуй, пріищи гдѣ нибудь такого Русскаго Хронографа, поне единаго, аще болѣй не возможно, въ немъ же лѣтосчисленіе отъ созданія міра, и изволь прислать ко мнѣ грѣшному, дабы собрати возмогъ по нашему восточному православію лѣтосчисленію, молю смиренно». Съ такою же просьбою обращался онъ и къ Григорію Дмитріевичу Строганову отъ 18-го мая 1709 года [1].

Изъ приведеннаго письма видно, что Дмитрій Ростовскій, не только собиралъ хронографы, но и списывалъ ихъ: «а у меня только той, иже списася съ онаго, его же взимахъ во дворѣ печатномъ».

Съ переводомъ Архіерейской каѳедры изъ Ростова въ Ярославль (1786 г.) и съ обращеніемъ Спасо-Ярославскаго монастыря въ Архіерейскій домъ (1788 г.) сюда перевезена была и библіотека Ростовскаго Архіерейскаго дома, а съ нею поступилъ сюда и Хронографъ, списанный Дмитріемъ Ростовскимъ, о коемъ онъ упоминаетъ въ вышеприведенномъ письмѣ.

Извѣстно свидѣтельство одного очевидца Пушкинскаго Сборника, заставляющее предполагать, что Пушкинскій Хронографъ былъ именно Хронографъ, писанный Дмитріемъ Ростовскимъ. Таково показаніе типографщика Селивановскаго который говорилъ Калайдовичу, что рукопись «Слова» была написана точно *къ книгѣ*, какъ сказано въ

[1] См. Вѣстн. Европ. 1826 г. № 8, стр. 274.

предисловіи, бѣлорусскимъ письмомъ, не такъ древнимъ, похожимъ на почеркъ Дмитрія Ростовскаго.

Селивановскій, на нашъ взглядъ, никакъ не могъ бы высказать столь положительнаго мнѣнія о бѣлорусскомъ характерѣ письма этой книги, ни какъ не могъ бы такъ опредѣленно указать на сходство написанія ея съ почеркомъ именно Дмитрія Ростовскаго, еслибы дѣйствительно не былъ знакомъ съ рукописями писанными его собственной рукой. Упоминаніе имъ *о книгѣ*, т.-е. Пушкинскомъ Сборникѣ въ цѣломъ его видѣ, даетъ замѣтить, что показаніе его относится главнымъ образомъ къ Хронографу, занимавшему, безъ сомнѣнія, наибольшую часть всей книги, по крайней мѣрѣ до 500 листовъ, если только этотъ Хронографъ былъ болѣе или менѣе законченный.

Былъ еще другой Хронографъ въ Спасо-Ярославскомъ монастырѣ, отысканный здѣсь Дмитріемъ Ростовскимъ во время своихъ занятій «Келейнымъ лѣтописцемъ». Что это былъ за Хронографъ, сдѣлалъ такія указанія самъ Дмитрій Ростовскій, кои даютъ намъ нѣкоторое понятіе о немъ.

«Хронографъ Ярославско-Спасскій, говоритъ онъ въ своемъ лѣто писцѣ, пишетъ: по Іисусѣ бысть судія первый Іуда со старцы лѣтъ ні҃. Иные Хронографы Русскіи, поясняетъ онъ, того же и Халева быти мняще, сказуютъ его бывша перваго по Іисусѣ судіи во Израили, и судивша лѣтъ кг҃.» [1]. Далѣе: «Семегаръ по Аоду судія бѣ, но лѣтъ ему въ библіяхъ не положено, и мнятъ его судивша малое время, токмо мѣсяца нѣколико. А Хронографъ Спасо-Ярославскій тому Семегару положилъ лѣтъ ѯ҃.» [2].

Что касается послѣдней особенности этого Хронографа, то она встрѣчается въ древнихъ Хронографахъ; но первая положительно неизвѣстна Хронографамъ XV и XVI вѣка. Такъ напр. въ Хроно-

[1] См. Сочин. Дмит. Рост. 1857 г., стр. 56.

[2] См. Ibid., стр. 57.

графѣ 1485 г. [1] объ Іудѣ говорится, что онъ **«сѫжаше людемъ лѣтъ ꙁ҃»**, а не **і҃и**. Въ Хронографѣ 1494 г. [2] точно также «**июда соудн нл҃н ꙁ҃ лѣтъ**» а не **і҃и**. Не встрѣчаемъ этой особенности и въ Хронографахъ XVI вѣка. [3] Она попадается лишь въ нѣкоторыхъ спискахъ XVII вѣка [4].

Нѣтъ основаній предполагать, чтобы Пушкинскій Хронографъ поступилъ въ библіотеку Спасо-Ярославскаго Архіерейскаго дома послѣ Дмитрія Ростовскаго. Въ ряду его преемниковъ по святительской каѳедрѣ были хорошіе проповѣдники, были хорошіе строители; но не было историковъ, а тѣмъ болѣе такихъ, которые бы занимались хронографами. Не равнодушенъ былъ къ исторіи развѣ одинъ Арсеній Мацѣевичъ, но все его имущество, какъ извѣстно, было конфинсковано и вывезено изъ Ярославской епархіи.

Еще менѣе можно думать, чтобы этотъ Хронографъ, купленный у Іоиля, бывшаго архимандрита Спасо-Ярославскаго монастыря и жившаго здѣсь на покоѣ, былъ пріобрѣтенъ имъ самимъ и составлялъ его собственность. Хотя Мусинъ-Пушкинъ и говоритъ, что это «былъ мужъ съ просвѣщеніемъ и любитель словесности», но ни въ архивѣ, ни въ библіотекѣ, ни даже въ преданіяхъ Спасо-Ярославскаго монастыря не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ о какомъ бы то ни было просвѣщеніи и любви къ словесности этого мужа. Въ дѣйствительности же это просто былъ Хронографъ монастырской библіотеки. На это указываетъ нумерація рукописи: на ней значился № 323. Всѣмъ извѣстно, какъ относились настоятели нашихъ монастырей къ древнимъ рукописямъ особенно въ XVIII вѣкѣ. Рѣчь о необыкновенномъ просвѣщеніи этого мужа заведена лишь для отвода глазъ, во избѣжаніе нареканія, что оберъ-прокуроръ св. Синода оби-

[1] См. Хроногр. Пискаревскій. Моск. Публ. Музея № 597. л. 60 об.

[2] См. Хроногр. Румянцовскій № 453 л. 223.

[3] См. Хроногр. Румянцовскій № 454.

[4] Въ одномъ изъ списковъ, принадлежащихъ нашему рукописному Собранію.

раетъ монастырскія библіотеки. Конечно, и самъ Іоиль или коммиссіонеръ могъ представить этотъ Хронографъ Мусину-Пушкину, какъ частную собственность этого «просвѣщеннаго мужа».

Итакъ, историческія указанія Спасо-Ярославской библіотеки не представляютъ слѣдовъ, чтобы добытый отсюда Пушкинскій Хронографъ былъ большей древности. Напротивъ онъ могъ быть рукописью только XVII вѣка, если только не былъ спискомъ самого Дмитрія Ростовскаго въ началѣ XVIII вѣка.

Но весьма возможно, что этотъ Хронографъ былъ пріобрѣтенъ Мусинымъ-Пушкинымъ даже совсѣмъ не изъ Спасскаго Ярославскаго монастыря. Не безъ основанія, конечно, Полевой высказалъ мнѣніе, что Мусинъ-Пушкинъ досталъ свой Сборникъ изъ Пантелеимоновскаго монастыря во Псковѣ, что на бору, при устьѣ рѣки Черехи. [1] Въ голосѣ Полеваго, безъ сомнѣнья, сказалось преданіе, ходившее въ то время въ ученомъ кругу, о Псковскомъ происхожденіи этого знаменитаго Хронографа. Быть можетъ, графъ Мусинъ-Пушкинъ находилъ по чему нибудь нужнымъ скрывать истинное мѣсто своего пріобрѣтенія.

Имѣя это въ виду, мы должны обратиться къ слѣдамъ его древности, какія отражаются въ первомъ изданіи «Слова». Въ данномъ случаѣ получаетъ весьма важное значеніе оглавленіе этого Хронографа, выписанное вполнѣ въ «предисловіи» къ 1-му изданію.

Прежде всего для критики бросается въ глаза, что онъ здѣсь имѣетъ названіе: книга глаголемая *Гранаграфъ*.

Слово *Гранаграфъ*, замѣчаетъ А. Н. Поповъ, употреблялось не по ошибкѣ переписчиковъ, а сознательно; въ предисловіи между прочимъ объяснялось: сего ради книжица сія гранаграфъ счинися, зане вся начальства, царства же и государства въ ней кратко описуютъ: *грань* убо начальство, *графъ* же описаніе и, обое сложивъ во единокупіе, речется *гранаграфъ*, еже есть начальствъ описаніе. [2]

[1] Москов. Телегр. 1833 ч. V, примѣч. къ стр. 423.

[2] См. Обзор. Русс. Хроногр. А. Н. Попова. Ч. II, стр. 70—71.

Такое понятіе о хронографахъ выработалось лишь въ XVI вѣкѣ подъ воздѣйствіемъ оффиціальной исторической письменности, когда выдвинулся вопросъ о значеніи и происхожденіи царской власти, когда дьякамъ поручалось составлять *«книги степенемъ царскихъ родовъ»* и когда исторія сводилась къ приказному понятію *«началъствъ описанія»*.

Такимъ образомъ одно это названіе хронографа *гранаграфомъ* указываетъ, что эта статья по своему происхожденію не восходила ранѣе XVI вѣка.

Но здѣсь этотъ гранаграфъ имѣетъ еще полное и законченное оглавленіе: *«Книга глаголемая Гранаграфъ (Хронографъ), рекше начало писменомъ царскихъ родовъ отъ многихъ лѣтописецъ; прежде о бытіи, о сотвореніи міра, отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Іисуса Навина и отъ судей Іудейскихъ и отъ четырехъ царствъ; такъ же и о Асирійскихъ Царехъ отъ Александрія, и отъ Римскихъ Царей, Еллинъ же благочестивыхъ, и отъ Русскихъ лѣтописецъ, Сербскихъ и Болгарскихъ»*.

Первая редакція хронографа появилась въ нашей письменности, какъ извѣстно, въ концѣ XV в. не позже 1485 года [1]. Но эта редакція имѣетъ совсѣмъ другое надписаніе, именно: Врѣменикъ ѿпростѣ ѡразличных хроногрꙗ іскател събрань же и сложен георгіе мнихо.

Оглавленіе же «Гранографа», выписанное первыми издателями изъ Пушкинскаго Сборника и вполнѣ напечатанное ими при первомъ

[1] Въ Румянцевскомъ Музеѣ (изъ собр. Пискарева № 162) есть хронографъ съ точнымъ обозначеніемъ года своего написанія: Написана бысть сія книгы въ дни благочестиваго Великаго Князя Ивана Васильевича Владимерскаго и Новгородцкаго и Московскаго и всея Росіа и при архіепископѣ Геронтіи, митрополитъ всея Росія въ преименитомъ и велицѣмъ градѣ Москвѣ, лѣту сущу 6993 (1485 г.) мѣсяца іуліа 22, индиктіона втораго. Ю. чръны званіемъ и дѣанми (см. катал. Славянск. рукописей послѣ Д. Пискарева, составл. А. Е. Викторовымъ). Отсюда видно, что первая редакція древне-русскаго хронографа относилась не къ 1512 г. какъ утверждается въ упомянутомъ изслѣдованіи А. Н. Попова, а восходитъ къ XV вѣку.

изданіи, относится уже ко 2-й редакціи русскаго хронографа, получившей подобный видъ лишь въ началѣ XVII вѣка именно въ 1617 г. [1]

Вторая статья Пушкинскаго Сборника носитъ такое оглавленіе: «Временникъ, иже нарицается лѣтописаніе Русскихъ князей и земля Рускыя». Едва ли эта статья не есть лишь продолженіе хронографа 3-й редакціи, гдѣ предъ русскими статьями писалось: *Отселѣ начинается лѣтописаніе рускихъ князей земли рускія.* [2]

Отсюда слѣдуетъ, что хронографъ, которымъ открывался Пушкинскій Сборникъ не могъ восходить по своему письму ранѣе XVII в.

Но есть еще здѣсь признаки, по которымъ позволительно относить написаніе къ его болѣе позднему времени.

Кромѣ того, что, судя по этимъ заглавіямъ, правописаніе этого Хронографа, существенно отличалось отъ дальнѣйшихъ приложенныхъ къ нему статей, въ немъ не выдержано даже такихъ особенностей, кои сохранились въ спискахъ XVII в. Такъ здѣсь написано: *Сербскихъ*, тогда какъ во всѣхъ спискахъ XVII в. глухой ъ здѣсь удерживается: *Сербъскихъ*.

Далѣе мы встрѣчаемъ здѣсь такое выраженіе: *отъ Іисуса Навина*. Извѣстно, что это имя во всѣхъ до-Никоновскихъ рукописяхъ писалось въ формѣ *Ісусъ*; лишь въ самыхъ древнѣйшихъ рукописяхъ, тяготѣвшихъ къ греческой буквѣ, оно удерживалось въ Греческой формѣ. Полное написаніе этого имени въ Пушкинскомъ Сборникѣ указываетъ, что если онъ не былъ написанъ Дмитріемъ Ростовскимъ, ко-

[1] По изслѣдованію А. Н. Попова эта редакція получила такое именно заглавіе: книга глаголемая Гранографъ, сирѣчь лѣтописецъ. Въ ней же начало писменомъ царскихъ родовъ, отъ многихъ лѣтописецъ, преже о бытіи и о сотвореніи отъ книгъ Моисеовыхъ и отъ Ісуса Навина и отъ судей Іюдейскихъ и отъ четырехъ царствъ таже и о Асирійскихъ царехъ, Еллинъ же и благочестивыхъ и отъ рускихъ лѣтописецъ, Сербьскихъ и Болгарскихъ. Всякій можетъ замѣтить, что это тоже самое заглавіе хронографа, какъ и въ Пушкинскомъ сборникѣ. См. Обзоръ Хронографовъ русской ред. А. Н. Попова. Ч. 2-я, стр. 70—71.

[2] См. Обзоръ Хроногр. Ч. 2-я, стр. 144.

торый, какъ извѣстно, ратовалъ за греческую форму его написанія и имени «*Ісуса*» придавалъ значеніе «*равноухаго*», то во всякомъ случаѣ явился на свѣтъ уже послѣ Никона, т. е. въ концѣ XVII вѣка.

Итакъ, изъ всего нами сказаннаго слѣдуетъ, что Хронографъ, составлявшій главную и существенную часть Пушкинскаго Сборника, чей бы онъ ни былъ и откуда бы ни былъ пріобрѣтенъ, по древности своего написанія не восходилъ ранѣе конца XVII или начала XVIII вѣка.

Но нельзя сказать того же о другихъ статьяхъ, приложенныхъ въ видѣ дополненія, къ Хронографу Пушкинскаго Сборника, въ ряду которыхъ находилось и «Слово о полку Игоревѣ». Такъ думать о времени написанія этихъ статей, кромѣ внѣшнихъ свидѣтельствъ, не позволяетъ и ихъ правописаніе, несомнѣнно отличающееся болѣе древнимъ характеромъ. Очевидно, статьи этѣ были приплетены къ Хронографу, хотя и были написаны гораздо ранѣе, какъ это часто встрѣчается въ древне-русскихъ Сборникахъ.

Въ заглавіяхъ этихъ статей, приведенныхъ въ 1-мъ изданіи, встрѣчаемъ уже слова съ правописаніемъ болѣе древнимъ, чѣмъ какое сказывается въ оглавленіи «Хронографа». Такъ въ «Дѣяніи прежнихъ временъ» встрѣчаемъ «*о бръзости*»; «*о свадьбѣ*» «*о всъхыщеніи*».

Еще яснѣе это видно изъ выписокъ, приводимыхъ Карамзинымъ изъ текста этихъ статей.

Такъ напр. въ повѣсти объ Акирѣ читаемъ: *пръ*сть; въ Дѣяніи: *дръ*зость *чръ*леною, *кръ*милици.

Шипящіе соединяются съ мягкими: въ Дѣяніи: на*чя*, жем*чю*гомъ и съ твердыми: ужи*ца*, уно*ша*.

А употребляетси вм. *я*: напр. въ Дѣяніи: брат*іа*, за знамен*іа*, коп*іа*.

Въ 3-хъ лицахъ глаголовъ настоящаго времени употребляется ъ вм. ь; напр. въ повѣсти объ Акирѣ, буде*тъ*, умре*тъ*, постои*тъ*

възме*тъ*, всыпле*тъ*, рку*тъ*; рѣдко ъ; напр. въ Дѣяніи: *играетъ*, иногда глухой въ подобныхъ случаяхъ совсѣмъ опускается напр. въ Дѣян. «похупа*ется*».

Въ родит. и дат. пад. множест. ч. большею частію употребляется ь вм. ъ: напр. въ Дѣяніи: сыно*мь*, твои*мь*, у сыно*вь*, кожухо*вь*.

Въ творит. пад. ед. ч. употребляется и ь и ъ: въ Дѣяніи: «сухы*мь* злато*мь*», и «сухы*мъ* злато*мъ*».

Въ срединѣ словъ ь удерживается и опускается: напр. въ Дѣяніи: же*м*чюгомъ и же*мь*чюгомъ.

Въ предлогахъ слитыхъ съ глаголами ъ большею частію удерживается: напр. въ повѣсти объ Акирѣ: *възметъ*, *създахъ*, *възгнѣтихъ*; въ Дѣяніи: *възложити*.

Встрѣчаются сокращенныя слова: въ повѣсти объ Акирѣ: *ркутъ*, *плъ*, (полъ) въ Дѣяніи: *плки*, *рче*.

Но этѣ дополнительныя статьи по древности своего написанія не восходятъ ранѣе XVI вѣка.

Для подкрѣпленія своего мнѣнія считаемъ не лишнимъ остановить здѣсь вниманіе на повѣсти объ Акирѣ премудромъ, подъ заглавіемъ: «Синагрипъ царь Адоровъ, Иналивскія страны».

Повѣсть эту намъ удалось отыскать въ Сербскомъ оригиналѣ XVI вѣка. Обращая вниманіе на то, что воздѣйствіе Сербіи на Русскую письменность главнымъ образомъ стало преобладать со 2-ій половины XV· вѣка, можно полагать, что около этого времени появилась въ нашей письменности и эта повѣсть. Достойно замѣчанія, что въ найденномъ Сербскомъ спискѣ она носитъ другое заглавіе: «**Притча и поученіе ѡ разоумѣ и ѡ мѫдрости акиріа философа**».

Изъ Русскихъ списковъ той же самой редакціи извѣстенъ лишь одинъ, принадлежащій Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ; онъ по письму относится къ XV вѣку, но въ немъ стоитъ уже другое заглавіе, состоящее изъ начала самой повѣсти.

Приводимъ здѣсь отрывокъ этой повѣсти выписанный Карамзинымъ изъ Пушкинскаго сборника, въ сравненіи съ текстомъ его по Сербскому списку.

Изъ Пушкинской рукописи.

Синагрипъ, царь Адоровъ, Иналивскія страны.

Въ то время азъ Акырь книгчіи бѣ, и рече но ми есть отъ Бога: «Отъ тебе чадо не родится».

Имѣніе же имѣя паче всѣхъ человѣкъ, пояхъ жену и устроихъ домъ и жихъ 60 лѣтъ, и не бысть ми чяда.

И създахъ требники и възгнѣтихъ огнь и рѣхъ: «Господи, Боже мой! Аще умру, и не будетъ ми наслѣдника, и *ркутъ* человѣци: «Акыръ праведенъ бѣ и Богу истинно служаше; аще умреть, и не обрящеться мужескъ *плъ (полъ)*, иже постоить на гробѣ его, ни дѣвическъ *плъ*, иже бы его оплакала, ни иже по немъ задницу възметь!» И нынѣ прошу у тебе, Господи Боже мой, даждь ми мужескъ *полъ*: гда преставлюся, да всыплеть ми *пръсть* (персть) на очи мои!»

Изъ Сербскаго списка.

Синагринь црь адорски. и аналакскы црь. въ то врѣме азъ акуріє книгочіа бѣ. и рєно ми бы ѿ ба чєдо нє родиты. имѣніа имєхь пачє въсѣхь члвкь. и поє сєбѣ жєноу и сътвори домь и жи ѯ лѣ и нє сътворыхь чєда. азь акуріє трєбованіє. и рѣ тако гн бє мои, аще прѣставикшѹмисє. и нє бѹдетми наслѣдныка. что рєкѹть члвчци. акуріє праведнии моужь. истиньнъ бѣ правдою. бѹ слѹжашє. прєставикшѹмисє, моужьскы поль нє бѹди ни жєнскы. нъ нꙗ прошѹ ти гн бє мои. дажь мѹжкы поль да єгда прѣставикшѹмисє. да сипаєть прьсть на ѡчи мои.

Отсюда видно, насколько Сербскій списокъ по древности языка отличается отъ русскаго перевода въ Пушкинскомъ спискѣ. Тогда какъ въ Сербскомъ замѣтно еще тяготѣніе къ греческимъ формамъ, въ Русскомъ онѣ подчинены уже складу живой рѣчи. Нельзя также

не замѣтить и національной прибавки въ русскомъ переводѣ: «ни иже по немъ задницу възметь».

Сравненіе же Пушкинскаго текста съ началомъ той же повѣсти по списку Общества Исторіи и Древностей, сколько указываетъ на то, что редакція перевода, общая тому и другому, списку сдѣлана была именно въ XV вѣкѣ, столько же и на то, что Пушкинскій списокъ, сравнителько съ спискомъ Общества, отступаетъ отъ древнихъ особенностей правописанія—и носитъ на себѣ слѣды позднѣйшаго письма.

Такъ напр. въ спискѣ Общества: пишется: «*книгьчии*»; въ Пушкинскомъ: книгчій; тамъ: «не *родитьсѧ*»; въ Пушкинскомъ: «не родится»; тамъ: «*рчѣть*»; въ Пушкинскомъ: «ркуть».

Нѣтъ сомнѣнія, что еслибы выписки Карамзина изъ этой повѣсти были значительнѣе, подобныхъ признаковъ позднѣйшаго письма ея въ Пушкинскомъ Сборникѣ мы имѣли бы гораздо больше.

Несравненно богаче данныя представляются «Словомъ о полку Игоревѣ» для опредѣленія характера и времени написанія какъ самаго «Слова», такъ и другихъ статей, приложенныхъ къ Пушкинскому Сборнику.

Данныя эти слѣдующія:

1. Московская копія этой рукописи, дошедшая до насъ въ первомъ изданіи 1800 г. и редактированная, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ Малиновскимъ.

2. Петербургская копія, сдѣланная самимъ Мусинымъ-Пушкинымъ для Императрицы Екатерины II, найденная въ ея бумагахъ и изданная Академикомъ Пекарскимъ. Назначеніе этой копіи для самой Государыни говоритъ за то, что она могла быть сдѣлана со всевозможнымъ стараніемъ и умѣніемъ, безъ той небрежности, какую такъ легко предполагаютъ въ ней нѣкоторые изслѣдователи. [1]

[1] Такъ, напр. г. Смирновъ думаетъ, что Екатерининскій списокъ снятъ былъ тотчасъ по открытіи рукописи *въ торопяхъ, безъ вниманія къ правописанію и раздѣленію словъ.* (О «Словѣ», ч. II, стр. 7).

3. Выписки Карамзина изъ рукописи «Слова». Извѣстно, что онъ сличалъ первое изданіе съ рукописнымъ его оригиналомъ, а потому нѣкоторыя отдѣльныя слова и выраженія, выписанныя имъ изъ самой рукописи и занесенныя въ свою «Исторію», представляютъ большую важность въ рѣшеніи вопроса о характерѣ ея письма и времени ея написанія. Дѣлая этѣ выписки, онъ ссылается на первопечатное изданіе «Слова», но очевидныя разнорѣчія съ симъ послѣднимъ, даютъ замѣтить, что онъ бралъ ихъ не отсюда, а изъ самаго оригинала.

Приводимъ здѣсь всѣ эти мѣста въ сравненіи съ формами ихъ начертанія въ копіяхъ Московской и Петербургской.

ВЫПИСКИ КАРАМЗИНА:	КОПІЯ МОСКОВСКАЯ:	КОПІЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ:
(Т. I, пр. 69).		
Свято*плкъ*	Святоплъкь.	Святополкъ.
по сѣчѣ я [1]	*повелѣя*	также какъ въ Моск.
Между Уго*ръ*скими....	Угоръскими	также.
иноходьцы.	иноходьцы..........	иноходцы.
ко св. софіи къ *Кыеву*	ко святѣй Софіи къ *Кі*еву.............	также.
(Т. III, пр. 70).		
Всѣша на брезѣ *синяго моря.*	Въспѣша сине*му* мор*ю.*	также.
(Т. III, пр. 71)		
Великій *Святославъ*...	Святславъ	Свя*тъ*славъ.
крича*тъ* подъ саблями половецкими.	кричатъ...........	также.
(Т. III, пр. 72).		
а Володи*меръ* подъ ранами	Володим*и*ръ.	Володимiръ.

[1] Издатели, замѣчаетъ Карамзинъ, не угадали сей рѣчи, гдѣ есть описка: по велѣ я, вм. по сѣчѣ я, т. е. взялъ. Ист. Г. Р., т. III, примѣч. 268.

ВЫПИСКИ КАРАМЗИНА:	КОПІЯ МОСКОВСКАЯ:	КОПІЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ:
(Т. II, пр. 420).		
а кощей по *рѣзани*...	по *резанѣ*	также.
(Т. III, пр. 262).		
Вступиша въ *златый* стремень............	Вступи*ша* въ *злата* стремень..........	также.
(Т. III, пр. 77).		
Галичкы осмомыс*ле*...	осмомыс*лѣ*.	осмомыс*ле*.
желѣзными *плъкы*....	плъки.	полки.
Затвори *къ дунаю*... ворота.	*въ* Дунаю.........	затвор*ивъ* Дунаю.
Меча *бремены*........	*времены*..........	также.
Грозы... теку*ть*	текутъ	теку*ть*.
*От*воряеши *Кыеву* врата................	О*тт*воряеши К*іе*ву..	также.
(Т. III, пр. 266).		
Инъварь...Мстиславича.	Инъгварь.......... Мстиславич*и*.......	Ингварь. Мстиславлич*и*.
(Т. III, пр. 65).		
Тече*ть* Полочаномъ (а не Половчанамъ).....	тече*тъ*. полочаномъ	также. полоч*анамъ*.

4. Наконецъ не менѣе драгоцѣнныя данныя для разрѣшенія поставленнаго нами вопроса открываются вновь найденными черновыми бумагами главнаго редактора перваго изданія Малиновскаго. Бумаги эти представляютъ его первоначальныя работы надъ «Словомъ» и важны уже потому, что въ нихъ мы встрѣчаемся съ первымъ процессомъ чтенія и изученія рукописи «Слова».

Въ ряду этихъ бумагъ въ данномъ случаѣ имѣютъ особенное значеніе начертанныя рукою Малиновскаго «Темныя мѣста въ поэмѣ Игоря».

Приведемъ здѣсь эти мѣста также въ сравненіи съ формами начертанія ихъ въ Московской и Петербургской копіяхъ:

БУМАГИ МАЛИНОВСКАГО:	МОСКОВСКАЯ КОПІЯ:	ПЕТЕРБУРГСКАЯ КОПІЯ:
1. Уже бо бѣды его *пасеть птиць*.	пасетъ	пасе*ть*.
2. И рассоушѧ стрѣлами по полю.	и рассу*шясь*.	рассуш*ась*.
3. оръть-мами.	оръътмами.	орътмами.
4. Стр*оу*жіе.	стр*у*жіе	также какъ въ Моск.
5. Земля *тоутнеть*. .	т*у*тнетъ	также.
6. Харал*оужны*ми. . . .	харал*у*жными	также.
7. *поскепаны* саблями.	также.	также.
8. Шеломы *Оварьскыя*.	также.	также.
9. Тоже *звонъ* слыша.	тоже *звонъ*.	*то же* звонъ.
10. *На казанину* зелену *па-поломоу* постла.	на канину зелену паполом*у*.	также. также.
11. *Кикахоуть*.	киках*у*ть	также.
12. На оуедіє.	на *у*едіе.	также.
13. *Ничить* трава. . . .	также.	также.
14. въст*оу*пилъ дѣвою на землю трояню въсплескала лебедиными *крылы*, на син*ѣм*ъ мор*е*. оудон*оу* плєщ*оу*чи. . . .	*Всту*пилъ дѣвою на землю Трояню, всплескала лебедеными *крылы* на син*ѣм*ъ море у Дону плещ*у*чи.	крилы. на син*ем*ъ мор*ѣ*, у дону плещучи.
15. *Потрепати*.	также.	также.
16. изл*оу*кв.	изъ *луку*.	также.
17. кают*ъ* Кн. игоря ижє погроуги жиръ. . .	кают*ь* Князя Игоря, иже погрузи жиръ. . .	кают*ъ*.
18. тъщими т*оу*лы поганыхъ тлъковинъ	тъщими т*у*лы поганыхъ тлъковинъ.	тъщими тулы поганыхъ тлъковинъ.

Этотъ перечень темныхъ мѣстъ въ поэмѣ Игоря прежде всего показываетъ, что первые издатели затруднялись такими словами и выраженіями (какъ, напримѣръ: *стружіе*, *тутне*тъ, *ничи*ть, *каю*ть, *жир*ъ), которыя въ настоящее время уже никого не затрудняютъ. И напротивъ того, они опускали изъ виду, по крайней мѣрѣ, не считали, какъ видно, темными для себя такія выраженія, которыя донынѣ остаются неразгаданными (какъ, напримѣръ: въ «*стазбь оръть-мами, тропа*

трояня» и т. п. Но для насъ приведенныя здѣсь «*темныя мѣста*» чрезвычайно важны не столько сами по себѣ, сколько по своимъ палеографическимъ особенностямъ. Нельзя не замѣтить, что Малиновскій старался начертать этѣ темныя мѣста согласно рукописному оригиналу; это видно изъ того, что онъ каждую ошибку, допущенную имъ въ начертаніи той или другой буквы, тотчасъ же исправлялъ самъ. Такъ, напримѣръ, въ словѣ «*синемъ*» въ концѣ сначалъ написалъ *е*, а потомъ поправилъ на *ѣ*; въ словѣ *па-поломоу* въ концѣ сначала написалъ *у* простое, а потомъ поправилъ его на *оу*; *излоукъ* въ концѣ сначала написалъ у, а потомъ поправилъ на укъ (ѹ); въ словѣ *оуедге* сначала *д* написалъ новѣйшее, скорописное, а потомъ поправилъ его на д полууставное; въ словѣ *тъшими* вставочный ъ между *т* и *щ* сначала пропустилъ, а потомъ вписалъ. Всѣ этѣ многочисленныя поправки самого себя могутъ показывать, что Малиновскій при выпискѣ означенныхъ темныхъ мѣстъ не только пользовался подлинною рукописью «Слова», но именно хотѣлъ и стремился къ тому, чтобы выписать ихъ буквально и точно. А при такихъ условіяхъ этѣ темныя мѣста получаютъ особенно важное значеніе для критики текста перваго изданія.

Но кромѣ приведенныхъ, такъ названныхъ «Темныхъ мѣстъ», въ бумагахъ Малиновскаго уцѣлѣло нѣсколько отдѣльныхъ лоскутковъ, на которыхъ сдѣланы выписки изъ текста «Слова», пріуроченныя, повидимому, къ предполагавшейся статьѣ о Боянѣ.

Вотъ этѣ выписки, въ сравненіи съ начертаніями ихъ въ Московской и Петербургской копіяхъ.

БУМАГИ МАЛИНОВСКАГО:	КОПІЯ МОСКОВСКАЯ.	ПЕТЕРБУРГСКАЯ:
Отрыв. 1.		
Шизы̑ (м над ы)	шизымъ.	также, какъ въ Моск.
Помняшетъ бо *рѣ*чь . . .	*ре*чь.	также.
Усоб*и*цѣ	усоб*і*цѣ.	также.
На стадо лебед*ей*.	лебед*ѣ*ії.	также.
та преди *пѣсни* пояше.	пѣ*сь*.	пѣ*снѣ*.

БУМАГИ МАЛИНОВСКАГО.	КОПІЯ МОСКОВСКАЯ.	КОПІЯ ПЕТЕРБУРСКАЯ.
Редедю предъ *полкы*...	предъ *пълкы*	предъ полкы.
Косо*жс*кыми	касожъскыми........	косожъскыми.
Роман*у* Святослав*ичу*..	Роман*ови* Святъславличю..............	также.
Не 10 соколовъ на стадо лебедей...........	не і соколовъ на стадо лебед*ѣ*й.........	не 10 соколовъ на стадо лебедей.
нъ своя вѣщія пръсты [1]	также.	также.
*в*складаше.	*въ*складаше.	также.
княз*е̑* славу *ракотаху*.	княземъ *ро*котаху...	также.
Отрыв. 2.		
(Пѣти) пѣ*сни* Игореви того (Олга) внуку.....	пѣ*сь*..............	пѣ*снь*.
Чи ли вспѣти было вещей, Бояне велесовъ [2] внуче!	въспѣти в*ѣ*щей бояне, велесовъ	также. велесовъ.
Свѣдоми *къ мѣти* [3]....	*къ ме*ти...........	*къме*ти.
*вз*лелѣяни	*възле*лѣяни..........	*възлѣ*лѣяни.
*в*скръмлени...........	*въ*скръмлени........	также.
яругы имъ...........	имъ	имь.
*изо*стрѣни.	изъострени.	*изо*стрени.
сами скачю*тъ*..........	скачю*ть*.	скачю*тъ*.
ак*и* сѣрыи вълци......	ак*ы* вл*ъ*ци.	также.
той бо Олегъ мечемъ ..	*тъ*и бо...меч*емъ*.....	той бо...мечемь.
И ст*рѣ*лы по земли....	также.	ст*ре*лы.
Тогда Гориславличи сѣяшется и растяшетъ по*гы*башетъ.	Тогда при Олзѣ Гориславличи....растяше*ть* по*ги*баше*ть*........	также, какъ въ московской.
въ княж*й* крамолахъ...	въ княжихъ........	
вѣци человѣк*о̑*	человѣкомъ.	человѣкомъ.
Тогда по Руской землѣ рѣ*дко* Ратае*ве* кикахуть [4]	земл*и* рѣ*т*ко ратаев*ь*	также.

[1] Сначала было написано «*персты*», потомъ зачеркнуто и замѣнено начертаніемъ: «*пърсты*».

[2] Здѣсь подъ звѣздочкою сдѣлана выноска съ начертаніемъ: «велесъ».

[3] Было написано сначала: «къ мѣтѣ» и поправлено на: «къ мѣти».

[4] Замѣчательно, что въ концѣ этого слова Малиновскій ь написалъ близко къ церковно-славянскому начертанію, а не по обычному своему написанію.

БУМАГИ МАЛИНОВСКАГО.	КОПІЯ МОСКОВСКАЯ.	КОПІЯ ПЕТЕРБУРГСКАЯ.
нъ часто врани гро*я*хуть	гр*а*яхуть	также.
а галици свою [1] рѣчь говоря хуты	говоряхуть	также.
хотя*тъ* [2] полетѣти на уедіе [3]	хотя*тъ*	пол*ѣ*тѣти.
Ничи*тъ* трава	ничи*тъ*	также.
а древо *съ* тугою къ земли [4] п*ри*клонилось	*с*тугою	с тугою.
	къ земли п*ре*клонилось	также.
Жены Рус*кыя* *вс*плакашась [5]	Рус*кія* *въ*сплакашась	Рус*кыя* *въ*сплакашась.
а ркучи: уже на͡ свои͡ милы͡ ладъ ни мыслію ни думою *с*думати [6]	аркучи: уже на*мъ*	а ркучи: уже намъ.
ни очима *з*глядати	*съ*глядати	ни оочима.
Дружину княжую птиць крилы пріод*е*, а зв*е*ри кровъ полизаш*е*	Дружину твою, Княже, птиць крилы пріод*ѣ*, а зв*ѣ*ри кровъ полиза*ша*	также.
Отрыв. 3.		
На Немизѣ снопы стелютъ	также.	стелю*тъ*.
Молотятъ чепи *халужными*	*харалужными*	*халужными*.
на тоцѣ живо*тъ* кладу*тъ*	также.	живо*тъ* кладу*тъ*.
вѣютъ душу о͡т тѣла	отъ тѣла	также.
не бологомъ бяху*тъ*	бяху*тъ*	небологомъ бяху*тъ*.
костьми Руски͡	Рускихъ	
сыно*въ*	также.	сыновъ.

[1] Сначала Малиновскій написалъ: «а Галици сво» и зачеркнулъ только потому, что слово «галици» написалъ съ большой буквы.

[2] Слово это было написано съ окончаніемъ на *ь*, который поправленъ на *ъ*.

[3] Это слово онъ написалъ, повидимому, чрезъ ѣ: «уѣдіе» и потомъ также зачеркнулъ и написалъ чрезъ е: «уедіе».

[4] Сначала было написано съ окончаніемъ на ѣ: «къ землѣ» и потомъ *ѣ* поправлена на и.

[5] Послѣ *и* сначала было написано я, и потомъ оно поправлено на *а*.

[6] Сначала было написано: «вздумати» и затѣмъ поправлено на «здумати»

БУМАГИ МАЛИНОВСКАГО.	КОПІЯ МОСКОВСКАЯ.	ПЕТЕРБУРГСКАЯ,
Отрыв. 4.		
аще и вѣща душа въ друзѣ тѣлѣ	также.....	к҆ друзѣ.
Тому вѣщей Боянъ и *перъ*вое *притовку* смысленный рече: ни *хи*тру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божіа не минути.	и п*ръ*вое *припѣвку* смысленый ни хытру.	и первое припѣвку смысленый...нихытру
Отрыв. 5.		
Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣс*нь*.. .	пѣс*нь*.	пѣс*нь*.

Нельзя не замѣтить, что при написаніи этихъ выдержекъ изъ текста, Малиновскій не вездѣ былъ такъ тщателенъ, какъ при начертаніяхъ «темныхъ мѣстъ», гдѣ поправлялъ онъ даже скорописныя буквы на полууставныя; но и здѣсь, какъ мы указали, онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ также поправлялъ самъ себя и, какъ видно, обращалъ особенное вниманіе на окончанія словъ. Для насъ чрезвычайно важны, въ приведенныхъ выдержкахъ, слова съ сокращенными окончаніями. Хотя онъ и дѣлаетъ этѣ окончанія свойственнымъ ему скорописнымъ почеркомъ, но имѣя въ виду особенное его вниманіе къ окончаніямъ другихъ словъ въ тѣхъ же выдержкахъ, мы должны думать, что онъ позволялъ себѣ подобныя сокращенія лишь только потому, что въ самой рукописи этѣ самыя слова оканчивались титло ванными надписными буквами.

Таковы представляются данныя для опредѣленія характера письма и вѣка рукописи «Слова». Полный текстъ мы имѣемъ въ двухъ копіяхъ; нѣкоторыя же отдѣльныя слова и выраженія въ трехъ и даже четырехъ начертаніяхъ.

Всѣ этѣ данныя вводятъ насъ въ самый процессъ первоначальнаго разбиранія рукописи, и разночтенія однихъ и тѣхъ же словъ

разными лицами и даже однимъ и тѣмъ же лицомъ въ разное время даютъ неотразимо замѣтить характерныя, отличительныя черты письма самой рукописи.

1. Прежде всего обращаемъ вниманіе на господство въ ней паерка, особенно въ предлогахъ и словахъ, сложенныхъ съ предлогами. Такъ въ Петербургской (Пушкинской) копіи встрѣчаемъ: *в' друзѣ, с' заранія, в'змути.* Очевидно изъ этихъ данныхъ, что паерокъ имѣлъ мѣсто въ самомъ подлинникѣ «Слова». Сравнивая же между собою обѣ копіи, Петербургскую и Московскую, мы встрѣчаемъ здѣсь слѣды широкаго употребленія въ рукописи паерка. Достойно вниманія, что во множествѣ словъ по печатному изданію является ъ или ь тамъ, что въ Пушкинскомъ спискѣ ихъ нѣтъ; вотъ примѣры:

ВЪ МОСКОВСКОЙ КОПІИ.	ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ.
из**ъ**острени	из*о*стрени.
в**ъ**ступи	*в*ступи.
т**ъ**мою	*тм*ою.
на чр**ъ**леныя	на *чр*леныя.
орът**ъ**мами	орътмами.
Ол**ь**гово	О*л*гово.
Тъмутороканѣ	*Т*мутороканѣ.
Иноход**ъ**цы	иноход*ц*ы.
сил**ь**ными	си*л*ными.
На сед**ь**момъ	На се*дм*омъ.
от**ъ**ныхъ	*от* ныхъ.
нел**ь**зѣ	не*лз*ѣ.
м**ъ**глами	*мг*лами.

Имѣя въ виду такое количество подобныхъ примѣровъ, нельзя допустить, чтобы редакторъ Петербургской копіи Мусинъ-Пушкинъ опускалъ изъ виду глухіе ъ и ь, хотя во всѣхъ этихъ словахъ они въ подлинникѣ были; еще менѣе возможно предположить, чтобы редакторъ Московской копіи Малиновскій внесъ ихъ въ текстъ, хотя ихъ въ подлинникѣ не было. Разночтенія этихъ словъ объясняются лишь господствомъ въ рукописи паерка. Мусинъ-Пушкинъ, очевидно,

сначала опускалъ изъ виду этотъ паерокъ, какъ надстрочный знакъ и выкидывалъ его въ своей копіи; Малиновскій же, при печатаніи текста, обратилъ на него свое вниманіе и вносилъ его въ свою копію или какъ ъ или какъ ь, смотря по соображеніямъ, или другимъ примѣрамъ, гдѣ писались они, какъ строчныя буквы.

Карамзинъ, подобно Мусину-Пушкину, также не строго относился къ удержанію этого паерка въ своихъ выдержкахъ; отсюда возникли разнописанія:

У КАРАМЗИНА.	ВЪ МОСКОВСКОЙ КОПІИ.	ВЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ.
Свято*пл*къ.	святоплъкъ.	Свято*по*лкъ.
*в*спѣша	*въ*спѣша.	также, какъ въ моск.
Ингварь.	Инъгварь	Ингварь.

Но всего любопытнѣе, что самъ главный редакторъ Московской (печатной) копіи Малиновскій въ своихъ черновыхъ бумагахъ расходится съ своимъ изданіемъ въ употребленіи ъ и ь въ срединѣ словъ, въ особенности же въ предлогахъ и словахъ, сложенныхъ съ предлогами.

Такъ въ вышеприведенныхъ отрывкахъ онъ ихъ выпускаетъ, а въ изданіи удерживаетъ.

ОНЪ ПИШЕТЪ:	ПЕЧАТАЕТЪ:
изострѣни. .	изъострѣни.
косожскими.	касожъскими.
вскладаше.	въскладаше.
вспѣти было.	въспѣти.
взлелѣяни.	възлелѣяни.
всплакашась.	въсплакашась.
зглядати. .	съглядати.

Очевидно, въ рукописи во всѣхъ этихъ словахъ глухіе замѣнялись паеркомъ, на который онъ, подобно Пушкину и Карамзину, сна-

чала не обращалъ вниманія и потому въ черновыхъ его начертаніяхъ слова эти написаны безъ глухихъ; но при редакціи рукописи для печатнаго изданія онъ ихъ замѣтилъ и внесъ въ текстъ.

Паерокъ въ древне-русской письменности появляется съ XII в. (въ Погод. Псалт. дръ̓зостно; л. 138); однако до XV в. онъ употреблялся чрезвычайно рѣдко. Даже и въ XV вѣкѣ глухіе по преимуществу писались въ строку, какъ самостоятельныя буквы. Лишь съ конца этого вѣка паерокъ сталъ употребляться очень часто, особенно въ предлогахъ и словахъ, сложенныхъ съ предлогами; во второй же половинѣ XVI вѣка, въ данныхъ случаяхъ, онъ, можно сказать, совсѣмъ вытѣснилъ написаніе глухихъ въ строку и сдѣлался господствующимъ надстрочнымъ знакомъ, однимъ изъ характерныхъ признаковъ рукописей этого времени.

2. Далѣе въ Петербургской (Пушкинской) копіи и черновыхъ бумагахъ Малиновскаго встрѣчаемся съ такого рода данными, которыя показываютъ, что въ подлинникѣ не мало было словъ титлованныхъ, особенно съ титлованными окончаніями. Такъ въ Пушкинской копіи находимъ:

Умоⷨ, шелоⷨ, соколоⷨ, звереⷨ, босыⷨ, трудоⷨ, молодыⷨ, у рн҃, одн҃ свѣтъ, со҃, желѣзныⷯ, своⷯ, повѣдаюⷮ, летⷮ. [1] Въ «Темныхъ мѣстахъ Малиновскаго встрѣчаемъ: дⷭкою *рассоуша҃*, *кн:*. Въ «Отрывкахъ»: шизыⷨ, *князеⷨ*, *въ княжⷯ*, *человѣкоⷨ*, *наⷨ*, *своⷯ*, *милыⷯ Рускⷯ*. Принимая же во вниманіе разночтенія нѣкоторыхъ словъ въ копіяхъ Московской и Петербургской, необходимо допустить, что подобныхъ сокращенныхъ окончаній въ подлинникѣ было очень не мало. Такозы именно весьма многія разночтенія, относящіяся къ окончаніямъ словъ на ъ и на ѣ въ той и другой копіи. Сравнивая эти копіи, изъ именъ существительныхъ и мѣстоименій, въ разныхъ падежахъ и числахъ, мы встрѣчаемъ 12 словъ, кои въ Московской оканчиваются на ѣ, а въ Петербургской на ъ:

[1] Пекарскій замѣчаетъ, «что онъ напечаталъ Екатерининскій списокъ «Слова» буква въ букву съ сохраненіемъ даже тѣхъ сокращеній, которыя переписчикъ дѣлалъ для избѣжанія переноса окончаній въ другую строку». Но не понятно,

въ московской:	въ петербургской:
по былинамъ................	по былинамъ.
соколовъ (дважды)............	соколовъ.
умъ (дважды)................	умъ.
Велесовъ....................	Велесовъ.
(пути) имъ..................	умъ.
Всеволожъ...................	Всеволожъ.
человѣкомъ..................	человѣкомъ.
А Святъславъ................	Святславъ.
дивъ........................	дивъ.
бес щитовъ..................	бесъ щитовъ.

И наоборотъ 14 словъ, кои въ Московской оканчиваются на ъ, а въ Петербургской на ъ. Таковы:

въ московской:	въ петербургской:
яруги имъ...................	имъ.
мечемъ......................	мечемъ.
княземъ.....................	княземъ.
за нимъ.....................	за нимъ.
намъ........................	намъ.
Черниговъ...................	Черниговъ.
Отецъ.......................	отецъ.
птицъ.......................	птицъ.
носитъ умъ..................	умъ.
не бологомъ.................	не бологомъ.
болотомъ....................	болотомъ.
животъ......................	животъ.
сыновъ......................	сыновъ.
Донецъ......................	Донецъ.

кого онъ разумѣетъ здѣсь подъ переписчикомъ? того ли писца, который переписывалъ собственно Пушкинскую копію, или того, который переписывалъ самую рукопись «Слова». Едва ли возможно допустить, чтобы писецъ, переписывавшій на бѣло черновую копію Пушкина для самой Императрицы, позволилъ себѣ, по собственному мудрованію, хоть бы то во избѣжаніе переноса слова въ другую строку, дѣлать подобныя сокращенія и заканчивать ихъ надписными буквами.

Особенно же рѣзко подобныя разночтенія сказываются въ глагольныхъ формахъ. Въ 40 случаяхъ, гдѣ въ Московской копіи слова оканчиваются на ъ, въ Петербургской тѣ же слова оканчиваются на ь. Такъ въ первой, подъ редакціею Малиновскаго, встрѣчаемъ:

Кличетъ, пасетъ, дремлетъ, бѣжитъ, заворочаетъ, бываетъ, възбиваетъ, носитъ, кличетъ, течетъ, слышитъ, плачетъ, спитъ, бдитъ, мѣритъ, ѣздитъ, молвитъ.

Въсрожатъ, идутъ, хотятъ, прикрываютъ, лежатъ, летятъ гримлютъ, трещатъ, нѣгуютъ, поютъ, побѣждаютъ, рыкаютъ, текутъ, стелютъ, кладутъ, пашутъ, идутъ, кажутъ.

Бяшетъ, не дастъ, похитимъ, подѣлимъ, забывъ.

Всѣ эти слова въ Петербургской копіи, подъ редакціею Пушкина, оканчиваются обратно, т.-е. на ь, а не на ъ.

Очевидно, такое значительное количество однихъ и тѣхъ же словъ, прочитанныхъ различно двумя редакторами, заставляетъ предполагать, что въ самой рукописи было основаніе для такого разночтенія; методическое же употребленіе глухихъ, въ данныхъ случаяхъ со стороны того и другаго редактора, заставляетъ предполагать такое или другое начало, принятое за правило каждымъ изъ нихъ.

Трудно придумать другое основаніе для этихъ разночтеній, кромѣ того, что всѣ означенныя слова въ подлинникѣ завершались титловыми окончаніями.

Въ указанныхъ выше данныхъ можно усмотрѣть самый процессъ этихъ разночтеній. Такъ въ черновыхъ отрывкахъ Малиновскаго встрѣчаемъ подъ титломъ: на҃, Пушкинъ читаетъ «*намь*», Малиновскій печатаетъ: «*намъ*».

Вполнѣ раздѣляя мнѣніе кн. П. П. Вяземскаго, что при выводѣ словъ изъ-подъ титла, каждый редакторъ слѣдовалъ своей методѣ,

Пушкинъ, для удобства чтенія, измѣнившій даже болгарское правописаніе рукописи на русское, едва ли бы допустилъ со стороны писца такую вольность, не приличную не только для памятника, но просто даже для бумаги, подносимой самой Государынѣ.

выдержанной имъ въ своей копіи; мы не можемъ однако согласиться съ объясненіемъ этихъ методъ достопочтеннымъ изслѣдователемъ «варіантовъ Слова».

Онъ полагаетъ, что указанныя разночтенія произошли отъ того, что слова заканчивались, взамѣнъ глухихъ, двумя знаками: *дугообразнымъ* и *прямолинейнымъ*. Въ Петербургской и Московской копіяхъ, въ отношеніи глухихъ, редакторы придали этимъ знакамъ, по его мнѣнію, обратное значеніе; знакъ знаменовавшій ъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ трактовался, какъ ь и на оборотъ.

Но мы не можемъ допустить, чтобы древніе писцы выдерживали однообразіе знаковъ для отличія глухихъ. Значеніе ихъ для писцевъ утратилось уже въ глубокой древности. Изъ другихъ статей того же Пушкинскаго Сборника, по выдержкамъ Карамзина, мы видимъ, что ь и ъ даже въ собственныхъ именахъ употреблялись безразлично. Если древне-русскій писецъ не дѣлалъ строгаго различія между ними даже при законченномъ написаніи словъ, то тѣмъ менѣе онъ могъ чувствовать надобность отмѣчать ихъ въ титловыхъ окончаніяхъ особыми знаками, прямолинейнымъ и дугообразнымъ.

Еще труднѣе допустить, чтобы сами редакторы, при выведеніи словъ изъ-подъ титлъ, устанавливали свою методу въ написаніи ь или ъ по такого рода знакамъ. Они не могли не знать, что въ древнерусскихъ рукописяхъ, буквы и слоги, скрывавшіеся подъ титлами прежде всего различались не по разности ихъ крышекъ, а просто по смыслу самого слова; затѣмъ основанія для правильнаго чтенія давались весьма часто самими писцами, которые или тѣ же самыя или подобныя имъ слова, въ той же рукописи писали сполна, за исключеніемъ словъ, установившихся и по предположенію всякому извѣстныхъ: сами писцы какъ бы старались облегчить своихъ читателей.

И въ Московской и въ Петербургской копіяхъ мы встрѣчаемъ нѣкоторыя слова, согласно начертанныя, и не только съ окончаніемъ на ь по современному правописанію (дивь), но и на ъ: какъ-то: «умъ, правитъ, трепещутъ, идутъ». Знакъ, что эти слова въ рукописи начертаны были сполна строчнымъ письмомъ.

Мусинъ-Пушкинъ, разбирая рукопись и встрѣтивъ въ ней слова, начертанныя сполна строчнымъ письмомъ съ окончаніемъ на ъ, принялъ для себя это окончаніе за правило при выводѣ подобныхъ окончаній изъ-подъ титлъ. Малиновскій же предпочелъ во всѣхъ данныхъ случаяхъ держаться современнаго правописанія, для котораго также въ словахъ, написанныхъ сполна, было въ рукописи подобное основаніе.

Но чѣмъ бы ни руководились редакторы копій при выводѣ словъ изъ-подъ титлъ, это множество въ рукописи титлованныхъ окончаній ведетъ къ убѣжденію, что она далеко не восходила къ такой древности, къ какой желали бы пріурочить ее нѣкоторые изслѣдователи. Не говоря о XIV вѣкѣ, въ которомъ господствовало уставное письмо, замѣтимъ, что и XV вѣкъ отличался мелкимъ уставомъ, который не терпѣлъ такихъ сокращенныхъ окончаній. Титлованныя слова, конечно, встрѣчаются и въ древнихъ уставныхъ рукописяхъ, но онѣ являются какъ слова извѣстныя, притомъ же писались рѣдко, безъ нарушенія уставнаго характера и типа. Съ конца XV в., когда мелкій полууставъ замѣтно сталъ приближаться къ скорописи, рукописи начинаютъ уже пестрѣть паерками, титлованными окончаніями и надписными надстрочными буквами; но въ подлинникѣ «Слова» подобныхъ титлованныхъ окончаній, какъ видно изъ сравненія двухъ копій, было такъ много, что въ силу этого по времени своего написанія, она нисходитъ ко 2-й половинѣ XVI вѣка; лишь въ эту эпоху, когда съ полууставными мелкими буквами стало соединяться почти на половину буквъ скорописныхъ, явилось преобладаніе конечныхъ сокращеній и рѣзкое смѣшеніе строчнаго письма съ надстрочнымъ.

3. Хотя Мусинъ-Пушкинъ и заявилъ, что рукопись «Слова» была писана «яснымъ характеромъ», однако изученіе Московской и Петербургской копій и другихъ относящихся къ ней данныхъ, приводитъ къ убѣжденію, что начертанія нѣкоторыхъ буквъ настолько были въ ней сбивчивы и малохарактерны, что въ лицахъ, читавшихъ ихъ впервые, вызывали колебанія, за что ихъ принимать, и породили въ ихъ копіяхъ новыя неожиданныя разночтенія.

Такая малохарактерность начертаній относится:

а) Къ глухимъ ъ и ь. Только этою особенностію могутъ быть объяснены разночтенія нѣкоторыхъ, однихъ и тѣхъ же словъ, разными лицами и даже однимъ и тѣмъ же лицомъ, но въ разное время. Въ этомъ отношеніи прежде всего достойны вниманія тѣ разночтенія, въ которыхъ редакторы не только разногласятъ между собою въ написаніи глухихъ, но въ то же время каждый изъ нихъ отступаетъ при этомъ и отъ принятой имъ методы.

Такъ встрѣчаемъ:

въ петербургской копіи:	въ московской:
помняшетъ	помняшеть.
скачютъ........................	скачють.
текутъ..........................	текуть.
каютъ...........................	каютъ.
зоветъ	зоветь.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ здѣсь слово «*текутъ*». Извѣстно, что въ текстѣ оно встрѣчается два раза: «*рѣки текутъ*», *грозы текутъ*. Въ Московской копіи въ первомъ случаѣ оно является съ окончаніемъ на ь: «*рѣки текуть*», а въ другомъ на ъ: «*грозы текутъ*»; въ Петербургской же какъ разъ наоборотъ: въ первомъ случаѣ оканчивается на ъ, а въ послѣднемъ на ь. Такимъ образомъ Малиновскій, держась обыкновенно современнаго правописанія при выводѣ словъ изъ-подъ титлъ, въ данныхъ случаяхъ вмѣсто ъ удерживаетъ ь; Мусинъ же Пушкинъ, при выводѣ словъ изъ-подъ титлъ, тяготѣя къ ь, здѣсь наоборотъ слѣдуетъ современному правописанію и ставитъ въ окончаніяхъ ъ. Очевидно, слова, къ которымъ относятся такія разночтенія, стояли не подъ титломъ, для котораго у каждаго изъ редакторовъ была готовая метода и предполагаютъ въ самой рукописи особое основаніе для этихъ разночтеній. Всего вѣроятнѣе, что въ данныхъ случаяхъ глухіе въ своихъ начертаніяхъ сбивались одна на другую. Что они отличались въ рукописи такою малохарактерностію своего написанія, это еще очевиднѣе изъ другихъ примѣровъ. Такъ Карамзинъ читалъ одно изъ указанныхъ словъ согласно съ Пушки-

нымъ и не согласно съ редакторомъ перваго изданія Малиновскимъ, «грозы текутъ. Разнорѣчитъ онъ иногда и съ обоими редакторами. Такъ и Пушкинъ и Малиновскій нѣкоторыя слова читаютъ согласно черезъ ъ, знакъ, что онѣ въ подлинникѣ были написаны сполна: «кричатъ (подъ саблями), течетъ (Полочаномъ)». Карамзинъ же пишетъ ихъ наоборотъ черезъ ъ: «крича*тъ*, тече*тъ*». Или же, гдѣ оба редак тора удерживаютъ ъ, Карамзинъ напротивъ ставитъ ъ; тѣ читаютъ междю Угорьскими, а Карамзинъ пишетъ Угоръскими. Въ начертаніи глухихъ въ нѣкоторыхъ словахъ Малиновскій, соглашаясь съ Пушкинымъ, является несогласнымъ и самъ съ собой. Такъ, въ черновыхъ бумагахъ онъ пишетъ: не 10 соколовъ, а печатаетъ: соколовъ; или пишетъ: (сами) скачютъ, а печатаетъ: скачютъ; написалъ: хотятъ (полетѣти), а напечаталъ: хотя*тъ*.

б) Подобная малохарактерность начертаній въ подлинной рукописи относится къ *а* и *о*. На это указываютъ также разнописанія однихъ и тѣхъ же словъ въ разныхъ копіяхъ. Въ шести случаяхъ въ Московской копіи имена прилагательныя въ род. пад. муж. рода оканчиваются на *аго*: *Половецкаго, стараго, великаго, храбраго. поганаго, отъ великаго*; тогда какъ всѣ эти слова въ данныхъ случаяхъ въ Петербургской копіи оканчиваются на *ого: Половецкого, великого, храброго* и т. д. Разночтенія всѣхъ этихъ словъ могутъ быть объясняемы тѣмъ, что онѣ стояли подъ титлами; и Малиновскій, руководясь вышеуказанной методой при выводѣ ихъ изъ-подъ титлъ, примѣнялся къ современному правописанію; но дальнѣйшіе примѣры не подходятъ подъ это объясненіе. Такъ въ изданіи Малиновскаго чита емъ: «*Касожьскими*»; въ копіи же Мусина-Пушкина: «*Косожскими*» тамъ: «*Ярослову*»; здѣсь же: «*Ярославу*»; тамъ: »*поскочи*»; здѣсь: «*поскачи*». Это колебаніе въ чтеніи *а* или *о* въ данныхъ словахъ указываетъ, что палеографическое начертаніе ихъ было таково, что давало возможность принимать одну букву за другую. Черновыя бумаги Малиновскаго еще нагляднѣе вводятъ насъ въ процессъ этихъ колебаній. Такъ напр. слово *граятъ*, онъ напечаталъ согласно чтенію Пушкина «*граяхутъ*», но въ черновыхъ отрывкахъ написалъ ясно: «гrояхутъ».

Точно также, согласно послѣднему, напечаталъ: «*рокотаху*»; а въ бумагахъ начерталъ: «*ракотаху*», и наоборотъ напечаталъ: «Касожьскими», вопреки чтенію Пушкина, а въ черновыхъ бумагахъ написалъ согласно ему: «*косожкими*».

в) Едва ли не точно также объясняется смѣшеніе въ Московской и Петербургской копіяхъ *ь* съ *ѣ*. Такъ въ первой копіи читаемъ: «*пѣснь творити*»; въ послѣдней же вмѣсто «*пѣснь*» стоитъ здѣсь «*пѣснѣ*»; далѣе въ Московской читается: «*пѣсь пояше*», «*пѣти было пѣсь*», «*пѣсьми, пѣстворца*»; въ Петербургской же *пѣснѣ* пояше, пѣти было *пѣснѣ, пѣсньми, пѣснотворца*».

Нельзя не замѣтить здѣсь со стороны Малиновскаго тяготѣнія къ точному воспроизведенію текста. Только разъ онъ напечаталъ слово «*пѣснь*» сполна, а во всѣхъ другихъ случаяхъ: *пѣсь, пѣсьми, пѣстворца*. Онъ очень осторожно выводилъ это слово изъ-подъ титлъ, гдѣ, очевидно, оно имѣло слѣдующія начертанія: «*пѣ̑, пѣ̑ми, пѣ̑творца*». Если же въ первомъ случаѣ онъ напечаталъ это слово сполна, въ формѣ «*пѣснь*», то это значитъ, что въ самомъ подлинникѣ оно стояло въ той же формѣ. Мусинъ же Пушкинъ, при выводѣ словъ изъ-подъ титлъ, и въ данныхъ случаяхъ руководился тѣмъ же *началомъ*, какъ и въ другихъ подобныхъ, т.-е. формой начертанія того же слова, написаннаго въ той же рукописи сполна.

Но весьма важно, что «*пѣснь* творити» онъ прочиталъ здѣсь не *пѣснь*, а пѣсн*ѣ*, т.-е. конечное *ь* принялъ за *ѣ*. Ошибкой этого нельзя назвать, такъ какъ онъ выдерживаетъ такое чтеніе и въ остальныхъ случаяхъ, гдѣ только оно встрѣчается; нельзя считать этого и передѣлкой съ его стороны, такъ какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ скорѣе бы написалъ «пѣсни», чѣмъ «пѣснѣ». А прочитавъ такъ окончаніе этого слова, написаннаго въ подлинникѣ сполна, онъ затѣмъ пріурочиваетъ его и къ тѣмъ случаямъ, гдѣ оно стояло подъ титломъ; въ выраженіи «пѣ̑ пояше» онъ также пишетъ: «*пѣснѣ* пояше»; въ выраженіи: «пѣти было пѣ̑, онъ опять пишетъ: «пѣти было *пѣснѣ*». Что слово «пѣснь», напечатанное въ Московской копіи сполна, можно было прочитать какъ *пѣснѣ*, т.-е. съ окончаніемъ на *ѣ*, вм. *ь*; это видно изъ колебанія самого Малиновскаго, при его черновыхъ рабо-

тахъ. Такъ въ приведенныхъ выше выдержкахъ изъ его бумагъ, мы встрѣчаемъ: «пѣснь творити» и затѣмъ: «та преди *пѣсни* пояше»; «пѣти *пѣсни* Игореви»; т.-е. главный редакторъ предполагалъ возможнымъ читать это слово во множественномъ числѣ вмѣсто единственнаго, какъ у Пушкина: *пѣснѣ*, вм. *пѣснь*. Въ силу такого же смѣшенія въ подлинникѣ ъ и ѣ, въ Московской копіи читаемъ: «*средъ*», а въ Петербургской «*средѣ*».

Есть слѣды, что малохарактерность начертанія относилась не только къ глухимъ и гласнымъ знакамъ, но и къ согласнымъ; такъ Малиновскій напечаталъ: *припѣвку* смысленный рече; а въ черновыхъ бумагахъ вмѣсто «*припѣвку*» написалъ ясно «притовку»; какъ увидимъ и въ другихъ случаяхъ редакторы встрѣчали затрудненіе при различеніи *т* и *п* слитыми съ послѣдующей гласной.

Но если въ рукописи «Слова» были такого рода начертанія глухихъ, что при чтеніи ихъ можно было принимать одну за другую, если далѣе *о* въ ней такъ походило на *а* [1] и ъ на *ѣ*, что онѣ также могли возбуждать колебанія, за что ихъ принимать, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что рукопись «Слова», по времени своего написанія, не можетъ восходить ранѣе 2-й половины XVI вѣка [2] когда полууставъ сталъ уступать скорописному преобладанію.

4. На тотъ же самый вѣкъ указываетъ и такъ-называемое болгарское правописаніе, преобладавшее въ рукописи «Слова»: глухіе

[1] Смирновъ нашелъ нѣкоторое сходство *а* съ *о* въ снимкахъ съ Грамоты до 1374 г. и съ Тактикона 1397 г. (Срезн. Древн. пам.). Въ полууставномъ письмѣ ихъ, говоритъ онъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ *о* не имѣетъ правильной закругленности, а представляетъ угловатость, нѣсколько напоминающую *а* (Смирн. II, 37 стр.). Но подобное сходство въ древнихъ памятникахъ далеко не таково, чтобы при чтеніи могло возбуждать колебанія, за что ихъ принимать.

[2] Нѣкоторые изслѣдователи, оказывается, не имѣютъ даже надлежащаго понятія о полууставномъ письмѣ, переходящемъ въ скоропись въ это время, а потому желающимъ лучше ознакомиться съ нимъ, мы указываемъ какъ на образецъ, на Чиновную книгу вѣнчанія на царство Ивана Грознаго, писанную при его жизни.

при плавныхъ *л* и *р* съ предшествующей согласной являются не передъ ними, какъ того требуетъ русская рѣчь, а послѣ нихъ: «*оплъку*, *наплънився, чръныя*, *чрънигов*ъ. *влъци*, *слънце*» ит. п. Въ такой формѣ въ печатной копіи является здѣсь болѣе 50 словъ. Что же касается Петербургской копіи, то здѣсь глухіе почти всѣ замѣнены гласными звуками: «*о полку, наполнився, черныя, черниговъ, волци, солнце*» и проч. Мусинъ-Пушкинъ самъ объяснилъ намъ, что онъ въ своей копіи замѣнялъ глухія *ъ* и *ь* гласными для облегченія чтенія. Но болгарское правописаніе до того преобладало въ памятникѣ, что несмотря на стремленіе Пушкина къ замѣнѣ его русскимъ письмомъ, все-таки проторглось въ его копію не мало болгаризмовъ; таковы напр.: *бръзыя*, *въскръмлени*, *връху*, *блъванъ*, *хлъми*, *чрънахутъ*, *чрълеными* и т. п. Здѣсь сохранились даже: *мръкнетъ*, тогда какъ въ Московской копіи: «*мркнетъ*» *утръпе*, тогда какъ тамъ: *утрпе*. Достойно также замѣчанія, что въ нѣкоторыхъ словахъ, прокравшись въ Петербургскую (Пушкинскую) копію, болгаризмы являются обратно употребленію ихъ въ копіи Московской; такъ здѣсь напр. читаемъ: «*чрьленъ*», а въ Петербургской «*чрьленъ*»; здѣсь: «*тлъковинъ*», тамъ: «тлъковинъ».

Помимо этого смѣшенія глухихъ, такъ-называемое болгарское правописаніе въ русскихъ рукописяхъ само́ по себѣ есть уже характерный признакъ письма XVI вѣка.

Эта особенность письма первоначально развилась на югѣ Россіи, затѣмъ въ XVI вѣкѣ проникла на сѣверъ и сдѣлалась здѣсь въ это время господствующей модой писцевъ. Такъ Геннадіевскій списокъ Библіи, отъ начала до конца писанный русскимъ письмомъ, въ XVI вѣкѣ переписывался уже болгарскимъ письмомъ. Чинъ вѣнчанія на царство Грознаго, писанный въ Приказѣ русскимъ письмомъ, подъ перомъ модныхъ тогдашнихъ писцовъ, является уже съ болгарскимъ правописаніемъ. Житія многихъ русскихъ святыхъ въ XVI вѣкѣ писались тѣмъ же болгарскимъ письмомъ. Такимъ образомъ, если Пушкинская рукопись «Слова» была писана тѣмъ же письмомъ, то это значитъ, что на ней была ясная печать моднаго писца XVI вѣка.

5. На тотъ же самый вѣкъ указываетъ преобладаніе буквы *ѣ* въ такихъ словахъ и формахъ, въ какихъ въ древнихъ памятникахъ

оно не встрѣчается. Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно употребленіе *ѣ* въ звательныхъ падежахъ. Такъ въ изданіи: *землѣ! Всеволодѣ! Осмомыслѣ!* Эту особенность мы встрѣчаемъ лишь въ рукописяхъ XVI в. Такъ въ принадлежащихъ намъ спискахъ Евангелій этого вѣка читаемъ: **ꙁемлѣ Ꙁакоулонѣ, ꙁемлѣ нефталимлѣ!** Или же: **лицемѣрѣ и лицемѣри!**

6. Замѣна гласныхъ глухими и наоборотъ въ такихъ случаяхъ, гдѣ не терпитъ того русская рѣчь, представляетъ новый осязательный признакъ, что рукопись «Слова» вышла изъ-подъ руки модныхъ писцовъ этого времени. Такъ, въ текстѣ встрѣчаемъ: *понизитъ, вонзитъ*, вм. понизите, вонзите; и наоборотъ: *одѣвахъте*, вм. одѣвахъть. Достойно вниманія, что въ лѣтописномъ сказаніи о походѣ Игоря встрѣчается такого же рода замѣна: «*бяшъ шелъ*», вм. бяше. Подобное своеобразное вторженіе глухихъ на мѣста гласныхъ и наоборотъ замѣтно и во многихъ другихъ мѣстахъ «Слова» и произвело здѣсь, какъ увидимъ, порчу или неправильное чтеніе подлиннаго текста.

Въ древнихъ русскихъ памятникахъ можно отыскать примѣры подобной замѣны, но они, среди выдержаннаго писцомъ правописанія, являются здѣсь, какъ исключенія, или даже какъ случайныя его ошибки. Но въ XVI вѣкѣ эта особенность является весьма характерной чертой рукописей этого времени: подъ рукою тогдашнихъ писцовъ видимъ, такъ сказать, борьбу живаго говора со вторгшимися въ письменность, въ силу моды, глухими ъ и ь. И есть даже сѣверно-русскія рукописи, гдѣ эта особенность правописанія проходитъ чрезъ весь памятникъ. Таковъ напр. принадлежащій намъ Апостолъ XVI вѣка, гдѣ мы часто встрѣчаемъ подобную замѣну гласныхъ глухими; какъ-то: «**вы предасть**» (Дѣян. III, 13); «**вы оубисть его**» (Ibid. 15); «**вы ꙗсть роуками**», «**повесисть на древѣ**», «**посласть мꙗ**»; **Моужь! что се творить?** (Дѣян. XIV, 15). **Не можеть чаша гнѧ пити** (вм. не можете) и наоборотъ: **ꙁрꙗще** (вм. зряще) л. 32; **къ море** (вм. въ море) л. 42; **моусеи** (вм. моисей) (л. 7) и наоборотъ глухихъ гласными: **ꙗка немощена** (вм. немощьна) л. 8 об.; **цари ꙁеместіи** (вм. земьстіи) л. 11 об.; **воне** (вм. вонъ) л. 29; **вопрошахоуте** (вм. вопрошахуть) (Ibid. л. 7 об.). Въ Чинѣ вѣнчанія на царство Грознаго въ современномъ спискѣ: «сирѣче», вм, «сирѣчь»;

«оставле», вм. «оставль». Въ житіи Стефана Пермскаго (XVI вѣка): «пойделише», вм. «поидешьли».

Но особенно замѣчательно въ этомъ отношеніи употребленіе въ рукописи «Слова» выраженія «рече» въ формѣ «*речь*». Въ такой именно формѣ оно удержано разъ въ Московской (печатной) копіи и затѣмъ нѣсколько разъ сохранено въ копіи Петербургской (Пушкинской). Г. Тихонравовъ предполагаетъ, что въ выраженіи «помняшеть бо рѣчь», въ подлинникѣ стояло «рє҇» и что издатели невѣрно вывели его изъ-подъ титла. Но какъ бы мало не думали мы объ умѣніи ихъ читать рукописи, несомнѣнно, что предполагаемое г. Тихонравовымъ начертаніе подъ титломъ этого слова, какъ весьма знакомое Малиновскому, не представляло бы ни малѣйшаго затрудненія вѣрно вывесть его изъ-подъ титла. [1] Оставивъ его въ текстѣ, въ формѣ: «*речь*» какъ стояло оно въ подлинникѣ, въ переводѣ онъ старался лишь придать ему смыслъ, видимо чувствуя однако неумѣстность его въ грамматическомъ строѣ. Еще важнѣе, что Мусинъ-Пушкинъ удержалъ это слово именно въ томъ же видѣ: «*речь*» въ такихъ мѣстахъ, гдѣ было ясно его значеніе и видима его глагольная форма: «*и речь ему буй туръ Всеволодъ*», «*речь Кончакъ*». Что Пушкинъ понималъ здѣсь форму и смыслъ выраженія, это очевидно изъ его перевода. Однако же сохранилъ для насъ начертаніе «речь», вм. рече», точно такъ, какъ и въ предъидущемъ выраженіи «помняшеть бо речь». Не могло быть это и ошибкой съ его стороны, такъ какъ повторено послѣдовательно въ трехъ мѣстахъ. Итакъ, значитъ, въ подлинникѣ стояло въ данныхъ мѣстахъ именно «рь҇, а не рє҇». Это очевидный слѣдъ господства въ рукописи «Слова» указанной нами особенности, замѣны гласнаго конечнаго звука глухимъ въ глагольныхъ формахъ, гдѣ не терпитъ того русскій языкъ. Въ томъ же Апостолѣ XVI вѣка, изъ котораго выше приведены подобные примѣры, встрѣчаемъ это слово въ такомъ же точно начертаніи: **рь҇ же аггелъ к немꙋ** (л. 22 об). **и рь҇ паке ко варнавѣ** (л. 27).

[1] Это видно изъ переписаннаго его рукой «Лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря», гдѣ не разъ встрѣчается это слово въ формѣ «рє҇».

6. Новымъ признакомъ, что рукопись «Слова» была XVI вѣка, служитъ начертаніе формы «реклъ» въ формѣ «*рекъ*». [1] Ранѣе этого времени во всѣхъ рукописяхъ «рекъ» представляетъ причастную форму и отвѣчаетъ греческому «εἰπών». Въ XVI же вѣкѣ такое начертаніе стало замѣнять форму «реклъ». Такъ напр. въ повѣсти объ Акирѣ XVI вѣка читаемъ: «**и принесе обѣ книге и рекь цр҃оу** (л. 16 об.). Но что оно въ это время стало употребляться именно въ значеніи изъявительнаго наклоненія, это всего яснѣе изъ слѣдующаго примѣра, взятаго изъ Апостола XVI вѣка: «И **рѣ паке сотнику** (εἶπεν ὁ Παῦλος ἑκατοτάρχῃ). [2] (л. 42) Тѣхъ, кто не согласенъ съ нашимъ убѣжденіемъ, что рукопись «Слова» по времени написанія относилась къ XVI вѣку, мы просили бы указать намъ болѣе древніе примѣры употребленія такой формы этого слова въ изъявительномъ наклоненіи: «*рекъ*» въ соотвѣтствіи греческому: εἶπεν.

Итакъ, болгарское правописаніе, смѣшеніе строчнаго письма съ надстрочнымъ, множество паерковъ, надписныхъ буквъ, титловыхъ окончаній, вторженіе глухихъ на мѣста гласныхъ и наоборотъ, малохарактерность начертанія многихъ буквъ, искаженныя этимологическія формы,вотъ характерные признаки рукописи «Слова», насколько можно ихъ прослѣдить въ дошедшихъ до насъ данныхъ.

Кто часто и непосредственно обращался съ многочисленными и разнообразными памятниками древне-русской письменности, тотъ легко увидитъ въ рукописи «Слова» обычный типъ рукописей второй половины XVI вѣка, когда полууставное письмо почти наполовину стало сбиваться на скорописное. Изъ этого общаго ихъ типа объясняется и то, что самыя неисправности и ошибки въ рукописи «Слова»

[1] Кн. П. П. Вяземскій предполагаетъ, что это слово стояло въ подлинникѣ въ формѣ ре҃, но такого начертанія его нельзя встрѣтить ни въ древнѣйшихъ, ни въ позднѣйшихъ рукописяхъ.

[2] Хотя г. Потебня и говоритъ, что въ изъявительномъ наклоненіи эта форма невозможная, однако въ такой искаженной формѣ она встрѣчается въ рукописяхъ XVI вѣка.

стоятъ въ ближайшемъ аналогическомъ соотношеніи съ подобными ошибками въ другихъ рукописяхъ той же эпохи. Нельзя не замѣтить, что порча рукописей началась въ исторіи нашей письменности еще при переходѣ устава въ полууставъ, но главнымъ образомъ она происходила въ переходную эпоху отъ полуустава къ скорописи, именно во второй половинѣ XVI вѣка.

Князь П. П. Вяземскій не придаетъ вообще большаго значенія вопросу о вѣкѣ рукописи «Слова», [1] а между тѣмъ вопросъ имѣетъ весьма существенное значеніе. Если этотъ памятникъ дошелъ до насъ въ спискѣ второй половины XVI вѣка, то вопервыхъ ученые изслѣдователи не должны текстъ его втягивать въ формы исторической грамматики и правописаніе его передѣлывать на правописаніе XII вѣка; вовторыхъ педагоги не должны дѣлать его средствомъ для упражненія учащихся въ древне-русскомъ языкѣ и правилахъ древне-русскаго правописанія. Есть рукописи и болѣе пригодныя и болѣе достойныя для такихъ упражненій. Но что всего важнѣе, этотъ выводъ даетъ намъ право дѣлать аналогіи неисправныхъ мѣстъ «Слова» съ подобною же порчею другихъ рукописей того же вѣка и чрезъ то открываетъ возможность представить новый опытъ возстановленія, такъ-называемыхъ темныхъ мѣстъ «Слова».

Обращаясь къ послѣднему вопросу, насколько редакторы перваго изданія вѣрно выдержали въ немъ рукописный подлинникъ, мы прежде всего должны остановиться на томъ, насколько вообще они были опытны въ чтеніи рукописей и изданіи древнихъ памятниковъ.

Что касается Мусина-Пушкина, то объ этомъ говоритъ изданная имъ «Духовная Владиміра Мономаха». Еще Востоковъ не могъ себѣ объяснить «недосмотрѣнія» издателя, которое оказалось въ этомъ изданіи. Такъ напр. Пушкинъ напечаталъ «не домысли», вмѣсто «не до-

[1] Весь вопросъ, поднятый Калайдовичемъ, говоритъ онъ, и продолжающійся до сего дня, рѣшительно не имѣетъ важности по отношенію къ Слову о полку Игоревѣ; совершенно не понятно, почему онъ можетъ такъ долго тянуться, послѣ того, какъ заинтересованные въ ономъ лица давно сошли въ могилу. См. Изслѣд. о варіантахъ «Слова» стр. 168.

шелъ». Положимъ, что буква є послѣ ш изгладилась, ш едва примѣтна, однако все еще можно распознать, замѣчаетъ Востоковъ, что тутъ стояло ш, а не м; а въ концѣ ясно прочесть можно *лъ* (не доше*лъ*), а не *ли* (не домыс*ли*). За 30 лѣтъ, продолжаетъ онъ, когда графъ издавалъ «Духовную Мономаха», буквы сіи были, вѣроятно, явственнѣе, и тѣмъ болѣе удивляться должно невнимательности, съ какою графъ А. Ив—чъ читалъ рукопись. Это видно и изъ другихъ ложныхъ его чтеній. Напр. вм. «авва» читалъ онъ: «па҃ святыхъ отецъ отецъ нашихъ 81 въ Синаѣ и Раифѣ». Въ показаніи года вм. ҂ѕѿп҃є прочелъ онъ ҂ѕѡнг. Слова: «а по бл҃гвнію», которыя и теперь не стерлись, замѣнилъ онъ точками, «будто бы не могъ оныя разобрать». [1]

Но для насъ всего важнѣе знать, насколько опытенъ былъ въ чтеніи древнихъ рукописей главный редакторъ перваго изданія «Слова» А. Ѳ. Малиновскій.

До насъ дошла копія «Лѣтописнаго сказанія о походѣ Игоря», переписанная собственною рукою Малиновскаго. [2] Конечно, для изслѣдованія изданія «Слова» было бы весьма важно, еслибы можно было доказать, что подлинникомъ этой копіи служилъ тотъ самый «Временникъ или Лѣтописецъ», который имѣлъ мѣсто въ Пушкинскомъ Сборникѣ на ряду съ «Словомъ». Но во всякомъ случаѣ эта собственноручная копія Малиновскаго даетъ намъ понимать, насколько затруднялся онъ въ чтеніи древнихъ рукописей.

Изучая текстъ этой копіи въ сравненіи съ другими извѣстными списками, мы замѣчаемъ со стороны Малиновскаго слѣдующее:

1. Стремленіе быть, возможно, точнымъ копировщикомъ оригинала. Такъ онъ: а) соблюдаетъ титла: рє҃ (стр. 4—5), кн҃зь (стр, 14), бж҃нимъ, бы҃ (стр. 5), крокопролн҃є (стр. 4), кр҃тьянстви (стр. 14), немл҃тнкыя, перебер҃зтъ (стр. 3), творяшет҃ъ (стр. 8), бьяхоуть҃ (стр. 4).

б) Удерживаетъ паерки: к҄ полкомъ, к҄ морѣ, нх҄же.

[1] Въ письмѣ къ Калайдовичу 1824 г. См. Переписку А. Х. Востокова. Спб. 1873 г., стр. 130.

[2] См. въ «Приложеніяхъ».

г) Сохраняетъ начертаніе ѡ вм. о: **ѡгнемъ** (стр. 4), **ѡже**, **ѡнже** (стр. 7).

д) Грѣхъ, грѣси вездѣ пишетъ: **хрѣхъ** (стр. 3), **хрѣхы** и **хрѣси** (стр. 5).

е) Удерживаетъ глухія въ причастныхъ формахъ: **побѣдивъше возлѣзьше** (стр. 7).

ж) Наблюдаетъ полногласіе: **конуакошоуса** (стр. 5), **смиркошеса** (стр. 8).

е) Сохраняетъ особенности этимологическихъ формъ: **стѣнами силами** (стр. 5).

Но на ряду съ такимъ тяготѣніемъ къ подлиннику, въ копіи мы встрѣчаемся съ замѣчательными промахами, и притомъ даже такими, которые едва ли можно объяснять неисправностію оригинала.

Прежде всего Малиновскаго, какъ видно, затрудняло написаніе здѣсь нѣкоторыхъ буквъ, вслѣдствіе этого читаемъ здѣсь: **но колю**, вм. **на волю** (стр. 8 об.) и **тако кн҃зѣ Роускиѣ ѡпоздиша-са**, и **неуа ѣхаша ихъ**, вм. **незаѣхаша ихъ** (стр. 7).

Почахоуть Роусь съ ѕ҃і моужь оутекши, вм. **можахоуть Роусь** съ 15 **мужь утекшй** (стр. 5).

Посредихъ всеволодъ немало мужьстко показа ту, вм. **посреди нхъ не мало моужьство показа** (стр. 4).

Малоую болми по игорѣ братѣ моемь, вм. **жалоую болши** (стр. 6).

2. Далѣе Малиновскій весьма затруднялся разстановкою и соединеніемъ тѣхъ реченій, которыя въ оригиналѣ близко стояли другъ къ другу. Такъ онъ раздѣлилъ напр. слова: **во аре доумающіеи** (стр. 4).

Кза молва шеть (стр. 6).

Володимеръ же сла шеть (стр. 7).

Переедима ѡноу стороноу то Расконемь поводнымъ, вм. **переедина оноу стороноу Тора с конемъ поводнымъ** (стр. 9).

Поганы иже Половци побѣдивъше, вм. **поганыи же половци** (стр. 6).

Небашеть болзѣ, вм. **бо лзѣ** (стр. 5).

Нынѣ же поѣде мы чересъ ночь, вм. **поѣдемъ** или **поѣдемы** (стр. 3).

Точно также неправильно и соединялъ онъ реченія:

Совокоупишавсь, вм. **совокоупиша весь ѧзыкъ** (стр. 6).

Тоужецн, вм. **тоу же ци вся** (си суть немало совокупили?) (стр. 3).

Ивотъгодъ, вм. **и во тъ годъ** (стр. 5).

Даже, вм. **да же была рать** (стр. 7).

3. Надстрочные знаки также вводили въ заблужденіе. Видно, что въ оригиналѣ буква **и**, писалась надстрочнымъ знакомъ, въ видѣ двухъ черточекъ ″, который Малиновскій и принялъ за *н*; вслѣдствіе этого вмѣсто **сонмя шоломъ** написалъ **со̑мя шоломъ** (стр. 3).

Ѣ смѣшивалъ съ **ы**: **отлоучаеми... подроуга ѡ подроугѣ своея**, вм. **ѿ подроугы своея** (стр. 4).

Надстрочное ⁿ совсѣмъ опустилъ и написалъ: **и помощь емоу да ѡбѣща**, вм. **да̑** **ѡбѣща** (стр. 8).

Надстрочное ⁿ также прочтено за **и**: вмѣсто **и прави соудн е̑** т. е. прави судіе его, онъ читалъ, *правосуденъ* (стр. 5), и потому написалъ: **и прависоу днё**.

4. Наконецъ тѣ мѣста, кои были неразборчивы и непонятны, онъ переиначивалъ по своему и вкладывалъ въ нихъ свой собственный смыслъ; такъ напр.: **начаша выстоупати полци половецкии якъ борове**, онъ написалъ: **начаша выступати... къ Боровѣ**.

Или: **емлемъ же горъ** т. е. городъ **безъ опаса**, онъ исправилъ: **емлинъ же горды безопаса** (стр. 6).

Или: **Владимеръ... утре мужественаго пота своего**, онъ передѣлалъ: **оугре... моужественаго поути своего** (стр. 7).

Имѣя въ виду подобный опытъ копіи, снятой собственною рукою главнаго редактора перваго изданія «Слова», мы прежде всего

не можемъ допустить, чтобы копія «Слова», переданная въ первомъ изданіи, была сдѣлана имъ менѣе внимательно, чѣмъ «Лѣтописное сказаніе о походѣ Игоря». Понимая всю важность этого памятника, Малиновскій естественно долженъ былъ копировать его подлинникъ несравненно съ большею тщательностію, чѣмъ это «Сказаніе». Притомъ же изданіе «Слова» производилось, кромѣ самого Мусина-Пушкина, при посредствѣ такого знатока рукописей, какъ Бантышъ-Каменскій, которымъ, болѣе чѣмъ вѣроятно, и были разрѣшаемы всѣ недоумѣнія Малиновскаго. Въ виду всего этого мы не можемъ согласиться съ тѣми изслѣдователями, которые видятъ въ «первомъ изданіи» «крайнюю искаженность памятника» или «подновленіе» его редакторами», «какой-то странный сборъ отрывковъ и безсмысленныхъ выраженій». [1] Къ счастію, редакторы къ изданному ими подлиннику относились болѣе уважительно, чѣмъ современные намъ изслѣдователи. Они передали его настолько точно, насколько могли и умѣли вѣрно прочесть рукопись.

Результатъ подобнаго старанія ихъ сказывается въ ихъ изданіи удержаніемъ многихъ архаизмовъ: вопервыхъ, сочетанія шипящихъ съ мягкими гласными. Такъ Мусинъ-Пушкинъ въ Петербургской копіи писалъ: «нач*а*ти, рассуш*а*сь, начаш*а*, туч*а*, потруч*а*ти, давеч*а*, нач*а*ша, сыновч*а*, жемч*у*жну, нач*а*сте». Малиновскій же всѣ эти слова напечаталъ съ удержаніемъ архаизма: нач*я*ти, рассуш*я*сь, начаш*я*, туч*я*, потруч*я*ти, поскоч*я*ше, давеч*я*, нач*я*ша, сыновч*я*, жемч*ю*жну нач*я*сте; вовторыхъ въ удержаніи сочетанія гортанныхъ съ широкимъ *ы*: подъ облак*ы*, предъ пълк*ы* касожьск*ы*ми, въ К*ы*евѣ, яруг*ы*, ак*ы*, кожух*ы*. тьмутораканьск*ы*й, Половецк*ы*я, велик*ы*й, съ Ревуг*ы*, рах*ы*тисте, литовск*ы*ми, ни х*ы*тру, к*ы*четь.

Но несмотря на все стараніе издателей передать въ букву рукописный подлинникъ, въ печатной ихъ копіи во многихъ словахъ мы встрѣчаемъ отступленія отъ него. Такъ напр. не вездѣ выдержанъ этотъ послѣдній архаизмъ. Въ Пушкинской (Петербургской) копіи встрѣчаемъ: «рѣк*ы*, поток*ы*, велик*ы*хъ, Половецк*ы*хъ,

[1] См. напр. въ изслѣдованіяхъ Андреевскаго и Прозоровскаго.

Великый (Святъславъ), похытимь, чрезъ облакы, многы, ляцкыи, литъвскыя, Кіевьскымъ». Во всѣхъ этихъ словахъ въ печатной копіи *ы* замѣнено *и*. Что Малиновскій сбивался въ данныхъ случаяхъ на современное правописаніе, это видно отчасти и изъ его черновыхъ бумагъ. Такъ онъ здѣсь пишетъ, согласно Мусину-Пушкину или точнѣе Петербургской копіи: «жены рускыя», а напечаталъ «жены *рускія*».

Далѣе мы видимъ, что Малиновскій въ своемъ изданіи повторяетъ тѣ же самыя ошибки, какія мы указали въ собственноручной его копіи «Лѣтописнаго сказанія».

Въ подлинникѣ, по свидѣтельству Мусина-Пушкина, слова были писаны въ сплошную строку и раздѣленіе ихъ прежде всего затрудняло издателей. Мы можемъ видѣть и самый процессъ подобныхъ колебаній при чтеніи рукописи. Такъ Мусинъ-Пушкинъ въ своей Петербургской копіи написалъ: «вознистри кусы», а Малиновскій напечаталъ: *воззни стрикусы*. Или же Малиновскій въ своихъ черновыхъ бумагахъ пишетъ: «галици свою рѣчь говоря, хуты хотятъ», а напечаталъ, какъ слѣдуетъ, «*говоряхуть*».

Слѣды такого неправильнаго раздѣленія словъ очевидны во многихъ мѣстахъ перваго изданія.

Такъ, Малиновскій слилъ тѣ изъ нихъ, которыя слѣдовало раздѣлить; напр.: «*истягну*», вм. «и стягну»; «*стугою*», вм. «с тугою»; *сыпахутьми* вм. сыпахуть ми; *вмоемъ* вм. в моемъ; *по Рсіи* вм. по Рсіи. И раздѣлилъ такія изъ нихъ, которыя слѣдовало напечатать слитно какъ-то: «*къ мети, по скочи, затвори въ Дунаю, сице и рати, мужа имъ ся*». Неправильное раздѣленіе и слитіе замѣтно въ первомъ изданіи не только по отношенію къ словамъ, но и по отношенію къ отдѣльнымъ буквамъ, отъ чего, какъ увидимъ, явилась испорченность нѣкорыхъ мѣстъ «Слова».

Еще скорѣе могъ Малиновскій сдѣлать нѣсколько промаховъ въ своемъ изданіи, подобныхъ тѣмъ, какія допустилъ онъ въ собственноручной копіи «Лѣтописнаго сказанія», принимая одну букву за другую; при редакціи «Слова» подобные промахи, были тѣмъ возможнѣе,

что рукопись его отличалась малохарактерными начертаніями нѣкоторыхъ буквъ и титловыми ихъ надписями. При возстановленіи испорченныхъ мѣстъ «Слова» слѣдуетъ обращать особенное вниманіе на возможность подобныхъ погрѣшностей со стороны Малиновскаго.

Далѣе, разбирая рукопись и не умѣя опредѣлить значенія той или другой буквы, онъ, повидимому, начертаніе ихъ въ текстѣ принималъ за описку писца и выкидывалъ ихъ въ своемъ изданіи. Такъ напр. въ вышеприведенномъ выраженіи, которое знакомитъ насъ съ первоначальнымъ его процессомъ чтенія: «а галици свою рѣчь говоря, хуты хотятъ», именно въ словѣ «говоряхуть», стоялъ союзъ соединительный въ видѣ десятиричнаго начертанія, какъ онъ нерѣдко писался въ рукописяхъ второй половины XVI вѣка, т.-е. «а галици свою речь говоряхуть і хотятъ». Сливая при чтеніи это *і* съ предъидущимъ слогомъ, онъ не могъ понять его значенія и совсѣмъ выкинулъ его въ своемъ изданіи. Точно также въ своихъ «темныхъ мѣстахъ», скопированныхъ со всею тщательностію, онъ начерталъ «на казанину», а напечаталъ: *на канину*. Очевидно, въ этомъ словѣ, и надо думать подъ титломъ, стояла какая-то буква, похожая на з; не находя возможности придать ей надлежащее значеніе, онъ въ своемъ изданіи также совсѣмъ ее выкинулъ.

Опущены въ изданіи и цѣлыя слова: какъ напр. «людемъ». Слово это удержано во всѣхъ трехъ извѣстныхъ переводахъ: у Пушкина, Малиновскаго и въ переводѣ перваго изданія. Отсюда слѣдуетъ, что оно было въ самомъ подлинникѣ.

Есть слѣды и того, что нѣкоторыя слова замѣнены другими. Такъ въ черновыхъ бумагахъ Малиновскаго читаемъ: «и первое притовку смысленый рече»; въ изданіи же вмѣсто «притовку» напечатано «*припѣвку*».

Далѣе Малиновскій сгладилъ въ своемъ изданіи графическія особенности рукописнаго оригинала. Такъ, изъ вышеприведенныхъ «темныхъ мѣстъ», скопированныхъ собственною его рукою, видно, что въ подлинной рукописи «Слова» удерживалось: 1) почти постоянно двойное начертаніе у, въ формѣ *оу*, какъ напримѣръ, въ слобахъ: *строужіе, тоутнетъ, оудоноу* и т. п.; въ ней употреблялось также начер-

BAYERISCHE STAATS- BIBLIOTHEK MUENCHEN

таніе буквы г, какъ напримѣръ, въ словѣ: *погроуги*; 3) въ ней удерживался ꙋ, какъ напримѣръ, въ словѣ: *излоукꙋ*; 4) употреблялся малый ѧ, вм я; напр. рассоушѧ. Всѣ указанныя особенности подлиннаго текста опущены въ первомъ изданіи. Мы не встрѣчаемъ здѣсь ни ꙋ, ни ѧ, ни оу. Нѣкоторые изслѣдователи (кн. Вяземскій и Смирновъ) легко примиряются съ методой издателей, по которой они правильно замѣняли оу и ꙋ обыкновеннымъ у, а ѧ—я, и не придаютъ значенія подобному сглаженію графическихъ начертаній рукописнаго оригинала; но для того, кто въ особенностяхъ этихъ начертаній желалъ бы открыть основанія для возстановленія испорченныхъ мѣстъ «Слова», это далеко не безразлично. Для подтвержденія этой мысли замѣтимъ, что давно уже слово «*подобію*» предложено было читать въ смыслѣ «по дубію», но такое чтеніе не было принято до тѣхъ поръ, пока мы на Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ не заявили, на основаніи бумагъ Малиновскаго, что въ подлинной рукописи «Слова» господствовалъ укъ, который уже въ XV вѣкѣ писался такъ, что можно было читать его какъ ү (**подоꙋкію**). Только тогда стала ясна для всѣхъ ошибка издателей или переписчика, и только съ тѣхъ поръ чтеніе **по дꙋкію** принято безусловно. Мы убѣждены, что еслибы сохранены бы въ изданіи всѣ графическія особенности подлинника, то давнымъ давно были бы уяснены темныя и возстановлены испорченныя мѣста «Слова».

Наконецъ Малиновскій всѣ строчные знаки рукописи замѣнилъ современными, сообразно своему чтенію и пониманію памятника. Изъ черновыхъ бумагъ Малиновскаго мы видимъ, что предложенія въ рукописи отдѣлялись одно отъ другаго малыми точками, какъ напримѣръ: послѣ словъ «въсплескала лебедеными крилы», стоитъ запятая, «на синемъ море»—точка, «оудоноу плещоучи», опять точка. Современные знаки препинанія, введенные въ изданіе Малиновскимъ, лишаютъ насъ тѣхъ данныхъ, какія были въ самомъ подлинникѣ, для точнаго чтенія и разумѣнія текста.

Принимая въ соображеніе всѣ отмѣченные недостатки перваго изданія, мы не можемъ раздѣлять того мнѣнія, что «Слово» дошло до насъ «въ формѣ первобытной, неприкосновенной, съ правописаніемъ и

языкомъ вѣка», какъ думалъ Бередниковъ, или же, что въ первомъ изданіи оно передано намъ съ буквальною точностію, какъ утверждаетъ г. Смирновъ.

Хотя Карамзинъ и заявилъ, что рукопись напечатана со всею точностію, но изъ приведенныхъ нами выписокъ самого Карамзина въ сравненіи съ печатной копіей «Слова», очевидно, что это свидѣтельство его можетъ относиться лишь къ смыслу и словамъ подлинника, а отнюдь не къ буквальной точности его изданія. Собственныя выдержки Карамзина изъ той же рукописи расходятся въ этомъ отношеніи съ изданіемъ Малиновскаго. Отсюда должно слѣдовать одно изъ двухъ: или то, что самъ Карамзинъ не строго относился къ буквѣ рукописи, или же то, что рукопись напечатана далеко не съ тою точностію, какую находилъ онъ въ этомъ изданіи.

Итакъ, общій нашъ выводъ по данному вопросу состоитъ въ томъ, что опытность первыхъ издателей въ чтеніи древнихъ рукописей была не такова, чтобы они не сдѣлали промаховъ и ошибокъ въ изданіи «Слова»; напротивъ, трудно допустить, чтобы ихъ изданіе было буквально точнымъ воспроизведеніемъ рукописнаго оригинала; но съ другой стороны ихъ промахи и ошибки не таковы, чтобы можно было считать изданный ими текстъ «искаженнымъ до неузнаваемости» такъ какъ они, несомнѣнно, *стремились*, насколько могли и умѣли, передать его въ своемъ изданіи со всею точностію и старались выдерживать архаическія формы его письма и языка. Во всякомъ случаѣ, критика при болѣе тщательномъ изслѣдованіи, не лишена возможности разглядѣть ихъ ошибки и возстановить правильное чтеніе. При томъ же, не все должно падать на издателей, но многія погрѣшности необходимо относить къ переписчику оригинала XVI вѣка.

2. Обзоръ изданій, прозаическихъ переводовъ и изслѣдованій «Слова». Новые скептики. Новыя поддѣлки.

Литература «Слова» представляетъ для изслѣдователя глубокій интересъ. Въ ней отразились всѣ разнообразныя теченія нашей литературы за текущее столѣтіе. Къ изученію «Слова» прилагались всѣ историко-литературные методы, вырабатываемые западной наукой и усвояемые русскими учеными; къ уясненію его примѣнялись самыя разнообразныя спеціальности знаній и притомъ въ противоположныхъ направленіяхъ. И какихъ пріемовъ изыскательности не встрѣчается въ этихъ работахъ! Въ Словѣ отыскивали и небывалые азіатизмы и турчизмы; то видѣли въ немъ преобладаніе языка Польскаго, то искали для него объясненій въ языкѣ Финскомъ; то открывали въ немъ слѣды выраженій Еврейскихъ, то усматривали воздѣйствіе на него языковъ Виндійскаго, Корніольскаго, Сорабскаго и т. п. Наконецъ предположили для него невиданный и небывалый Болгарскій прототипъ, которымъ жалкимъ образомъ воспользовался Русскій поэтъ.

Знакомя съ успѣхами и поступательнымъ движеніемъ историко-филологическихъ работъ въ Россіи за текущее столѣтіе, литература «Слова», съ полною наглядностію обнаруживаетъ и существенный недостатокъ подражательнаго направленія Русской науки. Дѣло въ томъ, что научныя теоріи и методы на Западѣ дабываются сложнымъ процессомъ положительныхъ знаній въ области той или другой литературы. Они слагаются и наращдаются, какъ результатъ фактическихъ данныхъ, добытыхъ продолжительнымъ трудомъ и усиленными изы-

сканіями. У насъ это бываетъ наоборотъ: мы получаемъ эти теоріи и методы готовыми и спѣшимъ орудовать ими на скудномъ историческомъ фактѣ. Весьма понятное увлеченіе богатствомъ Западной историко-литературной работы преобладаетъ у насъ надъ рудокопнымъ собираніемъ и изученіемъ національнаго факта, самого въ себѣ, въ его ближайшемъ и непосредственномъ значеніи. Отсюда часто возникаетъ легкомысленное пользованіе мощными орудіями западной науки въ ущербъ развитію національнаго самосознанія; отсюда является слабое воздѣйствіе русской науки на общество: чѣмъ менѣе затрогиваетъ она національный фактъ, тѣмъ менѣе соприкасается съ живымъ сознаніемъ и интересомъ, присущимъ всякому историческому народу. Самыя капитальныя историко-литературныя работы у насъ отзываются потому какою-то внѣшностію, недосказанностію и часто прямымъ отрицаніемъ своей національности. Въ нихъ не достаетъ именно того, что прежде всего порывается знать Русская душа.

Это общее явленіе въ исторіи нашей науки сказывается и въ литературѣ «Слова».

Начиная почти со временъ Петра, древне-русская письменность надолго была заброшена и даже мужи ученые смотрѣли на нее, какъ на отжившій хламъ литературный. XVIII вѣкъ прошелъ, можно сказать совершенно безплодно для изученія древне-русской литературы. Достаточно познакомиться съ каталогами библіотекъ просвѣщенныхъ людей этого вѣка, чтобы получить истинное понятіе о достоинствѣ и направленіи тогдашняго просвѣщенія. Для большинства тогдашнихъ ученыхъ — архивы и библіотеки были недоступны; историческіе акты и рукописи оставались неизвѣстными и, подъ натискомъ новой культуры, гибли безвозвратно. Презрительный взглядъ на всю древнюю Русь не рѣдко сказывался открыто подъ горделивымъ обаяніемъ своимъ мнимымъ просвѣщеніемъ. Такимъ образомъ XVIII вѣкъ не приготовилъ ни малѣйшихъ матеріаловъ для имѣющей скоро возникнуть строго научной историко-литературной работы.

И при такихъ то условіяхъ вдругъ открывается такой литературный памятникъ какъ «Слово». Не удивительно, что первое извѣ-

стіе о немъ явилось на Французскомъ языкѣ и во Французскомъ журналѣ. Не удивительно, что первые комментаріи къ нему писались на томъ же Французскомъ діалектѣ. Не умѣя ни понять, ни объяснить происхожденія такого памятника древней Руси, тогдашніе наши западники лишь настойчиво преслѣдовали его своимъ скептицизмомъ, который осложнился затѣмъ особыми мотивами анти-русскаго духа.

Разработка «Слова», идетъ по пятамъ развитія западной историко-литературной работы.

Открытіе его послѣдовало въ эпоху всеобщаго увлеченія на западѣ Оссіаномъ и «Слово» тотчасъ же изучалось, какъ сродное ему произведеніе. Много усилій и трудовъ потрачено было на это сближеніе, но въ концѣ концевъ оказалось, что оно также мало походитъ на Оссіана, какъ Арапъ на бѣлаго Европейца.

На западѣ явилась миѳологическая теорія братьевъ Гриммовъ и у насъ началось изученіе древне-русскихъ памятниковъ въ томъ же направленіи. Разработка «Слова» озарилась новымъ свѣтомъ, но каково же было положеніе изслѣдователя, когда онъ, ставъ на новый путь, самъ долженъ былъ изыскивать и пріобрѣтать нужные матеріалы, и орудуя новымъ методомъ, располагать лишь отрывочными, случайными и скудными находками для своей задачи.

Вотъ наконецъ явилась на Западѣ теорія Бенфея и скоро не замедлила также найти свое примѣненіе на разработкѣ «Слова». Весьма поучительно пользованіе этимъ историко-сравнительнымъ методомъ со стороны русскихъ ученыхъ. Стоило напр. сравнить два преданія или разсказа у разныхъ національностей и замѣтить, что героямъ того и другаго приписываются «длинные уши» и этого признака достаточно для того, чтобы заключить, что тотъ и другой герой—одно и тоже лице, лишь являющееся въ странствующихъ повѣстяхъ подъ разными именами. И вотъ, въ силу этой «теоріи литературныхъ заимствованій» появилась у насъ гипотеза о Болгарскомъ прототипѣ нашего «Слова», основанная на подобномъ же орудованіи методомъ Бенфея.

Палеографическій вопросъ выдвинутый сравнительнымъ изученіемъ Петербургской и Московской копій привелъ нашихъ ученыхъ

къ скептицизму новаго закала. Думаютъ и отважно заявляютъ, что дошедшій до насъ списокъ «Слова» въ конецъ испорченъ издателями, переписчиками и даже переплетчиками, такъ что подлинный текстъ можетъ быть возстановленъ лишь при посредствѣ разныхъ перетасовокъ, исключеній и замѣнъ, и на основаніи такого предубѣжденія, ни мало не стѣсняясь, позволяютъ себѣ передѣлывать текстъ его до неузнаваемости.

Вообще говоря, не смотря на указанный недостатокъ, обусловленный подражательнымъ направленіемъ Русской историко-литературной работы, литературою «Слова» благодаря западнымъ научнымъ методамъ, сдѣланы поразительные успѣхи: памятникъ достаточно освѣщенъ уже не только съ внѣшней, но и съ внутреней его стороны. Старый скептицизмъ въ отношеніи къ нему могъ повториться теперь лишь у иностранца Карьера. Наука, откуда бы ни была заимствована, каждый историческій народъ, рано или поздно, неминуемо приводитъ къ самоизученію, и нѣтъ сомнѣнья, что скоро наступитъ пора, когда «Слово» будетъ изслѣдовано глубже въ связи съ древне-русскою письменностію и живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ, какъ памятникъ, выражающій самобытный творческій характеръ образованности Дружинной Кіевской Руси. Новѣйшій скептицизмъ также мало имѣетъ для себя основаній, какъ и скептицизмъ старый и потому мы вправѣ смотрѣть на него, также какъ на преходящее явленіе въ разработкѣ «Слова».

Ограничившись этими краткими замѣчаніями о литературѣ «Слова» вообще, обратимся къ обзору его изданій прозаическихъ переводовъ и изслѣдованій.

Президентъ Россійской академіи адмиралъ А. С. Шишковъ въ 1805 году перепечаталъ текстъ, переложеніе и примѣчанія перваго изданія [1] и восполнилъ ихъ собственнымъ переводомъ. Онъ былъ недоволенъ особенно переложеніемъ первыхъ издателей. Оно казалось ему, вопервыхъ, не выразительнымъ, а вовторыхъ, невѣрнымъ и сбивчивымъ. «Сего ради разсудилось мнѣ», говоритъ онъ, — «перело-

[1] *Сочиненія и переводы издаваемыя Рос. академіей*, ч. I, 1805, С.-Пб.

жить или передѣлать пѣснь сію такъ, чтобы невразумительныя мѣста сократить или пропустить; прочія же, требующія распространенія, дополнить своими приличными умствованіями, на вѣроятныхъ догадкахъ основанными. Симъ средствомъ, продолжаетъ онъ,—«пѣснь сія отъ начала до конца сдѣлается ясною, и я надѣюсь, что сколько бы ни были собственныя мои распространенія слабы, но сплетенныя съ сильными выраженіями и красотами подлинника, нѣчто пріятное составятъ они для чтенія»[2]. Главная его задача была «разсмотрѣть силу словъ и красоту языка». Онъ наблюдалъ «за быстротой словотеченія, за краткостію и силою изображенія, за соотношеніемъ высокихъ стихотворческихъ мыслей, и тамъ, гдѣ при всемъ своемъ стараніи не могъ сообразить смѣсь выраженій и добраться до заключающагося въ нихъ разума, онъ откровенно въ томъ сознавался и предоставлялъ это остроумію читателя». Быть-можетъ, такой способъ для перевода и былъ нуженъ въ свое время, какъ утверждалъ Сахаровъ, относившійся съ особеннымъ уваженіемъ къ трудамъ Шишкова,—но въ научномъ отношеніи онъ мало имѣетъ значенія. Едва ли это не самый жалкій опытъ повѣрки перваго изданія, особенно въ то время, когда цѣла была подлинная рукопись «Слова». Подобнымъ образомъ передѣлывать литературный памятникъ значитъ только портить его.

Гораздо научнѣе было отношеніе Карамзина къ «Слову» о полку Игоревѣ. Какъ историкъ, онъ также не обратилъ вниманія на изученіе рукописи въ палеографическомъ отношеніи; но имѣя въ виду языкъ и самое содержаніе «Слова», онъ отнесъ его происхожденіе къ XII вѣку. Онъ признавалъ его произведеніемъ мірянина, такъ какъ монахъ не позволилъ бы себѣ говорить о богахъ языческихъ, а по языку считалъ его подражаніемъ древнѣйшимъ русскимъ сказкамъ о дѣлахъ князей и богатырей, что̀ замѣтно изъ сочувствія автора къ Баяну, какъ своему вдохновителю. Представивъ переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ «Слова», Карамзинъ снабдилъ свои разсужденія историческими и критическими примѣчаніями[1], отчасти относящимися къ самому тексту, отчасти, направленными

[2] *Сочиненія и переводы Рос. акад.* ч. I, стр, 202.

противъ Шишкова и первыхъ издателей. Онъ обратилъ также вниманіе на повѣсти «Синагрипъ царь Адоровъ», «Дѣянія прежнихъ временъ храбрыхъ человѣкъ», «Сказаніе о Индіи богатой» бывшія въ той же рукописи, и привелъ изъ нихъ отрывки, «достойные замѣчанія по древности слога». Такимъ образомъ онъ восполнилъ то, чего не сдѣлали первые издатели, и о чемъ такъ сожалѣлъ Шишковъ въ своихъ «примѣчаніяхъ» [2].

Ревностный защитникъ подлинности «Слова» К. Θ. Калайдовичъ еще въ 1812 году въ Московскомъ Обществѣ любителей Россійской словесности предложилъ для рѣшенія вопросъ: *на какомъ языкѣ писана Пѣснь о полку Игоревѣ: на древнемъ ли славянскомъ, существовавшемъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, или на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи?* Вопросъ этотъ направленъ былъ къ тому, чтобы или разрушить сомнѣнія въ подлинности «Слова» или же увѣрить въ подложности его [3]. Теперь же послѣ выхода въ свѣтъ «Исторіи Государства Россійскаго» опытъ рѣшенія этого вопроса представилъ самъ Калайдовичъ, но не въ томъ направленіи, въ какомъ желало Общество. «Пѣснь Игорева», отвѣчалъ онъ,[4]—1) «написана не на томъ славянскомъ языкѣ, который существовалъ въ Россіи до перевода книгъ Священнаго Писанія, и не на какомъ-нибудь областномъ нарѣчіи древнемъ или нынѣ употребляемомъ, но сочинена славянорусскимъ языкомъ, подобнымъ библейскому и сходнымъ съ лѣтописями, грамотами и другими историческими памятниками; 2) что піитическій языкъ пѣсни Игоревой не вновь родился, но имѣлъ уже начало до ея появленія; 3) что сочинена она, по всей вѣроятности, въ нынѣшней Малороссіи, и 4) что нарѣчіе ея изо всѣхъ славянскихъ, судя по нѣкоторымъ словамъ и реченіямъ, болѣе подходитъ къ языку польскому». Въ доказательство первой мысли Калайдовичъ указывалъ на употребленіе въ пѣсни двойственнаго числа и на многія слова этой

[1] И. Г. Р., т. III, стр. 35.

[2] Соб. соч. Шишкова, III, примѣч. 262—272, 282 и др.

[3] Труды Общества любителей Росс. словесн. 1812 г., стр. 159, 177—181.

[4] Ibid. 1818., ч. II, стр. 31—32.

пѣсни [1], отысканныя имъ въ Священномъ Писаніи, равно какъ и на многія выраженія [2], отысканныя имъ въ лѣтописяхъ и другихъ древнихъ памятникахъ. Для подтвержденія второй мысли онъ сдѣлалъ нѣсколько краснорѣчивыхъ извлеченій изъ лѣтописей, изъ повѣсти о нашествіи Батыя, изъ сказанія Палицына, которыя показываютъ, что пѣснь Игорева не единственное въ своемъ родѣ произведеніе, и что сочинитель ея могъ имѣть предъ собой подобные же источники, откуда заимствовалъ красоты чувствъ и выраженій. Малорусское происхожденіе пѣсни Калайдовичъ выводилъ изъ того, что слова: *креси-ти, болонье, смага, година*, неизвѣстныя будто бы Великороссіянами, и теперь еще употребляются на Украйнѣ. На ту же родину пѣснъ, по его словамъ, указываютъ и *польскія выраженія*»: наниче ся годины обратиша, мужаимѣся комони, яруга, босови, которымъ подобныя онъ находилъ въ современномъ польскомъ языкѣ. [3]

Калайдовичъ первый положилъ такимъ образомъ начало сравнительному изученію «Слова» въ связи съ древне-русскими письменными памятниками, но съ его стороны было большою ошибкой отыскивать сходство Слова о полку Игоревѣ съ языкомъ польскимъ. Прежде чѣмъ искать его между Ляхами, слѣдовало бы поискать его у себя дома въ языкѣ народномъ. Даже слова, которыя онъ исключительно присвояетъ только Украйнѣ, точно также принадлежатъ и нарѣчію великорусскому.

Это воззрѣніе скоро было подхвачено, развито до крайности и увлекло нѣкоторыхъ къ отрицанію самой подлинности «Слова». Поляки, между тѣмъ, какъ увидимъ, стали даже вводить пѣснь Игореву въ исторію польской словесности.

Прямымъ и ближайшимъ послѣдствіемъ этого воззрѣнія былъ трудъ Я. Пожарскаго. Вышло въ свѣтъ 3-е изданіе пѣсни, подъ за-

[1] Какъ-то: *куръ, паполома, потять, сморци, кнѣсъ, трудъ, сулица.*

[2] Велесовъ внуче, великій хръсъ, Дажь-богъ, Стрибогъ, живыя струны, крѣсити, стружіе, сапогъ, пардусъ, стягъ, бѣла, ногата, резань, плъкъ, ковылъ, судъ.

[3] na nice sie godziny obrocili; jaruga, bosy.

главіемъ: «Слово о полку Игоря Святославича удѣльнаго князя Новагорода Сѣверскаго, вновь переложенное Яковомъ Пожарскимъ съ присовокупленіемъ примѣчаній». Пожарскій разгадывалъ темныя мѣста «Слова» по выраженіямъ польскихъ писателей: малѣйшее созвучіе въ языкѣ польскомъ, замѣчаетъ Сахаровъ, онъ принималъ за объясненіе; иногда доходилъ въ подобныхъ объясненіяхъ до вопіющихъ крайностей; такъ напр. русское слово «*нѣговать*» онъ производилъ отъ Польскаго negује — спорю, отрицаю. Примѣчанія его направлены были не только на переложеніе—«Слова» Мусина-Пушкина, но и на примѣчанія, сдѣланныя А. Шишковымъ. И хотя справедливость его мнѣній поддерживали въ *Журналѣ древней и новой словесности* [1], однако Шишковъ не былъ доволенъ ими, и въ *Русскомъ Инвалидѣ* [2] настойчиво опровергалъ возраженія, сдѣланныя ему Пожарскимъ, считая всѣ его толкованія или не удачными, или излишними и соглашаясь съ нимъ только въ одномъ: именно, что *каютъ* князя Игоря слѣдуетъ переводить «жалѣютъ» князя Игоря.

Графъ Н. П. Румянцевъ тотчасъ по выходѣ изданія Пожарскаго одинъ экземпляръ его послалъ Малиновскому и писалъ ему, что онъ «сему появленію не вовсе чуждъ»; а другой же экземпляръ Румянцевъ отправилъ Каченовскому, причемъ заявилъ, что онъ состоитъ особымъ почитателемъ его талантовъ и потому ждетъ его слова объ этомъ новомъ произведеніи; третій экземпляръ посланъ былъ Румянцевымъ митрополиту Евгенію. «Мы», отвѣчалъ ему послѣдній, — «читали переводъ г. Пожарскаго съ Кеппеномъ и замѣтили во многихъ мѣстахъ удачную догадливость переводчика». «А есть и мѣста, писалъ Евгеній графу Хвостову, также приславшему книгу Пожарскаго, къ коимъ легко привязаться критикѣ, но отъ того, можетъ быть, больше объяснится сія поэма, во многомъ еще темная для насъ».

Нѣкоторыя мѣста въ переводѣ Пожарскаго дѣйствительно очень удачны, и даже именно тѣ, которыя Сахарову казались несообразно-

[1] *Журн. древн. и нов. слов.* 1819, №№ 9, 10 и 11 (апрѣль, май, іюнь).

[2] *Русскій Инвалидъ.* 1819 г., №№ 157—161.

стями, и для объясненія которыхъ менѣе всего нужно обращаться къ польскому языку. Но Пожарскій не довольствовался языкомъ польскимъ, чешскимъ и кроатскимъ; онъ прибѣгалъ еще за разъясненіемъ Слова къ языку *виндійскому*, *карніольскому*, *сорабскому*, *босненскому* и *рагузскому*. Трудно постигнуть, какое отношеніе могли имѣть всѣ эти языки къ русской пѣсни о полку Игоревѣ. Самый текстъ Слова изданъ съ ошибками противъ перваго изданія [1]. Если каждый издатель сталъ бы прибавлять, а не убавлять ошибки, то въ какомъ, наконецъ, видѣ могъ явиться этотъ драгоцѣнный памятникъ нашей письменности?

Въ другомъ направленіи шли работы Н. Ѳ. Грамматина и также по указанію Калайдовича. Если Пожарскій вышелъ изъ той его мысли, что въ пѣсни Игоревѣ кое-гдѣ примѣтны слѣды языка польскаго, то Грамматинъ слѣдовалъ выводу того же Калайдовича, что это есть чисто славяно-русское произведеніе, и что слова, встрѣчающіяся въ поэмѣ, можно пріискать въ языкѣ Священнаго Писанія и еще больше въ лѣтописяхъ, граматахъ и другихъ историческихъ памятникахъ. Грамматинъ занимался изслѣдованіемъ Слова около пятнадцати лѣтъ. Прежде всего, увлеченный поэтическими достоинствами этой пѣсни, онъ стремился опредѣлить отношеніе ея къ другимъ эпическимъ пѣснотворцамъ и выяснить, какимъ образомъ явилась здѣсь смѣсь языка русскаго съ славянскимъ. Первымъ трудомъ его въ томъ родѣ была: Пѣснь воинству Игореву, писанная стариннымъ русскимъ языкомъ въ исходѣ VII столѣтіи и съ онаго переведенная на употребляемое нынѣ великороссійское нарѣчіе стихами стариннаго же русскаго размѣра, съ краткими историческими и критическими замѣчаніями. С.-Пб. 1821. «Достоинство Слова», пишетъ онъ,—«признано всѣми. Сочинитель его былъ ученикъ дикой, но изящной природы, съ которой картины свои списывалъ вѣрно и удачно: въ немъ мы видимъ предъ собою живые портреты древнихъ русскихъ владѣтелей, храбрыхъ,

[1] Напримѣръ, *растекашется* вм. растѣкашется, *Святславличю* вм. Святьславличю, *съ нихъ* вм. въ нихъ, *Русицы* вм. Русици, *прегородиша* вм. преградиша; *възграяну* вм. възграяху; *храбрыя* вм. храбрая, *ряда* вм. рядя, Ятвази вм. Ятвязи; *русхихъ* вм. Рускихъ и т. п.

гордыхъ, славолюбивыхъ, которыхъ желѣзное татарское иго не смирило еще и не измѣнило суровыхъ чертъ лица ихъ, видимъ и узнаемъ въ нихъ воинственныхъ Норманновъ... Къ дарованію стихотворца присоединялъ онъ познаніе всего, что̀ касалось до его отечества, а сужденія его о нѣкоторыхъ государственныхъ вещахъ превыше понятій своего вѣка; съ достовѣрностію можно заключить, что онъ не былъ какой - нибудь презрѣнный домосѣдъ или неизвѣстный простолюдинъ. Можетъ быть, подобно вѣнценосному страннику Одиссею бывалъ онъ мирнымъ гостемъ при княжескихъ дворахъ, или подобно царственному барду Морвена, возвигалъ копье брани на защиту отечества. Словомъ о полку Игоревѣ будутъ плѣняться и тогда, когда языкъ его сдѣлается совершенно мертвымъ. Всякій языкъ старѣется, но мысли—никогда. Красоты языка—мѣстныя и для потомства исчезаютъ; красоты мысли переживаютъ народы. Все тлѣнное истлѣваетъ, все безсмертное живетъ; утѣшимся, одно предпочтительнѣе другаго» [1]. Въ слѣдующемъ 1822 году Грамматинъ напечаталъ «Критическое разсужденіе о Словѣ о полку Игоревѣ» [2]. «Гомерова Иліада, или Оссіанова Темора», говоритъ онъ здѣсь,—«есть правильный обширный садъ, надъ украшеніемъ котораго искусство трудилось не меньше природы; Слово о полку Игоревѣ есть изящный ландшафтъ, поражающій прелестною своею дикостію». Проводя ближе сравненіе и указывая на преимущества Гомера и Оссіана со стороны языка и чудеснаго, Грамматинъ такъ опредѣляетъ значеніе Слова: «Пѣвецъ Игоря пѣлъ на языкѣ полуобразованномъ, отчасти мертвомъ и потому не могъ не сбиваться на живое нарѣчіе, которое было совершенно варварское; отъ этого вышла у него неправильная смѣсь въ языкѣ славянскаго съ русскимъ. Слѣдуя общему употребленію, я назову Слово не эпическою, а *историческою* поэмою. Сія послѣдняя отличается отъ первой только тѣмъ, что въ ней дѣйствуютъ одни герои или простые смертные, а не существа сверхъестественныя, каковы суть миѳологическіе боги, геніи, волшебники, исполины, чудовища и т. п. И въ

[1] Пѣснь воинству Игореву. С.-Пб. 1821.

[2] *Вѣстн. Евр.* 1822. 5, стр. 113—139.

пѣвцѣ Игоря есть чудесное, но только не такое, какъ въ Гомерѣ и Оссіанѣ; оно гораздо простѣе и вѣроятнѣе. Вся природа нашему пѣснопѣвцу являлась одушевленною и точно въ такомъ видѣ, какими глазами онъ на нее смотрѣлъ. Еще первые издатели замѣтили, что въ слогѣ нашего автора видѣнъ духъ Оссіана, но въ чемъ этотъ духъ или сходство — не сказали. Барды каледонскій и славенскій сходны между собой въ простотѣ, возвышенности, силѣ, краткости и живописи слога. Пѣвецъ Игоря является живописцемъ цѣлаго, а не частей, щедрою рукою сыплетъ сравненія или уподобленія, кои чрезвычайно кратки, просты и никогда не прерываютъ повѣствованія; встрѣчается и родъ сравненія, имѣющій форму отрицанія (не десять соколовъ— нъ своя вѣщія пръсты); кромѣ сравненій есть множество прекрасныхъ метафоръ и аллегорій и т. п.»

Но всѣ этѣ работы Грамматина были, такъ сказать, подготовительныя. Въ 1823 г. онъ издалъ—и это уже было 4-е изданіе—Пушкинскій текстъ «Слова» съ эпиграфомъ изъ Оссіана, съ обширнымъ своимъ изслѣдованіемъ, съ собственнымъ переводомъ въ прозѣ и стихахъ и съ критическими, историческими и археологическими примѣчаніями [1]. Лучшая сторона этого труда состоитъ въ томъ, что Грамматинъ искалъ разъясненія непонятныхъ словъ и выраженій исключительно въ русскомъ языкѣ и весьма многія слова объяснилъ весьма удачно. Въ этомъ отношеніи трудъ его не потерялъ значенія и до сихъ поръ, и онъ едва ли не одинъ изъ самыхъ лучшихъ. Къ сожалѣнію, Грамматинъ въ русскомъ же языкѣ искалъ корней и такихъ словъ, которыя, очевидно, не русскаго происхожденія — какъ напримѣръ, *харалугъ* (никакъ нельзя производить отъ харя, гаря и лугъ— *луговое желѣзо*). Но самая главная ошибка его состояла въ положительной порчѣ Пушкинскаго текста. Онъ вздумалъ въ своемъ изданіи

[1] **Рѣчь первыхъ временъ. Былины дней другихъ лѣтъ. Слово о полку Игоревомъ, историческая поэма, писанная въ началѣ XIII в. на славянскомъ языкѣ прозой и съ оной преложенная стихами древнѣйшаго русскаго размѣра, съ присовокупленіемъ другаго буквальнаго преложенія, съ историческими и критическими примѣчаніями, критическимъ же разсужденіемъ и родословною. М. 1823.**

привести къ единству правописаніе подлинника и всѣ древнія формы въ именахъ и глаголахъ замѣнилъ новѣйшими. [1] «Прочтя у насъ подобныя исправленія», справедливо замѣчаетъ Дубенскій,—«что скажутъ европейскіе славяновѣдцы? Какъ отважиться поправлять языкъ въ древнемъ письменномъ памятникѣ, гдѣ истинный археографъ долженъ дорожить каждою іотою, какъ драгоцѣнностію? Не значитъ ли это стирать признаки вѣка, чистить древсвою монеты? И на что послѣ будутъ годиться всѣ наши изданія, если мы такъ переведемъ на нихъ наши древнія рукописи» [2]. Любопытны отзывы современниковъ объ этомъ трудѣ Грамматина. «Новое толкованіе пѣсни Игоревой», писалъ митрополитъ Евгеній гр. Румянцову,—«я видѣлъ и замѣтилъ въ немъ много новаго и стараго, существеннаго и лишняго, догадливаго и правдоподобнаго. Но пусть побольше такъ пишутъ. Критика со временемъ очиститъ истинное отъ ложнаго» [3]. «Я такого же мнѣнія о сей книгѣ», отвѣчалъ ему графъ.—«какъ и ваше высокопреосвященство. Жаль, что сочинитель сего изслѣдованія, какъ носится слухъ, помѣшался въ умѣ» [4].

Одновременно съ Грамматинымъ занимался изслѣдованіемъ Слова, П. Г. Бутковъ. Многія изъ его розысканій оригинальны и правдоподобны, другія натянуты и очень искусственны. Для своихъ филологическихъ объясненій, онъ прибѣгалъ сначала къ Кавказскимъ и Туранскимъ нарѣчіямъ, [5] но за тѣмъ обратился къ языку Финскому и здѣсь своими сближеніями выходитъ изъ предѣловъ всякой осторожности и благоразумія. Такъ напр. слово «*вѣщій*» онъ производитъ

[1] Такъ напр. уничтожилъ приращенье *тъ* въ 3 лицѣ глаголовъ прошедшаго времени, наказилъ двоїственное число, поставивъ вмѣсто правильнаго «*есвѣ*» есма. вм. *растрѣляевѣ*—растрѣляема и т. п.

[2] Слово о полку Игоревѣ изд. *Дубенскаго*, стр. XIII—XIV.

[3] Переписка митр. Евгенія съ гр. Румянцевымъ, стр. 75, письмо отъ 21-го марта 1823 года.

[4] Тамъ же. Отъ 11-го апрѣля 1823.

[5] 1. См. Нѣчто къ Слову о полку Игоревѣ (Вѣстн. Европ. 1821 г. ч. CXXI № 12, стр. 34—№ 22, стр. 100).

отъ Финскаго wiisas и глагола: wiisastun—мудрый; *старые словеса* отъ Финскаго tarina и глагола: tarinoitsen повѣствую [1] и т. п. Такими же несообразностями отличаются его историческія и географическія сближенія [2] Слова съ лѣтописными указаніями. Впрочемъ въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ стоитъ выше изслѣдованій Н. Арцыбашева [3].

Къ числу самыхъ первыхъ переводовъ «Слова» относится, сколько можно судить по сохранившимся бумагамъ, переводъ знаменитаго филолога протоіерея Павскаго. Не имѣя подъ руками этого перевода, мы приводимъ здѣсь отзывъ о немъ Н. И. Барсова, который открылъ эту драгоцѣнность и напечаталъ изъ него нѣсколько отрывковъ [4]. Принимая во вниманіе изданныя отрывки перевода Павскаго, самая строгая критика не можетъ не согласиться съ справедливостію этого отзыва.

«Характеристическую особенность перевода Павскаго составляетъ точность, непосредственное соотвѣтствіе текста перевода тексту подлинника. Переводчикъ не прибавляетъ отъ себя ни единаго слова: во всемъ переводѣ нѣтъ ни одной фразы, для которой не было бы соотвѣтствующаго выраженія въ текстѣ подлинника. Черта драгоцѣнная, которой мы не находимъ ни въ одномъ изъ существующихъ переводовъ, не говоря уже о переводахъ стихотворныхъ, которые суть не столько переводы, сколько вольныя переложенія (Сѣрякова, Палицына, Язвицкаго, Левицкаго, Грамматина, Минаева, Гербеля и другихъ), даже въ переводахъ, хотѣвшихъ быть подстрочными, каковы: самый первый переводъ, приложенный къ первому изданію текста «Слова», надъ которымъ трудились совмѣстно лучшія ученыя силы того времени (Бантышъ-Каменскій, ... Малиновскій), переводы Шишкова, Пожарскаго, Вельтмана, Максимовича. Къ этой сдер-

[1] О Финскихъ словахъ въ русскомъ языкѣ и о словахъ русскихъ и Финскихъ, имѣющихъ одинаковое именсваніе С.-Пб. 1842.

[2] См. О войнѣ Святополка съ Половецкимъ Княземъ Тугорканомъ въ 1096 г. въ Сынѣ Отеч.; 1834. Т. XLVI, № 52, стр. 616—630.

[3] См. Статьи Н. Арцибашева Игорь или война Половецкая въ Вѣстн. Евр. 1826 г. т. CXLVII № 11, стр. 177—183 и № 12, стр. 241—260.

[4] Русская Старина 1880 г. Май, стр. 105—112.

жанности и уважительному отношенію къ подлиннику пріучили Павскаго его профессіональныя занятія по переводу священныхъ книгъ ветхаго завѣта на русскій съ еврейскаго, гдѣ священный характеръ подлинниковъ требовалъ самой тщательной осмотрительности, удерживавшей переводчика отъ всякихъ произвольныхъ отступленій и дополненій текста. Но, отличаясь величайшею точностію и самымъ строгимъ непосредственнымъ соотвѣтствіемъ подлиннику, переводъ Павскаго въ то же время отличается литературнымъ достоинствомъ, безукоризненною правильностію и чистотою рѣчи. Великій мастеръ и знатокъ отечественаго слова, онъ всегда умѣетъ не только пріискать соотвѣтствующія подлиннику выраженія, но и построить фразу вполнѣ безукоризненно и сохранить въ то же время колоритъ древней русской рѣчи и художественную живописность его образовъ и картинъ. По нашему мнѣнію, это рѣшительно лучшій переводъ «Слова о полку Игоревѣ» изъ всѣхъ имѣющихся въ настоящее время».

Затѣмъ, въ теченіе семи лѣтъ со времени послѣдняго изданія Грамматина, Слово о полку Игоревѣ оставалось въ покоѣ. Только въ 1826 году оно пятымъ изданіемъ перепечатано было Шишковымъ въ полномъ собраніи его сочиненій (ч. VII), въ томъ самомъ видѣ, какъ оно издано было въ 1805 году въ *Сочиненіяхъ и переводахъ Россійской Академіи*.

За то съ 1830 г., съ легкой руки Н. А. Полеваго, быстро возникаетъ цѣлый рядъ новыхъ изданій Слова о полку Игоревомъ и создается цѣлая литература споровъ объ его подлинности. Полевой напечаталъ Пушкинскій текстъ Слова безъ всякой перемѣны—въ своей Исторіи Русскаго Народа (въ приложеніяхъ къ III-му тому М. 1830). Это было уже 6-е изданіе Слова. Въ 1833 г. явилась «Пѣснь ополченію Игоря Святославича, князя Новгородъ-Сѣверскаго; переведена съ древняго русскаго языка Александромъ Вельтманомъ». Въ 1837 г. вышла въ свѣтъ «Пѣснь Игорю Святославичу, удѣльному князю Новаго города Сѣверскаго, изданная Михаиломъ Максимовичемъ». Черезъ два года разомъ явились два изданія: Сахарова — въ «*Пѣсняхъ Русскаго Народа*» (1839. ч. V) и Снегирева вмѣстѣ съ Повѣданіемъ

и сказаніемъ о побоищѣ Дмитрія Донскаго—въ *Русскомъ историческомъ сборникѣ* (ч. III, стр. 105—128).

Полевой издалъ Слово, какъ блестящій памятникъ русской поэзіи начала XIII вѣка и снабдилъ его своими «объясненіями» (т. II, стр. 262—264; т. III); написалъ также критическую статью [1] по поводу изданія Вельтмана; но всѣ эти работы, по словамъ его, составляли только часть труда, который онъ предпринималъ относительно Слова о полку Игоревѣ. Прежде всего любопытны его мнѣнія о предшествующей разработкѣ «Слова». «Шумѣли», говоритъ онъ,—«много, а дѣла порядкомъ не сдѣлали. Рѣшали участь Слова: а сомнѣвающіеся не высказали еще донынѣ всѣхъ доказательствъ своихъ. Но виноватѣе ихъ поборники Слова. До сихъ поръ кричали объ немъ такъ много, а никто не собралъ еще положительныхъ свѣдѣній: *откуда* былъ полученъ и *куда* дѣвался сборникъ, въ которомъ нашли его? Кто видѣлъ его? *Кто* и *что* именно о немъ знаетъ? Между тѣмъ большая часть очевидцевъ по сему дѣду уже перешла въ вѣчность: первые издатели «Слова» и занимавшіеся онымъ Карамзинъ, Тимковскій, Калайдовичъ и другіе безмолвны, какъ хладныя могилы. Далѣе донынѣ не изъяснили мы вполнѣ текста, хотя разводили его великословіемъ славянизма, водою стихотворства и цѣлыми томами примѣчаній. Опыты первыхъ издателей «Слова», Карамзина, Калайдовича, Грамматина, Пожарскаго, Шишкова, безъ сомнѣнія, всѣ похвальны, но ни одинъ неудовлетворителенъ». Опредѣляя мѣсто Слова о полку Игоревѣ въ исторіи нашей литературы, Полевой говоритъ: «Народная русская поэзія образовалась при соединеніи Норманновъ съ Славянами, скандинавскихъ скальдовъ и славянскихъ древнѣйшихъ пѣснопѣній, въ видѣ сагъ или поэмъ, которыя пѣты были русскими Баянами [2]. Со введеніемъ христіанской вѣры, миѳологическо-героическая поэзія казалась неумѣстною и должна была

[1] *Моск. Телегр.*, 1833 г., кн. II, стр. 419—442.

[2] Имя Баяна невольно напоминаетъ сказочника, кота Баюна, въ нашихъ старинныхъ сказкахъ: «Стоятъ два дуба зеленые; отъ одного дуба къ другому висятъ цѣпи золотыя; по тѣмъ цѣпямъ ходитъ котъ-Баюнъ; впередъ идетъ—пѣсни заводитъ; назадъ идетъ—сказку сказываетъ».

облекаться въ формы христіанства. Тутъ и Хорсъ, и Даждъ-богъ, и Пирогощая Богоматерь; герои — христіане, но ихъ окружаютъ сны, видѣнія, дивы; они взываютъ къ солнцу, рѣкамъ и вѣтрамъ. Языкъ, на какомъ написано сіе «Слово», есть языкъ русскій, юга русскаго, коимъ говорили въ XII вѣкѣ въ Кіевѣ и Черниговѣ, тогдашнемъ мѣстопребываніи Олеговичей. Въ южныхъ лѣтописяхъ сей языкъ былъ излишне обремененъ подражаніемъ искусственному славяно-церковному языку; въ договорахъ и граматахъ сѣверныхъ слишкомъ подчиненъ варварской формулѣ приказныхъ людей и дипломатовъ, а также и грубой мѣстности сѣвернаго нарѣчія; въ историческихъ актахъ Волыни и Литвы подвергался излишнему вліянію польскаго. Языкъ же «Слова» русскій, украинскій, но возведенный въ ту поэтическую степень изящества, до которой достигаетъ и нынѣ языкъ простолюдина въ народной пѣсни. Таковы воззрѣнія Полеваго на Слово о полку Игоревомъ.

Изданіе А. Ѳ. Вельтмана соединяетъ въ себѣ буквальный Пушкинскій текстъ, безъ всякихъ измѣненій и рядомъ съ нимъ переложеніе мѣрною поэтическою прозою — съ краткимъ предисловіемъ въ началѣ и такими же критическими и филологическими замѣчаніями въ концѣ. Текстъ раздѣленъ на періоды или стихи, подобные библейскимъ, впрочемъ, безъ означенія ихъ цифрами. Въ предисловіи авторъ рѣшаетъ два вопроса — вопервыхъ, вопросъ о языкѣ, и вовторыхъ, о подлинности «Слова», и рѣшаетъ ихъ какъ поэтъ. Слово о полку Игоревѣ, говоритъ онъ,—написано не на какомъ-либо областномъ нарѣчіи, но на языкѣ, собственно пѣвцу принадлежащемъ, на соединеніи всѣхъ нарѣчій славянскихъ, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта, на выборѣ словъ звучныхъ, краткихъ, свойственныхъ той гармоніи, которою была исполнена его душа... Читая подлинникъ, я понималъ его, или мнѣ казалось, что я понималъ, ибо красоты его трогали мою душу. Читая переводы «Слова», я не понялъ ихъ и не могъ перенести какого-то чувства, похожаго на обиду. Что пѣснь Игорю писалъ современникъ его — это слишкомъ убѣдительно. Несовременный пѣвецъ не обратилъ бы вниманія на ничтожный, по понятіямъ исторіи, походъ Игоря на Половцевъ. Этотъ восторгъ къ подвигамъ его могъ принадлежать только тому, кто зналъ Игоря лично,

а не по преданіямъ, кто любилъ его. И сверхъ того, видимыя несогласія съ лѣтописцами, совсѣмъ другой взглядъ на дѣла князей и на положеніе Россіи того времени, твердая звонкая рѣчь, ручаются за современность пѣвца съ событіями.

На эти поэтическія мысли не могли не отозваться съ своей стороны Полевой и М. А. Максимовичъ. Мысль Вельтмана о языкѣ Слова вообще справедлива, говоритъ Максимовичъ, ибо такимъ именно образомъ создается языкъ поэтическій геніальными писателями. Но когда существуетъ уже языкъ книжный, то онъ и языкъ народный составляють всегда двѣ стихіи, изъ коихъ и составляется языкъ писателя личнымъ его дарованіемъ. Такимъ образомъ и въ «Словѣ» пѣвца Игоря видно большое вліяніе тогдашняго книжнаго, церковно-славянскаго языка, но съ этимъ вмѣстѣ видно базпрестанное отступленіе отъ его формъ, несравненно большее, чѣмъ въ Несторовой лѣтописи и другихъ того времени памятникахъ. «Такою народною стихіею для Слова было», по мнѣнію Максимовича, «именно южно-русское нарѣчіе, изъ коего впослѣдствіи вышелъ языкъ малороссійскій, со многими измѣненіями, простирающійся не только въ южной Россіи, но и на западъ по Галиціи и Карпатамъ и тамъ называемый русскимъ» [1]. Вопросъ о подлинности Вельтманъ рѣшаетъ тѣмъ, что русская душа сознаетъ въ немъ неподдѣльное родное. «Вѣримъ этому чувству» отвѣчалъ ему Полевой, — «но укрѣпляя договоры записями и долги актами въ общественной жизни, признаемся, что и въ литературномъ дѣлѣ, особливо семъ, оно соединено съ сомнѣніемъ. Мы находимъ рѣшеніе г. Вельтмана недостаточнымъ. Намъ, и не намъ — ибо мы готовы даже согласиться—а скептикамъ нашимъ надобны доказательства болѣе положительныя: акты, пыль лѣтописей, сухость изысканій. Безъ харатейнаго, запачканнаго сборника они не повѣрятъ даже ни одному великому дѣлу и слову предковъ. И они правы, хотя и доводятъ это до излишества».

Самый переводъ Вельтмана находили въ свое время прекраснымъ, но въ сравненіи съ подлинникомъ блѣднымъ и иногда слиш-

[1] *Моск. Телегр.*, 1833 г., ч. II, стр. 419—442.

комъ изысканнымъ. Второе изданіе Слова Вельтманомъ (1867 г.) представляетъ рѣшительную противоположность первому. Если первое обличаетъ въ переводчикѣ истаго поэта, то послѣднее свидѣтельствуетъ о немъ, какъ объ археологѣ. Оно переполнено археологическими изысканіями, часто мало относящимися къ дѣлу, и догадками произвольными, не имѣющими за собою твердыхъ основаній.

Художественный, но весьма свободный, переводъ «Слова» помѣщенный въ первомъ изданіи Вельтмана остановилъ на себѣ вниманіе генія—поэта Александра Сергѣевича Пушкина и вызвалъ его къ работѣ надъ «Словомъ», Въ настоящее время открытъ и изданъ нами самый переводъ генія-поэта [1]. Переводъ этотъ показываетъ, насколько дорожилъ онъ дошедшимъ до насъ текстомъ: въ немъ онъ, вопреки Вельтману, сдерживалъ свой творческій геній и почти рабски слѣдовалъ его буквѣ: примѣръ отношенія къ памятникамъ древности, поучительный даже для нашего времени. Въ чтеніи и толкованіи темныхъ мѣстъ онъ слѣдовалъ первымъ издателямъ, ставя переводъ ихъ выше всѣхъ другихъ, такъ какъ въ немъ учавствовали, по словамъ его, люди *истинно ученые*. Лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ онъ согласовался съ замѣчаніями Карамзина и мнѣніями Шишкова. Не смотря однакожъ на все тяготѣніе его къ буквѣ оригинала въ его переводѣ, особенно мѣстами, сказывается сила его генія. Но чѣмъ особенно дорогъ этотъ переводъ, такъ именно тѣмъ, что представляетъ въ себѣ опытъ Пушкина разложить «Слово» на стихи и угадать его поэтическій размѣръ. Не довольствуясь своимъ переводомъ и желая постигнуть глубже художественное значеніе подлинника, онъ скоро перешелъ за тѣмъ къ чисто филологическому его изученію, но замѣчанія его въ этомъ направленіи не представляютъ особенной важности въ литературѣ «Слова».

Максимовичъ, по профессіи ботаникъ, съ назначеніемъ въ 1834 году въ Университетъ св. Владиміра на должность ректора, обязанъ былъ читать Исторію Русской Литературы. По свойственному ему

[1] Чтен. въ Им. Общ. Ист. и Др. Росс. 1882 г. кн. II, отд. II, стр. 1—16.

такту и поэтическому чутью, онъ открылъ здѣсь курсъ своихъ лекцій чтеніями о «Словѣ о полку Игоревѣ». Съ первой же вступительной лекціей отъ отправился къ знаменитому Иннокентію, желая получить отъ него благословеніе на преподаваніе новой для него науки: поэтическая струна въ душѣ того и другаго дѣлала ихъ друзьями. На другой же день Иннокентій прислалъ ему рукопись съ слѣдующей одобрительной редакціей: «Возвращаю вамъ отрывокъ будущаго прекраснаго изданія. Самъ святый Владиміръ не усумнился бы одобрить его къ изданію въ свѣтъ. Съ розою и лиліею, какъ ни жаль, а едва ли не нужно разстаться». Приготовляя по частямъ свое изслѣдованіе о «Словѣ» и предназначивъ его въ «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», Максимовичъ также посылалъ, что было готово, къ Иннокентію, который, возвращая рукопись, писалъ ему однажды: «Съ удовольствіемъ прочитанъ мною вашъ комментарій на пѣснь Игореву. Такой великой чести еще не сподоблялась сія пѣснь, и вѣроятно, не сподобится еще когда-нибудь, идетъ дѣло какъ нельзя лучше. Скорѣе кончать его, да и въ типографію». Въ этомъ изслѣдованіи Игоревой пѣсни Максимовичъ слѣдитъ за ея духомъ и формой — то-есть идеей и ея выраженіемъ. Отличительный характеръ ея онъ видитъ въ соединеніи двухъ главнѣйшихъ стихій: *любви къ землѣ Русской и ея славѣ и вѣры въ жизнь природы и глубокаго съ нею сочувствія.* Изъ этихъ двухъ началъ проистекаютъ и подъ ихъ господствомъ развиваются всѣ другіе виды любви, другія чувства и понятія. Отсюда и *духъ ратный* разлитный, по всей пѣснѣ—съ ненавистью къ поганымъ Половцамъ; отсюда *духъ сочувствія* прежнимъ князьямъ русской славы и силы; отсюда *духъ скорби и негодованія* на крамолы и усобія удѣльныхъ князей; отсюда, наконецъ, и *грустный тонъ* цѣлой пѣсни. Слѣды здѣсь христіанства и язычества — вѣрованія въ міръ духовъ, въ чюдесное знаніе природы и ея жизнь—завершаютъ внутреннюю характеристику, «Слова». Что касается формы или образа выраженія пѣсни, то здѣсь всего лубопытнѣе народно-поэтическая символика птицъ и звѣрей. Соколъ—символъ храбрости и быстроты въ нападеніи, лебедь—символъ пѣнія и звука вообще, соловей—эмблема пѣвца, пареніе сизаго орла—полетъ поэтическаго ума и замышленій Баяна, зегзица—символъ сиротства и родственной печали, вороны и

галки—вѣстники горя и смерти; галка—символъ разлуки, волкъ—символъ быстроты и туръ—символъ храбрости и силы. Замѣчанія Максимовича о языкѣ пѣсни не представляютъ здѣсь ничего новаго въ лексико-грамматическомъ отношеніи. Еще Сахаровъ читалъ въ этихъ замѣчаніяхъ старыя розысканія Полеваго и Калайдовича. Главною стихіей въ языкѣ «Слова» Максимовичъ признавалъ, какъ мы видѣли, мѣстное нарѣчіе пѣвца—южно-русское. Малороссійскій языкъ, говоритъ онъ, сохранилъ много словъ и формъ, утраченныхъ въ великорусскомъ языкѣ; посему многія слова въ пѣсни объясняются только изъ языка малороссійскаго.

Когда это изслѣдованіе было напечатано въ *«Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія»* Сербиновичъ, бывшій директоръ Духовно-учебнаго Управленія, сообщилъ ему мнѣніе объ его трудѣ другой духовной знаменитости. «Ваша лекція о происхожденіи Слова, писалъ онъ ему, отмѣнно понравилась въ Москвѣ преосвященому Филарету». Замѣчательно, какъ тогда наши высшіе іерархи слѣдили за движеніемъ русской науки и замѣчательными трудами свѣтскихъ ученыхъ. Любопытно теперь противопоставить мнѣніямъ просвѣщенныхъ іерарховъ, отзывы тогдашнихъ нашихъ западниковъ анти-русскаго духа. Въ *«Отечественныхъ Запискахъ»* того времени читаемъ удивленіе, «почему съ особеннымъ уваженіемъ и высокопочитаніемъ г. Максимовичъ отзывается о Словѣ: пусть бы онъ попробовалъ изложить содержаніе и сдѣлать изъ него выписки; тогда бы обнаружилось *все безобразіе этого несчастнаго произведенія*» [1].

Въ 1837 году Максимовичъ издалъ и самый текстъ «Слова» съ своимъ переводомъ на великорусское нарѣчіе. Это изданіе Максимовича, по собственнымъ его словамъ, краткое, корректурное изданіе текста съ переводомъ для слушателей его лекцій о русской словесности и для того, чтобы вызвать со стороны публики замѣчанія къ поясненію пѣсни служащія. Текстъ его не представляетъ буквальной точности сравнительно съ Пушкинскимъ: издатель хо-

[1] Отеч. Зап. т. IX, № 4, стр. 37—72.

тѣлъ ввести однообразіе въ правописаніе подлинника и измѣнилъ его, примѣняясь къ малороссійскому говору [1]. Сверхъ того, усвоилъ нѣкоторыя поправки Буткова [2] и Вельтмана [3] и даже допустилъ перестановки въ текстѣ [4]. Кромѣ того, Максимовичъ раздѣлилъ его на четырнадцать главъ, а каждую главу на нѣсколько періодовъ [5]; но его раздѣленіе, какъ замѣчалъ еще Сахаровъ, не вездѣ вѣрно; описаніе битвы у Максимовича разбито, напримѣръ, на двѣ главы, тогда какъ это представляетъ нераздѣльное цѣлое. Да и вообще подобное дробленіе мало умѣстно въ художественной оцѣнкѣ такого поэтическаго произведенія, какъ Слово о полку Игоря.

Максимовичъ работалъ надъ «Словомъ» до конца своей жизни. Въ 1857 году онъ напечаталъ свой переводъ его на украинское нарѣчіе, о которомъ въ то время отзывались съ большой похвалой. Черезъ два года за тѣмъ онъ издалъ «Слово» съ исправленнымъ текстомъ, учеными примѣчаніями и своимъ переводомъ на малороссійское нарѣчіе. Кромѣ того онъ не оставлялъ безъ своего отзыва ни одного болѣе или менѣе замѣчательнаго труда о «Словѣ». Такъ онъ писалъ критическія статьи и замѣтки по поводу изданій Вельтмана, [6]

[1] Бяшеть вм. бяшетъ, растекашаться вм. растекашется, вѣщія вм. вѣщіа трупія вм. трупіа и т. д., пълкъ вм. плъкъ, напълнився вм. надлънився. и т. д.

[2] За шеломенемъ вм. не шеломенемъ.

[3] По валѣ я вм. повелѣ я. Но Вельтманъ, предлагая это чтеніе, не ввелъ его однако въ изданный имъ текстъ.

[4] «Рекъ Боянъ и ходы... на Святослава...» Это мѣсто присоединено къ словамъ Бояна о Всеславѣ: «Ни хитру ни горазду... суда Божія не минути». Но тамъ говорится о Всеславѣ, здѣсь о Святославѣ—разница большая. Переносить этотъ періодъ (рекъ Боянъ и ходы) нѣтъ ни надобности, ни возможности.

[5] Вотъ раздѣленіе Максимовича: I. Запѣвъ. II. Сборъ Игоря и Всеволода къ походу. III. Выступленіе въ походъ. IV. Побѣда надъ Половцами. V. Начало новой битвы на р. Каялѣ. VI. Воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ. VII. Пораженіе Русскихъ на Каялѣ. VIII. Новая бѣда Руси отъ Половцевъ. IX. Сновидѣніе и печаль Святослава. X. Воззваніе къ князьямъ о помощи. XI. Воспоминаніе о прежнихъ князьяхъ. XII. Плачъ Ярославны. XIII. Бѣгство Игоря изъ плѣна. XIV. Возвратъ Игоря въ Русскую землю.

[6] Въ «Молвѣ» 1833, №№ 23 и 24, стр. 89—95.

Дубенскаго, [1] Шевырева, [2] Гербеля [3] Тихонравова [4] и предлагалъ свои объясненія нѣкоторыхъ темныхъ мѣстъ [5]. Максимовичъ въ большей части своихъ трудовъ проводилъ всегда ту мысль, что языкъ Слова представляетъ въ себѣ живое сочетаніе языка церковно-славянскаго съ народнымъ южно - русскимъ; его рецензенты шли гораздо дальше и договаривались до того, что будто бы велико-россійскіе переводы никогда не передавали да и не могутъ передать всѣхъ внутреннихъ красотъ подлинника, будто эти красоты просвѣчиваютъ только въ переводахъ на малороссійскій языкъ, такъ какъ-де въ Малороссіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо сохранилось то нарѣчіе, на которомъ говорили при старомъ Ярославѣ и храбромъ Мстиславѣ [6]. Въ каждомъ почти выраженіи, въ каждомъ оборотѣ перевода Максимовича они усматривали тѣсное родство *Украинскаго нарѣчія* съ языкомъ «Слова» [7].

Мы, съ своей стороны, никакъ не можемъ согласиться ни съ мнѣніемъ, будто «Слово» въ своемъ языкѣ представляетъ смѣсь разныхъ славянскихъ нарѣчій, какъ утверждалъ Вельтманъ, ни съ мыслію, будто оно написано на томъ областномъ южно-русскомъ нарѣчіи, изъ котораго развился впослѣдствіи языкъ малороссійскій. Нѣтъ, оно написано на томъ южно-русскомъ языкѣ, который не представлялъ характера областнаго, и изъ котораго развился не только языкъ малороссійскій, но и великороссійскій. Въ сѣверной Россіи въ живомъ народномъ языкѣ можно встрѣтить всѣ тѣ слова пѣсни Игоревой, которыя донынѣ отыскивали только на югѣ; значитъ, было время, когда они были достояніемъ не только областнаго южно-русскаго на-

[1] Въ разборѣ сочиненія Новикова о важнѣйшихъ особенностяхъ Лужицкихъ нарѣчій.

[2] Въ Москвитян. 1845 г. № 5. Науки.

[3] Idid. 1855 г. №№ 1 и 2.

[4] Въ Труд. 1-го Археологическаго Съѣзда.

[5] Въ Москвитян. 1885. № 6, стр. 175.

[6] Въ «Кіевск. Вѣдом.» 1857 г. № 26 стр. 181—183; и въ «Рус. Инвал.» 1857 г. № 161, стр. 668—669.

[7] Въ «С.-Петерб. Вѣдом.» 1857 г. № 204.

рѣчія, но и общаго языка славяно-русскаго. На III-мъ Кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ между прочимъ упрекали насъ за то, что мы объясняли нѣкоторыя слова, всѣмъ давно извѣстныя и понятныя въ Кіевѣ. Но извѣстно ли было кіевскимъ ученымъ, что эти же самыя слова донынѣ встрѣчаются на крайнемъ сѣверѣ въ живой великорусской рѣчи? Краткость времени не позволяла намъ тогда остановиться на научномъ значеніи этой части нашего реферата. Выраженія: *уъда*, *грязивый* и *шеломя* можно встрѣтить только въ сѣверномъ великорусскомъ нарѣчіи. Нигдѣ, кромѣ сѣвера Россіи, нельзя слышать такого прекрасного описанія *дива*, какъ существа миѳическаго, *орла* въ состояніи мыта, *чернезя* съ видовыми его отличіями. Словомъ, пѣснь Игорева по языку своему столь же родственна великорусскому нарѣчію, какъ и малорусскому.

Изданіе И. М. Снегирева (въ *Русск. Истор. Сборникѣ*, т. III,) повторяетъ Пушкинскій текстъ, за исключеніемъ четырехъ мѣстъ. Издатель усвоилъ поправки Буткова [1], Грамматина [2], ввелъ нѣкоторыя свои [3] и измѣнилъ по мѣстамъ знаки препинанія. Кромѣ того, въ изданіи встрѣчаются значительныя опечатки. При объясненіи текста, въ своихъ критическихъ примѣчаніяхъ, Снегиревъ пользовался изданіемъ Игоревой пѣсни Вячеслава Ганки, но дѣло мало отъ того выиграло. Гораздо важнѣе заслуга Снегирева въ томъ, что онъ издалъ «Слово» рядомъ съ Повѣданіемъ и Сказаніемъ о побоищѣ великаго князя Дмитрія Ивановича Донскаго и показалъ между ними разительное сходство не только въ планѣ и ходѣ, но и въ реченіяхъ, оборотахъ, сравненіяхъ и пріемахъ. Правда, по открытіи Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ профессоромъ Тимковскимъ, всѣ почти изслѣдователи указывали на это сходство, какъ на доказательство подлинности «Слова», но Снегиревъ совмѣстнымъ ихъ изданіемъ и притомъ послѣ тщательнаго ихъ изученія, доказалъ, что пѣснь Игорева служила образцомъ и основною тканью для Сказанія о Донской битвѣ, и что

[1] Ярославь сынъ Всеволо-жь вм. Всеволожъ.

[2] вонзи вм. воззии.

[3] разсутясь вм. разсушясь.

послѣднее есть раболѣпное и чисто буквальное подражаніе первому; но въ своемъ составѣ, ходѣ и тонѣ не имѣетъ его единства, оригинальности и миѳическаго цвѣта, слѣдовательно, и нельзя предполагать, чтобы послѣднее служило образцомъ для перваго.

Еще важнѣе въ этомъ отношеніи оказалъ впослѣдствіи услугу наукѣ академикъ И. И. Срезневскій изданіемъ Задонщины по Кирилловскому списку XV в. Это изданіе показываетъ намъ не только то, что авторъ Сказанія о Донскомъ бою имѣлъ подъ руками «Слово» о полку Игоревѣ, но и то, что въ Москвѣ въ XV в., подъ вліяніемъ византійской книжности и государственныхъ условій, настолько истощился творческій духъ, настолько изчезли южно-русскія преданія, что Слово о полку Игоревѣ было не понятно. Книжный авторъ Сказанія о Донскомъ бою не умѣлъ даже воспользоваться Словомъ, какъ должно. Онъ бралъ изъ него фразы, иногда вовсе не постигая ихъ смысла. Краткія, художественныя выраженія онъ растягивалъ своими добавленіями; поэтическіе образы втягивалъ въ книжныя грамматическія формы. По разнымъ спискамъ Задонщины одной и той же редакціи, начиная съ XV в. можно прослѣдить, какъ постепенно Слово о полку Игоря, отразившееся въ немъ болѣе всѣхъ другихъ его источниковъ, послужившее для него и основой и тканью, постепенно все больше и больше истощается въ своемъ поэтическомъ достоинствѣ. Уже въ Кирилловскомъ спискѣ XV в. мы встрѣчаемъ такія выраженія: *не проразившеся мыслію* (вм. растекашется мыслію) *о, Русская земле! уже ты не за царемъ Соломономъ* (вм. не шеломенемъ еси). Впрочемъ, въ спискѣ еще удерживается имя *Бояна*. Но въ спискахъ XVI в. и самъ *Боянъ* замѣняется именемъ *Урана*.

Сахаровъ, подобно Снегиреву, также исправилъ текстъ «Слова» въ нѣкоторыхъ мѣстахъ [1]; усвоилъ поправки Полеваго [2], Карамзина [3],

[1] Такъ онъ напечаталъ по былинамъ вм. по былинамь, рѣчь вм. речь, пѣснь вм. пѣсь, умъ вм. умь; славы вм. славѣ; Святославличу вм. Святославича уѣдіе вм. уедіе, ханови вм. хинови; шеломомъ вм. шеломомь, Всеволоду вм. Всеволодѣ.

[2] Горѣ вм. горъ.

[3] Сѣчи вм. вѣчи.

Шишкова [1] и Вельтмана [2] и ввелъ нѣкоторыя свои поправки [3]. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ, подобно Максимовичу, раздѣлилъ текстъ, только не на 14 главъ, а на 12 пѣсень, а самыя пѣсни на частнѣйшіе отдѣлы [4].

Изданіе его сопровождается любопытнымъ историческимъ обзоромъ мнѣній за и противъ пѣсни Игоревой. Изчисливъ первыя изданія и переводы, какъ прозаическіе, такъ и стихотворные, и представивъ для сравненія нѣсколько переводныхъ образцовъ (Мусина-Пушкина, Шишкова, Пожарскаго, Вельтмана, Левитскаго и Грамматина), Сахаровъ разбираетъ «изслѣдованія критиковъ» филологическія и археологическія, излагаетъ мнѣнія скептиковъ, отрицавшихъ подлинность «Слова» и вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ на ихъ поверхностность и бездоказательность. Причины, давшія поводъ къ сомнѣніямъ въ подлинности «Слова», по мнѣнію Сахарова, зависѣли: а) отъ стремленія въ пѣвцѣ Игоря найдти Оссіана, на котораго пѣснотворецъ Святославовъ походитъ также, какъ арапъ на бѣлаго Европейца; б) отъ незнанія, что̀ за языкъ, или что̀ это за нарѣчіе, на которомъ писано «Слово»; в) отъ недостатка палеографическихъ свѣдѣній о подлинномъ спискѣ; г) отъ незнанія русскаго языка нашихъ предковъ, и наконецъ, д) отъ сбивчивости понятій о нашей народности. Не смотря на всю важность сообщаемыхъ имъ свѣдѣній, нельзя не признать многихъ воззрѣній Сахарова неточными и несправедливыми. Такъ, напримѣръ, онъ незаслуженно хвалитъ Шишкова и роняетъ значеніе

[1] Ажне вм. а не.

[2] Далече вм. давеча; затвори въ Дунаю ворота вм. затворивъ Дунаю ворота.

[3] Повезѣ я вм. повелѣя; есте вм. есвѣ; мужайтеся вм. мужаимѣся; изъ Лукоморья вм. изъ луку моря, коганя: хотя вм. коганя хоти.

[4] Раздѣленіе на пѣсни: 1) Не лѣпо ли ны бяшетъ. 2) Тогда Игорь възрѣ. 3) Съ зараніа въ пятокъ потопталса. 4) Были сѣчи Трояни. 5) Со зараніа до вечера, съ вечера до свѣта. 6) Уже бо, братіе, не веселая година въстала. 7) Уныша по градодъ забралы. 8) Нъ те зло! княже ми не пособіе. 9) Уже бо Сула не течетъ сребряными струями. 10) Ярославнынъ гласъ слышитъ. 11) Прысну море полунощи. 12) Рекъ Боянъ и ходы....

работъ Максимовича. Ставитъ въ связь почтеннаго Эверса съ Каченовскимъ и придаетъ большое значеніе брошюрѣ Руссова и т. п.

Изданіе Сахарова заставило высказаться о Словѣ Бѣлинскаго. Онъ взглянулъ на него съ точки зрѣнія усвоенныхъ имъ началъ эстетики Гегеля: лишь то изящно, что служитъ наилучшимъ выраженіемъ общечеловѣческой идеи. Съ этой точки зрѣнія «Слово» показалось ему лишь простымъ, наивнымъ повѣствованіемъ, и, хотя ему присущи *неподдѣльныя красоты выраженія,* но въ немъ нѣтъ никакой глубокой идеи. Времена междуусобій представляли въ себѣ лишь элементы только для поэзіи чувства и выраженія, но никакъ общества человѣческаго. Слово принадлежитъ къ героическому періоду жизни, но какъ героизмъ состоялъ въ удальствѣ и охотѣ подраться, то «Слово» и не можетъ назваться героической поэмой! Главный герой—Игорь лишенъ здѣсь всякаго характера, личности его не видно, и потому онъ не можетъ считаться представителемъ народа. Въ языкѣ «Слова», выражающемся въ немъ бытѣ — и въ духѣ богатырскаго удальства онъ видитъ черты малороссійской жизни и усматриваетъ сходство «Слова» съ казацкими думами. Онъ говоритъ, что оно носитъ на себѣ, отпечатокъ поэтическаго и человѣческаго духа южной Руси, еще незнавшей варваскаго ярма татарщины, чуждой грубости и дикости сѣверной Руси»[1]. Не отрицая, конечно, южно-русскаго происхожденія «Слова», мы не можемъ не замѣтить, что во время Бѣлинскаго, гораздо больше были знакомы съ «казацкими, думами, чѣмъ съ народнымъ пѣснотворчествомъ сѣверной Руси. Собранныя нынѣ великорусскія пѣсни показываютъ, что и эта Русь далеко не такъ груба въ своихъ семейныхъ, общественныхъ и человѣческихъ отношеніяхъ, какъ представлялось то Бѣлинскому, который могъ судить о томъ лишь по пѣснямъ изданнымъ тѣмъ же Сахаровымъ. Языкъ этой Руси далеко не таковъ, чтобы можно было отчуждать отъ него такой памятникъ, какъ «Слово». Во всякомъ случаѣ для насъ важно здѣсь то, что Бѣлинскій, подобно Сахарову, красоты и образы Слова считалъ «неподдѣльными».

[1] Въ «Отеч. Зап. 1841 г. и въ V, т. Полнаго Собранія соч. Бѣлинскаго.

Мы выше замѣтили, что съ 1830 года началась эпоха горячихъ споровъ о подлинности Слова, и всѣ разсмотрѣнныя нами изданія Слова и изслѣдованія о немъ имѣютъ, какъ мы видѣли, ближайшее отношеніе къ этимъ спорамъ. Сыръ боръ загорѣлся по вызову Полеваго. Зачѣмъ такъ упорно молчатъ скептики наши, взывалъ онъ, — и не высказываютъ всѣхъ доказательствъ своихъ? Всѣ сомнѣнія остаются еще подъ спудомъ. Si sinas, dicam, думаютъ они, и sine—sino, говоримъ мы имъ. — И вотъ, послѣ этого вызова, дѣйствительно начался походъ противъ подлинности «Слова». Въ разныхъ изданіяхъ начали появляться статьи одна за другою, метающія стрѣлы противъ своего недруга.

Весь лагерь скептиковъ состоитъ изъ двухъ отрядовъ: одни утверждали, что пѣснь Игорева—самаго новѣйшаго происхожденія, сочинена въ концѣ XVIII вѣка подъ воздѣйствіемъ Оссіановской эпохи, въ минуту всеобщаго энтузіазма, возбужденнаго Оссіаномъ. Фразы Слова о полку Игоревѣ будто выкроены по Макферсоновымъ, его выраженія и обороты принадлежатъ большею частію къ новѣйшимъ выраженіямъ XVIII в. Другой отрядъ скептиковъ немного ретировался и былъ въ сужденіяхъ умѣреннѣе. Думали, что «Слово» было записано какимъ-либо обрусѣвшимъ Норманномъ или Грекомъ въ XII в., и эта записка дошла до грамотѣевъ XVI в., которые и переложили ее на старинный русскій языкъ, подражая древнѣйшимъ нашимъ писаніямъ, но не понимая хорошо подлинника, переводили больше буквально, помогая своему неумѣнью словами изъ разныхъ языковъ, имѣвшихъ въ это время большое вліяніе на нашу словесность. Представителями перваго направленія были Каченовскій и Сеньковскій, представителями втораго—Бѣликовъ и Давыдовъ.

Всякая отрицательная школа имѣетъ свое значеніе въ наукѣ, но наши скептики по отношенію къ Слову о полку Игоревѣ показали такое историческое и литературное безсиліе, что въ настоящее время не заслуживаютъ серьезнаго опроверженія, и если мы позволяемъ занести ихъ мнѣнія въ нашъ критическій обзоръ, то единственно какъ историческій фактъ, каковы бывали у насъ критики въ текущемъ

столѣтіи, и сколько было потрачено и времени и труда на напрасную изобрѣтательность.

Каченовскій перенесъ споръ о Словѣ о полку Игоревѣ изъ области языка и эстетики въ область исторіи. Какъ ораторъ, онъ увлекалъ своихъ слушателей, и своимъ краснорѣчіемъ сбивалъ съ толку замѣчательныхъ людей. Одинъ изъ бывшихъ его студентовъ передаетъ, какъ однажды А. С. Пушкинъ вступилъ было съ нимъ въ борьбу изъ-за Слова о полку Игоревѣ. На лекцію Каченовскаго привелъ его, самъ министръ просвѣщенія с. с. Уваровъ и сказалъ студентамъ: «Вотъ, господа, предъ вами наука!» указалъ онъ на Каченовскаго,— «а вотъ и само искусство!» указалъ онъ на Пушкина. Каченовскій сталъ читать лекцію и уничтожать Слово о полку Игоревѣ. Пушкинъ, давно лелѣявшій мысль передать пѣснь объ Игорѣ своимъ стихомъ, не выдержалъ и пустился защищать. Помню, говоритъ очевидецъ, тогдашній студентъ, — какъ сквозь сѣдины Каченовскаго проступалъ яркій румянецъ, и какъ горѣли глаза Пушкина. Бой былъ не равенъ, Пушкинъ чутьемъ угадывалъ то, что̀ уже послѣ его подтвердила новая школа филологіи неопровержимыми данными; но этого оружія она еще не имѣла въ его время, и поэтъ не могъ разорвать хитросплетенной паутины «злаго паука» [1].

Самъ Каченовскій не издалъ своихъ скептическихъ мнѣній: очень можетъ быть, что онъ самъ себѣ вѣрилъ меньше, чѣмъ вѣрили ему другіе. Но для насъ сохранили его мнѣнія ученики его [2]. Выраженіе: *хощу копье преломити... конецъ коля половецкаго* — онъ считалъ за одно съ французскимъ выраженіемъ: rompre une lance avec quelqu'un. Слово *чи ли* казалось ему *Польскимъ* словцомъ. *Оксамиты* онъ также выводитъ изъ Польскаго словаря новѣйшаго времени. Выражені *свычая* и *обычая* для него звучало, какъ нѣмецкое: *handeln und vandeln*.

[1] Слово о полку Игоревѣ, *Майкова*, введеніе.

[2] Нѣкоторыя изслѣдованія о Словѣ о полку Игоревѣ, *Бѣликова*, въ *Учен. Зап. Моск. Унив.* 1834 г., ч. V, стр. 456—458.

Приписка Зосимы на Апостолѣ 1307 года, открытая Калайдовичемъ, также подала Каченовскому поводъ уличать «Слово» въ новѣйшей поддѣлкѣ. То же мнѣніе поддерживалъ и Сенковскій. Не мудрено, говорилъ онъ — что наши критики, которые не изучаютъ ни латинскихъ поэтовъ, ни славянскихъ нарѣчій, не шутя приняли это Слово за древнее русское произведеніе. Слово *вѣщій*, очевидно, весьма поздно создано для латинскаго *vates* въ переводахъ Горація и Виргилія. Быстрая Каяла, серебряныя сѣдины, Сула, текущая серебряными струями, храбрая мысль, носящая умъ ни дѣло — цѣлыя дюжины этого рода понятій совершенно неизвѣстны древнимъ и явно заимствованы изъ новаго поэтическаго языка европейцевъ. Изысканное сочетанія междометія *о!* съ неопредѣленнымъ наклоненіемъ напоминаетъ уроки Цицерона и Квинтиліана. Частное употребленіе мѣстоименія *свой* показываетъ въ сочинителѣ человѣка, пропитаннаго французскимъ языкомъ. Есть даже галлицизмы, напримѣръ, *кричатъ телѣги полунощныя*; тутъ и глаголъ и прилагательное не старѣе насъ лѣтами. «Что хотите говорите, писалось» въ Отечественныхъ Запискахъ, никакъ нельзя принять «Слово» за дѣйствительный и достовѣрный памятникъ! Одно только трудно придумать, кто могъ рѣшится на поддѣлку и написать такую нелѣпицу. [1]

Столь же смѣлы и столь же наивны основанія скептиковъ другаго разряда. Желая доказать, что Слово о полку Игоревѣ представляетъ въ себѣ не больше, какъ жалкую компиляцію XVI вѣка, составленную неискуснымъ книжникомъ изъ различныхъ историческихъ преданій, они старались открыть несообразности въ его внутреннемъ составѣ, указывали, что оно не даетъ понятія ни о духѣ времени, ни о жизни Руси XII вѣка, что оно не даритъ насъ ни однимъ живописнымъ изображеніемъ дѣйствующихъ лицъ и не сообщаетъ ни одной картины изъ окружавшей природы. Обширное воззваніе къ князьямъ для нихъ не представляетъ ничего, кромѣ поверхностныхъ общихъ чертъ изъ воинской жизни. Плачъ Святославовъ есть плачъ воина князя, не печаль кровнаго роднаго. Плачъ Ярославны состоитъ

[1] Отеч. Зап. 1840, т. XI, № 4, стр. 37—72.

только изъ общихъ жалобъ къ риторически-олицетворенной природѣ. Мало того, слогъ пѣсни Игоревой для нихъ ниже и грубѣе древнихъ монашескихъ писаній. Столь же любопытны открытыя ими несообразности въ исторіи лексикологіи и этимологіи «Слова». Откуда напримѣръ, пѣвецъ могъ знать леопардовъ? Неужели они водились когда-либо въ Россіи? Какъ могло быть извѣстно у насъ техническое слово *оксамиты* въ XII вѣкѣ? Слова: *болванъ, солтанъ сабля, телѣга, кровать* также позднѣйшаго происхожденія. Нашихъ скептиковъ смущало и то, что одни и тѣ же слова употребляются здѣсь въ народной и книжной формахъ (славій и соловей, гласъ и голосъ, градъ и городъ), что прилагательныя имѣютъ форму усѣченную и полную (храбра князя и храбраго князя), что прошедшее время имѣетъ конечное *лъ* (п*ритрепал*ъ) и не имѣетъ его (п*ритопт*а). Во всемъ этомъ для нихъ были несомнѣнные признаки позднѣйшаго происхожденія Слова. Когда вышло въ свѣтъ первое изданіе «Слова» Максимовича, въ которомъ онъ просилъ у знатоковъ и любителей словесности замѣчаній на темныя мѣста, Сеньковскій издѣваясь надъ заглавіемъ: «*Пѣснь XII вѣка*», иронически и зло совѣтовалъ ему обратиться за подобными вразумѣніями къ тому Карпаторуссу или Сербу, хорошему Латынщику, который сочинилъ это Слово [1]. Мысль Вельтмана, будто оно написано на соединеніи всѣхъ славянскихъ нарѣчій, очищенныхъ высокимъ чувствомъ поэта, также послужила нѣкоторымъ поводомъ для сомнѣнія. Профессоръ Давыдовъ принялъ эту гипотезу Вельтмана за основаніе въ своихъ критическихъ изслѣдованіяхъ и заподозрилъ Слово.

Но всѣ изложенныя здѣсь мнѣнія показываютъ только то, какъ, мало знакомы были скептики съ самыми первыми основаніями славянской филологіи, съ древнѣйшими русскими лѣтописями и другими литературными памятниками. Защитники «Слова» указали имъ годы, подъ коими и *пардусы*, и *оксамиты* встрѣчаются въ лѣтописяхъ, доказали что мѣстоименіе *свой*—исконное славянское, что указанныя ими граматическія формы — одинаково древни и встрѣчаются въ Остромировомъ Евангеліи, что, наконецъ, требуется болѣе основательное знаніе

[1] Библ. для чтен. 1837, т. XXIV, отд. VI, стр. 35—37.

французскаго языка, чтобы въ выраженіяхъ «Слова» видѣть галлицизмы.

Не излагая здѣсь подробно этой защиты, мы приведемъ только слова А. С. Пушкина, который также выступалъ на защиту Слова противъ *Библіотеки для чтенія*. «Подлинность этой пѣсни», говоритъ онъ, —доказывается духомъ древности, подъ которой не возможно поддѣлаться. Кто изъ нашихъ писателей въ XVIII вѣкѣ могъ имѣть на то довольно таланта? Карамзинъ? Но Карамзинъ не поэтъ. Прочіе всѣ не имѣли столько поэзіи, сколько находится въ планѣ ея, описаніи битвы и бѣгства. Кому пришло бы въ голову взять въ предметъ пѣсни темный походъ неизвѣстнаго князя? Кто съ такимъ искусствомъ могъ затьмить нѣкоторыя мѣста изъ своей пѣсни словами, открытыми въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ или отысканными въ другихъ славянскихъ нарѣчіяхъ, где еще сохранились они во всей свѣжести употребленія? Это предполагало бы знаніе всѣхъ нарѣчій славянскихъ. Положимъ, онъ ими бы и обладалъ. Не ужели таковая смѣсь естественна?»

Въ началѣ сороковыхъ годовъ высказывались предположенія объ азіатской стихіи въ «Словѣ» и даже былъ сдѣланъ опытъ объясненія многихъ выраженій изъ восточныхъ языковъ. Филаретъ архіепископъ Черниговскій въ своемъ Обзорѣ Духовной Литературы повторилъ мнѣніе митрополита Евгенія, что «Слово» написано тогдашнимъ народнымъ языкомъ съ прибавленіемъ выраженій Польскихъ и *Тюркскихъ* [1]. Въ 1842 году Эрдманъ отыскивалъ въ «Словѣ» самые слѣды *азіатизмовъ* и свое стремленіе подобно Буткову, видѣвшему здѣсь *финнизмы*, довелъ до вопіющихъ крайностей. Такъ напр. древне-русское слово «*куръ*» (пѣтухъ) онъ производитъ отъ арабскаго *керьетъ* — деревня; слово Уримъ (у Римъ) считалъ еврейскимъ словомъ. Къ азіатизмамъ же относилъ такія выраженія, какъ «*дьва обида*» «*милыя хоти*» «*великій женчугъ*» «*уши* закладаше» и т. п. [2]

[1] Обзор. Дух. Литер. 1859 г. стр. 37.

[2] Въ Журн. Мин. Нар. Пр. т. XXXVI № 9, стр. 19—46.

Въ 1844 г. явилось изданіе «Слова», Д. Н. Дубенскаго, которое вызвано было именно изложенными горячими спорами. Отыскивая въ самомъ «Словѣ» доказательствъ его подлинности, Дубенскій подвергнулъ анализу каждое его слово, разобралъ грамматическія формы и отношенія смысла и лицъ дѣйствующихъ, привелъ къ каждому слову параллельныя мѣста изъ лѣтописей и другихъ письменныхъ памятниковъ и приложилъ буквальный переводъ, какъ выводъ, если не вездѣ, то во многихъ мѣстахъ доказанный. Въ началѣ онъ помѣстилъ «Взглядъ на исторію литературы Слова о полку Игоревѣ», а въ концѣ приложилъ «Указатель словъ пѣсни Игоревой, расположенный по азбучному порядку съ грамматическимъ разборомъ». Съ одной стороны, этотъ трудъ выяснилъ, съ какою непреложною точностію воплощены въ «Словѣ» грамматическія формы языка XII в., а съ другой — въ немъ сказалась односторонность направленія подобныхъ изысканій: въ трудѣ Дубенскаго оказалось весьма много непригоднаго матеріала и за археологическою работой утратилась въ нѣкоторыхъ мѣстахъ живая мысль, очевидная для читателя съ перваго раза.

Въ первомъ отношеніи оцѣнилъ его трудъ Бередниковъ: до сихъ поръ, говоритъ онъ, было десять изданіи безсмертнаго творенія, но въ нихъ судили о силѣ слова только ощупью, на угадъ; а между тѣмъ ни одинъ издатель не обратилъ вполнѣ вниманія на грамматическія отношенія словъ пѣсни Игоревой, анализомъ которыхъ аподиктически должна была рѣшиться задача ея подлинности [1]. Въ смыслѣ не благопріятномъ о трудѣ Дубенскаго отозвались Максимовичъ [2] и Буслаевъ [3]. Первый обозвалъ его изслѣдованіе «хламомъ, не идущимъ къ дѣлу и ничего не объясняющимъ».

Существенный недостатокъ г. Дубенскаго и всѣхъ предшествовавшихъ, говоритъ Ѳ. И. Буслаевъ,—тотъ, что было мало обращено вниманія на отношеніе «Слова» къ нашей древней миѳологіи и на-

[1] Въ рецензіи сочиненій на Демидовскія преміи.

[2] Въ разборѣ сочиненія Новикова о Лужицкихъ нарѣчіяхъ.

[3] Въ Москвитян. 1845. № 1. Критика. стр. 29—40.

роднымъ повѣріямъ, вслѣдствіе чего доселѣ остается неопредѣленнымъ поэтическое сначеніе «Слова». Въ объясненіяхъ ихъ много изысканныхъ и натянутыхъ утонченностей. «Слово» было не цѣлію, а средствомъ; комментаторамъ пріятно было привязать къ нимъ свои этимологическія знанія даже при такихъ словахъ, смыслъ которыхъ всякому понятенъ и теперь. Такимъ образомъ, почтенный профессоръ является представителемъ новаго воззрѣнія на этотъ памятникъ, которое затѣмъ и проводитъ онъ въ другихъ своихъ сочиненіяхъ. Какъ ни усиливался Дубенскій защитить себя, [1] но онъ чувствовалъ правоту за новымъ воззрѣніемъ.

Отвѣтъ его Буслаеву ниже его комментарія. Относясь къ «Слову» какъ археологъ, онъ видѣлъ въ немъ лишь одну поэтическую изобразительность, какая давалась его буквою и не могъ возвыситься до тѣхъ историко-литературныхъ требованій, которыя вносили смыслъ и старались проникать въ самую душу эпическихъ произведеній.

Граматическія формы Слова, выясненныя въ трудѣ Дубенскаго навели на новыя соображенія о происхожденіи этого памятника. К. С. Аксаковъ, подвергнувъ анализу одинаково присущія ему формы языка церковно-славянскаго и народно-русскаго, пришелъ къ убѣжденію, что его нельзя причислить ни къ памятникамъ народнымъ, ни къ сочиненіямъ церковно-славянскимъ. Языкъ, полагалъ онъ,— былъ въ періодѣ борьбы и волненія, а этой борьбы и волненія мы не видимъ въ Словѣ о полку Игоревѣ. И тотъ и другой элементы въ немъ присутствуютъ, но холодно, безъ участія другъ къ другу; видимъ, напротивъ, равнодушное ихъ присутствіе для самого писателя, и вмѣстѣ правильное ихъ употребленіе: слѣдовательно, только мертвое холодное знаніе ихъ.—Обращая вниманіе на содержаніе пѣсни, Аксаковъ замѣчаетъ, что въ немъ нѣтъ нисколько элемента религіознаго—вопреки характеру Русскихъ, и особенно того времени. Самые эпическіе образы такъ искуственны и кудреваты, что въ нихъ нельзя признать русской народной поэзіи. Изъ всего этого Аксаковъ выво-

[1] Въ статьѣ «о критическихъ замѣчаніяхъ Буслаева на изданіе «Слова» Дубенскаго въ Отечест. Зап. 1845 г. № 6. Смѣсь стр. 1067.

дить, что Слово о полку Игоревомъ написано иностранцемъ, быть можетъ, Грекомъ, знавшимъ церковно-славянскій языкъ еще прежде, и въ Россіи научившимся русскому. «Свои кудреватости и хитросплетанія», говоритъ Аксаковъ, — «вложилъ онъ въ сочиненіе, не имѣющее нисколько того грандіознаго вида, какой видимъ въ «Древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ», изданныхъ Киршею Даниловымъ».

Сужденія К. С. Аксакова имѣли бы полную свою силу, еслибы только мы имѣли пѣснь Игореву въ современномъ спискѣ XII вѣка. Но какъ мы выше показали, она издана по списку, и притомъ совсѣмъ неисправному, XVI в.; а потому и всѣ предположенія Аксакова о бореніи двухъ языковыхъ элементовъ и о равнодушномъ къ нимъ отношеніи пѣвца Игоря остаются мало имѣющими значенія. Въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ Слово о полку Игоря, подвергаясь перепискѣ многочисленныхъ книжниковъ, и притомъ въ разныхъ, мѣстахъ, не могло не терпѣть и многочисленныхъ поправокъ въ отношеніи языка. Сравните житіе Бориса и Глѣба въ лѣтописи и въ спискѣ XII в. Сличите Задонщину въ спискахъ XV и XVI вѣка. Посмотрите, что стало съ былиной объ Ильѣ Муромцѣ или съ былиной о семи богатыряхъ, какъ скоро перешли онѣ въ рукопись и стали достояніемъ книжниковъ? Вездѣ сказывается трость книжника-скорописца. Точно также и Слово о полку Игоря отражаетъ въ себѣ признаки сѣвера и юга и разныхъ временъ переписки. Говоря это, мы не хотимъ утверждать, что оно дошло до насъ совсѣмъ въ передѣланномъ видѣ, но хотимъ только замѣтить, что едва ли не смѣло изъ характера языка «Слова» — по списку XVI вѣка — дѣлать выводъ о языкѣ современной ему эпохи и заключать отсюда, что оно писано иностранцемъ. Далѣе, мы не видимъ въ немъ недостатка набожности; напротивъ, намъ кажется, что все построено на нравственной христіанской основѣ. Пѣвецъ обращается къ братьямъ; Игорь идетъ въ походъ, не воздержавъ своей юности, и за свою самонадѣянность наказывается. Напрасно Святославъ взываетъ къ князьямъ о помощи. Напрасно плачетъ Ярославна. Богъ Игорю путь кажетъ, и онъ идетъ къ св. Богородицѣ Пирогощей.

Обращаемся къ сужденіямъ С. П. Шевырева. Филологическая критика Слова о полку Игоревѣ, говоритъ онъ, по отсутствію рукописей, всегда будетъ блуждать ощупью; но за то во всей силѣ можетъ быть допущена критика историческая. Шевыревъ изучалъ «Слово» сравнительно съ лѣтописью и другими литературными памятниками и на основаніи ихъ утверждалъ его достовѣрность [1]; онъ опредѣлилъ эпохи русской исторіи, какъ отражаются онѣ въ «Словѣ» [2] и взвѣсилъ его поэтическое достоинство. Лекція его о «Словѣ», надѣлавшая въ свое время столько шуму, въ ученомъ отношеніи не представляетъ ничего новаго; въ ней только искусно сведены всѣ данныя прежнихъ изслѣдователей.

Лекція Шевырева вызвала письмо М. П. Погодина, [3] который, развивалъ мысль, высказанную еще Полевымъ, что Слово о полку Игоревѣ—не единственный древній памятникъ, что мы имѣли слова или саги о всѣхъ важныхъ и не важныхъ подвигахъ древнихъ нашихъ князей, начиная отъ Рюрика до нашествія Монголовъ и что наши саги имѣли одинъ и тотъ же характеръ съ исландскими. Къ статьѣ своей присоединилъ онъ любопытный Стринґольмовъ очеркъ требованій отъ сѣвернаго скальда, которымъ вполнѣ отвѣчаетъ и Слово о полку Игоревѣ. Максимовичъ однако своимъ отвѣтомъ склонилъ Погодина къ убѣжденію, что русская поэзія, хотя и сходна съ Скандинавскою, но самобытна и своеобразна и должна быть сравниваема прежде всего съ Русскими пѣснями и за тѣмъ Славянскими [4].

Въ 1846 г. Н. Головинъ издалъ Слово подъ заглавіемъ: Примѣчанія на Слово о полку Игоревѣ (М. 1846). Разсмотрѣвъ отличительные признаки разныхъ славянскихъ нарѣчій онъ пришелъ къ выводу, что нашъ памятникъ не представляетъ существеннаго сходства ни съ Болгарскимъ, ни съ Сербскимъ, ни съ Хорватскимъ, ни съ Словакскимъ, ни съ Хорутанскимъ нарѣчіями, а тѣмъ болѣе съ Поль-

[1] Въ Москвит. 1843. № 12 стр. 425.

[2] Напечатана въ его «Исторіи Словесности» М. 1846.

[3] Въ Москвитян. 1845 № 1. Моск. Лѣт. стр. 14—22.

[4] Въ Москвит. 1845, № 3 Науки.

скимъ, Чешскимъ и Лужицкимъ. Въ немъ господствуютъ лишь два нарѣчія церковно-славянское или кирилловское и чисто русское. Авторъ пишетъ иногда одно и то же слово по тому и другому нарѣчію (соловью и славію, одинъ и единъ воронъ и вранъ и т. п.). Такую же смѣсь этихъ двухъ нарѣчій представляютъ и Несторъ и Мономахъ и другія древніе писатели. Въ сравненіи съ Лѣтописями Головинъ замѣчаетъ лишь одну особенность; тамъ повѣствованіе простое безъ витійства, ровное, холодное и почтительное; а здѣсь подъ метафорами и аллегоріями вездѣ яркій блескъ поэзіи, жизни, души. Находя въ «Словѣ» смѣшеніе этихъ двухъ нарѣчій кирилловскаго и русскаго онъ приходитъ къ заключенію, что оно есть произведеніе чисто русское.

Полагать, что это сочиненіе есть поддѣлное новѣйшихъ временъ, можетъ лишь одно невѣжество. Болѣе полувѣка, говоритъ онъ, объясняемъ Слово и искажаемъ поправками самый подлинникъ по незнанію древняго языка исторіи и географіи. Только современникъ могъ чувствовать и сказать про разбитаго Игоря: «тяжело было русской землѣ безъ Игоря» и наконецъ, что «солнце свѣтитъ на небеси, а Игорь князь въ русской землѣ. Всѣ мелкія подробности о живыхъ и мертвыхъ удѣльныхъ князьяхъ, всѣ написанные въ теченіи полувѣка критическіе разборы лишь являются блистательнымъ оправданіемъ его древности [1].

Но то, что было высказываемо Максимовичемъ—какъ желаніе, что было болѣе ощущаемо, чѣмъ сознаваемо Головинымъ, приведено въ ясность Ѳ. И. Буслаевымъ. Заслуга его—по отношенію къ «Слову» громадная. Онъ именно первый выяснилъ, что «если историческіе факты

[1] О предшествующихъ работахъ по уясненію текста онъ говоритъ: «Болѣе шести переложеній было издано нашими учеными и не могли понять совершенно подлинника: Владиміра Мономаха принимали за Владиміра святаго; Романа Мстиславича Волынскаго и *Мстислава Ярославича Луцкаго*—за сыновей Вел. Кн. Ростислава, умершахъ прежде похода Игоря на Половцевъ; Ярослава Святославича—брата и сподвижника Олегова за Ярослава Всеволодовича, внука Олегова, не родившагося, когда дѣдъ его умеръ; потомковъ Гориславы за Олега Гориславича никогда не существовавшаго; Скандинавскаго бога Чура за быка, канину (мураву) за рѣку Кавну; рѣку Немизу за Нѣманъ, сыновей Мстислава Изяславова за сыновей Ярослава Изяславича; 7-ми вѣковъ Трояновыхъ за грубую ошибку.

дали содержаніе Слову, то поэтическое преданіе было для сочинителя вдохновеніемъ и что миѳологическія повѣрья составляютъ душу этого произведенія. Онъ первый указалъ, что миѳическія и героическія основы русской поэзіи еще были свѣжи въ памяти Бояна, когда онъ предавался замышленію эпоса уже историческаго» извлекая изъ міра чудесъ свои свѣжія эпическія силы. Онъ показалъ, что «Слово» есть отрывокъ бывшаго цѣлаго историческаго эпоса и что имя Бояна покрываетъ толпу неизвѣстныхъ пѣвцовъ; при этомъ онъ представилъ и самую характиристику пѣвцовъ XI в. Выясненіе миѳологическаго элемента въ «Словѣ» входило въ самые разнообразныя его статьи [1] и представляетъ самую блистательную заслугу въ литературѣ «Слова». Кромѣ изъясненія мѣстъ, чисто-миѳологическихъ, онъ обратилъ вниманіе на разнообразныя эпическія формы «Слова» и сблизилъ ихъ съ старинными писменными памятни-

[1] Таковы статьи:

а. Русская поэзія XI и начала XII в. Въ Лѣтоп. русск. литературы Тихонравова.

в. Объ эпической поэзіи. Въ истор. оч. т. I, стр. 1—78.

г. О русскомъ бытѣ и пословицахъ т. I, стр. 78—137.

д. О миѳологическихъ преданіяхъ о человѣчьей природы, сохранившихся въ языкѣ (т. I, стр. 137—151).

е. Объ областныхъ видоизмѣненіяхъ русской народности (т. I, стр. 151—210.

з. О древнѣйшихъ эпическихъ преданіяхъ славянскихъ племенъ (т. I, стр. 355—377).

ζ. О Сербской сказкѣ о Троянѣ въ Москвитян. 1842 книжк, стр. 203.

и. О вліяніи Христіанства на Славянскій языкъ 1848 г.

ѳ. Въ критическихъ замѣчаніяхъ на изданіе Дубенскаго (Москвит. 1845 г. № 1. Крит. стр. 29—40).

і. Въ Исторіи народнаго языка.

аі. Объ архаизмахъ.

ві. О книгахъ истинныхъ и ложныхъ.

гі. Предложеніе, пословицы, періодъ, рѣчь (всѣ эти статьи, нач. съ 10-й, помѣщены въ книгѣ о преподаваніи отечественнаго языка изд. 2. 1867).

ді. Объ эпическихъ выраженіяхъ Украинской поэзіи (Москвитян. 1850 №18. наук. стр. 19) 1850.

ками, народными преданіями, повѣрьями и древнѣйшими представленіями о разныхъ предметахъ не только у Славянскихъ народовъ, но и у другихъ Европейскихъ, особенно у Германцевъ. Суевѣрныя предзнаменованія природы, которыя такъ властвуютъ въ «Словѣ» надъ умомъ автора, онъ сопоставилъ съ памятниками отреченной литературы, исчисленными въ статьѣ о книгахъ истинныхъ и ложныхъ. Не малую также услугу русской наукѣ оказалъ Ѳ. И. Буслаевъ, разобравъ стилистику «Слова» и указавъ внутреннюю связь его съ памятниками народнаго пѣснотворчества. Кромѣ того онъ издалъ текстъ «Слова» въ «Исторической Христоматіи» (М. 1861) съ палеографическими замѣтками и съ историческими и археологическими примѣчаніями и въ «Христоматіи древне-русской литературы» (М. 1870) съ исправленіемъ правописанія сообразно правописанію древнихъ памятниковъ до XIV в., и съ обстоятельными историко-литературными примѣчаніями. Темныя и испорченныя мѣста совсѣмъ выпущены.

Къ воззрѣніямъ Ѳ. И. Буслаева внутреннѣйшимъ образомъ примыкаетъ взглядъ на «Слово» Ореста Ѳед. Миллера [1]. Вполнѣ раздѣляя мнѣніе Буслаева о силѣ и значеніи преданія и миѳологіи въ «Словѣ», онъ замѣчаетъ лишь, что Ѳ. И. Буслаевъ черезчуръ многое изъ «Слова» приписываетъ Бояну; не вполнѣ соглашается съ нимъ и въ пониманіи нѣкоторыхъ миѳологическихъ мѣстъ. Но главная заслуга его состоитъ въ томъ, что онъ впервые сблизилъ «Слово» съ Краледворской рукописью. Текстъ «Слова» изданъ имъ въ «Христоматіи» къ своему Обзору русской словесности.

Съ точки зрѣнія критики исторической всего замѣчательнѣе слова автора «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ». «Доблесть героевъ поэмы», говоритъ С. М. Соловьевъ,—«ихъ ревность добыть славы въ борьбѣ съ погаными, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная, слѣдовательно, народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача въ началѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ,

[1] Въ «Опытѣ обозрѣнія русской словесности. Спб. 1865.

которое однако не уменьшало, но еще увеличивало славу князей, наконецъ, удивительное спасеніе изъ плѣна Игоря, —все это должно было возбуждать сильный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ украшеннаго поэтическаго сказанія. Самыя подробности похода, какъ онѣ сохранились въ лѣтописи, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость «Слова». Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель «Слова» былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время племя Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей южной Руси. Старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ сидѣлъ тогда на столѣ Кіевскомъ. Слѣдовательно, бѣдствіе сѣверскихъ князей должно было найдти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра».

Таковы выводы, къ которымъ пришла филологическая и историческая критика относительно достовѣрности Слова о полку Игоревѣ.

Всеобщій литературный интересъ, возбужденный изложенными спорами, вновь окрылилъ чаяніемъ наживы сыновъ вѣка сего и вновь подвигнулъ ихъ къ подпольной работѣ надъ Словомъ о полку Игоря. Намъ извѣстны два такихъ поддѣльныхъ списка: одинъ хранится въ собраніи Зайцевскаго, а другой въ Московскомъ публичномъ музеѣ, [1] но тотъ и другой не представляютъ ничего, кромѣ новыхъ намѣренно-испорченныхъ мѣстъ и самыхъ грубыхъ грамматическихъ ошибокъ безтолковыхъ переписщиковъ.

Въ наше время изученіе «Слова» направляется къ другимъ цѣлямъ. Теперь никому и въ голову не приходитъ заподозрѣвать въ немъ новѣйшую поддѣлку или же позднѣйшую компиляцію изъ старинныхъ преданій. Изученіе его стремится или къ тому, чтобы возстановить текстъ рукописнаго оригинала, напечатаннаго въ первомъ изданіи, въ его палеографической точности, исправить испорченныя мѣста и возстановить истинный смыслъ ихъ, или же къ тому, чтобы

[1] См. въ «Приложеніяхъ».

понять его въ частяхъ и цѣломъ, въ связи съ эпохой западно-византійской образованности XII вѣка, Въ первомъ направленіи работалъ профессоръ Н. С. Тихонравовъ, во второмъ—князь П. П. Вяземскій. Въ нѣдрахъ этихъ капитальныхъ работъ возникло новое направленіе, заявляющее себя крайнимъ недовѣріемъ къ дошедшему до насъ тексту и дерзновенно посягающее на всевозможныя передѣлки его сообразно личнымъ вкусамъ и понятіямъ.

Основаніе для палеографическаго изученія «Слова» положено изданіемъ академика Пекарскаго. Въ 1864 г. онъ открылъ и издалъ новый списокъ Слова о полку Игоревѣ, найденный имъ между бумагами Государственнаго Архива. Списокъ этотъ, по свидѣтельству Пекарскаго, приготовленъ былъ для Императрицы Екатерины II: это видно во 1-хъ изъ того, что онъ переписанъ былъ рукою того же писца, который писалъ нѣкоторыя изъ справокъ и записокъ обращенныхъ къ Императрицѣ; во 2-хъ изъ того, что онъ найденъ между бумагами, почти исключительно писанными самой Императрицей, и наконецъ изъ того, что на немъ уцѣлѣли замѣтки карандашемъ противъ нѣкоторыхъ выраженій, которыя показываютъ, что Императрица внимательно его читала. Въ виду этого нужно думать, что списокъ этотъ былъ сдѣланъ съ возможною тщательностію и по всей силѣ точнаго его чтенія и разумѣнія. Замѣтно впрочемъ, что Мусинъ-Пушкинъ, доставившій эту копію Императрицѣ, и въ данномъ случаѣ больше придавалъ значенія своему переводу и примѣчаніямъ, которыя здѣсь оказываются даже пространнѣе печатныхъ, чѣмъ палеографической точности своей копіи. Какъ историческое содержаніе пѣсни, такъ переводъ и примѣчанія, находящіяся въ этой копіи, по заключенію Пекарскаго, одной редакціи съ печатнымъ текстомъ. Но въ правописаніи, сравнительно съ послѣднимъ, оказались такія особенности, которыя получаютъ чрезвычайно важное значеніе для критики Пушкинскаго списка.

Н. С. Тихонравовъ первый, говоримъ, воспользовался вновь открытымъ Екатерининскимъ спискомъ для критики печатнаго изданія и первый такимъ образомъ положилъ начало палеографическому его изученію, при посредствѣ новаго метода. Онъ сравнилъ текстъ перваго изданія съ этимъ архивскимъ спискомъ и

совершенно вѣрно опредѣлилъ вѣкъ написанія Пушкинской рукописи. Онъ указалъ на смѣшеніе первыми издателями *ъ* и *ъ*, *ѣ* и *ъ*, обратилъ вниманіе на неумѣнье ихъ выводить слова изъ-подъ титлъ и на неточность сдѣланной ими пунктуаціи. На основаніи выводовъ, добытыхъ путемъ этого сравненія, онъ исправилъ Пушкинскій текстъ, принимая лишь тѣ формы, которыя оказываются наиболѣе вѣрно скопированными съ погибшаго оригинала, возстановилъ въ текстѣ титлованныя начертанія многихъ словъ, давшія поводъ къ невѣрному чтенію ихъ въ первомъ изданіи, принявъ и тѣ изъ нихъ, которыя возстановлены были уже Ѳ. И. Буслаевымъ, (пѣснь, рече, вм. *пѣсь*, *речь*); наконецъ онъ видоизмѣнилъ и пунктуацію перваго изданія. Сверхъ того онъ выдѣлилъ историческій и миѳологическій элементы въ «Словѣ», первый сблизилъ его съ великорусскими былинами и чрезъ то поставилъ его въ живую связь и съ великорусскимъ языкомъ и съ великорусскимъ народомъ. Сравненіе нѣкоторыхъ образовъ «Слова» съ индійскими вѣрованіями отчасти вводитъ читателя и въ ту среду, изъ которой вышли замышленія Бояна и другія поэтическія прикрасы этого древняго памятника. Впрочемъ вполнѣ заслуживаетъ вниманія упрекъ критики, что, прежде подобныхъ сближеній съ индійской миѳологіей, не мѣшало бы предварительно воспользоваться для того данными славянской исторіи.

При всѣхъ указанныхъ достоинствахъ, изданіе г. Тихонравова не свободно отъ значительныхъ недостатковъ; многія испорченныя мѣста оставлены безъ малѣйшей попытки ихъ исправленія; многія темныя слова—безо всякаго объясненія; правописаніе не вездѣ выдержано [1]; введенная имъ пунктуація не вездѣ безукоризненна [2]. Замѣна во всѣхъ четырехъ мѣстахъ слова «*Троянъ*» словомъ «*Боянъ*» не оправдывается достаточными основаніями.

Возраженія, предъявленныя критикой противъ такого исправленія, на нашъ взглядъ, весьма основательны. Во 1-хъ едва ли

[1] Напр. удерживая *пълку* (стр. 1.) Пушк. *Святопълкъ* и Архив. *Святополкъ* онъ измѣнилъ на *Святоплъкъ*.

[2] Напр. *Бѣды пасеть; птицъ подобію; влъцы.*

можно предположить, чтобы четыре раза повторилась одна и та же ошибка; во 2-хъ несомнѣнно, что и древній переписчикъ, и первые издатели скорѣе могли бы замѣнить трудное легкимъ и поставить знакомаго Бояна вмѣсто непонятнаго Трояна, а если они сдѣлали иначе, то это указываетъ, что въ данномъ случаѣ они точно слѣдовали подлиннику. Въ 3-хъ, что въ Пушкинскомъ оригиналѣ стояло здѣсь именно Троянь, а не Боянь, это подтверждается свидѣтельствомъ Карамзина, который, сличая 1-е изданіе съ его оригиналомъ, какъ нарочно обратилъ вниманіе именно на это выраженіе, и замѣтилъ только, что нужно читать не *вѣчи Трояни*, а «сѣчи Трояни». Значитъ, несомнѣнно, Троянь, а не «Боянь» стояло въ Пушкинской рукописи. Наконецъ, изъ четырехъ мѣстъ «Слова», три съ большею или меньшею натяжкою могутъ быть примѣнены къ Бояну; еще можно сказать «*тропа Боянова*», «*вѣкъ Бояновъ*», но что такое «*земля поэта Бояна*», въ которую вступила какая-то миѳическая дѣва? Нельзя упускать при этомъ изъ виду и того, что имя Трояна глубоко коренится въ славянской старинѣ, упоминается въ древнихъ рукописяхъ и чрезъ него русская поэзія роднится съ поэтическими преданіями другихъ славянскихъ народовъ. Притомъ же «*тропа Трояня*», «*вѣкъ Троянь*», «*земля Трояня*»—имѣютъ здѣсь значеніе поэтическое и относятся къ замышленіямъ Бояна; слѣдовательно, по общему смыслу будетъ все равно, еслибы было сказано и тропа Бояня или вѣкъ Боянь (только не земля Бояня) т.-е. въ первомъ случаѣ поэтическое преданіе было бы названо по предмету его, объективно, по Трояну; а во 2-мъ по лицу сообщившему преданіе, субъективно, по Бояну. Слѣдовательно и ради смысла не предстоитъ большой надобности хлопотать о замѣнѣ Трояна Бояномъ [1].

Что касается начертанія въ Екатерининскомъ спискѣ *Зоянь* вм. Троянь, то это указываетъ лишь только на то, что Мусинъ-Пушкинъ не умѣлъ разобрать монограммы, которая была вѣрно затѣмъ разобрана Малиновскимъ. Ѳ. Е. Коршъ [2] и М. С. Дриновъ [3] справедливо объясняютъ

[1] Въ Журн. М. Н. Пр. 1867. ч. CXXXIII, стр. 444—445.

[2] Въ Московскихъ Университ. Извѣстіяхъ 1868 г. кн. VII, стр. 605—613.

[3] Въ «Чтен. Общ. Истор. и Древн. Росс.» 1872 г. кн. IV, стр. 76—81.

эту описку существованіемъ въ оригиналѣ именно такого рода монограммы, которую если и можно было принять за ζ, то ужь никакъ не за к.

Впрочемъ г. Тихонравовъ поступился своимъ мнѣніемъ и во 2-мъ своемъ изданіи «Слова»—въ трехъ мѣстахъ удержалъ свою замѣну *Гроянь* именемъ Боянь, въ послѣднемъ же выраженіи «вступилъ на землю» оставилъ неприкосновеннымъ «*Трояню*». Отмѣченныя нами возраженія были сдѣланы Ѳ. И. Буслаевымъ [1], В. Макушевымъ [2], Н. П. Некрасовымъ [3] и Ѳ. Е. Коршемъ [4]. Макушевъ и Некрасовъ, кромѣ критическихъ замѣчаній, предложили еще и опыты своихъ исправленій и толкованій нѣкоторыхъ испорченныхъ и непонятныхъ мѣстъ «Слова», но эти опыты такъ искуственны, что, по нашему мнѣнію, приняты быть не могутъ. На 2-е изданіе «Слова» Тихонравова, отчасти уже исправленное по указаніямъ критики, была сдѣлана замѣтка Ѳ. Е. Коршемъ [5] и послѣдовалъ отзывъ со стороны учебнаго комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія [6]. Замѣчанія Корша, направленныя къ исправленію нѣкоторыхъ испорченныхъ мѣстъ «Слова», обращаютъ на себя вниманіе своею мѣткостію и правдивостію, хотя они недостаточно имъ мотивированы и потому оставались лишь не больше, какъ догадками [7]. По отзывамъ всѣхъ критиковъ изданіе г. Тихонравова хотя и предназначено для учащихся, но, строго говоря, оно есть собственное ученое изданіе и скорѣе удовлетворяетъ ученымъ цѣлямъ, чѣмъ педагогическимъ задачамъ.

Г. Колосовъ, отрицая палеографическіе выводы Тихонравова, въ силу коихъ рукопись «Слова» должно относить къ XVI вѣку, болѣе древнее ея написаніе думалъ доказать наблюденіями надъ звуко-

[1] Въ Ж. М. Н. Пр. 1867 г. ч. CXXXIII, стр. 444—445.

[2] Тамъ же № 2, стр. 455—472.

[3] Тамъ же № 3, стр. 772—777.

[4] Въ Москов. Универ. Извѣстіяхъ 186⁶/₇ г. № 2, стр. 165—167.

[5] Въ Москов. Универ. Извѣст. 1867 г. кн. VII, 605—613.

[6] Въ «Сборн. мнѣній Учен. Комит. М. Н. Пр.» стр. 27—30.

[7] См. въ «Опытѣ возстановленія испорченныхъ мѣстъ «Слова».

выми и формальными особенностями языка «Слова». Но кто часто имѣлъ дѣло съ разными списками одного и того же памятника, тотъ хорошо знаетъ, что въ спискахъ относительно позднѣйшихъ часто сохраняется печать глубокой древности языка, и понимаетъ, какъ опасно заключать о древности написанія рукописи по особенностямъ ея языка. Пользуясь такимъ пріемомъ можно и современную рукопись возвести къ отдаленной древности: сто́итъ только вѣрно скопировать ее съ древняго оригинала. Палеографическія данныя всегда будутъ служить наиболѣе вѣрной указкой для опредѣленія характера письма и вѣка рукописей.

Въ ближайшей связи съ изданіемъ г. Тихонравова стоитъ трудъ А. И. Смирнова. Изслѣдованіе его весьма разносторонне, но онъ, вопреки г. Тихонравову, усиливается утвердить старый взглядъ на рукопись «Слова» принадлежавшую Мусину-Пушкину. Изслѣдованіе состоитъ изъ двухъ частей: первая обнимаетъ литературу «Слова» со времени его открытія до 1876 г., вторая содержитъ пересмотръ нѣкоторыхъ вопросовъ, а именно о вѣкѣ рукописи и характерѣ письма, о языкѣ «Слова» со стороны звуковъ и формъ, какимъ онъ является по изданію М.-Пушкина, и о попыткахъ къ исправленію первопечатнаго текста; затѣмъ излагаются судьбы «Слова» въ послѣдующей русской литературѣ и наконецъ опредѣляется отношеніе его къ сѣверно-русской народной поэзіи и языку. Изложеніе литературы «Слова» отвѣчаетъ лишь хронологическому порядку и лишено прагматической связи: оно не озарено никакою сводящею мыслію и не всегда существенное отдѣлено въ немъ отъ маловажнаго. Пересматривая вопросъ о вѣкѣ рукописи и характерѣ письма, авторъ усиливается утвердить старое мнѣніе Мусина-Пушкина, что рукопись была писана въ XIV или XV в., но не представляетъ для того никакихъ новыхъ данныхъ, кромѣ извѣстныхъ внѣшнихъ свидѣтельствъ; ратуя противъ выводовъ Тихонравова, основанныхъ на палеографическихъ данныхъ перваго изданія и архивскаго списка, онъ игнорируетъ этотъ послѣдній какъ неисправный и приводитъ всѣмъ извѣстные примѣры, что смѣшеніе глухихъ въ одномъ и томъ же памятникѣ замѣчается уже въ глубокой древности; авторъ совсѣмъ упустилъ изъ виду, что важность

вопроса совсѣмъ здѣсь не въ этомъ явленіи, а въ томъ, какъ объяснить смѣшеніе глухихъ въ двухъ копіяхъ, снятыхъ съ одного и того же оригинала одними и тѣми же лицами?

Разсматривая языкъ «Слова» со стороны звуковъ и формъ, онъ между прочимъ замѣчаетъ, что эти особенности въ настоящее время до новаго, болѣе счастливаго, чѣмъ Екатерининскій списокъ, открытія могутъ служить болѣе всего надежнымъ, а пожалуй, и единственнымъ матеріаломъ, по которому вѣрнѣе можно было бы опредѣлить вѣкъ рукописи (вып. II, стр. 19). Авторъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ очевидно г. Колосову, который, какъ мы выше замѣтили, также въ одномъ изъ своихъ сочиненій доказывалъ на основаніи древности сохранившихся въ «Словѣ» звуковыхъ и формальныхъ особенностей языка, что Пушкинская рукопись восходитъ не къ XVI-му, какъ утверждаетъ г. Тихонравовъ, а къ XV вѣку. Но, повторяемъ, всякому, кто только достаточно знакомъ съ рукописями, извѣстно, что время написанія ихъ ни мало не стоитъ въ зависимости отъ древности языка ихъ. Весьма часто случается, что рукопись по языку воспроизводитъ оригиналъ глубочайшей древности, а сама она по времени написанія оказывается весьма позднею. Возьмите хоть напр. списки «*Лѣствицы*»: нѣкоторые изъ нихъ по письму XVI вѣка, но по языку восходятъ къ глубокой древности; другіе же, напротивъ XV, в., но языкъ въ нихъ сравнительно съ первыми значительно подновленный. Одно изъ Евангелій, принадлежащихъ г. Тихонравову, написано въ XV в., а въ языкѣ его удержаны особенности Мстиславова Евангелія XII вѣка. Вѣкъ рукописи и древность языка—понятія разнородныя, не стоящія одно къ другому въ генетической зависимости: время написанія рукописи доказывается лишь палеографическими данными; древность же языка повѣряется законами грамматики. Звуковыя и формальныя особенности языка «Слова»: могутъ указывать лишь на то, что Пушкинская рукопись была списана съ древняго оригинала, но отсюда отнюдь еще не слѣдуетъ, что и сама она того же самаго вѣка. Переписчикъ могъ жить въ XVI вѣкѣ и копировать съ точностію рукописи XIV вѣка: по языку подобныхъ копій судить объ эпохѣ писца—едва ли не самый скользкій путь, на который можетъ стать лишь слитное сознаніе, не видящее опасностей для своихъ заключеній.

Не касаясь другихъ главъ изслѣдованія г. Смирнова замѣтимъ, что наилучшая изъ нихъ это—глава объ отношеніи «Слова» къ сѣверно-русской поэзіи и языку. Вообще говоря, трудъ его не вноситъ въ литературу «Слова» никакихъ новыхъ данныхъ ни для возстановленія текста, ни для уясненія его историческаго и художественнаго значенія. Интересъ его розысканій большею частію оканчивается тамъ, гдѣ для критики лишь начинается. Разсужденія его обыкновенно таковы: «титлъ въ Пушкинской рукописи было мало, потому что, если бы ихъ было много, Пушкинъ непремѣнно упомянулъ бы о томъ въ письмѣ къ Калайдовичу при описаніи рукописи Слова. Или же: первое изданіе напечатано вѣрно въ букву, потому что, если бы это было не такъ, Карамзинъ непремѣнно бы о томъ замѣтилъ, а между тѣмъ онъ говоритъ, что по сдѣланному имъ сличенію оказалось, что рукопись была напечатана со всею точностію. Но историческая критика не можетъ довольствоваться подобными соображеніями: для ней именно здѣсь-то и возникаютъ вопросы: насколько можно вѣрить Мусину-Пушкину и въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать слова Карамзина? Въ рукописи несомнѣнно напр. преобладало такъ-называемое болгарское правописаніе, которое Пушкинъ въ Екатерининскомъ спискѣ передѣлывалъ на русское, по собственнымъ его словамъ, для облегченія чтенія, и однакоже онъ не счелъ нужнымъ упомянуть о томъ въ письмѣ къ Калайдовичу при описаніи рукописи «Слова». Подобное же недоумѣніе вызывается и свидѣтельствомъ Карамзина: онъ говоритъ, что рукопись «Слова», по сдѣланному имъ сличенію съ печатнымъ изданіемъ, напечатана со всею точностію, а между тѣмъ собственныя его выписки изъ той же рукописи, какъ мы видѣли, расходятся съ печатнымъ текстомъ. Тѣмъ не менѣе трудъ г. Смирнова, какъ трудъ историко-библіографическій, есть сочиненіе серьезное, добросовѣстное и весьма полезное. Знакомство съ предметомъ въ немъ видно большое; литература «Слова» изучена во всѣхъ подробностяхъ и потому трудъ этотъ давалъ ему полное и законное право на степень магистра, присужденную ему Новороссійскимъ университетомъ.

Высшихъ Женскихъ Курсовъ Библіотека Одесса

Замѣчанія на Слово о полку Игоревѣ кн. П. П. Вяземскаго представляютъ огромную книгу. Правда, начало этого трудъ помѣщено

было еще въ 1851 г. во *Временникѣ Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ*, но какъ оно обнимало только вступленіе, то и не обращало на себя вниманія ученыхъ. Въ 1875 году оно вышло въ цѣломъ своемъ составѣ. «Занимаясь объясненіемъ «Слова», говоритъ авторъ,—я счелъ необходимымъ обратить вниманіе на современное ему состояніе образованности и на литературное направленіе его времени какъ въ Россіи и Восточной Имперіи, такъ и на Западѣ, и разсмотрѣть письменные памятники, находящіеся въ соотношеніи съ симъ твореніемъ XII вѣка по предмету изложенія или по времени составленія оныхъ». Нельзя не признать, что изъ всѣхъ изслѣдователей «Слова» никто еще такъ не расширялъ своей задачи и никто не изучалъ его съ этой точки зрѣнія.

Сближая Слово о полку Игоревѣ съ произведеніями обще-европейской средневѣковой образованности, изслѣдователь пришелъ къ убѣжденію, что подъ Бояномъ, къ которому авторъ «Слова» обращается за вдохновеніемъ, разумѣется здѣсь Гомеръ, что подъ тропою, землею и вѣками Трояна отражаются здѣсь Троянскія сказанія, такъ господствовавшія повсюду въ средневѣковой Европейской литературѣ, что въ лицѣ дѣвы-обиды съ лебедиными крыльями выступаетъ здѣсь не кто иная, какъ Елена, дочь Нимизисы и Зевса, превращеннаго въ лебедя, вступившаго на землю Троянскую для погибели силъ Пріама, потомка Дордонова, что наконецъ вообще въ «Словѣ» замѣтно знакомство пѣвца Игорева съ гностическими, манихейскими и разными мистическими ученіями древности. Взглядъ этотъ въ изслѣдованіи закрѣпляется множествомъ самыхъ разнообразнѣйшихъ выписокъ изъ разныхъ произведеній европейской и восточной литературы, обнаруживающихъ многостороннюю и многообъемлющую ученость изслѣдователя и вмѣстѣ тотъ глубокій его интересъ къ «Слову», который носилъ онъ въ душѣ своей въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій, среди самой разнообразной начитанности. Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ изслѣдователь сталкивался съ исторической школой Шлецера и филологической—Востокова, онъ ведетъ съ ними горячую и настойчивую борьбу.

Въ насъ лично подобные труды, труды многолѣтніе и многосложные, поражающіе разностороннею ученостію, не возбуждаютъ инаго

чувства, кромѣ глубочайшаго уваженія. Но изслѣдуя «Слово» съ другой точки зрѣнія, мы обязываемся указать на тѣ недостатки «Замѣчаній» князя Вяземскаго, которые препятствуютъ намъ во многомъ съ нимъ согласиться.

Вся моя задача, говоритъ онъ, состояла въ собраніи фактовъ, хотя и не всегда прямо относящихся къ изслѣдываемому предмету, но необходимыхъ для воспроизведенія той духовной обстановки, въ коей вращался пѣвецъ XII столѣтія... я предпочелъ ограничиться ролью собирателя... Сравнительное изученіе словесности необходимо заставляетъ обращаться къ источникамъ (стр. XIV). Долгомъ считаю предупредить читателя, что я представляю не систематическій докладъ, а такъ сказать слѣдственное дѣло почти въ томъ самомъ порядкѣ, какъ оно слагалось. Питая предубѣжденіе противъ вывода общихъ началъ и противъ предвзятыхъ идей, я всемѣрно старался отъ нихъ отрѣшиться (стр. XII).

Въ этомъ признаніи почтеннаго автора вполнѣ высказываются и существенные недостатки его изслѣдованія. Съ одной стороны, онъ руководится сравнительнымъ изученіемъ словесности, а съ другой— освобождаетъ себя отъ прагматическаго изложенія, составляющаго существенный элементъ историко-сравнительнаго метода; или же съ одной стороны онъ отрѣшается отъ превдзятыхъ идей, а съ другой— оставляетъ читателя съ массой матеріала, который не дается непосредственному разумѣнію самимъ «Словомъ» и который въ дѣйствительности лишь пріуроченъ къ личному взгляду на него автора.

Историко-сравнительный методъ состоитъ не въ томъ, чтобы сближать и сопоставлять общіе литературные факты и явленія, а въ томъ, чтобы прослѣдить именно прагматически, какъ тотъ или другой литературный мотивъ видозмѣнялся и качествовался въ литературной исторіи, подъ воздѣйствіемъ тѣхъ или другихъ народностей и такой или другой исторической жизни. Только въ этой историко-литературной призмѣ, среди разнообразія качествъ и формъ одного и того же мотива, онъ отражается для насъ и въ своемъ происхожденіи, и въ своемъ развитіи, и въ полнотѣ своего образа. Само собою

разумѣется, что подобному сравнительному изученію могутъ подлежать лишь тѣ явленія и мотивы, которые отразились въ разныхъ литературахъ съ болѣе или менѣе одинаковою содержательностію, опредѣленностію и, если можно такъ сказать, имѣютъ свою характерную физіономію.

Не таково наше «Слово о полку Игоревѣ»: въ немъ наталкиваемся мы на нѣкоторые общіе и самые неопредѣленные намеки относительно фактовъ и явленій древнѣйшей эпохи; оно не достаточно изучено ни въ его внутреннемъ составѣ, ни въ связи съ бытомъ и укладомъ эпохи имъ выражаемой; оно не приведено въ достаточную связь съ народными древнѣйшими вѣрованіями и преданіями, бытующими и въ русской жизни, и въ русскомъ искусствѣ; наконецъ многія мѣста «Слова» донынѣ остаются испорченными и всѣ попытки къ ихъ востановленію оказываются неудачными.'

При такомъ положеніи этого литературнаго памятника взвѣшивать и оцѣнивать его съ точки зрѣнія обще-европейской литературы кажется намъ дѣломъ весьма преждевременнымъ. Изслѣдователю предстоитъ опасность видѣть въ «Словѣ», словно въ зеркалѣ, то, что къ нему приставишь; критикѣ, руководящейся сравнительно съ методомъ, недостаетъ здѣсь самаго главнаго: равномѣрности сравнимаемыхъ фактовъ; прагматическая нить, помимо воли изслѣдователя, необходимо должна здѣсь прерываться.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы читатель осязательно ни убѣдился, что въ средніе вѣка повсюду въ Европѣ изучали Гомера, какъ бы хорошо ни ознакомился онъ съ отличительными свойствами его генія, онъ все-таки останется въ недоумѣніи, почему же Гомеръ въ «Словѣ» называется Бояномъ, а не *Омиромъ*, какъ именовался онъ въ тогдашнихъ русскихъ памятникахъ? Почему въ выраженіяхъ: «*растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ влъкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы*» надо читать, что Гомеръ вспоминалъ про древніе роды героевъ, что онъ былъ глубокій географъ и что онъ является здѣсь Зевсовымъ орломъ, воспарявшимъ въ обители боговъ?

Къ сожалѣнію, краткій нашъ очеркъ литературы «Слова» не позволяетъ намъ входить здѣсь въ подробное разсмотрѣніе взглядовъ

проводимыхъ авторомъ, но мы привели этотъ примѣръ, чтобы показать, какъ историко-сравнительный методъ незамѣтно для самого автора переходитъ здѣсь въ методъ аналогическій, и какъ авторъ, сопоставляя съ «Словомъ» массу данныхъ обще-европейской литературы, весьма часто предоставляетъ самому читателю доискиваться здѣсь непосредственной прагматической связи. Въ выраженіи: «*кликну Карна и Жля*» онъ видитъ напр. злющаго Карная (образъ Александра Македонскаго, карнающаго Гога и Магога); но этотъ Карнай—баснословный блюститель Кавказскихъ воротъ, легко можетъ оказаться въ «Словѣ» не больше какъ опискою писца въ Пушкинскомъ Сборникѣ, или же недосмотромъ редакторовъ перваго изданія.

Но если недостатки изслѣдованія кн. Вяземскаго обусловлены положеніемъ въ русской наукѣ самаго «Слова», то мы уже никакъ не можемъ примириться съ слѣдующими мнѣніями почтеннаго автора. «Пора бы отказаться, говоритъ онъ, отъ правила, положеннаго въ началѣ нынѣшняго столѣтія, ограничиваться при изслѣдованіи нашихъ древностей исключительно произведеніями родной почвы; это правило пригодно только съ педагогической точки зрѣнія (стр. 83). Нѣтъ, скажемъ мы, пора эта и главнымъ образомъ для «Слова» далеко еще не наступила. Лишь съ достаточнымъ изученіемъ его съ точки зрѣнія этого правила откроется болѣе благодарная почва для широкихъ историко-сравнительныхъ сближеній и лишь тогда только духовная жизнь Кіевской Руси можетъ вѣрнѣе отразиться для насъ въ тѣхъ многочисленныхъ лучахъ, которыми роднится она съ литературою другихъ народовъ.

Независимо отъ указанныхъ недостатковъ, изслѣдованіе князя Вяземскаго представляетъ множество драгоцѣннѣйшихъ указаній, служащихъ къ прямому и непосредственному уясненію «Слова». Нѣкоторыя изъ нихъ мы принимаемъ за основаніе при своихъ соображеніяхъ.

Изслѣдованіе его о варіантахъ текста «Слова» еще болѣе важно. Самая капитальная заслуга его состоитъ здѣсь въ томъ, что онъ осязательно доказалъ присутствіе методы при чтеніи и списываніи текста въ редакціяхъ какъ петербургской такъ и московской копій.

Съ Византіей же связываетъ происхожденіе нашего памятника и В. Ѳ. Миллеръ, издавшій свой «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ» (М. 1874). Безспорно, это изслѣдованіе принадлежитъ писателю даровитому, но проводимый имъ взглядъ является увлеченіемъ и представляетъ собою такого рода гипотезу, которая не выдерживаетъ критики. Что «Слово» написано подъ воздѣйствіемъ византійскихъ литературныхъ источниковъ, мы высказывали это убѣжденіе еще прежде, въ 1876 г., сравнивъ его пріемы, обороты и выраженія съ повѣстію Флавія о разореніи Іерусалима [1]. Но г. Миллеръ, продолжая работу въ этомъ направленіи, пришелъ не только къ тому выводу, почти уже утвердившемуся въ литературѣ, что авторъ «Слова» не былъ неграмотный пѣвецъ, но былъ человѣкъ книжный и начитанный, но сталъ утверждать, что онъ писалъ «Слово» по готовому византійско-болгарскому образцу (или образцамъ) и воспользовался имъ такъ, что въ «Словѣ» сквозятъ неискусныя спайки и такія выраженія, которыя самъ авторъ «Слова» понималъ не больше нашего. Такъ какъ эта гипотеза подрываетъ художественную сторону этого высокаго поэтическаго произведенія, самую дорогую и важную для исторіи русской литературы, то критика обязана отнестись съ ней съ особеннымъ вниманіемъ. Въ виду этого, не ограничиваясь упоминаніемъ о ней въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ литературы «Слова», мы разсмотримъ ее въ дальнѣйшихъ главахъ нашего изслѣдованія.

Гипотеза г. Миллера о византійско-болгарскомъ прототипѣ «Слова» нашла себѣ откликъ въ Кіевѣ, въ лицѣ профессора Духовной Академіи И. И. Малышевскаго. Онъ не только согласился съ подобнымъ происхожденіемъ нашего памятника, но на этой гипотезѣ построилъ еще нѣсколько новыхъ собственныхъ гипотезъ. Онъ рѣшаетъ даже то, откуда авторъ «Слова» принесъ въ Кіевъ письменные образцы для своего произведенія. Въ нѣсколькихъ упоминаніяхъ «Слова» о Тмутаракани г. Малышевскій видитъ особенное тяготѣніе и любовь автора къ этой окраинѣ и замѣчаетъ въ немъ особенное предрасположеніе къ князьямъ Тмутараканскимъ; отсюда строитъ онъ новое пред-

[1] Критич. очер. литер. Слова въ Жур. Мин. Нар. Пр. 1876 г., № 10.

положеніе, что авторъ не только бывалъ, но и живалъ въ Тмутаракани; но гаданія не останавливаются и на этомъ: «авторъ «Слова» могъ быть здѣсь когда-либо и «гостемъ», или ѣзжать съ какимъ-либо гостемъ, и потомъ сталъ младшимъ дружинникомъ, расхаживалъ подобно другимъ дружинникамъ отъ князя къ князю, исходилъ Русь вдоль и поперекъ, приглядѣлся къ физіономіямъ князей, населенію мѣстностей; а въ ту пору, когда писалъ «Слово», принадлежалъ уже къ придворной дружинѣ князя, гдѣ занималъ профессію пѣснотворца, книжника, гудца; онъ проникся жалостію объ отторженности этой Тмутаракани отъ Руси и могъ подсказывать въ «Словѣ» Кіевскому князю Святославу думу или мечту о возвращеніи этой нѣкогда Русской окраины и т. д.

Всѣ эти гаданія, оказывается, нужны для слѣдующаго вывода:

«Теперь дознано, что въ предѣлахъ Византіи существовала довольно широкая свѣтская литература и поэзія, держалась даже народная поэзія въ сказкахъ, пѣсняхъ похожихъ на наши... У Черноморскаго и Азовско-Черноморскаго побережья греческая окраина сближалась съ русскою. Здѣсь особенно могли сближаться, передаваться, перениматься элементы для такихъ созданій, какъ наше «Слово». Отсюда-то и могъ вынести авторъ его письменные образцы для своего произведенія [1]. Всѣ эти гаданія показываютъ, какимъ туманомъ облегается «Слово», когда изучаютъ его набѣгомъ и хотятъ объяснить его происхожденіе заимствованіемъ изъ византійско-болгарскаго прототипа никому неизвѣстнаго и никогда не бывалаго. По гаданіямъ нашихъ изслѣдователей оказывается, что этотъ прекрасный прототипъ, который спайками и неразумѣніемъ испортили въ Кіевѣ, и занесенъ-то былъ сюда съ Черно-Азовскаго побережья. Какъ въ самомъ дѣлѣ плодотворны для науки такія открытія и какъ ясно становится происхожденіе на Руси такого памятника, какъ «Слово»! Къ сожалѣнію, эти выводы не имѣютъ за собою никакихъ прочныхъ основаній, кромѣ гаданій на гаданьѣ, и показываютъ, что мы еще не научились пользоваться, какъ должно, мощнымъ орудіемъ науки—историко-сравнительнымъ методомъ.

[1] Журн. Мин. Нар. Просв. 1879 г. авг., стр. 252—261.

Съ трудомъ В. Ѳ. Миллера стоитъ также въ связи трудъ о «Словѣ» А. Ѳ. Потебни. Подобно многимъ, говоритъ онъ, и я считаю «Слово» произведеніемъ и личнымъ, и письменнымъ. Построеніе нѣкоторыхъ періодовъ въ «Словѣ» можетъ быть книжно; таковы же нѣкоторыя выраженія, а можетъ-быть и свѣдѣнія; но до сихъ поръ невѣроятно то, что оно сочинено по готовому византійско-болгарскому или иному шаблону и, наоборотъ, до сихъ поръ крѣпко стоитъ мнѣніе, что мы не знаемъ другаго древне-русскаго произведенія до такой степени проникнутаго народно-поэтическими стихіями. Сообразно такому основному воззрѣнію, онъ въ своихъ примѣчаніяхъ, отмѣчая книжныя черты и элементы въ «Словѣ», съ особеннымъ вниманіе останавливается на объясненіи поэтической символики его въ связи съ народной поэзіей. Всюду отстраняя мысль о воображаемомъ болгарскомъ прототипѣ, онъ руководится еще болѣе глубокимъ побужденіемъ отыскивать сходство «Слова» съ произведеніями устной словесности. «Сравненія этого рода, говоритъ онъ, съ одной стороны могутъ объяснить нѣкоторыя темныя мѣста «Слова», съ другой—возводятъ нѣкоторые народно-поэтическіе мотивы не позже конца XII вѣка и такимъ образомъ вносятъ извѣстную долю хронологіи въ изученіе такихъ сторонъ народной поэзіи, какъ символика и параллелизмъ». Комментарій г. Потебни обнаруживаетъ «удивительную начитанность» въ памятникахъ народной поэзіи, говоритъ профессоръ Ягичъ, замѣчая, что близкое вліяніе на «Слово» собственно болгарскихъ образцовъ и ему кажется сомнительнымъ.

Но признавая трудъ г. Потебни образцемъ филологической учености и мѣткихъ сближеній, мы со своей стороны находимъ:

Во 1-хъ, едва ли законно авторъ ввелъ въ текстъ «Слова» однообразное правописаніе XII вѣка, соотвѣтствующее правиламъ современной исторической грамматики. Въ дѣйствительности же, изо всѣхъ дошедшихъ до насъ памятниковъ отъ того времени нѣтъ ни одного, въ которомъ бы *съ такою строгостію* выдержано было однообразное правописаніе. Не говоримъ уже о Пушкинской рукописи «Слова», въ которой никакъ не могло быть его въ томъ видѣ, какъ исправилъ его г. Потебня.

Во 2-хъ, синтаксическія его замѣчанія построены на законахъ языка современнаго; съ этой точки зрѣнія заключается, что синтаксисъ «Слова» не вездѣ правиленъ и въ силу этого дѣлаются предположенія о первоначальномъ будто бы подлинномъ его чтеніи. На нашъ взглядъ авторъ поступилъ бы основательнѣе, если бы вышелъ изъ своего собственнаго замѣчанія, что синтаксисъ того времени могъ не отвѣчать нынѣшнему, и потрудился бы собрать примѣры своеобразнаго сочетанія словъ и предложеній въ древнѣйшей славяно-русской письменности. Такихъ примѣровъ не мало, а «Слово» еще больше представляетъ своеобразія въ этомъ отношеніи, чѣмъ указалъ то г. Потебня.

Въ 3-хъ, предлагаемыя имъ чтенія многихъ темныхъ мѣстъ отзываются искусственностію, не соотвѣтствіемъ складу предложеній и не оправдываются употребленіемъ допущенныхъ имъ словъ въ другихъ памятникахъ того же или ближайшаго къ тому времени [1], равно какъ и данными опыта [2].

4. Относясь къ «Слову», какъ къ произведенію книжному и личному и занимаясь по преимуществу синтаксическими соотношеніями, онъ усматриваетъ въ дошедшемъ до насъ текстѣ «вставки» и «пропуски». Эпизоды, въ которыхъ по заявленному намѣренію автора, въ подражаніе Бояну, *свивается* время Игоря съ временами Олега, кажутся ему «отступленіями, нарушающими живость изложенія». Вообще въ трудѣ его сказывается глубокое изученіе частностей «Слова», отдѣльныхъ образовъ и картинъ, словъ и предложеній въ ущербъ живому пониманію памятника въ его цѣломъ, въ планѣ и идеѣ, въ

[1] Каковы напр. «Успала Князю у умъ похоть» (вм. *спала* Князю умъ похоти) «нощь стонущи ему грозою птичь убуди свистъ; звѣрина въста: узбися дивъ, кличетъ»..... уже узнесеся хула надъ хвалу» (вм. снесеся хула на хвалу).

[2] Такъ напр. «плаваніе по водѣ» г. Потебня считаетъ характеристической особенностію черняди и замѣчаетъ, будто бы «чайка совсѣмъ не плаваетъ, а потому предлагаетъ читать на оборотъ, чѣмъ въ текстѣ «Слова»: «чернядьми на струяхъ, чаицами на вѣтрѣхъ»; но, какъ увидимъ, картины подлинника ближе отвѣчаютъ дѣйствительности, чѣмъ какъ то кажется г. Потебни.

оригинальныхъ и свободныхъ пріемахъ творчества, подобнаго Боянову.

5. Но самая главная ошибка г. Потебня состоитъ въ томъ, что мѣста, вызывавшія его недоумѣнія, онъ объясняегъ «позднѣйшими глоссами» [1]. Нѣтъ ничего легче, какъ объяснять глоссами то, что кажется не понятнымъ; но это способъ лишь терпимый въ наукѣ и въ всякомъ случаѣ получаетъ строго научное значеніе лишь только тогда, когда представляются для того основанія разными списками объясняемаго памятника. Тѣмъ менѣе позволительны подобныя предположенія со стороны такого почтеннаго ученаго какъ г. Потебня, что при болѣе тщательномъ изученіи нашего памятника не представляется, какъ увидимъ, рѣшительно никакой надобности въ подобныхъ глоссахъ. Изслѣдованіе «Слова» въ указанномъ направленіи привело г. Потебня къ слѣдующему сколько оригинальному, столько же и странному взгляду на происхожденіе дошедшаго до насъ текста «Слова». «Списокъ 1800 г. ведетъ свое начало, думаетъ онъ, отъ черновой рукописи, писанной самимъ авторомъ или съ его словъ, снабженной приписками на поляхъ, замѣтками для памяти, поправками, вводившими переписчика въ недоумѣніе относительно того, куда ихъ помѣстить; сверхъ того, по мнѣнію его, въ текстъ внесены глоссы одного или болѣе, чѣмъ одного переписчика». Такимъ образомъ г. Потебня, своимъ авторитетомъ положилъ основаніе новѣйшему ученому скептицизму въ отношеніи дошедшаго до насъ текста, скептицизму болѣе опасному, чѣмъ скептицизмъ старый, такъ какъ, открывая скользкій путь для всевозможныхъ гаданій и исправленій, онъ грозитъ нашему «многостропотному» памятнику, какъ назвалъ его Потебня, новыми безконечными дыбами со стороны послѣдующихъ комментаторовъ.

Личныя гаданія г. Потебни относительно рукописи «Слова» открыли полный просторъ мечтаніямъ другихъ комментаторовъ и развязали имъ руки въ отношеніи къ дошедшему до насъ тексту «Слова». Мы успѣли уже дождаться такихъ опытовъ изданія этого

[1] См. напр. стр. 9, 16, 33, 39, 67, 82.

русско-класическаго памятника, въ которыхъ онъ является не такимъ, каковъ онъ есть, а такимъ, какимъ угодно его видѣть нашимъ комментаторамъ.

«Въ объясненіи «Слова» замѣчаетъ г. Ждановъ[1] достигнуты важные успѣхи. Общій взглядъ на литературное значеніе его установленъ опредѣленно и прочно». Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, едва ли кто-нибудь будетъ еще защищать то мнѣніе, что Слово о полку Игоревѣ было сначала устно передававшеюся пѣснью и что только потомъ перешло оно въ письменность. Но вотъ какбы наперекоръ этому прочно установившемуся воззрѣнію, не обинуясь, выступаетъ г. Андреевскій съ своимъ *«изслѣдованіемъ»*[2] иного характера и направленія. «Что сдѣлала эта *многообильная* и *пресловутая* литература нашего памятника, въ долгій, обнимающій 84 года, періодъ своего существованія? Спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: «литературой нашего памятника, если не ничего почти не сдѣлано, то во всякомъ случаѣ сдѣлано очень не много; слѣдовательно для того, кто захотѣлъ бы опознаться въ томъ *хаосѣ*, который представляетъ собою дошедшій до насъ текстъ Пѣсни Игоревой, открывается широкое поприще начинать работу надъ нимъ почти за́—ново». Изслѣдованіе автора полагаетъ начало этой новой работѣ. «Пѣснь Игорева, по своему происхожденію, разсуждаетъ онъ, есть произведеніе устнаго народнаго эпоса; она сложилась не въ одинъ разъ, а постепенно, переходя въ теченіе долгаго промежутка времени отъ одного народнаго пѣвца къ другому; текстъ пѣсни, естественно, поэтому долженъ былъ терпѣть измѣненія въ устахъ пѣвцевъ; затѣмъ при самой передачѣ для записыванья, въ особенности стихотворный складъ ея долженъ былъ еще болѣе разрушиться; при дальнѣйшихъ перепискахъ первоначальнаго списка, подъ перомъ книжныхъ грамотѣевъ, текстъ ея подвергался еще большимъ искаженіямъ; наконецъ подъ перьями редакторовъ копій съ Пушкинскаго списка онъ пострадалъ еще болѣе». Ни мало

[1] Продолжатель литературной «лѣтописи «Слова» начатой г. Смирновымъ. Литература «Слова». И. Жданова. Кіевъ стр. 42.

[2] Изслѣдованіе текста пѣсни Игорю Святославичу. Екатеринославъ. Вып. 1, 1879. Вып. 2, 1880 г.

не стѣсняясь мнимымъ «*хаосомъ*» дошедшаго до насъ текста и предполагаемыми вѣковыми его искаженіями, авторъ рыцарски рѣшился разобраться въ этомъ хаосѣ, очистить текстъ отъ всевозможныхъ искаженій, и, по частямъ уцѣлѣвшихъ развалинъ, возстановить этотъ художественный памятникъ народнаго эпоса въ его приблизительно *первоначальномъ видѣ*. Можно себѣ представить какой злосчастной судьбѣ долженъ подвергнуться дошедшій до насъ текстъ при такомъ рыцарскомъ набѣгѣ на него отважнаго реставратора!

Не распространяясь здѣсь объ этой злосчастной судьбѣ, мы пока отмѣтимъ только характерные пріемы этой реставраціи, начинающей за́-ново работу надъ «Словомъ».

1. Въ своемъ критическомъ отношеніи къ тексту, г. Андреевскій относится къ памятнику точно такъ, какъ педагогъ къ упражненію школьника: «это выраженіе неумѣстно» «это занесено некстати»; «выраженіе «*подъ трубами* (повити) кажется мнѣ очень подозрительнымъ»; «выраженіе *подъ шеломы* (взлелѣяни) не вразумительно»; странно то, что между тѣмъ къ «*о трубахъ*» и «*шеломахъ* говорится во множественномъ числѣ, *о копьѣ* въ единственномъ», по этому самое слово «*копія* кажется мнѣ подозрительнымъ». «*Стязи глаголютъ*—безсмыслица» Выраженія: *скача, о соловей, по мысленну древу, летая умомъ* подъ облаками»... очень вычурны; самыя представленія: ночь стонучи Игорю грозою пробудила птичій свистъ, очень странны...... «*Чему*» (мычеши) есть лишнее повтореніе и т. д. и т. д.

2. Самомнѣніе служитъ исходной точкой всѣхъ его предположеній. *Мнѣ кажется*, что слѣдуетъ читать: почнемъ повѣсть *не* отъ стараго Владиміра, *а отъ* нынѣшняго»... *Мнѣ кажется*, что «*Когана*» могло появиться вмѣсто Трояна». *Я думаю*, что разбираемое темное мѣсто «*(свивая славы оба полы)* смѣшалось въ памяти пѣвца съ выраженіемъ: «*соловіи веселыми*....» *Очень можетъ быть*, что жаворонокъ былъ и въ текстѣ пѣсни Игоревой. Представленіе: «*ночь мркнетъ*» немыслимо; вмѣсто «*ночь*» слѣдуетъ поставить «*свѣтъ*». Кажется, что предъ «*далече*» (залетѣло) пропущено *не* и что «бѣды» должно быть поставлено послѣ «не далече». Не искажено ли «*подо-*

бію» изъ «*обно*», которое могло существовать и въ формѣ *ѿ обимо* или «*пообимо*». и т. п. *Мнѣ кажется,* что «*смагу людемъ*» искажено изъ «*с ногу лютѣ*» и т. д. и т. д.

3. Авторъ часто приводитъ въ своей работѣ аналогіи изъ другихъ памятниковъ письменности и народной поэзіи, но эти аналогіи подбираются не къ словамъ дошедшаго до насъ текста, но къ тому, что кажется, воображается и предполагается, по поводу ихъ, въ головѣ реставратора [1].

4. До какой степени авторъ обнаруживаетъ въ своихъ передѣлкахъ отсутствіе всякаго поэтическаго чутья и пониманія, можно судить по слѣдующимъ примѣрамъ. Классическое мѣсто: (куряне) *подъ шеломы възлельяни, конець копія въскръмлени* онъ передѣлалъ такъ: *по сѐломъ* възлѣлѣяни, конець *котла* въскръмлени. Выраженіе «*крамолу коваше* онъ замѣнилъ словами: *копіемъ копаше*; вмѣсто: *стязи глаголютъ* поставилъ: *земля ѻязи глогощетъ*. И такими то безобразными передѣлками испещренъ весь текстъ!

Конечно, подобная работа, основанная на такихъ критическихъ пріемахъ, наивно называемая «изслѣдованіемъ» сама по себѣ не принесетъ вреда наукѣ, хотя, и навсегда останется для нея безплодной, но весьма жаль, если «Слово» подобнымъ образомъ преподается въ школѣ. Такое преподаваніе, не давая ни малѣйшаго понятія о самомъ памятникѣ, можетъ развивать въ учащихся лишь одну наклонность къ литературному непочёмству.

[1] Весьма характерно и отношеніе г. Андреевскаго къ другимъ изслѣдователямъ. «Коснувшись лѣтописной «прилбици» онъ въ такой напр. формѣ сопоставляетъ свое мнѣніе съ мнѣніями знаменитыхъ нашихъ историковъ: «Карамзинъ замѣчаетъ, что сіе «Слово» и нынѣ въ польскомъ языкѣ значитъ шлемъ. Погодинъ дѣлаетъ вопросъ: не называлась ли «приблицею» передняя часть шлема лбомъ, какъ бы козырекъ? *И я спрошу въ свою очередь,* не называлось ли «прилбицею» какое нибудь металическое изображеніе, въ родѣ герба, приткнутое къ передней части шлема? Еще болѣе сказывается самомнѣнія въ отношеніи къ другимъ ученымъ. *Смѣю увѣрить г. Тихонравова;......* *Мнѣ кажется,* что Потебня споритъ о словахъ а не о дѣлѣ и т. п.

Гораздо дѣльнѣе и серьезнѣе работа въ томъ же направленіи Д. И. Прозоровскаго. Столько же скромный, сколько и ученый изслѣдователь, издавая въ свѣтъ *«Новый опытъ объяснительнаго изложенія Слова о полку Игоревѣ»* [1], онъ старается прежде всего представить научныя оправданія для реставраціи, произведенной имъ надъ дошедшимъ до насъ текстомъ. По мнѣнію его *всякій* (?) читатель, будто бы убѣжденъ, что оно не дошло дѣ насъ въ первоначальномъ его составѣ, но *до послѣдней крайности* испорчено переписчиками, и главное *утратою многихъ мѣстъ.*(?) Много лѣтъ вчитывался я въ Слово о полку Игоревѣ, признается онъ, и долго не могъ понять, отъ чего оно, при всей красотѣ, *кажется* путаницею, а не стройнымъ сочиненіемъ. Наконецъ мнѣ пришло на мысль сопоставить его съ лѣтописью и упомянутыя въ немъ событія подвести подъ условія лѣтописнаго повѣствованія. Тогда тайна разоблачилась и я получилъ строго послѣдовательное, исторически полное и во всѣхъ частяхъ органически сливающееся повѣствованіе. Смотря на «Слово» съ этой точки зрѣнія, нельзя не примѣтить, что изложеніе его значительно перепутано, вѣроятно, переплетами и перепискамп, и чтобы возстановить его въ первоначальный, или хотя въ близкій къ первоначальному, видъ, необходимо переставить нѣкоторыя его мѣста такъ, чтобы событія слѣдовали одно за другимъ правильно и по мысли писателя. Та часть «Слова», которая почерпнута изъ «*старыхъ словесъ*», будучи разбросана *по разнымъ мѣстамъ сочиненія*, кажется чѣмъ-то совсѣмъ постороннимъ, не имѣющимъ связи съ разсказами, а между тѣмъ по духу изложенія видно, что она принадлежитъ къ составу «Слова». «Сообразно такому пониманію, г. Прозоровскій всѣ мѣста, относящіяся къ старой Бояновской эпохѣ, выдѣлилъ изъ текста и, соединивъ, поставилъ ихъ въ самомъ началѣ повѣствованія о походѣ Игоря. Предоставляя себѣ въ дальнѣйшихъ нашихъ изслѣдованіяхъ остановиться на подобной реставраціи драгоцѣннаго текста, здѣсь мы замѣтимъ лишь, что историко-археологическая точка зрѣ-

[1] Въ «Запискахъ отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Импер. Русс. Археологическаго Общества. Спб. 1882. стр. 211—292.

нія менѣе всего умѣстна при оцѣнкѣ художественныхъ произведеній. Археологу или историку нашего времени, естественно, можетъ казаться и болѣе стройнымъ и болѣе послѣдовательнымъ сначала трактовать о старомъ времени, а потомъ перейти къ разсказу о времени новомъ, а не разбрасывать старыхъ фактовъ по разнымъ мѣстамъ и не приставлять ихъ тамъ и индѣ къ фактамъ времени новаго; но не нужно забывать, что поэты не слѣдуютъ обычнымъ формуламъ отвлеченной мысли и въ своихъ творческихъ вдохновеніяхъ часто идутъ вопреки имъ, ни мало не стѣсняясь ни пространствомъ, ни временемъ: изображаемые ими моменты дѣйствія и черты характеровъ часто быстро смѣняютъ другъ друга, оставляя пустоту для отвлеченной мысли, и возбуждаютъ въ ихъ творческомъ духѣ соотношенія, которыя легко могутъ казаться нестройностями съ точки зрѣнія историко-археологической. Пріемъ г. Прозоровскаго тотъ же самый, какъ если бы мы «Бориса Годунова» Пушкина стали подводить подъ условія лѣтописнаго повѣствованія и въ видахъ большей воображаемой научной стройности и послѣдовательности, стали вставлять въ него то, о чемъ тамъ умолчено, или опускать то, что̀ тамъ прибавлено и располагать факты по своему. Но по отношенію къ «Слову» подобный пріемъ реставраціи вдвойнѣ не позволителенъ. Г. Прозоровскій не замѣчаетъ, что онъ своей передѣлкой дошедшаго до насъ текста совершенно разрушаетъ «*свитіе* двухъ эпохъ—эпохи Бояна и эпохи «нынѣшней» проходящее чрезъ весь памятникъ т. е. ту существенную и основную форму, которую авторъ «Слова», по собственному его признанію, хотѣлъ воплотить въ своемъ твореніи, и въ которой сквозитъ для насъ форма Бояновой пѣсни. Вѣдь это единственный памятникъ, стоящій на грани двухъ литературныхъ направленій XII вѣка, который даетъ намъ нѣкоторое понятіе о формѣ произведеній тогдашняго историческаго эпоса и потому особенно долженъ оставаться неприкосновеннымъ въ его планѣ и расположеніи образовъ и мыслей. Всѣ предположенія «*о крайней испорченности текста*», отъ которыхъ исходятъ къ подобнымъ реставраціямъ, какъ увидимъ, не имѣютъ за себя твердыхъ и достаточныхъ основаній.

Наконецъ, мы не можемъ не отмѣтить здѣсь двухъ недоумѣній, весьма характерныхъ для современныхъ воззрѣній на «Слово», вы-

сказанныхъ мимоходомъ въ двухъ капитальныхъ трудахъ, хотя и неимѣющихъ прямого отношенія къ его спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Одно изъ нихъ принадлежитъ академику А. А. Кунику [1] и возникло изъ его историческихъ соображеній; другое профессору Московской Д. Академіи Е. Е. Голубинскому [2] и обусловлено его личными понятіями о художественныхъ произведеніяхъ. «Нѣтъ спора, говоритъ Куникъ, что «Слово» о полку Игоревѣ представляетъ собою живый комментарій на исторію военнаго дѣла при Рюриковичахъ XII столѣтія, и при этомъ рѣзко характиризуетъ воинственный духъ, которымъ были проникнуты Игорь Святославичъ и его современники. Но какъ объяснить себѣ, что въ этомъ драгоцѣнномъ памятникѣ и рѣчи нѣтъ о морскихъ походахъ, между тѣмъ какъ первые Рюриковичи и дружины ихъ съ 839 года были рожденными моряками? Правда, что Игорь Святославичъ желаетъ снова завоевать Тамань и прочія, утраченныя вскорѣ послѣ 1100 года и частію немного раньше, русскія владѣнія на Босфорѣ Киммерійскомъ, но уже однако не на морскихъ коняхъ, а на степныхъ лошадяхъ» [3]. Недоумѣніе почтеннаго академика легко разъяснится, если онъ приметъ во вниманіе, что уже задолго до того времени, какъ былъ походъ Игоревъ, наступательная эпоха Кіева на Византію кончилась, что этой древней эпохи «Слово» касается мимоходомъ, лишь чрезъ призму Бояновой пѣсни, и притомъ настолько, насколько роднилась она съ эпохой Игоря, что время Игоря представляло собою уже эпоху новой борьбы—борьбы Кіевской Руси со степью, затмѣвая въ живомъ сознаніи старыя преданія. Былевое народное творчество, созданное этой послѣдней эпохой показываетъ, какъ глубоко была переживаема эта борьба тогдашнимъ обществомъ. Выражая туже борьбу, туже жизнь, «Слово» стоитъ въ сторонѣ отъ старыхъ преданій» рожденныхъ моряковъ». Вотъ почему здѣсь являются только «степныя лошади, а не морскіе кони».

Е. Е. Голубинскій впервые ввелъ «Слово» въ курсъ Русской Церковной Исторіи, но, къ сожалѣнію, онъ разсматриваетъ его не со

[1] См. Каспій Б. Дорна, стр. 690.

[2] Исторія Русской Церкви. Т. I. Періодъ до-монгольскій, стр. 700.

[3] Каспій Б. Дорна, стр. 690.

стороны миѳологической, которою оно наиболѣе всего соприкасается съ задачами Церковной Исторіи, но лишь оцѣниваетъ его литературное достоинство и при этомъ высказываетъ такія сужденія, которыя не иначе могутъ быть названы, какъ странными. «Слово» о полку Игоревѣ, говоритъ онъ, есть весьма замѣчательное поэтическое произведеніе, но мы имѣемъ смѣлость еретически или не еретически думать, что не болѣе, и что *до верха совершенства ему далеко*. Оно, обыкновенно, читается послѣ предварительнаго обстоятельнаго знакомства съ событіями и лицами, которыя въ немъ воспѣваются, къ каковому знакомству служитъ повѣсть о походѣ Игоря, читаемая въ Ипатской Лѣтописи и передающая событія весьма полно не только съ внѣшнею обстоятельностію, но и съ внутреннею живостію. Но отстраните это предварительное знакомство, которое при чтеніи «Слова» дорисовываетъ картины, и вы будете видѣть въ немъ болѣе мелькающія тѣни, чѣмъ живыя и оконченныя изображенія» (стр. 704). Авторъ не объясняетъ, что разумѣетъ онъ подъ верхомъ совершенства поэтическихъ произведеній, но видимо умаляетъ художественное значеніе «Слова» за отсутствіе въ немъ подробностей факта и за краткость историческихъ очертаній, т.-е. въ недостатокъ ставитъ то, что собственно и составляетъ отличительное достоинство творческихъ произведеній. Обстоятельность изложенія событія, свойственная историческому повѣтствованію, отнюдь не можетъ и не должна служить критеріемъ для оцѣнки поэтическихъ произведеній. Если для лѣтописнаго повѣтствованія требуются подробности факта, то для послѣднихъ имѣютъ значеніе лишь главнѣйшіе моменты дѣйствія и характерныя черты дѣйствующихъ лицъ.

Вотъ какъ напр. оцѣниваетъ Е. Е. Голубинскій поэтическое достоинство «Плача Ярославны». «Во 1-хъ, говоритъ онъ, Ярославна могла бы плакать нѣсколько *пространнѣе*; во 2-хъ, тутъ вотъ какая странность: она лишилась не только мужа, но и сына, юноши въ первой юности, и однако ея плачъ, ограничивается только мужемъ ни словомъ не касаясь сына; думаемъ, что совсѣмъ хорошій поэтъ никакъ не забылъ бы про мать и даже поставилъ бы ее впереди жены (ibid.)». Измѣрять достоинство плачей *количествомъ слезъ* и художество причети ея *пространностію*, это такой пріемъ критики,

который менѣе всего приличенъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Нельзя спрашивать, почему жена плачетъ о мужѣ, забывая сына, такъ какъ одно горе подавляетъ другое: это обыкновенный психологическій процессъ. Вѣдь съ Игоремъ былъ и его племянникъ: можно, пожалуй, потребовать, почему Ярославна забыла и его въ своемъ плачѣ; вѣдь любить его она могла не меньше сына. Наконецъ, плачъ Ярославны не лирическая причеть: это есть ни что иное, какъ эпическая молитва, обращенная къ стихійнымъ силамъ о покровительствѣ Игорю и его дружинѣ; а потому требованіе отъ плача Ярославны «*большей чувствительности*» еще менѣе умѣстно.

Съ оживленіемъ въ наше время интереса къ изученію «Слова» вновь пробудилась и гидра наживы, зіяя своею пастію. Въ минувшемъ году къ извѣстному собирателю рукописей А. А. Титову явился крестьянинъ Ростовскаго уѣзда, Пріимковской волости, Кононъ Горностаевъ и заявилъ, что онъ отыскалъ списокъ Слово о полку Игоревѣ, который находится у одного старообрядца. Г. Титовъ попросилъ его, во что бы то ни стало, достать этотъ списокъ. Наконецъ желанный списокъ приносится, но что же оказалось? Рукопись въ 4-ю, на 20 л. писанная полууставомъ на бумагѣ XVIII вѣка, содержитъ въ себѣ буквальную выписку «Слова» изъ изданія, кажется, Гербеля, сдѣланную притомъ такъ неискусно, что непосредственно за текстомъ, выписаннымъ постранично, также постранично помѣщенъ и переводъ его. Г. Титовъ тотчасъ уличилъ продавца въ обманѣ и тотъ отказался отъ своей рукописи, сознаваясь откровенно въ своей продѣлкѣ [1]

[1] Рукопись эта находится въ «Собраніи» г. Титова.

3. Обзоръ поэтическихъ переложеній «Слова».

Какъ творческій памятникъ, «Слово», не могло не возбудить къ себѣ вниманія и сочувствія поэтовъ. Вскорѣ по выходѣ его въ свѣтъ, начались и поэтическія его переложенія и продолжаются до нашего времени. Не говоря о такъ называемыхъ темныхъ и неисправныхъ мѣстахъ, кои не могутъ быть угаданы поэтическимъ чутьемъ, во всѣхъ подобныхъ переложеніяхъ даже самыхъ лучшихъ, красотами и образами подлинника жертвуется условіямъ стиха того или другаго принятаго размѣра. При томъ же весьма многія изъ такихъ переложеній слѣдуютъ такимъ или другимъ образцамъ народныхъ пѣсенъ. Отсюда для критики возникаетъ потребность установить общую точку зрѣнія, съ которой слѣдуетъ смотрѣть на этотъ памятникъ. Прежде всего возникаетъ потому вопросъ: есть ли это произведеніе книжное, написанное человѣкомъ образованнымъ подъ воздѣйствіемъ другихъ литературныхъ источниковъ или это произведеніе чисто народнаго эпоса. Съ разрѣшеніемъ этого вопроса выяснится и то, должны ли поэтическія переложенія поддѣлываться подъ тонъ и складъ тѣхъ или другихъ народныхъ современныхъ пѣсенъ.

Изслѣдователи различно рѣшали эти вопросы. Максимовичъ утверждалъ, что авторъ «Слова» не былъ гусляромъ, подобно Бояну; пѣснь его и не импрозована и не пропѣта, а сочинена и написана, какъ пѣснь о Калашниковѣ. Это былъ поэтъ грамотный, поэтъ писатель: его пѣсня—есть уже сочиненіе написанное [1]. Еще рѣшитель-

[1] Въ письмѣ о народной исторической поэзіи въ Древней Руси. (Москвит. 1845, № 3. Науки).

нѣе и съ большею основательностію развивалъ мысль о книжномъ происхожденіи «Слова» г. Туловъ. [1] Это даже не пѣсня, говоритъ онъ пѣвшаяся въ честь Игорю, а произведеніе прозаическое, отражающее вмѣстѣ съ поэзіей и вліянія Греческой учености; языкъ «Слова» по составу представляетъ смѣсь языка церковно-славянскаго съ народно-русскимъ, каковой нѣтъ въ народной поэзіи. Произведеніе предсталяющее такую смѣсь, безъ всякаго сомнѣнія есть книжное, а не народное; а будучи таковымъ оно не могло и быть передаваемо народу посредствомъ пѣнія. Слогъ его тоже представляетъ смѣсь выраженій и оборотъ книжныхъ, явившихся вслѣдствіе подражанія слогу священнаго писанія и образцамъ Византійскимъ съ выраженіями и красками чисто народными. Кромѣ того въ «Словѣ» есть еще риторическіе обороты мыслей [2] и вообще все «Слово» состоитъ изъ періодовъ тщательно обработанныхъ. Наконецъ въ пользу искусственности «Слова» говоритъ и планъ его».

А. Н. Пыпинъ и П. Н. Полевой раздѣляютъ подобный же взглядъ. Первый не только высказываетъ убѣжденіе въ книжномъ происхожденіи «Слова», но и предполагаетъ предшествующее ему литературное развитіе, которое сдѣлало возможнымъ его появленіе. «Слово», говоритъ онъ, замѣчательно не только тѣмъ, что въ немъ обильною струею проходятъ образы народной поэзіи, но особенно тѣмъ, что въ немъ много частнаго авторскаго труда; оно представляетъ въ нашей старинной письменности примѣръ такого же героическаго эпоса, какимъ обладала Германская средневѣковая литература, т.-е. эпоса уже возвысившагося надъ уровнемъ народной словесности устной до замѣчательной по своимъ достоинствамъ литературной обработки. Если явленія литературы обыкновенно совершаются въ извѣстной постепенности, то легко притти къ заключенію, что подобный памятникъ едва ли могъ образоваться такъ уединенно, какъ представляется намъ теперь. Ему предшествовало

[1] Въ своемъ руководствѣ къ познанію родовъ, видовъ и формъ поэзіи 1855 г., стр. 204.

[2] Напр. Что ми шумитъ?

извѣстное литературное развитіе и оно сдѣлало возможнымъ появленіе такого факта; съ одной стороны предъ авторомъ лежали богатые запасы народной поэзіи, а съ другой—произведенія письменной литературы, вѣроятно, неоставшейся безъ вліянія на его форму [1]. П. Н. Полевой, сравнивъ «Слово» съ Германскими памятниками и Краледворскою рукописью пришелъ также къ убѣжденію, что «Слову». предшествовали другія подобныя произведенія, что оно имѣло личность автора и что оно не народное произведеніе ни по формѣ, ни по способу изложенія. Такъ какъ въ немъ встрѣчаются формы и обороты церковно-славянскіе, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ еще раньше употреблялись формы русскія, то оно при своей изящной простотѣ и способовъ выраженія писано не народнымъ языкомъ; въ немъ замѣтно желаніе автора излагать высокимъ слогомъ. При этомъ онъ полагаетъ, что «Слово» было сначала изустнымъ произведеніемъ, которое могло пострадать не столько отъ долгой передачи изъ устъ въ уста, сколько отъ занесенія на бумагу, сдѣланнаго очень не ловко, хотя и довольно рано въ концѣ XIV или началѣ XV в.» [2].

Что пѣвецъ Игоревъ былъ силенъ въ книжномъ ученіи и не чуждъ, можетъ быть, знакомства съ какими-нибудь классическими твореніями, это видно, говоритъ А. Н. Майковъ, изъ обращенія къ Бояну, напоминающаго классическія обращенія къ музѣ, изъ отступленій, не мѣшающихъ расположенію частей, изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ, изъ грамматическаго строя рѣчи и наконецъ изъ самой внѣшней формы поэмы, которая, очевидно, писана и писана мѣрной прозой [3]. Въ послѣднее время взглядъ на книжное происхожденіе «Слова», какъ мы видѣли, развивали особенно кн. П. П. Вяземскій, [4] и В. Ѳ. Миллеръ [5].

[1] Въ «Очеркѣ литер. исторіи старинныхъ повѣстей (Учен. Зап. 2 отд. ак. н. т. IV, 1858) и въ «Обзор. Слова литер.» 1865 г., стр. 175.

[2] Въ «Опытѣ сравнительнаго обозрѣнія древн. памятниковъ народ. поэзіи Германской и Славянской 1864 г., стр. 101.

[3] При его стихотворномъ переводѣ «нѣсколько предварительныхъ замѣчаній о Словѣ о пол. Иг.» (Заря 1870 г. № 1, стр. 81.

[4] Примѣчанія на Слов. о пол. Иг. Спб. 1876 г.

[5] Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ. М. 1878 г.

Другіе напротивъ склонялись къ убѣжденію, что «Слово» есть произведеніе пѣвца народнаго или во всякомъ случаѣ непосредственнаго, не грамотнаго, или что оно, по крайней мѣрѣ, есть произведеніе обязанное своимъ происхожденіемъ исключительно живому народному пѣснотворчеству. Такъ Ѳ. И. Буслаевъ проводилъ взглядъ, что «пѣвцы въ родѣ Бояна и автора «Слова»—были пѣвцы народные, представители эпической дѣятельности цѣлаго народа, но жившіе при князьяхъ, хотя и не составлявшіе своихъ пѣсенъ по заказу [1].

Стоюнинъ также считаетъ автора «Слова» поэтомъ чисто народнымъ, хотя и признаетъ его представителемъ особаго дружиннаго историческаго эпоса который не переходилъ въ народъ.. «Пѣвецъ Игоря, говоритъ онъ, былъ неграмотнымъ и потому немогшимъ записать свое «Слово»; учась по книгамъ, онъ принялъ бы оттуда какія-нибудь идеи, а онѣ необходимо разрушили бы ту цѣлость миѳическаго міросозерцанія, какое видно въ «Словѣ» [2].

Н. А. Лавровскій также признаетъ «Слово» произведеніемъ чисто народнымъ, но происхожденіе его объясняетъ нѣсколько иначе. Яркость поэтическихъ оборотовъ и образовъ въ «Словѣ» доказываетъ, говоритъ онъ, что они появились не въ немъ первомъ; въ немъ они достигли полноты вслѣдствіе развившагося пристрастія къ нимъ; источникомъ же этихъ образовъ служила *устная поэзія* съ ея твердо установившимися тогда уже—формой и изложеніемъ, съ ея готовыми блестящими оборотами и образами. Носители устной народной поэзіи были тоже пѣвцы, но не тѣ, представителемъ коихъ является пѣвецъ Игоря: послѣдній выражаетъ собою уже высшую степень поэтическаго развитія, индивидуальнаго личнаго творчества, сообщающаго устному народно-поэтическому матеріалу художественную форму» [3].

Оба высказанныя взгляда указываютъ лишь на то, какъ сильно

[1] Русская поэзія XI в. и начала XII. (Въ Истор. очер. т. I, 1861 г.).

[2] См. о преподаваніи русской литературы. Спб. 1864. изд. 2, 1868 г., стр. 87.

[3] Въ Критикѣ на Эрбена Ж. М. Н. Пр. 1870, ч. CLI, стр. 276—302.

преобладаютъ въ этомъ памятникѣ съ одной стороны книжныя стихіи, а съ другой—народно-поэтическіе мотивы и какъ въ то же время много искуственной художественности въ этомъ произведеніи.

Склоняясь къ убѣжденію въ книжности «Слова» въ силу основаній высказанныхъ другими, мы съ своей стороны замѣтимъ, что въ нашемъ памятникѣ есть не мало такихъ оборотовъ и выраженій, для которыхъ современная народная поэзія не представляетъ намъ соотвѣтствующихъ аналогій. Эта книжная стихія существенно отдѣляетъ нашъ памятникъ отъ народныхъ пѣсенъ; она сообщаетъ ему характеръ болѣе возвышенный и болѣе строгій, чѣмъ какимъ отличаются народныя пѣсни; проникающая его идея служитъ выраженіемъ широкаго политическаго ума, ума образованнаго, личнаго, которому извѣстно было прошедшее, предъ которымъ ясно было настоящее и который провидѣлъ будущее.

Но было бы однако ошибкою книжность автора «Слова» понимать въ смыслѣ образованности нашего времени. Его книжность не была отвлеченностію ученостію; она не разрушала его міросозерцанія, не подавляла въ немъ сочувствія къ старымъ эпическимъ преданіямъ и входила, какъ одна изъ стихій, въ его внутренній міръ тѣми сторонами, которыми ладилась съ его нравственнымъ укладомъ и отвѣчала его міросозерцанію. Ясный и свѣтлый умъ его въ сферѣ практической жизни и гражданственности, въ сферѣ вѣрованій отражалъ слитный характеръ эпическаго народнаго сознанія. Съ живымъ и непосредственнымъ отношеніемъ къ природѣ сказывается въ «Словѣ» такое же непосредственное отношеніе и къ вѣрованіямъ христіанскимъ и къ старымъ преданіямъ эпическимъ. Авторъ «Слова» въ этомъ отношеніи походилъ на образованнаго русскаго боярина XVI или XVII вѣка, и даже на начетчика нашего времени; книжность ихъ, какъ бы ни была сложна и разнообразна, не отрывала ихъ отъ народнаго направленія въ сферѣ внутренняго ихъ сознанія и міросозерцанія: есть положительныя данныя, изъ которыхъ видно, что старые наши бояре знакомы были съ латино-польскими переводами, и однакоже въ быту и культѣ недалеко ушли отъ народнаго двоевѣрія. Точно также мы видимъ, что народный книжникъ и человѣкъ

неграмотный, оба съ одинаковымъ сочувствіемъ могутъ относиться къ старинамъ и быть пѣвцами былинъ, съ тою лишь разницею, что въ устахъ перваго сказываются и обороты книжные наравнѣ съ чистонародными. Таковъ былъ и авторъ «Слова», человѣкъ просвѣщенный, т. е. начитанный въ произведеніяхъ эллинской словесности, но эта начитанность не отрывала его отъ вѣрованій и сочувствій внутренней жизни Кіевской Руси; напротивъ она, какъ стихія, непосредственно входила въ творческій процессъ, ключъ и родникъ коего таился въ общенародномъ двоевѣрномъ міросозерцаніи. Вотъ почему «Слово» не смотря на явные признаки литературныхъ на него воздѣйствій является съ преобладаніемъ въ немъ народно-поэтическихъ мотивовъ; представляя собою уже болѣе положительную эпоху—дружинно-историческаго эпоса, оно указываетъ, въ какой внутренней, непосредственной, генетической связи этотъ эпосъ стоялъ съ эпосомъ народнымъ.

Гораздо труднѣе рѣшить другой вопросъ: сложено ли «Слово» по опредѣленному размѣру или же поэтическая рѣчь не подчинена въ немъ мѣрнымъ стихамъ.

Разные изслѣдователи различно рѣшали вопросъ о поэтическомъ складѣ и размѣрѣ «Слова». «Неизвѣстно», разсуждалъ Востоковъ,— «для пѣнья ли сочинено оно, или для чтенія, и—«если для пѣнья, то въ стихахъ или прозѣ. Ежели бы стихотворный размѣръ и сохранился до насъ чрезъ столько вѣковъ въ настоящемъ своемъ видѣ (что уже сомнительно), то мы при всемъ томъ, не только не могли бы судить о немъ, но даже и примѣтить его за его древностію, ибо чрезъ шестьсотъ лѣтъ, вѣрно сколько-нибудь перемѣнилась и просодія языка русскаго. И потому Слово о полку Игоревѣ не можетъ имѣть никакого отношенія къ позднѣйшему русскому стихотворству». Во всякомъ случаѣ Востоковъ совѣтовалъ при дальнѣйшихъ изданіяхъ «Слова», хотя бы то для типографской исправности, чтобъ облегчить читателю отыскиваніе мѣстъ, раздѣлить его на стихи, подобные библейскимъ и означить оные, какъ водится цифрами. «Признаюсь», замѣчаетъ онъ,—«я испытывалъ сію операцію надъ всею поэмой, и

она у меня раздѣлялась безо всякой принужденной растяжки на довольно ровные и мѣрные періоды или стихи».

Вотъ образецъ Востоковскаго раздѣленія:

1. Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе,
2. Начати старыми словесы трудныхъ повѣстій
3. О плъку Игоревѣ, Игоря Святъславича,
4. Начатіжеся тоіі пѣсни,
5. По былинамъ сего времени,
6. А не по замышленію Бояна.

Нѣсколько смѣлѣе разсуждалъ въ этомъ отношеніи Полевой. «Въ Словѣ о полку Игоревѣ», говоритъ онъ, «размѣръ явенъ и стоитъ только вспомнить, что тутъ считать надобно не стопами, и вы тотчасъ поймете его разнообразную пѣвучую музыкальность:

«А въстона, братіе, Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми
«Тоска разліяся по Русской земли»....

Или вотъ другой мелодическій переходъ его:

«О, Днепре, словутицю!
«Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую.
«Ты лелѣялъ еси на себѣ Святославли носады до плъку Кобякова».

Еще опредѣленнѣе и рѣшительнѣе разсужденія о томъ г. Максимовича. «Слѣдя въ «Словѣ» гармоническое вольное движеніе рѣчи», говоритъ онъ, «нельзя не замѣтить, что оно совершается, такъ сказать, отдѣльными разнообразными волнами, и что среди нихъ вырываются настоящіе стихи, иногда одномѣрные, а иногда даже созвучные между собою, отглашающіеся по нѣскольку на одну риѳму. Напримѣръ:

1. Жаждею имъ лучи съпряже,
 Тугою имъ тули затче.
2. Два солнца помѣркоста,
 Оба багряная столпа погасоста.
3. Всеславъ князь людемъ судяше
 Княземъ грады рядяше,
 А самъ въ ночь влъкомъ рыскаше.

Дубенскій, наконецъ, усмотрѣлъ опредѣленный стихотворный размѣръ, проходящій чрезъ все, «Слово», и утверждалъ, что пѣснь Игорева была сложена шестистопнымъ дактилехореическимъ стихомъ или гекзаметромъ [1].

Вотъ образцы его раздѣленія:

1. Съ вами, Русици, хощу главу свою приложити,
2. А любо испити шеломомь Дону. О, Бояне,
3. Соловію старого времени! Абы ты сіа плъкы
4. Ущекоталъ, скача, славію, по мыслену древу,
5. Летая умомъ подъ облакы; свивая славію
6. Оба полы сего времени, рища въ тропу Трояню
7. Чрзъ поля на горы.

Не принимая на себя задачи опредѣлить поэтическій размѣръ «Слова», мы позволимъ себѣ лишь поставить вѣхи для разрѣшенія этого вопроса.

1. Хотя авторъ «Слова» и заявилъ, что «пѣснь его Игорю» не будетъ пѣснію струнною, каковы были пѣсни Бояна, тѣмъ не менѣе замѣтно, что отъ начала до конца своего творенія онъ находился подъ воздѣйствіемъ Бояновыхъ пѣсенъ, и потому все «Слово» дѣйсвительно состоитъ изъ стиховъ, подчиненныхъ разной поэтической мѣрѣ.

2. Стихосложеніе «Слова» подобно стихосложенію народныхъ пѣсенъ; оно прежде всего обусловливалось количествомъ основныхъ удареній. Такъ самъ авторъ привелъ въ «Словѣ» нѣсколько стиховъ

[1] Любопытны мнѣнія о складѣ «Слова» другихъ изслѣдователей. *Шлецеръ:* «Слово есть твореніе въ *піитической прозѣ*. *Грамматинъ:* «Слово» есть дѣтское лепетаніе музы поэзіи не свойственнымъ ей языкомъ, *грубою прозою*. *Полевой Н.* «Слово» написано метромъ, изъ коего образовались метръ былинъ и метръ пѣсенъ. *Строевъ:* «Слово» написано прозаическимъ размѣромъ. *Майковъ А.* «Поэма писана *мѣрною прозою*, приспособлявшейся къ пѣнію по образцу церковныхъ каноновъ и псалмовъ. *Павловъ* (Бицинъ): Рѣчь сказателя раздавалась то протяжно и съ нѣкоторою заученостію, то лилась мѣрною скороговоркою, то плавными, длинными стихами безъ опредѣленнаго размѣра, то наконецъ достигала чисто лирическаго воодушевленія, которое и выражалось стихомъ съ опредѣленною цензурою.

Бояна, или же сложенныхъ имъ самимъ, но по складу Бояновыхъ пѣсенъ:

«Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая
«Галици стады бѣжать къ Дону Великому.

Подобный размѣръ съ нѣсколькими низкими слогами весьма обыченъ въ народномъ пѣснотворчествѣ. Мы встрѣчаемъ его не только въ эпическихъ пѣсняхъ, но и въ народныхъ эпическихъ сказаніяхъ, какъ напр.

«Не ясенъ соколъ налетѣлъ на лебедь бѣлую,
«Не лебедь смутилъ воду синюю.
«То летятъ, воду рубятъ лодки свейскія.

А вотъ и другая мѣра струнной пѣсни, подобной Бояновой:

«Комони ржуть за Сулою,
«Звенить слава въ Кіевѣ
«Трубы трубять въ Новѣгородѣ.

Этотъ размѣръ съ двумя основными удареніями также встрѣчается въ стихахъ былеваго творчества:

«Изъ Кіева бѣжать до Чернигова,
«Два девяноста-то мѣрныхъ верстъ
«Промежъ обѣдней и заутреней.

Есть въ «Словѣ» стихи и съ тремя основными удареніями:

Полечю, рече, зегзицею по Дунаеви,
Омочу бебрянъ рукавъ въ Каялѣ рѣцѣ,
Утру князю кровавыя его раны.

Тотъ же самый размѣръ встрѣчаемъ и въ народной «причети»:

Припаду я, сиротинушка, ко сырой землѣ,
Побужу я, сиротинушка, свово-то чаду милова
Разскажу я ему свое злодѣй-горе.

Есть въ «Словѣ» стихи и съ однимъ удареніемъ:

Игорь спитъ,
Игорь бдитъ,
Игорь мыслію
Поля мѣритъ.

Въ пѣсняхъ:

Леталъ голубь,
Лелалъ сизой
Со голубошкою.

Далѣе, стихосложеніе «Слова», какъ и народнаго пѣснотворчества обусловливалось созвучіями, кои сказываются или въ преобладаніи въ стихахъ однихъ и тѣхъ же или однородныхъ гласныхъ и согласныхъ звуковъ, или же въ созвучныхъ глагольныхъ окончаніяхъ. Аллитерація, которую первый замѣтилъ въ «Словѣ» кн. Вяземскій, заслуживаетъ особеннаго вниманія. Такъ здѣсь читаемъ напр.

Дремлетъ въ полѣ Ольгово хороброе гнѣздо!
Не былонъ обидѣ порождено
Ни соколу, ни кречету, ни тебѣ чорный воронъ
Поганый половчине.

Преобладаніе того же гласнаго звука наблюдается и въ народномъ пѣснопѣніи:

Вотъ похаживаетъ сердечно мое дитятко
И онъ по побрному хоромному строеньицу.
И онъ буйной—то головушкой покачиватъ.

Или же въ «Словѣ» читаемъ:

Тогда при олзѣ Гориславличи
Сѣяшется и растяшеть усобицами

Тоже и въ «причети»:

И нынь схватилася спорядная сусѣдушка
И жалить да все сердечно свое дитятко.

Созвучія въ глагольныхъ окончаніяхъ встрѣчаются въ стихахъ «Слова» еще чаще:

«Коли соколъ въ мытѣхъ бываетъ,
«Высоко птицъ възбиваетъ.

Или:

Ту ся копіемъ приламати,
Ту ся саблямъ потручати.

Иногда аллитерація съ созвучными окончаніями являются вмѣстѣ.

Нъ нечестно одолѣсте,
Не честно кровь поганую проліясте.

Изъ приведенныхъ образцовъ видно, что «Слово» какъ созданное подъ воздѣйствіемъ струнныхъ пѣсенъ Бояна, въ своемъ стихосложеніи стоитъ въ ближайшей связи съ народнымъ пѣснотворчествомъ. А потому при изученіи его поэтической мѣры не нужно забывать, что она весьма часто подчиняется требованіямъ музыкальности; т.-е. нѣсколько слоговъ, ускоряемыхъ при пѣніи, какъ бы сливаются и такимъ образомъ одинъ стихъ приводится въ симметрію съ другимъ ему соотвѣтствующимъ.

3. Отрицательное «*не*» начинающее стихъ въ народной поэзіи весьма часто не входитъ въ опредѣленное количество слоговъ и стоитъ внѣ размѣра стиха.

4. Ударенія въ словахъ въ народномъ пѣснотворчествѣ очень подвижны и, по требованію метра, легко переносятся съ одного слога на другой, что̀ возможно примѣнять и при разложеніи «Слова» на мѣрные стихи.

5. Не стѣсняясь строго опредѣленнымъ количествомъ слоговъ, существенно необходимо наблюдать ударенія основныя, указывающія силу образовъ и выражаемыхъ ими главныхъ моментовъ качества или дѣйствія.

Изъ всего сказаннаго нами слѣдуетъ, что «Слово» не должно быть переводимо стихами подчиненными отъ начала до конца одной цензурѣ, точно такъ, какъ нельзя поддѣлывать его переложеніе подъ тонъ и складъ одной какой-нибудь народной пѣсни.

Ограничиваясь сдѣланными замѣчаніями о стихосложеніи «Слова», обратимся къ обозрѣнію стихотворныхъ его переложеній.

Первые поэты, переводившіе его на русскіе стихи, увлекаясь его образами и картинами, свободно относились къ подлинному тексту: они нерѣдко распространяли его излишними вставками и даже совершенно измѣняли смыслъ его. Таковы именно были поэтическіе переводы Сѣрякова, Палицина, Язвицкаго и Левицкаго.

Переводъ Сѣрякова былъ изданъ подъ заглавіемъ «Походъ Игоря противу Половцевъ». (Спб. 1803), безъ имени автора [1]. Переводъ этотъ, сравнительно съ другими, стоитъ довольно близко къ подлиннику и начинается такъ:

«Коль пріятно слогомъ древности
«Повѣсть намъ начать прискорбную
«О походѣ Князя Игоря.
«Пѣснь начать же гласомъ истины,
«По былинамъ того времени».

Темныя мѣста передены согласно первому изданію. Во многихъ случаяхъ переводъ обезличиваетъ подлинникъ. Напр.

«Земледѣльцы были въ горести,
«Одни вороны лишь каркали,
«Раздѣляя трупы хладные.
«И стаями галки алчные,
«Къ пищѣ пагубной слеталися».

Или же:

Изъ булата тверда скованы
И *водою* буйствъ закалены.

Особенно неумѣстны въ переводѣ *«аханья»*.

«Ахъ, не ваши ль позлащенные
«Шлемы въ токахъ крови плаваютъ?
«Ахъ, не ваши ль, друзья храбрые,
«Какъ волы въ поляхъ незнаемыхъ,
«Острой саблею изранены,
«Паръ, столбомъ пуская, ревъ чинятъ»?

[1] У Сопикова № 8592 замѣчено: перевелъ Иванъ Сѣряковъ. Шевыревъ также говоритъ, что это переводъ Сѣрякова. Истор. Русс. Словесности II, стр. 353.

Переводъ Палицина изданъ былъ въ Харьковѣ (1808 г.); онъ сдѣланъ шестистопными ямбами въ стилѣ ложно-классическихъ поэмъ, но мы не имѣли его подъ руками.

Переводъ Язвицкаго (Спб. 1812) и тономъ и размѣромъ представлялъ собою подражаніе переводу Сѣрякова.

Вотъ образецъ:

«Смѣлъ ли кто когда Владиміра
«Приковать къ утесамъ Кіевскимъ?
«А теперь его знамена всѣ
«Рюрикъ и Давидъ похитили!
«И какой ужасъ—стыдъ позоръ,
«Ихъ неизбранные воины,
«На волы поля орющіе,
«Носятъ на рогахъ возвышенныхъ.
«Можно ль Русскимъ не стонать теперь»!

Переводъ Левицкаго былъ изданъ подъ заглавіемъ: «Ироическая пѣснь о походѣ Игора на Половцевъ», писанная на славянскомъ языкѣ въ XII столѣтіи, нынѣ переложенная въ стихи старинной Русской мѣры. (Спб. 1813 г.).

Въ нѣкоторыхъ темныхъ мѣстахъ угадана мысль подлинника, но передана слишкомъ свободно. Напр.

«Тутъ-то Игорю вдругъ вздумалось
«Презрѣть солнца предвѣщаніе,
«И извѣдать своей участи
«На брегахъ у Дону синяго.

Болѣе же всего переводъ замѣчателенъ своими отступленіями отъ подлинника.

Вотъ какъ, напримѣръ, Левицкій переложилъ причеть русскихъ женъ: «*Уже намъ своимъ милыхъ ладъ ни мыслію смыслити, ни думою сдумати, ни очима сглядати, а златъ и серебра ни мало того потрепати*».

Зарыдали жены русскія,
Такъ вѣщая въ своей горести:
Не видать намъ сердцу милыхъ ужъ,
Не слыхать ихъ сладка голоса,

Не прижать къ груди пылающей,
И въ обьятіяхъ супружескихъ
Не лелѣять и не нѣжить ихъ,
Не пролить слезъ умиленія,
Кромѣ слезъ единой горести,
Не видать намъ злата-серебра,
Навсегда уже отнятаго,—
На что̀ злато, на что̀ се́ребро,
Коли грудь тѣснится вздохами!
Что безъ милыхъ въ этой пышности?
Ожерелья, ткани, бархаты
Тогда служатъ украшеніемъ,
Когда сердце цвѣтетъ въ радости,
Когда все предметъ веселія;
Но безъ милыхъ и безъ радости
Пышность царская не радуетъ!
Увы, всѣмъ мы, всѣмъ ограблены!
Гдѣ супруги и гдѣ дѣтища?
Гдѣ и братья, и всѣ сродники?
Гдѣ средь поля Половецкаго?
О, пріими насъ, мать сыра-земля,
Лучше ты въ свои объятія,
Чѣмъ терпѣть презрѣніе Половцевъ!
Лучше скрыться въ гробовыхъ доскахъ,
Чѣмъ подъ властію быть Половцевъ!
Такъ! умремъ или спасемъ мужей.

Читатель можетъ видѣть изъ этого примѣра, что подобныя переложенія больше походятъ на собственныя творенія поэтовъ, чѣмъ на переводы «Слова». У другихъ стихотворцевъ-переводчиковъ можно встрѣтить еще болѣе произвольныя вставки и отступленія отъ подлинника. Къ разряду этихъ же переложній мы относимъ и переводъ Д. И. Минаева, несмотря на красоту и звучность его стиховъ, такъ какъ и онъ, по собственнымъ его словамъ, развивалъ «сжатыя мысли «Слова» въ картины».

За это осуждала его и современная ему критика. [1]

[1] Современн. 1836 г. т. XLIV, стр. 350—331. Библ. для Чт. 1846. т. LXXIX

На произволъ первыхъ стихотворцевъ-переводчиковъ обратилъ вниманіе Н. Ѳ. Грамматинъ, ученымъ образомъ относившійся къ «Слову», и съ своей стороны сдѣлалъ попытку перевода, болѣе подходящаго къ подлиннику. «Предувѣдомлю», говоритъ онъ въ предисловіи, «что я старался переводить какъ можно ближе не только къ духу и мыслямъ автора, но часто и къ буквальному смыслу; старался также по возможности соблюсти и древній колоритъ языка, достаточно сохранившій свою свѣжесть и блескъ». Но, къ сожалѣнію, онъ думалъ, что для подобнаго перевода непремѣнно нуженъ сказочный размѣръ и за образецъ его принялъ стихотвореніе Карамзина: Илья Муромецъ. Вслѣдствіе того, несмотря на всѣ его старанія, переводъ его вышелъ несоотвѣтствующимъ ни духу пѣсни Игоревой, ни колориту языка ея.

Чтобы видѣть это, достаточно прочитать слѣдующія строки:

О Бояне, соловей минувша времени!
Соловьемъ ты щекоталъ буйтуровъ подвиги,
Ты подъ облаки леталъ воображеньемъ.
Пѣти Игорю тебѣ бы сладку, звучну пѣснь;
Ты припомнилъ бы всѣ славы сѣдины сѣдой,
За Трояномъ па поля, на горы рыская.

Митрополитъ Евгеній сдѣлалъ совершенно справедливый отзывъ объ его переложеніи: «Послѣ Палицына, Язвицкаго, перепѣвавшихъ стихами Игоря, не нужны бы ужъ намъ сіи каррикатуры Игорева пѣснотворца» [1].

Отъ всѣхъ предыдущихъ переложеній рѣзко отличается переводъ М. Л. Деларю. Онъ самъ разъяснилъ намъ и побужденіе, характеръ и значеніе своего перевода. «Писатели», говоритъ онъ, «трудившіеся надъ пѣснію Игоря, сообщивъ намъ многія любопытныя замѣчанія въ историческомъ и филологическомъ отношеніяхъ, не передали под-

отд. VI, стр. 28—32. Финск. Вѣстн. 1847 г. т. XIII, отд. V, стр. 43—44. Отеч. Зап. 1847 г. кн. II, отд. VI, стр. 26—31.

[1] Сборн. стат. 2 отд. Акад. наукъ т. V, вып. I. См. также въ Сынѣ Отечества (1823 г. стр. 329).

линника надлежащимъ образомъ, со всѣми его высокими, неподдѣльными красотами. Переводившіе прозою, заботясь единственно о точной передачѣ смысла словъ и выраженій, утратили въ своихъ переводахъ всю поэзію подлинника и не дали читателямъ понятія ни о той стройности въ цѣломъ, которою такъ отличается древнѣйшее поэтическое произведеніе наше, ни о тѣхъ смѣлыхъ лирическихъ переходахъ, кои, сообщая жизнь и быстроту всей поэмѣ, вообще составляютъ одну изъ главныхъ характеристическихъ чертъ русской народной поэзіи. А перелагавшіе мѣрою, не всегда вникая въ мысль поэта и избирая метры большею частію неудачно, позволяли себѣ измѣнять по волѣ подлинникъ и представляли въ своихъ преложеніяхъ невѣрные, блѣдные списки съ творенія по истинѣ самороднаго. Между тѣмъ именно поэтическое переложеніе могло бы дать истинное понятіе объ этомъ произведеніи древности. Дѣлая ощутительною для всѣхъ красоту подлинника, оно довершаетъ ученое изслѣдованіе и упреждаетъ неосновательныя мнѣнія, возстающія на достоинство творенія.... Съ полнымъ благоговѣніемъ», продолжаетъ Деларю, «къ генію безыменнаго творца стараго времени и съ усерднымъ желаніемъ передать соотечественникамъ вдохновенныя мысли, трудился я надъ переложеніемъ Слова о полку Игоревѣ въ нынѣшніе русскіе гекзаметры». Въ виду библіографической рѣдкости его изданія, приводимъ изъ него небольшой отрывокъ:

Слышенъ гласъ Ярославны; пустынной кукушкою съ утра
Кличетъ: «Полечу», говоритъ, «по Дунаю кукушкой,
«Мой бобровый рукавъ омочу во Каяльскія воды,
«Раны кровавыя князю на страждущемъ тѣлѣ отру имъ!»

Иному размѣру слѣдуетъ переводъ Л. А. Мея [1]. Еще воспитываясь въ Александровскомъ лицеѣ, возымѣлъ онъ намѣреніе перевесть «Слово» народными языкомъ и размѣромъ, и первые его опыты были представляемы на публичныя испытанія воспитанниковъ еще въ 1841 г. Съ того времени, въ теченіе болѣе чѣмъ девяти лѣтъ онъ занимался изученіемъ этого завѣтнаго памятника старины. «Изу-

[1] Отзывъ въ «Библ. для Чтенія» 1851 г. т. CV, отд. V, стр. 41—43.

чая его», говоритъ самъ онъ, «я убѣдился въ близкомъ сходствѣ его съ нашими народными сказками и пѣснями: тотъ же складъ рѣчи, тотъ же напѣвъ. Естественно, что подобное убѣжденіе породило во мнѣ мысль уложить «Слово» въ народный сказочный размѣръ, и я рѣшился на эту попытку. Сдѣлавъ при началѣ незначительное отступленіе отъ подлинника, я строго держался его до самаго конца». Но, очевидно, ошибка Мея состоитъ въ общемъ воззрѣніи на «Слово»: оно такъ же мало походитъ на сказку, какъ стихотвореніе Пушкина— на рѣчь мужика. Это отнюдь не сказка, но воинская пѣснь, художественно сочиненная и не чуждая эллинскихъ красотъ. Первыя же строки переложенія Мея даютъ всякому понять, какъ мало поддается онъ сказочному тону и размѣру:

Аль затягивать, ребята, на старинный ладъ,
Пѣсню слезную о полку князя Игоря,
А и пѣсню намъ затягивать
Про недавную былинушку,
Не по замыслу Боянову.

Новыми достоинствами отличается переложеніе Н. В. Гербеля. «Съ жаромъ принялся я за эту работу», говоритъ онъ, «и вскорѣ переводъ мой былъ конченъ. Знаю», продолжаетъ онъ, «что мнѣ не удалось уловить всѣхъ чудныхъ оттѣнковъ подлинника, ярко блистающаго неподдѣльными красками поэзіи, но утѣшаю себя мыслію, что старался по крайней мѣрѣ незначительность таланта восполнить добросовѣстнымъ изученіемъ и если не художественною, то возможно вѣрною передачею неподражаемыхъ красотъ, которыми такъ богато «Слово». И дѣйствительно, переводъ безспорно превосходитъ всѣ предшествовавшіе подобные труды: онъ отличается прекраснымъ языкомъ и блестящею обработкой стиха г. Гербеля. Въ тонѣ и складѣ рѣчи г. Гербель искусно подражалъ разнообразію рѣчи самаго «Слова». Слѣдуя указаніямъ Востокова и Максимовича, онъ разбилъ подлинникъ на стихи, подобные малороссійскимъ, и для нагляднаго удобства при чтеніи первый напечаталъ его славянскими кирилловскими буквами. Уже одно то, что переводъ его выдержалъ пять изданій, указываетъ на его литературное достоинство и общественное зна-

ченіе. Появленіе его вызвало цѣлый рядъ рецензій и критическихъ статей. Переводчикъ, замѣчаетъ Стоюнинъ, пользуясь прежними замѣчаніями всѣхъ нашихъ ученыхъ изслѣдователей старался сохранить всѣ красоты подлинника, и хотя не вездѣ выдержалъ сжатость выраженій, но передаетъ всѣ картины прекрасно. Разнообразіе въ размѣрахъ стиха не утомляетъ васъ тою монотонностію, которая встрѣчается у нѣкоторыхъ изъ прежнихъ переводчиковъ [1]. Всѣ прочіе рецензенты (Маннъ, Аѳанасьевъ, Ушинскій) также обращали вниманіе на изумительную близость его перевода къ подлиннику и восхищались гибкимъ, гладкимъ и благозвучнымъ его стихомъ. Императорская Академія Наукъ привѣтствовала это изданіе, какъ отрадное явленіе въ нашей беллетристикѣ [2]. Но самая капитальная критическая оцѣна этого перевода принадлежала Максимовичу [3].

Со своей стороны мы остановимся лишь на послѣднемъ, пятомъ изданіи этого перевода. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ переводъ Гербеля совершенно измѣняетъ качество понятія, выражаемаго подлинникомъ. Здѣсь напр. Владиміръ называется «*старымъ*»; въ переложеніи же онъ является «святымъ» (стр. 5). Въ подлинникѣ: «*кровать тисова*», въ переложеніи же называется: «тесовою» (стр. 51—52).

Тамъ: «*поганые толковины*» а у Гербеля со временъ Карамзина остаются «*раковины*» (ib.).

Въ подлинникѣ: «*чага по ногатѣ, а кащей по резанѣ*», у Гербеля же выходитъ наоборотъ.

Тамъ: «*зегзица*», у него: «голубка» тамъ «*идутъ сморци мглами*», а у него: «небо тучами покрылося; тамъ: *птицъ высоко взбиваетъ*, а у него наоборотъ: птицъ высоко загоняетъ. Нѣкоторые художественные образы Гербель совсѣмъ опустилъ въ своемъ переложеніи; такъ напр. «персты» не называются «*вѣщими*» и струны «*живыми*», Днѣпръ не называется уже «*господиномъ*». Въ подлинникѣ: «*не мы-*

[1] Вѣдом. Спб. Городской Полиціи. Спб. 1854.

[2] Извѣст. Имп. Ак. Н. 1854 г. столб. 44.

[3] Въ «Москвитянинѣ» 1855 г. №№ 1 и 2.

слію ти прилетѣти издалече», въ переводѣ «издалече» пропущено. Тамъ: *кое ваши щиты и сулицы ляцкіи*; здѣсь же: «сулици ляцкіи» утратились. Иные образы подлинника ослаблены и обезсилены. Въ подлинникѣ напр. «*Дивъ кличитъ вверху древа*», у Гербеля же «сова подъ сѣнію древесныхъ вѣтвей». Въ подлинникѣ: *молніи трепещутъ*, а у него: молніи блещутъ и т. п. Само собою разумѣется, что недостатки его перевода зависѣли, какъ и было указано еще въ свое время г. Карелкинымъ, или отъ того, что «эпическія народныя выраженія» вообще не поддаются точной передачѣ на современный языкъ, или же отъ того, что выраженія архаическія, къ коимъ мы утратили сочувствіе, выясняются для нашего пониманія не въ художественномъ переводѣ, а въ ученомъ филологическомъ изслѣдованіи.

Вѣнцомъ стихотворныхъ переложеній «Слова» служитъ переводъ А. Н. Майкова. Этотъ поэтъ занимался имъ въ теченіе четырехъ лѣтъ и изучалъ его въ связи съ тою общественною средой, въ которой оно создалось. Подобно тому, какъ въ средѣ народной, съ развитіемъ эпическихъ характеровъ въ XII вѣкѣ странствовали, по городамъ и селамъ, по стогнамъ и торжищамъ, калѣки перехожіе и пѣли старыя пѣсни о старинныхъ тайнахъ, о богахъ и людяхъ,—въ средѣ высшаго княжескаго общества служили пѣвцы-бояны, переходившіе отъ князя къ князю и воспѣвавшіе дѣла и подвиги ихъ въ духѣ и характерѣ политическомъ. Идея «Слова», по воззрѣнію А. Н. Майкова,—это борьба свѣта, Дажьбожьевыхъ солнцевыхъ внуковъ, храбрыхъ Русичей, съ тьмою, съ погаными, съ чернымъ дивомъ, съ бѣсовскими сынами. Съ одной стороны, въ немъ сквозитъ міросозерцаніе древнихъ миѳическихъ былинъ, а съ другой—въ немъ одномъ больше историческихъ откровеній, чѣмъ въ массѣ драгоцѣнныхъ, но однообразныхъ лѣтописныхъ повѣствованій. Одинъ его языкъ, кованый, сжатый, сильный, живописный, рисуетъ намъ цѣлое поколѣніе, къ которому принадлежалъ пѣвецъ. Духъ князей-богатырей жилъ въ ихъ дружинѣ, и понятно, чтобы пѣть этимъ богатырямъ и заставить ихъ внимать себѣ, надобно было имѣть и сродную имъ душу, самому быть того же закала, а закалъ этотъ такъ и звенитъ въ кованномъ языкѣ «Слова». Эти стаи птицъ, эти клекчущія лисицы, ползающіе по вѣтвямъ дятлы, этотъ скрипъ телѣгъ кочевни-

ковъ, подобный крику испуганныхъ лебедей, битва, этотъ буй-туръ Всеволодъ, въ свалкѣ, посвѣчивающій своимъ золотымъ шлемомъ, вся эта живая обстановка неотразимо даетъ вамъ чувствовать, что пѣвецъ былъ свидѣтелемъ и участникомъ похода да и самаго плѣна. Что онъ силенъ былъ въ книжномъ ученіи, это явствуетъ изъ его обращенія къ Бояну, напоминающаго класическія обращенія къ музѣ, изъ отступленій не мѣшающихъ однако стройному расположенію частей, изъ созданія характеровъ дѣйствующихъ лицъ: Игоря, одареннаго имъ всею прелестью Гектора, Святослава Кіевскаго, этого Пріама его пѣсни,—изъ граматическаго строя рѣчи, и наконецъ, изъ самой внѣшней формы его поэмы.

Стонетъ Кіевъ, тужитъ градъ Черниговъ,
Широко печаль течетъ по Руси.
А князья куютъ себѣ крамолу,
А враги съ побѣдой въ селахъ рыщутъ.
Собираютъ дань по бѣлкѣ съ дыму.

Таковъ размѣръ перевода г. Майкова. Основанный на самостоятельныхъ и оригинальныхъ изысканіяхъ, переводъ его, очевидно, долженъ отражать въ себѣ недостатки сихъ послѣднихъ. Не можемъ не выразить здѣсь сожалѣнія, что г. Майковъ вздумалъ восполнять подлинникъ своими вставками и прибавками. На нашъ взглядъ онѣ совершенно излишни и ослабляютъ силу и выразительность подлинника. Напрасно также поэтъ все «Слово» переложилъ одною мѣрою: для всякаго замѣтно, что въ немъ мѣняются мелодіи и переливы рѣчи.

Здѣсь же должны мы упомянуть о двухъ новѣйшихъ стихотворныхъ переложеніяхъ, которыя обращаютъ на себя вниманіе не столько своими внутренними достоинствами, сколько оригинальностію своихъ пріемовъ. Такъ, Н. И. Алябьевъ сдѣлалъ попытку, переложить все «Слово» по образцу изданныхъ нами «Причитаній сѣвернаго края». Но понятно, что этотъ опытъ не могъ быть удаченъ. Причеть только частію входитъ въ «Слово, которое, по существу своему, есть воинская повѣсть, хотя и написана подъ воздѣйствіемъ Бояновыхъ пѣсней и народнаго пѣснотворчества. Вотъ обращикъ его перевода:

Не начать ли намъ, братцы, повѣсть скорбную
Лучше старыми словати разсказывать
О походѣ князя Игоря Святославича?
Начать же ту пѣснь по былинамъ сего времени,
Не по замысламъ Бояновымъ распѣвать ее.
Боянъ вѣщій [1] кому если пѣсню пѣвалъ,
То и векшеі-то по дереву онъ поскакивалъ,
И сѣрымъ-то волкомъ по землѣ онъ порыскивалъ,
Сизымъ орломъ подъ облака завивался онъ.

Затѣмъ А. В. Скульскій издалъ въ Ярославлѣ свое переложеніе «Слова» въ стихахъ съ историческими примѣчаніями. Въ своемъ предисловіи онъ заявляетъ, что «можно бы, казалось, считать «Слово о полку Игоревѣ» достаточно объясненнымъ *и всякое новое толкованіе его врядъ ли возможнымъ*. Мы отыскивали лишь наиболѣе соотвѣтствующую форму переложенія. Не претендуя на достоинство *перевода дословнаго*, мы старались впрочемъ сохранить въ предлагаемомъ переложеніи *возможную точность* мыслей автора, а при выборѣ текстуальнаго толкованія спорныхъ мѣстъ мы *большею частію* придерживались подстрочнаго переложенія г. Н. Бицина». Эти строки достаточно даютъ понимать, какое значеніе получаетъ этотъ переводъ въ литературѣ «Слова». Но — что всего замѣчательнѣе — этотъ трудъ принадлежитъ предсѣдателю Губернской Управы Ярославскаго земства. Дай Богъ, чтобы этотъ памятникъ съ идеаломъ «*единой земли русской*» властвовалъ въ сознаніи всѣхъ земцевъ, движущихъ ея интересами и правящихъ ея дѣлами. Вотъ начало его перевода:

Не въ угоду ли будетъ, братцы, вамъ
Позабавить васъ по старинному:
Разсказать вамъ повѣсть ратныхъ дѣлъ
Князя Игоря Святославича?
А сложилось то сказаньице
Не по вымыслу Боянову,

[1] *Боянъ вѣщій* былъ старинный, прежній пѣвецъ, который съ искуствомъ соединялъ даръ предвѣдѣнія, зналъ будущее, былъ чародѣемъ.

А съ дѣяній вѣка нашего.
Вѣдь Баянъ пѣвецъ, коль хотѣлъ кого
Своей пѣсенкой почествовать,
Соловьемъ порхалъ онъ по лѣсу,
Сѣрымъ волкомъ рыскалъ по полю
И орломъ леталъ по поднебесью.

Изъ малороссійскихъ «переспивовъ» самый лучшій принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Максимовичу, который въ 1857 году издалъ его подъ заглавіемъ: Пѣснь о полку Игоревѣ, переведенная на украинское нарѣчіе». «Съ тѣхъ поръ, какъ издана въ свѣтъ Пѣснь о полку Игоревѣ, говоритъ онъ въ предисловіи,—мы видимъ постоянное къ ней сочувствіе и вниманіе любителей поэзіи и старины. Не одинъ разъ переведена она стихами и прозою на языки польскій, чешскій, сербскій, а также на языки французскій и нѣмецкій; но ни разу еще не являлась она въ свѣтъ переведенною на народный языкъ Малороссіи, которой принадлежали и творецъ Пѣсни, и ея герой—князь Новгородсѣверскій. Въ пополненіе этого недостатка, я перевелъ Игореву пѣснь языкомъ и складомъ *украинскихъ пѣсенъ*, состоящихъ съ нею въ ближайшемъ и прямомъ родствѣ... Насколько удалось мнѣ передать жизнь и красоту этой лебединой пѣсни древне-русскаго юга, о томъ судить не мнѣ, а моимъ просвѣщеннымъ читателямъ». Текстъ «Слова» раздѣленъ въ переводѣ на 3 части и на 20 отдѣльныхъ главъ [1]. Это дробленіе Пѣсни на множество отдѣльныхъ запѣвовъ заслонило въ переводѣ связующую ихъ идею и, естественно, вызвало мнѣніе, что въ «Словѣ» нельзя видѣть цѣльнаго созданія, обязаннаго своимъ про-

[1] Часть I, Походъ на Половцевъ. 1. Запѣвъ. 2. Затмѣніе солнца. 3. Приходъ Всеволода изъ Курска. 4. Грозная ночь. 5. Побѣда надъ Половцами. 6. Битва субботная. 7. Дума о воінахъ Олеговыхъ. 8. Пораженіе Руси на рѣкѣ Каялѣ. Часть II. Игорь въ плѣну Половецкомъ. 9. Плачъ пѣвца о Руси. 10. Пѣсня Святославу Кіевскому. 11. Сонъ Святослава. 12. Плачъ Святослава. 13. Воззваніе пѣвца къ Русскимъ князьямъ. 14. Дума объ Изяславѣ Васильковичѣ. 15. Дума о Всеславѣ Полоцкомъ. 16. Плачъ Ярославны. Часть III. Возвращеніе Игоря на Русь. 17. Бѣгство Игоря изъ плѣна. 18. Донецъ рѣка. 19. Погоня. 20. Игорь на Руси.

исхожденіемъ какому-нибудь отдѣльному лицу. «Раздѣленіемъ «Слова» на пѣсни, говорилось въ одной изъ рецензій, Максимовичъ вѣроятно хотѣлъ придать «Слову» то внѣшнее единство, котораго въ немъ нѣтъ и не можетъ быть; на самомъ дѣлѣ такое раздѣленіе приводитъ къ результату діаметрально противоположному: вставочныя мѣста, не ладящія тономъ своимъ и содержаніемъ съ общимъ тономъ и содержаніемъ всей поэмы, выдѣляются еще рѣзче» [1]. О достоинствѣ самого перевода всѣ рецензенты отзывались съ восторгомъ, съ слѣдующей точки зрѣнія: «Внутренняя основа языка поэмы есть южнорусское нарѣчіе и самое «Слово» есть плодъ поэтическаго творчества малорусскаго народа. Переложеніе «Слова» на украинское нарѣчіе есть какъ бы возстановленіе древней, первоначальной основы, освобожденіе родоваго кореннаго текста изъ-подъ господства стѣснительной и чужой формы языка древне-церковнаго... Читая малорусскій переводъ Максимовича, какъ будто читаешь подлинный текстъ: такъ вѣрно схваченъ духъ этого созданія. Вотъ образецъ этого перевода:

Чи не добре-бъ було, братья,
Намъ, про Игоря войну,
Заспѣвать жалобну пѣсню,
Якъ спѣвали встарину!
А початься нашои пѣснѣ
По сеголѣтнимъ дѣламъ;
Не по умысламъ высокимъ,
Якъ Боянъ тоі починавъ
Боянъ вѣщій, коли схоче
Про кого було спѣвать,
Заразъ думкою по древу
Починае вонъ лѣтать;

Въ 1875 году вышелъ еще въ свѣтъ перекладъ «Слова» на малоросійское нарѣчіе г. Кендзерскаго. Въ предисловіи, сообщая краткія свѣдѣнія объ открытіи Пушкинскаго списка и переводахъ «Слова», онъ дѣлитъ ихъ «на прозаични» и «виршовани», относя къ послѣд-

[1] Въ С.-Петербургскихъ Вѣдом. 1857 г. № 204.

нему и переводъ г. Тихонравова (?) (1866 року). Трудъ этотъ появился въ свѣтъ, благодаря совѣту профессора Кіевскаго университета А. И. Силина, которому онъ и посвященъ. «Він бо зоглядáючи нáші дéкотрі робóти, пúсаніі такóюж, що, її ця́, мóвою, сказáв нам»: я́к би вонó бýло краснó та докладý, колúб то вáшою óсь живóю простóю мóвою переклáли есте Слóво о полкý ʹИгоревѣ; бо вонá, бáчте, мóва тáя, та найблúжче підхóдить до тиéі старої мóви, що тó нéю та написане óсь Слóво тéе». Ми пак і послýхали дóброі щúрої радоньки тої, тáй співáемо, як вміем.. Читайтеж, люде добрі, та придивля́тесь: ось тýтечки вáм з йідного бóку у кнúжечці цéі та нáша престáрая мóва, з другого б то—наша сегóшня.

Вотъ образецъ этого перевода:

Тогдí ʹИгор глянув був на сóнечко яснéе,
Та побáчив, що вонó ему
Усéньке его вíсько
Чóрнимъ тумáном чéть прикрило.
Тай кáже Игор до своеі дружини.
«Брáтя та дружино!
«Лучеж бо нáм потятими бути,
«Ниж пáк у полóн уэятими бути.

Рядомъ съ переводомъ напечатанъ и старорусскій текстъ, взятый изъ изданія Малашова, которое г. Кендзерскій называетъ «вельми поважной роботой»[1].

[1] Кромѣ указанныхъ «переводовъ» «Слова» на малороссійскій языкъ извѣстенъ еще подобный «перекладъ» А. С. Аѳанасьева, сдѣланный, по порученію академика Срезневскаго, съ цѣлью наглядно доказать разницу языка «Слова» и нынѣшняго народнаго языка югозападной Руси. Какъ видно изъ Извѣстій втораго отдѣленія Императорской Академіи Наукъ (т. III, столб. 198), переводъ этотъ въ 1854 году былъ представленъ въ Отдѣленіе, которое и предположило его помѣстить въ «Памятникахъ и образцахъ народнаго языка», однако же онъ изданъ не былъ; да кажется и былъ сдѣланъ прозою, а не стихами.

4. Обзоръ изданій «Слова» педагогическихъ и популярныхъ.

Въ живомъ сочувствіи къ «Слову» и въ стремленіи внести въ него свои посильные комментаріи нельзя отказать нашему педагогическому міру. Напротивъ, наибольшая часть изданій «Слова» принадлежитъ преподавателямъ русской литературы и словесности. Много мы имѣемъ отдѣльныхъ педагогическихъ изданій «Слова», а еще чаще помѣщалось оно въ христоматіяхъ, учебникахъ и руководствахъ. Но, къ сожалѣнію, преподаваніе его въ нашей школѣ, на нашъ взглядъ, далеко не стоитъ такъ, какъ бы слѣдовало.

Главная педагогическая задача по отношенію къ «Слову» должна быть направлена къ тому, чтобы создать въ сознаніи учащихся полное, ясное и отчетливое понятіе о немъ, какъ творческомъ, самобытномъ памятникѣ Кіевской дружинной Руси. Преподаватель долженъ ввести учащихся въ государственный укладъ этой Руси, въ кругъ ея понятій и интересовъ, въ идеалы лучшихъ людей того времени и показать, какъ глубоко и широко отразилась эта Русь въ дошедшемъ до насъ «Словѣ». Отсюда, въ сознаніи учащихся выяснится его глубокое историческое значеніе—и оно явится, какъ живой памятникъ внѣшняго и внутренняго быта и уклада этой Руси. Разсматривая его какъ памятникъ поэтическій, преподаватель долженъ прежде всего познакомить учащихся съ его общимъ содержаніемъ, идеей и формой, и остановиться при этомъ на изумительномъ умѣньи поэта схватывать въ событіяхъ лишь главные моменты дѣйствія и существенныя черты дѣйствующихъ характеровъ, на свободныхъ творческихъ переходахъ отъ одного явленія къ другому, на краткости и живости

очертаній, на художественности отдѣльныхъ образовъ и выраженій. Отсюда выяснится въ сознаніи учащихся, чѣмъ «Слово», какъ памятникъ поэтическій, высится надъ историческимъ повѣствованіемъ и въ чемъ именно состоитъ его художественное значеніе. Но главная и самая трудная задача преподавателя состоитъ въ томъ, чтобы твердо установить въ учащихся точку зрѣнія на «Слово» какъ памятникъ историко-литературный, который стоитъ на грани двухъ литературныхъ направленій историческаго дружиннаго эпоса и сколько служитъ выраженіемъ пѣсней по былинамъ, столько же отражаетъ для насъ «старыя словеса» по розмыслу Боянову. Отдѣлить ту и другую стихію въ «Словѣ» и указать основныя особенности этихъ двухъ литературныхъ направленій—дѣло первостепенной историко-литературной важности.

Къ сожалѣнію, существующія педагогическія изданія «Слова» мало служатъ указаннымъ задачамъ. Одни изъ нихъ переполнены историческими свѣдѣніями, но безъ всякаго прагматизма по отношенію къ «Слову». Другія уснащены лексикологическими и грамматическими примѣчаніями, которыми совершенно затмѣвается живая сторона «Слова». Иныя связаны съ догадками и комментаріями, но въ общемъ не дается полнаго и отчетливаго понятія о «Словѣ». Во многихъ педагогическихъ изданіяхъ принято даже за правило выкидывать изъ текста такъ называемыя темныя и неисправныя мѣста «Слова», какъ будто оно преподается дѣтямъ, а не юношамъ оканчивающимъ курсъ средней школы, и какъ будто это дѣйствительно можетъ мѣшать образовательному его значенію. По нашему мнѣнію, нѣтъ никакой надобности скрывать отъ высшихъ классовъ средней школы того, чѣмъ затрудняется наука и въ какомъ видѣ дошелъ до насъ изучаемый памятникъ. Подобныя затрудненія могутъ лишь заронить пытливость въ юныхъ умахъ и оставить въ нихъ слѣдъ, могущій возбудить ихъ къ дальнѣйшей изыскательности. Наконецъ, въ большинствѣ подобныхъ изданій совершенно затеряно подлинное буквальное чтеніе перваго изданія.

Изъ педагогическихъ изданій «Слова», безспорно, самыя лучшія гг. Буслаева, Филонова, О. Миллера, Галахова, Попова и Тихонра-

вова. Впрочемъ относительно послѣдняго мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе критиковъ, что оно больше удовлетворяетъ ученымъ цѣлямъ, чѣмъ педагогическимъ задачамъ. Другія же мало пригодны въ педагогическомъ отношеніи: онѣ не даютъ и не могутъ дать истиннаго понятія объ этомъ художественномъ произведеніи XII вѣка. Считаемъ нужнымъ отмѣтить здѣсь, въ какомъ жалкомъ видѣ преподается иногда въ нашей школѣ этотъ драгоцѣнный памятникъ, могущій имѣть самое глубокое образовательное значеніе. На это указываетъ напр. изданіе Кораблева (1856 г.) Эпическое выраженіе: «*испить шеломомъ Дону*» испить *шеломъ* этотъ педагогъ толкуетъ, что это значитъ испить по срединѣ рѣки, гдѣ вода чище». Или же «*древо стугою къ землѣ приклонило*» онъ переводитъ: древо надсажаясь клонилось къ землѣ, *какъ сороки щебечутъ* и т. п. Г. Смирновъ замѣчаетъ, что переводъ этотъ отличается вялостію, неточностію и небрежностію и что онъ вообще съ такими недостатками, какихъ не было прежде и не будетъ послѣ; однако нашелся еще педагогъ, какой-то В. М., который заявилъ себя еще большею бездарностію. Вотъ напр. образчикъ его историческихъ познаній и толкованій: «*А Владиміръ по вся утры закладаше уши въ Черниговѣ*», онъ перевелъ: а Владиміръ, княжившій въ Черниговѣ (къ возвращенію котораго стремился Олегъ) по цѣлымъ утрамъ уши затыкалъ *отъ звону колоколовъ, назначенныхъ для сзыванія дружины.*

А вотъ образчикъ пониманія имъ поэтическихъ образовъ.

Выраженіе «*скача славію по мыслену древу*» онъ разъясняетъ слѣдующимъ образомъ:

«Разрѣзъ головнаго мозга представляетъ развѣтвленія, которыя могутъ быть уподоблены вѣтвямъ дерева; сходство это особенно замѣчательно на одной изъ частей головнаго мозга, которая поэтому и названа *древомъ жизни*. Второе слово названія «*жизни*» объясняется тѣмъ, что малѣйшее поврежденіе этой части мозга причиняетъ животному смерть. Если по указанной нами причинѣ основательно назвать одну изъ частей мозга *древомъ жизни*, то не менѣе основательно вообще весь головной мозгъ, какъ органъ мышленія, назвать *древомъ мысли* или мысленнымъ древомъ. Такъ какъ авторъ называетъ Бояна

соловьемъ, то выраженье «*скача*» не должно казаться страннымъ, перевесть это мѣсто словами: *размышляя, раскидывая* умомъ и проч. Очевидно, понятія о поэзіи этого педагога стоятъ не выше его историческихъ познаній. Мало этого онъ заявилъ себя даже положительнымъ незнаніемъ элементарныхъ правилъ русской грамматики: *славію* по его мнѣнію дательный падежъ ед. ч. для выраженія сравненія: *птичь* убуди—*птичь* родит. пад. множ. ч.

Но всѣ этѣ жалкія недомыслія блѣднѣютъ предъ искаженіями текста въ изданіи «Слова» педагога г. Андреевскаго.

Есть еще нѣсколько изданій Слова популярныхъ, направленныхъ къ распространенію понятія о немъ въ обществѣ и народѣ; таковы, напримѣръ, Водовозова, Погосскаго и другихъ. Самое безобразное изъ нихъ—лубочное изданіе неизвѣстнаго переводчика (1867 г.). Оно переполнено самыми грубыми искаженіями подлинника и ошибками логическими, граматическими и корректурными: *истягну умъ* здѣсь переведено, напримѣръ—«развивши свою *физическую силу* въ ущербъ уму»; *свивая славы*—создавая *дутую славу*; *кричатъ телеги полунощи*—«суровый вѣтеръ *шатаетъ слегами*». Выраженіе: «*акы пардуже гнѣздо*» переведено: какъ *тигрово порожденіе, задъ свой опустивши въ море*; выраженіе: «*уныли голоси, пониче веселіе, трубы трубятъ*» переданы такъ: «*или въ самомъ дѣлѣ мы съ голоса спали, вѣдь по всѣмъ городамъ въ трубы трубятъ*» и т. п. И такой-то переводъ назначенъ для народа, еще не совсѣмъ потерявшаго чутье къ творческому слову и эпической поэзіи. Это изданіе указываетъ намъ не только на отсутствіе всякаго поэтическаго пониманія въ переводчикѣ, но и на то крайне невѣжественное отношеніе къ народу, которымъ такъ страдаютъ наши непризванные его просвѣтители. Самое оригинальное и лучшее изъ популярныхъ изданій—это г. Бицина (Н. М. Павлова). Онъ не только предлагаетъ общедоступный переводъ «Слова», но дѣлаетъ исправленія текста и усиливается установить на него свой собственный взглядъ. Слово о полку Игоревѣ есть такой классическій русскій памятникъ, котораго больше не представляетъ исторія русской литературы, и потому, кажется, весьма понятны всѣ старанія ученыхъ возстановить истинное и буквальное его чтеніе.

Всякій малѣйшій успѣхъ въ этомъ направленіи есть положительное пріобрѣтеніе въ наукѣ. И мы видимъ, что усилія ученыхъ не были праздною игрою умовъ, и «Слово», благодаря имъ, разъяснилось во многомъ, что̀ невѣдомо было въ эпоху его открытія. Но для г. Павлова всѣ изысканія такъ называемыхъ имъ глоссаторовъ суть не что иное, какъ умственная игра въ casse-tête своего рода. Если въ стихахъ любаго изъ новѣйшихъ поэтовъ, говоритъ онъ, — можно указать замѣны одного стиха другимъ, и оба будутъ правильны, и даже, смотря по личному вкусу каждаго, одинъ будетъ казаться лучше другаго, то не праздно ли спорить о такихъ замѣнахъ и доискиваться правильнѣйшаго варіанта у пѣвца XII столѣтія? При такомъ воззрѣніи на дѣло понятно и безцеремонное отношеніе г. Павлова къ тексту. Для него ничего не стóитъ слово *дъвою* замѣнить *дивомъ,* слово *подобію* — по удолью, слово *карна* — жирно, въ силу однихъ догадокъ, не имѣющихъ за собою достаточныхъ основаній. Читатель можетъ представить себѣ, въ какомъ видѣ дошелъ бы до насъ этотъ классическій памятникъ, еслибы всякій ученый позволилъ себѣ относиться къ нему подобно г. Павлову. Не должно намъ забывать урока, какой выработала для насъ западная наука въ своихъ отношеніяхъ къ классическимъ произведеніямъ. Многія поправки г. Павлова, которыя казались ему новыми, на самомъ дѣлѣ давнымъ давно высказаны были тѣми глоссаторами, которыхъ упрекаетъ онъ въ умственной игрѣ въ casse-tête. Выраженіе *клюками* замѣнено *клъками* еще *Вельтманомъ.* Что вмѣсто *горъ* лучше читать *горь*—это замѣчено было еще Полевымъ, что слово *жля* есть не что иное какъ *желя* или *жаль* (жалость, печаль) — это указано г. А. Майковымъ; замѣна Трояна Бояномъ впервые допущена была г. Тихонравовымъ. Тамъ, гдѣ глоссаторы видѣли миѳологическія представленія, г. Павловъ усматриваетъ только признаки преданія школы, не болѣе, какъ риторическія прикрасы. Отъ его вниманія ускользаетъ эпическое отношеніе пѣвца къ природѣ, которое проходитъ черезъ все «Слово» и сказывается почти въ каждой его буквѣ, хотя это-то именно эпическое отношеніе и придаетъ «Слову» ту поэтическую прелесть и жизнь, которыхъ не отрицаетъ въ немъ и самъ г. Павловъ. Объясненіе *дива* при посредствѣ *сторожа*, сидящаго на деревѣ и вѣщающаго нашествіе враговъ,

до того несоотвѣтственно поэтическому образу, что, признаемся, оно несравненно ниже тѣхъ миѳическихъ толкованій, которыя связывали съ нимъ глоссаторы. Ни въ Малороссіи, ни въ Великороссіи, слово *дивиться* не значитъ просто глядѣть, но глядѣть именно *съ изумленіемъ,* съ тревогой, даваться *диву.* Самое слово *дивъ* сохранилось донынѣ въ живомъ народномъ языкѣ не только у насъ, но и у другихъ Славянъ, и означаетъ зловѣщую птицу. Поэтическій образъ вовсе не требуетъ для своего объясненія сходственныхъ и подробныхъ мотивовъ фамиліарнаго свойства: онъ всегда представляетъ какую-нибудь живописную черту, которая существенно связана съ его предметомъ и дается непосредственно разумѣнію каждаго. Не добрыхъ знаменій Игорю со стороны природы было не мало, и странно было бы для каждаго изъ нихъ отыскивать сходственные фамиліарные мотивы тогдашняго быта; основа ихъ не въ бытѣ, а въ тогдашнемъ эпическомъ міровоззрѣніи. Сверхъ того, переводъ г. Павлова въ нѣкоторыхъ словахъ не отвѣчаетъ предварительнымъ замѣчаніямъ, какъ, напримѣръ, *трудная* повѣсть въ примѣчаніяхъ передано какъ *героическая поэма,* а переведено какъ важное сказаніе; одни выраженія переведены не по русски, какъ напримѣръ, *вспеленуты подъ трубами;* другія переданы темнѣе самаго подлинника «разскрипѣлись ихъ арбы въ полночь»; иныя, наконецъ, совершенно неправильно, какъ напримѣръ, *чирята въ поднебесьи. Чирята* и *черняди* (какъ въ подлинникѣ)—совершенно разныя птицы.

Если какія изданія «Слова» требуютъ вниманія и точности, то это популяныя и общедоступныя: они насколько могутъ поддерживать и распространять общественное уваженіе къ памятнику, настолько же могутъ и ронять его. Вотъ почему мы позволили себѣ остановиться на этихъ изданіяхъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ замѣтить, что между замѣчаніями г. Павлова есть и такія, которыя вполнѣ заслуживаютъ вниманія ученыхъ, или такъ-называемыхъ имъ «глоссаторовъ». Таково мнѣніе, что въ фразѣ: «ту Нѣмци и Венедици, ту Греци и Морава поютъ славу Святъславлю» разумѣются не непремѣнно тѣ дальнія страны, въ которыя могла проникнуть молва о подвигахъ Святослава, но здѣсь пѣвецъ могъ разумѣть и тѣхъ пришель-

цевъ, которые находились на службѣ у князя и числились въ его дружинѣ: они и поютъ князю Святославу и хаютъ князя Игоря. Кажется, Моравіи, какъ странѣ, рѣшительно не было никакого дѣла до похода Игоря, и укорять его было нé-за-что.

Приводимъ отрывокъ изъ его перевода:

Вотъ, па чтобы лучше, братья,
Начать намъ на старинный ладъ
Важное сказанье
О походѣ Игоря—
Игоря Святославича?
Начаться же той пѣснѣ
По современнымъ событіямъ,
А не по сочиненію Бояна.
А когда Боянъ вѣщій
Хотѣлъ кому пѣснь творить—
Онъ расточался соловьемъ по дереву,
Сѣрымъ волкомъ по землѣ,
Сизымъ орломъ подъ облаками.
Помните ль—бывало скажетъ—
Первыхъ временъ усобицы?
И какъ напуститъ десять соколовъ
На стаю лебёдокъ....
Которую настигнетъ—
Та и запѣвала напередъ.

5. Обзоръ изданій, переводовъ и объясненій «Слова» на иностранныхъ языкахъ и Славянскихъ нарѣчіяхъ.

Нашъ обзоръ литературы «Слова» былъ бы не полонъ, еслибы мы опустили изъ виду тѣ иностранныя изданія и переводы, при посредствѣ которыхъ этотъ памятникъ имѣетъ за собою европейскую извѣстность. Изъ великихъ европейскихъ державъ одна Англія не имѣетъ его въ переводѣ на родномъ англійскомъ языкѣ.

Французскій переводъ *Бландшарда* изданъ былъ въ Москвѣ въ 1823 г. «Восхищенный оригинальнымъ поэтическимъ его складомъ», говоритъ переводчикъ въ предисловіи,—«я перевелъ его въ прозу, не думая никогда положить ее въ стихи; но спустя нѣсколько времени, я принялся за перо, и написавъ около пятнадцати стиховъ *съ большою вольностію*, продолжалъ свое предпріятіе, которое, наконецъ, хотя и съ погрѣшностями, и кончилъ». Переводчикъ раздѣлялъ и тогдашій взглядъ на «Слово» и замѣчалъ въ немъ «мрачный оттѣнокъ», отличавшій пѣсни Морвенскаго барда. За «предисловіемъ и содержаніемъ» пѣсни слѣдуетъ и самое переложеніе. На одной страницѣ напечатанъ французскій переводъ, а на другой—стихотворное переложеніе Левицкаго. Бланшардъ самъ сознается, что переводъ его исполненъ «украшенностями и перифразіями». Но главная особенность его перевода состоитъ въ томъ, что онъ сдѣланъ не по оригинальному тексту, а по переводу Левицкаго, совершенно произвольному. Вслѣдствіе того въ переводѣ Бланшарда смыслъ подлинника окончательно утраченъ и во многихъ мѣстахъ испорченъ, такъ что Французы составили бы

самое ложное понятіе о «Словѣ», еслибы стали знакомиться съ нимъ по переводу Бланшарда.

Вотъ его образчикъ:

Jl est de chanter un héros malheureux,
Chantons du brave jgor l' effort ïnfructueux;
Mais que dans nos récits, simples et veridique,
N' entrent point de Boyan les fictions antiques:
Quand ce bard voulait celebrer les héros
Son esprit inspiré l' elevait sur les flots,
Le portait comme un faible oiseaux parmi de verts bocages,
Sa lyre, obéissante à ses flexibles doigts,
Des princes, d' elle-meme entounait les exploits.

Извѣстенъ еще Французскій переводъ *Экштейна*, напечатанный въ журналѣ «De Catholique», но мы не имѣли его подъ руками.

Въ послѣднее время «Слово» остановило на себѣ вниманіе извѣстнаго французскаго писателя *А. Рамао*. Въ сочиненіи своемъ о русскомъ эпосѣ [1] онъ удѣлилъ главу разсужденію о пѣсни Игоря. Вмѣстѣ съ библіографическими и историческими свѣдѣніями и объясненіями здѣсь приведены значительныя выдержки изъ текста во французскомъ переводѣ весьма близкомъ къ подлиннику. При этомъ г. Рамбо высказываетъ слѣдующій оригинальный взглядъ. «Имѣя въ виду массу національныхъ преданій, кои собраны въ этой повѣсти, можно сказать, что авторъ «Слова» хотѣлъ дать произведеніе, представляющее интересъ для всей Руси, произведеніе, имѣющее въ нѣкоторомъ родѣ пан-русскій характеръ, какъ Иліада имѣетъ характеръ пан-эллинскій. По всей вѣроятности, основаніемъ для такого взгляда послужило и высказанное нѣкогда мнѣніе въ литературѣ «Слова», что языкъ его представляетъ въ себѣ сочетаніе разныхъ Славянскихъ нарѣчій.

Гораздо больше было сдѣлано переводовъ «Слова» на нѣмецкій языкъ. Вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ Пушкинскаго изданія, оно переведено было *Рихтеромъ* и было напечатано въ «Nordische Miscellen»

[1] La Russie épique, étude sur les chansons heroique de la Russïe. Paris. 1876.

въ Ригѣ, въ 1803 году. Затѣмъ были изданы переводы Юнгманомъ въ 1810 году и Іосифомъ Мюллеромъ въ Прагѣ въ 1811 году. Этотъ послѣдній переводъ съ хорошимъ предисловіемъ и представляетъ первую попытку оцѣнить «Слово» какъ драгоцѣнный художественный памятникъ. Былъ еще нѣмецкій переводъ, изданный безъ имени переводчика, въ журналѣ «Morgenblatt» въ 1817 году.

Но самые дѣльные нѣмецкіе переводы принадлежатъ *Зедергольму* (1825) и *Больцу* (1854 г.).

Первый сопровождается исторіей текста, историческимъ введеніемъ и критическими и объяснительными замѣчаніями. Онъ сдѣланъ подъ руководствомъ Калайдовича, котораго переводчикъ справедливо называетъ однимъ изъ ученѣйшихъ и ревностнѣйшихъ изыскателей русскихъ древностей. Для насъ очень важно замѣчаніе Зедергольма, высказанное со словъ Калайдовича, что Пушкинская рукопись Слова, по свидѣтельству очевидцевъ, была XVI вѣка, хотя владѣлецъ ея и утверждалъ, что она XIV или начала XV вѣка [1]. Переводъ Зедергольма довольно близокъ къ подлиннику, но не всегда вѣренъ и точенъ, что̀ конечно, во многомъ зависѣло отъ требованій мѣры и стиха.

Bedünket es nicht euch, Jhr Bruder, löblich,
Wenn wir in alter Zeiten Wort begönnen
Die Trauerma'hr von Jgors Heereszuge
Des Sohnes Swåtoslaws? Wohlan den, Lied,
Beginne, treu den Thaten dieser zeiten,
Nicht nach Bojans Gegankenflug des Sehers.

Или «растекашется мыслію по древу» переведено:

So schweifte durch die Bälder sein Gedanke.
Буй туръ Всеволодъ Held Wsewolod? И т. п.

Переводъ г. Больца, вышедшій въ 1854 году, въ Берлинѣ, еще болѣе заслуживаетъ вниманія. Это также переводъ стихотворный, и

[1] Die Schriftzüge derselben (die Weissrussischen, die ihren ganz eignen Charakter haben) stammten, nach dem Urtheil von Augenzeugen, aus dem 16-ten Jahrhundert her, obgleich der Besitzer behauptete, sie seien aus dem 14-ten oder dem Anfange des 15-ten jahrhunderts стр. 2).

къ нему приложенъ текстъ Слова по Сахарову, съ историческими и филологическими примѣчаніями, грамматика и словарь. Почтенный профессоръ Русскаго языка въ Берлинскомъ Университетѣ весьма добросовѣстно занимался изученіемъ «Слова». Въ лексикологическомъ отношеніи онъ пользовался при своемъ переводѣ «Слова» Лексисомъ Зизанія 1596 г., Азбуковникомъ XVI вѣка и Лексикономъ Памвы Берынды; въ граматическомъ—сочиненіемъ Шлейхера: Die Formenlehre der Kirchenslawischen Sprache, Bonn, 1852. Изъ русскихъ комментаторовъ—кромѣ Сахарова, онъ имѣлъ въ виду Шишкова, Пожарскаго, Карамзина, Калайдовича, Глаголева, Полеваго и Вельтмана. Кромѣ того, по мѣстамъ пользовался онъ Несторомъ и Печерскимъ Патерикомъ, который называетъ онъ древнѣйшею церковной книгою въ Россіи (ältestes Kirchenbuch der Russen). Самый переводъ его еще ближе къ подлиннику, чѣмъ переводъ Зедергольма, но какъ переводъ также стихотворный, онъ не могъ быть вѣренъ и точенъ, подобно послѣднему. Главная ошибка переводчика состоитъ въ томъ, что оригиналомъ для его перевода служило изданіе Сахарова, и вслѣдствіе того, онъ повторяетъ всѣ его ошибки и привноситъ еще новыя. *Старыя словеса* здѣсь переведено, напримѣръ: *Nach dem alten Brauch der Wörter*. Кромѣ того, переводъ допускаетъ произвольныя и излишнія вставки. Вотъ примѣръ:

O Bojan, du nachtigall
Jener längst Verwich'nen Zeiten.
.
In deinem lied vereinend
Jener zeit und ruhm.
Der du dem Wladimir folgtest,
Überall durch thal und höhen!
Könntest du doch seiner tapfern
Enkel Jgor laut besingen. И т. п.

Въ грамматическомъ отношеніи въ трудѣ Больца встрѣчается также не мало ошибокъ. Такъ по его замѣчаніямъ: «*бебрянъ рукавъ*» родит. пад. множ. ч. женскаго рода; «*подперъ*» «*рекъ*» прошедш. врем. изъявит. наклон. и т. под.

Приведемъ здѣсь замѣчательный отзывъ нашей «Императорской Академіи Наукъ»[1] объ этомъ почтенномъ трудѣ Нѣмецкаго ученаго. «Нельзя не быть снисходительнымъ къ ошибкамъ, вкравшимся въ разныя части новаго труда г. Больца, а вмѣстѣ и не удивляться его благородной рѣшимости взяться за трудъ тяжелый и многосторонній безъ тѣхъ вспомогательныхъ средствъ, которыя могли бы облегчить его работу. Не говоря о другихъ пособіяхъ, которыми бы г. Больцъ могъ пользоваться съ очевидной выгодой, замѣтимъ, что у него не было подъ руками даже изданія «Слова» Дубенскаго. Изслѣдованія и замѣчанія нашихъ филологовъ и историковъ тѣмъ менѣе могли быть доступны г. Больцу, что они разсѣяны по разнымъ книгамъ и журналамъ. Глядя съ признательностію за трудъ на книжку г. Больца, невольно приходитъ на мысль: что еслибъ кто-нибудь изъ Русскихъ приготовилъ изданіе «Слова», *по формѣ* похожее на это, съ помощію тѣхъ разнообразныхъ пособій, которыя не могли быть доступны г. Больцу, какъ иностранцу, занимавшемуся своимъ трудомъ внѣ Россіи и безъ совѣтовъ знатоковъ древняго Русскаго языка».

Чтобы дать болѣе наглядное понятіе о переводѣ Больца, приводимъ здѣсь его начало:

Brüder, sagt, wär's nicht gerathen,
Nach dem alten brauch der väter
Was die sagen von dem zuge
Igor's, Swätoslawitsch's sohne,
Melden, uns zu wiederholen.
Doch beginnen mag dies lied nur
Nach den sagen uns'rer zeit, nicht
Nach Bojan's erhab'ner weise.
Denn Bojan, der hehre dichter,
Wenn der über'm liede dachte,
Schlich sich aus dem lauten kreise
In die einsamkeit des waldes
Und durchstrich die schatt'gen haine

[1] См. Извѣстія 2-го отд. И. Ак. Наукъ т. III, столб. 300.

Wie der graue wolf die haide,
Wie der dunkelblaue adler
Durch die wolken streift im fluge.

Въ 1853 году *Я. Головацкій* напечаталъ въ «Программѣ Академической Государственной гимназіи» любопытное разсужденіе, подъ заглавіемъ: „Ueber Ihors Heerszug gegen die Polouzer". Императорская Академія Наукъ сдѣлала объ его разсужденіи слѣдующій отзывъ: «Не много новыхъ фактовъ сообщаетъ оно тому, кто изслѣдовалъ наше «Слово» подробно; тѣмъ не менѣе замѣчательно, какъ трудъ добросовѣстный знатока карпатскаго нарѣчія. [1] Впослѣдствіи Головацкій издалъ текстъ «Слова» въ «Хрестоматіи Церковно-Словенской и Древно-Русской», предназначенной для учениковъ высшей гимназіи въ Австрійской державѣ (1854 г.).

Изъ нѣмецкихъ ученыхъ въ послѣднее время, *Карьеръ* въ своей Исторіи искусства, [2] къ удивленію, повторилъ старый скептицизмъ въ отношеніи къ «Слову». Приведя изъ него начало, онъ говоритъ: «на мой взглядъ, это несомнѣнно подражаніе Макѳерсонову Оссіану. Со стороны языка, мысль мою подтверждаетъ Беденштедтъ замѣчаніемъ, что тутъ перемѣшаны выраженія и слова разныхъ нарѣчій и разныхъ вѣковъ». Но если для Карьера—въ данномъ случаѣ авторитетомъ является Беденштедтъ, то этотъ послѣдній, очевидно, въ изученіи древне-русскаго языка не ушелъ дальше сороковыхъ и даже тридцатыхъ годовъ и ни мало не знакомъ съ современнымъ положеніемъ историко-филологической науки въ Россіи и въ частности съ новѣйшею литературою «Слова».

Кромѣ французскихъ и нѣмецкихъ переводовъ, извѣстенъ еще переводъ «Слова» на венгерскій языкъ *Ридля Сенде*, отмѣченный въ «Извѣстіяхъ» нашей «Императорской Академіи Наукъ» впрочемъ безъ всякаго отзыва [3].

[1] См. Извѣст. 2 отд. Имп. Акад. Наукъ т. III, столб. 107.

[2] Въ русскомъ переводѣ Е. Ѳ. Корша стр. 268.

[3] Т. VII, 1858 г. стр. 320.

У Славянъ Слово о полку Игоревѣ существуетъ во множествѣ переводовъ—на польскомъ, чешскомъ, сербскомъ и галицкомъ нарѣчіяхъ.

На польскомъ языкѣ извѣстны труды о немъ Гадебскаго, Бѣлевскаго Красинскаго и Мицкевича. *Гадебскій* переложилъ «Слово» на польскій языкъ съ французскаго перевода и потому не удивительно, что онъ не могъ оцѣнить его внутреннихъ достоинствъ и считалъ его подделкою Мусина-Пушкина. Переводы *Бѣлевскаго* и *Красинскаго* сдѣланы съ Пушкинскаго изданія и весьма близки къ своему оригиналу, хотя далеко его не выражаютъ. Первый напр. выраженіе «*раскашется мыслію по древу*» переводилъ, что Боянъ mys'la uganial przez bory; а послѣдній многія слова понималъ въ обратномъ значеніи, напр. слово «*трудъ*» въ смыслѣ лекарственной травы.

Кромѣ того, польскіе ученые весьма часто упоминали о «Словѣ» въ разныхъ своихъ ученыхъ сочиненіяхъ. Такъ *Раковецкій* привелъ отрывокъ изъ «Слова» въ своемъ изданіи. «Pravda ruska». Признавая его подлиннымъ произведеніемъ XII в., онъ обратилъ вниманіе на то, что оно украшено славянской миѳологіей и замѣтилъ, что въ немъ упоминается о неизвѣстномъ намъ Боянѣ пѣвцѣ славы богатырской и, кто знаетъ, можетъ быть, о другомъ Гомерѣ славянскомъ [1].

Мицкевичъ читалъ двѣ публичныхъ лекціи о «Словѣ» въ Парижѣ [2]. Онъ обратилъ вниманіе лишь на внѣшнюю сторону поэмы и именно на ея пластическую красоту въ сравненіи съ древней греческой и скандинавской и заключаетъ, что она можетъ быть сравниваема съ эпопеею грековъ хотя въ ней и замѣтно нѣкоторое подражаніе поэзіи нормандской. Въ своихъ лекціяхъ онъ обнаружилъ, что онъ не только самъ изучалъ «Слово», но и былъ знакомъ со взглядами на него русскихъ ученыхъ. Онъ, повидимому, не считалъ его польскимъ произведеніемъ; усматривая въ немъ подражаніе нормандской поэзіи, онъ въ то же время замѣчалъ, что важный и печальный

[1] Смирновъ вып. 1, стр. 31.

[2] См. о томъ въ Москвитян. 1841 г. № 10. «Cours de litter. Slav. Paris» 1840—1845.

характеръ этой пѣсни совершенно отличенъ отъ тоіі радости, игривости, которая замѣчается у польскихъ поэтовъ, хроникеровъ той же эпохи».

За то большая часть другихъ польскихъ историковъ заносили «Слово» въ курсы польской литературы и даже автора его относили къ польской національности; поводомъ къ этому послужили, какъ мы выше замѣтили, стремленіе русскихъ ученыхъ объяснять непонятныя мѣста «Слова» польскими словами.

Мацѣевскій въ своемъ «Очеркѣ Исторіи письменности и просвѣщеніи славянскихъ народовъ» не только заявляетъ, что пѣснь Игорева написана «*польско-русскимъ нарѣчіемъ*, но и въ доказательство того ссылается именно на свидѣтельство русскихъ ученыхъ. Это видно, говоритъ онъ, какъ замѣчаютъ русскіе ученые, изъ польщизны встрѣчающейся въ этой пѣснѣ [1].

Вишневскій въ «Исторіи польской литературы» утверждаетъ, что пѣснь о походѣ Игоря принадлежитъ сколько русской, столько же и польской литературѣ, такъ какъ она написана на польско-русскомъ нарѣчіи, въ XII или XIII в., въ ту эпоху, когда польское вліяніе особенно сказалось въ русскомъ языкѣ и русской литературѣ [2].

Бѣлевскій [3] и *Войцицкій* [4] прямо называютъ автора «Слова» пѣвцемъ Польской земли (Spiewaka naszëj zemi).

Сдержаннѣе выражался о томъ *Лукашевичъ* [5]. Его взгляду послѣдовали нѣкоторые изъ позднѣйшихъ польскихъ ученыхъ. Такъ *Кондратовичъ* [6] ограничивается напр. слѣдующимъ замѣчаніемъ: Посред-

[1] Переводъ съ польскаго языка на русскій П. Дубровскаго См. въ «Чтен Общ. Ист. и Др.» М. 1846 г., № 2, матер. иностр., стр. 26—28.

[2] Historya Literatury Polskïej. M. Wiszniewskïego. Krakow. 1840 т. I, стр. 224.

[3] Въ предисловіи къ своему переводу Слова и Hist. Polsk. Literat. t. I, стр. 208.

[4] H. P. L. t. I, 208—209.

[5] Rys dz. pismiennictwa Potskiego. 1836.

[6] Dzieïe literatury w Polsce. L. Kondratovisz L. W. Surokomei. 1850 — 1852. Въ русск. пер. «Истор. Польск. литер.» т. I, стр. 68—69.

ственную, какъ выразился Леставъ Лукашевичъ, собственность нашу составляетъ пѣсня, какъ «Слово» о полку Игоревѣ, написанное на языкѣ Бѣлорусскомъ, неизвѣстнымъ сочинителемъ въ концѣ XII в. «Слово» это сдѣлалось нашею народною собственностію, благодаря прекрасному переводу его на языкъ отечественный Августа Бѣлевскаго.

Противъ мнѣнія, будто «Слово» о полку Игоревѣ изъ всѣхъ Славянскихъ нарѣчій ближе всего подходитъ къ языку польскому—писали у насъ Глаголевъ [1] и Головинъ [2]. Первый говорилъ, что несправедливо было бы по нѣсколькимъ словамъ и оборотамъ заключать о сходствѣ самого стиля пѣсни, тѣмъ болѣе, что въ ней заключаются нѣкоторыя выраженія, употребляемыя въ древнихъ памятникахъ Богемскихъ. Вѣроятно, такіе обороты остались еще отъ древней славянской поэзіи и принадлежали равно всѣмъ нарѣчіямъ. «Головинъ, разобравъ отличительные признаки славянскихъ нарѣчій, пришелъ къ убѣжденію, что «Слово» о полку Игоревѣ менѣе всего имѣетъ сходства съ нарѣчіемъ Польскимъ.

Въ настоящее время уже доказано, что всѣ тѣ слова, объясненія которыхъ искали въ языкѣ Польскомъ, суть слова чисто русскія и встрѣчаются или въ древнихъ письменныхъ памятникахъ или въ народномъ пѣснотворчествѣ, или бытуютъ въ живыхъ мѣстныхъ говорахъ. Сравненіе же ихъ съ подобными словами другихъ славянскихъ нарѣчій доказываетъ только то, что они по своимъ корнямъ составляютъ лишь общее достояніе Славянскаго языка во всѣхъ его нарѣчіяхъ.

Для образца Польскихъ переводовъ приведемъ зачало «Слова» въ переводѣ Бѣлевскаго.

Bracia! Nie piękniež pisać staremi słowy
Trudne o pólku Igora powieści?
A więc pocznijmy pieśń, wedle osnowy
Zdarzeń, nie zmyśleń bojańskiemi tony;

[1] Въ умозрительныхъ и опытныхъ основаніяхъ словесности. 1834, ч. VI, стр. 17—25.

[2] Въ примѣчаніяхъ на «Слово» о полку Игоревѣ. М. 1846 г., стр. I—XII.

Bo wieszczy Bojan jeśli k' czyjéj cześci
Pieśń tworzył, myślą uganiał przez bory,
Wilk ziemią, w wiatrach orzeł chyżopióry,
Jeśli bój wspomniał, w lot dziesięć sokolòw
Puszczał na stado łabędzi—a wtedy
Poczesną pieśnią piérwszy zabrzmiał połow;
Wonczas Jarosław stary, Mścislam chrobry
Co pośród pułków kazogskich, Rededi
Dziryt twardemi wskroś przepędził ziobry,
I krasny Roman w piérwszych brzmieli rzędzie,
Lecz nie sokołów na stada łabędzie,
Bojan, o bracie! wypuszczał ku walce,
Ieno na strony kładł swe wieszcze palce,
A sławą książąt żywe brzmiały strony.

Чешскіе переводы Юнгмана и Разная извѣстны только по рукописямъ и напечатаны не были; первый перевелъ «Слово» прозою, а второй стихами въ 1808 году. Въ печати на чешскомъ нарѣчіи впервые появился переводъ Ганки въ 1821 году. Онъ посвященъ былъ «Іосифу Добровскому, члену многихъ ученыхъ обществъ и патріарху славянства». Въ предварительныхъ краткихъ замѣчаніяхъ «о языкѣ и рукописи» достопочтенный ученый высказалъ нѣсколько словъ, достойныхъ вниманія для критики текста. «Я», говоритъ онъ,—«въ подлинникѣ ничего перемѣнить не отваживаюсь, однакожь бы думалъ, что въ началѣ, можетъ быть, должно читать «не лѣпо ли *бы* бяшетъ» и на изворотъ: «луче жъ *ны* потяту быти»; вмѣсто «русскыя плъки *отступиша*»—*об*ступиша, вмѣсто «меча *времени*»—бремены и вмѣсто «носитъ *васъ* умъ»—вашь умъ. Кто бы хотѣлъ Царедворскую рукопись старочешску, продолжаетъ онъ,—«сравнывать съ Игоремъ, за вѣрно бы нашелъ много сходства, не токмо въ словесныхъ выраженіяхъ, но болѣе того въ самомъ духѣ древности и мышленіи, какъ напримѣръ, заключеніе героической пѣсни Олдрихъ и Болеславъ съ заключеніемъ Игоря совсѣмъ сходно. Впрочемъ, не могу довольно удивляться, зачѣмъ почти всѣ русскіе переводчики всякое піитическое рѣченіе въ развлачитую прозу протащили, какъ еслибы Россіяне краснорѣчія піитическаго сего для способны не были». Самый переводъ — довольно точенъ и букваленъ, какъ чешскій, такъ и

приложенный къ нему нѣмецкій. Кромѣ того, онъ сопровождается историческими примѣтками и филологическими «высвѣтвленіями» (выясненіями).

Наша Императорская Академія Наукъ дала объ этомъ изданіи слѣдующій отзывъ: «При недоступности большей части памятниковъ древне-русскихъ, при отсутствіи всякаго рода вспомогательныхъ пособій, при маломъ развитіи понятій о языкѣ славянскомъ вообще и русскомъ отдѣльно, нельзя было отъ Ганки въ то время ожидать ни вполнѣ правильнаго пониманія подлинника, ни счастливаго перевода, ни богатыхъ пояснительныхъ примѣчаній, и все-таки Ганка сдѣлалъ болѣе чѣмъ можно было ожидать; его изданіе «Слова» надолго осталось въ числѣ лучшихъ».

Вотъ образецъ его перевода:

«Jaroslawnïn hlas sIyset: žežhulïcj neznámý, ráno kuká: poletjm, recla, zezhylïcy po Dunagï; omočjm bobrowy rukáw w Kajale řece, utru Knjžetï krwawé geho rány na strnulem geho těle“.

Кромѣ перевода Ганки, у Чеховъ есть еще переводъ Гатталы (1858 г.) и переводъ Ербена (1870 г). Первый едва ли не одинъ изъ лучшихъ славянскихъ переводовъ. Въ предисловіи г. Гаттала отчасти знакомитъ съ исторіей открытія «Слова» и его литературой; при этомъ онъ упоминаетъ о работахъ Калайдовича и объ изданіяхъ Шишкова, Пожарскаго, Максимовича, Дубенскаго и Сахарова; переводы другихъ ему неизвѣстны; изъ иностранныхъ переводовъ—онъ обращаетъ вниманіе на Больца и справедливо упрекаетъ его за то что онъ неосторожно пользовался текстомъ Сахарова. Г. Гаттала издалъ текстъ «Слова» безъ передѣлокъ и поправокъ; самый перѣводъ его довольно точенъ, и сопровождается дѣльными филологическими замѣчаніями.

«Въ числѣ тружениковъ на поприщѣ, открытомъ Ганкой, читаемъ въ отзывѣ Императорской Академіи Наукъ, М. Гаттала занимаетъ видное мѣсто: онъ обладаетъ знаніемъ славянскихъ нарѣчій, знакомъ близко съ успѣхами филологіи, самъ принимаетъ въ нихъ участіе на самомъ дѣлѣ. Отъ него можно было ожидать изданія Слова о

полку Игоревѣ достойнаго нашего времени. И оно дѣйствительно удалось. Оно не велико объемомъ не богато объяснительными соображеніями; предпринято, очевидно, съ цѣлію сдѣлать «Слово» общедоступнымъ для всѣхъ; но и въ своемъ маломъ объемѣ заключаетъ въ себѣ почти все, что необходимо на первый разъ. Нѣкоторыя изъ его примѣчаній любопытны у насъ и не для учащихся [1].

Вотъ образецъ:

Hlas Jaroslavny je slyšeti. Jako tajemná žežhulice ráno kuká: poletím, prý, jako žežhulice po Dunaji; omočím bobrový rukáv v řece, utru knížeti krvavé jeho rány na statném jeho těle.

Jaroslavna ráno plače v Putivli na zábradle, rkouc: ó větříku! proč věješ, pane, násilně? Proč mykáš Chinovské strelky na svych netěžkych na vojsko mého manžela? Málo-li ti bylo na hore pod oblaky váti, když si kolíbal koráby na siném moři? Proč si, pane, rozvál mé veselí po kovylí?

Не таковъ переводъ г. Ербена, хотя онъ и встрѣченъ у насъ съ большимъ сочувствіемъ и одобреніемъ.

«Новый чешскій переводъ «Слова», писалъ о немъ Н. А. Лавровскій,—«отличается неоспоримыми достоинствами относительно точнаго выраженія его содержанія и тѣхъ поэтическихъ образовъ, кои не прерывающеюся цѣпью проходятъ чрезъ всю поэму, отъ первой строки до послѣдней. Этими достоинствами переводчикъ обязанъ», говоритъ г. Лавровскій,—«своему обширному знакомству съ древнею литературою и народно-поэтическимъ творчествомъ».

Но мы вынуждаемся сказать съ своей стороны, что переводъ Ербена ни въ какихъ отношеніяхъ — ни по исправленію текста, ни по уразумѣнію его смысла, ни по примѣчаніямъ — не можетъ занять почетнаго мѣста среди многочисленныхъ переводовъ знаменитой и единственной въ своемъ родѣ древне-русской пѣсни. Ербенъ отнесся къ тексту безъ той почтенной осторожности, какую питалъ къ нему

[1] См. Извѣст. Импер. Ак. Наукъ. 1858 г. ст. 122—124.

Ганка, и испестрилъ его множествомъ своихъ и чужихъ неудачныхъ поправокъ, какъ видно изъ замѣчаній самого же г. Лавровскаго. Самъ Ербенъ, не стѣсняясь, признается въ этомъ. «Считаю излишнимъ», говоритъ онъ,—«упоминать, что я не столько старался о буквальной вѣрности подлиннику, ясности и вразумительности, сколько о томъ, чтобы мой переводъ по духу своему, по возможности, приблизился къ высокому своему образцу. А такъ какъ пѣвецъ Игоря, заботясь о краткости, нерѣдко умалчивалъ о нѣкоторыхъ предметахъ и оборотахъ, то я приложилъ въ скобкахъ необходимыя объясненія». При такомъ пониманіи своей задачи, Эрбенъ легко усвоилъ не признанную и мало доказанную замѣну г. Тихонравова имени Трояна Бояномъ; ему ничего не стоило, безъ всякой нужды, вмѣсто раны— поставить *рать*; вмѣсто кикахуть—*кликахать*; вмѣсто кровава вина недоста—сказать *не не доста;* вмѣсто въ друзѣ тѣлѣ—*въ дружѣ тѣлѣ;* не говоримъ уже о множествѣ неудачныхъ чисто граматическихъ поправокъ. Таковъ же переводъ его и во множествѣ цѣлыхъ мѣстъ и выраженій. Онъ или повторяетъ старые переводы, въ силу которыхъ Боянъ растекался мыслями по лѣсу и скакалъ соловьемъ по мысленному лѣсу, или же дѣлаетъ свой собственный переводъ часто не только невѣрный, но даже противный, подлиннику. Такъ, напримѣръ, по его переводу, Кончакъ уже не слѣдъ правитъ Гзаку, какъ въ подлинникѣ а «ukazuje stopu k Donu velikemu». Бориса Вечеславича слава положила на «zelenu tkaninu» и т. п. Для характеристики примѣчаній, достаточно указать, что по нимъ Новгородъ - Сѣверскъ, упоминаемый въ Словѣ у Эрбена стоитъ на Ильменѣ, красуется своимъ храмомъ св. Софіи и т. п. Для насъ рѣшительно непонятно, какъ Ербенъ могъ допустить подобныя историческія ошибки, и еще менѣе понятно, какъ почтенный ученый г. Лавровскій такъ благосклонно отнесся къ подобнымъ толкованіямъ и переводу.

У Сербовъ также есть нѣсколько переводовъ Слова. Милошъ-Свѣтичъ издалъ его въ Бѣлградскомъ альманахѣ *Голубица* подъ псевдонимомъ *Хаджича.* Хаджичъ высказывалъ мнѣніе, что сочинителемъ Игоревой пѣсни былъ монахъ того вѣка, спасавшійся въ Кіевскомъ монастырѣ св. Богородицы Пирогощей; но сочиняя эту повѣсть, почер-

палъ данныя изъ одного только источника — изъ народныхъ пѣсенъ, которыя онъ передѣлалъ, раздробилъ, переиначилъ, переложивъ ихъ въ прозу на церковно-славянскій языкъ, впрочемъ такъ, что въ немъ сохранились всѣ поэтическія красоты народныхъ пѣсенъ. По этому эта повѣсть по формѣ и языку ни коимъ образомъ не можетъ быть разсматриваема, какъ вѣрный и чистый отпечатокъ народнаго русскаго духа того времени; въ ней сказывается лишь духъ и выраженія народной поэзіи, прошедшія сквозь душу и языкъ монаха того вѣка и замкнутыя въ формѣ церковной-библейской.

Объяснялъ также Слово Людовикъ Гай и «врло добро» его разумѣлъ. Послѣднее изданіе Слова на сербскомъ языкѣ было Данила Медича (1870 г.). Переводъ его сдѣланъ съ изданія Гербеля и также стихотворный. Переводъ этотъ естественно отражаетъ въ себѣ всѣ недостатки перевода Гербеля, служившаго для него образцомъ и оригиналомъ.

Вотъ образецъ послѣдняго перевода:

«Наста браћо тужно вр'јеме:
Невесели свиђу дани,
Поробише руску земљу
Невијерни Половчани,
И у руке унучади
Дажда-Бога преће сила,
А Обида Осветница
У дјеву со претворила,
И по земљи Тројановој
Лабудовим крилом бије,
Да од Дона и од мора
Весела нам дань није.

Изъ Болгарскихъ переводовъ извѣстенъ лишь одинъ, сдѣланный притомъ въ позднѣйшее время Жинзифовымъ и изданный имъ въ Сборникѣ, подъ заглавіемъ «*Новобългарска Сбирка*». (М. 1863.) Въ началѣ помѣщенъ «предговоръ» т.-е. предисловіе, въ которомъ изчисляются предшествовавшія труды ученыхъ, какъ русскихъ, такъ и Славянскихъ, дается краткое понятіе о Пушкинскомъ Сборникѣ, въ

которомъ найдено «Слово», излагается также кратко лѣтописное повѣствованіе о походѣ Игоря, за тѣмъ приводятся образцы чтенія и переводовъ Дубенскаго, Гербеля и Максимовича, и наконецъ изъясняется побужденіе къ переводу его на языкъ Болгарскій. «Слово» о пълку Игоревѣ превели по нѣколку Чеси-те, Сърби-те, и Поляци-те, замѣчаетъ г. Жинзифовъ, а изъ не Славянски-те народы сѫ го превеле Нѣмци-те и Франци-те; а на нашъ сегашенъ языкъ, ако не ся мамиме, до сега не бѣше преведено (стр. 15). За предисловіемъ слѣдуетъ переводъ, а за нимъ и текстъ старорусскій.

Вотъ образецъ этого Болгарскаго перевода.

Дали не лѣпо ке бѣше за насъ, братя,
Съ стары на приказы мачны слова мые
Да начнем' пѣснѭ за пълкъ-тъ Игоревъ,
Игоря того сына Святослава!
И да ся начнитъ тая пѣсня
По работы на сегашно време,
А не какъ що Боянъ задумвалъ?
Ак' нѣкому Боянъ вѣщіи
Сакалъ да направитъ пѣснѭ
Растеквалъ ся съ мысль по дърво,
Какъ вълкъ сѣрый по земѭ,
Какъ сивъ орелъ подъ облакъ.
И кога речи на-размирицы
Отъ старо онъ време си наумвалъ:
Тога пущаше соколи десетъ
Онъ на стадо отъ лебеди.

Извѣстно еще русинское изданіе Слова Іоанна Гушалевича, вышедшее въ Львовѣ въ 1850 г. Кратко коснувшись открытія пѣсни, ея изданій, времени сочиненія и самаго содержанія, издатель напечаталъ одинъ текстъ безъ перевода, снабдивъ его краткими историческими и филологическими примѣчаніями. Впрочемъ, эти примѣчанія не имѣютъ строго ученаго характера и служатъ только къ облегченію читателей въ непосредственномъ пониманіи текста. Это изданіе болѣе популярное, чѣмъ ученое. Текстъ изданъ съ перестановками, допущенными Максимовичемъ и притомъ не вездѣ вѣрно. Такъ напр.

читаемъ здѣсь: «нъ уже, княже Игорю, трьпе усобицю (вм. солнцю) свѣтъ». Въ лексикологическомъ отношеніи издатель пользовался словаремъ Караджича и грамматикой Добровскаго; изъ историческихъ источниковъ имѣлъ въ виду Нестора и Карамзина. Комментаріи его со странностями. Такъ напр. выраженіе «*помняшетъ бо речь*» онъ относитъ къ пѣвцу Игореву, а не къ Бояну, замѣчая, что сочинитель здѣсь оправдываетъ себя, для чего онъ, оставивши прочихъ князей, воспѣваетъ Игоря. Къ выраженію въ «*друзѣ тѣлѣ*» присоединяетъ объясненіе, что по стихотворному понятію у Всеслава было два тѣла и двѣ души. Слово «*куръ*» сближаетъ съ греческимъ «γύρα» и отсюда же производитъ слова: *вира* и *вервь*.

Въ послѣднее время на галицкомъ нарѣчіи вышелъ, по отзывамъ критиковъ, замѣчательный трудъ о «Словѣ» г. Огоновскаго [1]. «Въ своемъ изданіи, говоритъ онъ, я пользовался всѣми комментаріями этой пѣсни, какіе явились отъ 1800 года. Трудъ мой былъ, конечно, не малый, такъ какъ я старался извлечь изъ нагроможденнаго матеріала всѣ цѣнныя замѣтки и дополнить ихъ своими поясненіями. Этимъ я вовсе не думаю утверждать, будто бы я установилъ новыя воззрѣнія въ оцѣнкѣ этого памятника; моимъ намѣреніемъ было только то, чтобы приложить къ изученію «Слова» новѣйшую филологическую науку, причемъ я старался также самостоятельно объяснить нѣкоторыя непонятныя выраженія и темныя мѣста. Въ установленіи текста я старался быть консервативнымъ: поправку я допускалъ только тамъ, гдѣ дошедшій до насъ текстъ не давалъ надлежащаго смысла... Больше, можетъ-быть, смѣлости въ томъ моемъ заявленіи, что я нѣкоторыя мѣста «Слова» считаю *глоссами* позднѣйшихъ грамотѣевъ» (стр. XLIII). Рядомъ съ текстомъ помѣщенъ переводъ; изданію предпослано обширное введеніе [2]; за текстомъ слѣдуютъ объясни-

[1] Анализъ этого труда излагается по «Жданову».

[2] Оно состоитъ изъ слѣдующихъ статей: I. Нѣсколько словъ о русскомъ просвѣщеніи въ XII вѣкѣ; II. Разсказъ лѣтописцевъ о походѣ Игоря; III. Содержаніе Слова; IV. Важность Слова со стороны исторической; V. Поэтическая сторона Слова; VI. Нѣсколько замѣтокъ объ авторѣ Слова; VII. Характеристика Игоря; VIII. Слово есть произведеніе совершенно оригинальное; IX. Языкъ Слова;

тельныя примѣчанія; въ концѣ указатель объясненныхъ словъ. По воззрѣнію Огоновскаго, въ «Словѣ» нужно различать поэтическіе элементы, взятые изъ народной поэзіи, заимствованные отъ древнѣйшихъ пѣвцовъ, преимущественно отъ Бояна, и наконецъ явившіеся какъ плодъ творческой силы самого автора «Слова» (стр. XII). Авторъ «Слова» современникъ похода, человѣкъ свѣтскій (стр. XIII—XIV). Г. Огоновскій не соглашается съ мнѣніемъ князя Вяземскаго, который находитъ въ «Словѣ» слѣды вліянія классическихъ преданій. По мнѣнію Львовскаго ученаго, «Слово» есть памятникъ совершенно оригинальный; оно не выказываетъ слѣдовъ вліянія византійской свѣтской литературы на русскую словесность XI—XII вѣка. Въ эти вѣка Византійство представляло собою принципъ теологическій, а потому свѣтская словесность могла тогда у насъ развиваться самостоятельно». (стр. XVII—XVIII). Авторъ «Слова» не стѣснялъ себя правилами метрики. Нѣкоторый ладъ замѣчается почти вездѣ, но правильный риѳмъ можно находить только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Можно допустить что «Слово» пѣлось (стр. XIX — XX). Къ сожалѣнію, мы не имѣли подъ руками этого изданія и потому не можемъ предложить нашихъ критическихъ на него замѣчаній. Скажемъ однако: едва ли г. Огоновскій имѣлъ возможность въ Галиціи пользоваться *всѣми комментаріями этой пѣсни, какія явились отъ 1800 года*, когда даже у насъ въ Россіи это далеко не всѣмъ возможно и только не давно еще стали приводить у насъ въ извѣстность литературу «Слова».

Изданіе г. Огоновскаго вызвало капитальную критическую статью со стороны русскаго ученаго П. И. Житецкаго, напечатанную въ «Архивѣ для славянской филологіи» В. Ягича, [1] подъ заглавіемъ: Ueber das altrussische Lied von Jgors Heereszug. Разсмотрѣвъ содержаніе изданія г. Огоновскаго, онъ указалъ на двойственность въ рѣшеніи имъ нѣкоторыхъ вопросовъ. Такъ, съ одной стороны г. Огоновскій героевъ пѣсни сравниваетъ съ героями Иліады, Всеволода съ

X. Украшеніе Слова; XI. Форма Слова; XII. Исторія открытія Слова; XIII. Изданія и переводы Слова.

[1] Archiv für Slavische Philologie. V. Jagić. Band. 2. Het 3. Berlin 1877 S. 642 — 660.

Деомидомъ, Ярославну съ Андромахой, Ростислава съ предводителями Троянцевъ, а съ другой—считаетъ эту пѣснь произведеніемъ «совершенно оригинальнымъ» въ силу отсутствія въ ней точекъ соприкосновенія съ поэтическими явленіями другихъ народовъ; или же языкъ «Слова» онъ считаетъ не столько чисто русскимъ, сколько церковнославянскимъ и въ то же время замѣчаетъ, что авторъ «Слова» находился подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ народной поэзіи и народнаго языка. Далѣе критикъ заявилъ, что г. Огоновскій совершенно опустилъ изъ виду палеографическую сторону вопроса, которая должна служить исходной точкой для возстановленія и уясненія темныхъ и неисправныхъ мѣстъ «Слова» и оттого всѣ сдѣланныя имъ поправки текста не имѣютъ для себя достаточныхъ основаній. Еще важнѣе самостоятельныя замѣчанія критика о синтаксическихъ особенностяхъ и поэтическихъ построеніяхъ «Слова» въ связи съ малороссійскими думами. Эти замѣчанія должны имѣть особенное значеніе для тѣхъ, кои желали бы видѣть въ нашемъ памятникѣ не болѣе, какъ передѣлку неизвѣстнаго византійско-болгарскаго образца, съ неискусными спайками чужаго оригинала съ содержаніемъ русской жизни. Г. Житецкій коснулся здѣсь между прочимъ и нашего мнѣнія о языкѣ пѣсни Игоревой. Онъ недоумѣваетъ, въ какомъ значеніи нужно понимать наши слова, что эта пѣснь написана отнюдь не на малороссійскомъ нарѣчіи, а на томъ русскомъ языкѣ, изъ котораго образовались потомъ языки великорусскій и малорусскій. «Если г. Барсовъ, замѣчаетъ онъ, [1] разумѣетъ здѣсь древне - русскій языкъ въ его первичномъ значеніи, то какъ ни мало изслѣдованъ у насъ русскій языкъ, съ увѣренностію можно утверждать, что такого древне - русскаго языка въ XII вѣкѣ не было. Напротивъ, въ это время много было діалектовъ, близко стоявшихъ другъ къ другу какъ въ области языка великорусскаго, такъ и малорусскаго. Одинъ изъ такихъ малорусскихъ діалектовъ и былъ языкомъ «пѣсни», но какой именно, сказать это тѣмъ труднѣе, что мы не знаемъ, насколько діалектическія особенности пѣсни сглажены позднѣйшими переписчиками». Смыслъ нашего воззрѣнія таковъ. Языкъ Кіевской дружинной Руси, изъ среды

[1] Ibid. стр. 652—653.

коей вышло «Слово», отнюдь не былъ какимъ-нибудь народнымъ нарѣчіемъ, но онъ былъ уже языкомъ образованнаго класса, языкомъ такъ-сказать культированнымъ, литературнымъ. Древнія связи Кіева съ Новгородомъ, частые переходы князей съ ихъ дружинами съ сѣвера на югъ и съ юга на сѣверъ, самые взгляды дружинниковъ на сѣверную и южную Русь какъ единую *землю русскую,* а съ другой стороны взгляды ихъ на народъ Кіевскій, какъ на черныхъ людей, и на сѣверный—какъ мужиковъ «Залѣшанъ», даютъ основаніе думать, что и самый языкъ ихъ не былъ нарѣчіемъ того или другаго народа, но возвышался надъ ихъ діялектическими особенностями и былъ языкомъ дружинно-боярскимъ, развившимся изъ историческихъ, политическихъ и культурныхъ взаимодѣйствій Кіева и Новгорода. Дошедшія до насъ малороссійскія рукописи [1] XVI вѣка также указываютъ на существованіе въ Кіевѣ въ болѣе раннюю пору такого литературнаго языка, который стоитъ уже въ ближайшемъ родствѣ не только съ позднѣйшимъ малороссійскимъ, но и великороссійскимъ нарѣчіемъ.

Заканчивая нашъ «критическій обзоръ литературы «Слова», мы считаемъ нужнымъ замѣтить, что въ его многочисленныхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ есть не мало весьма цѣнныхъ указаній, относящихся къ уразумѣнію отдѣльныхъ выраженій и такъ-называемыхъ темныхъ мѣстъ «Слова», а еще больше такихъ, которыя поражаютъ своими странностями и свидѣтельствуютъ лишь о томъ, какъ много личныхъ участій и изобрѣтательности мысли связано съ его литературой. Всѣ такія замѣчанія будутъ отмѣчены и, по возможности, разобраны нами въ дальнѣйшихъ главахъ нашего изслѣдованія. Здѣсь же мы слѣдили лишь за главными воззрѣніями и направленіями въ разработкѣ «Слова» и потому, быть-можетъ, нашъ приговоръ о нѣкоторыхъ изданіяхъ и изслѣдованіяхъ является поверхностнымъ и строгимъ, не отвѣчающимъ всей ихъ содержательности. Но дальнѣйшій обзоръ частностей, сказавшихся въ литературѣ «Слова», надѣемся, не будетъ стоять въ противорѣчіи съ нашими общими замѣчаніями.

[1] Таковы напр. малороссійскіе изводы житій святыхъ, находящіеся въ рукописномъ собраніи Н. С. Тихонравова.

III.

СЛОВО, КАКЪ ВЫРАЖЕНІЕ ШКОЛЫ КІЕВСКОЙ ДРУЖИННОЙ РУСИ.

Необходимость обстоятельнаго изученія древнерусскихъ переводныхъ памятниковъ для исторіи русской литературы. Значеніе въ этомъ отношеніи перевода Флавія о раззореніи Іерусалима. Неизвѣстность этого перевода у болгаръ и сербовъ въ XVI вѣкѣ. Русское происхожденіе этого перевода въ дружинную эпоху Кіевской Руси. Переводъ этой повѣсти—какъ выраженіе дружинной литературно-повѣствовательной школы: его особенности и связь съ Кіевскою Лѣтописью. Отношеніе Слова о полку Игоревѣ къ переводу этой повѣсти. «Слово», какъ выраженіе той же школы.

Выше мы сказали, что въ Словѣ о полку Игоревѣ видимо проходятъ двѣ струи—книжная и народная и потому при его изученіи прежде всего необходимо было бы отдѣлить одну струю отъ другой и указать степень взаимнаго воздѣйствія ихъ на складъ и языкъ этого творческаго произведенія. Нельзя не сознаться, что сдѣлать это, при существующей разработкѣ древне-русской письменности и нашей народной словесности, довольно затруднительно. Легко можетъ быть, что нѣкоторые *народно-поэтическіе* мотивы имѣютъ свое начало въ классической литературѣ и на оборотъ то, что считается *книжнымъ* въ дѣйствительности относится къ народно-поэтическимъ мотивамъ. Самымъ лучшимъ показателемъ въ данномъ случаѣ могло бы служить изученіе древне-русскихъ переводовъ въ сравненіи съ греческими ихъ оригиналами. Къ сожалѣнію въ этомъ направленіи

сдѣлано у насъ такъ мало, что въ исторіи Древне-Русской литературы господствуетъ еще фактъ, будто наши переводные памятники непремѣнно или Болгарскаго или Сербскаго происхожденія.

Еще Ярославъ, гласитъ Кіевская лѣтопись, «собра писцы многы *и прекладаше отъ Грекъ на Словенское письмо*». Изъ другихъ лѣтописныхъ указаній видно, что Византійскія произведенія также были переводимы и въ Великомъ Новгородѣ и въ Великомъ Ростовѣ, но ни одинъ изъ такихъ переводовъ до сихъ поръ у насъ не былъ подвергнутъ тщательному изслѣдованію—и многое изъ того, что сдѣлано въ Россіи и не сомнѣнно принадлежитъ Русскимъ, мы продолжаемъ еще относить къ Болгарамъ или Сербамъ. Между тѣмъ изученіе нѣкоторыхъ древне-русскихъ переводовъ приводитъ не только къ тому убѣжденію, что они сдѣланы въ нашемъ отечествѣ, но и къ наблюденію, что отъ насъ именно переходили они въ Болгарію и Сербію и за тѣмъ снова возвращались къ намъ съ замѣтными слѣдами исправленія и признаками юго-славянскаго письма.

Не касаясь другихъ древне-русскихъ памятниковъ, мы остановимся здѣсь лишь на переводной повѣсти Флавія о раззореніи Іерусалима, которая получаетъ первостепенную важность при изученіи «Слова». Переводъ этой повѣсти показываетъ, на какой высотѣ находилась образованность Кіевской дружинной Руси и въ какомъ отношеніи стоитъ «Слово» къ этой образованности. Такъ какъ этотъ памятникъ до сихъ поръ оставался въ нашей литературѣ не изслѣдованнымъ, то мы вынуждены остановиться на ближайшемъ его разсмотрѣніи, имѣющемъ для насъ существенное значеніе.

Списокъ этой повѣсти въ Славянскихъ земляхъ не извѣстенъ былъ до конца XVI вѣка. Вотъ любопытное и важное свидѣтельство о томъ, уцѣлѣвшее до насъ въ спискѣ этой повѣсти Хиландарскаго монастыря, изданное изслѣдователемъ Востока Преосвященнымъ Порфиріемъ.

Въ лѣто ҂ζѵг (7093—1585) прѣписахъ сію книгꙋ Іѡсѵпа прѣмудраго иже отъ евреи оудрьжавшаго прѣискрьнно любомудріе Маттаѳіи. ѿ русскаго извода, понеже не обрѣташесе сіа книга Іѡ-

сүпъ нашимъ сръбскымъ езыкомь ни въ стѣи горѣ въ сръбскыхъ монастырѣхь, ни въ срьбсцѣй земли, понеже много искахъ и испитова. нѣвѣмь, аще гдѣ є въ бльгарскы земляхъ, нь не оузна, понеже и тамо пита, нь принесена бы ѿ рускыѥ земли. Велми тежко бы нашемꙋ срьбскомꙋ єзыкꙋ на үтеніе. ꙗко мнозѣмь не знати, что чтꙋтъ, рускихъ рѣчей не разꙋмѣюще. Азь же монастирскымь посланіемь и вторицеи бы въ рꙋскы землѧ оу бльгочестиваго црѧ и великаго кнѧзя Ивана Василіевича, въ иноцѣ Іѡна мона, и мнѡгых црквы щедроть и млты въспріехомь. Емоу же боуди вѣчнаа память. И тамо привико немного русскаго єзыка. єлико ми разумѣти многиѥ русскыѥ рѣчи въ сіе книзѣ, и прѣписа срьбскыми рѣүмы, нъ писати слово не оумѣхъ ни слово оучн, ни самь оученъ бы, нъ ꙗко единъ ѿ прости и невѣжа, Простите Господа ради. И много пакы иска другій изводъ послѣдовати, нь неѡбрѣтесе. Сіе писа въ пиргу святаго Сави въ карез, тогда ми оубогому прѣбывающу въ томъ мѣсте. Оүбогіи Григоріе въ скүмѣ прѣименованы Василіе свщенно-инѡк. ѿ, ѡ, ѿ, оувы мнѣ грѣшнику» [1].

Несравненно больше данныхъ имѣемъ мы какъ о судьбѣ списковъ этой повѣсти, такъ и о происхожденіи самого перевода въ нашихъ Русскихъ источникахъ. Извѣстно, что переводъ этотъ читается въ Великихъ Четь-Минеяхъ Макарьевскихъ [2] гдѣ приведена лѣтопись предшествовавшихъ списковъ. Одинъ изъ нихъ сдѣланъ былъ въ Новгородѣ въ 1468 году для Тимоѳея Родіонова, сына попова, который росписалъ главы книги сея своею многогрѣшною рукою въ 1503 и 1606 годахъ. Но что всего любопытнѣе, этотъ Родіоновскій списокъ снятъ былъ съ рукописи, писанной къ Константинополѣ въ 1399 году какимъ-то старцемъ Іоанномъ. Судя по тому, что этотъ старецъ подписался въ Сѣверно-русской формѣ *старчищемъ*, можно догадываться, что это также былъ писецъ Русскій [3]. Въ Константинополѣ,

[1] Востокъ Христіанскій. ч. II отд. 1, стр. 131.

[2] Мѣсяцъ Декабрь на л.л. 797—917.

[3] Вотъ это послѣднее «О Христѣ Ісусѣ Бозѣ нашемъ, начало коснувшееся любве закономъ принуженъ о тебѣ, тихолюбивый рачиеель, малаго сего

какъ извѣстно, съ древнѣйшихъ временъ находилась Русская колонія, которая имѣла храмъ во имя Бориса и Глѣба и отправляла праздники въ честь этихъ Святыхъ, а потому не удивительно, если здѣсь уже въ XIV вѣкѣ были русскіе старцы, занимавшіеся списываніемъ Русскихъ книгъ. Дошедшіе до насъ ранніе списки этой повѣсти не восходятъ далѣе XV вѣка [1].

тобою требованіа тако и края достигомъ поллушанію сему въ лѣто 6807 нояврія въ 20, въ царствующемъ Коньстантинополи, въ державное лѣто царя Манупла Палелога, священьствующему вселенскому патріарху киръ Матфею; ты жъ любарачитель сихъ, боголюбче, пріими отъ насъ, пріими весело твоего желанія требованіа, егоже Богъ еарова споможеніе нашей глубости, насъ же мзды не отщетевай, любопамятствуй и о насъ молитвою, тоя бо точью требуемъ, яко и запоручени есмы: молите, рече, другъ за друга; и яже потомъ да не негодовательно ти буди, боголюбче, не удобреніе алфавитъ сухъ малыхъ наю грубостію начертаныхъ, таковыми бо довольствуемъ; ты жъ, духовнымъ рачитель, послушатель буди священаго гласа... Господь съ тобою и духомъ твоимъ, аминь. О Христѣ Іωану стар щь».

«Написанны быша сіа книгы, глаголемыя Іосифъ Маттафіевъ и въ нимъ плѣнны Іерусалимли Науходносоръво и Антіохово повелѣніемъ Тимофѣя Родіонова сына, сердечнаго ради житіа, желаа его и любве еже о сихъ книгахъ и главахъ въ седмихъ словѣхъ росписанаа многогрѣшнего рукою ср. дд. кк. мл. тс. гк. ω. ζм. нк. кв. дд. аа. мл. лк. мл. аа. а. рр. ы. ак. а. *(Тимофея Родивонова сына)*; а расписахъ главы книгы сеа лѣта 7011 да и плѣнны Іерусалимли Навходоносорово и Антіохово написано лѣта 7014 Сіа книга Іосифъ Маттафіи написана бысть въ преименитомъ и великомъ Новгородѣ въ лѣто 6976, при державѣ благовѣрнаго и благочестиваго христолюбиваго великаго князя Ивана Васильевича володимерскаго и московьскаго всея Руси самодръжца, и при сыну его Иванѣ Ивановичи, и при священномъ архіепископѣ Великаго Новагорода и Пьскова владыцѣ Іонѣ. Ты же, духовныхъ рачителя православный послушатель буди священнаго ти гласа и божественнаго писанія и прочитаніемъ книгы сея со вниманіемъ и съ разумомъ не внѣшнее есть клю чимо чтъствуй, но внутреннимъ дѣлательствуй прилѣжнѣ и достовѣрнѣ, и будеть Гооcподь съ тобою и съ духомъ втоимъ, аминь». Слѣдовательно списокъ, привезенный въ Россію, замѣчаетъ А. Ѳ. Бычковъ, написанъ въ Константинополѣ какимъ то чернцомъ Іоанномъ въ 6907 году, а съ него снятъ въ Новгородѣ списокъ въ 6976 году, потомъ въ 7011 и 7014 вторично для Тимоѳея, Родіонова, а съ сего уже списанъ для митрополита Макарія въ его Минею Четью.

[1] Мы пользуемся принадлежащимъ намъ спискомъ начала XVI вѣка.

Однако есть историческое указаніе, которое даетъ основаніе предполагать, что переводъ этой повѣсти извѣстенъ былъ у насъ въ Россіи еще въ XIII вѣкѣ. Такъ въ первичной редакціи житія Александра Невскаго, по изслѣдованію В. О. Ключевскаго, писаннаго современникомъ [1], авторъ сравниваетъ своего героя съ царемъ Римскимъ «Еуспесіаномъ» и при этомъ разсказываетъ случай, гдѣ послѣдній явилъ свое мужество; вообще литературная сторона этого житія стоитъ въ тѣсной внутренней связи съ повѣстію Флавія и съ характеристикой ея героевъ; отсюда слѣдуетъ, что переводъ этой повѣсти былъ въ обращеніи въ XIII вѣкѣ даже на Сѣверѣ Россіи.

Наконецъ есть основаніе утверждать, что древность этого перевода восходитъ къ болѣе ранней эпохѣ, именно къ началу XII или концу XI вѣка. Въ такъ называемой Несторовой лѣтописи мы встрѣчаемъ мѣсто, по видимому, прямо взятое изъ разсматриваемаго перевода.

Такъ читаемъ:

Въ Лѣтописи Нестора:

Се же бываютъ сица знаменья не на добро мы: бо по сему разумѣемъ, яко же при Антиосѣ, въ Иерусалимѣ случися внезапу по всему граду.. *являтися на вздусѣ на конихъ рищущимъ, въ оружіи, и полкы объявляемы и оружьемъ двизающимся*: се же проявляше на хоженіе Антіохово на Иерусалимъ» [2].

Въ переводѣ Флавія.

стрть въслѣдоваше подобно видѣнїю. прѣ бо слнчнаго захоженїа. ꙗвишася по аероу и по нбоу по всей июдейстей земли. колесници и полци съ ѡрѹжїе скачюще сквозѣ ѡблакъ и ѡбистѹпающе грады. (л. 224).

Πρὸ γὰρ ἡλίου δύσεως ὤφθη, μετέωρα περὶ πᾶσαν τὴν χώραν ἅρματα καὶ φάλλαγγες ἔνοπλοι διάττουσαι τῶν νεφῶν καὶ κυκλούμεναι τὰς πόλεις. (Lib. VI. c. V 3).

[1] См. Русск. Святыхъ, какъ историческій источникъ стр. 65—71.

[2] Лавр. Лѣт. стр. 160 Изд. Археогр. Ком. 1872 г. Всѣ дальнѣйшіе цитаты изъ сей Лѣтописи приводятся по сему изданію.

Крестовые походы Западной Европы не могли пройти безслѣдно для рыцарской Руси, и нужно полагать, что переводъ этой повѣсти представлялъ у насъ особенный интересъ именно съ средніе вѣка, когда этотъ священный городъ возбуждалъ къ себѣ вниманіе всего тогдашняго міра.

Внутреннія особенности этого перевода не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

Что переводъ этотъ былъ сдѣланъ съ Греческаго оригинала, это видно изъ того, что здѣсь удержаны нѣкоторыя греческія выраженія безъ перевода—**въ цр҃квѣ аполоновѣ, иже баше въ полатѣ** (κατὰ τὸ παλάτιον).

Газофилакія (γαζοφηλάκια) (л. 222).

Скинопегія Σκηνοποεῖσθαι) (л. 224).

Фріамькьскыа ризы (τὰς φριαμβικὰς ἐσθῆτας—т. е. торжественныя одѣянія) л. 253.

Їюденскыа катапезмѣ (καπετάσματα) завѣсы. л. 256 об.

И поставиша симиѣ (л. 235 об.). Τὰς τε σημάιας ἔστησαν. (Lib. VI, c. VIII. 5)—поставили знамена.

Иныя же—на оборотъ переведены на русскую рѣчь, когда слѣдовало бы оставить ихъ безъ перевода; такъ собственное имя Παννυχὶς—переведено словомъ **всоуноунаа**—всеночная (л. 7 об.) οἱ Ταύροι—переведено: **быковъ родъ** (л. 70).

Мы не будемъ входить здѣсь въ изслѣдованіе Греческаго текста, который служилъ оригиналомъ для Русскаго перевода, такъ какъ это отвлекло бы насъ отъ ближайшей нашей задачи, и обратимся прямо къ разсмотрѣнію самаго перевода.

Что это переводъ древнѣйшій, видно изъ того, что здѣсь встрѣчаемъ нѣкоторыя слова съ такимъ значеніемъ, которое они потеряли въ позднѣйшее время, какъ напр.

каза (ἐκέλευσε—jussit л. 183)—повелѣлъ.

дѣеть (οἴεται—existimet. л. 128)—думаетъ.

бг҃ъ бо реть за ны (τὸν Θεὸν ὑπὲρ αὐτῶν στρατηγεῖν л. 124.) Lib. IV, c. IV, 6)—Богъ побораетъ за нихъ. и т. п.

Что переводъ этотъ сдѣланъ былъ именно въ дружинную эпоху, на это указываютъ отразившіяся въ переводѣ:

1. Дружинныя понятія.

а., Понятіе *Дружины*, какъ служебнаго союза, наложено на такія Греческія слова которыя того не выражаютъ. Такъ, греческое οἵ φίλοι (amici)—пріятели переведено словомъ **дрѹжина** (л. 7 об.) οἱ πιστάτοι φίλοι—**вѣрнѣишаꙗ дрѹжина** л. 242 об. οἱ ᾿εταῖροι (socii)—товарищи передается тѣмъ же словомъ **дрѹжина.** (л. 270).

б., Понятіе *чести*, служившее главнымъ нравственнымъ мотивомъ въ жизни Дружинной Руси замѣтно сквозитъ въ разсматриваемомъ переводѣ.

Такъ, оно является тамъ, гдѣ въ подлинникѣ означается радость (εὐφημία).

и срѣтоша сѣпфоріꙗне съ честїю и с похвалами (л. 78).	Σέπφωρις μετ᾿ εὐφημίας δέχεται. Сепфоръ принимаетъ его съ радостію. Lib. II. c.

Понятіе *чести* вставляется и тамъ, гдѣ Греческимъ подлинникомъ того не выражается:

Боюсѧ же, ꙗко ты хощеть ѡгнѹсити честь мою. (л. 26 об.).	Δέδοικα δὲ μὴ κἀμδυ μισήσῃς τὴν τύχην. Я опасался, чтобы ты не возненавидѣлъ за судьбу мою (ne mea tibi invisa sit fortuna.). Lib. I. cap. XXXII, 2.

Иногда понятіемъ *чести и славы* выражается лишь мысль подлинника о богатомъ угощеніи.

агрипа же възва оуеспасиана въ свою власть. на чть и на славоу. л. 97 об.	᾿Ενῆγε βασιλεὺς αὐτὸς, ἅμα καὶ δεξιώσασθαι τὸν ἡγεμόνα σὺν τῇ στρατιᾷ τῷ κατὰ τὸν οἶκον ὄλβῳ προαιρούμενος καὶ καταστεῖλαι δὶ αὐτῶν τὰ νοσοῦντα τῆς αρχῆς. Самъ Царь пригласилъ (Веспасіана) желая чрезъ то и почтить предводителя съ воинствомъ богатымъ пріемомъ въ своей области и вмѣстѣ уладить чрезъ нихъ внутреннія нестроенія (discordia regni sui Lib. III, c. IX, 7).

Римское пожалованіе (δόσις—donatio) также въ переводѣ объясняется понятіемъ *чести.*

И повелѣ (Клавдій) **властелемъ скоимъ да испишоуть въ книгахъ мѣданыхъ честь к҃сю и въложать на капетолїю, да явлена боудѣ и послѣднимъ родомъ какоу честь прїа агрипа ѡ клавдїа.** (л. 56).

Τοῖς ἄρχουσι δὲ προσέταξεν, ἐγχαράξαντας δέλτοις χαλκαῖς τὴν δόσιν εἰς τὸ Καπετώλιον ἀναθεῖναι. Онъ приказалъ сенаторамъ чтобы они повелѣніе о пожалованіи, вырѣзавъ на мѣдныхъ доскахъ, выставили въ Капитоліи. Lib. II. c. XI, 5.

Вставляется это понятіе, какъ комментарій, и въ другихъ подобныхъ случаяхъ.

Тогда бо иродъ здѣла зла ѡрелъ надъ великими двери црковными въ честь кесаревѣ и нарѣцашеть и ѡрломъ златокрылатымъ (л. 30 об.).

Κατεσκευάκει δε ὁ βασιλεὺς ὑπὲρ τὴν μεγάλην πύλην ἀετὸν χρυσοῦν. Надъ Великими вратами Царь устроилъ золотаго орла. Lib. 1. c. XXXIII, 2.

Наконецъ словомъ *честь* переводится Греческое γέρας, означающее вообще какую бы-то ни было награду:

И сѣ заповѣда рабомъ свободоу. а свободнымъ честь (л. 138).

....γέρας δὲ ἐλευθέροις. Свободнымъ обѣщая награду. (Lib. IV, c. IX, 3).

Достойно вниманія, что Греческое τιμή—честь, употребленное въ подлинникѣ въ смыслѣ не отвѣчавшемъ *понятію чести* Дружинной Руси—переведено напротивъ словомъ, «**главмъ**».

и оумоучени быша на главмъ кесаревъ л. 244.

πολὺ καὶ τῆς τῶν Ἰουδαίων κολάσεως εἰς τὴν ἐκείνου τιμὴν ἀνατιθείς. Множество Іудеевъ подвергнувъ наказанію въ честь его. Lib. VII. c. III. § 1.

б) *Понятіе мужества.* Храбрость—это была первая доблесть, коею покупалась Дружинная честь и слава. И мы видимъ, что всюду, гдѣ заходитъ о томъ рѣчь, въ переводѣ выражено глубочайшее къ тому сочувствіе и иногда съ такою силою, въ которой ярко сказывается настроеніе дружинника.

Такъ, людей предпочитающихъ умереть естественною смертію, онъ называетъ *безславными, тѣлолюбцами,* тогда какъ въ подлинникѣ они именуются только людьми неблагородными и неискусными въ разумѣ.

Иже безмужествіемъ оумираютъ тѣлолюбци соуще, не хотяше моужескыя смрти. но язвою скончающе, то ти безславни соуще. (л. 30 об.).

Τοὺς δὲ ἀγεννεῖς καὶ τῆς αὐτῶν σοφίας ἀπείρους, ἀγνοοῦντας φιλοψυχεῖν, καὶ πρὸ τοῦ δι' ἀρετῆς τὸν ἐκ νόσυ θάνατον αἱρεῖσθαι. Не благородные и не искусные въ мудрости своей, не умѣющіе любить души своей, предпочитаютъ смерть отъ болѣзни предъ смертію отъ храбрости.
(Lib. I. c. XXXIII, 2).

Съ какимъ живымъ сочувствіемъ въ переводѣ связано понятіе храбрости можно видѣть изъ слѣдующаго: переводчикъ «поетъ и хвалитъ тѣхъ, кои умираютъ на брани, и проклинаетъ тѣхъ, кои предпочитаютъ умереть отъ болѣзни, тогда какъ въ подлинникѣ авторъ говоритъ, что онъ напротивъ опускаетъ похвалы храбрымъ людямъ и не выражаетъ прямо проклятія тѣмъ, кои инако мыслятъ.

Азъ же вельми пою и хвалю кончающихся при брани и иже инако мыслятъ, то проклинаю имъ, да быша ѿ болѣсти изъмерли, ихъ же и дши съ тѣломъ погребены бываютъ. Кто бо не вѣсть ѡ блгыхъ моужъ· яко

Καὶ ἔγωγε τὸ μὲν ὑμνεῖν ἄρτι τὴν ἐν πολέμῳ τελευτὴν καὶ τὴν ἐπὶ τοῖς ἀρειμανίοις πεσοῦσιν ἀθανασίαν παραλείπω, ἐπαρασαίμην δ' ἂν τοῖς ἄλλως ἔχουσι τὸν κατ' εἰρήνην ἐκ νόσου θάνατον, οἷς μετὰ τοῦ σώματος καὶ ἡ ψυχὴ τάφῳ κατα-

иже сѧ сѣкоуть к҃ полкꙋ, то дш҃и ихъ желѣзомъ ѡ тѣла разрꙋшатсѧ и приходѧть къ чистой стихїи къ єферѣ и сеи прїимъ посажаеть въ звѣздахъ и потомъ соуть демони блазїи и полобози млтивы ꙗвлѧющесѧ своимъ сродникомъ съ кротостїю. (л. 198).

χρίνεται. Τίς γὰρ οὐκ οἶδε τῶν ἀγαθῶν ἀνδρῶν ὅτι τὰς μὲν ἐν παρατάξει ψυχὰς σιδήρῳ τῶν σαρκῶν ἀπολυθείσας τὸ καθαρώτατον στοιχεῖον αἰθὴρ ξενοδοχῶν ἄστροις ἐγκαθιδρύει, δαίμονες δ᾽ ἀγαθοὶ καὶ ἥρωες εὐμενεῖς ἰδίοις ἐκγόνοις ἐμφανίζονται.

Я не стану теперь восхвалять кончины на брани и безсмертія павшихъ между исполненными ратнаго духа, но желалъ бы имѣющимъ иной духъ, смерти отъ болѣзни во время мира, коихъ и душа вмѣстѣ съ тѣломъ осуждается во гробѣ. Ибо кто изъ благихъ мужей не знаетъ, что чистѣйшая стихія эфиръ, пріемля души, освободившіеся желѣзомъ во время сраженія отъ тѣлъ, помѣщаетъ въ звѣздахъ и они являются за тѣмъ благими демонами и милостивыми героями своимъ сродникамъ.

Въ другомъ мѣстѣ, слѣдуя подлиннику онъ говоритъ:

л. 199 **А иже живъ неоубїенъ бꙋде҃, да послѣствоуетъ емоу блгость.**

ὁ μὲν ζῶν ἄρξει τῶν νῦν ὁμοίων, μακαριστὰ δ᾽ ἀκολουθήσει. Кто лишится жизни изъ таковыхъ, тому послѣдуютъ блаженнѣйшія награды (Lib. VI. c. I. 4.).

И за тѣмъ прибавляетъ отъ себя: **и похвала, и родившимсѧ ѿ него вѣчнаа честь.**

Всѣ рѣчи, взывающія къ мужеству, въ переводѣ отличаются необыкновенною живостію, силою и выразительностію и обна-

руживаютъ въ переводчикѣ личное участіе въ храбрости и живое сочувствіе къ воинскимъ подвигамъ.

Есть наконецъ рѣчи, призывающія къ геройству, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ подлинникѣ. «Грядите моужи ноуденстін. нн҃ѣ время моужествовати... да не постыдиться родъ нашь. да не посрамимъ законодавца нашего... аще же и оубіють ны, то д҃ша наша темноую храмину ѡставивши къ прадѣдомъ идеть. (л. 31).

2. Дружинная технологія.

Въ разсматриваемомъ переводѣ мы встрѣчаемъ техническія выраженія, относящіяся къ воинскимъ строеніямъ и укрѣпленіямъ, къ дружиннымъ доспѣхамъ и вооруженію, къ дружинному быту и укладу тѣ же самыя, какія читаются и въ древнѣйшихъ нашихъ Лѣтописяхъ. При этомъ нѣкоторыя изъ нихъ не вполнѣ отвѣчаютъ значенію тѣхъ Греческихъ словъ, на которыя они наложены. Таковы напр.

а. *Термины, относящіеся къ сооруженіямъ:*

Ѡстрогъ (л. 137)............	εἰς τὸ κατοτέρω φρούριον—in inferius castellum, нижняя часть замка. (Lib. IV, c. IX, 3). Ср. Ип. Л. стр. 32).
Дѣтинецъ (ibid).............	τὸ ὑψηλότερον... superiora, верхняя часть укрѣпленія. (ibid. Ср. Ип. 321, 290).
Приспы (л. 110).............	τὰ χώματα—aggeres—насыпи, валы, шанцы. (Lib. IV, c. I, 7. Ср. Лавр. Лѣт. стр. 107, 113).
Забрала (лл. 87, 154, 155)....	Терминъ, отвѣчающій разнообразнымъ Греческимъ выраженіямъ: Τῶν περιβόλων—muros, на оградѣ (Lib. III, c. VII, 19). τῶν ἐπάλξεων—ex propugnaculis, съ зубцовыхъ укрѣпленіи (Lib. V, c. III, 1.)

ἀπὸ τοῦ τείχους—in moenibus, на стѣнахъ (Lib. V, c. III, 3.) Ср. Лѣт. стр. 262.

Стлъпи (л. 158).............. στῆλαι—(Lib. V, c. V, 2) κίονες—columnae (ib. c. V, 3) колонны. Ср. Лавр. Лѣт. 4, 89.

Комары (лл. 65, 73, 158, 159)... ἐπὶ τῶν τεγῶν—super tectis, на крышахъ (Lib. II, c. XV, 5).

αἱ στοαὶ — porticus, переходы крытые (Lib. V, c. V, 3).

τὰς συνεχεῖς στοάς — porticus contiguas, галлереи смѣжныя (Lib. II, c. XV, 1).

διπλαῖ στοαὶ—porticus duplices двойные переходы (Lib. V, c. V, 2).

Всѣ эти выраженія переведены комарами: **частыя комары, сугубы комары**. Ср. Ип. Лѣт. стр. 122.

Чела (л. 160)................ τὰ μέτωπα—frons, передняя лицевая сторона (Lib. V, c. V, 4). Ср. Лѣт. Лавр. 144 [1].

Шатры (л. 80)............... σκηναὶ—tentoria, палатки (Lib. III, c. V, 2. Ср. Лавр. Л. стр. 163, 267, 313 и др.).

б. *Термины, относящіеся къ дружинному убранству и вооруженію.*

Бронѣ (л. 81 об.)............ θώρακες—loricae, латы (Lib. III, c. V, 5). Ср. Лавр. 65, 314).

Шеломы (л. 81 об.).......... κράναι—galeae, шлемы Lib. III, c. V, 5. (Ср. Ип. Лѣт. 316, 317),

Хорюгви (л. 150)............ αἱ σημαῖαι — signa, знамена. (Lib. V, c. II, 1.).

[1] Здѣсь *чело* употреблено въ смыслѣ передоваго отряда, фронта.

Щиты (л. 81 об.)............ ἀσπίδες—clypei (Lib. III, c. V, 5). θυρεοὶ — scuta, **долги щиты** (Ibid.). Ср. Лавр. 31, 47, 52 и др.

Мечи (л. 81 об.)............ ξίφος—gladius—(Ibid).Ср. Лавр. 33, 47 и др.

Сабля (л. 81 об.)............ μάχαιρα—gtadius oblongus. Ср. Лавр. 16, 65. 199 идр.

Копія (л. 81 об.)............ κοντός—contus, пика.

ξυστόν—hasta, ратовище копья, копье, (Ibd). Ср. Лавр. 55, 56, 131 и др.

Пороки (л. 87 об.) **пракы** (л. 90). ἀφετήρια ὄργανα— missiles machinae, метательныя орудія. (Lib. III, c. VII, 30). Ср. Лавр. 435, 490 и др.

Луки (л. 85 об. 225)......... πετροβόλοι—balistae, камнеметы (Lib. VI, c.

καταπέλται — catapultae, метательныя машины. (Lib. III, c. VII,

Тоулы (л. 82)............... γωρυτός — pharetra, футляръ для храненія лука(Lib. III, c. V, 5). 9. Ср. Лавр. 220, 233).

Соулици. (л. 81 об.).......... λόγχαι—lanceae. См. въ Волын. Лѣтописи.

ἄκοντες—jacula (Lib. III, c. V, 5) дротики.

Стрѣлы (л. 177, 199).......... τὰ βέλη (Lib. VI, c. I, 6).

ἔνιοι (Lib. V, c. IX, 4). Ср. Лавр. 47, 65 107 и др.

Трубы. (л. 80 об.)............ σάλπιγγες — tubae (Lib. III. c.. V, 3. Ср. Лавр. 65, 166,471, 473).

г. *Техническія выраженія относящіяся къ дружинному быту и укладу.*

Отніи столъ (л. 38).......... πατρῴα διαδοχὴ Отцевское наслѣдство. (Lib. II, c. II, 5).

πατρῴα βασιλέια Отцевское царство. (Lib. II, c. XI, 5).

Слы (л. 228).	πρεσβεῖαι—legationes, посольства. (Lib. VI, c. X, 6). πρεσβεῖς—legati, послы. (Lib. IV, c. XI, 5).
Доума.. доумцѣ[1] (л. 218).......	τὸ συνέδριον — consilium, совѣтъ (Lib. VI, c. IV, 3). βουλή— (Lib. II, c. XV, 6).
Коніници и пѣшьцѣ (л. 83 об.).	ἵππευες καὶ οἱ πεζοὶ—equites et pedites, конница и пѣхота. (Lib. III, c. VI, 2). Ср. Ип. Лѣт. стр. 47.
Рота (144 об.)...............	ὅρκος — jusjurandum, клятва присяга на вѣрность. (Lib. VI, c. VII, 2. Ср. Лавр. 269).
Сила (л. 200 об.).............	δύναμις—exercitus, войско (Lib. VI, c. I, 7). Ср. Ип. Л. 16, 51, 86—87.
Рать (л. 66).................	πόλεμος — bellum. (Lib. III, c. VII, 13).
Сѣча (л. 232.................	πόλεμος—bellum. (Lib. VI, c. VII, 3).
Плъкъ—въ значеніи битвы. л. 198.	(Lib. VI, c. I, 5).
Снятье (снемъ) въ значеніи боя (л. 201).	συμβολή—conflictus, бой. (Lib. VI, c. I. 7).
Товары (л. 83 об.)..........	ἀποσκεβαι—impedimenta, воинскій обозъ, багажъ. (Lib. III, c. VI, Ип. Лѣт. 26, 28, 43).
Паволоки (л. 222)...........	ἐσθῆτες — vestes, одѣянія (Lib. VI, c. V, 2).
Полоняники (л. 242)..........	αἰχμάλωτοι—captivi, плѣнники (Lib. VII, c. I, 3).

[1] Даже Греческое γνώμη—переведено «*Дума*» въ значеніи совѣта: γνώμη ἀεὶ παντὸς ἔργου προάγει—(Lib. III. c. VI. 6) (без доумы не исплъняются л. 81 об.).

3. Техника Дружинной рѣчи.

3. Переводъ весьма мало отвѣчаетъ буквѣ и синтаксису Греческаго текста, чѣмъ отличаются древне-болгарскія переводы и въ своемъ повѣствованіи воплощаетъ строго—лѣтописный стиль. Чтобы нагляднѣе это видѣть, приведемъ здѣсь нѣсколько переводныхъ выраженій и оборотовъ въ сравненіи ихъ съ Кіевскою Лѣтописью.

Въ Лѣтописи:	*Въ переводѣ Флавія:*
И сѣдѣ на столѣ (Ип. 21).	**И на златѣмъ столѣ сѣдѣ** (ἐπὶ θρόνου) л. 37.
И сѣде на столѣ отца своего (Ип. л. 107, 83).	**И нарече достоина ѡтеческаго стола** (л. 38) ἄξιος τῆς πατρῴας διαδοχῆς (Lib. II, c. II, 7) достоинъ отеческаго наслѣдства.
Изяславъ съзва бояры своѣ и всю дружину свою и нача думати съ ними (Ип. л. 43).	**Ананъ бо доумалъ с҆ людми своими** (л. 120 об.) οἱ περὶ τὸν Ανανον ἐβούλευσαντο—сущіе съ Ананомъ совѣтовали. (Lib. IV, c. III, 14).
Глѣбъ «думашеть съ дружиною о томъ, къторомъ пойдемъ переди. (Ип. л. 103).	**Елиазоръ симоновъ сн҃ъ и захарія ѳалековъ съ людми доумаста, что достоитъ сътворити.** (л. 121). ἠπόρουν τὸ τί χρὴ πράττειν —недоумѣвали, что имъ дѣлать. (Lib. IV, c. IV, 1).
Роскоротався Ростиславъ съ отцемъ своимъ. (Ibid. 39).	**Титъ розоумѣвъ роскоротаніе и рече къ своимъ.** (л. 104 об.) Κατακούσας δε ταραχῆς Τίτος—услышавъ шумъ (Lib. III, c. X, 4).
Въ то же лѣто роскоротастяся Всеволодъ съ Володиміркомъ. (Ibid. 20)	**Блюдася, ати не роскоратаютъся гражане.** Ἐκπολεμώσειν ὑφεωρᾶτο τοὺς ἐπιχωρίους—опасался, чтобы

	не сдѣлали бунта мѣстные жители. (Lib. III, c. X, 10).
Твои сли водили суть царѣ наши ротѣ и насъ послаша ротѣ водити. (Ibid. 52).	**И полъкы и нарѡ́ ѕаведе роти, да бьютса по еоуспасїанѣ** (л. 144 об.). τά τε τάγματα καὶ τὸ πλῆθος ἐις αὑτὸν ὥρκωσεν—и полки и массу обязалъ клятвою. (Lib. IV, c. X, 6).
«Како се могу створити, ротѣ съ ними ходивъ? (Ibid. 219).	**Тѣмже не могѹще датиса роты дѣла** (л. 231 об.). οὔτε παραδοῦναι διὰ τὸν ὅρκον ἑαυτοὺς ὑπέμενον—по причинѣ клятвы сдаться удерживались. (Lib. VI, c. VII, 2).
Тосняшется на великая дѣла (Ип. 150).	**Тъснаса ѿити къ кесарю** (л. 35 об.). ὑπὸ τῆς περὶ τὴν ἔξοδον ἐπείξεως—съ поспѣшностію въ дорогѣ. (Lib. II, c. I, 3).
Тосняшется на войну (Ibid. 189).	**Веля емѹ, да бы са потъснѹлъ борѕо** (л. 23 об.). σπεύδειν παρακαλῶν — приказывая поспѣшить. (Lib. I, c. XXXI, 3).
Андрей же (князь) «взострися на рать» (Ип. 109).	**Ἰωанже и ѡкртнїи вѕостришаса на римляны** (л. 205). παρωξύντο ἐπὶ τοὺς Ρομαίους—раздражились противъ Римлянъ. (Lib. VI, c. II, 2).
Тако и сихъ подостри Романа и Игоря (Лавр. 380).	**Кѣсарь же, ѡбьеѕда плъкы, подъѡстраше а.** Περιιὼν δὲ ὁ Καίσαρ τὰ τάγματα καὶ κατεπείγων, обходя легіоны и понуждая (Lib. V, c. XII, 4).
Устремилъ бо ся на поганыя, яко и левъ (Лавр. 155).	**Плакидъ хотя славоу вѕяти.. оустремиса на иѡтапатъ**(л. 82). ὥρμησεν ἐπὶ τὴν Ἰωτἀπάτα—ринулся Lib. III, c. VI, 1).
Половци видѣвше устремленіе Русское (Лавр. 268).	**оужасъ оудержа оустремленїе ноуденско.** (л. 218). Κατ᾽ ἐκείνην

	μὲν δὴ ἡμέραν 'Ιουδαίων.. κατάπληξις ἐκράτησε τὰς ὁρμὰς—ужасъ Іудеевъ сдержалъ ихъ стремительныя натиски. (Lib. VI, c. IV. 4).
Изяславъ же лежаше раненъ и тако всхописся и взя шеломъ и. (Ип. 67).	**Въсхопішеса на сикаріи и тако рыщахоу изымаша ихъ** (л. 267 об.). μετὰ πολλῆς ὁρμῆς ἐπὶ τοὺς σικαρίους ᾄξαντες συνήρπαζον αὐτούς—наскочивъ съ великимъ стремленіемъ на сикаріевъ—перехватали ихъ. (Lib. VII, c. X, 1).
Володиміръ много пота утеръ за землю русскую. (Ibid. 15).	**Римляне же толикъ потъ пріимше** (л. 235). Ρομαίοι δε τοσαῦτα καμόντες — принявъ столько трудовъ. (Lib. VI, c. VIII, 5).
Ярославъ утеръ пота съ дружиною своею, показавъ трудъ великъ. (Лавр. 122).	**Римляне съ великимъ потомъ и троудомъ ставляхꙋ дѣла** (л. 208 об.). μετὰ πολλοῦ καμάτου καὶ ταλαιπορίας—съ великими трудами и неудобствами производили работу (Lib. VI, c. II, 7.
Владимеръ повелѣ приспу сыпати (Лавр. Сп. 16 стр. 117).	**Оуспиcіанъ же повели приспꙋ сътворити.** (л. 85 об.) [1].
Идѣже ссыпаша приспу (Ibid. стр. 113).	**Иωсипъ приспꙋ раскопа** (л. 87), καὶ τὰ μεν ἐπὶ τῶν χωμάτων δέρρεις διέσπα (Lib. III, c. VII, 17) —разрушилъ кожанныя кровли на насыпяхъ.
Повелѣша людемъ всѣмъ бѣжати изъ Острога въ Дѣтинець (Лавр. 1872 г. 321).	**И пꙋстиша и жити въ ωстрозѣ съ своими женами и ωтроки. сами же пребывахоу въ дѣтинци.**

[1] На греческомъ этого мѣста нѣтъ, но далѣе читается: ἐγειρομένου δε τοῦ χώματος, т. е. когда воздвигнута была насыпь. (Lib. III, c. VII, 10).

ἐις τὸ κατοτέρῳ γοῦν φρούριον ἐπέτρεψαν αὐτῷ περελθεῖν ἅμα ταῖς γυνεξὶν, ἃς ἄγων ἧκεν, αὐτοὶ τὸ ὑψηλότερον οικοῦντες. т. е. позволили ему перейти вмѣстѣ съ женами, которыхъ онъ привелъ, въ нижнюю часть замка, а сами обитали въ верхней. (Lib. IV, с. IX, 3).

И святославъ поима лучшѣи мужи (Ип. 22). И погнаша по нихъ дружина лучшая (Ип. 13).

И събравъ лучьшихъ идѣ на стражѣ и разгна.. и сѣчаше ѧ (л. 86 об.). Προεσθὼν μετὰ τῶν μαχιμωτάτων διεσκίδνα τε τοὺς φρουροὺς—выступивъ съ храбрѣйшими разогналъ стражей. (Lib. III. с. VII,17).

Володимеръ же, ста исполчився передъ городомъ на болоньи. Симъ же бяше полкомъ не лзѣ битися съ ними (ib. 20).

И симонъ исполчивы воѧ бися с нимі и многы оубі (л. 168). Ὑπαντιάζει δε Σίμων καὶ παραταξάμενος συχνοὺς μεν αὐτῶν ἀναιρεῖ. Симонъ ихъ встрѣтилъ и вступивъ въ боймногихъ побилъ. (Lib. IV, с. IX, 5).

Ростиславъ исполчи воѣ своѣ (Ип. стр. 183).

И пакы оуеспасіанъ исполчи воѧ.. и стрѣлцы заставі (л. 87). На Греч. это мѣсто не читается.

И пойде со всею силою Половецкою. (ib. стр. 86).

Исполчи скоро всю силу.

Κᾶισαρ.. ἐξοπλίζει τήν τε δύναμιν—Кесарь вооружилъ войско. (Lib. VI, с. VI, 1).

Явися звѣзда велика копейнымъ образомъ (Лавр. л. стр. 32). Въ Іерусалимѣ восия звѣзда, на образъ копійный, надъ градомъ. ibid. стр. 161).

Єгда ста звѣзда надъ градомъ подобна копію и пребы все лѣто еи же имѧ комиты, наречемаѧ властаѧ. (л. 223). Τοῦτο μεν ὅτε ὑπὲρ τὴν πόλην ἄστρον ἔστη ῥομφαία παραπλήσιον καὶ παρατείνας ἐπ᾽ ἐνιαυτὸν κομήτης—надъ городомъ бы-

	ла звѣзда, подобная копью и комета пребывала цѣлый годъ. (Lib. VI, c. V, 3).
И бысть тма, молонья и громъ и дождь. И бысть сѣча сильна. Яко просвѣтяще молонью, блещащеться оружіе. И бѣгроза велика и сѣча страшна и сильна. (Лавр. л. 64). Страхъ нападе на воя Вододаревы. (Ип. 94).	**Приключися въ нощь бура неизрѣченная и громи страшни и молніи части и земля трясашеся ревущe. Вся предградная мѣста блещахоуся оружіемъ позлащенными. Великъ оужасъ нападе на матежники.** (τῆς νυκτὸς ἀμήχανος ἐκρήγνυται χείμων... καὶ συνεχεῖς ἀστραπαῖ, βρονταί τε φρικώδεις καὶ μυκήματα σειομένης τῆς γῆς ἐξαίσια Lib. IV, c IV, 5). Можно заключить, говоритъ Флавій,—что сіе предвѣщало не малыя бѣдствія (καὶ οὐχὶ μικροῦ τις ἂν εἰκάσαι συμπτώματος τὰ τέρατα).
Се же знаменія не на добро бываютъ.	
Суть становища еѣ (Лавр. л. стр. 58).	**Оустроивше своя становища.** (л, 106). Ἐστρατεδεύκει—расположилъ свой станъ. (Lib. IV, c. I, 3).
Святославъ бѣше храборъ на рати (Ип. л. стр. 102).	**Антиѡ нарецаемыи епифаніи.. бы же храбръ.** (л. 148). Πολεμιστὴς δὲ ἦν—воинствененъ (Lib. V c. XI, 3).
Изяславъ же бѣ бо крѣпокъ и храборъ на рать. (Ип. стр. 28).	**Эвтіи сотникъ моужъ крѣпокъ и храбръ ся яви.** (л. 108). Γενναιότατος φανεὶς—являвшійся храбрѣйшимъ. (Lib. IV, c. I, 5).
И не мало мужство показа съ мужьми своими. (ib. стр. 110).	**И тогда моужество свое показа.** (л. 108). На греч. нѣтъ. (Lib. IV, c. I, 5).
И много зла сътворися въ волости. (Лавр. л. стр. 351).	**И множество зла сътвори їоудеомъ** (л. 108). Καὶ πλεῖστα κακὰ

	Ἰουδαίοις ἐργασάμενος. (Lib. IV, c. I, 5).
И бысть мятежъ великъ и стонава и кличъ рамня.. И тако бишася крѣпко (ib. 110).	**И бысть по всѣмъ градомъ мятежъ лю҃ и оусобица. Дыхахоу сами на ся рѹкы въскладахѹ, жажюще рати** (л. 114 об.). Ἐκινεῖτο δὲ ἐν ἑκάστῃ πόλει ταραχὴ καὶ πόλεμος ἐμφύλιος—въ каждомъ городѣ закипѣла междоусобная война (Lib. IV, c. III, 2).
Утрій же день, яко зорѣ почашася заимати..... полци начаша доспѣвати (ib. 63).	**А въ первыя ȥорѣ готовахоуся на брань** (л. 170). Ὑπὸ τὰς πρώτας αὐγὰς ἕτοιμοι πρὸς μάχην ἦσαν—предъ первой зарей готовы были къ сраженію (Lib. V, c. VII, 3).
И бысть сѣча зла межи ими (Ib. 44).	**И бысть межи ими сѣча** (л. 232 об.). ἦν δε πρὸς ἀλλήλους ἤδη πόλεμος αὐτοῖς—была у нихъ война между собою (Lib. VI, c. VII, 3).
И тако полци кликнуша, (Ип. 56).	**И они въсклинкноуша** (л. 73. Ἀνεβόων δε.. они вскричали (Lib. II, c. XVI.
На Дюрга полку имъ дати. (Ib. 47). Ожеся сънимы начнемъ бити (Лавр. стр. 341).	**Иже ся сѣкоутъ въ полкѹ** (л. 198). Ἐπὶ τοῖς ἀρειμανίοις πεσοῦσιν—кои падаютъ на бою среди храбрыхъ. (Lib. VI, c. I, 5).
И бишеся начавъше съ заутра и до вечера (Ип. 36).	**И бишася ѿ оутра до вечера.** (л. 138). Ἔνθα συμβαλὼν αὐτοῖς δι᾽ ὅλης πολεμήσας ἡμέρας—вступавъ въ сраженіе, онъ цѣлый день воевалъ.
И тако бишася крѣпко ту дни и до вечера (ib. 131).	**И сѣкшеся весь день, на нощь раȥыдошася** (л. 84 об.)

И пробѣже сквозѣ полкъ (ib. 20). Соймя шеломъ погна опять къ полкомъ, того дѣля, чтобы познали князя и возворотилися быша (ib. л. 131.

И погна сквозѣ полки своѧ да быша оуѕрѣли и ти видѣвши и и обрадовашесѧ (л. 88 об.). Καὶ πᾶσι τοῖς ἐπτοημένοις δι' αὐτὸν ὀφθῆναι σπουδάσας χαλεπώτερον Ἰουδαίοις ἐπήγειρε τὸν πόλεμον. Поспѣшивъ предстать зрѣнію опасавшихся за его жизнь — онъ возбудилъ ихъ къ наиболѣе жестокой войнѣ съ Іудеями (Lib. III. c. VII, 22).

И Володимиръ всѣдъ на конь погна, и народи идяху по мосту (33).

Погна первое оуеспасїанъ и по немъ въслѣдоваше титъ. (л. 253).

Οὐεσπασιανὸς ἤλαυνε πρῶτος, καὶ Τίτος εἵπετο. (Lib. VII, c. V, 5).

И постигоша къ озерамъ (55).

Данилъ же, всѣдъ на конь, ѣха самъ на съгляданіе града (Ип. 168).

Вскоуи на конь и ѣха напредъ, и подлѣ краи ωзера перебродивсѧ, въ градъ вниде... ни съгладанїе града не оуѧзви его нитоже.

Ἐπὶ τὸν ἵππον ἀναπηδᾷ καὶ καθηγεῖται πρὸς τὴν λίμνην, δι' ἧς ἐλάσας πρῶτος εἰς τὴν πόλιν εἰσέρχεται—сѣлъ на коня и поѣхалъ къ озеру, черезъ которое переправившись, первый вошелъ въ городъ....

Стрѣльцемъ же бьющимся межи полкомъ. (44).

Порокомъ же безпрестанно бьющимъ день и ночь, выбиша стѣны и возідоша горожане на избыть стѣны. (Ип. 177—178. Сулици же его кровави сущи. (Ип. 172).

И стрѣльцемъ стрѣлающимъ и соулиуникомъ сулицами соующимъ и пороуникомъ каменїѧ поущающимъ, не смѣша їоудеи стати на ѕабралѣхъ. (л. 87).

Τούς τε καταπέλτας καὶ τὰ λοιπὰ τῶν ἀφετηρίων... ἔγγιον προσα-

γαγόντες ἔβαλλον. ὁμοίως δὲ συνήγγιζον οἱ τοξόται καὶ σφενδονῆται. Δία δε ταῦτα μηδενὸς τῶν περιβόλων ἐπιβῆναι τόλμαντος—уставивъ катапедты и прочія изъ метательныхъ орудій бросали стрѣлы; тутъ же не подалеку находились и стрѣлки и пращники; и по сей причинѣ никто изъ непріятелей не смѣлъ всходить на стѣну и пр.

На Греческомъ это изложено оч. пространно (Lib. III, c. VII, 24).

Половци же... ни по стрѣлѣ пустивше. (Лавр. стр. 317).	**И стрѣлы поущахоу бесчисла**(199 об.). Καὶ βέλισι πάντοθεν ἀπείροις ἔβαλλον — отовсюду метали множество стрѣлъ. (Lib. VI, c. I, 6).
И каменье метаху на нь. (Ип. 308).	**а съ забралъ каменіе поущахоу на нѣ** (л. 155 об.). Οἱ δὲ ἀπὸ τοῦ τείχους πλῆθος χερμάδων.. ἄθρουν κατέχεαν—бывшіе на стѣнахъ покрывали безчисленнымъ множествомъ камней. (Lib. V, c. III, 3).
И поидоста по городу сѣкучи и бодучи (196).	**Бодаше многы ѿ нихъ.** Ἔνυττε.. πολλοὺς (Lib. VI, c. I, 8).
И бодоста и оскепомъ. (Ип. Л. стр. 9).	**Бодахоутъ ж съ стѣнъ копіи** (л. 199 об.) на Греч. нѣтъ.
И насунуша и копья (Лавр. стр. 131). Единъ же.. хотѣ просунут и рогатиною (Ib. 47).	**и всакымъ оружнемъ сѣкаху на на** (л. 85) на Греч. нѣтъ.
Вынза мечь свой и тѣмъ единымъ сѣчаше... (Ип. л. 64).	**Титовѣ же токмо мечь единъ в роукоу. и тѣмъ единѣмъ сѣчаше.** (л. 151). Τῷ δὲ ξίφει τοὺς κατὰ

	πλευρὸν ἀεὶ διαστέλλων καὶ πολλοὺς τῶν αντιπροσώπων, ἤλαυνε... τὸν ἵππον—самъ же Титъ мечемъ непрерывно отбрасывая нападавшихъ съ боку и убивая многихъ изъ бывшихъ впереди, гналъ коня. (Lib. V, c. II, 2).
Всеволодъ же толмя бившеся, яко и оружья въ руку его не доста. (Ип. л. 131). И не свѣдущимся самѣмъ имъ, идѣже кто біаше (Ип. 168).	**Тогда помѣтавше стрѣлы и копїа, ѡбнажикше меча, снаша. и къ томъ снатьи не възможно расѹдити или ꙁнати, кто съ кимъ біетса** (л. 201). Καὶ βέλη μὲν ἦν ἀμφοτέροις ἄχρηστα καὶ τὰ δόρατα σπασάμενοι δὲ τὰ ξίφη συνεπλέκοντο, καὶ περὶ τὴν συμβολὴν ἄκριτον ἦν ὁποτέρωθεν ἕκαστοι μάχοιντο—стрѣлы и копья стали не нужны обоимъ; бились одними только мечами; въ сей битвѣ не можно было распознать, кто съ которой стороны сражался. (Lib. VI, c. I, 7).
И за руки емлюще сѣчахуся. (Лавр. л. 141).	**и ꙁа роуки емлюще са сѣчахѹ.** (л. 68). На грѣч. нѣтъ.
И сняшасясъ ними стрѣльци... а которыя ся не снимали. (Ib 377).	**матежници же ходахоу по троупїю акы по стогомъ, снимахоуса.** (л. 149). Πατοῦντες δὴ τοὺς νεκροὺς ἐπ᾽ ἀλλήλοις σεσωρευμένους οἱ στασιασταὶ συνεπλέκοντο—попирая мертвыхъ наваленныхъ кучами другъ на другѣ, мятежники сражались.
И сняшася обои, и бысть сѣча зла (Лавр. 341).	**Исполчившеса и снемшеса с римьскыми полкы и скоро побѣ-**

	днша нхъ. (л. 83). καὶ τοῖς Ρωμαίοις συρραγέντες ἀδοκήτως τρέπονται ταχέως—неожиданно вступивъ въ стычку съ Римлянами, скоро обратили ихъ въ бѣгство. (Lib. III. c. VI, 1).
Гоняше и оли до Санока (Ип. 171).	**И плакндъ гна ωлн до їердана** (л. 132). (Lib. IV, c. VII, 5).
И тако стояша полци оли до вечера (44).	**ѿ нашнхъ прадѣдъ олн н до насъ** (л. 176) Lib. V, c. IX, 3.
Людье изнемогоша водною жажею (Лавр. стр. 107).	**Ѩко ѥсн нʒнемогоша жажею.** (л. 97). ὡς τινὰς μὲν αὐθημερὸν ἀπὸ τοῦ δίψους ἀποθανεῖν—нѣкоторые ежедневно отъ жажды умирали. (Lib. III, c. VII, 32).
Изяславъ же поиде своими полкы на броды... иніи же полки вышыпе Изяслава на броды (Ib. 67).	**ѩко не бы лʒѣ ѿтоле варвaромъ бродъ бродити.** ὡς εἶναι τοῖς βαρβάροις τὴν διάβασιν τελέως ἀδύνατον—чтобы для варваровъ переправа совершенно была не возможна. (Lib. VII, c. IV, 3).
Отъ множества праха не знати ни конника ни пѣшьць. И тако бишася крѣпко. (Ib. 110).	**И ѿ тольстоты праха дрѹгъ дрѹга не ʒнающе верьтахѹтса ωколо. акы слѣпїн. дрѹгъ дроуга рѣʒахоу.** (л. 107 об.). καὶ παχύτητα τοῦ κονιορτοῦ μηδὲ ἀλλήλους ἐπιγινώσκοντες ἀνειλοῦντο καὶ περὶ σφᾶς ἔπιπτον—отъ густоты пыли, не узнавая другъ друга, путались и падали около своихъ. (Lib. IV, c. I, 4).
И ту бѣ товаръ многъ (67). Товаръ къ Новугороду иде. (Ib. 27).	**н по нихъ нгемонъ товаръ. н воеводъскын** (л. 83 об.). Τὰς τε ἰδίας καὶ τὰς τῶν ὑπ' αὐτὸν ἡγεμόνων ἔταξεν ἀποσκευὰς—указалъ поря-

	докъ для обозовъ съ кладью, какъ своей, такъ и подчиненныхъ ему полководцевъ. (Lib. III, с. VI, 2).
Обѣдаша братья на скупь. (Лавр. л. 177).	**И ȥаповѣдаша.. да не съвокуплаютса на скоупь.** (л. 189). На Греч. нѣтъ.
И посла слы своя (Ип. 31).	**И слы посласте къ живоущимъ** (л. 228 об.). Καὶ πρεσβεῖαι μὲν ὑμῶν πρὸς τοὺς ὑπὲρ Εὐφράτην—и посольства ваши къ живущимъ за Ефратомъ. (Lib. VI, с. VI, 2).
И подаста руку межю собою. (Ип. 69).	**Пославже агрипа к тѣмъ градомъ и давъ рукоу оумири а.** (л. 105). Δεξιᾶις 'Αγρίππας προσηγάγετο—подавъ руку, привлекъ на свою сторону. (Lib. IV, с. 1).
И воевавъ приде съ честію и славою. (Ип. 8).	**И срѣтоша Сѵпфоріане съ честїю и съ похвалами.** (л. 78. Lib. II, с. XVIII, 11).

3. Слѣды Дружиннаго быта.

Въ разсматриваемомъ переводѣ отразились нѣкоторыя бытовыя черты, кои могли быть занесены лишь только рукою Дружинника. Передавая единоборство іудеянина Іоанафана съ Римскимъ всадникомъ Пудентомъ, переводчикъ излагаетъ это, пріурочивая къ единоборству Мстислава съ Редедей, и при этомъ дѣлаетъ такую вставку, которую могъ сдѣлать только Дружинникъ.

Въ подлинникѣ дословно читаемъ:

«Нѣкто изъ Іудеевъ... на видъ презрѣнный, (назывался Іоанафанъ)... надмѣнно много кричалъ Римлянамъ и вызывалъ храбраго изъ нихъ на поединокъ. Нѣкто изъ Римлянъ по имени Пудентъ, изъ отряда всадниковъ выступилъ противъ него. Борясь, въ иномъ и превосходилъ его, но преданъ былъ счастіемъ. Когда онъ споткулся,

Іоанафанъ, наскочивъ убилъ его, потомъ наступивъ ногою на мертваго, трясъ окровавленнымъ мечемъ, а въ лѣвой рукѣ щитомъ, величаясь предъ падшимъ и дразня глядѣвшихъ Римлянъ, пока его скачущаго и неистовствующаго нѣкто Прискъ сотникъ, прицѣлившись, не прознилъ стрѣлою».

Въ переводѣ же все это излагается съ прибавленіями въ русскомъ духѣ.

нѣкто иꙋдеѧнинъ... к҃ꙁоромъ щоупль горды рѣчи и поношеніє пꙋщаше на Римлѧны и въꙁываше на бои храбрѣишаго ѿ нихъ. «глѧ ꙗко нѣ҃ въ ва҃ иже со мною съ єдинѣмъ смѣєтъ битисѧ» и ниꙁѧше всѧ. Нѣкто римлѧнинъ именемъ поꙋды.... иꙁыде на нь. и нѣмъ всѣмъ ѡрꙋжїємъ и рꙋками ѿдолѣвше ємоꙋ. нъ соꙋдъ предасть єго пѡдъкноꙋвъ внеꙁапоꙋ падесѧ. и притече иꙋдѣанинъ въгрꙋꙁи на нь мечь. потомъ же настоꙋпи на трꙋпъ єго. и кровавымъ мечемъ махаше скача и плѧша радост҃но, акы всихъ римлѧнъ оꙋбивъ и кричаше на всѣхъ. акы кличемъ хотѧ снѣстї а.

Здѣсь именно вставлены еще слѣдующія слова, которыхъ нѣтъ въ греческомъ текстѣ:

«и къ падъшемоꙋ хꙋпасѧ гл҃аше: раꙁдѣли своєи дрꙋжини дань, юже єси оꙋ мене вꙁѧлъ и кесареви даи часть».

За симъ изложеніе факта также не вполнѣ отвѣчаетъ подлиннику:

Τῶν Ἰουδάιων δέ τις... τὴν ὄψιν εὐκαταφρόνητος (Ἰωνάθης ἐκαλεῖτο)...... τε πολλὰ πρὸς τοὺς Ῥωμάιους ὑπερηφάνως ἐφθέγγετο καὶ τὸν ἄριστον αὐτῶν ἐις μονομαχίαν προὐκαλεῖτο... Πούδης τις ὄνομα τῶν ἐκ ἴλης ἱππέων.... προπηδᾷ καὶ τὰ μὲν ἄλλα περιῆν συμβαλὼν, προεδόθη δ' ὑπὸ τῆς τύχης. Πεσόντα γὰρ αὐτὸν ὁ Ἰωνάθης ἀποσφάττει προςδραμὼν, ἔπειτα ἐπιβὰς τῷ νεκρῷ τό τε ξίφος ἡμαγμένον ἀνέσειε καὶ τῇ λαιᾷ τὸν θυρεὸν ἐπηλάλαξέ τε τῇ στρατιᾷ πολλὰ, καὶ πρὸς τὸν πεσόντα κομπάζων, καὶ τοὺς ὁρῶντας Ῥωμαίους ἐπισκώπτων, ἕως αὐτὸν ἀνασκιρτῶντα καὶ ματαΐζοντα Πρίσκος τις ἑκατοντάρχης τοξεύσας διήλασε βέλει. Ὁ δὲ δινηθὲις ἐκ τῶν ἀλγηδόνων ἐπὶ τὸ σῶμα τοῦ πολεμίου κατέπεσεν. (Lib. VI. c. II. § 10).

и на зращаа римланы поущаше ламнїа злаа. скача и шатаюся и хотя досагати нбсъ величаемъ дъи́деже прискъ сотникъ застрѣлї и оулоучи и ќ ротъ и вь гортань. и абїе повертѣся и юзвенъ падеся на трупѣ лежащемъ. (л. 211).

За тѣмъ тамъ, гдѣ въ подлинникѣ идетъ дѣло о Совѣтѣ или Думѣ, переводчикъ также вноситъ Дружинныя бытовыя черты.

Такъ въ подлинникѣ читаемъ, что «Иродъ собралъ совѣтъ изъ своихъ сродниковъ и друзей и самъ съ Варомъ *предсѣдательствовалъ*» (προκαθέζεται δ᾽ αὐτὸς ἅμα Οὐάρῳ. (Lib. c. XXXII, I).

Въ переводѣ же это выражено въ бытовой картинѣ:

Самъ же сѣде на высоцѣ столѣ, а оуаръ сторонь его на нишьши (л. 26 об.).

Еще ближе къ Дружинному быту передано одно изъ засѣданій Думы.

Такъ въ подлинникѣ, читаемъ: «самымъ горячимъ изъ нихъ казалось что нужно, наведя всю силу, сдѣлать опытъ натиска на стѣны— теперь же, пока іудеи сражаются лишь съ частію войскъ; когда же стянутъ войска вмѣстѣ, не выдержать будетъ ихъ нападенія: пусть же будутъ засыпаны стрѣлами. Другіе изъ болѣе прозорливыхъ совѣтовали вновь дѣлать насыпи; иные же: продолжать осаду безъ этого, оберегая только ихъ выходы и подвозы нужнаго, не вступая въ бой руками съ непріятелями».

Въ переводѣ же все это изложено сообразно укладу Дружинно-Боярской Думы и порядку подачи голосовъ въ совѣтѣ:

«Оунѣшии ѿвѣщаша́: да приступимъ вси къ стѣнамъ на кўпѣ́ и не стерпятъ людеи ѝшего пришествїа погроузятъ бо нашими стрѣ-	Καὶ τοῖς μὲν θερμοτέροις ἐδόκει πᾶσαν προσάγοντα τὴν δύναμιν ἀποπειρᾶσθαι τοῦ τείχους βίᾳ. μέχρι μὲν γὰρ νῦν κατασπάσματι Ἰουδαί-

ламн. а средовѣцїи рѣша: подобаѐ и еще приспы ины дѣлати въ инѣ мѣстѣ и ȥаградити їюдеѡ̑ въхѡ̑. старѣиже рѣша: ꙗко достоино ѡбрытиса ѡкр҇тъ града и недати июдеѡ̑ выходити или на травоимаиїе или на ино уто, а рукамн не снимати̇са (л. 186).

ους τῆς στρατιᾶς συμπεπλέχθαι, προσιόντων δὲ ἀθρόων οὐδέ τὴν ἔφοδον οἴσειν. καταχωσθήσεσθαι γὰρ ὑπὸ τῶν βελῶν. Τῶν δὲ ἀσφαλεστέρων οἱ μὲν κὰι τὰ χώματα ποιεῖν πάλιν, οἱ δὲ καὶ δίχα τούτων προσκαθέζεσθαι, μόνον παραφυλάττοντας τάς τε ἐξόδους αὐτῶν καὶ τὰς ἐισκομιδὰς τῶν ἐπιτηδείων, παρήνουν. μηδὲ συμπλέκεσθαι κατὰ χεῖρα τοῖς πολεμίοις. (**Lib.** V. c. XII, 1).

На Римское пожалованіе Титомъ отличившихся воиновъ наложены черты раздачи Дружинной добычи, упоминаемой въ «Словѣ». Въ подлинникѣ дословно читаемъ:

«Онъ приказалъ разузнать назначеннымъ для того лицамъ, кто что сдѣлалъ славнаго во время войны; и называя по имени хвалилъ представшихъ, и вѣнцы золотые возложилъ, ожерелья золотыя, и копья долгія золотыя и раздалъ знаки, сдѣланныя изъ серебра и положеніе каждаго перемѣнилъ на лучшее».

л. 241. **И повели (титъ) писцемъ своимъ нщести кождо ихъ (конновъ) по рѧдоу, кто ихъ которое храбрьство створи на которомъ мѣстѣ. кто кождо ихъ свое имѧ поȥнавъ и свое дѣло, приступль стоаше прѐ титомъ. и сь похвалнвъ крѣпость его и бодрость его и тщанїе. възложь на нь вѣнець ȥлатъ и гривиоу ȥлатоу и вьда емоу долго копіе ȥлато и хорюговь сребреноу и ѿ плѣненаго ȥлата**

Ἐκέλευσεν ἀναγινώσκειν τοῖς ἐπὶ τούτω τεταγμένοις ὅσοι τι λαμπρὸν ἦσαν ἐν πολεμῷ κατωρθωκότες. Καὶ κατ ὄνομα καλῶν ἐπήνει τε παριόντας καὶ στεφάνους ἐπετίθει χρυσοῦς περιαυχένιά τε χρυσᾶ, καὶ δόρατα μακρὰ χρυσᾶ, καὶ σημάιας ἐδίδου πεποιημένας ἐξ ἀργύρου, καὶ τὴν ἑκάστου τάξιν ἤλλαττεν ἐις τὸ κρεῖττον.

и серебра и паволокы поущаще.
и чинъ его изъмѣнаше навышнїи
чинъ.

Въ переводѣ являются и *гривна* золотая и *хоруговь* серебряная и *паволоки*, имѣвшія мѣсто въ Русскомъ быту.

И такъ Дружинная технологія, техника дружинной рѣчи и бытовыя дружинныя черты, столь очевидно отразившіяся въ переводѣ, несомнѣнно доказываютъ, что онъ сдѣланъ въ Россіи и именно въ Дружинную эпоху Кіевской Руси.

Обращаясь за тѣмъ къ особенностямъ самаго перевода и отношенію его къ греческому тексту, мы прежде всего замѣтимъ что этотъ переводъ представляетъ въ себѣ такое сокращеніе Флавія, которое всѣ семь книгъ его соединяетъ въ одной съ самостоятельнымъ раздѣленіемъ на 197 главъ. Нельзя не замѣтить, что авторъ этого сокращенія главнымъ образомъ выбиралъ для своего произведенія тѣ главы и мѣста подлинника, въ которыхъ расказывается о воинскихъ дѣлахъ и подвигахъ и въ которыхъ трактуется объ Іерусалимѣ.

Слѣдя за ближайшимъ отношеніемъ перевода къ Греческому оригиналу и сравнивая его съ Лѣтописью, мы видимъ слѣдующее:

1. Въ переводѣ есть мѣста, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ текстѣ и которыя до того сходны съ лѣтописными, что какъ будто внесены сюда прямо изъ Лѣтописи.

Въ переводѣ Флавія:	*Въ Лѣтописи:*
И бысть видѣти ломъ копѣиныи, и скрежтанїе мечьное и щиты искипани. (л. 85).	«И ту бѣаше видите ломъ копейный и щитъ скепаніе» (Ипат. л. 178).
И бысть по вса дни вырнстанїи ломленїе ѡружїю. (л. 170). На Греч. нѣтъ.	И ту бѣ видѣти ломъ копійный и звукъ оружейный (Ип. л. 110).
и ȥемлю напоиша кровє.	Яко и по удоліемъ крови тещи (Лавр. л. 141).
Възъратишасє, выющє акы волцы. (л. 131).	Аки волцы стояще. (Лавр. 240).

И пободоша ихъ, акы двѣіа ѕвѣри. (л. 132).	И се нападоша, аки звѣри дивіи. (Лавр. стр. 131).
И стрѣлы на нѣ лѣтахоу, акы дож̑ъ. (л. 132).	Идяху стрѣлы, аки дождь. (Лавр. стр. 262).
И помощенъ бо иωрданъ троупіемъ. (л. 132).	И бысть ходити имъ по трупію, аки по мосту. (Ип. стр. 199).
стрѣлци же и пороучникы ѕастави наз̑а, да не въдадатъ гражаномъ выникнути изъ ѕабралъ (л. 89).	И порокомъ бьющимъ неослабно день и нощь и стрѣламъ, не дадущимъ выникнути изъ заборолъ. (Ипат. 199).

Изъ Лѣтописи же, по видимому, внесено въ переводъ и слѣдующее мѣсто: **Потомъ и меча изламавше и рѫкама начаша битися и всякое ωбрѣтаемое ѿроужїе бы ωбрѣтающемоу.** (л. 202). На Греч. нѣтъ.

2. Нѣкоторыя понятія въ подлинникѣ выражены положительно, въ переводѣ же облечены въ выраженія образныя также тождественныя съ Лѣтописными. Такъ читаемъ:

Въ переводѣ Флавія:	*Въ Лѣтописи:*
Мнюже, яко тогда ярикшесь вои. пожерли быша июденская воя. (л. 186). Διὰ ὑπερβολὴν θυμῶν κἂν ὅλον ἁρπάσαι τὸ τῶν Ἰουδαίων πλῆθος. Плѣнили бы отъ чрезмѣрной ярости и все множество іудеевъ. (Lib. V, c. XI, 6).	И поидоша Мстиславичи кличуще, аки пожрети хотяще. (Лавр. 357).
Яко ананъ ѕубы скрегчетъ на вашихъ властель. (л. 106 об.). Καὶ ἀπειλεῖν ἐκείνοις ἐξαιρέτως— что онъ угрожаетъ имъ по преимуществу. (Lib. IV, c. IV, 1).	Поскрежетъ зубы своими. (Ib. 240).

3. Но есть и другія выраженія, кои представляя лишь переводъ такихъ же выраженій Греческихъ, какъ будто занесены въ свою очередь въ Кіевскую Лѣтопись прямо изъ разсматриваемой повѣсти Флавія. Такъ читаемъ:

Въ Кіевской Лѣтописи:	*Въ переводѣ Флавія:*
Стрѣлы омрачиша свѣтъ (Ипат. 177).	**Стрѣлы помрачиша свѣтъ** (л. 85 об.). Καὶ πάντοθεν ἀφιεμένων ἀπὸ συνθήματος τῶν βελῶν τὸ φῶς ὑπετέμνετο—и отъ стрѣлъ, отовсюду по сигналу бросаемыхъ, потемнѣлъ свѣтъ (Lib. III, c. VII, 27).
Ни копьемъ мя еси добылъ (Ип. 214).	**Тъ же градъ Інсусъ Навгинъ добы копїемъ** (ἣν Ἰήσους ὁ Ναυῆ... εἷλεγῆς δορίκτητον. Lib. IV, c. VIII, 3. Іисусъ Навинъ пріобрѣлъ копіемъ.
Загналъ отрока... за желѣзныя врата. (Ип. л. 155).	**Древле Александръ црь ꙁатвори желѣꙁныꙗ враты** (ἣν ο βασιλεύς Ἀλέξανδρος πύλαις σιδηραῖς κλειζὴν ἐποίησε. (Lib. VII. c. VII. 4).
Рекоша ему, (Игорю) дружина: потьски неможешь перелетѣти.(Ип.129). И рече Изяславъ: даже ны Богъ поможетъ, то ти не крылати суть,—а перелетѣвше за Днѣпръ сядутъ же. (Ib. 60).	**Рекъ: ꙗко аще и крила въꙁрастоутъ оу Римлянъ не могоутъ прелетити Їерⷭ҇лмскихъ стѣнъ.** ὡς οὐδ᾽ ἂν πτερὰ λαβόντες υπερβαῖέν ποτε Ῥωμᾶιοι τὸ Ἱεροσολύμων τεῖχος· Римляне, когда бы и крылье имѣли, никогда не прейдутъ чрезъ стѣны Іерусалимскія. (Lib. IV, c. III).

Разсматривая переводъ самъ въ себѣ, безъ отношенія къ Лѣтописи, мы усматриваемъ, слѣдующее:

1. Нѣкоторыя изъ образныхъ выраженій имѣютъ основаніе въ Греческомъ подлинникѣ и въ переводѣ лишь буквально повторяются. Тамъ читаемъ:

Въ *переводѣ:*	Въ *подлинникѣ:*
Пожегше вся жилы градныя. (л. 74 об.).	Ἐπεὶ δὲ τὰ νεῦρα τῆς πόλεως κατέφλεξαν—когда сожгли нервы города. (Lib. II, c. XVII, 6).
Ѡтрѣза жилы градныя. (л. 149).	Καὶ τὰ νεῦρα τῆς αὐτῶν ὑποκοπτόντες δυνάμεως—подрывая нервы своей силы. (Lib. V, c. 1, 4).

2. Другіе же обороты хотя и имѣютъ основаніе въ Греческомъ подлинникѣ, но въ переводѣ выражены своеобразнымъ художественнымъ стилемъ.

И камень метахѹ пороками, и сулицы из лукъ пущаеми шумахоу. (л. 85 об.).	Οἵ τε καταπέλται τὰς λόγχας ἀνερροίζουν καὶ ἐκ τῶν πετροβόλων ἐβάλλοντο πῦρ τε καὶ πλῆθος ἀθρόων οἰστῶν—катапулты съ трескомъ кидали копья и метальныя машины бросали безчисленное множество стрѣлъ. (Lib. III c. VII, 9).
	Τῶν οὖν ὀργάνων φοβερώτερος ὁ ῥαῖζος, τῶν δε βαλλομένων ἦν ψόφος—былъ страшнѣйшій трескъ метательныхъ орудій и свистъ метаемыхъ стрѣлъ. (Lib. III c. VII. 23).
Но оуже вси долгими сѣчами истлѣша҃. (л. 275 об.).	ἡ πᾶσα διὰ μακροῦ τοῦ πολέμου κατέστραπτο—но уже вся страна (χώρα) отъ долговременной войны раззорилась (Lib. VII, c. X, 1).
Поужа бо и страхъ ѡбломиста силоу ихъ. (л. 235 об.).	Κατεάγησαν γὰρ ἤδη τὴν ἰσχὺν ἅμα τῷ δέει καὶ ταῖς συμφοραῖς—въ нуждѣ и несчастіяхъ они истеряли силу.

Смихахоутса и пороугахоутса римланомъ... и скакахоу радостно (л. 155 об.).	ἔσκωπτον τε τοὺς Ῥωμαίους.... μετὰ χαρᾶς ἀνεβόων — дразнили Римлянъ... восторженно крича. (Lib. V, III. 4).
Ѩко самъ пѡлѣзлъ пѡ бремъ игемонскыи. (л. 144 об.).	ὑποδὺς ἀναγκαίως τὸ βάρος τῆς ἡγεμονίας,—по необходимости принявъ бремя правленія. (Lib. IV, с. X, 6).
Пшеницю зобахоу не мелюще. (л. 182).	ἀνέργαστον τὸν σῖτον ἤσθιον—ѣли не воздѣланный хлѣбъ.

3. Другія же поэтическія выраженія не даются прямо подлинникомъ, въ которомъ высказываются лишь голыя понятія и мысли. Многія изъ этихъ понятій и мыслей, выраженныхъ въ подлинникѣ положительно, переводчикъ облекъ въ художественные образы, которые суть продуктъ его образованности или же личнаго творчества.

Слышавши иωсипа, жива суща оу еспасїана въ чьсти ходаща тако въѫрнишас нань, ѩко зоубы имъ быша, изѣли. (л. 97 об.).	Τοσοῦτον ὀργῆς ἐπὶ ζῶντος, ὅσον εὐνοίας ἐπὶ τεθνάναι δοκοῦντος πρότερον ἀνελάμβανον—узнавъ, что онъ живъ, отнеслись къ нему съ такимъ же негодованіемъ, съ какимъ относились до того, думая, что онъ умеръ (Lib. III, с. IX, 6).
Къ смерти челомъ идоутъ. (л. 196 об.).	Καὶ θανάτου καταφρόνησιν—презираютъ самую смерть. (Lib. VI, с. 1, 5).
Ни стати подъ бїющими съ горы, ни челомъ ити къ желѣзоу, акы звѣрь (л. 109 об.).	Καὶ μὴ κατὰ κορυφὴν ἱσταμένοις τοῖς κινδύνοις ἕπεσθαι—не поддаваться опасностямъ, предстоящимъ съ верщины горы. (Lib IV, с. 1, 6).
И вси постигаемїи желѣзомъ скончашаса (л. 121).	Φόνος δὲ τῶν καταλαμβανομένων μυρίος—побіеніе всѣхъ попадавшихся было безчисленное. (Lib. VI, с. V, 1).

Ѡставиша игемона своего ко оустѣхъ брани (л. 108 об.).	Τὸν στρατηγὸν μόνον τοῖς κινδύνοις ἐγκαταλιπεῖν—оставили предводителя одного среди опасностей. (Lib. IV, c. 1, 6).
Иже живыхъ рѣꙁахоу, а гробныя лоупяхоу (л. 115).	Καὶ μέχρι φόνων ἐχώρουν οὐ νυκτὸς ἢ λαθραίως, ἀλλὰ φανερῶς καὶ μεθ' ἡμέραν—доходили до убійствъ, не ночью или тайно, но явно, среди дня. (Lib. IV, c. III, 4).

4. Есть наконецъ въ переводѣ и такія художественныя мѣста, для которыхъ уже нѣтъ никакого основанія въ Греческомъ текстѣ и которыя являются здѣсь, какъ вставки, для большей картинности и ясности мысли. Вотъ примѣры:

л. 168. **И ѿ мечь искры вылетахоу и ꙁа рѡуки емлющеся сѣчахоу и многи предстатели падоша** (Lib. V, c. VI, 5).

л. 148. **И ражахоуся ѿ мятежа мятежь. ꙗко ꙁвѣрь бѣ сꙋꙗся на свою плоть, ꙁоубы въꙁвращая. такоже и си свою роукоу на своя сродникы поѡстрѣвахоу.** (Lib. V, c. 1, 3).

л. 232. **И по всемоу градоу не бы гдѣ ни иглы поврещи на голѣ мѣстѣ.** (Lib. V, c. VII, 2).

5. Въ переводѣ не мало сравненій, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ текстѣ, какъ то:

л. 196. **д҃ камени.. выкалиша иꙁъ мѣста великыя акы горы.** (Lib. VI, c. 1, 3).

л. 79 об. **Гради части и села, акы ꙁвѣꙁды,** (Lib. III, c. III, 2).

л. 188. **Оуноши же и ѿроковицѣ ѡпоухше вертяхоуся средѣ града, акы идолѣ и акы стѣневе.** (Lib. VI, c. XII, 3).

л. 174. **Вои же по ѡбычаю ѡблъкшеся въ ороужіе, акы стѣны поидоша** (Lib. V, c. IX, 1).

л. 170 об. **Іюдеи же ристахоу къ лѣсоу, акы ꙁвѣри.**

л. 173. **Римляне ходяхоу, акы слѣпѣ.** (Lib. V, c. VIII, 1).

л. 173. **А иже оутѣсниша ся тоу падахоу, акы скотъ давящеся.**

л. 129. **И оумножися, акы стоꙁи мр҃твыхъ.** (Lib. IV,-c. VI, 3).

л. 24 об. **Окн же ласкосерьдствующе на златонманїе, ако же вранн на троупъ.**

Въ переводѣ отразились и нѣкоторыя черты Русскаго народнаго быта. Такъ:

1. Мѣстные жители (ἐπιχώριοι) и земледѣльцы называются *земцами*:

И разлучнша пришелцн ѿ земецъ (л. 104).	Διακρίνων δὲ ἀπὸ τῶν ἐπιχωρίων τὸν ἔπηλυν—отдѣливъ чужестранца отъ туземцевъ (Lib. III, c. X 10).
Оустроена же есть вся страна земцемъ (л. 79 об.).	Προσησκήθη γοῦν ὑπὸ τῶν οἰκητόρων πᾶσα—вся обработана жителями (Lib. III, c. III, 2).

При этомъ—земледѣліе называется *страданіемъ*, а землепашцы *страдолюбцами*.

Обилїе (земли) може побудити на страданїе и не страдолюбцы [1]. (л. 97 об.).	ὑπὸ τῆς εὐπαθείας προσκαλέσασθαι κὰι τὸν ἥκιστα γῆς φιλόπονον—плодородіемъ и самые лѣнивые возбуждаются къ охотному воздѣлыванію земли. (Lib. III, c. III, 2).

2. Изгнаніе, согласно древнимъ Русскимъ памятникамъ, также называется *оземствованіемъ*.

Клавдїи коумана своего осуди оземьствованїемъ (л. 59).	Κούμανον δὲ ἐφυγάδευσε—Кумана отправилъ въ изгнаніе. (Lib. II, c. XII, 7).

3. Упоминается *лавка* въ избѣ, чего въ Греческомъ подлинникѣ нѣтъ.

Другы же сътникъ именемъ галъ и десять конн съ нимъ въниидоша нѣ в кою храминоу и	Ἑκατοντάρχης δέ τις, Γάλλος ὀνόματι, μετὰ στρατιωτῶν δέκα περισχεσθεὶς ἐν τῇ ταραχῇ, κατέδυ

[1] Въ Архангельской губерніи до нынѣ говорятъ: «*уѣхали страдать*» вмѣсто «уѣхали гари дѣлать или сѣно косить».

оухоронишась под лавицами. господарем же пришешимъ и при вечерѣ...людьскую думоу протвившемъ, ѡни же лежаще подъ лавицами и слышаша (л. 108 об.).

μὲν εἱς τινος οἰκίαν δὲ ἐν αὐτῇ διαλαλούντων παρὰ δεῖπνον, ὅσα κατὰ τῶν Ρομαίων, ἢ περὶ σφῶν ὁ δῆμος ἐβουλεύετο καταкροασάμενος, νύκτωρ ἐπανίσταται. — Нѣкоторый сотникъ, по имени Галлъ, въ замѣшательствѣ, съ 10-ю воинами тайно зашелъ въ одинъ домъ и, услыхавъ, что за ужиномъ тутъ разговаривали о томъ, что затѣвалъ народъ противъ Римлянъ— или же въ защиту себя, ночью напалъ на нихъ (Lib. c. IV, I, 5).

Прятаніе подъ лавку—извѣстный обычай въ народной жизни и переводчикъ воспользовался имъ, чтобы нагляднѣе представить подслушаніе тайнаго чужаго разговора.

4. Греческія цѣны переведены на деньги и вѣсъ, обращавшіеся на Руси.

И дани възложи на їюдїа по два золотника ѿ мужа (л. 262).

Δύο δραχμὰς ἕκαστον κελεύσας— повелѣвъ каждому вносить по двѣ драхмы. (Eib. VII, c. VI, 6).

Аще же и съгнившее сѣно или соломоу ѡбрѣтоша, то баше имъ пища... инии же толко сѣно събирающе полъгривны вѣса на четырехъ золотницехъ атинскыхъ, ꙗко и златникъ погорючихъ (л. 213 об.).

Τροφὴ δ' ἦν καὶ χόρτου τισὶ παλαιοῦ σπαράγματα, τὰς γὰρ ἶνας ἔνιοι συλλέγοντες ἐλάχιστον σταθμὸν ἐπώλουν Ἀττικῶν τεσσάρων. Для иныхъ пищею служили обрывки стараго сѣна, такъ какъ нѣкоторые собирая ихъ продавали малѣйшій вѣсъ по 4-ре аттическихъ драхмы. (Lib. VI, c. III, 3).

Припомнимъ здѣсь одно мѣсто изъ договора Игоря съ Греками, «аще ли обрящутся Русь работающе у Грекъ, аще суть плѣньници, да искупаютъ е Русь по 10 златникъ». (Лавр. лѣт. стр. 49).

5. Представленъ, согласно древнѣйшимъ юридическимъ актамъ, состязательный процессъ, котораго не дается прямо подлинникомъ.

И сами ставше пре̂ ѡ̃ съ ꙁахарїею пряхоутся съ нимъ глюще ꙗко тъ̏ предаваеть гра̂ римлꙗномъ

Соудїа же рекоша: кто ѡбличитель или которое ꙁнаменїе?

И ревнителе (Зилоты) **отвѣщаша: мы ви̂дцы томꙋ, мы же послоуси и намъ вѣрꙋ имете.**

Соу̑̏и же рекоша: не имамы вамъ вѣры, ꙁане противни есть (т. е. враги обвиняемаго).

ѡ̃ же моужъ присꙋдиша емꙋ ѿпꙋщенїе. (л .126).

Τοῦ Ζαχαρίας κατηγόρουν ὡς ἐνδιδόιη τὰ πράγματα Ρομαίοις ἦν δε οὔτε ἔλεγχος τις τῶν κατηγορουμένων οὔτε τεκμήριον, ἀλλ' αὐτὸι πεπεῖσθαι καλῶς ἔφασαν καὶ τοῦτ' εἶναι πίςιν τῆς αληθέιας ἠξίουν. Захарію обвиняли въ томъ, что онъ будто бы хотѣлъ предать дѣла ихъ Римлянамъ, но въ чемъ обобвиняли, ни уликъ, ни доводовъ на то не было; но они, говорили, что въ томъ сами хорошо убѣждены и этого достаточно для увѣренія въ истинѣ. (Lib. IV, c. V, 4).

Встрѣчается въ переводѣ не мало особенностей языка народнаго.

1. Таковы напр. отдѣльныя выраженія:

Доубрава—δρύμος—дубовый лѣсъ (л. 261 об. Lib VII, c. VI, 5).

Наймиты—οἱ μίσθιοι—наемники (л. 150 Lib. V, c. II, 1).

лꙋ̂чье—λαμπάδες—факелы (л. 195. L. VI, c. I, 3).

Понюкнуть—ἐμβοάειν—крикнуть (л. 151. Lib. V, II, 2).

Ущенуть—δρέπειν—сорвать, сощипнуть (л. 136 об. Lib. IV, c. VIII, 4).

лаꙁить на ꙁабрало—ἐπὶ τὸ τεῖχος ἀναβῆναι—восходить на стѣну (л. 112. Lib. IV, c. II, 3).

ꙁакоурити пещероу—ἐκκάιειν τὸ σπήλαιον—зажечь (л. 92. Lib, III, c. VIII, 3).

Пити до оупоа—πλεον, τοῦ ἴν πίνεῖν (л. 192. Lib. V, c. XIII, 6.)

Кромѣ того не мало есть словъ, для коихъ въ подлинникѣ нѣтъ соотвѣтствующихъ греческихъ или же онѣ выражены тамъ особыми предложеніями.

Хвоиникъ (л. 139).
Проклатые дѣти (л. 26 об.).
Ровна (л. 114 об.).
Пригорща мукы (л. 182).
Страда (л. 170 об.).
Соромота (л. 233):
Норовъ (л. 230).
Станище (л. 196 об.).
Становище (л. 106).
Пакость (л. 104 об.).
Поущьше (л. 14 об.) и т. п.

2. Множество предложеній, замѣчательныхъ или по своему строенію, близкому къ живой рѣчи или по своимъ созвучнымъ сочетаніямъ:

и не можаше никако же скотина тоуда проити, но токмо єдиномоу ч҃лкоу пѣшомоу (л. 267).

κρημνώδεις καὶ πάσῃ βάσει ζῴων ἀπρόσιτοι, πλὴν ὅσον κατὰ δύο τόπους τῆς πέτρας, ἐις ἄνοδον οὐκ ἐυμαρῆ παρεικούσης,—были крутизны для всякаго прохода животныхъ недоступные, кромѣ дву мѣстъ скалы, допускающей подъемъ съ затрудненіями. (Lib, VII, c. VIII, 3).

Берегомъ бо ити не вдасть безводіе,
а по морю пристанища нѣсть,
а по рѣкамъ порозѣ лютѣ.
(л. 143 об.).

ἔστι γάρ κατά τε γῆν δυσέμβολος, καὶ τὰ πρὸς θάλασσαν ἀλίμενος.... καὶ τοὺς ἀπλώτους καταράκτας. И по сушѣ и на морѣ пристанями скудно и на рѣкѣ не судоходные пороги. (Lib. IV, c. X, 5).

Они же на хорюгви ꙁрѧтъ,
И рꙋцѣ на сѣчю готовѧтъ,
тѣмъ же и скоро творѧтъ,
єго же хотѧтъ. (л. 82 об.).

ὄψεις δὲ σημείοις, ἔργοις δ. χεῖρες. ὅθεν δρᾶσαι μὲν ἀεῖ ταχεῖς

Взоры у нихъ для знаменъ, а руки для дѣла; оттого и въ дѣланіи всегда успѣшны. (Lib. III, c. V, 7).

кто болє людии погоѵбитъ и болє грѣха добоѵдєтъ. (л. 266).

καὶ πρὸς ὑπερβάλλειν ἀλλήλους ἔν τε ταῖς πρὸς τὸν Θεὸν ἀσεβείαις καὶ ταῖς εἰς τοὺς πλησίον ἀδικίαις ἐφιλονείκησαν — спорили о превосходствѣ другъ передъ другомъ въ нечестіи предъ Богомъ или въ неправдахъ къ ближнему. (Lib. VII, c. VIII, 1).

Встрѣчаются въ переводѣ и слѣды эпическія, которыхъ нѣтъ въ Греческомъ текстѣ.

1. Таково напр. воззваніе къ солнцу.

И ставъ посредѣ ихъ ананъ. и поꙁрѣвъ на ц҃рковь. исполни оѵи слєꙁъ и рєчє. живꙋ, ѽ с҃лнцє, и вєльдшю и нє ємлю славныѧ с҃мрти ѡ своєи старости. (л. 117).

Ζῶ καὶ φιλοψυχῶ, μηκέτι ὑπὲρ τοὐμοῦ γήρως ὑπομένων εὐκλεᾶ θάνατον.—Живу и жизнь люблю, больше не ожидая за свою старость славной смерти. (Lib. IV, c. III, 10). Воззванія *къ солнцу* здѣсь нѣтъ.

И се рꙋцѣ простеръ и главоѵ ѿклонı въпїаше. ѽ ꙁємлѧ, ѽ нбо, ѽ с҃лнцє. или можє ѡчєоѵбїицъ ѡбꙋиматї ѿца, на нєгожє толика ꙁла съмысливъ. истлися нєчєстиваѧ главо, съкрꙋшися бєꙁаконнічє (л. 25).

κἀκεῖνος, τὰς χεῖρας προβαλὼν καὶ τὴν κεφαλὴν παρακλίνας, ἔστιν, ἐξεβόησε, καὶ τοῦτο πατροκτόνου, τὸ περιπλέκεσθαι μοι θέλειν ἐν τηλικαύταις αἰτίαις ὄντα. Φθείρου, δυσσεβεστάτη κεφαλή. И онъ поднявъ руки и склонивъ голову, воскликнулъ: «это ли пристойно

отцеубійцѣ! И повинный въ такихъ преступленіяхъ онъ хочетъ меня обнимать! Згинь, непотребнѣйшая главо! (Lib. I, c. XXX, 5). Воззванія *къ землѣ, небу и солнцу* здѣсь какъ видитъ читатель также нѣтъ.

2) Греческое θύριον—звѣрь во многихъ мѣстахъ переводится зміемъ.

Се же скровенныи ꙁмїи насытився монхъ благодѣанїи и превратн на мѧ свою сытость. и мои живот стосиꙋ емоу. и старостїю моею тѧжко емꙋ бы҃. и не стерпи црьствовати добромъ, нъ ѿцеоубїиствомъ. (л. 25 об.).

Τὸ δὲ μιαρὸν τοῦτο θηρίον, τῆς ἐμῆς ὑπερεμπλησθὲν ἀνεξικακίας, ἤνεγκε κατ' ἐμοῦ τὸν κόρον. Ἔδοξα γὰρ αὐτῷ πολὺν ζῆν χρόνον, καὶ τὸ ἐμὸν γῆρας ἐβαρύνθη, βασιλεύς τ' οὐχ ὑπέμενεν, εἰ μὴ διὰ πατροκτονίας, γενέσθαι. Этотъ непотребный звѣрь, переполнившись моимъ терпѣніемъ, обратилъ на меня свою сытость. Моя жизнь показалась ему долговременною и моя старость его обременила; онъ не разчитывалъ сдѣлаться царемъ иначе, какъ чрезъ отцеубійство. (Lib. I, c. XXXII, 2).

Оуаре. ты блюдися ѿ него. азъ бо велми вѣмъ ꙁмѣѧ (л. 27 об.).

Οὔαρε, σοὶ φυλακτέον· ἐγὼ γὰρ οἶδα τὸ θηρίον—Уаре, тебѣ нужно беречься, ибо я знаю сего звѣря. (Lib. I, c. XCII, 2).

3) Бѣдствія (τὰ κακὰ) въ переводѣ также называются **«ꙁмїевы ꙁлобы»**.

доколѣ стерпимъ ѕмїевы ꙁлобы. (л. 190).

μέχρι τίνος ἀνθέξομεν τοῖς κακοῖς. До чего же мы будемъ терпѣть эти несчастія? (Lib. V, c. XIII, 2).

Наконецъ въ переводѣ можно замѣтить и нѣкоторые слѣды языка пѣснотворческаго.

Прежде всего замѣтимъ, что здѣсь упоминаются:

Калижницы, (л. 56 об.) о которыхъ нѣтъ ни слова въ Греческомъ текстѣ:

Мнози ѿ народъ, глемыхъ послꙋшаша. и повелѣнїю ихъ кинмахоꙋ, не славы ихъ дѣла. быша бо ѿ хꙋдыхъ. оби прамъ шекци. оби же калижници. (л. 58 об.).

Далѣе упоминаются:

гꙋдцы и пѣвци и съ арганы. (л. 64 об.). Въ Греческомъ текстѣ они отвѣчаютъ выраженіямъ: *Κιθαρισταί τε καὶ ὑμνῳδοὶ μετὰ τῶν ὀργάνων*—это игроки на цитрѣ и пѣснопѣвцы съ органами. (Lib. II, c. XV, 4). Любопытно именно то, что на кифаристовъ наложено здѣсь понятіе древне-русскихъ *гудцевъ*.

Изъ выраженій, встрѣчающихъ здѣсь и общихъ съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ отмѣтимъ слѣдующія:

Въ былинахъ читаемъ:	**Въ переводѣ Флавія:**
И Ильѣ то было не къ суду пришло. (Рыбн. I, 58.)	**И сї сꙋдомъ постиженъ бы** (л. 202). *Ἐδιώκετο καὶ αὐτὸς ὑπὸ τῆς εἱμαρμένης.* (Lib. VI, c. 1, 8). Онъ преслѣдуемъ былъ судьбою.
Не чѣмъ намъ въ Кіевѣ похвалитися. (Богатыр. Слово стр. 25).	**Боуде а нмъ ѡ чемъ похвалитса** (л. 231 об.) на Греч. нѣтъ.
А похвалу есмы видѣли твоихъ богáтырей. (Ib стр. 24).	**И намъ исполнитиса похвалы большїє.** (л. 100) *Ἵν' ἀκοινώνητον τε ᾖ τὸ κατόρθωμα καὶ μεῖζον*—чтобы удачно совершенное дѣло было безъ участниковъ и казалось важнѣе. (Lib. III, c. X, 2).

Гдѣ въ Греческомъ подлинникѣ говорится о горахъ, тамъ въ

переводѣ вставлены и *«лѣса»*, по видимому, также подъ воздѣйствіемъ народнаго пѣснотворчества.

а проуїи народи разбѣгоша по горамъ и по лѣсомъ (л. 36).

Мнози же... не възмогоша кликати и плакати и противу клицю й възгласахꙋ горы ѡкртныя. и ꙗко и лѣси вси. (л. 222).

Наконецъ для характиристики языка перевода Флавія—приводимъ здѣсь отрывокъ изъ Пареміи [1], составленныхъ въ честь Бориса и Глѣба, вѣроятно, при самомъ возведеніи ихъ въ лики Святыхъ, и озаглавленныхъ: ѿ бытїꙗ чтенїе.

и покрыша полѣ лѣтьское ѡбои ѿмьмножества вои. бѣ же пакь. тогда восхоꙗщоу слнцю. й приспѣ къ тои чиїъ стополкь с печенѣгы. й състоупиша ѡбои и бы сѣча зла. ꙗ же не бывала в роусѣ. за роукы са емлюще сѣчахоу. й подоудолиемь кровь течаше. й състоупиша ѡбои .г. жы. й ѡмѣрькоша биюще са. й бы громъ великъ тоутенъ. й дождь й молнии блистании. й блещахоуса ѡроужиꙗ въ роукахь ихь. й мнози вѣрьнии видахоу. англы помагающа ꙗрославу. а стополкь давь плѣщи побѣже. его же поправдѣ ꙗко не прѣна. соудоу пришедъшю. ꙗрославъ же пришедъ. сѣдѣ въ кыевѣ съ дроужиною своею. показаꙗ побѣдꙋ й троудъ великь.

Внимательный читатель не можетъ не видѣть, что весь этотъ блестящій отрывокъ состоитъ изъ выраженій, оборотовъ и образовъ, встрѣчающихся какъ въ Лѣтописи, такъ и въ переводѣ Флавія.

Мы не напрасно съ такимъ вниманіемъ остановились на переводѣ повѣсти Флавія. Изслѣдованіе его приводитъ къ выводамъ, драгоцѣннымъ не только для Исторіи литературы, но и для Русской истріи вообще.

[1] По списку XIV вѣка, на бомбицинѣ, принадлежащему нашему рукописному собранію.

На переводѣ лежитъ неотразимая печать сколько сознательнаго, столько же и самостоятельнаго отношенія къ Греческому подлиннику. Обращая вниманіе на древнѣйшіе переводы Болгарскіе, какъ-то, *Изборникъ*, переведенный для Болгарскаго царя Симеона, на «*Сказанія евангельскія въ сказаніяхъ всего лѣта*», выбранныя изъ Златоуста Болгарскимъ пресвитеромъ Константиномъ, мы видимъ, что они представляютъ въ себѣ чисто *механическое* переложеніе Греческихъ словъ на соотвѣтствующія Славянскія и *рабское* расположеніе ихъ по Греческому укладу. Не то мы видимъ въ нашемъ переводѣ повѣсти Флавія. Это живое усвоеніе Греческаго текста, это свободное выраженіе его смысла, далеко не тяготѣющее къ его буквѣ подобно переводамъ Болгарскимъ, показываетъ, что Греческій языкъ для образованныхъ людей Кіевской Руси былъ непосредственно доступенъ, на подобіе того, какъ въ наше время языкъ Французскій близокъ передовому образованному классу.

Далѣе, это поразительное сходство перевода съ Кіевскою Лѣтописью показываетъ не только то, что тотъ и другая относятся къ одной и той же эпохѣ и дружинной средѣ, но и то, что существовалъ уже тогда выработанный литературный языкъ, состоявшій изъ богатаго запаса техническихъ терминовъ, установившихся пріемовъ, выраженій и оборотовъ. Мы видѣли, что сходство этихъ памятниковъ въ отношеніи языка простирается такъ далеко, что они какъ будто заимствуютъ многія выраженія, обороты и образы другъ у друга. Столь близкое родство ихъ указываетъ лишь на то, что они воплощаютъ въ себѣ общій господствовавшій тогда литературный стиль. Стиль этотъ проникъ, какъ мы видѣли, даже въ строго церковную письменность.

Отсюда слѣдуетъ что въ Кіевской Дружинной Руси XII вѣка были уже «*мужи хитры книгамъ и ученію*» существовала уже развитая, прочно установившаяся, *литературно-повѣствовательная школа*, которая живымъ образомъ знала Греческій языкъ, съ яснымъ и непосредственнымъ разумѣніемъ относилась къ Еллинской словесности и обладала своеобразнымъ *стилемъ*, который такъ характерно сказывается какъ въ Лѣтописяхъ, такъ и въ переводѣ Флавія. Кіевская Лѣтопись представляетъ на то неотразимыя указанія. Ярославъ собра писцы многы, гово-

ритъ лѣтописецъ, и *прекладаше отъ Грекъ на Словѣньское писмо* [1] и списашеся книгы многы, ими же поучащеся вѣрніи людье... Ярославъ же сей, якоже рекохомъ, любимъ бѣ книгамъ, и, многы написавъ, положи в святѣй Софьи Церкви, юже. самъ созда (Лавр. 148-149). Владиміръ Мономахъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи свидѣтельствуетъ о своемъ отцѣ Князѣ Всеволодѣ, что онъ, *сидя дома, изумѣяше 5 языкъ*, и при этомъ знаменательно замѣчаетъ: *въ томъ бо есть честь отъ иныхъ земель* (Ibid. 238). Упоминаетъ по мѣстамъ Лѣтопись и объ иныхъ «*мужахъ хитрыхъ книгамъ и ченію*».

Но что всего важнѣе, разсмотрѣнный памятникъ, какъ памятникъ переводный, открывая путь точнаго сравнительнаго изученія, позволяетъ опредѣлить и самый стиль этой школы даже въ его происхожденіи.

Изъ сдѣланнаго нами разбора видно, что многія выраженія, часто встрѣчающіяся въ Лѣтописи и повторяемыя въ переводѣ Флавія, почти въ самой буквѣ отвѣчаютъ Греческимъ и потому очевидно обязаны своимъ происхожденіемъ Греческой Словесности и отсюда перешли въ оборотъ языка Дружинной литературной школы.

Съ другой стороны, изъ того же перевода мы видимъ, что голыя понятія подлинника здѣсь часто облекаются въ художественные

[1] Лѣтопись указываетъ и то, какія книги переложены были съ Греческаго на Словенское писмо. Такъ здѣсь читаемъ далѣе; яко же бо се нѣкто землю разореть, другый же насѣеть, ини же пожинаютъ; иже бо книгы часто чтеть, то бесѣдуеть съ Богомъ или Святыми мужи; почитая *Пророческыя бесѣды и Еуангельская ученія и Апостольская и житья Святыхъ отецъ* въспріемлеть души велику ползу (Лавр. 148—149). Переводы священнаго писанія далеко недостаточно изучены и потому нельзя положительно утверждать, какъ думалъ И. И. Срезневскій, что они до насъ не дошли. Житія Святыхъ въ южно-русскомъ переводѣ дошли до насъ въ Сборникѣ, принадлежащемъ Н. С. Тихонравову. Судя по живому отношенію къ Греческому подлиннику, по свободѣ переложенія, по стилю языка, эти переводы едва ли не относятся къ эпохѣ Кіевской Дружинной Руси. Типъ этихъ переводовъ существенно отличается какъ отъ Болгарскихъ, такъ и позднѣйшихъ Русскихъ.

образы и его мысли краснорѣчиво выражаются готовыми, какъ бы стереотипными, оборотами русской рѣчи—и даже иногда оборотами народными; это доказываетъ, что литературный стиль этой школы, кромѣ Византійской письменности, обязанъ своимъ происхожденіемъ отчасти предшествовавшему эпическому направленію дружинной литературы и главнымъ образомъ источнику живаго языка русскаго, народнаго.

При частыхъ переходахъ Князей и Дружинниковъ съ Сѣвера на Югъ и съ Юга на Сѣверъ, при самыхъ разнообразныхъ историческихъ и культурныхъ взаимодѣйствіяхъ, южно-русское и сѣверно-русское нарѣчія успѣли возвыситься въ своемъ соединеніи до *общаго языка литературнаго славяно-русскаго.*

Само собою разумѣется, что первоначальная Югославянская письменность имѣла огромное дѣйствіе на развитіе этого литературнаго языка Кіевской школы, привнеся въ него множество словъ мѣстнаго Югославянскаго образованія. Въ томъ же переводѣ повѣсти Флавія мы встрѣчаемъ такія выраженія, какъ **отънноудь, ѡбаче, соухимъ ꙁлатомъ**. Но достойно вниманія, что такихъ выраженій Югославянскаго происхожденія гораздо больше, чѣмъ въ переводѣ Флавія, встрѣчаемъ мы въ такомъ несомнѣнно русскомъ и оригинальномъ произведеніи, какъ «Кіево-печерскій Патерикъ». Здѣсь не только употребляются и «**обаче**» (л. 50) и «**отнноудь**» (л. 100), но и «**дрꙋгонцы**», и «**вльми**» и «**тоудѣ**» и «**таче**» и «**огнь въꙁгнѣсти**» (л. 126) и **животомъ гоньꙁгнꙋть**, и т. п. Когда и какъ проникли подобныя слова и выраженія въ литературный повѣствовательный языкъ Кіевской дружинной школы, определить это также трудно, какъ и рѣщить, когда и какъ именно тѣ или другія иноземныя выраженія проникли въ современный литературный языкъ.

Съ другой стороны, изъ вышеприведенной лѣтописи Аѳонскаго списка той же повѣсти [1] видно, что тамошній схимникъ Григорій въ XVI вѣкѣ долго искалъ этого перевода—и въ Сербскихъ и Болгар-

[1] Смотри выше стр. 215.

скихъ земляхъ, но нашелъ только въ Россіи и «преписалъ Срьбскими рѣч́мы». Въ виду того, что потомъ съ Аѳона къ намъ не мало было вывозимо книгъ юго-славянскаго письма, не мудрено, если отыщется у насъ въ Россіи и юго славянскій списокъ повѣсти Фл́авія. Но, тотъ, очевидно, впалъ бы въ грубую ошибку, кто сталъ бы, на основаніи письма и языка этого списка, самый переводъ памятника относить къ переводамъ Болгарскимъ.

И такъ, въ виду всего выше изложеннаго, настоитъ надобность отрѣшиться отъ ученаго предразсудка, въ силу коего наши древніе переводы произведеній Греческой Словесности спѣшатъ относить къ Болгарской средѣ, служившей посредницей между нами и Византіей. Существованіе въ XII вѣкѣ въ Кіевской Дружинной Руси самостоятельной *литературной школы*, относившейся съ живымъ разумѣніемъ къ Греческой словесности, *для многаго* дѣлаетъ излишнимъ такое посредничество. Никакая Болгарія, ни старая, ни новая не представляетъ намъ такихъ блестящихъ образцевъ перевода, каковъ Русскій переводъ повѣсти Флавія. Къ тому же Болгарія въ XII вѣкѣ воплощала въ своей письменности *теологическій принципъ* и потому тѣмъ съ большею осторожностію должны быть относимы на ея счетъ переводы произведеній характера свѣтскаго. Что же касается нѣсколькихъ отдѣльныхъ выраженій мѣстнаго югославянскаго образованія, встрѣчающихся въ тѣхъ или другихъ переводахъ, то онѣ, какъ показываетъ Патерикъ Печерскій, прежде всего должны быть относимы къ литературному языку Кіевской школы, а отнюдь не къ доказательствамъ того, что тотъ или другой изъ нихъ сдѣланъ былъ первоначально въ Болгаріи. Подобныя доказательства сами по себѣ слишкомъ ничтожны, а между тѣмъ могутъ вносить прямую ложь въ исторію Русской литературы.

Наконецъ отсюда же видно и то, на сколько состоятеленъ взглядъ на Кіевскую дружинную Русь, проведенный въ Исторіи Русской Церкви [1] Е. Е. Голубинскимъ, будто бы «все просвѣщеніе этой Руси въ до-

[1] См. стр. 614.

монгольскій періодъ состояло въ одной грамотности или одномъ умѣніи читать—однимъ словомъ, будто оно находилось на самой послѣдней степени невысоты, какая только возможна», и будто бы лучь свѣта возсіялъ въ Россіи, лишь только со временъ Петра Великаго [1].

Слово о полку Игоревѣ, какъ произведеніе, относящееся къ той же дружинной эпохѣ и къ той же средѣ, очевидно, должно стоять

[1] Считаемъ не излишнимъ привести здѣсь образчикъ того, въ какомъ отношеніи къ переводу Кіевской Руси XII вѣка стоитъ переводъ той же повѣсти сдѣланный въ XVIII вѣкѣ:

и бы҃ тако. и ѡдръжаше все тѣло его разноличными страстьми. огнь бо бы҃ емоу безпрестани и съврабъ нестерпимыи и въ кост҄ѣ частободѣние бываше. нозѣ ѡтекоста и ѡкаменниста. дш҃а же его стоꙗше в̓ персехъ и тяжко дыхаше. и вси оуди его беспрестани съдрыгахоуся (л. 31 об. 32).

῎Ενθεν αὐτοῦ τὸ σῶμα πᾶν ἡ νόσος διαλαβοῦσα, ποικίλοις πάθεσι διεμερίζετο. Πυρετὸς μὲν γὰρ ἦν οὐ λάβρος, κνησμὸς δ᾽ ἀφόρητος τῆς ἐπιφανείας ὅλης, καὶ κώλου συνεχεῖς ἀλγηδόνες, περί τε τοὺς πόδας, ὥσπερ ὑδρωπιῶντος οἰδήματα. Πρὸς τούτοις ὀρθόπνοια καὶ δύσπνοια καὶ σπαμὸ ἁπάντων τῶν μέλων.

А вотъ переводъ XVIII вѣка;

«При семъ приключеніи болѣзнь, распространившись по всему тѣлу, терзала оное различными скорбми. Была у него горячка, но не сильная, а часотка по всему тѣлу не споспая; колика же (или боль въ кишкахъ) непрерывная. Сверхъ того дышать иначе не могъ, какъ сидя, и имѣлъ судорогу во всѣхъ членахъ» Переводчикъ собственно переводилъ съ Латинскаго, по мѣстамъ пользуясь и Греческимъ текстомъ; но въ существѣ онъ не понималъ *часто* ни того, ни другаго языка. Мы могли бы привести здѣсь множество образцовъ этого невѣжества. До такой степени упало въ XVIII вѣкѣ разумѣніе Греческой Словесности въ сравненіи съ Кіевскою Русью XII вѣка.

по языку въ ближайшемъ отношеніи къ переводу повѣсти Флавія. И дѣйствительно, связь эта оказывается не менѣе поразительною, чѣмъ и связь того же самаго перевода съ Кіевскою Лѣтописью. Въ Словѣ встрѣчаемъ множество отдѣльныхъ выраженій и цѣлыхъ оборотовъ, которые читаются и въ разсматриваемомъ переводѣ. Внутреннее взаимное отношеніе этихъ памятниковъ для насъ столь важно, что мы считаемъ нужнымъ привести здѣсь всѣ тѣ мѣста, кои въ томъ и другомъ или совершенно тождественны между собою или болѣе или менѣе подобны другъ другу и стоятъ въ ближайшемъ аналогическомъ соотношеніи.

Не лѣпо ли ны бяшетъ	**Не лѣпо ми есть презрити тщанія ихъ** (л. 55) Οὔτε τὴν ἐκείνων σπουδὴν ἐγκαταλιπεῖν δίκαιον—усердіе ихъ (воиновъ) оставить было бы не справедливо (Lib. II, c. XI, 2).
	Лѣпо на славу варити. (л. 100). Ἁρπάσαι δέ τὴν νίκην δυνάμεθα—мы можемъ предвосхитить побѣду (Lib. III, c. X, 2).
Трудныхъ повѣстей, повѣстей о трудахъ.	**Воини же оутроудившеся сѣкоуще.** (л. 236 об.). Οἱ στρατιῶται μεν ἔκαμνον ἤδη φονεύοντες, воины утомились убивая (Lib. VI, c. IX, 2).
	Оуеспасіанъ покои воя ѿ ноунаго труда. Ὀλίγον ἀπὸ νυκτερινοῦ πόνου διαναπαύσας—давъ немного отдохнуть отъ ночнаго воинскаго подвига. (Lib. III, c. VII, 24).
Почнемъ же повѣсть сію	**Прѣлежить же повѣстованіе ѿ иродѣ** (л. 6).

Поостри сердця своего мужествомъ.	**Подъострите дш҃и ваша на мьсти** (л. 118). Τὰς ψυχὰς ἐπ᾽ αὐτούς. θήξετε πρὸς ἄμυναν—наточите души ваши мщеніемъ (Lib. VI, c. III, 10).
	Подъострѣвашеть а҃ на рать (л. 114). Ἐπὶ πόλεμον ἐνῆγε—возбуждалъ къ войнѣ (Lib. IV, c. III, 1).
Истягну умъ.................	**и своа выа истагающа възпіахоу.** (л. 51). Πρηνεῖς καταπεσόντες—павши стремглавъ ницъ, распростершись (Lib. II, c. IX, 2).
Крѣпостію своею...........	**И пріимъ оумъ въ свою крѣпость и ста крѣпко исполчивса.** (л. 108). На греч. нѣтъ.
...	**ѡниже ѡбрадоваса ѕѣло ѡ дѣтинѣ крепости и ѡ доблести.** (л. 102). Τῇ τε τοῦ παιδὸς ἀρετῇ καὶ τῷ κατορθώματι—мужеству сына и отважному поступку (Lib. III, X, 6).
Исполнившись ратнаго духа...	**и исполнившеса ратьнаго дх҃а.** (л. 18). Καὶ τινὸς ἀρηΐου πνεύματος ὑποπιμπλάμενοι — исполнившись храбраго (Марсова) духа (Lib. III, c. V, 4).
	Вси вои исполниша дх҃а бранйаго. (л. 100). Προθυμία δαιμόνος ἐμπίπτει τοῖς ἀνδράσι—чудесная бодрость охватила мужей (Lib. III, X, 3).

Потяту быти..............	**Тако и ты потять будеши серпомъ нбнымъ.** (л. 50). На Гречнѣтъ.
	И выведе и.. на потятіе. (л. 231). Προήγαγεν... καρατομήσων--вывелъ намѣреваясь обезглавить (Lib. VI, c. VII, 1).
Луче же бы потяту быти, неже полонену быти.	**а лѣпле смрть славну пріяти негли жити плени.** (л. 122 об.). πολεμούμενος δ'ἅπαξ θάνατον εὐκλεᾶ τοῦ ζῆν αἰχμάλοτος—побѣждаемый на войнѣ, смерть предпочитаю жизни плѣнника (Lib. IV c. IV, 3).
Искусити Дону.............	**И меча искусить вынимающе.** (л. 141). Τε ξίφη προφέροντες... διήλαυνον—вынявъ мечи, прободали. (Lib. IV, c. X, 10).
	и копія на нѣ и меча искоушахоу. (л. 188). Τάς τε ἀκμὰς τῶν ξιφῶν ἐδοκίμαζον—и острія мечей пробовали (Lib. V, c. XII, 3).
Оба полы сего времени......	**И ставше оба полы поути.** (л. 250 об.). Παρὰ τὴν ὁδὸν ἑκατέρωθεν παρακαταστάντες (Lib. VII, c. V, § 2).
	Оба полы древо, а сре а перьстъ. (л. 269).
Трубы трубятъ...........	**И въструбиша въ трубы** (л. 106 об.). Μετὰ πολλοῦ σαλπίγγων ἤχου—съ великимъ звукомъ трубъ (Lib. IV, c. I, 4).
Подъ шеломы възлелѣяни, конець копія въскръмлени.	**Сами же толико труда пріемлюще и подъ шлемомъ състарѣвшесь** (л. 143). Αὐτοὶ δὲ διὰ

τοσούτων κεχωρηκότες πόνων καὶ γηρῶντες ὑπὸ τοῖς κράνεσιν—а сами подъявъ столько трудовъ и состарѣвшись подъ шлемами (Lib. IV, c. X, 3).

Не при рати токмо емлютъ ѡроужїе.. нъ акы родившеся съ оружїемъ николи же не ѿлоучаютсѧ. (л. 79). Οὐ γὰρ αὐτοῖς ἀρχὴ τῶν ὅπλων ὁ πόλεμος.... ἀλλ' ὥσπερ συμπεφυκοτες τοῖς ὅπλοις οὐδέποτε τῆς ἀσκήσεως λαμβάνουσιν ἐκεχειρίαν—не война для нихъ—поводъ обращаться съ оружіемъ.. но они, какъ бы вскормленные на оружіи, никогда не имѣютъ отдыха въ упражненіи имъ (Lib. III, c. V, 1).

Луци напряжени............

Ѩкоже лукъ напряженъ (л. 52). На Греч. нѣтъ.

Тогда въступи Игорь князь въ златъ стремень. Игорь къ Дону вои ведетъ.

Титъ же первое оударивъ конь и выеде на июдеѧ и по немъ вси вои вѡдри с кличемъ поехаша. О δε Τίτος πρώτος τὸν ἵππον ἤλαυνε ἐις τοὺς πολεμίους καὶ σὺν κραυγὴ μετ' αὐτὸν οἱ λοιποὶ—Титъ первый погналъ коня, а за нимъ и прочіе съ кличемъ (Lib. III, c. X, 3).

Серебряно стружіе.

Римлане же привѧзывающе серпы съ стружїемъ ѿрѣзывахоу мѣхи (л. 78 об.). Κοντὸυς μακροὺς καὶ δρέπανα δήσαντες ἐπ ἄκρων—длинные шесты и на вершинахъ

	ихъ прикрѣпивъ загнутые ножи. (Lib. III, c. VII, 20).
Нощь стонущи грозою.......	**Нощь бо бѣше безълуннà и бурна и громна.** (На Греч. нѣтъ).
Орлы клектомъ на кости звѣря зовутъ.	**Орелъ птица насилна и всхытница есть** (л. 29 об.). На Греч. нѣтъ).
Волцы грозу въсрожатъ......	**Възвратиша выюще, акы вълци.** На Греч. нѣтъ. (л. 131).
Длъго ночь мркнетъ.........	**Приведе на насъ покровъ нощь.** (л. 271 об.). На Греч. нѣтъ.
Мъгла поля покрыла.........	**Мьглою не можаху видѣти.** (л. 90 об.). Ὁ μίχλη τὰς ὄψεις ἀπήμβλυνε πολλή — большой туманъ омрачилъ зрѣніе (Lib. III, c. VII, 34).
Потопташа поганыя плъки Половецкыя.	**Мнози потоптани быша другъ ѿ друга.** (л. 219). Πολλοὶ μὲν ὑπ' ἀλλήλων κατεπατοῦντο—многіе растаптывали другъ друга (л. 219).
	Побѣжаша тъпующеся. (л. 101). На Греч. нѣтъ.
А съ ними злато и паволоки.	**лежаша же ризы и паволоки** (л. 222). Ἄπειροι δὲ ἐσθῆτες—безчисленное множество одѣяній Lib. VI, c. V, 2).
Начаша мосты мостити.	**И помощенъ бо иорданъ троупіемъ и тако исполнися рѣка оутопшими. и ходахоу по нимъ, акы по мостоу** (л. 132). На Греч. нѣтъ.
Итти дождю.. стрѣлами съ Дону великаго.	**И стрѣлы на нѣ лѣтахоу, акы дожь** (л. 132). На Греч. нѣтъ.
Пороси поля покрываютъ.	**Прахъ ѿ нихъ не дадаше видѣ-**

	ти (л. 186) ὁ μὲν κονιορτὸς τῶν ὀμμάτων.. ἐπεκράτει—облако пыли взоры охватило (Lib. V, c. XI, 6).
Поскепаны... шеломы.........	Щиты искипани (л. 85). На Греч. нѣтъ.
Свычаи и обычаи............	и обычая своего не ѡхабяхоутся, нъ на свую оустремляхоутся. (л. 231 об.). Τὸ τε τοῦ φονεύειν ἔθος ἐκίνει τὰς δεξιάς. Привычка къ убійству приводила въ движеніе руки (Lid. VI, c. VII, 2).
Минули лѣта..............	врѣмя прошенія минуло (л. 224). Ὁ δὲ τῆς συγγνώμης καιρὸν αὐτοῖς παρῳχηκέναι (Lib. VI, c. VI, § 1).
Тоже звонъ слыша..........	мнимъ же, яко и по всѣ боудеть съ звонй. им же есми должни месть принати. (271 об.). На Греч. нѣтъ.
Уши закладаше.............	ови же гнѣвомъ затвориша оуши (л. 219 об.). Οἱ δε ὀργῇ περισπώμενοι—въ гнѣвѣ отклоняясь (Lib. VI, c. IV, 6).
Слава на судъ приведе........	И тогда падеся соудомъ (л. 200). На Греч. нѣтъ. (Lib. VI, c. I, 6). И соудъ предасть его. (Lib. VI, c. II, 10).
Ратаевѣ кикахуть..........	На томъ версѣ земля мякка и доброплодна. и ѿда ю црь гражаномъ.... ἀνῆκεν εἰς γεωργίαν ὁ βασιλεὺς (Lib. VII, c. VIII, 3). да тоу землю ѡрюще ѡбилїє имоутъ. (л. 268).

Врани граяхуть, трупіа себѣ дѣляче.

л. 24 об. **Ови же ласкосердіи на златоиманіе, якоже врани на трупъ.** (л. 24 об.). На Греч. нѣтъ.

Кровію польяна..............

л. 220. **кровъ же течаше, акы рѣка и струя кровная влечаше троупіа.** αἷμα τε ἔρρει πολὺ—кровь текла во множествѣ (Lib. VI, c. IV, 6).

Давечя рано передъ зорями....

И пришеше нощію прѣ зорами (л. 110). Περὶ τὴν ἑωθικὴν φυλακὴν — передъ утреней стражей (Lib. IV, c. I, 9).

Жаль бо ему мила брата.....

Всѣмъ бо иоудеомъ жаль бы по братоу. καὶ τὸν τῶν ὀρφανῶν ἔλεον ἐχ' τοῦ ἔθνους—и было состраданіе къ сиротамъ со стороны народа (Lib. I, c. XXVIII, 3).

Сватовъ напоиша, а сами полегоша за землю русскую.

иже явившася к то время храбрѣиша всѣхъ, акы на свабу течахоу, а не на рать. (л. 185). Καθάπερ γὰρ εἰς φίλους ἐκτρέχοντες οὐ πολεμίων στίφος—какбы перебѣгая къ друзьямъ, а не въ толпу враговъ (Lib. V, c. XI, 5).

Ничить трава жалощами....

оукрадоша бо ны тогда жалощами. (л. 41). Δι' οἶκτον ἐκκλέψαν-въ силу сожалѣнія скрыли (Lib. II, c. VII, 1).

Пустыня силу прикрыла.....

л. 194. **и аще кто древле видѣлъ июденскоу красотоу и градскоую лѣпотоу и тогда приключися емоу видѣти пустотоу.** Οὐδέις τε τὴν πάλαι Ἰουδαίαν καὶ τὰ περικαλλῆ προάστεια τῆς πόλεως

	ἑορακὼς ἀλλόφυλοι, ἔπειτα τὴν πτόε βλέπων ἐρημίαν—какой бы иноплеменникъ, давно видавшій Іудею и прелестныя предмѣстья города, и потомъ когда либо глядя на эту *пустыню* не восплакалъ (Lib. VI, c. I, 1).
Жля поскочи...............	**Вопль желенъ и плачъ оглушающь весь гра̑д.** (л. 35 об.). Слову **желенъ** на Греч. нѣтъ соотвѣтствующаго (Lib. II, c. I, 2).
	Ѳерора... ѡболкся въ желены ризы (л. 6 об.). Φανείη μελαίνῃ τε ἐσθῆτι—явился въ черной одеждѣ (Lib. I, c. XXV, 4).
Грозою бяшетъ.............	**Матежники же грозою оукроташе.** (л. 113 об.) ἀπειλαῖς ...τοὺς ταράσσοντας ἀνέστελλε — возмутителей угрозами удерживалъ (Lib. VI, c. II, 5).
	Ѡвъ же съ грозою зрѧ (л. 95). Στρατηγικώτερον ἐμβλέπων—взирая по военачальнически, т. е. бросая строгій властилинскій взоръ (Lib. III, c. VIII, 6).
И въ морѣ погрузиста.......	**и иже кромѣ брани погрузиша грады послѣди** (л. 115). Καὶ δίχα τῆς, στάσεως ὕστερον ἐβάπτισαν τὴν πόλιν—кои, безъ мятежа, погрузили градъ въ злополучіи (Lib. IV, c. III, 3).
Погрузи жиръ въ Каялѣ рѣцѣ.	**Везде бяше вопль и стенаніе оубиваемыхъ и кровь съ горы текущи погрузи весь градъ** (л. 110).

Ἄπειρος δὲ ἦν πανδαχοῦ φονευομένων ὁ στόνος καὶ τὸ αἷμα πᾶσαν ἐπέκλυζε τὴν πόλιν—всюду былъ необъятный стонъ убиваемыхъ и кровь потопила весь городъ (Lib. IV, c. I, 10).

Тъщима тулы

тъщими рѹками. (л. 245) κεναῖς χερσὶν—съ пустыми руками (Lib. VI, c. VIII, 5).

Тъщимъ словомъ (л. 37) на Греч. нѣтъ.

Себѣ славы искати

Аще же мы мали сѹще побѣдимъ толико множество и гра҃ възмемъ. кто славнѣй на҃ боудеть (л. 101 об.). Φθάνειν δ' χρὴ... τὴν τῶν ἡμετέρων βοήθειαν, ἵνα πρὸς τῷ νικῆσαι τοσοῦτο πλῆθος ὀλίγοι καὶ τὴν πόλιν ἕλωμεν μόνοι—нужно предупредить поспѣшеніе на помощь нашихъ, дабы, сверхъ побѣды въ такомъ маломъ числѣ и надъ такимъ множествомъ, мы же одни еще и городъ взяли (Lib. III, c. X, 4).

Тіи бо... кликомъ плъки побѣждають, звонячи въ прадеднюю славу.

И что гл҃ю прадѣдскѹю крѣпость нн҃ѣшнюю брань, юже въздвигаемъ на Римляны (л. 118 об.). Καὶ δεῖ τὰ τῶν προγόνων λέγειν—и что должно сказать о дѣяніяхъ предковъ (Lib. IV, c. III, 10).

Епифаніи же, съвокоупивъ і҃ конникъ... пріиде къ Ологесоу ц҃рю, парѳи́скомѹ и «тотъ» сподоби а ц҃рьстіи чти и помня древ́нюю

славоу ихъ (л. 263). Послѣднихъ словъ на Греч. нѣтъ (Eib. VII, c. VII, 2).

А чи диво ся...

Чи кончинѣ братіѣ забыхъ. (л. 28 об.). Ἢ τὸ τῶν ἀδελφῶν τέλος ἠγνόουν—или я не зналъ о кончинѣ моихъ братьевъ? (Lib. I, c. XXXII, 3).

Кощей по резанѣ.... поганою кощея... сѣдло кощіево.

Сакинъ.. черны ωбразомъ и соухъ и кощенъ (л. 199). Ἰσχνὸς, τὴν σαρκὰ πεπιλημένος сухопарый и съ сжатымъ тѣлосложеніемъ. (Lib. VI, c. I, 6).

Дружина рыкають, акы тури.

Асфалти... тольсти и велици акы волове и плакаютъ верхѹ, образомъ подобни туромъ (л. 136). Τό τε σχῆμα καὶ τὸ μέγεθος ταύροις παραπλήσιαι—по виду и величинѣ похожи на воловъ (Lib. IV, c. VIII, 4).

Въ полѣ незнаемѣ.

И вся потребная принесоуть поутьми незнаемыми (л. 186) ἀφανεῖς ὁδοὺς—пути тайные (Lib. V c. XII, 1).

Храбрая мысль носитъ умъ на дѣло.

И всѣмъ оустремившимся на дѣло (л. 166). Καὶ τῆς στρατίας ἐπὶ τὸ ἔργον ὡρμημένης—когда и все войско ринулось на дѣло (Lib. V, c. VI, 2).

Заступивъ королеви путь.

Антоніи же заступи имъ вся поути. (л. 148 об.). Πρίμος ὑποτέμνεται τὰς εἰσόδους αὐτῶν.—Примъ отрѣзалъ всѣ дороги. (Lib. IV, c. XI, 3).

Сутъ бо у ваю желѣзные паворзи подъ шеломы Латинскими.	**Того ко** (Юліана) **не могоша скоро оубити, ꙁане ѡблъчень бы въ шеломъ и въ брони всюдѣ** (л. 202 об.) οὐδὲ γαρ ἀνηρέθη ταχέως, τῷ τε κράνει και τῷ θώρακι, πεφραγμένος πάντα τὰ καίρια πρὸς σφαγὴν καὶ τὸν αὐχένα συνέλκων—онъ скоро не былъ умерщвленъ, былъ защищенъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ раны смертельны, шлемомъ и нагрудникомъ а шею имѣя сжатою (Lib. VI, c. 1, 8).
А древо не бологомъ листвіе срони.	**Иже истаяхоу ѿ глада въ градѣ и падахоуть, аки листвіе** (л. 213). На Греч. нѣтъ.
Доспѣли на брань............	**Тщася, да скоро доспѣеть въ южнихъ странахъ** (л. 132). Οὐεσπασιανον δὲ ἐπήγειρεν ἐις τὴν ὁρμὴν τοῦ πολεμοῦ τὰ ἠγγελμένα—Веспасіана же къ напряженію всѣхъ силъ на войнѣ, т. е. къ скорѣйшему довершенію ея, побуждало то, въ чемъ онъ извѣстился (Lib. IV, VIII, 1).
Власти расхытисте........	**Агрипа же въꙁка оуеспасїана въ своѭ власть** (л. 97 об.). Κατὰ τὸν ὀικον—въ своей области (Lib. III, c. VII, 7).
Позвони своими острыми мечи.	**И поꙁвенѣ ѡрꙋжие его и абїе въꙁъвратишася на нь бѣгающїи·** (л. 202). Μετὰ μεγίστου τῆς πανοπλίας ἤχου τοὺς φεύγοντας ἐπιστρέφει—звономъ всеоружія обра-

	тилъ на себя бѣгущихъ (Lib. VI, c. I, 8).
Обѣсися.	**рѹцѣ ѡбѣси**, παρῆκε τὴν δεξίαν (Lib. VI, c. I, 6).
Утрь же..................	л. 190. **оутрь дрѹгъ дрѹга ѕваше ѡтаи, да не ѕвѣста боудетъ рѣчь**, ὑπὸ τὴν ἕω τοὺς λοιποὺς τῶν ὑποτεταγμένων ἄλλον ἀλλαχόσε διεπέμψεν, ὡς μὴ φωραθέιη τι τῶν βεβουλευμένων—а прочихъ ему подчиненныхъ, по утру разослалъ въ разныя мѣста, въ виду того, какъ бы не объявилось что либо изъ затѣяннаго имъ. (Lib. V, c. XIII, 2).
Снопы стелютъ головами.	Кн. III, VII, § 23. **и бысть видѣти падающа жиды, акы снопы съ ѕабрала** (на Греч. нѣтъ).
Часто бѣды страдаше.	**и ина бѣда въста въ Іерлимѣ**. (л. 137 об.). Ἐπανίστατο δὲ ἄλλος τοῖς Ἱεροσαλύμοις πόλεμος въ Іерусалимѣ возстала другая война (Lib. IV, IX, 3).
И потече къ лугу Донца.	**и на мѣсто потекоша** (л. 219) καὶ πρὸς ἄμυναν συνέθεον. Сбѣгались на защиту. (Lib. VI, c. IV, 5).
	иніи же къ езерѹ текахѹ. (л. 102) Ἐπὶ τὴν λίμνην καταθέοντες—иные же убѣгая къ озеру (Lib. III, c. X, 5).
Плачется мати Ростиславля.	л. 191. **Іѡсипова же мти.. ѡтаи же рыдающи къ рабынамъ глаше**.

Предложенія подобныя по формѣ:

Лучи напряжени, *тули отворени,* *сабли изострѣни,* *сами скачутъ, акы сѣрыи влъцы.*	храми раҙграблены, роди исѣчени, жены желѣюща, плачь и рыданїе по всемꙋ градоу (л. 213).
Два солнца померкоста, *оба багряная стлъпа погасоста.* *Олегъ и Святославъ тьмою ся поволокоста.*	симонъ съ їѡаномъ ѡбнажиста ѧ, и кровь ихъ испивашета и жилы ихъ раҙелѧшета (л. 183). Они другъ другу подносили кровь единомышленниковъ и дѣлили несчастныхъ трупы. Ἀντιπρούπινον δ' ἀλλήλοις τὸ αἷμα τῶν δημοτῶν καὶ τὰ πτώματα τῶν ἀθλίων διεμερίζοντο. (Lib. V, c. X, 4).

Это множество сходныхъ выраженій и оборотовъ показываетъ, въ какомъ ближайшемъ отношеніи стоитъ «Слово» къ переводу Флавія. При этомъ нѣкоторыя изъ выраженій и оборотовъ, отвѣчая буквѣ Греческаго текста, занесены въ «Слово» какъ будто изъ перевода. Другія же напротивъ, не имѣя для себя основанія въ Греческомъ текстѣ, попали сюда на оборотъ, како будто изъ Слова [1]. Столь близкое родство ихъ доказываетъ, что Слово носитъ на себѣ печать *стиля* той же *литературно-повѣствовательной школы* Кіевской Дружинной Руси, къ которой относится и переводъ Флавія.

[1] Таково напр. выраженіе: сь же ҙконъ и проч.

IV.

„СЛОВО" КАКЪ ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВѢСТЬ.

Недостатокъ въ обществѣ яснаго сознанія историческаго и художественнаго значенія Слова.—Связь Слова съ культурой черниговскаго княжества.—Сходство Слова и Лѣтописи въ основныхъ воззрѣніяхъ и изображеніяхъ при—днѣпровской Руси XII вѣка.—Тождество въ понятіяхъ, отношеніяхъ, въ бытѣ и языкѣ этой Руси по Лѣтописямъ и Слову.—Особенности изображеній Слова въ сравненіи съ разсказами Лѣтописными.

«Не понимаю, чѣмъ могло такъ заинтересовать васъ «Слово о полку Игоревѣ»?—спрашивалъ А. Н. Майкова одинъ близкій его знакомый, услыхавшій, что онъ нѣсколько лѣтъ весьма усердно занимается этимъ памятникомъ. Признаемся, то же удивленіе и такое же откровенное недоумѣніе слыхали и мы отъ своихъ знакомыхъ, по поводу того же «Слова». Люди, учившіеся въ школахъ, иногда даже получившіе высшее образованіе, не могутъ дать себѣ яснаго отчета въ его научной важности и интересѣ. Это, безъ сомнѣнія, зависитъ оттого, что въ нашихъ школахъ, особенно въ послѣднее время, при его изученіи весьма много обращаютъ вниманія на его грамматическія и лексикологическія особенности и мало останавливаются на его исторической и художественной сторонѣ. Стóитъ только пересмот-

рѣть педагогическія изданія, чтобы убѣдиться, какъ мало помогаютъ онѣ ясной и отчетливой оцѣнкѣ историческаго и художественнаго значенія «Слова», тогда какъ здѣсь-то именно и таится то, что́ дѣлаетъ его дорогимъ, безцѣннымъ и не замѣнимымъ памятникомъ для русской исторической науки и литературы.

Еще профессоръ Шевыревъ въ своей публичной лекціи о «Словѣ о полку Игоревѣ», какъ извѣстно [1], останавливалъ свое вниманіе на историческомъ значеніи этого памятника; но, обозрѣвая три эпохи, обнимаемыя «Словомъ», онъ, по собственному его признанію, «обозначилъ только важнѣйшія историческія лица», отразившія въ себѣ эти эпохи.

Но такое поверхностное обозрѣніе историческаго содержанія «Слова», очевидно, не даетъ надлежащаго понятія о всей его истинной важности въ этомъ отношеніи. Не въ лицахъ и не въ ихъ именахъ кроется его глубокое историческое значеніе.

Прежде всего Слово, какъ произведеніе относящееся къ литературно-повѣствовательной школѣ Кіевской дружинной Руси, даетъ замѣтить, когда *повѣсть*, (ἠστὸρια), получила общеобязательное и не отразимое значеніе въ Русской литературѣ. Связывая событія своего времени, эпоху Святослава и Игоря съ эпохой предшествующей— Олега и Ярослава, авторъ Слова указываетъ грань, съ которой начинается потребность строго-историческаго изложенія событій. «*Начнемъ повѣсть сію отъ стараго Владиміра до нынѣшняго Игоря*. Тамъ, за старымъ Владиміромъ — слѣдуетъ уже Боянъ съ его замышленіями, сквозь призму котораго онъ излагаетъ все предъидущее прошлое. И такъ княженіе Владиміра и именно Мономаха, какъ доказано будетъ ниже, было тою гранью, отъ которой начинается уже *повѣсть по былинамъ*, тѣмъ моментомъ, съ котораго потребность изложенія строго историческаго стала господствующею и обязательною. Кіевскій Лѣтописный сборникъ, сформировавшій къ концу XI или началу

[1] См. сент. «Ж. М. Н. П.», пр. за 1876 г. Въ очеркѣ литературы «Слова» стр. 42. Лекцію Шевырева см. въ его «Исторіи русской словесности», М., 1842, стр. 253—332.

XII вѣка, по видимому, былъ событіемъ, совершившимъ переворотъ въ воззрѣніяхъ на задачи литературнаго повѣствованія. Начиная съ Владиміра Мономаха уже было недостаточно въ образованной дружинной средѣ довольствоваться замышленіями Бояна, какъ бы ни были широки и раздольны его пѣсни и какъ бы ни было художественно струнное ихъ исполненіе. Авторъ «Слова» искренній почитатель Боянова пѣснотворчества, построившій свое произведеніе на основѣ его пѣсенъ, заявляетъ себя однако послѣдователемъ историческаго направленія дружинно-повѣствовательной школы своего времени. Какъ ни много подражалъ онъ стилю Бояновскаго изложенія, но онъ строго воплощаетъ въ своей повѣсти историческій фактъ и глубочайшимъ образомъ примыкаетъ къ лѣтописному повѣствованію.

Нельзя не замѣтить, что «Слово о полку Игоревѣ» глубокими корнями связано съ исторіею черниговскаго княжества. Авторъ «Слова» навсегда скрылъ для насъ свое имя, но онъ оставилъ въ своемъ произведеніи довольно прозрачные слѣды своего званія. «Слово», какъ и «Кіевская Лѣтопись», въ существѣ своемъ относятся, какъ увидимъ, къ одной и той же дружинно-княжеской средѣ приднѣпровской Руси. Знакомство автора «Слова» со всѣми современными ему князьями, съ отношеніями къ нимъ бояръ и дружинниковъ, далѣе—знакомство его со степью и ея отношеніями къ Руси, — наконецъ, изображеніе не столько подробностей похода Игоря, сколько, такъ-сказать, дымящихся ранъ, нанесенныхъ имъ приднѣпровской Руси,—все это указываетъ, что «Слово» явилось подъ свѣжестью впечатлѣній очевидца событій—и притомъ лица, близкаго къ дружинно-боярской средѣ. Живое же сочувствіе къ судьбѣ князя Игоря, которымъ такъ проникнуто «Слово», указываетъ намъ его автора именно въ «дружинѣ черниговскаго князя».

И дѣйствительно, Черниговъ не даромъ извѣстенъ былъ въ XII вѣкѣ, какъ городъ промышленный и богатый; черниговскіе князья, Святославъ и Игорь, какъ передаетъ «Кіевская Лѣтопись», особенно славились своими изобильными дворами, полными погребами, богатствомъ челяди, скота и коней. Даже Сѣверная былина донынѣ помнитъ, какъ отличительную черту, въ ряду тогдашнихъ городовъ,

«золоту казну Чернигова». Не удивительно, что въ такомъ городѣ развита была книжность и преданіе писать при дворѣ черниговскомъ было сильно. Черниговскія событія въ «Кіевской Лѣтописи» съ половины XII вѣка описаны съ такими же мелкими подробностями, какъ и другихъ приднѣпровскихъ областей, и, видимо, почерпнуты лѣтописцемъ изъ черниговскихъ дружинныхъ источниковъ. Замѣчанія лѣтописца: *«мы же и о семъ поглаголуемъ»*, *«мы же на предлежащая возвратимся»*—ясно даютъ понять, что онъ отдѣляетъ свои собственныя рѣчи отъ разсказовъ, взятыхъ имъ изъ свѣтскихъ источниковъ. Здѣсь же, въ Черниговѣ, явился и знаменитый «Изборникъ» Святославовъ (1073 года), съ изображеніемъ его семейства и съ усвоеніемъ ему всѣхъ тѣхъ похвалъ за любезность и собираніе книгъ, которыя приписаны были нѣкогда болгарскому царю Симеону. Подобно послѣднему, Святославъ Черниговскій *«тщательно наполнялъ книгами свои клѣти»* и, по своей начитанности, являлся предъ своими боярами, *«аки новый Птоломей»*. Изъ той же черниговской области былъ и знаменитый паломникъ XII вѣка—Даніилъ. Такимъ образомъ, Черниговъ—городъ промышленный и богатый—въ XII вѣкѣ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и центромъ тогдашней образованности. Понятно, какъ естественно могло явиться въ подобномъ центрѣ и такое произведеніе, какъ «Слово о полку Игоревѣ».

Изображая одинъ изъ походовъ черниговскаго князя, окончившійся бѣдствіями для всей приднѣпровской Руси, «Слово» даетъ намъ понять, что черниговскій столъ не былъ такъ обособленъ отъ этой Руси и далеко такъ не чуждался ея общихъ интересовъ, какъ принято представлять это. Напрасно полагаютъ, будто черниговскій столъ, не думая объ общемъ благѣ, лишь наводилъ только враговъ на русскую землю; такія подозрѣнія распустили о немъ приверженцы дома Мономахова. Изъ «Слова» видно, что понятіе *«о русской землѣ»* въ Черниговѣ было развито не менѣе, чѣмъ въ Кіевѣ. Не даромъ же и Даніилъ Паломникъ—черниговецъ—въ томъ же вѣкѣ, въ Іерусалимѣ, у гроба Господня, поставилъ лампаду и свѣчу *«за русскую землю»* и вписалъ въ синодикъ имена разныхъ князей приднѣпровской Руси.

Но особенно сильно развита эта *идея единства русской земли* въ «Словѣ о полку Игоря». Носителемъ и средоточіемъ этой идеи авторъ дѣлаетъ кіевскаго князя, старца Святослава III — изъ дома Ольговичей, князей черниговскихъ. Онъ влагаетъ въ уста его воззваніе ко всѣмъ областнымъ князьямъ южной и сѣверной Руси, заклиная ихъ вступиться *за обиду сего времени, за землю русскую*, за раны Игоревы—и самое это воззваніе называетъ золотымъ словомъ, смѣшаннымъ со слезами.

Съ пыломъ молодаго сердца относится старецъ Святославъ къ этой великой идеѣ и глубоко сожалѣетъ, что другіе князья мало ей сочувствуютъ. «Старику,—говоритъ онъ,—помолодѣть не диво, но вотъ бѣда—въ князьяхъ мнѣ нѣтъ помоги».

Для историка особенно драгоцѣнно видѣть, что въ ту эпоху, когда государственная связь областей древней Руси, повидимому, не существовала, такой возвышенный взглядъ на *единство русской земли* раздѣляли политическіе люди не только въ Кіевѣ, *но и при столѣ черниговскомъ*.

При сравненіи «Слова» съ «Кіевскою Лѣтописью», нѣкоторые изслѣдователи видятъ большую разницу въ основныхъ воззрѣніяхъ лѣтописца и автора «Слова» на событія приднѣпровской Руси. Но это главнымъ образомъ происходитъ оттого, что при чтеніи «Лѣтописи» не отдѣляютъ выраженій лѣтописца отъ *дружинныхъ словесъ*, служившихъ для него источникомъ, хотя онъ самъ неоднократно, какъ мы уже замѣтили, отдѣляетъ свои рѣчи отъ разсказовъ, передаваемыхъ имъ съ чужихъ словъ.

При ближайшемъ внимательномъ изученіи «Кіевской Лѣтописи» нельзя не видѣть, что «Слово» и эта «Лѣтопись» представляютъ поразительное сходство въ своихъ основныхъ взглядахъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка.

Какъ «Слово», такъ и эта «Лѣтопись» рисуютъ для насъ собственно только высшій слой этой Руси,—именно княжеско-дружинную среду, лишь только мимоходомъ касаясь другихъ классовъ общества и народа.

Тамъ и здѣсь встрѣчаемъ одно и то же понятіе о князѣ, о дружинѣ, о степи и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Любопытно, что князь и дружина кіевской Руси, по изображенію «Слова» и «Лѣтописи», являются предъ нами въ такихъ же очертаніяхъ, въ какихъ рисуются германскіе князья и ихъ дружины по сказанію Тацита. Да будетъ намъ позволено привести здѣсь нѣчто изъ этого сказанія для уясненія внутренняго уклада дружины, какъ служебнаго союза.

«У германцевъ,—по свидѣтельству Тацита,—князья были избираемы волостями въ народныхъ собраніяхъ, и при каждомъ изъ нихъ была дружина. И велико было соревнованіе между дружинниками, кому первое мѣсто послѣ князя, и между князьями, у кого храбрѣе и многочисленнѣе дружина; въ томъ достоинство, въ томъ сила, чтобы всегда быть окруженнымъ большой толпой избранныхъ юношей: въ мирѣ—это украшеніе; на войнѣ—защита; и не только среди своего владѣнія, но и въ другихъ волостяхъ тому извѣстность, тому и слава, чья дружина превосходнѣе числомъ и доблестію, ибо такихъ возвеличиваютъ посольствами и чтутъ дарами.

«Когда дѣло доходило до битвы, постыдно князю быть побѣжденнымъ доблестію; постыдно и дружинѣ не сравняться съ княземъ въ доблести; но уже на всю жизнь безславно и позорно выдти изъ строя, переживъ своего князя; защищать его, охранять, и даже собственные доблестные подвиги приписывать его славѣ—есть первѣйшее клятвенное обязательство; князья сражаются за побѣду; дружинники—за князя. Если волость, гдѣ родились, изнемогаетъ отъ долговременнаго мира и спокойствія, то большая часть благороднѣйшихъ юношей отправляется къ тѣмъ народамъ, которые въ то время ведутъ какую-либо войну, потому что и племени непріятно спокойствіе и легче прославиться среди случайностей. И дружину большую можно содержать развѣ только насиліемъ, да войною, ибо они требуютъ отъ щедротъ князя то браннаго коня, то кровавую и побѣдоносную фрамею; ибо пиры и хотя неприхотливые но обильные запасы идутъ вмѣсто жалованья, а средства къ пышности чрезъ войны и грабежъ. И не такъ легко убѣдить ихъ копать землю и ожидать годичныхъ

плодовъ, какъ вызвать врага и искать ранъ. Лѣнивымъ и бездѣльнымъ кажется пріобрѣтеніе потомъ того, что́ можно добыть кровію.

«Знатность рода и великія заслуги предковъ пріобрѣтаютъ и юношамъ уваженіе со стороны князя; степени были въ самой дружинѣ по приговору того, кому сопутствуютъ».

Точно въ такихъ же очертаніяхъ, говоримъ, «Слово» и «Лѣтописи» рисуютъ намъ князя и дружину кіевской Руси. Нѣтъ и слѣдовъ того, чтобы князь имѣлъ каку-либо собственность въ смыслѣ политическомъ или государственномъ, или землевладѣніе ставилъ для себя выше воинской доблести и славы. Князь является здѣсь собственно какъ оберегатель русской земли и правитель своей волости, какъ старшій представитель своей дружины, какъ самый доблестный герой среди ея. Точно такъ и дружина въ самоотверженныхъ подвигахъ ищетъ ему чести, и ея пожива связана съ походами и побѣдами князя. Князья соперничаютъ между собой въ волостяхъ и доходахъ ради своей дружины; дружинники же разныхъ князей соперничаютъ въ доблести и чести ради славы своихъ князей.

«*Поблюсти, постеречи земли русской* (1148), *утереть потъ* (1140), *умереть за землю русскую*» (1177)—вотъ что́ мы слышимъ изъ устъ князей кіевской Руси,—вотъ что́ ставили они задачей своей жизни, и вотъ къ чему обязывали другъ друга крестнымъ цѣлованіемъ. «Братья! пожальтеся *о русской землѣ* и о своей отчинѣ и дѣдинѣ! Лѣпо намъ, братья, поискати отецъ своихъ и дѣдъ пути и чести», взывалъ Мстиславъ Изяславичъ (1170 г.) къ другимъ князьямъ, и угодна была рѣчь его всѣмъ братьямъ: «Самъ Богъ вложилъ эту мысль въ твое сердце», отвѣчали они, «а намъ, дай Богъ, *за русскую землю* головы своя сложити». Обращаясь къ дружинѣ, князья говорили вдохновляющія рѣчи, поднимая упавшій духъ ея и наполняя ее своимъ мужествомъ, «Княже! сила (врага) велика, а у тебя дружины мало», говорили Изяславу его пособники: «не погуби насъ, ни самъ погыни; не твое нынѣ время, поѣди прочь». «Лутче, братья, измремъ здѣсь», отвѣчалъ онъ имъ, чѣмъ возмемъ на себя срамъ этотъ (1150). «Соромъ ны будетъ пуще смерти». «Братья и дру-

жино»! взывалъ онъ къ нимъ въ другое время (1152 г.), «Богъ всегда *русскія земли* и сыновъ своихъ въ безчестіе не положилъ есть; нынѣ же, братья, поревнуемъ тому вси предъ чужими языки, дабы намъ *честь свою взяти*». Какъ старые «мужи» хлопотали о томъ, чтобы «внуковъ и правнуковъ своихъ не срамляти», такъ юные вдохновлялись славою и мужествомъ своихъ предковъ.

Изображая нравственное распаленіе князя къ воинскому подвигу, «Кіевская Лѣтопись» обыкновенно выражается: «мужъ добръ и дерзокъ на рать» [1], «разжеся сердце его, бѣ бо храбръ и крѣпокъ на рать» [2], и «розъярився (1146), разжеся гнѣвомъ и роспалеся яростію» [3], «возострися на рать и бысть готовъ (1174) спѣшаше и тосняшеся на войну» 1254).

Во время самаго боя князь выступалъ впередъ и бился отчаянно въ рукопашную. «Взмя копье Андрей Юрьевичъ и ѣха напередъ и съѣхася переже всѣхъ, и изломи копье свое, и шеломъ спаде съ него, и щитъ на немъ отторгоша» (1151). «И въѣха Изяславъ предъ полки своими въ полки ратныхъ и копье свое изломи и оружья въ руку его не доста» (1185 г.).

Но особеннымъ богатыремъ-героемъ изображается въ лѣтописяхъ Романъ Галицкій. Онъ устремлялся на поганыхъ, какъ левъ, сердитъ былъ, какъ рысь, губилъ ихъ, какъ крокодилъ, облеталъ ихъ землю, какъ орелъ, ибо храбръ онъ былъ, какъ туръ.

Такимъ образомъ, не въ мантіяхъ только иноческаго смиренія и не съ молитвою только на устахъ за свои согрѣшенія рисуютъ намъ лѣтописи князей кіевской Руси, какъ воображаютъ нѣкоторые изслѣдователи, но и въ образахъ славныхъ героевъ и полководцевъ.

То же понятіе о князѣ, только въ болѣе осязательныхъ чертахъ, выражено и въ «Словѣ». Здѣсь являются князья точно въ такихъ же богатырскихъ образахъ, съ ратнымъ духомъ, закаленнымъ въ буй-

[1] Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій, 1187 г.

[2] Изяславъ Мстиславичъ, 1146 г.

[3] Святославъ, 1180 г.

ствѣ и бояхъ: храбрыя сердца ихъ скованы изъ стали и въ буйствѣ закалены.

Вотъ предъ нами самъ Игорь, герой нашего «Слова». Полный ратнаго духа, не страшится онъ знаменій самого неба. «Братья и дружино», говоритъ онъ храбрымъ полкамъ своимъ, «сядемъ мы, братья, на борзыхъ коней своихъ, да поглядимъ синяго Дону. Хочу, говоритъ, переломить копье свое о край поля Половецкаго. Съ вами, русаки, хочу или сложить свою голову или напиться шлемомъ изъ Дона». Запальчивость въ князѣ, умъ охватила замѣчаетъ авторъ,—и тосненіе напиться шеломомъ изъ Дона знаменія мѣсто въ немъ заступило.

«*Ярымъ туромъ*» изображается Всеволодъ въ «Словѣ». Стоитъ онъ напереди, брызжетъ на воиновъ стрѣлы и гремитъ объ ихъ шлемы мечами булатными. Куда онъ ни скокнетъ, златымъ своимъ шлемомъ посвѣчивая, лежатъ тамъ головы половецкія; расщепаны его калеными саблями шеломы Оварскіе. Онъ бился, не чуя въ себѣ кровавыхъ ранъ. Грозою рисуетъ «Слово» старца Святослава III-го кіевскаго. «Притопталъ онъ холмы и овраги, возмутилъ онъ рѣки и озера, изсушилъ потоки и болота и, словно вихорь, исторгъ изъ желѣзныхъ полковъ половецкихъ поганаго ихъ Кобяка, и упалъ Кобякъ въ золотой его гриднѣ въ Кіевѣ. Ярославъ съ черниговскими былями кликомъ полки побѣжали, *звонячи въ прадѣднюю славу*.

Далѣе, мы видимъ какъ въ «Кіевской Лѣтописи», такъ и въ «Словѣ» одно и то же понятіе о дружинѣ.

Дружину, какъ видно изъ «Лѣтописи», составляли старшіе или первые мужи,—смышленные, т.-е. бояре (1093, 1147), и младшіе, т.-е. отроки или дѣтскіе (1149, 1169). Бояре и вся его дружина составляли всегда совѣтъ и думу князя (1147).

«Половцемъ же воюющимъ по земли рѣша *мужи смышленніи* (Святополку и Владиміру, 1093): «Почто вы распря имате межу собою, а поганые губятъ *землю русскую,* пойдита противу поганыхъ любо съ миромъ, любо съ ратью». Кто будетъ читать «Кіевскую Лѣтопись», тотъ часто будетъ встрѣчаться съ подобными совѣтами дру-

жинниковъ своему князю. Дѣло, задуманное лично княземъ, безъ общаго совѣта, вызывало даже протестъ со стороны дружины: «О себѣ еси задумалъ, княже», говорили тогда дружинники, отказываясь идти съ нимъ на дѣло.

Далѣе, дружина, подобно князю, не имѣла наслѣдственной земельной собственности, но все ея значенiе состояло въ томъ, что она составляла *силу князя* и ради славы и чести его всегда готова была сложить свою голову. Такъ, въ 1150 г. дружинные мужи крестъ цѣловали, чтобы «*стеречи честь князей* (Изяслава и Вячеслава) и добра имъ хотѣти». «Княже! мы тебѣ добра хочемъ *и за тя головы свои складываемъ*», говорили бояре Владимiру князю Всеволоду (1177). Геройскiй духъ дружины прекрасно очерченъ въ лѣтописяхъ: дружинники галицкаго Романа были словно львы или медвѣди, которые не слышали на себѣ ранъ, или же дружина подобилась орлу, летающему подъ облаками, или же это были ястребы, съ которыми никто не могъ одолѣть князя (Ник., II, 172). Дружина участвовала и въ дѣлежѣ добычи и полона. При недостаткѣ княжескихъ доходовъ для ея продовольствiя, подобныя добычи доставляли особенное удовольствiе дружинникамъ и приносили радость въ ихъ домы. Тщательно были отмѣчаемы лѣтописцами подобныя удачи. «И бысть радость велика: дружина ополонишася, оружья добыша и кони, и колодники поведоша и возвратишася домой» (1185). «Василько Ярополковичъ изби половцы на Руси и обогатишася дружина его оружiемъ и кони, и самъ има на нихъ искупа много» (Кiев., 1165). «И взяша вѣжѣ ихъ на Угрѣ рѣцѣ» (1170 г.). «И толко взяша полона, якоже всѣмъ русскимъ воемъ наполнитися до изобилiя и колодниками, и чадами, и дѣтми ихъ, и челядью, и скоты многими». Любовь князя къ дружинѣ часто доходила до самоотверженной доблести. Такъ Святославъ Ростиславичъ, «имѣнiя не щадяше, злата и серебра не збираше, но даваше дружинѣ» (1172 г.). Точно также, по сказанiю лѣтописца, и Володимiръ Глѣбовичъ Переяславскiй—«бѣ любя дружину, и злата не сбирашеть и имѣнiя не щадяшеть, но даяше дружинѣ, бѣ бо князь добръ и крѣпокъ на рать» (1187). Князь Давыдъ Ростиславичъ Смоленскiй, тоснящiйся на великiя дѣла, также злата

и серебра не собиралъ, но отдавалъ дружинѣ, «бѣ бо любя дружину» (1197 г.).

Чѣмъ больше было полона, тѣмъ больше было поживы для дружины и тѣмъ больше было чести и славы князьямъ. Такъ, Георгій Володиміровичъ ходилъ на Болгары по Волгѣ, и взявъ полонъ многъ— *пріиде съ честію и славою* (1120 г.). Мстиславъ съ бояры новгородскими ходили въ Чудскую землю и ополонившись, челядью и скотомъ, возвратились во свояси *со славою и честію великою* (1178 г.).

О знаменитыхъ своихъ побѣдахъ князья давали вѣсть въ чужія земли и слава о нихъ широко распространялась. Такъ, въ 1111 г., русскіе князья Святополкъ, Владиміръ и Давидъ, побѣдивъ Половцевъ, взяли полона много и много колодниковъ изымали руками, и возвратились во свояси со славою великою къ своимъ людемъ *«и ко всѣмъ странамъ дальнымъ рекуще*, къ Грекомъ, и Угромъ, и Ляхомъ, и Чехомъ, дондеже и *до Рима пройде на славу Богу»*.

Точно такое же понятіе о дружинѣ и ея отношеніи къ князю проходитъ и въ «Словѣ о полку Игоря». Изъ «Слова» особенно видно, что дружина была того же закала, какъ и ея князья: въ ней жилъ тотъ же геройскій, воинственный духъ; сердце ея было сковано изъ той же стали и закалено тѣмъ же буйствомъ, какъ и въ князьяхъ.

То были искусные наѣздники, подъ трубами повитые, подъ шеломами взлелѣянные и концомъ копья вскормленные. Искать себѣ чести, а князю славы—вотъ что̀ было начертано на знамени этой дружины. Какъ сѣрые волки въ полѣ, рыскали они, ища себѣ чести, а князю славы. Въ геройскихъ и неудержимыхъ порывахъ это были настоящіе туры, раненые калеными саблями.

Вся воинская добыча—въ успѣшномъ дѣлѣ Игоря—пошла въ раздѣлъ его дружинѣ; лишь одно побѣдное знамя досталось въ руки князя. Русскіе—

Съ позаранку въ пятокъ потоптали,
Половецкіе поганыхъ полки,
И разнесшись стрѣлами по полю,
Половецкихъ дѣвъ красныхъ помча̀ли,

Съ ними-жъ па́волокъ, злата
И драгихъ оксамитовъ;
И мостить начинали мосты
Япончами, орницами, кожухами
По болотамъ и грязнымъ мѣстамъ.

Багрянъ же стягъ
Хоругвь бѣ́ла,
Багряна чолка,
Копье серебряно—
Хороброму Святославичу!

Такъ гомеровски выражена въ «Словѣ» принадлежность побѣдннаго знамени князю — и такъ подробно описанъ здѣсь этотъ знакъ Русской славы и побѣды!

Изъ «Слова» также видно, какъ гласитъ и «Кіевская Лѣтопись», что побѣдная слава не оставалась только на русской землѣ, но разносилась и по дальнимъ краямъ:

Тутъ Нѣмцы и Венедицы,
Тутъ Греки и Морава
Поютъ славу Святославу,
А Игоря жалѣютъ.

«Слово», наконецъ, вводитъ насъ въ самую семью князя и дружины Кіевской Руси — и здѣсь даетъ намъ видѣть тоже понятіе о князѣ и дружинѣ. Вотъ плачетъ Ярославна о своей милой ладѣ,— и плачутъ жены дружинниковъ также о своихъ ладахъ. И какъ различны ихъ плачи! Какъ строго отвѣчаютъ они историческому своему значенію!

Ярославна оплакиваетъ въ своей ладѣ видимо героя — рыцаря, который ради своей чести пролилъ свою кровь; она видитъ дымящіяся его раны и желала бы облегчить его страданія.

Кукушкой горюя, она шлетъ ему слезы на море и готова бы своимъ бебрянымъ рукавомъ утереть его раны. Въ самой дружинѣ— въ вояхъ своей лады—она видитъ такихъ же героевъ и сочувствуетъ ихъ страданіямъ, самымъ томительнымъ и мучительнымъ, страданіямъ отъ жажды, подъ зноемъ солнца, въ мѣстѣ безводномъ.

Иныя мысли и чувства видимъ мы въ плачѣ женъ дружинниковъ: лишаясь ладъ своихъ, онѣ вмѣстѣ съ тѣмъ лишались и всѣхъ удобствъ въ жизни, всѣхъ радостей и удовольствій, которыя приносили они въ домъ, возвращаясь изъ похода вмѣстѣ съ добычей и полономъ.

Вмѣстѣ съ мужьями, вѣроятно, многія вдовы совсѣмъ лишались даже средствъ къ насущному пропитанію. Отголоски этихъ ощущеній мы слышимъ и въ ихъ плачахъ.

Восплакались русскія жены, говоря:

Не помыслить мыслію,
Не подумать думою,
Не видать очами—
Намъ милыхъ ладъ своихъ—
А златомъ и серебромъ
И подавно намъ не побрякивать!

Вотъ самъ великій князь, въ мирное время, у себя дома, на думѣ съ своей дружиной. Ночью приснился ему безпокойный сонъ—и онъ разсказываетъ его своимъ боярамъ. Онъ видѣлъ, между прочимъ, что доски на крышѣ «безъ князя» въ его теремѣ златоверхомъ. Видно, что княжій его теремъ походилъ на настоящую крестьянскую избу, надъ крышей коей донынѣ можно видѣть этотъ жолобъ, этотъ верхній гнѣтень, которымъ связываются тесины крыши и который донынѣ называется «княземъ». Самая примѣта—видѣть этотъ гнѣтень безъ досокъ, какъ недобрый знакъ, донынѣ живетъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ; донынѣ слабыхъ и больныхъ заставляютъ участвовать при его подъемѣ на крышу, и если при этомъ долго маются и крыша стоитъ безъ князя, то это вѣрный знакъ, что больной умретъ.

Бояре, явившіеся на думу, толкуютъ сонъ Святослава, и, описывая веселіе на берегахъ синяго моря, вызванное бѣдствіемъ Игоря и его спутниковъ, выражаютъ свою готовность идти на ихъ защиту. «А мы, дружина, — говорятъ они князю,—уже *жадни веселія*», т.-е. мы ужъ давно жаждемъ повеселиться, какъ веселятся на берегахъ синяго моря! Такъ кратко и такъ сильно выражаютъ они свою готовность идти на борьбу и вмѣстѣ увѣренность въ своей побѣдѣ!

Если лѣтописи и «Слово» передаютъ намъ одно и тоже понятіе о князѣ и дружинѣ, то, съ другой стороны, мы видимъ въ нихъ также тождество и въ понятіи о степи.

Борьба со степью была тѣмъ главнымъ поприщемъ, въ которомъ сказалось все историческое значеніе княжеско-боярской Кіевской Руси, которое оцѣнено русскимъ народомъ, воспѣто и увѣковѣчено имъ въ былинахъ. И что же мы здѣсь видимъ?

Съ одной стороны, это—вороги русской земли, разорители мирныхъ поселянъ, поганые, сквернители крестьянской святыни. На мѣсто древнихъ торковъ и печенѣговъ, на обширной луговой степи нашего юга съ XI вѣка появились новые кочевники, извѣстные подъ именемъ половцевъ. Они поселились у береговъ Чернаго и Азовскаго морей и оттуда стремительно нападали на русскіе беззащитные города и села, грабили и убивали жителей и истребляли огнемъ и мечемъ то, чего нельзя было захватить съ собою. «Начнетъ смердъ орати лошадью и пріѣхавъ половчинъ ударитъ смерда стрѣлою и пойметъ лошадь ту и жену его и дѣти, и гумно его зажжетъ» (1111 г.). Города всѣ опустѣли, села опустѣли, поля отощали, нивы обратились въ жилища звѣрей, много было христіанъ страждущихъ, мучимыхъ, костенѣющихъ отъ холода, исхудалыхъ, почернѣвшихъ отъ голода и жажды: по незнакомой имъ сторонѣ шли они часто нагіе и босые, и ноги ихъ исколоты были терніемъ (Лавр., 1093 г.). Не разъ повторяется въ «Кіевской Лѣтописи», что много зла сотворили половцы русской землѣ. «И се попусти Богъ казнь на ны,—замѣчаетъ лѣтописецъ: онъ казнилъ насъ нахожденіемъ поганыхъ: *се бо есть батогъ Его*, да подвигнемся отъ злаго пути». Нападать на Русь для хановъ было историческимъ преданіемъ. Севенчь Боняковичъ, дикій половчанинъ, знаменательно выразилъ это словами: «хочу,—говорилъ онъ,—сѣчи въ золотая ворота, яко же и отецъ мой» (1151 г.). Въ виду подобнаго отношенія къ Руси половцевъ, срамно было для русскаго князя отказываться идти на поганыхъ. «Не дай Богъ,—говорилъ Игорь, — на поганыя ѣздя ся отрещи; поганый есть всѣмъ намъ *общій врагъ*» (1185 г.). Такимъ образомъ идетъ историческая борьба между Кіевскою Русью и Половецкою степью. То половцы на-

падаютъ на Русь (1165 г.), берутъ множество селъ и множество полона съ людьми и скоты и коньми (1173 г.), иногда плѣняютъ даже много бояръ и дружины (1177 г.). То одолѣваютъ ихъ русскіе князья— берутъ ихъ вѣжи, скоты и кони, отнимаютъ плѣнныхъ (1153 г.) и уводятъ отъ нихъ множество чади (1173 г.). Но особенно половцы устремлялись на Кіевскую Русь, пользуясь, какъ говоритъ «Лѣтопись», *свадою въ русскихъ князѣхъ*. Въ этомъ отношеніи, какъ видно,— были особенно искусны половецкіе ханы Кончакъ и Кобякъ. О первомъ лѣтописецъ даже не можетъ говорить спокойно и называетъ его окаяннымъ, агаряниномъ, нечистымъ исчадьемъ самого сатаны. Кобякъ также много зла сотворилъ крестьянамъ и избивалъ на Руси даже младенцевъ.

Съ другой стороны эти самые кочевники, эти вороги русской земли, разорявшіе города и изъѣдавшіе села, изображаются въ «Лѣтописи» какъ старые знакомые князей Кіевской Руси, какъ добрые сосѣди и иногда благопріятели. Мало того, что ихъ принимаютъ, не дѣлая имъ насилія, и отпускаютъ, одаривъ дары (1151 г.); мало того, что за крестьянское кровопролитіе разсчитываются съ ними лишь только «искупомъ» мало того, что окаянные Кончакъ и Кобякъ являются союзниками русскихъ князей въ ихъ взаимныхъ сварахъ (1180 г.); мало того, что между ними замѣтны какая-то пріязнь и побратимство; но всего замѣчательнѣе то, что не рѣдко взаимныя ихъ нападенія вели къ заключенію *родственныхъ и кровныхъ связей*. Такъ, въ 1094 году поялъ Святополкъ себѣ жену, дочь Тугоркана, князя половецкаго; въ 1117 г. Андрей, сынъ Мономаховъ, женатъ былъ на внукѣ Тугоркановой; въ 1183 г. привелъ Ростиславъ Бѣлуковну, дочь князя половецкаго, изъ Половецъ, за сына своего Рюрика; въ 1206 г. великій князь Всеволодъ женилъ сына своего Ярослава и «привели за него» Юрьевну Кончаковича.

То же самое понятіе о степи видимъ мы и въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Съ одной стороны, здѣсь изображается предъ нами борьба противъ поганыхъ, отъ которыхъ стонетъ Кіевъ и Черниговъ и разлилась тоска по землѣ русской: степь рисуется какъ зло, которое

усыпилъ-было Святославъ Кіевскій. Съ другой стороны, видимъ, что пораженіе Игоря оканчивается тѣмъ, что сынъ его Володиміръ *женится на дочери окаяннаго Кончака.*

Гзакъ Кончаку воспроговоритъ:
Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,
Соколенка разстрѣляемъ мы
Да своими стрѣлами злачеными.
А Кончакъ на то Гзѣ говорилъ:
«Если да соколъ въ гнѣздо улетитъ,
А и тогда соколенка
Дѣвицею красной
Опутаемъ мы».
И сказалъ да тутъ Гзакъ Кончаку:
Лишь только дѣвицею красной
Его да опутаемъ мы—
Не будетъ у насъ соколенка,
Ни красной дѣвицы не будетъ у насъ,
И птицы тутъ почнутъ
Да насъ бити
Въ полѣ половецкомъ.

Таковы были отношенія между степью и князьями Кіевской Руси. «Слово» и «Лѣтопись» одинаково даютъ понимать намъ какъ заклятую историческую вражду, такъ и побратимство и родственныя связи между поганою половецкою степью и православною дружинно-княжескою Русью.

Бытъ и культура этой Руси совершенно одинаковы по изображенію какъ «Лѣтописи», такъ и «Слова». Въ семейномъ быту нельзя не видѣть по лѣтописямъ нѣкоторой нѣжности во взаимныхъ отношеніяхъ; двоюродное родство называется сыновствомъ (1149 г.); не рѣдко читаемъ здѣсь ласкательныя слова: *милая тщерь* (1187 г.), *милые люди* (1157 г.) и т. п. Особенная любовь замѣтна между родными братьями: другъ друга они жалѣютъ (1146 и 1148 гг.) и въ случаѣ смерти одного изъ нихъ другой оплакиваетъ (1151 г.). Иные князья выражали желаніе, чтобы ихъ хоронили непремѣнно въ Кіевѣ: «не могу здѣ лечи, —завѣщалъ, напр., Ростиславъ смоленскій,—

повезите мя къ Кіеву», Погребальная причеть надъ родными имѣла всю свою силу и при домахъ княжескихъ: какъ дѣти *плакали по отцѣхъ*, такъ и *родители по дѣтяхъ* (1126 г.). «И посла Миндовгъ по свою свѣсть тако река: се сестра твоя мертва, а пойди *карить* по своей сестрѣ» (1254 г.).

Всѣ эти черты семейнаго княжескаго быта сказываются для насъ и въ «Словѣ». *О мои сыновцы Игорь и Всеволодъ*, такъ начинаетъ Святославъ свое золотое слово, обращаясь къ своимъ племянникамъ. Всеволодъ называетъ Игоря братомъ своимъ единственнымъ, *свѣтомъ свѣтлымъ; оба*, говоритъ, *мы Святославичи*. «*Жаль мнѣ брата* Всеволода»,—восклицаетъ Игорь послѣ пораженія на Каялѣ. Ярополкъ повелѣлъ взять отца своего на угорскихъ иноходцахъ ко св. Софіи къ Кіеву. Плачетъ мать Ростислава по юношѣ князѣ:

«Уныли цвѣты отъ жалости
И дерево отъ туги
Къ землѣ преклонилось».

У князей, по изображенію «Лѣтописи», тѣ же доспѣхи и оружье, что и въ «Словѣ».

1) Шлемы называются здѣсь «золотыми», какъ и въ «Лѣтописи». Мономахъ «*пилъ золотымъ шеломомъ* Донъ». Шлемы половецкіе названы въ «Словѣ» *оварскими*; шлемы же Романа Галицкаго и Мстислава Храбраго названы *латинскими*.

2) *Щиты*. Они прозваны въ «Словѣ» *червленными*, т.-е. багряными или темно-красными; такими именно изображены щиты на миніатюрѣ въ древней харатейной рукописи (Типогр. Библ.) съ подписью: «Св. Борисъ ѣдетъ на Печенѣги».

3. *Сабли*. Сабли пришли на Русь отъ воевавшихъ съ нею азіатцевъ. Припомнимъ изъ «Лѣтописи» дань днѣпровскихъ полянъ козарамъ: *отъ дыма мечь*. «Рѣша старци козарстіи: не добра дань, княже! Мы ся доискахомъ оружіемъ одиною стороною, рекше, саблями, а сихъ оружье обоюдо остро, рекше мечь». Еще Максимовичъ замѣтилъ, что съ саблями въ «Словѣ» представлены только половцы а

Русь и Литва съ мечами. Изъ русскихъ только Всеволодъ и куряне съ саблями.

4. *Мечи*. Они называются въ «Словѣ» «харалужными», что̀ указываетъ также на восточное ихъ происхожденіе. Достойно замѣчанія, что въ Олонецкой губерніи до нынѣ существуетъ слово «харалужный» и употребляется въ переносномъ смыслѣ для выраженія крайняго безстыдства: *харалужные глаза, харалуга*, и т. п.

5. *Сулицы*. Сулицею называлось остріе копья (αἰχμὴ δόρατος, въ лѣт. Манассіи) и самое копье. О сулицахъ упоминается въ договорѣ смоленскаго князя съ Ригою и Готскимъ берегомъ XIII вѣка (Изв. Ак. Н., т. X, 601). Сулицы Мстиславичей названы въ «Словѣ» «лядскими».

6. *Стрѣлы*. Стрѣлы именуются калеными: это постоянный, неотлучный эпитетъ стрѣлъ, какъ полю дается названіе чистаго, звѣрю—лютаго, коню—борзаго, дѣвицѣ—красной.

7. *Насады*, упоминаемые въ «Лѣтописи» и въ «Словѣ», были деревянныя лодки, въ основу которыхъ клались коряги, обшиваемыя тесомъ. Св. Іона Климецкій, новгородскій купепъ, торговавшій солью съ Бѣломорьемъ еще въ XVI в., ѣздилъ на такихъ «насадахъ» по Онежскому озеру. Въ лѣтописяхъ они также встрѣчаются нерѣдко.

Въ ряду культурныхъ предметовъ мы находимъ здѣсь также «*оксамиты паволоки и узорочья* разноличныя», упоминаемыя въ «Словѣ».

Князья послѣ побѣды или удачнаго исходя своихъ дѣлъ, въѣзжая въ Кіевъ, отправлялись поклониться св. Софіи и св. Богородицѣ Десятинной (1151 г.). Точно также Игорь, послѣ несчастной битвы и плѣна, получивъ спасеніе жизни, ѣдетъ по Боричеву къ св. Богородицѣ Пирогощей.

Отношеніе къ половецкимъ плѣнникамъ въ кіевской Руси, какъ и у половцевъ, было не для всѣхъ одинаково. Рядовые плѣнники продавались на торгу; когда было ихъ много, чага бывала по ногатѣ, а кощей по резани, т.-е. женщина стоила полтинникъ, а мужчина—

двугривенный [2]. Иначе принимали плѣнниковъ почетныхъ. Такъ изъ выраженія «Слова»: «и палъ Кобякъ въ гриднѣ Святослава», можно заключить, что этотъ ханъ былъ представленъ лично великому князю Святославу и изъявилъ покорность ему въ самомъ княжескомъ дворцѣ. Побѣжденные, выражая свое подчиненіе, по изображенію «Слова», сулицы свои повергали и главы свои наклоняли подъ мечи побѣдителей.

Языкъ «Слова о полку Игоревѣ», въ большинствѣ своихъ образовъ, выраженій и оборотовъ, есть обыкновенный языкъ той же дружиннокняжеской кіевской руси. Сближая эту боярскую Русь въ ея внутреннихъ стремленіяхъ и понятіяхъ, въ ея бытѣ и культурѣ, какъ изображается она въ «Словѣ» и «Лѣтописи», мы намѣренно приводили буквально многія мѣста лѣтописей, чтобы читатель могъ видѣть въ какой высокой степени «Слово» сходно съ лѣтописями, не только по изображеніямъ внутренняго уклада этой Руси, но и по языку, по тону рѣчи, по образамъ и выраженіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что наша литература XII в. не стояла особнякомъ въ общей культурѣ тогдашняго міра; напротивъ, какъ мы видѣли, кіевская образованность въ значительной мѣрѣ отражаетъ въ себѣ слѣды славяно-византійскихъ воздѣйствій. Дружинно-княжеская приднѣпровская Русь, какъ въ политическомъ, такъ и въ культурномъ отношеніи, стояла на весьма значительной высотѣ тогдашняго общаго образованія. Но, допуская *книжную*, литературную стихію въ «Словѣ», мы видимъ здѣсь главнымъ образомъ ту обычную рѣчь, которая жила въ устахъ кіевской дружинной Руси, и, естественно, должна была подниматься на из-

[2] Въ гривнѣ считалось двадцать ногатъ или 50 резань; слѣдовательно, въ ногатѣ было $2\ ^1/_2$ резани. Ногата па металлы (Карамз. И. Г. Р. II., пр. 79) равнялась нынѣшнему полтиннику, а резань—двугривенному. Для разъясненія отношенія ногаты къ новгородскому счету приведемъ здѣсь *«память, какъ торговали доселѣ новгородцы»*. «Пять лобцевъ четверетца, а десять лобцевъ двѣ четверетцы, ино то мротка, а ногата полторы мротки. Три четверетцы, а двѣ векши лбецъ, а лбецовъ пять за четверетцу» (Выписка изъ Минеи мѣсячной 1494 г., библ. Солов. монастыря, нынѣ казан. Дух. Ак., № 518, обязательно сообщена намъ проф. А. С. Павловымъ).

вѣстную поэтическую высоту, какъ скоро приходилось говорить о предметахъ серьёзныхъ и возвышенныхъ.

Вспсти на конь (21, 50). *Ѣздить въ стремени* (73). *Пить шеломомъ Донъ* (15). *Трубы вструбить* (63). *Кликнуть полкомъ* (56). *Ѣхать по шеломени* (129). *Итти на судъ Божій* (62). *Видѣть судъ Божій* (54). *Стати на болоньи* (20). *Битися на чистомъ полѣ* (62). *Битися съ заутра до вечера* (36). *Изломить копье свое* (47, 63). *Добыть копьемъ* (214). *Добыть Кіева* (61). *Послужить копьемъ за обиду* (68). *Стоять за обиду* (39, 57, 217). *Оступить полки русскіе* (2). *Повергнуть стяги и поскочитъ* (24). *Потоптать полки* (67). *Ходить по трупью, аки по мосту* (199). *Видѣть ломъ копейный, звукъ оружейный* (110), *щитъ скепанія* (177). *Сулицы кровавы, оскепище изсѣчено отъ удареніѧ мечнаго. Придти съ силою* (26). *Повоевать жизнь* (38). Разграбить *жизнь* князя и дружины (стр. 83). Пожечь всю *жизнь* (37). *Кметство и комони* (56). *Чолка стяговая* (24) и т. п.

Всѣ эти лѣтописныя выраженія, почти буквально повторяемыя въ «Словѣ», ясно даютъ понимать, что языкъ «Слова» есть языкъ той же дружинной Руси XII вѣка, съ которою такъ подробно знакомитъ насъ «Кіевская Лѣтопись». Замѣчательно, что нѣкоторыя изъ приведенныхъ выраженій долго держались въ нашей письменности и послѣ упадка дружиннаго быта кіевской Руси. Выраженіе, напр., «*пить Дону*»—въ смыслѣ одержать побѣду—встрѣчаемъ въ оффиціальныхъ актахъ даже XVII вѣка.

Тѣ же здѣсь предвѣстники неудачь, что и въ «Словѣ»: затменіе солнца (135), завываніе волковъ (115), играніе и клектаніе хищной птицы (115).

Тѣ же образы при описаніи битвъ: «и сразишася первое съ полкомъ и тресну, яко громъ» (2). «И бѣ гроза велика и сѣча страшна и сильна: блесташется оружіе яко свѣтящеся молнія» (Лавр., 64). «Щитъ же ихъ яко заря бѣ шеломы же ихъ, яко солнце восходящее» (186).

Самое начало «Слова» какъ будто прямо взято изъ «Лѣтописи»: «а лѣпо ны было, братья» (стр. 97), *начнемъ же сказати* безчисленныя рати и великіе труды (166) Драматическія рѣчи однѣ и тѣ же: «И рече Святославъ Рюрику: азъ есмь, брате, готовъ» (134). «А се полкъ мой и дружина моя: ты ряди» (75). «А се есмы братья» (стр. 60). «А ты еси Ростиславу сынъ *любимый*» (74).—Упомянемъ и отдѣльныя выраженія, повторяемыя тамъ и здѣсь: «обаполы» (40, 63), «середь земли» (21), ночесь, почаша молвити» (113).—Наконецъ, достойно вниманія, что потомки Олега, какъ тамъ, такъ и здѣсь, *именуются по изотчинѣ*: они постоянно называются не иначе, какъ *Ольговичи*». Точно также Игорь и Всеволодъ—величаются по отчеству: «*Святославличи*» [1].

Изображая предъ нами дружинно-боярскую кіевскую Русь, какъ лѣтописи, такъ и «Слово» почти ничего не сообщаютъ о другихъ общественныхъ классахъ и о самомъ народѣ: всѣ свѣдѣнія о послѣднемъ сводятся лишь къ выраженію «Слова»: *тогда рѣдко пахари покрякивали, но часто вороны пограивали*. Нѣкоторые, впрочемъ, образы «Слова», хотя случайно, отчасти связываютъ его и съ народною жизнію. Такъ, напр., встрѣчаются здѣсь выраженія: «ратаи, снопы стелютъ, молотятъ цѣпами, вѣютъ»... Эти черты сельскаго народнаго быта, послужившія автору образами для кровавой битвы, служатъ для насъ указаніемъ, какъ глубоко корни «Слова» тянутся къ русской народности и до какой степени картины его живы и наглядны: онѣ какъ будто сейчасъ схвачены съ самыхъ обычныхъ явленій сельской народной жизни, которыя и теперь совершаются на нашихъ глазахъ.

[1] Изъ грамматическихъ формъ—укажемъ мы только на двѣ особенности: во-1-хъ, на дательный эстетич. мѣстоимени личнаго *ти*: «Си отецъ *ти* умеръ, а Святополкъ сидитъ *ти* Кыевѣ» (Лавр., 61). Въ «Словѣ»: «мои *ти* готовы, мои *ти* Куряне, тяжко ти». Здѣсь «ти» стоитъ вмѣсто частицъ: вѣдь, знамо и т. п. (См. Малор. пѣсня XVI в. Потебни, въ Филол. Запискахъ, 1877). Во-2-хъ, при *подлежащемъ собирательномъ* глаголъ употребляется во множеств. числѣ: «Дружина княжа сѣдяху»; въ «Словѣ»: «Дружіна рыкаютъ» и т. п.

Мы такъ отвыкли отъ живой народной рѣчи, что многіе обороты и выраженія лѣтописей и «Слова» насъ поражаютъ необычностію и своебразіемъ, между тѣмъ какъ многіе изъ нихъ мы можемъ слышать и теперь, какъ скоро народная рѣчь коснется предметовъ серьёзныхъ, доступныхъ сердцу и разумѣнію народа и непосредственно поднимающихъ его на поэтическую высоту. Нѣтъ сомнѣнія, что живая народная рѣчь XII в. ближе подходила къ языку лѣтописей и «Слова».

Главное значеніе «Слова» сравнительно съ «Кіевскою Лѣтописью» состоитъ въ томъ, что оно рисуетъ предъ нами приднѣпровскую Русь XII в. въ цѣлой ея картинѣ и представляетъ намъ рядъ князей въ краткихъ, но характерныхъ очертаніяхъ.

«Слово» рисуетъ предъ нами цѣлое поколѣніе тогдашнихъ передовыхъ князей, и въ ихъ изображеніяхъ даетъ намъ разумѣть ихъ кипучую дѣятельность и политическіе замыслы.

Вотъ предъ нами Всеволодъ III (Большое гнѣздо). Удалившись на сѣверъ, онъ поглощенъ здѣсь своей государственной задачей, подбирая князей подъ свою мощную руку. Онъ можетъ веслами раскропить Волгу и Донъ вылить шеломами, но онъ уже не думаетъ о Кіевѣ и не несется туда мыслію издали поблюсти древняго златаго престола отцовскаго.

Вотъ предъ нами знаменитый Романъ Галицкій, котораго издали разглядѣлъ зоркій папа Иннокентій III и, угадывая его замыслы, предлагалъ ему королевскую корону надъ всей русской землей, подъ условіемъ, конечно, признанія его главенства. Высоко взлетѣлъ этотъ Романъ въ своихъ замыслахъ, говоритъ о немъ «Слово», какъ будто соколъ на вѣтрахъ ширяяся и готовясь въ буйствѣ одолѣть птицу.

Рядомъ съ этими мужами стоитъ Ярославъ Осмомыслъ Галицкій, что горы Угорскія подперъ своими желѣзными полками и стрѣлялъ солтановъ за землями. Грозы отъ его престола, говоритъ «Слово», по землямъ текутъ.

За нѣсколько лѣтъ до похода Игоря умеръ Мстиславъ Храбрый (1180), имя котораго въ лѣтописяхъ стоитъ рядомъ съ богатырями, которые какъ львы и медвѣди не слышатъ на себѣ ранъ. Предъ нимъ и Романомъ (Галицкимъ) — отъ ихъ храбрости и оружія, говоритъ «Слово», треснула земля и многія страны... копья свои повергли и головы преклонили подъ ихъ мечи харалужные.

Помянутъ въ «Словѣ» и Рюрикъ Ростиславичъ, который семь разъ добывалъ и терялъ Кіевъ, съ золотаго престола былъ постриженъ въ монахи, сбросилъ рясу и опять-таки добылъ Кіевъ. Онъ названъ здѣсь «буйнымъ»: шеломъ его плавалъ въ крови, какъ и шеломъ Давыда—и храбрая дружина ихъ рыкала, какъ туры, раненые калеными саблями.

Въ такихъ же яркихъ краскахъ изображены здѣсь и три Мстиславича: «*не худа гнѣзда шестокрыльцы*»,—и «всѣ внуки Всеслава, выскочившіе изъ дѣдней славы».

Уже въ XI вѣкѣ, какъ мы видѣли, слышался голосъ со стороны смысленныхъ мужей или думающихъ бояръ, что княжескіе раздоры наводили поганыхъ на русскую землю; а затѣмъ, по мѣрѣ усиленія раздоровъ, поганые еще болѣе радовались «княжеской свадѣ и которамъ» и устремлялись съ побѣдами на землю русскую. Въ XII вѣкѣ дѣйствительность была такова, что производила отрезвляющее дѣйствіе и давала чувствовать всю глубину зла, къ которому вели княжескіе раздоры.

Всѣ усобицы, по свидѣтельству «Слова», развились именно отъ того, что князья забыли великую идею *единства* земли русской, эту святыню, завѣщанную имъ исторіей, и, вмѣсто того, чтобы всѣмъ княжить подъ ея воздѣйствіемъ, стали водиться самолюбивыми цѣлями и мелкими побужденіями,—«*стали говорить: се мое, а то мое-же, и о маломъ стали говорить: се великое*». Вотъ историческій лучъ, который озоряетъ для историка разрозненность Кіевской Руси такими психологическими опредѣленіями, которыхъ напрасно сталъ бы онъ искать въ лѣтописяхъ XII в.

Всѣ бѣдствія русской земли, разоренія городовъ и страданія жителей происходили, по свидѣтельству «Слова», именно изъ-за этихъ мелкихъ и самолюбивыхъ княжескихъ интересовъ, столь противныхъ историческому преданію и завѣтной идеѣ единства народа русскаго. «И начали князи крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ приходили на землю русскую»... Съ этой стороны «Слово» есть настоящій «плачъ Іереміинъ», указующій истинную причину всѣхъ бѣдъ, разразившихся надъ русской землей.

Окончивъ золотое слово Святослава, авторъ какъ-бы изнемогаетъ при мысли о княжескихъ крамолахъ, и изъ стѣсненной души его какъ-бы невольно вырывается почти отчаянное слово: «О, стонать русской землѣ, вспоминая первую годину и перыхъ князей. Уже нельзя пригвоздить того стараго Владиміра къ горамъ Кіевскимъ. Знамена его теперь стали однѣ Рюрика, другія Давида, а разладивъ они дѣйствуютъ вкривь и вкось».

Что касается въ частности похода Игорева, то нельзя не замѣчать, что «Слово», сравнительно съ «Лѣтописью», не столько занято его подробностями, сколько передаетъ впечатлѣнія очевидца, подъ дѣйствіемъ гнетущей скорби за эти стоны и бѣдствія русской земли. Оно не распространяется о томъ, какъ проводили и что́ затѣвали русскіе послѣ первой побѣды надъ половцами, въ пятницу, у р. Сюурлія, что сообщается въ «Кіевской Лѣтописи». Оно лишь кратко замѣчаетъ объ этомъ ночлегѣ: «Дремлетъ въ полѣ гнѣздо храброе Олега;.... далече залетѣло».

Точно также, опуская подробности битвы въ субботу, оно изображаетъ предъ нами лишь только князя Всеволода — въ его рукопашномъ бою... Бой русскихъ въ этотъ день былъ такъ страшенъ, что авторъ свилъ его съ старымъ временемъ Ярослава и Олега... «То было, — заканчиваетъ онъ эту картину, — въ ты рати, и въ ты полки, ни сицей рати не слышано... зачернѣла земля подъ копытами, костьми была призасѣяна и кровію полита».

«Что ми шумитъ, что ми звенитъ давеча рано передъ зорами? Полки Игорь заворачиваетъ»... Такъ начинаетъ «Слово» описаніе 3-го,

воскреснаго дня и, пропуская подробности несчастнаго боя и плѣна своихъ героевъ, подробно разсказанныя въ «Лѣтописи», изображаетъ только печальный конецъ его: «бились день, бились другой, а на третій ко полудню стяги Игоревы пали». Говоря короче, въ «Словѣ» читаемъ не разсказъ событія, но впечатлѣнія и думы дружинника, вызванныя этимъ походомъ.

Таково историческое значеніе «Слова». До такой степени оно связано съ понятіями, отношеніями, бытомъ, культурою, языкомъ и политическими стремленіями дружинно - княжеской приднѣпровской Руси XII вѣка. Возникнувъ лишь только въ этой дѣйствительной средѣ, оно могло отразить для насъ такъ наглядно и осязательно въ общей картинѣ историческій фактъ. Уже одно это значеніе, столь внутреннее и глубокое, должно сдержать порывы нѣкоторыхъ ученыхъ—для объясненія его уноситься мыслію въ старую и новую Болгарію и тамъ искать прототипа, по которому будто бы оно выкроено съ замѣтными и не всегда искусными спайками [1].

Стиль литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы, къ которой относится «Слово», опредѣлялся, конечно, во многомъ самымъ *фактомъ жизни*, а не одною начитанностію. Не потому напр. въ «Лѣтописи» и «Слово» занесены «*плачи*», что встрѣчаются они въ Византійскихъ романахъ, но потому, что разсказывая о русской жизни, повѣствователь лицемъ къ лицу стоялъ съ фактомъ Русской причети, широко охватывавшимъ всю Русскую землю по поводу того или другаго разсказываемаго событія, бывшаго бѣдствіемъ для Русской земли. Не потому въ «Словѣ» и «Лѣтописяхъ» встрѣчаются «ласковые эпитеты», что занесены сюда изъ Болгарскихъ книжекъ, которыхъ начитались русскіе повѣствователи, но потому, что и въ

[1] Новыя 18 страницъ, замѣчаетъ г. Вс. Ѳ. Миллеръ, посвященныя разъясненію историческаго значенія «Слова», не вносятъ ничего *новаго*. Безъ новыхъ доказательствъ (?) толкуется о томъ, что живое сочувствіе къ судьбѣ князя Игоря, которымъ такъ проникнуто «Слово», указываетъ автора его въ дружинѣ Черниговскаго Князя. (а кто это доказывалъ прежде? Спрашиваемъ мы). «Оказывается, продолжаетъ нашъ критикъ, что и по «Лѣтописи» родители любятъ дѣтей, братья

дѣйствительности родители умѣли и на Руси любить своихъ дѣтей, братья братьевъ и т. п., и умѣли выражать свою любовь не словами Византiйскихъ повѣстей, но своимъ собственнымъ языкомъ, тѣми самыми выраженiями, которыя и до нынѣ они выражаютъ свою ласку.

братьевъ... далѣе, и оружіе, которымъ дрались русскіе съ врагами одно и тоже Теперь въ этомъ никто не будетъ сомнѣваться, потому что все это подтверждено г. Барсовымъ цитатами изъ Лѣтописи». (Крит. обозр. 1879 г. № 3 стр. 22). Тотъ, кто изучалъ литературу «Слова», не можетъ не признать, что въ ней никогда не было разсмотрѣно «Слово» въ такой тѣсной связи съ внутреннимъ укладомъ и внѣшнимъ бытомъ Кіевской Дружинной Руси, какъ это сдѣлано нами. Приведенные факты сами по себѣ, конечно, всѣмъ извѣстны, но едвали можно говорить объ архитектурѣ, что она не представляетъ ничего новаго, потому что кирпичи и камни всякому извѣстны, не обнаруживая при такомъ сужденіи слитности своего сознанія. «*Вѣстникъ Европы*», гдѣ впервые напечатана была наша статья о томъ, не имѣетъ обычая украшать свои страницы одними старыми избитыми фактами безъ новаго ихъ освѣщенія. Не забудемъ впрочемъ, что такой судъ произнесъ критикъ, который самъ въ предисловіи къ своему «Взгляду на Слово», заявилъ, что «изучать все, что когда-либо было писано о «Словѣ», уже само по себѣ представляетъ работу, для которой у автора нѣтъ времени, ни, *признаться, желанія* (стр. 11).

V.

„СЛОВО", КАКЪ ПѢСНЬ, ПОДОБНАЯ БОЯНОВОЙ.

Значеніе «Слова какъ памятника историко-литературнаго—Отношеніе его къ пѣснотворчеству Бояна, какъ къ своему прототипу.—Предположеніе о связи Бояновыхъ пѣсней съ классической поэзіей.—Гипотеза о Византійско-Болгарскомъ прототипѣ «Слова» и критическій разборъ ея.—Разсмотрѣніе миѳологической стороны «Слова» въ связи съ этой гипотезой.—Поэтическіе образы «Слова» въ связи съ эпическимъ его міросозерцаніемъ.

Но «Слово» не тѣмъ только важно, что оно освѣщаетъ для насъ Кіевскую Русь политической идеей и рисуетъ ее предъ нами и въ ея идеалахъ и въ ея дѣйствительности, но главнымъ образомъ оно драгоцѣнно для насъ потому, что представляетъ единственный памятникъ, проливающій свѣтъ на характеръ и направленіе литературы, предшествовавшей развитію повѣствовательной школы—по дѣяніямъ времени, по фактамъ историческимъ.

Въ Сказаніи Едигея на Русскую землю есть замѣтка о написаніи лѣтописи игуменомъ Св. Михаила Сильвестромъ († 1123) съ важной для насъ характиристикой его труда: «обрѣтаемъ начальнаго лѣто*словца* Кіевскаго, иже вся временнобытства не обинуяся показуетъ, яко же при Володимірѣ Мономахѣ оного великаго Силиверста Выдобыжскаго, не *украшая пишущаго*, да аще хощеши, прочти прилежно». Въ этой замѣткѣ лѣто*словцу* противополагаются слова *украшающія*—и время Владиміра Мономаха отмѣчается эпохой, когда является лѣтословъ *не украшая пищущій*. Поясненіемъ этой замѣтки

можетъ служить слѣдующая аналогія въ одномъ изъ словъ Кирилла Туровскаго: «Яко же историци и вѣтія, рекше лѣтописцы и *пѣснотворцы* приклоняютъ своя слухи въ бывшая между цари рати и въпълченія, да *украсятъ словесы* и возвеличатъ словесы мужьствовавшая крѣпко... и тѣхъ *славяще похвалами вѣнчаютъ*». Отсюда видно, что *украшающія словеса*—составляли особенность повѣствованій *витій и пѣснотворцевъ*, прославлявшихъ геройство князей и воинскіе подвиги дружины. И если о Сильвестрѣ, описавшемъ *временнобытства* Владиміра Мономаха въ повѣсти объ Едигеѣ найдено нужнымъ замѣтить, что онъ лѣто*словецъ*, писавшій *не украшая*, то, очевидно, здѣсь сказывается уже намекъ, что до Владиміра Мономаха были писатели *словесы украшающіе*, каковыми по словамъ Кирилла Туровскаго, были *пѣснотворцы*. «Слово» о полку Игоревѣ—само по себѣ, какъ поэтическое произведеніе относится къ типу этихъ *украшающихъ словесъ*. Явившись въ послѣдней четверти XII вѣка, оно тѣмъ самымъ доказываетъ, какъ не смотря на развитіе и господство въ это время литературно-повѣствовательной школы въ направленіи строго-историческомъ—было еще живо и глубоко въ средѣ пишущей братіи сочувствіе и расположеніе къ предшествующему повѣствовательно-*украшающему*, пѣснотворческому направленію литературы.

Но главное историко-литературное значеніе «Слова» состоитъ въ томъ, что оно знакомитъ насъ съ однимъ изъ представителей этого направленія, жившимъ въ эпоху до Владиміра Мономаха и славившимъ князей *украшающими словесами*. Такимъ именно пѣснотворцемъ въ «Словѣ» является Боянъ.

Авторъ «Слова» опредѣленно указываетъ, какихъ князей прославлялъ онъ и какую эпоху обнимало его пѣснотворчество. Такъ, по его словамъ, онъ воспѣвалъ «стараго Ярослава († 1054 г.) брата его Мстислава († 1036) и въ частности единоборство его съ Редедей, и храбраго Романа Святославича Тмутораканскаго († 1079 г.). Кромѣ того въ концѣ «Слова» онъ прямо называетъ его пѣснотворцемъ стараго времени Ярослава и Олега († 1115 г.). Значитъ литературная эпоха, представителемъ которой является Боянъ, начиналась

отъ Ярослава Владиміровича и оканчивалась Олегомъ Святославичемъ, т. е. относилась къ половинѣ XI и началу XII вѣка.

Авторъ «Слова» зналъ Бояна не изъ письменныхъ источниковъ, а изъ живыхъ устъ. Характеризуя его, онъ между прочимъ вставилъ выраженіе: *рече*, т. е. какъ сказалъ нѣкто или по нашему: «какъ говорили, или, какъ поскажутъ». Говоря оратяхъ Ярослава и Олега, онъ также знаменательно прибавилъ: «а сицей рати *не слышано*».

Поэтическое благообразіе «Слова» и такъ-сказать его художественная сторона, симимъ его авторомъ поставлена въ зависимость отъ размысла Боянова и его «старыхъ словесъ». Авторъ не скрылъ своего необыкновеннаго уваженія къ этому пѣснотворцу и своего увлеченія его старыми словесами.

Заявляя, что будетъ имѣть дѣло лишь съ дѣйствительнымъ фактомъ и начнетъ повѣсть по «былямъ» своего времени, онъ не разъ возвращается къ Бояну и пользуется его рѣчью, его сильными выраженіями, его пѣвучими стихами и изреченіями мудрости, которыя изливались изъ его устъ, подъ его чарующей, волшебной лирой: онъ ему подражаетъ, онъ заставляетъ его пѣть вмѣстѣ съ собою.

Слово построено на основѣ Бояновскаго пѣснотворчества. Если Боянъ хотѣлъ кому пѣснь творить изъ князей своего времени, то уносился фантазіей ко временамъ отдаленнымъ и художественно сочеталъ въ своей пѣсни свое время съ временами древними. Слѣдуя той же формѣ и авторъ «Слова» написалъ свое произведеніе. Такъ, онъ не ограничился изображеніемъ былей своего времени отъ временъ Владиміра Мономаха, какъ заявилъ въ самомъ началѣ, но въ свое повѣствованіе ввелъ и разсказы о временахъ Ярослава и Олега, воспѣтыхъ Бояномъ. Эта Боянова эпоха есть для него *время старое*, а потому и словеса Бояна «*словеса старыя*» и самъ Боянъ называется соловьемъ «*времени стараго*»; эпоха же пѣвца Игорева есть эпоха *нынѣшяя*; потому въ «Словѣ» постоянно различаются князья *старые* и *молодые*. Ярославъ I называется *старымъ*, сынъ его Всеволодъ—*давнимъ*, Владиміръ Мономахъ также «*старымъ*». Игорь Святославичъ, братъ его

Всеволодъ и Владимiръ Игоревичъ—это князья «*молодые*». Гранью раздѣляющею эти эпохи служитъ Владимiръ Мономахъ: онъ замыкаетъ собою рядъ первыхъ князей, надъ которыми растекались замышленiя Бояна, но отъ него же начинается повѣсть «по былинамъ сего времени». *Свитiе* этихъ двухъ эпохъ, подобное Бояновскому, проходитъ чрезъ все «Слово» отъ начала до конца. Говоритъ ли авторъ о роковыхъ и отчаянныхъ битвахъ Игоря, онъ вводитъ въ эту картину и воспоминанiе о томъ, какъ было въ ты рати, и въ ты полки, при усобицахъ, пѣтыхъ Бояномъ. Обращается ли затѣмъ на Западъ Руси къ славному нѣкогда Полоцкому княжеству, онъ и здѣсь усобицы своего времени связываетъ съ усобицами времени стараго и рядомъ съ Изяславомъ, княземъ нынѣшнимъ, годины Святославой, изображаетъ Всеслава, князя прежнихъ временъ. Выдвигая самого Святослава, какъ носителя идеи *единой* земли Русской во время похода Игорева, при изображенiи бѣдствiй вызванныхъ этимъ походомъ, съ сожалѣнiемъ вспоминаетъ и Владимiра Мономаха, который держалъ знамя этой идеи на тѣхъ жа горахъ Кiевскихъ, въ годину первую, при первыхъ князьяхъ пѣтыхъ Бояномъ.

При этомъ, авторъ какъ будто ничего не знаетъ, что было до Ярослава: для него, какъ и для Бояна, далѣе за Ярославомъ слѣдуютъ прямо цѣлыя вѣка называемыя Трояновыми, гдѣ уже властвуютъ стихiйные боги. Свивая свое время съ эпохой Бояна, онъ даетъ вмѣстѣ замѣтить, что изображаетъ эту послѣднюю, какъ отразилась она въ Бояновскомъ пѣснопѣнiи и удерживаетъ связь ея съ временами древними, обнимавшими цѣлыя вѣка. Такимъ образомъ «Слово» соткано на основѣ Бояновскаго пѣснотворчества и отражаетъ въ себѣ форму старой исторической пѣсни на героической основѣ.

Точно такое же подраженiе Бояну представляетъ «Слово» и въ «стилѣ» своихъ изображенiй.

Фантазiя Бояна не стѣснялась въ своихъ творческихъ полетахъ ни мѣстомъ, ни временемъ. Она носилась въ пространствѣ цѣлыхъ вѣковъ, находя поэтическое освѣщенiе для настоящаго въ отдаленномъ прошломъ: творчество Бояна было живо и быстро, какъ пры-

ганіе бѣлки, широко и раздольно, какъ скаканіе волка, восторженно и возвышенно, какъ пареніе орла подъ облаками. Оно не подчинялось въ повѣствованіяхъ требованіямъ историческаго факта. Лишь одна стихія служила руководящимъ началомъ его пѣснотворчества: это было *«замышленіе»*. Основанія для обдуманности плана, расположенія частей, отдѣльныхъ художественныхъ изображеній давались не хронологіею или послѣдовательностію историческихъ событій, не содержаніемъ или дробностію историческаго факта, но эпическимъ преданіемъ, которое было такъ богато и давало готовыя формы для художественныхъ созданій.

Далѣе, по словамъ автора «Слова», пѣснотворчество Бояна имѣло характеръ не книжныхъ произведеній, а живой народной пѣсни: оно было творчество струнное. Боянъ не только создавалъ пѣснь, но и разыгрывалъ ее на струнахъ, и притомъ такъ, что его пѣніе затрогивало душу, словно пѣніе лебединое, и игра его была, какъ нечеловѣческая: струны подъ его перстами словно сами славу князьямъ выговаривали.

Такой характеръ живой народной пѣсни въ творчествѣ Бояновомъ выражался между прочимъ въ *запѣвахъ* и *припѣвкахъ*.

Запѣвы вполнѣ отвѣчали розмахамъ Бояновскаго замышленія. Необыкновенно мѣткую аналогію для характиристики пошиба этихъ запѣвовъ указалъ Ѳ. И. Буслаевъ, приведя слѣдующее мѣсто изъ народной пѣсни:

Высота ли, высота поднебесная,
Глубота, глубота океянъ море,
Широко̀ раздолье по всей земли,
Глубоки омуты Днѣпровскіе!

Запѣвы, эти, судя по приведеннымъ образцамъ въ «Словѣ» были разныхъ поэтическихъ размѣровъ. Тоже нужно замѣтить и о тѣхъ *припѣвкахъ*, которыми заканчивались отдѣльныя части пѣснопѣнія.

Наконецъ въ пѣснотворчествѣ Бояновѣ имѣли мѣсто притчи и присловья, какъ выраженія вѣковой мудрости, коими закрѣплялъ онъ свои поэтическія думы о человѣческой судьбѣ и человѣческихъ дѣлахъ.

Авторъ «Слова», свивая эпоху Святослава и Игоря съ эпохой воспѣтой Бояномъ, слѣдуетъ также Бояновскому расположенію историческихъ фактовъ. Онъ не дорожитъ дробностію событія, не наблюдаетъ хронологіи, но подчиняетъ ихъ творческому замышленію. Онъ прямо начинаетъ повѣствованіе съ характеристики Игоря, ставитъ его на вражеской землѣ, въ страшную минуту солнечнаго затменія, когда само небо заставляетъ его воротиться и потомъ тотчасъ же переходитъ къ характеристикѣ другаго героя брата его Всеволода и пользуется совершенно другимъ моментомъ дѣйствія, происходившимъ ранѣе и въ другомъ мѣстѣ, именно моментомъ приготовленія ихъ къ походу.

Точно такъ, начертывая золотое слово Великаго Князя Святослава Кіевскаго, съ воззваніемъ ко всѣмъ прочимъ князьямъ вступиться за землю Русскую, за раны Игоревы, онъ вноситъ сюда уже совершившіеся факты: *се уже у Римъ кричатъ подъ саблями Половецкими*, а *Володиміръ подъ ранами. Туга и тоска сыну Глѣбову*.

Изобразивъ горе, охватившее всю Кіевскую Русь, узнавшую о погибели Игоря и его дружины, заставивъ русскихъ женъ оплакать своихъ милыхъ ладъ, послѣ того какъ поганые Гзакъ и Кончакъ своими набѣгами уже опустошали Русскіе волости и осаждали Путивль, онъ рисуетъ образъ Ярославны, супруги Игоря, которая какъ будто ничего еще не знаетъ ни о судьбѣ Игоря, ни о всѣхъ послѣдущихъ событіхъ и причитаетъ на городской стѣнѣ того самаго Путивля, въ которомъ Половцы сожгли уже острогъ.

Эти быстрые и неожиданные переходы отъ одного момента дѣйствія къ другому, независимо отъ ихъ исторической послѣдовательности, подобные перелетамъ орла или рысканію волка, указываютъ на то, что авторъ «Слова», подобно Бояну, слѣдовалъ въ своемъ творчествѣ лишь *замышленію*, основаніемъ для котораго служило эпическое преданіе.

Явленія текущей жизни подчинены высшему порядку вещей. Солнечное затменіе и другія зловѣщія знаменія природы, таинственный откровенный сонъ, плачущая мольба къ стихіинымъ силамъ являются основаніями въ планѣ его произведенія и вмѣстѣ свѣточами

въ развиваемыхъ имъ картинахъ историческихъ событій. Имена языческихъ божествъ, поднимающія рѣчь автора «Слова» на поэтическую высоту и придающія его изображеніямъ не только прелесть, но и нѣкоторую священную важность почерпнуты имъ изъ того же источника старыхъ словесъ и Бояновскаго замышленія. Отсюда же имъ заимствованы, по всей вѣроятности, и всѣ тѣ художественные образы, которые преобладаютъ въ «Словѣ» надъ фактомъ и указываютъ на то, что авторъ не остался вѣренъ своей задачѣ, излагать только быль, а поддался вдохновляющему его Боянову розмыслу.

Авторъ «Слова» не предназначалъ для струнъ своего произведенія, относя его къ розряду историческихъ повѣстей; но въ силу подражанія Бояну, его повѣсть невольно приняла пѣсенный характеръ. Такъ, по собственнымъ его словамъ, слѣдовало бы начать разсказы о походѣ Игоря запѣвомъ Бояновскаго замышленія, но подобныя «старыя словеса» не мирились съ литературными требованіями современнаго ему повѣствованія: быть той пѣсни начинаться, по былинамъ сего времени, говоритъ авторъ, а не по замышленію Бояна. Желая прославить дружину Игоря, уже двинувшуюся въ походъ, и недоумѣвая, какимъ размѣромъ начать свое пѣніе, онъ приглашаетъ Бояна пѣть вмѣстѣ съ собою и приводитъ два запѣва Бояновскихъ размѣровъ:

1. Не буря соколовъ занесе, чрезъ поля широкія,
Галици стады бѣжать къ Дону великому.

2. Чи ли пѣти, Бояне, Велесовъ внуче?
Комони ржуть за Сувою,
Звѣнитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ.

Точно также авторъ «Слова» въ концѣ отдѣльныхъ періодовъ своего повѣствованія повторяетъ слѣдующіе поэтическіе обороты:

1. Ищущи себѣ чьти, а князю славы.
2. О Русская земле! Уже за шеломенемъ еси!
3. Игорева плъку не крѣсити!
4. Вступита за обиду сего времени, за землю Русскую, за раны Игоревы.
5. Ярославна рано плачетъ.

Повтореніе этихъ оборотовъ—въ концѣ нѣсколькихъ періодовъ—получаетъ значеніе пѣсенныхъ *припѣвовъ*: являясь съ былевой исторической повѣсти, онѣ суть ничто иное, какъ подражаніе Бояновой пѣсни, которая раздѣляла этотъ эпическій пріемъ на равнѣ съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ.

Наконецъ авторъ «Слова» пользуется въ своемъ произведеніи, какъ завѣтомъ старины, пословицами и поговорками, имѣвшими мѣсто въ Бояновскомъ пѣснотворчествѣ. Такъ онъ приводитъ два подобныхъ изрѣченія Бояна: «тому вѣщей Боянъ и пръвое припѣвку смысленый рече: ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда Божія не минути». Это изреченіе изначала было сказано какимъ-то мудрецомъ и лишь повторено Бояномъ въ отношеніи къ Всеславу. Въ XII вѣкѣ оно было въ ходу: его повторилъ и Даніилъ Заточникъ: суда де Божія ни хитрууму, ни горазду не минути (стр. 37). Или вотъ другое Бояновское изрѣченіе: «тяжко ти головы кромѣ плечю, зло ти тѣлу, кромѣ головы». Эти присловья указываютъ на то, что Боянъ являлся въ своихъ пѣсняхъ не только современнымъ поэтомъ, но и носителемъ вѣковаго эпическаго преданія.

Такимъ образомъ «Слово» относится къ Бояновому пѣснотворчеству, какъ подражаніе къ своему прототипу. Подъ историческимъ слоемъ сквозитъ въ немъ поэтическая ткань Бояновыхъ пѣсенъ и явно отражаются основа, планъ, мотивы и стилистическіе пріемы Боянова пѣснотворчества.

Само собою разумѣется, что это подражаніе наиболѣе всего должно было сказаться на изображеніяхъ князей и событій той эпохи, которая для автора «Слова» есть эпоха старая и которая воспѣта была Бояномъ. Такъ, на счетъ Бояна должна быть отнесена наибольшая часть выраженій, которыя относятся къ крамолѣ Олега, къ рати давняго Всеволода, Владиміра Мономаха и Бориса Вячеславича—т. е. къ бою на Нежатиной нивѣ, *свитому* въ «Словѣ» съ послѣднимъ, отчаяннымъ и роковымъ боемъ Игоря. Въ особенности по Бояновски очерченъ образъ крамольнаго Всеслава, который является здѣсь въ родѣ былиннаго Вольги Всеславьевича. Можно предполагать

и, кажется, безошибочно, судя по тому увлеченію, съ какимъ авторъ «Слова» относится къ Бояну, что и при изображеніяхъ своего времени онъ пользовался выраженіями и оборотами Бояновыхъ пѣсенъ.

Основа, планъ и стилистическіе пріемы Бояновыхъ твореній указываютъ, что его пѣсни, какъ и «Слово» при всей своей внутренней и глубочайшей связи съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ, существенно отличались отъ этого послѣдняго. Если народныя пѣсни суть произведенія непосредственныя и безъискуственныя, то пѣснотворчество Бояново, судя по подражаніямъ «Слова» характиризуется *замышленіемъ*, обдуманностію плана и расположенія частей, идеальностію группировки историческихъ дробныхъ фактовъ. Это была поэзія—возвышавшаяся надъ народною, предполагающая художественное развитіе дружиннаго историческаго эпоса—на героической основѣ. Возникнувъ изъ стихій народныхъ, она обязана была своимъ развитіемъ знакомству съ поэзіей классической. На это указываетъ и Бояновскій стиль. Такія выраженія какъ: *крамолу ковать*, *стрѣлы сѣять, тьма свѣтъ покрыла* и т. п. встрѣчаются въ самыхъ разнообразныхъ памятникахъ Греческой Словесности, какъ наслѣдіе классической поэзіи [1]. Подобно тому, какъ лѣтописный славяно-русскій стиль—развился подъ воздѣйствіемъ Греческой повѣствовательной литературы, такъ точно и стиль дружинно-историческаго эпоса могъ достигнуть своей художественности и значительной степени развитія подъ воздѣйствіемъ классической поэзіи.

Воззваніе къ Бояну за поэтическимъ вдохновеніемъ—едва ли не является въ «Словѣ» какъ подражаніе тому же Бояну, который могъ подобнымъ образомъ обращаться къ иному пѣвцу Русской древности или же къ самому Велесу; не даромъ же Боянъ называется при этомъ «*внукомъ Велеса*». Давно уже было замѣчено, что подобныя воззванія напоминаютъ обращенія къ Музѣ въ классической поэзіи [2].

Нельзя не пожалѣть, что авторъ «Слова», уступая литературнымъ требованіямъ повѣствовательной школы своего времени, весьма

[1] См. о томъ въ «Лексикологіи Слова».

[2] См. Классическій образецъ въ изслѣд. Кн. П. П. Вяземскаго стр. 95—96.

мало внесъ Бояновыхъ словесъ въ свое произведеніе. Быть можетъ— нашъ Боянъ былъ въ дѣйствительности настоящій славяно-русскій Гомеръ.

Но вотъ не такъ давно появилась новая гипотеза, которая, въ ущербъ поэтическимъ достоинствамъ «Слова» предполагаетъ за нимъ Византійско-болгарскій прототипъ, давшій его автору матеріалъ для безъотчетнаго заимствованія и, видимо, не искусныхъ спаекъ.

По воззрѣнію этой гипотезы—эпическія, или Бояновскія мѣста въ «Словѣ» суть не больше, какъ дань увлеченія со стороны автора «старыми словесами» найденными имъ въ Болгарскихъ книжкахъ, которыя онъ вставилъ въ свое произведеніе, не давая себѣ яснаго отчета, на подобіе того, какъ въ наше время нѣкоторые авторы магистерскихъ и докторскихъ диссертацій пользуются иностранными источниками.

Гипотеза эта тѣмъ болѣе должна остановить на себѣ наше вниманіе, что нашлись ученые, которые или привѣтствовали ее своимъ сочувствіемъ, или же даже прямо записались въ число ея послѣдователей.

Вс. Ѳ. Миллеръ внесъ въ программу IV Археологическаго съѣзда три вопроса, «въ которыхъ, по мнѣнію г. Жданова [1], выразилась съ полной ясностью потребность новаго пересмотра «Слова о полку Игоревѣ». Вопросы эти были слѣдующіе: 1. Было ли «Слово о полку Игоревѣ» произведеніемъ неграмотнаго народнаго пѣвца, въ послѣдствіи записанныя прозою книжникомъ, или же оно съ самаго начала принадлежало перу книжнаго человѣка, воспитавшагося подъ вліяніемъ литературы своего времени? 2. Есть ли основаніе считать Бояна, упоминаемаго въ «Словѣ» русскимъ древнимъ пѣвцомъ, современникомъ Всеслава Полоцкаго или появленіе Бояна можетъ быть объяснено инымъ образомъ. 3. Можно ли изъ упоминанія языческихъ божествъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ» выводить, что авторъ былъ

[1] Литература Слова о полку Игоревѣ. Кіевъ. 1880, стр. 18.

проникнутъ языческимъ воззрѣніемъ, или же присутствіе этихъ именъ можетъ найти иное объясненіе? Тому же съѣзду посвящена имъ книга, содержащая отвѣты на эти вопросы. Авторъ выходитъ изъ убѣжденія, довольно твердо уже установившагося, что «Слово» есть произведеніе книжное, что авторъ его былъ человѣкъ грамотный и просвѣщенный. Какъ произведеніе книжное, оно должно носить признаки литературы ему современной, обнаруживать въ авторѣ знакомство съ книжною словесностью. Прежде чѣмъ указывать аналогіи для поэтическихъ оборотовъ «Слова» слѣдуетъ поэтому искать ихъ въ книжной словесности (стр. 11). Но какія же это книги, вліяніе которыхъ могло сказаться на Словѣ о полку Игоревѣ? Отыскивая произведенія, аналогичныя «Слову», естественно остановиться на отдѣлѣ старинныхъ повѣстей «исторій» и «сказаній» въ родѣ исторіи Александра Македонскаго, о Троянской войнѣ, о дѣяніи Девгеніевѣ повѣсти о Соломонѣ и т. п. (стр. 12). Авторъ взгляда посвящаетъ цѣлую главу разбору одной изъ такихъ повѣстей, именно повѣсти о Дигенисѣ. (стр. 14—68). Дигенисъ Акритъ, разсуждаетъ авторъ, былъ для Грековъ среднихъ вѣковъ и новаго времени такимъ же блестящимъ представителемъ эллинизма, какъ Ахиллъ для древней Еллады Естественно, что и ближайшая сосѣдка Византіи, Болгарія, усвоившая. массу Византійскихъ произведеній, должна была познакомиться съ популярною личностію Дегениса *и въ свою очередь водворить эту личность на Русской почвѣ.* (стр. 36). Думая, что отыскивая образцы которымъ *могъ* подражать авторъ «Слова» мы поступаемъ научнѣе, нежели тѣ, которые считаютъ это произведеніе блестящимъ исключеніемъ изъ общаго правила. Понятно, что дѣло идетъ не о содержаніи «Слова», а о формѣ, о поэтическомъ языкѣ, т.-е. о томъ, въ чемъ авторъ могъ подражать другимъ (стр. 50—51). Если мы, оговаривается авторъ, прежде всего обратили вниманіе на повѣсть о прекрасномъ Девгеніи, то отнюдь не въ убѣжденіи, что именно ее, а *не другое произведеніе* взялъ авторъ себѣ *образцемъ* (стр. 51). Далѣе проводится аналогія этой повѣсти съ «Словомъ», какъ въ общемъ характерѣ разсказа, такъ и въ отдѣльныхъ выраженіяхъ (51—63). Но какъ бы не оговаривался авторъ, для читателя, не одержимаго слитностію созна-

нія, очевидно, что вся сила гипотезы о Византійско-Болгарскомъ образцѣ для «Слова» снуется на повѣсти о Дегенисѣ именно на приводимыхъ авторомъ аналогіяхъ. Если эта повѣсть не могла имѣть вліянія на «Слово», если аналогіи ея съ «Словомъ» того не доказываютъ, то и положеніе, что существовалъ другой какой-то Византійско-Болгарскій образецъ для «Слова» останется лишь висящимъ на воздухѣ безъ всякой опоры. Послѣднее положеніе держится лишь на первомъ. Какъ бы ни оговаривался авторъ, базисомъ его гипотезы является именно Византійская повѣсть о Дигенисѣ въ Болгарскомъ изводѣ.

Въ виду этого критикѣ предстоитъ рѣшить два вопроса:

1. Точно ли извѣстный намъ списокъ повѣсти о Дигенисѣ, изъ котораго авторомъ дѣлаются аналогіи съ «Словомъ», представляетъ непремѣнно изводъ Болгарскій?

2. Когда появился у насъ этотъ изводъ—до или послѣ написанія «Слова»?

А. Н. Пыпинъ въ своемъ капитальномъ трудѣ «Литературной исторіи повѣстей и сказокъ Русскихъ» высказалъ предположеніе, что повѣсть о Дигенисѣ появилась у насъ чрезъ *южно-славянскій переводъ*, слѣды котораго можно замѣтить на нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: «*сухое злато*» обыкновенный до сихъ поръ эпитетъ Сербской народной поэзіи; «*тисуща*» своимъ образованіемъ принадлежитъ южно-славянскимъ нарѣчіямъ; слово «*фаръ*» встрѣчается также въ исторіи Александра Македонскаго и въ сказкѣ о Синагриппѣ, иногда въ формѣ «*фарижъ*» и происходитъ отъ средне-Греческаго φάρας, также φάρυς, φάριον—equus arabicus (стр. 89). Но всѣ эти слѣды далеко не достаточны для того, чтобы переводъ этой повѣсти относить къ юго-Славянскимъ. Самъ же изслѣдователь отмѣтилъ, что слово «*фаръ*» бытовало въ лѣтописномъ языкѣ дружинной руси (Ип. 52, 162, 170). Что касается образованія слова *тисуща*, то въ Лаврентьевскомъ спискѣ лѣтописи изданномъ Археологическою Коммиссіей встрѣчаемъ его въ подобномъ же начертаніи: *тысуща*. Въ спискѣ той же Лаврентьевской Лѣтописи, XVI вѣка, принадлежащей нашему

Рукописному Собранію, на первыхъ же страницахъ встрѣчаемъ: **десѧ҃ тысѫщь** (л. 1) **съ чєтыредесѧ҃ тысѧщами** (л. 2). Къ сожалѣнію, у насъ до сихъ поръ не изучены мѣстныя нарѣчія и поднарѣчія и потому часто случается, что наши ученые видятъ признаки исключительно юго-славянскаго словообразованія тамъ, гдѣ могутъ сказываться лишь особенности мѣстныхъ говоровъ Русскихъ писцевъ. Выраженіе: «*сухимъ златомъ*» встрѣчается, какъ выше замѣчено, и въ переводѣ Флавія, который, по нашему изслѣдованію, есть переводъ несомнѣнно Русскій. Подобныхъ оборотовъ весьма не мало бытовало въ языкѣ литературно-повѣствовательной дружинной школы и сами по себѣ они ни какъ не могутъ служить вѣрнымъ указателемъ юго-Славянскаго происхожденія того или другаго перевода, если нѣтъ еще другихъ болѣе достаточныхъ къ тому основаній.

Но если отъ г. Пыпина, задавшагося необыкновенно широкой задачей литературной исторіи всѣхъ извѣстныхъ старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, нельзя было бы желать болѣе того, что сдѣлано его безспорно капитальнѣйшимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что и самый подлинникъ Греческой поэмы о Дигенисѣ не былъ тогда еще открытъ и изданъ, то отъ г. Всев. Ѳ. Миллера, поставившаго эту повѣсть исходною точкой для своихъ воззрѣній на «Слово», позволительно требовать болѣе строгаго и серьезнаго отношенія къ вопросамъ, относящимся къ появленію въ Россіи этой повѣсти и къ дошедшему до насъ ея единственному списку.

Но что въ изслѣдованіи г. Пыпина высказывается лишь какъ предположеніе, то въ книгѣ г. Миллера является, какъ вопросъ рѣшенный. Онъ положительно трактуетъ эту Русскую повѣсть, какъ переводъ болгарскій. Излагая ея содержаніе и желая отыскать новые признаки юго-славянскаго ея происхожденія, кромѣ указанныхъ г. Пыпинымъ, онъ отмѣтилъ *курсивомъ* еще нѣсколько другихъ словъ, которыя въ силу Болгарскаго ихъ правописанія въ дошедшемъ до насъ спискѣ онъ считаетъ также *болгаризмами*, но которыя въ сущности суть не болѣе, какъ слѣды правописанія позднѣйшей школы Русскихъ писцевъ. Болѣе сильныхъ и новыхъ доказательствъ своего мнѣнія г. Миллеръ не представилъ да и не могъ представить.

Сравнивая повѣсть со вновь открытой и изданной Византійской поэмой о Дигенисѣ онъ нашелъ однако, что она слишкомъ далеко отстоитъ отъ своего Греческаго оригинала и вынужденъ былъ склониться къ предположенію, что это или Болгарская передѣлка, или же, что, по его мнѣнію, всего вѣроятнѣе, существовала на Греческомъ языкѣ, кромѣ этой поэмы, еще прозаическая ея передѣлка, которая стояла ближе къ дошедшему до насъ Болгарскому изводу. При этомъ г. Вс. Ѳ. Миллеръ совсѣмъ опустилъ изъ виду предположеніе, высказанное еще А. Н. Пыпинымъ, что если существовалъ Болгарскій изводъ, то онъ могъ также далеко отстоять отъ извѣстнаго Русскаго списка, какъ этотъ послѣдній мало походитъ на вновь открытую и изданную Греческую поэму.

Итакъ, г. Вс. Ѳ. Миллеръ въ своемъ взглядѣ на Слово выходитъ изъ основанія, которое само является *гипотезою*, при *новой еще гипотезѣ*, съ *подгипотезою*.

Но если существованіе Болгарскаго перевода этой повѣсти является недоказаннымъ, если предположеніе какой-то прозаической передѣлки Византійской поэмы о Динегисѣ подлежитъ еще бо́льшему сомнѣнію, если тождество Русской повѣсти съ неизвѣстнымъ Болгарскимъ ея изводомъ лишь можетъ быть гадательно, то вотъ пока данныя, не подлежащія никакому сомнѣнію.

1. Извѣстный Русскій списокъ этой повѣсти представляетъ такого рода передѣлку, въ которой исключены всѣ романическія сцены, любовныя похожденія, свиданія и объясненія, и въ которой господствуетъ лишь *понятіе геройства и храбрости*, т.-е. то *понятіе*, которое было главнымъ возбудителемъ и двигателемъ въ укладѣ и жизни Кіевской Дружинной Руси, какъ указано нами выше.

2. Въ стилѣ этой передѣлки преобладаютъ выраженія и обороты общія произведеніямъ литературно-повѣствовательной школы Кіевской Руси.

«Сравнивая не многія тождественныя строки у Карамзина и въ Погодинскомъ спискѣ, можно, по видимому, вывести заключеніе, за-

мѣчаетъ А. Н. Пыпинъ, что Дѣяніе Девгеніево не было переиначено до такой степени, какъ сказка о Синагрипѣ и въ позднемъ видѣ своемъ сохранило болѣе древняго, если не въ языкѣ, то въ изложеніи сюжета [1]. Тѣмъ важнѣе становятся для насъ нѣкоторыя выраженія уцѣлѣвшія въ дошедшемъ до насъ спискѣ, кои стоятъ въ непосредственномъ отношеніи къ Греческому подлиннику и потому могутъ быть отнесены къ изначальнымъ мѣстамъ древнѣйшаго своего извода: это не случайныя вставки, но именно *переводъ*, строго отвѣчающій Греческому оригиналу. Переживъ всю эпоху до нашего времени, и уцѣлѣвъ, такъ сказать, среди многочисленныхъ превращеній, онѣ даютъ намъ нѣкоторое понятіе о своемъ изначальномъ переводѣ. И что же мы видимъ? Всѣ эти мѣста передаются языкомъ дружинной повѣствовательной школы.

Греческое θηρία κυνηγῆσαι—охотиться за звѣрями (v. 865), въ повѣсти передается лѣтописнымъ выраженіемъ «*ловы дѣять*» (Ср. Лавр. л. 207).

Греческое: ἔνδοθεν εἰσῆλθον—вошли внутрь палатки (v. 100), переведено лѣтописнымъ: *поскочиша къ шатру ея.* (Ср. Ип. стр. 44).

Греческое: Ἦν δὲ ὁ ἵππος τοῦ θρασυς—(v. 1015) конь же его былъ храбръ, переведено: и *всѣдъ на борзый свой конь.* Ср. въ Лѣт.—Лавр. 132.

Греческое: ποιήσωμεν τοὺς γάμους—совершимъ браки (v. 1305)—и сотвориша *свадьбу* по 3 мѣсяцы (Ср. Ип. 169).

Греческое: τὸ δόρυ διδασκόμενος—обучаясь копію (v. 859), передано лѣтописнымъ: *и начаше копіемъ играти.* (Ср. Ип. 167).

Ἐσθῆτα—одѣянія (v. 995), переведено драгоцѣнные *порты* съ драгимъ золотомъ. (Ср. Лавр. 241).

Паволоки—отвѣчаютъ тому же Греческому слову. Ср. Лавр. (32, 37).

Κιθάρα—лира (v. 104) звончатыя *гусли.* (Ср. Лавр. 166, 187).

[1] Очеркъ литер. повѣстей стр. 89.

Нѣкоторые греческіе обороты переданы хотя и не совсѣмъ точно, но также въ стилѣ лѣтописномъ:

τὴν τέκταν ἀνεστήκωσαν (v. 100), палатку взвѣсили переведено: *и шатеръ его на копья подняша.*

Иныя Греческія обороты переданы стилемъ живой народной рѣчи. Таковы напр.:

Καὶ ὁ 'Ακρίτης ἕτοιμος εἰς καβαλλικεῦσαι, καὶ ὁ ἵππος κατέπαιζεν εἰς ὄρεξιν τοῦ νέου. Акритъ былъ готовъ на брань и конь рѣзвился подъ стремленіемъ юноши. (v. 1015). Въ переводѣ же это выражено такъ: *Сяде на конь свой, рекомый на борзый фарь, и нача скакать, а подъ нимъ конь играть* (326).

Εἶχε.... πρόσωπον ἄσπρον ῥοδινόν — лице бѣлое-розовое (v. 970). Въ переводѣ: *лице же его яко снѣгъ, а румяно, яко маковъ цвѣтъ.*

Κόμην ξανθὴν—волосы желтые (ibid.). Въ переводѣ: *власы же его, яко злато.*

Καὶ ὄμματα μεγάλα—большіе глаза. (Ibid.). Въ переводѣ: *очи же его вельми великіи, яко чаши, пристрашно зрѣти на него.*

Достойно вниманія, что почти буквально эти послѣднія выраженія встрѣчаемъ въ «Богатырскомъ словѣ» гдѣ они относятся къ главному также греческому богатырю Идолу Скоропѣевичу.

ἀπὸ τοῦ δάσους—изъ темнаго лѣсу—переведено Русскимъ техническимъ выраженіемъ *«изъ острову»*. Видѣвъ же изъ *острову* бѣгуща изъ густаго лѣсу, лютый звѣрь (326). Видѣвъ же отецъ его изъ *острова* идуща (327). *Островомъ* въ народѣ называются высокой лѣсъ, окруженный со всѣхъ сторонъ болотомъ.

Въ самой передѣлкѣ, т. е. въ мѣстахъ не отвѣчающихъ Греческому оригиналу, господствуютъ выраженія также лѣтописныя; какъ напр.

И совокупи воя многа (стр. 330).

И всѣдоша на кони своя (317).

И пріѣхаша въ станъ свой (331).

И начаша кликати (стр. 319).

И начашася сѣщи саблями (стр. 320).

И ударишася межу собою копьями (стр. 320).

Иныхъ побиша, а иныхъ живыхъ поимаша (329).

И перескочи черезъ рѣку пѣшъ (стр. 329).

Изовлече мечь свой (стр. 306).

И взя мечь свой и поскочи (стр. 327).

И заправя копье хотяше пробости (стр. 329).

И нача молитися (стр. 330).

Братія моя милая (322).

Добыли есте (324) и т. п.

Мы уже достаточно привели выше примѣровъ, характиризующихъ языкъ литературно-повѣствовательной школы Кіевской Руси. Внимательный читатель не можетъ не видѣть, что всѣ эти выраженія относятся къ той же дружинной эпохѣ и къ стилю той же школы.

Далѣе, въ повѣсти преобладаютъ выраженія чисто народныя:

И начаша ихъ бити *яко добрые косцы траву косити* (218).

Кони же подъ ними, *яко летаху* (318).

Идемъ мы, сыне, *отъ сего лѣсу темнаго* (327).

Отъ поту звѣринаго и хля медвѣжая *порты на тебѣ изрудилися* (327).

И начаша меньшаго брата *крутить* (320).

И нача *по лѣсу ходить* и смотрѣти *каковá звѣря* (320).

Воинства его *не можетъ земля держать* (329).

А воинству его и *смѣты нѣтъ.*

Таковы же выраженія: сумежье (323), втѣпоры (319), въ дáроровяхъ (321), оконце (331), угонить (317), унимать (330), и т. п.

Встрѣчаются обороты сказочные и былинные:

Амира царя шатеръ черленъ, и по подолу зеленъ, а по шатру златомъ и сребромъ и жемчугомъ укаченъ и драгимъ каменьемъ украшенъ (319).

Многіе суть пріѣзжали къ ней цари и царевичи, короли и королевичи, а нихто въ очи ее не видалъ и живъ изъ царства его не выѣзживалъ.

Отразились наконецъ въ повѣсти и нѣкоторые черты бытовыя:

Есть въ семъ лѣсу источникъ водный, *а въ немъ свѣща сіяетъ*: въ немъ многія чудеся творятся (327).

И нача скакать, а подъ нимъ конь играть, *звонцы же его начаша прегудатъ* (327).

Всѣ эти особенности живой народной русской рѣчи и быта могли быть, конечно, позднѣйшими видоизмѣненіями первоначальнаго чтенія повѣсти. Но достойно вниманія, что до насъ дошло не мало древнѣйшихъ Болгарскихъ переводовъ, и въ самыхъ позднѣйшихъ спискахъ они сохранили однако явные слѣды своего происхожденія, хотя въ нѣкоторыхъ словахъ и выраженіяхъ: какъ напр. вмѣсто шатеръ встрѣчаемъ въ подобныхъ переводахъ (σκηνή) **колимогъ**; вмѣсто устремленіе (ὁρμή)—**нарои**; вмѣсто сѣкира (πέλεκυς)—**брадовь**; вмѣсто копье (λόγχη)—**лѫшта** или **лѫщиа**; вмѣсто струны (χόρδα)—**ѵревиы** и т. п. Въ разсматриваемой же повѣсти не уцѣлѣло ни единаго подобнаго слова свойственнаго лишь Болгарскому нарѣчію; напротивъ отъ начала до конца—здѣсь языкъ и стиль чисто Русскій.

Что касается втораго вопроса, то Вс. Ѳ. Миллеръ ограничивается слѣдующимъ рѣшеніемъ. «Есть полное основаніе согласиться съ мнѣніемъ Г. Пыпина, что Дѣяніе и житіе Девгеніево Акрита, заключавшееся въ Сборникѣ, гдѣ найдено «Слово» или Слово о Акирѣ премудромъ, сказка изъ 1001 ночи, могли быть извѣстны въ XII вѣкѣ [1].? Начинаемъ съ того, что мнѣніе Г. Пыпина приведено здѣсь не точно. Вотъ его собственныя слова: «Вмѣстѣ съ Сказаніемъ о Синагрипѣ эта повѣсть дѣйствительно могла относиться къ XII—XIII в. Карамзинъ, говоритъ онъ, въ другомъ мѣстѣ, назвалъ это произведеніе ста-

[1] Взглядъ на «Слово». Стр. 13.

ринной Русской сказкой, сочиненной въ XII—XIII в. [1]. И такъ, и Карамзинъ и Г. Пыпинъ относятъ появленіе у насъ этой повѣсти къ XII—XIII вѣку т. е. или къ послѣднимъ годамъ XII или же къ первымъ XIII вѣка.

Обращая ближайшее вниманіе на *стиль* этой повѣсти, мы съ своей стороны отмѣтимъ здѣсь слѣдующія наблюденія:

Въ текстѣ дошедшаго до насъ списка уцѣлѣло одно древнее слово, которое показываетъ предѣлъ, не позднѣе котораго появилась у насъ эта повѣсть. Такъ здѣсь читаемъ: и рекоша ей три Срацыняне: мы, Госпоже, идемъ въ Гре́ческую землю и отнесемъ.... *книги* ко̀ господину своему Амиру. (324). Это слово *книги*, отвѣчающее Греческому γραφή—писаніе, занесено къ намъ югославянскими переводами вмѣстѣ съ принятіемъ Христіанства, но оно скоро было усвоено въ Славяно-Русскомъ языкѣ и держалось въ стилѣ дружинной повѣствовательной школы до XIV вѣка. Такъ въ Лѣтописяхъ встрѣчаемъ его подъ 1116 г. «написахъ книгы си лѣтописецъ [2]»; подъ 1224 годомъ читаемъ: «Еже притчею глаголютъ *книги:* не оставлешуся камени на камени [3]. Повторяется и въ XIV вѣка. Въ 1377 году монахъ Лаврентій называетъ свой трудъ *книгами*, а самую рукопись, съ которой онъ списывалъ Лѣтопись, называетъ *книгы* ветшаны [4]. Съ XV же вѣка это слово вышло изъ употребленія и во всѣхъ памятникахъ стало замѣняться словомъ: писаніе. Отсюда можно заключить, что первоначальный изводъ разсматриваемой повѣсти появился у насъ не позднѣе XIV вѣка.

Но съ другой стороны и ранній предѣлъ ея появленія нѣтъ основаній возводить ранѣе XIII вѣка. На это указываютъ нѣкоторые хотя и мало замѣтные, но весьма характерные слѣды, уцѣлѣвшіе.

[1] Очеркъ литер. исторіи повѣстей стр. 89.

[2] Ibid. Стр. 85.

[3] Въ нѣкоторыхъ спискахъ повѣсти временныхъ лѣтъ.

[4] Ипат. Лѣтоп. стр. 163.

1. Въ характерѣ передѣлки этой повѣсти:

а) Общественная мораль у каждаго народа имѣетъ свою исторію и въ каждую эпоху преобладаетъ своя добродѣтель. Со времени нашествія Монголовъ отношенія поганыхъ къ русскимъ женщинамъ—создали съ ихъ стороны особую доблесть. Лѣтописцы начинаютъ отмѣчать женское геройство въ охраненіи своей чистоты по отношенію къ поганымъ. Та же черта отражается и въ передѣлкѣ разсматриваемой повѣсти. «Аще съ Амиромъ Царемъ сраму добыла еси», то мы отымемъ главу его—говорятъ братья своей сестрѣ, да не будетъ похвалятись, осквернивъ крестьянскую дѣвицу (321). «Никакоже, братія, не имѣйте ничего худого во умѣ своемъ; отвѣчала она, Амиръ царь всегда ко мнѣ пріѣзжаше единою мѣсяцемъ и издалече на меня смотряше; лице мое повелѣ сродичемъ моимъ скрывати, а въ шатеръ никто николи же схождаше». Одного она опасалась: боюсь, говоритъ, поношенія отъ людей, занеже бысть полоненица. (322) Повѣсть совсѣмъ въ иное отношеніе, чѣмъ Греческій подлинникъ, ставитъ свою героиню къ поганому царю Амиру и ограждаетъ ее отъ связи съ царемъ поганымъ. Въ этомъ характерѣ передѣлки Греческой поэмы для насъ сказывается самая эпоха ея появленія на Руси.

б) Со времени того же Монгольскаго нашествія—какъ въ лѣтописяхъ такъ и въ другихъ Русскихъ памятникахъ—повѣствованія нерѣдко прерываются молитвеннымъ обращеніемъ къ Богу—о помощи противъ *поганыхъ*. Таже особенность сказывается и въ разсматриваемой повѣсти. «А гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тьма темно; братія же Ангельскую пѣснь къ Богу возсылающе: Владыко! не поддай созданія Своего въ поруганіе поганымъ, да не возрадуются поганіи, оскверня крестьянскую дѣвицу (стр. 320).

2. Въ стилѣ повѣсти:

а) Выше мы привели что Греческое выраженіе δορύ διδασκόμενος—обучаясь оружію, въ повѣсти передается образнымъ выраженіемъ: *копіемъ играше*. Образъ «*игранія*» оружіемъ—въ дружинномъ языкѣ, судя по лѣтописнымъ даннымъ, появляется въ повѣствованіяхъ лишь съ XIII вѣка.

Въ Галицкой Лѣтописи этотъ образъ является господствующимъ. Такъ, подъ 1230 годомъ читаемъ: Васильку, обнаживщу *мечъ свой, играя* на слугу Королева [1].

Иному похвативши, *щитъ играющи* [2].

Скыртъ рѣка *злу игру сыгра* гражаномъ, тако и Днѣстръ злу *игру сыгра* [3]. (Подъ 1229 г.).

Сію же нощь наричють Бѣлжане злу нощь, сія бо нощь *злу игру имъ сыгра* [4]. (Подъ 1221 г.).

б., Вышеприведенныя образныя выраженія какъ: лице его бѣло, *какъ снѣгъ*; румяно какъ, *маковъ цвѣтъ*; очи, *какъ чаши*, коими переданы голыя понятія Греческаго подлинника, указываютъ на туже эпоху появленія перевода. Такого рода стиль является преобладающимъ въ Галицкой Лѣтописи, которую самъ авторъ гипотезы называетъ продолженіемъ «Слова». Здѣсь постоянно встрѣчаемъ выраженія въ слѣдующихъ: И пустишася яко дѣти ко отцу, яко пчелы ко матцѣ, яко жажющи воды ко источнику [5] и т. п.

в., Выраженіе: «урва ми сердечное кореніе», которое автору гипотезы особенно кажется *болгаризмомъ*, встрѣчается въ лѣтописяхъ, но также позднѣйшихъ. Такъ Псковской Лѣтописецъ восклицаетъ: «Како ли зѣницы не упали со слезами вкупѣ! *Како ли не урвалося сердце отъ корени*!

Въ виду безъ сомнѣнія такого сходства стиля этой повѣсти съ языкомъ позднѣйшихъ лѣтописей и Карамзинъ и Пыпинъ отнесли появленіе ея на Руси къ XII — XIII в. т.-е. ко времени уже послѣ написанія «Слова».

И такъ, нѣтъ достаточныхъ основаній, судя по дошедшему до насъ списку, считать ея первоначальный изводъ Болгарскимъ. Напро-

[1] Лаврент. Лѣт. стр. 463—464.

[2] Ипат. стр. 170.

[3] Ibid. стр. 170.

[4] Ibid. стр. 170.

[5] Ibid. стр. 163.

[6] Ипат. стр. 175.

тивъ—уцѣлѣвшіе слѣды переводнаго стиля даютъ болѣе право относить ея происхожденіе къ той же южно Русской литературной школѣ, къ которой относится и Лѣтопись. Не представляется и такихъ данныхъ, которыя позволяли бы относить ея появленіе у насъ ранѣе первой половины XIII вѣка.

При такомъ воззрѣніи на происхожденіе повѣсти о Девгенисѣ, аналогіи ея съ Словомъ, указанныя во „Взглядѣ" Вс. Ѳ. Миллера—ведутъ къ обратному *убѣжденію,* чѣмъ къ какому онъ пришелъ. Понятно, что явившись послѣ написанія «Слова», повѣсть эта должна была отвѣчать литературнымъ пріемамъ установившимся въ литературной дружинной школѣ, а никакъ не на оборотъ; не передѣлка Византійской поэмы должна была вліять на «Слово», а напротивъ стиль Слова вліять на передѣлку этой повѣсти. Въ этомъ отношеніи аналогіи представляютъ особенный интересъ.

Слово, какъ и повѣсть, состоитъ изъ описанія битвъ, прославленія героевъ, но эта послѣдняя, подъ воздѣйствіемъ понятія о геройствѣ господствовавшаго какъ въ Словѣ такъ и въ Лѣтописяхъ, должна была лишиться всѣхъ входившихъ въ составъ ея романическихъ приключеній, свиданій, любовныхъ объясненій и т. п.

Въ повѣсти, какъ и въ Словѣ, есть картины природы—и эта природа раздѣляетъ радость и горе человѣка, но сравнительно съ послѣднимъ, въ повѣсти это сочувствіе слишкомъ ничтожно и изысканно, и если оно здѣсь удержано, то скорѣе въ силу стиля господствующаго въ Словѣ.

Въ обоихъ эпическій разсказъ прерывается иногда прямою рѣчью влагаемою въ уста дѣйствующихъ лицъ, но въ повѣсти эти рѣчи и разговоры лишь удержаны на столько, на сколько отвѣчали пріемамъ изложенія, господствовавшимъ какъ въ Лѣтописяхъ, такъ и въ Словѣ.

Припомнимъ отдѣльныя мѣста:

1. Въ «повѣсти» сны—характеристическая черта. Предъ прибытіемъ братьевъ за похищенной сестрой, Амиръ видитъ сонъ и разсказываетъ его своимъ *кметямъ.* Другой сонъ видитъ жена Амира: въ этомъ снѣ Амиръ является златокрылатымъ соколомъ, жена его

голубкой, Сарацины—воронами. Авторъ передѣлки Византійской поэмы для толкованія этихъ сновъ приглашаетъ не только волхвовъ, но и *книжниковъ* и *фарисеевъ*, и тѣмъ даетъ замѣтить, что эта литературная форма открывалась для него впервые не Византійскимъ источникомъ; напротивъ—сны Византійской поэмы лишь напоминали ему знакомую форму сновидѣній библейскихъ. Во всякомъ случаѣ, если эти сны удержаны въ передѣлкѣ, то конечно потому, что отвѣчали сочувствію къ нимъ самого автора и не стояли въ противорѣчіи съ стилистическою формою Русскаго повѣствованія: «Въ Словѣ о полку Игоревѣ Святославъ также видитъ сонъ и разсказываетъ его своимъ боярамъ». Что же касается *кметей*, то съ конницею въ дружинной Руси, бытовало, и это техническое ея названіе. О *кметямъ* какъ наѣздникахъ не разъ говорится въ Лѣтописяхъ. «Кмети» упоминаются и въ «Словѣ о полку Игоря» какъ лучшая и отборная дружина Всеволода. Вотъ почему авторъ повѣсти, передѣлывая Византійскую поэму, въ которой нѣтъ даже упоминанія о *кметяхъ*, заставилъ Амира разсказывать сонъ свой именно *кметямъ*, на подобіе того, какъ Святославъ разсказываетъ свой сонъ *боярамъ*.

Далѣе обратимъ вниманіе на сравненія, имѣющія мѣсто какъ въ «Словѣ» такъ и въ повѣсти. «Девгеній перескочилъ черезъ рѣку пѣшъ, яко *соколъ дюжей* отъ руку ловца». Соколъ вошелъ въ поэтическія сравненія какъ въ Византіи такъ и у насъ на Руси чрезъ любимую соколиную охоту: мы видимъ, что не разъ образъ сокола является въ литературно-повѣствовательномъ языкѣ дружинной школы. Его встрѣчаемъ мы въ Лѣтописяхъ, гдѣ «*стрѣльцы* называются *соколами*» и гдѣ читаемъ также: «сбиша Угры въ мячъ, яко соколъ сбиваетъ галицѣ (Ип. 155). Подобныя сравненія обычны и въ «Словѣ». И если въ русской передѣлкѣ Византійской поэмы удержаны тѣже поэтическія сравненія, то не потому только, что онѣ являются въ Греческомъ подлинникѣ—въ передѣлкѣ опущено много поэтическихъ образовъ подлинника,—но главнымъ образомъ потому, что образъ сокола входилъ уже, какъ видно изъ Лѣтописей и Слова, въ установившійся—знакомый автору передѣлки — литературный стиль повѣствованій дружинной Руси. Тоже должны мы замѣтить и о поэтическихъ сравненіяхъ съ ястребомъ. Владиміръ Мономахъ говоритъ о себѣ, что онъ

самъ держалъ нарядъ *о соколѣхъ* и *ястребѣхъ*. Въ одной изъ Лѣтописей читаемъ: дружина же твоя, *аки ястребы*, и никто жь можетъ одолѣти тя. Не удивительно по этому, если и авторъ передѣлки Византійской повѣсти ввелъ ястребовъ въ свою повѣсть. Братья, бросившіеся отыскивать сестру, «поѣхаша, *яко златокрылатые ястребы*; Филипата называетъ Девгенія *златокрылатымъ ястребомъ*.

Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, въ житіяхъ Греческихъ отцевъ— и даже въ Лѣтописяхъ, гдѣ выражается похвала Святымъ и гдѣ рѣчь поднимается до смысла и значенія церковныхъ пѣсней, встрѣчаются выраженія, буквально отвѣчающія Греческимъ въ родѣ: *свѣтъ, очей моихъ* (φῶς τῶν ἐμῶν ὀμμάτον) *свѣтъ мой сладкій* (φῶς μου γλυκύ). Но эти изысканныя и видимо сочиненныя выраженія ничего не имѣютъ общаго съ подобными выраженіями, кои встрѣчаются въ тѣхъ же Лѣтописяхъ, гдѣ служатъ они отраженіями факта жизни и являются непосредственно, какъ обычныя формы Русской ласки и привѣта. Въ выраженіи, «Слова» *свѣтъ свѣтлый ты, Игорю!* трудно узнать ласкательное обращеніе въ Византіи, встрѣчающееся въ поэмѣ о Дигенисѣ, тому, кто знаетъ, что это есть обычное выраженіе ласки, до нынѣ живущее въ Русскомъ народѣ [1]. Кто не думаетъ, что авторъ сочинялъ свое «Слово», по готовымъ Болгарскимъ книжкамъ, тотъ не придетъ къ мысли, что авторъ «Слова» обязанъ этимъ ласкательнымъ обращеніемъ запасу своей начитанности. Тоже нужно сказать и о сравненіяхъ князей съ солнцемъ. Въ Лѣтописяхъ встрѣчается по отношенію къ князьямъ—эпитетъ «*свѣтозарное солнце*», (ἥλιε λαμπρότατε), имѣющій мѣсто и въ разсматриваемой повѣсти— но этотъ книжный оборотъ существенно отличается отъ того эпическаго значенія, въ какомъ употребляется онъ въ другихъ мѣстахъ тѣхъ же лѣтописей, гдѣ затрогивается дѣйствительная жизнь и гдѣ этотъ эпитетъ не посредственно является, какъ фактъ русскаго народнаго сознанія [2].

[1] См. въ «Лексикологіи», подъ словомъ *свѣтъ*.

[2] См. въ «Лексикологіи» подъ словомъ *солнце*.

Что касается картинъ природы и стремленія автора «Слова» приводить ея состоянія въ соотвѣтствіе съ состояніемъ людей, то эта особенность такъ глубоко и всецѣло проникаетъ «Слово» что сравненіе его въ этомъ отношеніи съ поэмой о Дигенисѣ почти со всѣмъ невозможно: такъ ничтожно и въ такихъ натянутыхъ и изысканныхъ образахъ проявляется здѣсь соучастіе природы въ дѣяніяхъ людей. И если въ повѣсти удержано это сочуствіе, то въ той формѣ, въ какой въ подлинникѣ оно не встрѣчается: «а гдѣ стоятъ братаничи, и на томъ мѣстѣ, аки солнце сіяетъ, а гдѣ Амира царя крутятъ, и тамъ нѣсть свѣта, аки тьма темно». Точно также обращеніе къ солнцу со стороны братьевъ, не нашедшихъ своей сестры могло быть удержано въ русской передѣлкѣ этой поэмы, лишь въ силу уже установившагося стиля, знакомаго автору ея изъ «Слова» и, быть можетъ даже иныхъ произведеній, подобныхъ «Слову», до насъ не дошедшихъ.

Другая характиристическая черта «Слова» та, что дѣйствующія лица не только *описываются*, но какъ бы выводятся на сцену; эпическій разсказъ прерывается часто рѣчами, обращеніемъ Игоря къ дружинѣ, разговоромъ между Всеволодомъ и Игоремъ, и т. п. Но эта манера разсказывать, этотъ драмматизмъ является и въ Русскихъ лѣтописяхъ едва не на каждой страницѣ. И если въ повѣсти о Дегенисѣ удерживается таже манера, то конечно лишь потому, что ея авторъ находилъ подъ воздѣйствіемъ господствовавшаго уже стиля литературно-повѣствовательной школы дружинной Руси XII вѣка. Этимъ объясняется и то, что рѣчи, влагаемыя въ уста дѣйствующихъ лицъ этой повѣсти—суть рѣчи героевъ «Слова» и «Лѣтописей». Такъ, Игорь говоритъ, хоцу главу свою приложити». «Положу главу свою за тя». (Лавр. 196) главы своя сложимъ за тя (Ib. 129, 380) это выраженія — обычныя и въ устахъ лѣтописныхъ героевъ. Тѣми же самыми словами авторъ передѣлки Византійской поэмы заставляетъ говорить и братьевъ сестрѣ: *главы своя положимъ за тя.*

Далѣе, какъ въ «Словѣ» читаемъ: «о моя сыновчя, Игорю и и Всеволоде! *Рано еста начали* Половецкую землю мечи цвѣлити», такъ и въ повѣсти тѣмъ же стилемъ выражается мысль подлинника:

«чадо! *рано тебѣ* о ловѣхъ звѣриныхъ мыслити» [1]. Или: *рано тебѣ* въ сильную рать ѣхать.

Что касается плачей и причитаній, то они приводятся не только въ «Словѣ» но какъ указано выше, и въ Лѣтописяхъ. Каждый разъ когда приходилось говорить о смерти того или другаго знаменитаго князя, лѣтописецъ прибавлялъ: «плакахуся по немъ все множество людей, плакахуся по немъ, аки по отцѣ, паче же плакахуся по немъ сынове его «княгиня же его безпрестани плакашеся» слезы отъ себѣ изливающи, аки воду. При этомъ лѣтописецъ неоднократно приводитъ и *запѣвъ* этихъ причитаній, изъ коего видно, что это былъ тотъ же самый народный плачъ, какой раздается и нынѣ по Русской землѣ предъ родными и близкими покойниками. Плачи эти входили въ литературное повѣствованіе, не какъ поэтическій пріемъ, а какъ жизненный фактъ не разлучный съ предметомъ повѣствованія: какъ лѣтописецъ, такъ и авторъ «Слова» заносили въ свои повѣсти эти жалобныя рѣчи, не потому, что читали о нихъ въ Болгарскихъ книжкахъ, но потому, что сами видали и слыхали подобныя плачи: причеть женъ, дружинниковъ, плачь Ярославны, занесенныя въ «Слово» вырваны, такъ сказать, изъ самой груди Русскихъ горемыкъ—и если въ Византійской поэмѣ встрѣчаются своего рода образцы плачущей поэзіи, это значитъ не больше, какъ то, что въ Византіи какъ и вездѣ, умѣли оплакивать смерть людей дорогихъ и близкихъ. И если въ «повѣсти» удержано упоминаніе о томъ, что мать *причитала* о похищенной дочери, братья, мужественные воины, *плакали* горькими слезами о сестрѣ, Амиръ *съ плачемъ* говорилъ съ будущими шурьями, когда они побѣдили его, то, конечно, въ силу того, что это входило въ стиль Русскаго повѣствованія уже въ XII и даже XI вѣкѣ.

[1] Въ Греческомъ подлинникѣ: πλὴν δὲ οὐ πάρεστι καιρός, δεινότερος ὑπάρχεί κὰι σὺ γάρ, περιπόθητε; δωδεκαετὴς ὑπάρχων οὐ δυνασάι; γλυκύτατε θηρία πολεμῆσαι—не настало еще время, опасность слишкомъ велика; ты мой, милѣйшій, еще двѣнадцати лѣтъ, и не въ силахъ сладчайшій, бороться съ звѣрями? По Болгарски переводъ былъ бы таковъ; нѣсть бо время; или же, не убо пріиде время и т. д.

Считаемъ излишнимъ распространяться о томъ, что нѣжность, проникающая женскіе образы «Слова», отнюдь не есть отголосокъ Византійской книжной сантиментальности. Г. Миллеръ заявляетъ, что это ему *представляется*, а что и какъ кому представляется, для того законъ не писанъ. Мы замѣтимъ одно: чѣмъ ближе народъ къ эпической эпохѣ, тѣмъ живѣе и глубже въ немъ идеальная нѣжность отношеній; не каждая образованная мать въ наше время умѣетъ такъ непосредственно и глубоко выражать свое материнское чувство къ дѣтямъ, какъ выражаетъ его крестьянская женщина съ эпическимъ направленіемъ сознанія. Женскіе образы «Слова» потому столько и привлекательны, что отзываются эпической простотой: будь они подражаніемъ Византійской книжности, тогда они претили бы художественному чутью своей сантиментальностію.

По свидѣтельству какъ «Слова» такъ и лѣтописей «не вспоминать ладу, а забыть ее на брани» считалось выраженіемъ истинной доблести. Въ этомъ отношеніи «Слово» слишкомъ далеко отъ любовныхъ похожденій рыцаря Дигениса и ни коимъ образомъ не можетъ быть поставлено въ соотношеніе съ разбираемою повѣстію.

Въ Греческой поэмѣ о Дегенисѣ сохранилось начало четвертой пѣсни, въ которомъ есть: 1) обращеніе къ читателю ὦ φίλτατε—о, любезнѣйшій 2) обозначеніе героя, имѣющаго быть воспѣтымъ и 3) воспоминаніе о другихъ герояхъ, которые впрочемъ, на взглядъ автора, уступаютъ воспѣваемому имъ герою. Но всѣ эти черты, общія даже житіямъ Греческихъ Святыхъ [1], не представляютъ существенной

[1] Такъ напр. начинается повѣсть о Василье Великомъ:

„Любимицы, не бѣ нелѣпо благопраквымъ спо ѿчимъ поскорбѣти о житіи... (Ἀγαπητοὶ οὐκ ἦν ἀπεικὸς εὐγνώμονας). Нуждьно вмѣнихомъ житіе и нравы и великіа чюдеса нашего пастыра и оучителя писанію предати. Не словеса бо, но дѣлеса подобаетъ показати.

Или же вотъ какъ начинается Сказаніе объ Ефремѣ Сиринѣ:

Братья, повѣсть хощу створити о василии блжнѣмь и ѡ ефремѣ соурин... иже оубо ѡ ѿцѣ нашемь василии, то сами видѣвше, и иже ѡ дивнѣмъ ефремѣ ѿ неложныхъ оустъ слышавше. (Изъ Паренесиса 1538).

аналогіи началу нашего «Слова». Обращеніе къ Бояну скорѣе и вѣрнѣе можетъ быть пріурочено обращенію къ Музѣ въ классической поэзіи—и во всякомъ случаѣ подобная аналогія будетъ гораздо соотвѣтственнѣе цѣли, чѣмъ сближеніе съ запѣвомъ поэмы о Дигенисѣ.

Авторъ гипотезы въ заключеніе говоритъ, что онъ не считаетъ именно поэму о Дигенисѣ образцемъ, которому слѣдовалъ авторъ «Слова». «Повторяемъ, замѣчаетъ онъ, мы далеки отъ этой мысли. Все, въ чемъ убѣждаютъ насъ выщеприведенныя аналогіи, только то что какое-то Византійское произведеніе въ Славянской одеждѣ входило въ кругъ начитанности русскаго литератора, что подъ вліяніемъ знакомства съ нимъ и съ другими произведеніями того же рода, у него сложилась своя манера повѣствовать». Мы съ своей стороны должны повторить это заключеніе, но лишь въ обратномъ направленіи. Все, къ чему ведутъ разобранныя аналогіи, это только къ наблюденію, какъ стиль «Слова» и лѣтописей и вообще литературно-повѣствовательной дружинной школы отражался на Русскихъ передѣлкахъ нѣкоторыхъ Византійскихъ произведеній.

Скажемъ болѣе: мы не считаемъ своихъ изысканій законченными и своихъ выводовъ не преложными; въ данномъ случаѣ мы хотѣли лишь показать, какъ не прочно обоснованы самыя исходныя положенія гипотезы о Византійско-Болгарскомъ прототипѣ «Слова».

Основная мысль, которая доказывается аналогіями Слова съ Повѣстію о Дигенисѣ, хотя и слишкомъ поспѣшными, несомнѣнно вѣрная: что «Слово» отражаетъ въ себѣ книжную стихію и воздѣйствіе общей тогдашней литературы, это давно уже подмѣчено. Первый кн. П. П. Вяземскій началъ изучать «Слово» въ этомъ направленіи. Академикъ Срезневскій также указалъ на связь «Слова» съ древними подобными славянскими повѣстями. Мы, съ своей стороны, еще въ 1876 г. развивали эту мысль и привели даже нѣсколько примѣровъ однообразія языка «Слова» съ образами и выраженіями повѣсти Флавія о плѣненіи Іерусалима.

Но гипотеза идетъ гораздо дальше. Приводимыя ею аналогіи—суть лишь только зарядъ для дальнѣйшихъ выстрѣловъ въ «Бояна» и его пѣснотворчество.

Авторъ «Взгляда» не разъ даетъ замѣтить, что онъ не допускаетъ того, чтобы авторъ «Слова» зналъ Греческій языкъ: для дальнѣйшей цѣли гипотезы существенно было необходимо, какъ увидимъ ниже, чтобы въ кругъ начитанности автора «Слова», входило Византійское произведеніе непремѣнно въ *Славянской одеждѣ*, откуда могъ онъ почерпнуть эпическія мѣста входящія, какъ внутренняя стихія, въ художественную сторону «Слова». Другія произведенія того же рода хотя и не исключаются изъ круга начитанности автора «Слова», но онѣ получаютъ во «Взглядѣ» второстепенное значеніе [2].

«Литература Византійская, по его мнѣнію, вліяла на Русскую не прямо. Поставщицей къ намъ Византійскихъ произведеній *уже передѣланныхъ* (?) въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ (?) была для насъ Болгарія. Спрашивается, не сохранило ли «Слово» какихъ-нибудь слѣдовъ, указывающихъ на то, что образцами ему служили Византійскія произведенія, воспринявшія Болгарскую окраску»? И вотъ что оказывается:

«Никакого пѣснотворца Бояна, которымъ такъ восторгается авторъ «Слова», на Руси не бывало. Боянъ будто бы не историческое лицо, а маска (стр. 127). Болгарскій книжникъ нашелъ въ византійскомъ оригиналѣ возваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности, Гомеру, и подставилъ личность родныхъ народныхъ преданій, вспоминая легенды о вѣщемъ Боянѣ (стр. 135). Такимъ бояномъ могъ быть одинъ изъ сыновей болгарскаго царя Симеона (927), извѣстный сво-

[2] Г. Ждановъ, при всемъ желаніи быть объективнымъ, не точно однакожъ передалъ ходъ положеній, разсматриваемой гипотезы. Г. Миллеръ, замѣчаетъ онъ, вовсе не думаетъ, что это именно поэма о Дигенисѣ имѣла вліяніе на «Слово» о полку Игоревѣ; вліяніе имѣлъ вообще *тотъ родъ произведеній*, къ которому принадлежитъ и Дигенисъ. (Литерат. Слова о п. Иг. стр. 20). Въ томъ-то и дѣло, что г. Миллеръ сводитъ свой взглядъ на «Слово» не къ памяти, какъ выражается А. Н. Веселовскій, о многомъ прочитанномъ и усвоенномъ его авторомъ, но именно къ готовому Византійско-болгарскому образцу, или шаблону, откуда авторъ «Слова» черпалъ поэтическія мѣста и безотчетно переносилъ въ свое произведеніе.

имъ кудесничествомъ и, по народнымъ преданіямъ, обращавшійся въ волка (стр. 132—133). Авторъ «Слова», найдя подобное болгарское произведеніе, не могъ не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну и перенесъ его въ свое произведеніе (134). Даждь-Богъ былъ также подставленъ въ какомъ-нибудь болгарскомъ произведеніи на мѣсто Геліоса или Феба, а авторъ «Слова» въ свою очередь воспользовался имъ, не отдавая себѣ въ немъ отчета и украсилъ имъ своихъ князей (стр. 76—77). Имя Велеса онъ также взялъ на прокатъ, по выраженію гипотезы, изъ того же болгарскаго произведенія (стр. 77). Хорсъ въ «Словѣ» также отзывается болгарщиной. Дивъ и Троянъ попали сюда несомнѣнно изъ Болгаріи. Всѣ четыре мѣста въ «Словѣ», гдѣ рѣчь касается Трояна, не болѣе, какъ внѣшнія спайки, обличающія болгарскій прототипъ «Слова».

Считая маскою русскаго Бояна, въ виду между прочимъ того, что онъ въ «Словѣ» называется *вѣщимъ, внукомъ Велеса, соловьемъ стараго времени*, гипотеза въ тоже время нимало не смущается прямымъ свидѣтельствомъ «Слова», что этомъ самый Боянъ своими пѣснями и лирой служилъ *старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу*, и преспокойно это фактическое указаніе обходитъ замѣчаніемъ, что имена этихъ князей явились въ «Словѣ» для того, чтобы *болгарскому Бояну* придать русскую окраску (стр. 134). Отрицая въ Боянѣ русскаго пѣснотворца во имя того между прочимъ, что о немъ не упоминается въ лѣтописяхъ, она пресерьёзно, въ замѣнъ его, предлагаетъ намъ *болгарскаго Бояна*, вѣщихъ дѣлъ котораго, по собственнымъ же ея словамъ, также не сохранила для насъ ни замѣтка благочестиваго книжника, ни народная традиція (133). Утверждая, что будто во всей характеристикѣ Бояна нѣтъ ни одной реальной черты пѣвца историческаго и притомъ русскаго, что, какъ увидимъ, невѣрно, она ставитъ однакожъ на его мѣсто *болгарскаго царевича*, волкодлачья натура котораго уже совсѣмъ не ладитъ съ прекраснымъ образомъ *пѣвца* и *гудца* нашего «Слова».

Спрашивается, умѣстенъ ли эпитетъ «*вѣщій*» для пѣвца, историческаго лица, разсказы о которомъ могли быть въ свѣжей памяти у

автора «Слова»? Конечно умѣстенъ если не навязывать ему значеніе «*мудраго чародѣя*», какое произвольно усвояетъ ему авторъ гипотезы. Хищныхъ птицъ въ народѣ называютъ *вѣщими*; о дѣтяхъ говорятъ, что они *вѣщіи* конечно не въ томъ смыслѣ, что тѣ или другіе кобники и колдуны.

Могъ ли далѣе, историческій дѣятель, жившій съ небольшимъ за два поколѣнія до автора «Слова», быть названъ внукомъ божества? Конечно могъ, если произвольно не примѣшивать тутъ древнѣйшаго ученія о происхожденіи героевъ отъ смѣшенія боговъ съ тщерями человѣческими. Если каждый христіанинъ—есть сынъ Божій,—то это дѣйствительное вѣрованіе слишкомъ далеко отъ понятія о физическомъ рожденіи. Миѳы прежде всего отражаютъ нравственный смыслъ—и кто обладалъ необыкновеннымъ даромъ поэтическаго творчества, тотъ не могъ иначе представляться въ эпическія времена, какъ внукомъ божества—первоисточника лиры и музы.

Боянъ за тѣмъ носитъ въ «Словѣ» эпитетъ *соловья стараго времени.* Для автора гипотезы этотъ эпитетъ также не понятенъ и страненъ, какъ если бы мы назвали Державина *древнимъ* поэтомъ. Уже ли и это можетъ быть названо доказательствомъ, подвергающимъ сомнѣнію историческое существованіе нашего Бояна?» Авторъ гипотезы свое ученое представленіе *о старомъ и новомъ времени*, произвольно навязываетъ эпохѣ дружиннаго историческаго эпоса, который, по его мнѣнію, долженъ былъ измѣрять время такъ, какъ измѣряютъ его въ наше время. Да и въ наши дни народъ стоитъ совсѣмъ въ другомъ отношеніи къ отжившимъ недалекимъ поколѣніямъ, чѣмъ какъ трактуютъ ихъ въ образованныхъ классахъ. Для автора «Слова» какъ выше сказано, эпоха Ярослава и Олега есть эпоха старая; князей относящихся къ этой эпохѣ онъ называетъ *давними* и *старыми*—а потому и Бояна, который воспѣвалъ эту этоху и этихъ князей, онъ не могъ назвать иначе, какъ соловьемъ времени *стараго.*

Отказываясь отъ историческаго Бояна и считая его имя не болѣе какъ поэтическимъ украшеніемъ, авторъ гипотезы, указываетъ затѣмъ

почву, на которой слѣдуетъ его искать: 1. Имя *Боянъ*—народное Болгарское. *Многіе* Бояны, извѣстные по памяникамъ, были Болгаре (всего три). 2. Въ Болгаріи извѣстна рѣка *Бояна*. 3. Наконецъ звуковый видъ имени *Боянъ* напоминаетъ общеупотребительныя у Болгаръ имена на *анъ*: Велянъ, Вратанъ, Първанъ, Стоянъ и т. п. Не напоминаетъ ли Болгарскій кудесникъ царевичъ Боянъ обращавшійся по произволу въ волка, нашего *вѣщаго* Бояна, рыскавшаго волкомъ по землѣ? Неужели слишкомъ смѣло искать и Бояна на той почвѣ, гдѣ дѣйствительно жилъ Боянъ—чародѣй, въ той странѣ, гдѣ ходили мѣстныя преданія о Троянѣ, гдѣ звучало и звучитъ имя Велесъ и ходятъ разсказы о дивахъ и самодивахъ?» Вотъ всѣ опоры, на которыхъ снуётся разсматриваемая гипотеза, указывающая почву для Бояна «Слова» въ предполагаемыхъ, но пока не существующихъ Болгарскихъ книжкахъ. Читая подобныя указанія можно подумать что имя Бояна есть исключительно Болгарское, что въ Русскомъ языкѣ нѣтъ собственныхъ именъ, кончающихся на *анъ* и *янъ*, и въ Русской исторіи нѣтъ слѣдовъ существованія на Руси какого-бы то ни было Бояна.

Не смотря на шаткость своихъ положеній, гипотеза до того увлечена своимъ мнимо критическимъ анализомъ «*старыхъ словесъ*», что отзывается необыкновенною отважностію. Говоря объ установившихся взглядахъ на Бояна, именно, что его «старыми словесами», охарактеризованными въ «Словѣ», открывается для насъ предшествующій ему литературный періодъ, что авторъ «Слова», начиная собою поэзію гражданственности, не освободился еще отъ поэзіи Боянова вымысла, гипотеза выражается въ такомъ тонѣ: «считаемъ не лишнимъ пересмотрѣть всѣ эти *избитыя истины*, вошедшія уже давно *въ исторію литературы и учебники*» (стр. 117).

Но какъ не избиты эти истины, онѣ далеко не таковы, чтобы можно было однимъ почеркомъ пера вычеркнуть ихъ изъ исторіи, литературы, науки и школы. Чтобы видѣть ихъ дѣйствительное значеніе постараемся, въ свой стороны, привести ихъ въ связь съ русскими историческими данными.

Мы уже выше упоминали о томъ, что кіевскій лѣтописецъ часто отдѣляетъ въ своихъ разсказахъ собственныя прибавленія отъ разсказовъ своихъ источниковъ замѣчаніями въ родѣ слѣдующихъ: «мы же на предняя возвратимся», «мы же о семъ поглаголуемъ».

1. Существованіе дружинныхъ пѣснотворцевъ при Русскихъ конжескихъ дворахъ давно уже доказано Д. И. Иловайскимъ, М. П. Погодинымъ и главнымъ образомъ Ѳ. И. Буслаевымъ.

Начиная съ XII вѣка„ въ «Кіевской Лѣтописи» повѣствованія о князьяхъ и ихъ дружинахъ отмѣчаются такими мелкими особенностями и чертами кіевской Руси, что онѣ ясно обличаютъ свой первоисточникъ дружинныхъ «словесъ». Въ изображеніи этой эпохи историкъ не столько можетъ затрудняться недостаткомъ данныхъ, сколько обиліемъ мелкихъ подробностей, богатствомъ и разнообразіемъ сообщаемыхъ фактовъ. Для насъ важно, что рѣчь часто идетъ здѣсь краткими и иногда мѣрными предложеніями; встрѣчаются нерѣдко повторенія; разсказъ часто осложняется дробнымъ развитіемъ мысли и разговоромъ дѣйствующихъ лицъ.

Сто́итъ только читать многія мѣста мѣрною рѣчью—и въ вашихъ глазахъ, если хотите, возсоздастся дружинная былина, служившая источникомъ для кіевскаго лѣтописца. Мы позволяемъ себѣ привести здѣсь образчикъ такого чтенія, чтобы читатель могъ видѣть, насколько замѣтенъ былевой складъ въ лѣтописномъ повѣствованіи.

Тогда же Ростиславъ
Позва Святослава
Къ собѣ на обѣдъ.
Святославъ же къ нему ѣха
Безо всякаго извѣта.
И бысть же радость въ той день.
Да̀ бо Ростиславъ Святославу
Собольми и горноста̀ими
И черными кунами и пе́сцы,
И бѣлыми волки и рыбьими зубы.

На заутріежъ позва
Святославъ Ростислава
Къ собѣ на обѣдъ.
И тако быста весела
Паче вчерашняго дня.
Да̀ Святославъ Ростиславу
Пардусъ и два коня бо́рза
У ковану сѣдлу.
И тако разидостася
У свояси (Кіев. Лѣт., стр. 86).

Вотъ другой примѣръ (на той же страницѣ):

И пойде Изяславъ ко Чернигову
Со всею силою Половецкою
На Святослава на Ольговича.
И сташа подлѣ Десну
По Крырову
Оли до устья,
А внизъ до Стояничъ.
И бъяхутся съ ними
Крѣпко о Десну
Ови на конѣхъ,
А ини въ насадѣхъ
Ѣздяче
И не пустиша ѣ
Чере́зъ рѣку.
И стоявше,
Великую пакость сътвориша
Села пожгоша,
Люди повоеваша и т. д.

Этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобы видѣть характеръ и складъ тѣхъ дружинныхъ «словесъ», которыя видимо служили источникомъ для кіевскаго лѣтописца. Въ приведенныхъ примѣрахъ недостаточно живописной образности, которая стерта рукою лѣтописца, но мы уже видѣли, что здѣсь уцѣлѣли въ разныхъ мѣстахъ и слѣды образнаго, кованаго языка дружинно-княжеской кіевской Руси, вмѣстѣ съ честію и блескомъ ея воинской славы. Имена богатырей,

которыхъ до 70 пало на одной Калкѣ, также могли явиться въ «Лѣтописи», лишь подъ воздѣйствіемъ тѣхъ же «дружинныхъ словесъ»; самое имя «богатыря» болѣе свойственно пѣснѣ, чѣмъ историческому разсказу.

Такимъ образомъ «Кіевская Лѣтопись» служитъ для насъ указателемъ, что «Слово» не было одинокимъ явленіемъ въ дружинно-княжеской средѣ и заставляетъ насъ предполагать многія подобныя ему, «дружинныя словеса». Вмѣстѣ съ этимъ мы приходимъ къ признанію такого историческаго факта, который дѣлаетъ для насъ необходимымъ существованіе какого-нибудь Бояна въ родѣ того, какимъ пользуется и такъ восхищается авторъ «Слова». Этотъ Боянъ самъ собою навязывается читающему «дружинныя словеса», уцѣлѣвшія для насъ въ «Кіевской Лѣтописи».

Были пѣснотворцы въ XII в., при Кириллѣ Туровскомъ; были они и въ XI в., во времена св. Ѳеодосія. Какъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ XII в. для насъ сказываются «дружинныя словеса», такъ и въ разсказахъ ея о древнѣйшихъ временахъ отдается для него тотъ же дружинный «эпосъ», только болѣе сказочнаго свойства. Олегъ приплывающій со множествомъ судовъ изъ Новгорода въ Кіевъ, выдающій себя за греческаго купца, приглашающій къ себѣ на судно Аскольда и Дира и приказывающій убить ихъ—развѣ это не поэтическій разсказъ изъ среды дружинной? А походъ подъ Константинополь съ 2,000 судовъ, а суда его на колесахъ, на коихъ подплылъ онъ по суху при попутномъ вѣтрѣ подъ стѣны города, а ядъ, подосланный императоромъ и отгаданный кіевскимъ княземъ, а щитъ, какъ знамя побѣды на стѣнахъ цареградскихъ, а парчевые паруса, устроенные имъ на своихъ судахъ для возвратнаго пути—или все это взято не изъ дружинныхъ словесъ? Такова и смерть Олега отъ любимаго коня, которую предсказалъ ему кудесникъ; онъ велѣлъ ему держать этого коня въ удаленіи, и черезъ 4 года, по возвращеніи своемъ изъ похода, пошелъ посмотрѣть его кости, смѣясь надъ предреченіемъ, какъ изъ-подъ черепа выскочила змѣя и ужалила князя. А разсказъ о мести Ольги: какъ она научила пословъ древлянскихъ

требовать, чтобы ихъ понесли кіевляне въ теремъ въ ладьѣ и на дорогѣ велѣла бросить въ яму и засыпать землею, какъ она сожгла другихъ пословъ въ банѣ, какъ покорила Коростень посредствомъ голубей и воробьевъ, пустивши ихъ въ городъ съ огнемъ? Всѣ подобныя повѣсти могли выдти только изъ дружинной среды и отзываются ея замышленіемъ.

Такимъ образомъ, какъ авторъ «Слова» стоитъ въ самой внутренней связи съ дружинными лѣтописными словесами XII в., такъ и замышленіе Бояново не стоитъ внѣ лѣтописныхъ указаній на повѣсти дружиннаго эпоса. Напротивъ, мы видимъ, что подобные пѣвцы бывали еще въ эпоху наступательной борьбы кіевской Руси на Византію и слѣды ихъ сказаній уцѣлѣли для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ.

Все это говоримъ приводитъ къ тому, что существованіе сказателей «дружинныхъ словесъ» становится очевиднымъ, и пѣснотворецъ въ родѣ Бояна, которому подражаетъ авторъ «Слова» находитъ такимъ образомъ оправданіе для своего существованія въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ.

Но вотъ намъ замѣчаютъ: кто же въ виду ясныхъ указаній лѣтописи, сомнѣвался когда-либо въ *возможности* типа древне-русскаго сказателя? Дѣло идетъ не объ этомъ, а о томъ существовалъ ли упоминаемый въ «Словѣ» Боянъ какъ лице историческое [1]? Постановка подобнаго вопроса предполагаетъ, что въ самомъ «Словѣ» есть такія основанія, которыя стоятъ *въ противорѣчіи* съ типомъ Русскихъ дружинныхъ пѣвцевъ, или же *вынуждаютъ* искать какого-нибудь Болгарскаго Бояна, которымъ увлекся авторъ «Слова», какъ литераторъ, начитавшійся неизвѣстныхъ намъ Болгарскихъ книжекъ. Но въ очертаніяхъ Бояна въ «Словѣ», какъ мы видѣли, нѣтъ ничего такого, что бы не мирилось съ типомъ русскаго пѣснотворца, нѣтъ ничего такого, что заставляло бы искать объясненій для него въ Болгарскомъ книжничествѣ. Не странно ли, послѣ того, признавая фактъ суще-

[1] Критич. обозрѣніе, 1879 г. № 3, стр. 25.

ствованія Русскихъ дружинныхъ пѣснотворцевъ, изощряться для объясненія Бояна «Слова» въ очень сложныхъ и хитрыхъ комбинаціяхъ. Жилъ—былъ въ Болгаріи царевичъ Боянъ, который занимался кудесничествомъ и могъ обращаться въ волка; въ Болгарскомъ народѣ слава Бояна, какъ вѣщаго чародѣя и оборотня, была широко распространена. Быть можетъ, съ теченіемъ времени, *народная фантазія* въ Болгаріи овладѣла *историческимъ* Бояномъ: историческія черты были стерты и преданія о Боянѣ слились съ другими. Быть можетъ, уже чрезъ нѣсколько поколѣній является Болгарскій книжникъ, воспитанный на красотахъ Византійской литературы и усвоиваетъ какое-то Византійское произведеніе своимъ соотечественникамъ. Быть можетъ, онъ встрѣтилъ тамъ воззваніе къ какому-нибудь пѣвцу древности и вспоминая легенды о Боянѣ, подставилъ его имя. Быть можетъ, подобное произведеніе, съ рядомъ другихъ перешло на Русскую почву. Быть можетъ, оно папало въ руки русскаго литератора. Быть можетъ, это былъ человѣкъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго. Быть можетъ, онъ даже *не могъ* не увлечься патетическимъ воззваніемъ къ Бояну найденнымъ имъ въ Болгарскомъ источникѣ и перенесъ его въ свое произведеніе т.-е. въ наше «Слово о полку Игоревѣ». Говоря откровенно: въ виду факта существованія дружинныхъ пѣвцевъ въ Кіевской Руси, признаваемаго авторомъ гипотезы, не постигаемъ, стоило ли предпринимать для объясненія Бояна «Слова» ученую прогулку на борзыхъ фарѣхъ въ далекую Болгарію и нагромождать такую кучу всевозможныхъ и не возможныхъ вѣроятностей, чтобы объяснить, какъ Болгарскій чародѣй—царевичъ Боянъ могъ попасть въ Русскій памятникъ. Вѣщій Боянъ нашего «Слова» пѣснотворецъ стараго времени не имѣетъ ничего общаго съ Болгарскимъ кудесникомъ.

2. Характеристика Бояна въ «Словѣ» до такой степени опредѣленна, что въ дѣйствительномъ существованіи Бояна пѣснотворца, какъ лица историческаго, сомнѣваться не возможно. Характеристика эта даетъ намъ слѣдующія реальныя черты: во первыхъ, онъ пѣлъ и игралъ старому Ярославу, храброму Мстиславу и красному Роману Святославичу; вовторыхъ, онъ вспомнилъ усобицы первыхъ князей

кіевской Руси; въ третьихъ, пѣсни его отличались замышленіемъ, по отношенію къ которому «Слово» есть былина, и, наконецъ, въ четвертыхъ, эти пѣсни имѣли за собой преданіе для той братіи или среды, къ которой обращено «Слово», иначе такое обращеніе не имѣло бы смысла. Всѣ эти очевидныя для всякаго реальныя черты не позволяютъ видѣть въ Боянѣ только литературный поэтическій пріемъ: трудно выдуманнаго Бояна заставить пѣть историческимъ князьямъ; трудно, книжному повѣствователю къ несуществующему пѣснотворцу обращаться за размѣромъ своего пѣснопѣнія; а еще менѣе было возможно автору «Слова» говорить своей братіи, что будетъ пѣть только *сущую дѣйствительность*—и лгать въ ту же минуту, выдавая за пѣвца того, *кого совсѣмъ не было* и заставляя его при этомъ пѣть русскимъ князьямъ, столь извѣстнымъ его братіи.

3. Лѣтописныя указанія подтверждаютъ, что былъ дѣйствительно поэтъ, который воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава, и краснаго Романа Святославича, т.-е. именно тѣхъ самыхъ князей, которыхъ по свидѣтельству «Слова», воспѣвалъ Боянъ. Таковъ напр. по изображенію «Лѣтописи», бой Мстислава съ Ярославомъ при Лиственѣ, ночью, во время грозы: это блистаніе молніи и блистаніе оружія, этотъ лѣпый Якунъ, потерявшій въ битвѣ свою луду златую—все это дошедшіе до насъ отблески пѣснотворчества того времени. Въ Патерикѣ Печерскомъ также упомянутъ этотъ лѣпый Якунъ, иже отбѣже *золотыя луды*, бившись по Ярославѣ съ *лютымъ* Мстиславомъ. «Извѣстный поединокъ Мстислава съ Редедею, по справедливому замѣчанію К. Н. Бестужева-Рюмина, въ томъ видѣ, какъ онъ записанъ въ «Лѣтописи», также сильно отзывается эпическимъ сказаніемъ; а по поводу смерти Романа мы читаемъ въ Лѣтописи: *суть же кости его и до селѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля.* Слова эти, замѣчаетъ историкъ, какъ будто взяты изъ пѣсенъ, которыя любятъ описывать, какъ дождь мочитъ въ степи богатырскія кости [1]. Эпитетъ «*краснаго*» данный ему въ «Словѣ» также отзывается пѣсен-

[1] О составѣ Русскихъ Лѣтоп. стр. 42.

нымъ характеромъ. Такимъ образомъ «Лѣтопись» отчасти подтверждаетъ автора «Слова», что былъ дѣйствительно Боянъ, какъ лице историческое, который воспѣвалъ стараго Ярослава, храбраго Мстислава и краснаго Романа Святославича. Отвергая Бояна, какъ дѣйствительнаго пѣснотворца этой эпохи, приходится дѣлать неимовѣрныя натяжки; толковать напр., что если Боянъ пѣлъ старому Ярославу, это будто бы значитъ только, что онъ былъ пѣвцемъ *древнихъ* событій; пѣлъ храброму Мстиславу, который Редедю зарѣзалъ предъ полками Косоговъ, это значитъ только, что онъ былъ пѣвцемъ личнаго *мужества*; пѣлъ красному Роману Святославичу, это значитъ, онъ былъ пѣвцемъ *красоты тѣлесной* [1]. Такъ-то приходится извращать и калечить ясный и простой смыслъ «Слова» принося его въ жертву предзанятой мысли, будто Боянъ его есть не историческое лице, а маска.

4. Въ ряду лѣтописныхъ «дружинныхъ словесъ», мы встрѣчаемъ одинъ афоризмъ, совершенно аналогичный тому, какой «Слово» усвояетъ Бояну. Здѣсь такъ же «князь», какъ въ «Словѣ», называется «*головою*». «Не-йдетъ то мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту»; «тяжко ти,—говоритъ «Слово»—головѣ безъ плечъ, зло и тѣлу, кромѣ головы». Но всего любопытнѣе, при этомъ замѣчаніе сказателя дружинныхъ словесъ, который, влагая эти слова въ уста князю, прибавляетъ «*яко же и переже слышахомъ*». Это замѣчаніе указываетъ, во-первыхъ на то, что эта пословица почерпнута изъ живыхъ устъ; во-вторыхъ, что она относилась къ *князю*, который имѣетъ значеніе «*головы*», и, въ-третьихъ, что для дружиннаго сказателя она была уже старая: «*яко же и переже слышахомъ*». Авторъ «Слова» относя это присловье къ своему времени, къ годинѣ Святославовой, замѣчаетъ, что его сказалъ Боянъ, *тотъ же пѣснотворецъ стараго времени Ярослава, Ольгова* [2]. Если можно за-

[1] Взглядъ на Слово, стр.

[2] См. Опытъ уясненія темныхъ и возстановленія неисправныхъ мѣстъ «Слова».

крывать глаза отъ трехъ упомянутыхъ выше князей, которыхъ воспѣвалъ Боянъ и объяснять ихъ появленіе въ «Словѣ» эпическимъ числомъ *трехъ* внесенныхъ для характеристики поэта въ русской окраскѣ, то для *двухъ* князей стараго времени, котораго пѣснотворцемъ названъ Боянъ, не возможно отыскать какого-нибудь художественнаго пріема. Здѣсь нѣтъ характеристики поэта: здѣсь прямо указывается время, когда жилъ и пѣлъ Боянъ.

5. Наконецъ, если для доказательства того, что Боянъ попалъ въ «Слово» изъ Болгаріи, намъ указываютъ, что тамъ есть и собственныя имена «Бояновъ» и рѣка Бояна, то мы, кажется, въ правѣ для подтвержденія того, что Боянъ есть пѣснотворецъ русскій, указать на господство того же имени въ Русской землѣ. Если въ Болгаріи былъ царевичъ Боянъ, если есть тамъ рѣка Бояна, то не нужно забывать, что въ нашихъ лѣтописяхъ упоминается и *улка Бояня* (въ Новгородѣ), и *волость Боянь* [1] (въ Можайскомъ княжествѣ); есть за тѣмъ ***Бояново*** въ Мазовшѣ и до нынѣ благополучно себѣ процвѣтаетъ ***Бояновка*** въ Калужской губ., въ Тарусскомъ уѣздѣ. Въ письменныхъ памятникахъ упоминаются еще *Боянъ*-посолъ Крымскій (П. С. Лѣт. VIII, 283) *Бояновскіе* дворяне. (Арх. югозап. Р. ч. VII, т. I, стр. 449. Памятн. издав. Врем. Комм. для разбора древ. Акт. т. I, отд. 3, стр. 357. Курбск. Кіевъ. 1849. стр. 246.). Въ Межевыхъ книгахъ Спасо-Ярославскаго монастыря 135 и 136 г., издаваемыхъ И. А. Вахрамѣевымъ, читаемъ: на стр. 41. «Межа вотчиной земли Спасскаго монастыря

[1] Нашъ критикъ, Вс. Ѳ. Миллеръ замѣчаетъ: едва отъ соображеній г. Барсовъ переходитъ къ фактамъ, какъ обнаруживаетъ крайное отсутствіе осторожности. Напримѣръ, въ доказательство существованія имени *Боянъ* на Руси приводитъ онъ «*волость Бояна*» въ Можайскомъ княжествѣ: по справкѣ оказывается, что волость называлась *Боянь*, а отсюда выводить имя *Боянъ* также произвольно, какъ производить названіе Коржань, Сызрань, Рязань—отъ именъ Коржанъ, Сызранъ, Рязанъ. (Крит. Обозр. 1879 г. № 3 стр. 25). Но въ 1-хъ за нами стоятъ такіе авторитеты, какъ Карамзинъ, С. М. Соловьевъ, Строевъ и др., кои волость *Боянь* производили отъ Бояна. Во 2-хъ имена мѣстъ въ древней Руси не рѣдко принимали прилагательную форму; вь томъ же «Словѣ» встрѣчаемъ «Тмуторокань» названіе, которое Ѳ. Е. Коршъ производитъ отъ Темутархана,

пустоши Кутиловой да деревни Жироховой съ помѣстною землею съ пустошью *Бояновою*»; на стр. 42: «ѣдучи отъ помѣстной земли Марка Шокурова отъ пустоши *Бояновой*, у *Бояновской* земли стоитъ ель» [2]. Русскихъ именъ оканчивающихся на анъ и янъ еще больше: Васильянъ, Троянъ, Стоянъ и т. п. [1].

Наконецъ если и можетъ казаться страннымъ, что лѣтопись не упоминаетъ о словесахъ Бояна, то было бы еще страннѣе, если бы трость церковнаго книжника-скорописца хотя что-нибудь начертала въ память родовъ о бояновскомъ замышленіи. Или христіанское чувство не должно было смущаться поэтическими старинными словесами, полными уча-

Половецкаго князя. (Моск. Унив. 1868, кн. 7 стр. 605—613). 3. Въ виду того не будетъ ни какого произвола и *Рязань* и *Сызрань* производить отъ собственныхъ именъ, какъ то и дѣлаютъ иногда мѣстные изслѣдователи.

[1] Авторъ гипотезы, самъ не увѣренный, что Боянъ «Слова» именно сынъ царя Симеона, но убѣжденный въ томъ, что Боянъ лицо Болгарское, обратился за поисками Бояна по другому пути. Г. Верковичъ извѣстный собиратель Болгарскихъ пѣсенъ, явившись въ Москву, представилъ ему на разсмотрѣніе свой огромный сборникъ—и вотъ занятія этимъ сборникомъ въ теченіи недѣли вознаграждены были самымъ пріятнымъ образомъ. Въ Сборникѣ авторъ гипотезы нашелъ болгарскую пѣсню, въ которой упоминается—и царь Троянъ, и воевода Боянъ слагающій пѣсню о Троянѣ. Указывая, что и къ тѣмъ чертамъ «Слова» которыя объясняются *народными Русскими пѣснями.* (какъ-то: вѣщіе сны, сочувствіе природы, сравненіе съ соколами и т. п.) слѣдуетъ относиться осторожно, въ виду того, что тѣже черты являются въ Византійской героической поэмѣ, съ своей стороны онъ не счелъ *не осторожнымъ* для розысканія Русскаго Бояна обратиться къ Болгарскимъ пѣснямъ. Пріятная находка здѣсь Бояна мало сообщаетъ научной силы его гипотезѣ. Самъ же онъ говоритъ, что научное значеніе Сборника Верковича, которымъ онъ пользовался, есть еще вопросъ и вопросъ не рѣшеный. Славянскіе ученые, (какъ Иречекъ) ближе насъ стоящіе къ Болгарскому пѣснотворчеству, обозвали работы Верковича «подлогомъ». Тотъ, кто хорошо знакомъ съ живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ, просматривая пѣсни, собранныя Верковичемъ, не можетъ не замѣтить, что по крайней мѣрѣ во многихъ мѣстахъ, нѣтъ ни стиха, ни поэзіи — и прямо сказывается книжная рука. Никто не отрицаетъ, что г. Верковичъ имѣлъ дѣло съ живымъ Болгарскимъ пѣснотворчествомъ, но пѣсня видоизмѣненная, присочиненная, и даже не точно записанная, въ наукѣ ровно ничего не стоитъ. Свободное же отношеніе къ записямъ г. Верковича простиралось до вставки въ пѣсни книжныхъ собственныхъ

стія языческихъ боговъ и полубоговъ? И если напрасно стали бы искать въ нашей древней письменности имена сказателей извѣстныхъ намъ былинъ, то возможно ли отвергать существованіе Бояна лишь на томъ основаніи, что лѣтопись не упоминаетъ его имени? Гораздо важнѣе его имени слѣды дружинныхъ словесъ, которые такъ прозрачны для насъ въ лѣтописныхъ повѣствованіяхъ и которые не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что существовалъ дружинный эпосъ.

Не находя ничего общаго между Бояномъ «Слова», гудцомъ и пѣснотворцемъ, и Бояномъ, болгарскимъ царевичемъ — вѣдуномъ и оборотнемъ, котораго подставляетъ здѣсь гипотеза, г. Веселовскій, однако, типъ этого пѣснотворца все-таки предполагаетъ въ болгарской книжности, которая вопроизвела въ немъ образъ такого же мудраго и хитроумнаго пѣснотворца Греціи (стр. 281). Но если гипотеза хватается еще за болгарскаго царевича—*вѣдуна* и *кобника*, то для предположенія еще новаго болгарскаго Бояна, мудреца и книжника, не остается уже рѣшительно никакого историческаго основанія. Если типъ нашего пѣвца Бояна и отражалъ въ себѣ черты еллинскаго витійства, то это могло быть привнесено столько же дружинникомъ кіевской Руси, сколько и болгарскимъ книжникомъ; какъ мы видѣли, Византійская письменность непосредственно доступна была дружинно-княжеской средѣ приднѣпровской Руси. Одни договоры съ Византіей Игоря и Олега показываютъ, какое общеніе было между кіевской Русью и Византіей. Пока Болгарія не явитъ въ своей книжности такого типа, до тѣхъ поръ совершенно не научно предполагать, что такой типъ былъ тамъ *непремѣнно*.

именъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ Иречекъ, и потому дѣлаетъ его сборникъ самымъ *мутнымъ* источникомъ. Не удивительно, если въ пѣсню такого собирателя, какъ творецъ «Орфея» и имя Бояна попало изъ нашего «*Слова*». Наконецъ, если бы подобная Болгарская пѣсня оказалась подлинной, значитъ ли это, что на Руси не было своего Бояна, который является пѣснотворцемъ въ «Словѣ»? Имя Бояна встрѣчается и въ пѣсняхъ Тюркскихъ народовъ Но значитъ ли это, что Боянъ попалъ въ «Слово» изъ Тюркскихъ произведеній?

Гораздо сдержаннѣе въ этомъ отношеніи сужденіе г. Пыпина, который хотя также сочувствуетъ новой гипотезѣ, однако научную ея оцѣнку предоставляетъ спеціальной критикѣ.

Еще любопытнѣе критическіе пріемы этой гипотезы по отношенію къ именамъ боговъ, которые будто бы безотчетно явились въ «Словѣ», благодаря лишь какому-то болгарскому прототипу.

Взвѣсимъ этотъ молотъ, разбивающій миѳогогію «Слова».

Для насъ, заявляетъ гипотеза, авторъ «Слова»—христіанинъ, *не признающій* языческихъ боговъ и *упоминающій* имена ихъ съ такимъ же намѣреніемъ, какъ *поэты XVIII вѣка* говорили объ Аполлонѣ, Діанѣ, Парнасѣ и т. п. Но критика, не одержимая слитностію сознанія, не можетъ однако же опустить изъ виду безконечной разности внутреннихъ настроеній — писателей раздѣляемыхъ другъ отъ друга пятью столѣтіями. На сколько поэты XVIII вѣка были далеки отъ до-христіанскаго язычества и чужды его міросозерцанія, на столько авторъ «Слова» былъ къ нему близокъ и, состоя въ церкви, въ мірѣ своихъ вѣрованій могъ носить сочувствіе къ преданіямъ эпической старины и искренно восхищаться пѣснями Бояна на героической основѣ. Произведенія поэтовъ XVIII в. уже въ наши дни успѣли состарѣться и отжить свое время: самое направленіе ихъ называется уже *лжеклассическимъ*; между тѣмъ какъ миѳологическія имена—въ Словѣ такъ внутренно соединены съ его содержаніемъ и формой, что памятникъ до сихъ поръ не только не устарѣлъ, но напротивъ все больше и больше, какъ эпическое произведеніе, открываетъ своихъ достоинствъ и увлекаетъ своимъ изяществомъ. Это всего лучше показываетъ, какая безконечная разница между христіанскимъ поэтомъ XVIII в. и авторомъ «Слова»—христіаниномъ XII в. Если для перваго имена божествъ были лишь только риторическіе узоры, бьющіе внѣшнимъ блескомъ, то подъ перомъ послѣдняго они отражаютъ свою жизненность и являются какъ свѣточи эпическаго преданія и потому въ теченіи цѣлыхъ вѣковъ не перестаютъ производить истинно художественное впечатлѣніе.

Авторъ «Слова» не вѣрилъ въ упоминаемыхъ имъ божествъ стало быть, заключаетъ гипотеза, старыя Бояновскія словеса, не голосъ

русскаго эпическаго преданія, но выраженія книжныя, взятыя изъ Болгарскаго источника. Но въ подобныхъ заключеніяхъ слишкомъ замѣтенъ логическій скачокъ. Если авторъ «Слова» пѣснотворецъ Святослава и Игоря, христіанинъ, не потерялъ сочувствія къ эпическому преданію, хотя и не раздѣлялъ полной вѣры въ языческихъ божествъ, то Боянъ пѣснотворецъ стараго времени Ярославова и Олега, словесами котораго онъ орудуетъ, несравненно ближе стоялъ къ язычеству и могъ искренно вѣрилъ въ языческія божества. Если авторъ «Слова» не считалъ Бояна непосредственно *внукомъ Велеса*, то отсюда еще ни какъ не слѣдуетъ, чтобы не было самого Бояна.

«Никто не отрицаетъ того, разсуждаетъ авторъ гипотезы, что Дажь-богъ было именемъ солнечнаго бога; слѣдовательно *внукъ Дажъбога* значитъ потомокъ солнца, *солнцеродный*. Этотъ эпитетъ соотвѣтствуетъ Византійскому ἡλιογέννητος—рожденный солнцемъ, и заключаетъ не больше миѳологіи, чѣмъ послѣдній въ Византійскомъ романѣ о Дигенисѣ, или же эпитетъ свѣтозарное солнце, которымъ въ «повѣсти» чествуютъ прекраснаго Девгенія». Если бы можно было указать, что въ Болгарской письменности дѣйствительно встрѣчается выраженіе «*внукъ Дажъ-божъ*», если бы можно было подтвердить, что оно въ какомъ-нибудь Болгарскомъ переводѣ дѣйствительно отвѣчаетъ Греческому: ἡλιογέννητος или γέννημα τοῦ ἡλιου, тогда подобное соображеніе имѣло бы нѣкоторое значеніе; но такъ какъ этого сдѣлать нельзя, то подобное гаданіе является произвольнымъ и стоитъ внѣ всякаго основанія.

«Не можемъ удержаться, продолжаетъ авторъ гипотезы, отъ другаго предположенія. Нѣтъ сомнѣнія, что Дажь-богъ былъ *Славянскимъ* божествомъ, но и нѣтъ прямыхъ указаній за то, что онъ былъ *популярнымъ* русскимъ именемъ солнечнаго бога. Это имя *помимо Слова и Несторовой Лѣтописи* упоминается въ одномъ мѣстѣ Лѣтописи Ипатской во вставкѣ изъ Греческой Хроники Малалы. Дажь-богъ переводъ Греческаго ἥλιος. Составитель Русской Лѣтописи пользовался не Греческимъ текстомъ Византійскаго Хронографа, а его Славянскимъ, Болгарскимъ переводомъ и Дажь-богъ, *по всей вѣроятно-*

сти, долженъ быть отчисленъ на счетъ этого древняго перевода, относимаго къ X вѣку, когда языческія вѣрованія были еще свѣжи у Славянъ. Нельзя ли объяснить подобнымъ же образомъ и появленіе Дажь-бога въ «Словѣ». Внукъ Дажь-богъ могло быть *Болгарской* передачей Византійскаго эпитета, приданнаго въ какомъ нибудь Византійскомъ произведеніи какому нибудь миѳическому или историческому лицу. Въ свою очередь авторъ «*Слова*», найдя этотъ эпитетъ въ Болгарскомъ произведеніи, воспользовался имъ, *не отдавая себѣ въ немъ отчета* и украсилъ имъ своихъ князей».

Здѣсь также нѣтъ ни одного положенія, которое было бы доказано и выводъ снуется лишь на произвольныхъ гаданіяхъ. Во 1-хъ предполагается, безъ всякаго основанія, что въ «Болгаріи» Дажь-Богъ былъ *популярнымъ* Болгарскимъ именемъ и что въ Болгарской письменности есть *больше* указаній на эту популярность, чѣмъ представляютъ памятники Русскіе о чествованіи его у Русскихъ. Во 2-хъ предполагается, что Хроника Малалы, изъ которой сдѣлана вставка въ Лѣтопись, есть переводъ непремѣнно Болгарскій, что далеко не доказано; она извѣстна лишь по русскому списку XV вѣка. Въ 3-хъ предполагается, что появленіе въ Лѣтописи Дажь-бога должно быть отчислено на счетъ этого перевода, что подлежитъ еще бо́льшему сомнѣнью. Выраженіе Дажь-богъ—отнюдь не есть переводъ Греческаго ἥλιος; это Греческое слово переведено буквально словомъ: *солнце*; выраженье же *Дажъ-богъ* есть лишь коментарій къ Греческому ἥλιος. И по семъ царствова сынъ его именемъ Солнце (ἥλιος), *его же наричютъ Дажь-богъ*..... Солнце царь, сынъ Свароговъ, *еже есть Дажьбогъ.*

Этотъ комментарій—мы находимъ лишь въ *Русскомъ спискѣ* перевода Малалы (XV в.) и во вставкѣ Ипатской Лѣтописи. Такъ какъ въ Несторовой Лѣтописи въ числѣ чтимыхъ на Руси языческихъ божествъ упоминается и Дажь-богъ, то всего вѣроятнѣе и этотъ комментарій принадлежитъ Русскому писцу или Лѣтописцу, а не Болгарскому переводчику, если даже относить этотъ переводъ Малалы къ Болгарскимъ. Всѣ дошедшіе до насъ переводы Болгарскіе X вѣка, какъ

выше нами замѣчено, отличаются лишь тяготѣніемъ къ буквѣ Греческаго текста и чужды какихъ бы то ни было комментаріевъ. Для характеристики Русскихъ переводовъ или передѣлокъ въ отношеніи къ Болгарскимъ, отмѣтимъ здѣсь слѣдующій примѣръ: Въ югославянскомъ переводѣ XI в. слова Григорья Богослова εἰς τὰ ἅγια φῶτα встрѣчаемъ выраженіе: **боуѥсть поутоша** (θρασύτητα). Въ Русской же редакціи это выраженіе осмыслено и здѣсь прямо выражается уже поклоненіе Мокоши (См. въ спискѣ Паисіева Сборника Соф. библ. XV в.). Въ виду этихъ данныхъ мы въ правѣ заключить, что если составитель лѣтописи заявляетъ себя сознательнымъ отношеніемъ къ Византійской хроникѣ Малалы, то тѣмъ менѣе мыслимо, чтобы авторъ «Слова» могъ отыскать выраженіе *Дажъ-богъ* въ какомъ-нибудь Болгарскомъ произведеніи и «*безотчетно*» украсить имъ своихъ князей [1].

Еще слабѣе нить, которою связываетъ гипотеза *Велеса* нашего «Слова» съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ. Вотъ ея разсужденія: форма, извѣстная *русскому* лѣтописцу, не «Велесъ», а «*Волосъ*», между тѣмъ какъ въ «Хожденіи Богородицы по мукамъ», по рукописи XII в., произведеніи болгарскаго происхожденія, упоминаетя именно «*Велесъ*». У южныхъ славянъ находимъ гору Велесъ въ Босніи, городъ Велесъ въ Болгаріи; у насъ же, противополагаетъ она, встрѣчаемъ *Волосовъ-яръ* въ Винницкомъ повѣтѣ, *село Волосово* и станцію по балтійской желѣзной дорогѣ, *Волосову* улицу въ Новгородѣ и *Волосовъ* Никольскій монастырь, упоминаемый въ актахъ XIV в.

[1] Авторъ гипотезы «мимоходомъ» спрашиваетъ: если бы для автора «Слова» Дажь-богъ или Хорсъ былъ солнечнымъ богомъ, отчего Ярославна, обращаясь къ солнцу не называетъ его этими именами? Отчего она восклицаетъ: «свѣтлое и тресвѣтлое солнце!» а не свѣтлый Дажь-боже! Конечно потому, замѣчаетъ онъ, что авторъ-христіанинъ, не считаетъ солнце богомъ и чувствуетъ предѣлъ, у котораго поэтическій языкъ долженъ остановиться». (Взгл. стр. 75) Не отрицая возможности такого объясненія, мы находимъ болѣе вѣроятнымъ другое: плачь Ярославны—является здѣсь молитвой, заимствованной изъ общенароднаго источника: онъ вполнѣ отвѣчаетъ формѣ причети, которая и до нынѣ бытуетъ въ на-

Итакъ, вся опора гипотезы о болгарскомъ происхожденіи Велеса снуется на томъ, что форма «*Велесъ*» есть исключительно болгарская, а форма «*Волосъ*» исключительно русская. Но если бы авторъ гипотезы не уносился такъ поспѣшно въ Болгарію, а озираясь кругомъ, лучше познакомился бы съ русской землей, то—мы не сомнѣваемся, что собственными руками онъ порвалъ бы эту нить и не сталъ бы связывать ею Велеса нашего «Слова» съ какимъ-то неизвѣстнымъ болгарскимъ произведеніемъ; тогда онъ узналъ бы, что имя Велеса донынѣ существуетъ на русской землѣ и что Болгарія дала намъ не Велеса, а Власія, который, намъ кажется, по созвучію съ Волосомъ, и поддерживалъ у насъ господство этой полногласной формы.

Но еще любопытнѣе предположенія гипотезы — относительно Хорса. «Въ виду болгарской формы «*Хръсъ*» въ «Словѣ», а не русской «*Хърсъ*» или «*Хорсъ*» и окружающихъ словъ, отзывающихся болгарщиной, мы,—разсуждаетъ она,—склонны думать, этотъ богъ занесенъ къ намъ книжнымъ путемъ и авторъ не нашелъ нужнымъ передѣлать его имя по русскому говору». Но если бы гипотеза побольше была знакома съ исторіей русской палеографіи, то воздержалась бы отъ подобной подкладки для своихъ заключеній. Въ XVI в., какъ извѣстно всякому русскому палеографу, писцы часто возвращались къ болгарскому правописанію и какъ употребляли безъ толку юсы, такъ и полугласныя ъ и ь ставили всего чаще по-болгарски. Эта палеографическая мода держалась между писцами даже въ XVII в., и ее можно замѣчать во множествѣ рукописей, списанныхъ съ оригиналовъ русскаго правописанія. Загляните въ великіе «Четіи-Минеи» Макарія; возмите хотя Библію Геннадія и сличите ее съ болѣе поздними списками,—и вы убѣдитесь, какъ не научно заключать по болгарскому правописанію «Хръса» объ его болгарскомъ происхожденіи.

родѣ. (См. 2-й т. собранныхъ нами «Причитаній Сѣвернаго края). Донынѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ народъ обращается къ *солнцу*, какъ божеству. Это значитъ только, что въ народномъ сознаніи миѳъ не отдѣлился отъ тѣхъ стихійныхъ предметовъ, которые его вызвали—и авторъ «Слова» въ данномъ случаѣ т. е. въ плачѣ Ярославны лишь выдерживаетъ характеръ народной причети.

Неужели г. Барсовъ думаетъ, что этотъ фактъ мнѣ не былъ извѣстенъ раньше его ученыхъ указаній? спрашиваетъ Вс. Ѳ. Миллеръ и объясняетъ: «если пренебрегъ я въ данномъ случаѣ этимъ соображеніемъ, то имѣлъ достаточное основаніе. Начертаніе *Хръсъ* не единственный примѣръ болгаризмовъ въ «Словѣ. Раньше моей гипотезы, болгаризмы были указываемы другими изслѣдователями, при чемъ никто же изъ нихъ не счелъ нужнымъ объяснять палеографическими пріемами писцовъ. Не дѣлали этого по тому, что подобными болгаризмами изобиловалъ *Сборникъ*, въ которомъ было найдено «Слово», а этотъ Сборникъ составленъ изъ Византійско-Болгарскихъ статей. Къ чему же, спрашивается, имѣя прямыя указанія на происхожденіе этихъ болгаризмовъ, намъ объяснять ихъ такъ, какъ это нравится г. Барсову» [1]. Не во гнѣвъ будь сказано автору гипотезы: въ этомъ объясненіи мы не видимъ ничего, кромѣ слитности сознанія. Что многіе изслѣдователи прежде его указывали на особенности болгарскаго правописанія въ «Словѣ», это вѣрно; но видѣть особенности въ правописаніи тѣхъ или другихъ выраженій далеко не тоже, что заключать по нимъ о болгарскомъ происхожденіи тѣхъ или другихъ письменныхъ памятниковъ. Смѣемъ утверждать, что во всей исторіи литературы «Слова» нѣтъ примѣра, чтобы какой-нибудь ученый, прежде автора гипотезы, сдѣлалъ столь отважный шагъ въ своихъ заключеніяхъ. Не точно и положеніе, будто *Сборникъ*, въ которомъ найдено «Слово», состоялъ изъ Византійско-болгарскихъ статей. Напротивъ наибольшую часть его составлялъ русскій *Хронографъ*, обнимавшій отъ 500 до 700 листовъ и писанный Русскимъ письмомъ XVII вѣка, и лишь три небольшихъ статьи, въ томъ числѣ и наше «Слово» были приложены къ этому Хронографу и писаны болгарскимъ правописаніемъ, какимъ писались у насъ въ XVI вѣкѣ и Русскія Лѣтописи и Патерикъ Печерскій и житія Русскихъ святыхъ. Фактъ существованія школы Русскихъ писцевъ въ XVI вѣкѣ, утвердившей у насъ болгарское правописаніе, далеко не таковъ, чтобы его можно было обходить при объясненіи Русскихъ письменныхъ памят-

[1] Крит. Обозр. 1879 г. № 3, стр. 24.

никовъ и помимо его уносясь въ Болгарію въ подобномъ правописаніи видѣть Болгарскую руку. Всякій можетъ видѣть, что мы въ правѣ это говорить не потому, что это намъ *нравится*, но потому, что этого требуетъ историко-сравнительный методъ, если только авторъ хочетъ орудовать имъ съ строго-научнымъ безпристрастіемъ.

Но если относительно Дажь-Бога, Велеса и Хорса гипотеза выставляетъ хотя какія бы то ни было положенія, то уже о Стрибогѣ и Троянѣ приговоры ея—внѣ и послѣдней слабой нити, связующей ихъ съ Болгаріей.

Нѣтъ основанія думать, говоритъ гипотеза, чтобъ авторъ «Слова» о Стрибогѣ зналъ болѣе, чѣмъ мы (стр. 87). Говоря о «седьмомъ вѣкѣ Трояна», она также замѣчаетъ,—что «авторъ зналъ объ этомъ не больше нашего». Гдѣ находилась земля Трояна и когда былъ вѣкъ этого миѳическаго лица, конечно, не знаетъ и авторъ «Слова» (стр. 108). Всѣ четыре мѣста, гдѣ упоминается о Троянѣ, въ глазахъ гипотезы лишь только слѣды и пазы внѣшнихъ неискусныхъ спаекъ русскаго содержанія съ выраженіями неизвѣстнаго болгарскаго источника. Здѣсь, въ этомъ болгарскомъ неизвѣстномъ произведеніи, авторъ «Слова» встрѣтилъ выраженіе о «тропѣ», «землѣ» и «вѣкахъ» Трояна—и внѣшнимъ образомъ прикрѣпилъ ихъ къ русскимъ князьямъ, самъ не понимая ихъ значенія и спокойно оставляя въ томъ же недоумѣніи и свою братію, для которой предназначалъ онъ свое «Слово». Троянову землю пріурочилъ ни съ того, ни съ сего къ Дону; Трояновы вѣка поставилъ о-бокъ съ Ярославовыми; одну и ту же сербскую сказку о бѣгѣ Трояна приклеилъ къ двумъ князьямъ разныхъ историческихъ эпохъ. Заимствуя «старыя словеса» изъ Болгарскаго источника, *почерпнувъ изъ нихъ всю тираду отъ словъ*: о Бояне, соловью стараго времени—*до словъ*: не буря соколы занесе и т. д., словомъ, выписавъ изъ Болгарскаго источника все это лирическое отступленіе, авторъ «Слова», подставилъ Игоря на мѣсто какого-то другаго лица и такимъ образомъ Русскій князь оказался внукомъ Болгарскаго миѳическаго царя Трояна». (Взгл. стр. 109). Югославянскія преданія о Троянѣ послужили автору «Слова» прототи-

помъ для тѣхъ миѳическихъ деталей, которыми онъ облекаетъ Всеслава, или иначе, что на мѣсто Трояна былъ подставленъ Полоцкій князь [1]. Какое отношеніе можетъ имѣть троянъ, если это историческое лице къ Русскому Всеславу? Что представлялъ себѣ авторъ подъ седьмымъ вѣкомъ Трояна? Сколько бы мы ни гадали, намъ не разгадать этой загадки и можно *положительно* сказать, что авторъ «Слова» зналъ объ этомъ не больше нашего. Онъ просто перенесъ въ свое произведеніе это выраженіе своего источника, *непонявъ* его и, быть можетъ, даже *исказивъ* (Взгл. стр. 104—105).

Изъ этихъ разсужденій видно одно: авторъ гипотезы приложилъ къ пониманію «Слова» тотъ самый пріемъ, который практикуется въ наше время при составленіи магистерскихъ и докторскихъ диссертацій, въ которыхъ нерѣдко дѣлаются вставки изъ иностранныхъ источниковъ «*съ этихъ мѣстъ до этихъ*» и въ которыхъ употребляются выраженія, заимствованныя безъотчетно, безъ яснаго и точнаго ихъ разумѣнія; но позволительно сомнѣваться, чтобы тотъ же самый пріемъ практиковался и въ XII вѣкѣ, при созданіи такого художественнаго произведенія, каково «Слово».

Такъ-то творитъ и сочиняетъ тотъ самый авторъ, котораго гипотеза называетъ литераторомъ, надѣленнымъ замѣчательнымъ талантомъ и высокимъ чувствомъ красоты (стр. 49), человѣкомъ съ прирожденнымъ вкусомъ и пониманіемъ изящнаго (стран. 134), съ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ и высокимъ патріотическимъ чувствомъ (стр. 136).

[1] По справедливому замѣчанію Александра Н. Веселовскаго, «сходство между разсказами о Всеславѣ и Троянѣ... не исчерпываетъ существенныхъ сторонъ послѣдняго: нѣтъ страха передъ солнцемъ, окаменѣнія подъ вліяніемъ его лучей; остается сходнымъ одно: что оба они ѣздятъ ночью. Что касается любы того и другаго, то представляется страннымъ, что метаніе жребія о милой дѣвицѣ могло быть приравнено къ посѣщенію любовницы, какъ ни многое отнесемъ мы на счетъ фигурнаго языка автора «Слова» (стр. 290). Какъ ни правдивъ этотъ критическій отзывъ, однако для г. Жданова замѣчанія гипотезы о Троянѣ не перестаютъ оставаться *особенно любопытными*. (Литература «Слова» стр. 21).

«Странно, замѣчаетъ еще г. Вс. Ѳ. Миллеръ, что авторъ «Слова» перебравшій въ своемъ произведеніи четырехъ языческихъ божествъ, нигдѣ не обронилъ

Какъ угодно, а въ сочетаніяхъ подобныхъ представленій недостаетъ внутренняго *логическаго элемента*—сродства понятій. Г. Веселовскій справедливо замѣчаетъ, что совершенно не къ лицу обвиненіе *талантливаго* автора въ такихъ *безталанныхъ* спаяхъ. И не удивительно, что гипотеза съ какимъ характеромъ мысли ставитъ и автора «Слова» въ такое же внутреннее противорѣчіе съ самимъ собою: именно, заставляя его пріурочивать болгарскаго Бояна X в., для русской окраски, въ русскимъ князьямъ XI вѣка, она вынуждаетъ его *лгать* въ ту самую минуту, когда онъ, обращаясь къ своей братіи, заявляетъ, что будетъ воспѣвать только *одну быль*.

Но странно, что не смотря на всѣ подобныя внутреннія противорѣчія и несобразности гипотеза эта была встрѣчена сочувствіемъ со стороны нѣкоторыхъ ученыхъ. Поднимая ее на высоту гипотезы свѣтлой, А. Н. Веселовскій находитъ, что подъ ея призмой «Слово» является будто бы «памятникомъ поэтическаго возрожденія

ни слова о самомъ главномъ русскомъ богѣ, которымъ прежде клялись Русскіе язычники, о громовникѣ Перунѣ. Нельзя же думать, чтобы этотъ богъ былъ ему не извѣстенъ. Для объясненія этой странности можно предположить лишь то, что авторъ не нашелъ Перуна въ Болгарскомъ источникѣ, изъ котораго черпалъ свою миѳологію (Взгл. стр. 87). На нашъ взглядъ совсѣмъ нѣтъ никакой надобности за объясненіемъ этой странности обращаться къ неизвѣстнымъ Болгарскимъ источникамъ. Само «Слово» разрѣшаетъ это недоумѣніе. Оно изображаетъ пораженіе Игоря и бѣдствія Русской земли, вызванныя его походомъ; оно насквозь проникнуто элегическимъ тономъ и потому здѣсь не умѣстно было бы упоминаніе о побѣдоносномъ Перунѣ; правда, здѣсь говорится о спасеніи Игоря но это спасеніе—обусловлено такими обстоятельствами, при которыхъ появленіе Перуна авторъ не нашелъ удобнымъ. Вообще пріемъ критики, сводящійся къ вопросамъ, почему авторъ не упоминаетъ о томъ или другомъ, примѣнимый къ упражненіямъ школьниковъ, всего менѣе приличенъ при оцѣнкѣ такихъ художественныхъ произведеній, какъ «Слово». Пожалуй г. Голубинскій спрашиваетъ, почему авторъ заставляя Ярославну оплакивать своего мужа, заставилъ ее въ тоже время забыть своего сына, котораго она могла любить не меньше мужа. Пожалуй, онъ ставитъ такое умолчаніе въ недостатокъ художественности «Слова». Но ужели, говоримъ, подобный пріемъ критики можетъ имѣть какое нибудь научное значеніе?

въ стѣнахъ котораго заложены матеріалы, служившіе когда-то другимъ, болѣе древнимъ архитектурнымъ замысламъ». Поддаваясь мнимо-научному анализу божескихъ именъ въ «Словѣ» онъ также склоненъ видѣть въ «Словѣ» вмѣсто миѳа лишь Византійско-болгарскій субстратъ.

Даже Ор. Ѳ. Миллеръ, не признающій научнаго значенія въ методѣ и пріемахъ гипотезы, соображенія ея о богахъ находитъ многозначительными, будто бы поколебавшими значеніе «Слова» какъ источника Русской миѳологіи (стр. 47).

Мы уже видѣли, каковъ этотъ анализъ и какими живыми нитями сшита его канва. Въ полной силѣ остается взглядъ на «Слово» Ѳ. И. Буслаева, установившійся въ наукѣ и литературѣ:

«Поэтическое преданіе тянется туманною пеленою по всему произведенію, иногда вовсе заслоняя исторію, иногда же сливаясь съ нею. Если историческій фактъ далъ содержаніе «Слову», то поэтическое преданіе было для автора вдохновеніемъ, ибо Боянъ замѣняетъ ему Гомерову музу; миѳологическія же повѣрья составляютъ душу этого произведенія».

Эпоха, изображаемая «Словомъ», слишкомъ очевидно давала чувствовать причины бѣдствій русской земли; взгляды автора «Слова» слишкомъ трезвы и, такъ-сказать, гражданственны для того, чтобы предполагать въ немъ полную и живую вѣру въ упоминаемыхъ имъ боговъ. Онъ самъ даетъ понимать, что въ его время поэзія миѳа должда была уступить свое мѣсто поэзіи гражданственности. Авторъ «Слова» былъ христіанинъ и упоминаетъ о звонѣ церковномъ, о заутрени и храмѣ св. Богородицы Пирогощей въ Кіевѣ. Но въ то же самое время нельзя не замѣтить, что и поэзія вымысла не совсѣмъ потеряла для него свое значеніе; онъ невольно увлекается «старинными словесами» и историческій фактъ озаряетъ эпическимъ міросозерцаніемъ: «Слово» какъ мы выше сказали, соткано по основѣ Бояновскаго замышленія.

Разсмотримъ сначала упоминаемыя въ немъ имена боговъ сами по себѣ—независимо отъ общаго міросозерцанія «Слова». Если смотрѣть на нихъ даже лишь только какъ на художественные образы, то и въ такомъ случаѣ съ ними необходимо должны быть связаны такія живыя черты, которыя даютъ разумѣть себя непосредственно: иначе это не были бы художественные образы. Какъ поэтъ и какъ художникъ, авторъ «Слова» не могъ никакъ употреблять божескихъ именъ, безъ яснаго сознанія ихъ внутренняго осязательнаго качества. Эти-то живыя черты, связанныя съ именами боговъ какъ художественными óбразами, не потерявшія къ себѣ еще сочувствія и въ эпоху Игоря, и могутъ дать намъ отчасти понять качества этихъ божествъ въ эпоху болѣе отдаленную, въ ту эпоху, когда эти божества исключительно составляли достояніе души и вѣры русской земли и когда воздѣйствіемъ ихъ была опредѣляема вся ихъ жизнь и дѣятельность. Тѣмъ драгоцѣннѣе для насъ эти черты, что онѣ служатъ для насъ путеводною звѣздою тамъ, гдѣ уже мы ничего знать не можемъ, о чемъ не сохранилось ни малѣйшихъ слѣдовъ ни въ книжности, ни въ пѣснѣ народной. Ни старая, ни новая Болгарія помня имена этихъ боговъ, не знаетъ даже и такихъ божескихъ качествъ, какія связаны съ ихъ именами и óбразами въ нашемъ «Словѣ».

Такимъ образомъ, при разсмотрѣніи божескихъ именъ даже независимо отъ общàго эпическаго міровозрѣнія, проходящаго чрезъ все «Слово», имена эти не теряютъ миѳологическаго смысла, но лишь значеніе ихъ въ этомъ отношеніи переносится на болѣе древнюю эпоху русской земли. «Слово» является единственнымъ указателемъ живыхъ божескихъ качествъ,—не потерявшихъ еще сочувствія и въ эпоху пѣвца Игорева. Но, какъ увидимъ, миѳологическое значеніе «Слова» всего болѣе обусловлено общимъ его эпическимъ направленіемъ и міросозерцаніемъ.

Прежде всего замѣтимъ, что старинная русская колонизація любила связывать названія поселеній съ именемъ *Бога вообще*. Уже въ «Кіевской Лѣтописи» въ XII в. встрѣчаемъ: *Божское*, *Божскій*, *Богу-*

славль. Въ настоящее время есть множество поселеній съ названіями въ томъ же родѣ; таковы, напр.:

Богово (Тульской губ. Ефремовскаго уѣзда). *Божки* (Смоленской губ. Порѣц. уѣзда). *Богаево* (Московской губ. Руз. уѣзда). *Боженки* (Смоленской губ. Бѣл. уѣзда). *Богуславецъ* (Полтавской губ. Золот. уѣзда и Екатеринославской губ. Павлогр. уѣзда). *Божковъ* (Полтавской губ. Пирят. уѣзда). *Богунино* (Тверской губ. Карчев. уѣзда). *Боганидское* (Енисейской губ. и окр.). *Божьеозерскій* (Енисейской губ. Ачин. уѣзда). *Божій удѣлъ* (Херсонской губ. Елиз. уѣзда и Екатерин. губ. и уѣзда). *Божій даръ* (тамъ же, Верхн. уѣзда). *Молибоже* (Ярославской губ. Углич. уѣзда). *Богъ-Миловка* (Екатерин. губ. Павлогр. уѣзда).

Эти столь разнообразныя и любопытныя названія русскихъ селеній, раскиданныхъ по русской землѣ, названія, связанныя съ именемъ *Бога вообще*, указываютъ, что въ ряду подобныхъ прозваній должны сохраниться для насъ и имена частныхъ языческихъ божествъ. Какъ съ введенія христіанства появились погосты съ названіями—*Ильинскій*, *Преображенскій*, *Ивановское*, *Покровское* и т. п., такъ и въ до-христіанскую эпоху, поселенія, естественно, могли называться именами того или другаго божества.

I. Велесъ. Имя Велеса—именно *въ этой самой формѣ*—не есть болгарское: если въ «Кіевской Лѣтописи» божество это и названо *Волосомъ*, то въ нѣкоторыхъ спискахъ «Новгородской Лѣтописи» оно удержано и въ формѣ *Велеса*.

Въ той же формѣ оно встрѣчается, какъ извѣстно, и въ житіи Авраамія Ростовскаго и начертано на древнемъ крестѣ, который усвояется этому ростовскому святителю: по преданію, имъ онъ сокрушилъ идола *Велеса*, которому поклонялся въ Ростовѣ чудской конецъ. Если у южныхъ славянъ находимъ мы гору *Велесъ* въ Босніи и городъ *Велесъ* въ Болгаріи, то эти указанія слишкомъ ничтожны для того, чтобы считать форму *Велеса* исключительно болгарской. Рус-

ская земля въ своихъ поселеніяхъ, связанныхъ съ этимъ именемъ, представляетъ намъ не мало свидѣтелей, что это имя не было исключительнымъ достояніемъ Болгаріи, и что, напротивъ, въ этой самой формѣ оно извѣстнѣе было у насъ, чѣмъ у южныхъ славянъ. Такъ мы имѣемъ:

Вѣлесово (Владимірской губ. и уѣзда). *Вѣлеса* (Смоленской губ. Порѣч. уѣзда). Велéса (лѣв. притокъ Западной Двины). *Вѣлежи* (тамъ же, Луж. уѣзда). *Велеша* городище на р. Лавѣ.

Въ русскихъ памятникахъ мы встрѣчаемъ, что имя *Велеса* бытовало и какъ собственное имя историческихъ лицъ.

Такъ во вкладной грамотѣ Хутынскаго монастыря: (1192—1207 г.) въ числѣ жертвователей упомянутъ: **Вѣлесъ** [1].

Въ Архивѣ Юго-западной Россіи, въ актѣ 1596 г. также поименованъ: *Велесь* [2] одинъ изъ козаковъ.

Находимъ далѣе мѣстность съ этимъ именемъ въ эпической формѣ. Такъ, въ Ярославской губерніи, въ Романовскомъ уѣздѣ, близь деревни Гавшино, есть возвышенность, имѣющая овальный видъ которая до нынѣ называется: *Велесово ребро* [3].

Преданій, въ которыхъ называется имя *Велеса* также оказывается не мало. Въ деревни «Ангелово» Ростовскаго уѣзда указываютъ мѣсто, которое называется *Велесово дворище* [4]. Въ селѣ Поклонахъ также, говорятъ, въ древности капище *Велеса*, около священнаго дуба обоготворяемаго язычниками [5]. Въ селеніяхъ близъ упраздненной

[1] Дополн. къ Акт. Истор. т. I, № 5.

[2] Арх. ч. II, т. I, стр. 102.

[3] Сообщено мѣстнымъ извѣстнымъ Археологомъ Вадимомъ Иванов. Лѣствицинымъ.

[4] См. Ростовскаа Старина, А. А. Титова. Вып. I, 1883 г. стр. 16.

[5] Ibid. стр. 43.

«Волосовой пустыни», Владим. губерніи существуетъ также легенда, въ которой является тоже божество съ именемъ «*Велеса*» [6].

Мы, конечно, привели здѣсь еще *не всѣ* подобныя названія, но и приведенныхъ достаточно для того, чтобы не соблазняться *Велесами*—горой и городомъ—у южныхъ славянъ и убѣдиться, что это имя, въ этой самой формѣ, едва ли не было извѣстнѣе русской землѣ, чѣмъ Болгаріи и вообще южнымъ славянамъ.

Наконецъ, стоитъ только заглянуть въ «Областный Академическій Словарь», и тамъ можно видѣть, что имя «Велеса» донынѣ слышится въ живой народной рѣчи. Въ рязанской губерніи иронически *Велесомъ* называютъ того, кто распоряжается и повелѣваетъ, не имѣя на то права: «ужъ не Велесъ ли ты, говорятъ въ насмѣшку такому человѣку: вишь какой «Велесъ!» [1]. Такимъ образомъ, до нашихъ дней бытуетъ имя *Велеса* и притомъ съ признакомъ властилинскимъ.

[6] Легенда эта намъ сообщена Іеромонахомъ Заиконоспасскаго монастыря О. Аммономъ.

[1] «Г. Барсовъ предполагаетъ, замѣчаетъ намъ антикритикъ, что мы не заглянули въ Академическій областной Словарь: не только заглянули, но заглянуль и въ «Дополненіе» къ нему (1858), куда нашъ критикъ не заглядывалъ, и тамъ нашли, что въ Рязанской же губерніи, говорится и *велецъ*. Это зналъ уже Даль и потому совершенно основательно отнесъ слова *велесъ* и *велецъ* къ глаголу велѣть (*видѣцъ: видѣть*—видѣцъ: видѣть). При томъ родит. пад. вельца указываетъ что ни велесъ, ни велецъ не имѣютъ ни чего общаго съ Велесъ, род. Велеса. При этомъ Вс. Ѳ. Миллеръ счелъ нужнымъ упрекнуть насъ въ недостаткѣ нашихъ свѣдѣній въ этимологіи». (Крит. Обозр. 1679 г. № 3, стр. 26—27). Но такъ какъ мы не были у него на экзаменѣ, то онъ рискуетъ ошибиться въ нашихъ этимологическихъ познаніяхъ. Строгій критикъ долженъ былъ бы подтвердить аналогическими примѣрами, что дѣйствительно отъ *велѣть* можетъ образоваться *Велесъ*, чресъ форму *велецъ*. Укаженный же имъ примѣръ доказываетъ противное. Отъ *видѣть* дѣйствительно происходитъ *видѣцъ* (очевидецъ), форма, встрѣчающаяся и въ древнихъ письменныхъ памятникахъ и въ живой народной рѣчи; но что бы *видѣцъ* гдѣ нибудь и когда нибудь превратилось въ форму *видесъ* этого *не видано и не слыхано*. При другихъ случаяхъ критикъ не укрывался бы за филологическій авторитетъ Даля, а напротивъ замѣтилъ бы, что Даль далеко не авторитетъ въ области филологіи; въ данномъ же случаѣ самъ Даль выражаетъ

Не можемъ не отмѣтить здѣсь критическихъ пріемовъ нашего болгарофильствующаго комментатора «Слова». Для доказатсльства того, что божество Велеса проникло въ «Слово» чрезъ болгарскій *книжный* источникъ, онъ указываетъ, что въ Болгаріи есть и гора Велесъ и городъ Велесъ; но если мы замѣчаемъ, что это доказательство, при томъ единственное крайне не состоятельно, такъ какъ это имя не только въ формѣ *Волосъ,* но и въ формѣ именно *Велесъ*, бытовало на Русской землѣ, намъ отвѣчаютъ: «положимъ, что вся Россія была бы усѣяна поселеніями съ миѳологическими именами, говорило ли бы это хоть сколько-нибудь противъ того, что въ данномъ случаѣ, т.-е. въ «Словѣ» имена боговъ могли быть литературнаго книжнаго происхожденія? Весь вопросъ въ томъ, откуда миѳологическіе черты проникли въ «Слово» изъ народа или изъ книгъ». (Крит. Обозр. 1879 г. № 3, стр. 25). Очевидно гипотеза замыкается въ логическій кругъ, изъ котораго выхода нѣтъ и при которомъ дальнѣйшее разсужденіе становится не возможнымъ. Русскому факту она отказываетъ въ томъ значеніи, какое имѣетъ для ней подобный же фактъ болгарскій.

Есть даже основаніе думать, что не Велесомъ мы обязаны Болгаріи, а напротивъ, господство формы *Волоса* поддержалось

лишь недоумѣніе, отъ какого корня происходитъ слово *велецъ* и готовъ производитъ его не только отъ глагола *велѣть* но даже и отъ прилагательнаго, *великій.* Недоумѣніе его выражено въ такой формѣ: «*Велесъ* (*велецъ*, велѣть, великій?) *укорно* повелитель, распорядитель, укащикъ». Слово *велецъ* родит. п. имѣетъ *вельца* это такъ, но что бы туже форму въ родит. п. имѣло и слово *велесъ*, этого не говоритъ и Даль, который лишь замѣчаетъ только, что велецъ употребляется въ Ряз. губ. въ томъ же значеніи, что и *велесъ.* Это этимологическое смѣшеніе принадлежитъ исключительно нашему антикритику. Но если словообразованія чрезъ переходъ *ц* въ *с* нельзя оправдать аналогическими примѣрами ни въ русской письменности, ни въ живой народной рѣчи, то вотъ примѣры, указывающіе на обратный переходъ *с* въ *ц* въ силу закона *уподобленія* въ народномъ словообразованіи. Въ древнихъ актахъ встрѣчаемъ названія: *Луковесь, Череповесь* (т.-е. Весь, жившая при лукѣ, или на курганахъ); нынѣ же эти самыя названія бытуютъ въ формѣ. *Луковецъ, Череповецъ*; въ косвенныхъ падежахъ перваго словообразованія удерживается, *с*; послѣдняго же *ц*.

у насъ именемъ св. Власія, которое явилось къ намъ съ христіанствомъ изъ Болгаріи и притомъ съ тѣми двоевѣрными чертами, которыя бытуютъ въ нашихъ народныхъ вѣрованіяхъ и обрядахъ до настоящаго времени. Это двоевѣріе относительно Велеса дано намъ мученіемъ св. священномученика Власія епископа, мученнаго въ Севастіи градѣ (мѣсяца февраля въ 11-й день) въ болгарскомъ переводѣ византійскаго оригинала. Фактъ этотъ настолько важенъ и настолько любопытенъ, что мы считаемъ нужнымъ на немъ остановиться. Въ этой повѣсти Власій, между прочимъ, изображается какъ покровитель звѣрей и скотовъ и податель отъ Бога всякихъ даровъ, и всѣ эти разсказы о немъ стоятъ внѣ всякой внутренней связи съ исторіей его мученія; даже, напротивъ, они вносятъ нескладицу въ разсказы объ его мученіи и ясно даютъ понять, что они внесены сюда совсѣмъ другимъ авторомъ и для другихъ цѣлей. «За чистое его житіе во градѣ Севастіи Каппадокійской вѣрніи народи нарекоша его епископа; онъ же шедъ въ гору нарицаемую Араче, вселися въ пещеру и прихождаху къ нему звѣріи животъніи и аще впадаше единъ отъ нихъ въ болѣзнь, яко человѣцы пребываху у пещеры его, дабы возложилъ на нихъ руцѣ и благословилъ, и тако отхождаху отъ святаго во единъ же день». Далѣе идетъ разсказъ, какъ свирѣпый мучитель Агриколай повелѣлъ изловить этихъ звѣрей животныхъ; ловцы приходятъ въ гору, гдѣ жилъ св. Власій — и вотъ видятъ около его пещеры множество звѣрей «предстояще и глаголюще и рѣша собѣ: что се хощетъ быти»; въ самой же пещерѣ находятъ св. Власія—въ молитвѣ; возвѣстили о томъ игемону, который тотчасъ же туда отправилъ воиновъ, чтобы они привели къ нему кроющихся христіанъ. Идя съ ними—и увѣщевая чадъ, Власій на пути «цѣльбы творяше приносимымъ къ нему больнымъ и здравы отпущаше не токмо человѣки, *но и скоты*. У одной жены было едино чадо, иже рыбы ядый, костью подавился и безгасенъ пребысть; мати же отрочати, слышавши о преподобномъ, несши сына своего поверже при ногу преподобному... и повѣда святому бывшее напрасно чаду ея». Святой Власій возложилъ руку на гортань отроку, молитвой исцѣлилъ его и отдалъ матери. Всѣ эти чудесныя повѣствованія, какъ мы замѣтили, не вя-

жутся съ разсказомъ о томъ, что воины уже ведутъ его вмѣстѣ съ другими христіанами къ свирѣпому Агриколаю, и здѣсь, въ самой молитвѣ, вложенной въ уста св. Власію, сквозитъ ясно цѣль, къ какой направлены эти повѣствованія, именно: «да помнятъ же имя его Власія и да призываютъ его въ подобныхъ случаяхъ, когда заболѣетъ безсловесное или человѣкъ». Но послѣдуемъ далѣе за повѣстію.

«На пути же грядущу святому, нѣкая нищая вдовица, единъ имуща вепрь у себе, его же волкъ восхити». Вотъ она приходитъ къ св. Власію и молитъ его о «звѣри». Святый же Власій, «осклабився рече ей: не скорби жено, будетъ ти вепрь»; когда же онъ шелъ по пути, вслѣдъ его идутъ вдругъ волкъ и вепрь—сохраненъ и невредимъ. «И даде св. Власій его вдовицѣ». Затѣмъ непосредственно слѣдуетъ разсказъ о появленіи святого предъ игемономъ, который ввергаетъ его въ темницу, судитъ и мучитъ его. «Слышавъ же вдовица терпѣніе его, заклавши вепря, его же бѣ отъ волка пріяла, и сваривши главу и ноги и возложивши на блюдо нѣчто отъ плода земнаго и зажегши свѣчу, принесе въ темницу и припаде къ св. Власію, молящися: «пріими отъ сего». Святый же похвали Бога, пріялъ отъ того, похвали ю и заповѣдалъ ей, глаголя: жено, понеже симъ образомъ память мою твориши, не оскудѣетъ же отнынѣ ничто въ дому твоемъ отъ благостыни Божьей, и въ грядущемъ кто уподобится тебѣ и память мою чтить будетъ, такожде благословенъ будетъ во вся дни живота моего и безъ оскудѣнія даровъ пребудетъ отъ Бога. Блаженная же вдовица, заповѣдь сію пріимши отъ св. Власія, всюду повѣда пишемая». Такъ церковь стремилась въ народномъ сознаніи утвердить св. Власія, какъ подателя всякихъ даровъ безъ оскудѣнія и, въ особенности, какъ покровителя скота и всякой домашней благостыни.

Явившись къ намъ изъ Болгаріи, вмѣстѣ съ христіанствомъ, св. Власій, по созвучію съ Волосомъ, могъ дѣйствительно содѣйствовать тому, что эта *полногласная форма* имени языческаго божества должна была очень рано въ значительной мѣрѣ вытѣснить древнее имя «*Велеса*», какъ мало созвучное христіанскому Власію, и потому болѣе отзывавшееся язычествомъ.

Но для насъ всего важнѣе знать, какія качества соединились у насъ съ именемъ этого божества и въ какомъ смыслѣ Боянъ называется внукомъ Велеса.

Въ новгородской губерніи, въ Череповскомъ уѣздѣ, въ деревнѣ Хмѣлинѣ донынѣ соблюдается одинъ жатвенный обычай, который довольно ясно и опредѣленно характеризуетъ народное и изстаринное понятіе объ этомъ божествѣ. Когда выжнутся, оставляютъ на полѣ небольшой кустикъ колосьевъ и говорятъ одной жнеѣ: «*тѣ верти бороду Волосу*, или *Велесу, другояко скажутъ*».[1] Та три раза ходитъ около куста и, захватывая серпомъ пряди по 30-ти колосьевъ, припѣваетъ:

> **Благослови-ка меня, Господи,**
> **Да бороду вертѣть:**
> **А пахарю-то сила,**
> **А сѣвцу-то коровай,**
> **А коню-то голова,**
> **А Микулѣ—борода!**

[1] Любопытно, замѣчаетъ Вс. Ѳ. Миллеръ, что въ Череповскомъ уѣздѣ и *больше нигдѣ* въ Россіи ходитъ рядомъ съ формой Вовосъ форма Велесъ. Но вышеприведенныя примѣры доказываютъ, какъ-то, что форма Велесъ бытуетъ не въ одномъ Череповскомъ уѣздѣ, такъ и то, что г. Миллеръ мало знаетъ Россію. При этомъ онъ позволяетъ себѣ читать намъ слѣдующее нравоученіе: «конечно мы не пойдемъ переспрашивать бабу, сообщившую такое любопытное свѣдѣніе г. Барсову, но, откровенно говоря, не повѣримъ, пока не будутъ приведены несомнѣнныя доказательства. Вѣдь все зависитъ отъ того, какъ мы ставимъ вопросъ. Если вы спросите бабу: не говорятъ ли у васъ, матушка и Велесъ? то можете навѣрное услышать утвердительный отвѣтъ. Вѣдь бабѣ въ сущности все равно сказать ли Велесъ, сказать ли Волосъ: она не знаетъ, что для насъ то это не все равно». (Крит. Обозр. 1869 г. № 3, стр. 27). Авторъ, пріятно черпающій свои доказательства изъ мутнаго болгарскаго источника извѣстнаго творца «Орфея», считаетъ не достойными вѣроятія показанія русской крестьянской женщины, біографія которой нами напечатана. Что же касается того, какъ нужно обращаться съ народомъ, чтобы почерпнуть отъ него достовѣрныя данныя, то позволяемъ себѣ думать, что въ этомъ отношеніи мы опытнѣе г. Миллера и потому отсылаемъ ему его нравоученіе для собственнаго руководства на всякой случай.

Прядь, оставшуюся отъ верченія бороды, перевязываютъ въ узелокъ и укнутъ колосьями въ землю; затѣмъ всѣ жнеи сядутъ кругомъ того мѣста, гдѣ бороду уткнули, и станутъ теребить «тепенье», т.-е. дергать изъ земли злачные остатки и кидать чрезъ голову, припѣвая:

Нива, ты нива,
Вотъ твое поле!
Поле, ты поле,
Вотъ твоя жнива!
Жнива, ты жнива,
Отдай мою силу:
Я жала—въ тебя силу клала.

Затѣмъ — всѣ сидѣвшіе кругомъ припадаютъ къ землѣ спиной, для полученія потраченой силы, и, перекувырнувшись через голову, всѣ поднимаются на ноги.

И этотъ замѣчательный обрядъ, и эта миѳическая молитва указываютъ на то, что въ народномъ сознаніи *Велесъ* былъ божествомъ сельскаго хозяйства—и борода его, какъ символъ его личной мощи, связывается съ землею, гдѣ таится «*тяга земная*», источникъ растительности, жизни и всякихъ силъ.

На то же значеніе его, какъ покровителя земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, указываетъ одна пословица, въ которой Велесъ является уже съ именемъ св. Власія. Когда около масляницы, на Власьевой недѣлѣ, куритъ снѣгъ—идетъ онъ большими хлопьями—тогда говорятъ, что это «*Власій бородой трясетъ*». Снѣгъ этотъ потому считается вѣстникомъ предстоящаго лѣтняго урожая хлѣба. То же понятіе о Велесѣ выражается и другой народной пословицей: «Власъ—всему богатству глазъ».

Св. Власій, не безъ воздѣйствія, конечно, двоевѣрнаго византійско-болгарскаго житія, слился въ народномъ сознаніи съ старымъ образомъ Велеса или Волоса.

Въ виницкомъ погостѣ (олонецкой губерніи) въ праздникъ этого святого совершается «треба». Женщины-хозяйки приносятъ въ цер-

ковь кашу и масло въ кринкахъ и ставятъ ихъ передъ иконою этого покровителя животныхъ. Послѣ обѣдни, священникъ служитъ молебенъ, по мѣстному выраженію, «*надъ кашами*» и благословляетъ ихъ; цѣлые ушаты каши достаются на долю причта и часть выдѣляется на нищую братію. Трудно сказать, есть ли эта «*треба*» — преданіе Велесова культа, или обычай, уже принесенный церковью; но для насъ важно то, что хозяйки, приносящія для этой требы кринки съ кашей и масломъ, называютъ св. Власія «*богомъ коровъ*».

Любопытно, что, по народнымъ вѣрованіямъ, вскорѣ послѣ Власовой недѣли — бо̀льшею частью въ великомъ посту — появляется между людьми и спутница его *Мо́куша*: какъ Велесъ представляется покровителемъ земледѣлія и вообще сельскаго хозяйства, такъ и Мо́куша имѣетъ дѣло, ближайшимъ образомъ, съ овцеводствомъ, шерстью, пряжей и вообще собственно съ бабьимъ хозяйствомъ — и даже ихъ собственными косами. Овца, какъ долго не стригутъ шерсть,—то иногда и вытретъ: «ой,—говорятъ,—Мо́куша остригла овецъ»; иное — спятъ, веретено урчитъ, — говорятъ: «Мо́куша пряла: выходя изъ дома, она иногда пойдетъ, да обрусъ-отъ, о полати-то веретеномъ-то и щелкнетъ». Приносимая ей треба состоитъ въ томъ, что когда шерсть стригутъ, тогда въ ножницы на ночь *по клоку шерсти* кладутъ; порожнія ножницы не кладутъ. До какой степени Мо́куша, спутница Велеса въ сельско-хозяйственномъ народномъ быту, имѣла дѣйствительное значеніе, видно изъ одного, имѣющагося у насъ «худого сельскаго номоканунца» XVI-го вѣка. Духовникъ долженъ былъ спрашивать пришедшую на-духъ женщину: «*не ходила ли еси къ Мокошѣ*».

Такъ какъ въ быту сельскаго хозяйства важную роль играетъ пастухъ и его труба, то и св. Власію, какъ богу коровъ, усвояется новое присущее ему качество, которое не указывается двоевѣрнымъ византійскимъ его житіемъ. Въ такъ-называемыхъ *обходахъ* рогатаго скота или пастушескихъ заговорахъ, пастухъ, въ ряду другихъ святыхъ, испрашивая покровительства своему скоту и у св. Власія, проситъ для своей *трубы вѣщей силы, чтобы на звуки ея сходилось*

все стадо, слушалось его, повиновалось ему и чтобы голосъ его былъ понятенъ и обворожителенъ для стада.

Итакъ, мы видимъ не только то, что Велесъ былъ богомъ русской земли, но и то, что онъ былъ покровителемъ сельскаго хозяйства, подателемъ силъ и даровъ, потребныхъ земледѣльцу — и, въ этомъ смыслѣ, былъ обладателемъ «*тяги земной*», источающей всѣ блага земныя.

Но въ иномъ нѣсколько свѣтѣ должно было выступить это божество въ сознаніи дружинно-княжеской среды Кіевской Руси. По особенному укладу быта, для дружинниковъ, какъ оберегателей *пастуховъ* земли русской, это божество сказывалось тѣмъ своимъ качествомъ, которое держалось лишь въ *пастушескомъ* быту земледѣческаго хозяйства. Велесъ для нихъ являлся не столько покровителемъ *чуждаго имъ земледѣльческаго быта*, сколько подателемъ вдохновенія, очарованія, источникомъ вѣщей силы пѣсни и лиры, воспѣвавшимъ землю русскую, геройскія доблести ея оберегателей, ихъ славу и честь.

Изображая свое восторженное отношеніе къ Бояну, авторъ «Слова» называетъ его *пѣснотворцемъ, вѣщимъ внукомъ самого Велеса*.

Намъ кажется страннымъ, что нѣкоторые находятъ величаніе «*вѣщимъ*» не у мѣста въ отношеніи къ пѣвцу и гудцу. Имѣя въ виду живое народное употребленіе этого слова, нельзя не видѣть, что оно не означаетъ непремѣнно только кобника и колдуна (какъ изображаетъ гипотеза), не означаетъ также мудреца-книжника (какъ думаетъ А. Н. Веселовскій), — оно выражаетъ «*вѣдѣніе*», къ какой бы области оно не относилось, но лишь обусловленное *таинственнымъ наитіемъ*, сверхъестественною силою. Пѣвецъ-гудецъ Боянъ въ этомъ смыслѣ прекрасно можетъ быть названъ *вѣщимъ*, по силѣ необыкновеннаго, нечеловѣческаго вдохновенія и очарованія, какими отзывалось его *вѣдѣніе и умѣнье пѣть и играть*. Въ этомъ смыслѣ и въ классическомъ мірѣ ᾠδή (пѣснь) внутреннимъ образомъ соединяло въ своемъ понятіи качество именно такого «*вѣщаго*» своего значенія: ᾠδή—не просто значитъ пѣснь, но именно пѣснь, полную не-

человѣческаго вдохновенія и очарованія, какъ даръ необыкновеннаго божескаго наитія.

Назвавъ Бояна «*вѣщимъ*», авторъ «Слова» упомянулъ намъ и самое божество, въ коемъ, по дружиннымъ преданіямъ, таилась эта вѣщая сила его пѣсни и игры. Выраженіемъ: «внукъ Велесовъ» не указывается непремѣнно на внучатное отношеніе Бояна къ Велесу: слово внукъ въ лѣтописяхъ того времени означаетъ лишь вообще родственную связь. Боянъ названъ *внукомъ Велеса* — родственнымъ ему лишь по силѣ поэтическаго дара, которымъ такъ увлекся и восторгается авторъ «Слова».

Имя Велеса производятъ отъ разныхъ корней. Сабининъ производитъ его отъ Waul, Wöl, Wöld; кн. П. П. Вяземскій сближаетъ его съ греческимъ βελιὸς, ἀβέλιος, ἥλιος; но любопытно, что имя «Велесъ» встрѣчается уже между собственными именами вавилонянъ— *Belesys* (Diod., 2, 24) и аммонитянъ—*Велиса* (Іерем., 40, ст. 14).

Что касается космогоническаго значенія солнца, то понятіе, связанное съ нимъ на русской землѣ, лучше всего отвѣчаетъ солнечной его природѣ. Обладатель тяги земной, покровитель народнаго сельскаго хозяйства, онъ для дружинно-кіевской Руси былъ славянскій Аполлонъ, пасущій среброрунныхъ овновъ солнцевыхъ, съ своею пѣснію и свирѣлью, считавшійся праотцемъ дружинныхъ пѣвцовъ. Наше заключеніе о солнечной природѣ Велеса вполнѣ подтверждается и розысканіями г. Срезневскаго [1].

II. Хорсъ. Бытованіе *Хорса* на русской землѣ также не подлежитъ сомнѣнію, какъ и существованіе Велеса. Имя его донынѣ живетъ въ безчисленныхъ названіяхъ селеній, озеръ и урочищъ, связанныхъ съ колонизаціей русской земли. Такъ, мы находимъ:

Хо́росино (Моск. губ. Серп. уѣздѣ). Хо́рошки (Полт. губ. Коб. уѣзда). Хорошково (Смол. губ. Порѣц. уѣзда). Хорошее озеро (Черн.

[1] Сравн. Ж. М. Н. П., LI, 11, 52.

губ. Борз. уѣзда и Том. губ. Барн. уѣзда). Хо́роша (Херс. губ. Тирас. уѣзда). Хо́роши. Хорославинскихъ—безчисленное множество.

И. В. Ягичъ слово «*хорошій*» производитъ отъ глагола *хоронить*, что въ древне-русскомъ языкѣ означало: приводитъ, въ порядокъ, обряжать. Но такое значеніе этого слова, не сомнѣнно, позднѣйшее: первичное значеніе его сказывается въ русской обрядовой игрѣ: *хоронить золото*, имѣющей связь съ солнечнымъ культомъ, при переходѣ лѣта на зиму. Значеніе обряжанія вытекло изъ похороннаго ритуала: хоронить и обряжать оба слова сдѣлались однозначущими. Нѣтъ кажется, основаній отвергать, что слово *хорошъ* могло произойти отъ *хоросъ*, точно такъ какъ отъ Борисъ явилось *Боришъ*. Если и теперь нѣкоторыя рощи и озера называются «святыми», то не удивительно, что въ языческой Руси онѣ были посвящаемы Хорсу.

Гораздо труднѣе различать, какъ именно качествовалось это божество въ сознаніи земства и кіевской дружинной Руси.

Что имя *Хорса* означаетъ солнце, это не можетъ подлежать сомнѣнію. Происходя отъ зендскаго huar и персидскаго chur, hor [2], оно въ глубокой древности проникло къ семитамъ и здѣсь въ исторіи извѣстно подъ именемъ *cheres*, солнце. Съ такимъ именемъ встрѣчаемъ солнце въ книгѣ Іова (гл. 9 ст. 7) и въ книгѣ Судей (гл. 8 ст. 13), отсюда *charsa*, солнечный кругъ; отсюда Иліополь (Heliopolis, ir hacheres, градъ солнечный, Нав. 15, 11); отсюда врата хорсиѳскія или солнечныя (Іер. 19, 2); отсюда, наконецъ, въ Новомъ Завѣтѣ названіе *вѣтра-сходника* при возвращеніи съ солнца, съ запада, называется Χόρος (Дѣян. 27, 12).

Итакъ, мы видимъ, что у семитовъ съ глубокой древности имя *Хорса* было уже собственнымъ именемъ солнца.

Далѣе, мы видимъ, что съ представленіемъ его соединялось, также въ глубокой древности, не только *понятіе свѣта*, но и

[2] Аѳан., III, 538.

качество *движенія*. Въ книгѣ Іова читаемъ, что уже въ то время были еретики, мужи неправедные, которые, идя стезею древнихъ, учили, что божество ходитъ по небесному кругу и какъ скоро облака его заслоняютъ, то оно ничего не видитъ и не можетъ судить сквозь мракъ (Іов., гл. 22, ст. 13—15). Въ виду, безъ сомнѣнія, такой извѣстности Хорса у семитовъ, онъ въ нашихъ памятникахъ называется *«жидовиномъ»* [1].

Ограничившись этими историческими замѣчаніями о космогонической природѣ солнца, мы замѣтимъ, что данныя русской миѳологіи также представляютъ намъ это божество не съ *признакомъ* только *свѣта*, но и съ болѣе развитымъ *представленіемъ его движенія* въ нравственномъ значеніи.

Народный хороводъ именно изображаетъ это хожденіе божества по небесной орбитѣ. Въ своемъ движеніи онъ всегда образуетъ *ряды полукруговъ* или хоботовъ, послѣдовательно смѣняющихъ другъ друга и переходящихъ съ одной стороны на другую. Если эти полукруги или хоботы бываютъ велики, то и самый хороводъ называется *хоботистымъ*. Смотря на движеніе хоровода, на послѣдовательную смѣну этихъ хоботовъ, невозможно не видѣть въ немъ подобія хожденія божества, какъ сказано въ книгѣ Іова—*по небесному кругу*.

Но такъ какъ хороводъ непремѣнно связанъ съ весеннимъ временемъ, то отсюда слѣдуетъ заключить, что въ народномъ сознаніи съ образомъ Хорса соединялось собственно представленіе его благодатнаго *весенняго воздѣйствія*, съ каждымъ днемъ согрѣвающаго и животворящаго силы природы.

Но, кромѣ этого значенія, въ дружинно-княжеской средѣ кіевской Руси съ образомъ этого божества соединялось, повидимому, и представленіе другого еще качества.

[1] Въ апокрифической бесѣдѣ 3-хъ святителей читаемъ: «Отчего громъ сотворенъ бысть? Василій рече: два ангела громная есть: еллинскій старецъ Перунъ й *Хорсъ жидовинъ*, два еста ангела молніина» (Изв. Ак. Н., IV, 134).

Пользуясь движеніемъ солнца по небесной орбитѣ для характеристики волкодлачьей натуры Всеслава, авторъ «Слова» солнце называетъ *великимъ Хорсомъ* и ставитъ съ нимъ въ соотношеніе *бѣгъ Всеслава*. Аналогическій чертой въ картинѣ того и другого ставится именно «*рысканіе*». Всеславъ перерыскиваетъ путь Хорса; стало-быть и Хорсъ, въ глазахъ дружинника, не просто ходитъ *по орбитѣ*, какъ изображается онъ въ книгѣ Іова, онъ именно «*рыщетъ*»: съ образомъ его связано не представленіе главнымъ образомъ его согрѣвающей и животворящей силы, а лишь *представленіе* необыкновенной *быстроты его движенія*, его богатырскаго бѣга, съ которымъ сравнивается бѣгъ Всеслава. Съ другой стороны, Всеславъ, рыскаю щій ночью, въ виду ученія древнихъ, что «Хорсъ» сквозь мракъ ничего не видитъ, пробѣгающій путь его «*до куръ*» *вѣстниковъ его появленія*, даетъ намъ понимать, что съ богатырскимъ образомъ Хорса, рыщущаго по небесному кругу, въ дружинной кіевской средѣ связывалось представленіе дозиранія человѣческихъ дѣлъ, очей Божіихъ, отъ которыхъ укрывался волшебный Всеславъ, *бѣгая ночью до куръ*. Поэтому, намъ кажется, авторъ «Слова», указавши на соперничество его въ бѣгѣ съ великимъ Хорсомъ, не безъ причины счелъ нужнымъ прибавить къ его характеристикѣ: *тому и смысленній рече: ни хитру, ни горазду, ни птичю горазду, суда божья не избыть*». Такимъ образомъ, если въ народномъ представленіи Хорса преобладаетъ его космогоническій характеръ, то въ образованной дружинной средѣ по преимуществу выступало на видъ его нравственное значеніе; тамъ онъ болѣе существо животворящее природу, здѣсь онъ— великій богатырь, рыщущій по небесному кругу и дозирающій дѣла человѣческія; тамъ онъ болѣе связанъ съ природой, здѣсь—съ судьбою человѣка. Такъ дружинный бытъ отпечатлѣвается на самыхъ понятіяхъ о богахъ!

III. Стрибогъ. Стрибогъ—есть божество чисто стихійное (стри— общаго корня съ греческаго στρήβοιος вихорь). Вѣтры въ нашемъ «Словѣ» прямо называются его внуками. На бытованіе его среди Руси указываютъ географическія названія: *Стрѣево* (Калужской гу-

берніи, Боров. уѣзда). *Стрибоже озеро*, *Стрибожъ*. *Стригородъ* (Ж. М. Н. Пр. 1858 г., V, 242).

Въ народныхъ представленіяхъ вѣтеръ олицетворяется въ образѣ богатыря Ивана, вѣтрова сына. Въ царскомъ теремѣ сидѣла дочь во тьмѣ и мракѣ; но вотъ она провертѣла перстомъ небольшую скважину на бѣлый свѣтъ: подулъ въ нее вихорь и она зачала сына, котораго и назвала Иваномъ, вѣтровымъ сыномъ. Тѣсно стало ему богатырю, въ теремѣ—и онъ сразу его разрушилъ; тѣсно стало ему затѣмъ и въ царскомъ дворцѣ, тѣсно стало и въ цѣломъ царствѣ—и вотъ онъ пошелъ въ поле потѣшить свою силу: здѣсь онъ встрѣчается съ другими подобными себѣ богатырями—Дубиномъ Дубиновичемъ, Горыномъ Горыниновичемъ и Кощеемъ-безсмертнымъ. Такъ явилась на свѣтъ стихійная сила вѣтра; грозныя тучи, темныя, какъ лѣсъ, величавыя, какъ горы, не могутъ стоять передъ силою вихря; разгоняя ихъ, онъ побѣждаетъ и самаго Кощея, тогда какъ отъ щита его все истаиваетъ и исчезаетъ.

Не въ такой полнотѣ и широтѣ свободнаго очертанія,—тѣмъ не менѣе и авторъ «Слова о полку Игоревѣ» даетъ намъ понимать героическій характеръ вѣтровъ, называя ихъ внуками Стрибога. «Вѣтры Стрибожи-внуки», говоритъ онъ, «вѣютъ на море стрѣлами»: живописная черта, которою характеризуется здѣсь вѣтеръ; это есть именно *вѣяніе стрѣлами*—черта, которая всего скорѣе могла явиться въ сознаніи дружинника, при изображеніи героическаго облика вѣтра. Подобно тому, какъ Маркуты въ Ведахъ—эти божественные представители вѣтровъ—являются одѣтыми въ блестящіе панцыри, съ свѣтлымъ оружіемъ въ рукахъ, и стрѣляютъ изъ своихъ далеко-метательныхъ луковъ (Аѳан. I, стр. 321), и въ нашемъ «Словѣ» вѣтры Стрибожи-внуки являются въ воинственномъ образѣ—*вѣютъ на море стрѣлами*. Съ тою же живописною чертою олицетворяется вѣтеръ и въ плачѣ Ярославны, гдѣ онъ величается вѣтромъ-вѣтриломъ и называется *господиномъ*, *мечущимъ хиновскія стрѣлы*. Эта воинская черта—метаніе стрѣлъ, связанная въ нашемъ «Словѣ» съ образомъ вѣтра, можетъ служить для насъ намекомъ на воинскій ликъ миѳи-

ческаго Стрибога, такъ какъ она не потеряла еще значенія для автора «Слова», и онъ сочеталъ ее съ вѣтрами, называя ихъ его внуками.

IV. Дажь-богъ. Появленіе имени этого божества, не только въ «Словѣ», но и въ «Кіевской Лѣтописи», нѣкоторые объясняютъ, какъ мы видѣли, заимствованіемъ его изъ болгарскаго перевода византійской хроники Малалы, въ которомъ Дажь-богъ поставленъ на мѣсто Геліоса, но мы уже видѣли на сколько основательно подобное гаданіе. Есть прямыя указанія, что это болгарское имя не безызвѣстно было и русской землѣ и донынѣ живетъ въ народѣ, хотя, быть-можетъ, и не съ тѣмъ значеніемъ, какое имѣло оно въ языческую эпоху. Но если нѣкоторыя географическія названія, указывающія на имя этого божества, каковы, напр.: *Богдаево* (Твер. губ., Весьег. уѣзда), *Божедаевка* (Херс. губ., Александровскаго уѣзда), *Богъ ми даде* и т. п., можно еще и не относить къ нему, то нельзя уже отвергать тождества такихъ географическихъ названій, какъ напр.: *Дацъ-Боги* (въ Мазовшѣ), *Дажъ-Богъ* (въ Мосальск. уѣздѣ) (Аѳан., I, 65).

Имя этого божества можно слышать и теперь въ живыхъ устахъ народа, хотя оно и видимо утратило для него свое первоначальное значеніе: «Полно тосковать», говорятъ: «Дажь-Богъ все минетъ».

Если чего недостаетъ, говорятъ: «Что тужить-то, о Дажь-Богъ» [1]).

Или же:

«Покучись Дажь-Богу, управитъ по-немногу» [2]).

Любопытно теперь, какія качества соединялись съ именемъ этого божества въ дружинной средѣ кіевской Руси.

[1] Въ обоихъ случаяхъ *Богъ-дажь* употребляется какъ-будто вмѣсто «Дай-Богъ», но для насъ важна здѣсь форма «Дажь-Богъ»; она удержалась, по нашему мнѣнію, въ силу изстариннаго господства «Дажь-Бога».

[2] Всѣ эти выраженія записаны въ деревнѣ Хмѣлинѣ, череп. уѣзда, новгор. губ. отъ крестьянки Ирины Калиткиной.

Въ двухъ мѣстахъ «Слова о полку Игоревѣ» встрѣчается имя «Дажь-бога».

1. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣятшется и растяшеть усобицами, погибашеть жизнь Дажь-божья внука, въ княжихъ крамолахъ, вѣци человѣкомь скратишась.

2. Въстала обида въ силахъ Дажь-божья внука, вступила дѣвою на землю Трояню.

Что подъ выраженіемъ «Дажь-божья внука» нужно разумѣть кіевскаго князя, объ этомъ толковалъ еще Шишковъ въ 1826 г. [1]). Однако мнѣніе его не было принято, и нѣкоторые стали утверждать, что подъ внукомъ Дажь-бога нужно разумѣть русскій народъ, и что, слѣдовательно, на Руси было преданіе о происхожденіи русскихъ отъ Дажь-бога. Но въ настоящее время, благодаря исторической критикѣ [2], приходится снова возвратиться къ мнѣнію покойнаго Шишкова. Итакъ, подъ внукомъ *Дажь-бога* въ «Словѣ о полку Игоревѣ» разумѣется «*кіевскій князь*».

Образъ *Дажь-божьяго внука* настолько знаменателенъ, что нельзя считать его однозначущимъ съ именемъ *князя* и видѣть здѣсь простую риторическую метонимію. Скорѣе всего этотъ образъ заставляетъ предположить, что въ кіевской Руси дѣйствительно было какое-нибудь поэтическое преданіе о происхожденіи княжескаго рода отъ боговъ; по крайней мѣрѣ историческое отношеніе кіевской дружины къ своему князю было таково, что оно само собою предполагаетъ подобное преданіе. Во всякомъ случаѣ образъ князя, какъ божьяго внука, скорѣе могъ родиться въ собственной душѣ автора «Слова», какъ дружинника, чѣмъ быть подысканъ въ какой-нибудь болгарской книжкѣ. Раздѣлять это послѣднее предположеніе—значитъ лишь обнаруживать свое малое знакомство съ бытомъ и характеромъ дружинно-кіевской Руси.

[1] Собраніе сочиненій и переводовъ Шишкова, ч. VII, стр. 74.

[2] См. «Взглядъ на Слово о полку Игоревѣ», Всев. Миллера, стр. 71—74.

Далѣе, этотъ образъ стоитъ лишь дополненіемъ при главныхъ мысляхъ. Погибаетъ *жизнь* Дажь-божья внука.... Встала *обида въ силахъ* Дажь-божья внука....

Чтобы понять общее значеніе этихъ мыслей, остановимся на тогдашнихъ понятіяхъ *жизни* и *обиды*. Въ «Кіевской Лѣтописи» очень часто встрѣчается дружинное понятіе *жизни*: «жизнь твою разграбихомъ и твоея дружины» (1159 г.), «не стойте на нашей землѣ, а *жизни нашея* ни селъ нашихъ не губите» (1149 г.). Подъ жизнію на дружинномъ языкѣ разумѣются: кони, скоты, овцы, колодники, челядь и все движимое имущество. Точно также часто встрѣчается здѣсь и слово *обида*. Въ народномъ поэтическомъ языкѣ «Слова» обида означаетъ нравственное униженіе, оскорбленіе и самую скорбь. На языкѣ же дружины оно означало *безчестіе и пораженіе*: а «ты самъ прави, съ кѣмъ ти обида есть» (1149 г.): оно всегда означало, какъ мы видѣли, *униженіе*, *оскорбленіе*, *пораженіе*.

Соображая значеніе этихъ понятій, мы видимъ, что погибель *княжескаго богатства*, пораженіе его *воинской силы* не случайно поставлены здѣсь съ образомъ «Дажь-божья внука».

Какъ внукъ Дажь-божій, обладалъ онъ избыткомъ всякаго имущества; какъ внукъ Дажь-божій, испытывалъ онъ доблестные успѣхи съ своей воинской силой. Но вотъ жизнь его гибнетъ (при Олегѣ Гориславичѣ), и *обида* встала въ силахъ Игоря, не сдерживающаго своей юности.

Таковы черты, по нашему мнѣнію, связаны въ «Словѣ» съ именемъ Дажь-бога въ дружинно-кіевской средѣ; онъ считался если и не праотцемъ князей, то покровителемъ ихъ богатства и наживы и доблестныхъ успѣховъ ихъ воинской силы.

V. Дивъ. Дивъ, какъ извѣстно (отъ корня diw — свѣтить, лат. Deus, литов. Dewes, санскр. Dewa), первоначально божество свѣтлое, но уже въ первобытныя времена, вслѣдствіе религіозной реформы, на почвѣ Эрана, низведенъ былъ на степень существа злаго и демоническаго (Diw—злой духъ).

Любопытно, что у семитовъ для выраженія хищнаго полета птицъ употреблялось слово того же корня—Daja (Втор. 28, 49; Іер. 48, 40, 49, 22); равно какъ тѣмъ же словомъ выражалось и движеніе божества полетѣ на крылу вѣтренюю (Псал. 18, 11). Существовало даже названіе того же корня для какой-то неизвѣстной хищной птицы (Втор. 14, 13).

Отсюда видно, что съ арійскимъ понятіемъ «дива», перешедшаго даже съ семитамъ, въ глубокую древность соединялось, между прочимъ, и «представленіе быстраго летанія»

На русской почвѣ Дивъ получилъ значеніе существа враждебнаго и представляется въ образѣ «миѳической птицы».

Такъ напримѣръ описываютъ его въ Олонецкой губерніи:

Дивъ—птица-укальница, сѣрая какъ баранъ, шерсть на ней какъ войлокъ, глаза какъ у кошки, ноги мохнатыя, какъ у звѣря; птица она вѣщая—сѣла на шеломъ—ожидай бѣду. Сидитъ она на сухомъ деревѣ и кличетъ, свищетъ она по змѣиному; кричитъ она по звѣриному; съ носа искры падаютъ; изъ ушей дымъ валитъ.

Это народное описаніе «Дива» вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе тѣхъ, которые видятъ въ «Словѣ о полку Игоря»—Дива, сроднаго съ дивами персидскими».

Дивъ «Слова» существо, повидимому, именно «крылатое», такъ какъ сидѣлъ «вверху древа». Существо огромнаго размѣра, тяжелое и грузное, что́ видно изъ выраженія «вержеся на землю»: такъ нельзя говорить о птицѣ «обыкновенной и легкокрылой».

Но главное и отличительное качество, которымъ Дивъ характеризуется въ «Словѣ», это его богатырскій неистовый «кликъ», обращенный къ Волгѣ, Поморію и Посулію и Суражу и Корсуню и къ Тмутороканскому болвану.

Половцы земля невѣдома, и Дивъ подаетъ туда вѣсть, лишь бы накликать на Русскихъ бѣду. Нельзя не согласиться съ А. Н.

Веселовскимъ, что въ этомъ очертаніи олицетворенъ миѳическій образъ «злой судьбины».

Въ такомъ очертаніи является Дивъ въ «Словѣ о полку Игоревѣ». Богатырскій его образъ весьма мало походитъ на «женственныя и слабыя натуры дивовъ» и самодивовъ южныхъ славянъ, которыя скорѣе смахиваютъ на наши «вѣдьмы-удѣльницы».

На русской землѣ не мало преданій о дивахъ и всѣ они безъ сомнѣнія были ближе къ «грозному и страшному Диву» «Слова».

На эти преданія прямо указываютъ многочисленныя имена селеній, разсѣянныхъ по разнымъ мѣстамъ. Каковы напр.: Дивіевъ-усадъ (нижег. губ. лукъян. уѣзда); Дивѣево (тамъ же, арзам. уѣзда); Дивная гора (яросл. губ. угл. уѣзда); Дивногорская пустынь (тамъ же); Дивинецъ (твер. губ. вышн. уѣзда); Дивиха, Дивисы, Дивасы и т. п.

Нѣтъ сомнѣнія, что со многими изъ этихъ названій и теперь еще связаны въ сознаніи народа разныя преданія о дивахъ. Собраніе этихъ преданій гораздо лучше уяснило бы для насъ богатырскій образъ «Дива» нашего «Слова», чѣмъ южно-славянскіе разсказы о самодивахъ. Намъ остается только выразить желаніе, чтобы мѣстные изслѣдователи обратили вниманіе на эти преданія и записали ихъ въ возможной точности и буквальномъ пересказѣ.

VI. Дѣва-обида. Обида, какъ мы видѣли означаетъ оскорбленіе и униженіе и, на дружинномъ языкѣ, «пораженіе и гибель». Говоря, что «въ силахъ Дажь-божьяго внука встала обида», авторъ «Слова» живописуетъ предъ нами эту обиду, олицетворяя ее въ «образѣ Дѣвы» и описывая, какого рода времена пробудила она своимъ явленіемъ.

Сообразно внутреннему понятію обиды, и эта Дѣва является, съ одной стороны, Дѣвой раздора, а съ другой—пораженія и гибели.

Не такъ подробно описываетъ авторъ образъ явленія этой дѣвы, но за то весьма картинно и съ глубокимъ чувствомъ изображаетъ онъ губительныя и тяжкія послѣдствія ея появленія.

О ней самой мы узнаемъ только, что, соотвѣтственно обидѣ, возставшей въ силахъ Дажь-божьяго внука, она также вступаетъ на землю Трояню... Самое мѣсто и обстановка ея появленія, такъ-сказать, даютъ знать, что эта Дѣва выступаетъ здѣсь въ силу дружинныхъ преданій и сама принадлежитъ къ числу дѣвъ, являющихся на поляхъ брани.

Далѣе, это—«Дѣва съ лебедиными крыльями». Мало того, что авторъ обиду облекаетъ въ ликъ дѣвы,—образъ, повидимому, не соотвѣтствуетъ своей идеѣ,—но онъ еще украшаетъ эту Дѣву лебедиными крыльями. Красная дѣвица, лебедь бѣлая, является олицетвореніемъ нравственнаго приниженія и пагубы. Чтобы понять художественное значеніе этого образа, нужно только взглянуть на него съ точки зрѣнія эпической поэзіи, а никакъ не современнаго художества. Злыя силы, олицетворяемыя эпосомъ, часто, какъ-бы для обмана людей, носятъ обольстительный ликъ, и чѣмъ губительнѣе ихъ дѣйствія, тѣмъ скорѣе принимаютъ на себя обаятельные виды. Поэтому-то даже такая страшная и омерзительная сила, кака смерть, въ народной поэзіи не рѣдко олицетворяется также въ «образѣ красной дѣвушки» [1].

Послѣдній признакъ этой Дѣвы-обиды тотъ, что она своими лебедиными крыльями плещется «на синимъ морѣ у Дона». Даже донынѣ взволнованіе воды на рѣкѣ или озерѣ, безъ видимой причины, считается въ народѣ дурнымъ предзнаменованіемъ и приписывается «хлобыстанію какой-то зловѣщей рыбы» или даже просто нечистой силы. Вотъ все, что́ сказано въ «Словѣ» о самой Дѣвѣ-обидѣ. Но за то—какими трогательными чертами описаны здѣсь пагубныя послѣдствія явленія этой Дѣвы. Убудила она жирны времена, т.-е. настали для ней раздольные годы или, говоря нашимъ языкомъ, и на ея улицѣ сталъ разгульный, веселый праздникъ. Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то мое же... князья стали крамолу ковать, а поганые со всѣхъ сторонъ рыскать на землю русскую... Застоналъ отъ тучи Кі-

[1] См. въ изданныхъ намй «Погребальныхъ плачахъ».

евъ, а Черниговъ отъ напасти: потекла скорбь по землѣ русской и т. д.

Всѣ княжескіе раздоры, гибель дружины и всей русской земли является въ «Словѣ», какъ живое и осязательное свидѣтельсво того, какія жирныя времена пробудила эта Дѣва-обида своимъ плесканіемъ на синемъ морѣ.

Имѣя все это въ виду, не трудно, кажется, понять, что «Дѣва» «Слова о полку Игоревѣ» не имѣетъ ничего общаго съ «болгарскими дивами и самодивами» [1], которыя, бывъ одержимы страстію къ земнымъ юнакамъ, враждуютъ съ ними изъ-за земныхъ красавицъ: онѣ больше смахиваютъ на нашихъ вѣдьмъ живущихъ, подобно имъ, на деревьяхъ, и на нашихъ русалокъ, живущихъ въ водахъ и даже на финскихъ удѣльницъ, чѣмъ на Дѣву-обиду нашего «Слова». Эта Дѣва побѣдоносна, пагубныя дѣйствія ея неотразимы; болгарскія же дивы и самодивы—не болѣе, какъ классическія легіи (λέγιαι), слабыя, женственныя созданія, побѣждаемыя страстію и похотію.

Точно также и образъ Діаны [2] и образъ «дѣвъ суда Любуши» [3] нимало не подходятъ подъ картину нашей «Дѣвы-обиды». Умѣстнѣе и ближе къ дѣлу сравненіе Максимовича нашей «Дѣвы-обиды» съ литовской Дѣвой-чумой, которая огневымъ платомъ навѣваетъ смерть и заразу на землю.

Народъ Литовскій представляетъ себѣ заразу въ образѣ «дѣвы» предшествующей появленію этого бѣдствія. Мы съ своей стороны замѣтимъ, что Дѣва эта прекрасно изображена въ пѣсни Мицкевича.

Когда въ Литвѣ идетъ зараза,

Для проницательнаго взгляда,

Она ужъ и́здали видна.

Тогда, коль вѣрить вайделотамъ,

По рвамъ кладбищамъ и болотамъ,

[1] Взглядъ на «Слово о полку Игор.» Всев. Миллера, стр. 93—98.

[2] Мнѣніе Шишкова.

[3] По мнѣнію Дубенскаго.

Шагаетъ Дѣва; то она!
Вся въ бѣломъ; ростъ подъ ростъ дубравамъ;
Та Дѣва въ огненномъ вѣнкѣ,
Идетъ—летитъ съ платкомъ кровавымъ,
Широ́ко вѣющимъ въ рукѣ;
И часовой у замка кроетъ
Глаза подъ шлемъ тяжолый свой,
И песъ, врывъ морду въ землю, воетъ,
Почуявъ запахъ смерти злой;
А та подъ замками, дворцами,
Проходитъ лютыми шагами,
И гдѣ платкомъ своимъ махнетъ,
Дворецъ становится оврагомъ:
Гдѣ ступитъ, подъ тлетворнымъ шагомъ,
Могила новая растетъ.

Есть и еще оригинальное мнѣніе объ этой Дѣвѣ-обидѣ: князь П. П. Вяземскій разумѣетъ подъ нею прекрасную Елену, изъ-за которой греки бились подъ Троей; онъ утверждаетъ что Елена также нарывалась лебедо-крылатой (190 ст.), что она также олицетворяла распри, насилія, обиду (192), что поклоненіе ей на Черномъ и Азовскомъ моряхъ не подлежитъ сомнѣнію (стр. 14, 99, 201—203).

Но такъ какъ всѣ эти мнѣнія въ изслѣдованіи почтеннаго автора связаны съ исторіею классическаго миѳа вообще, то подробное разсмотрѣріе ихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Здѣсь мы замѣтимъ только, что если бы авторъ «Слова», изображая Дѣву-обиду, находился дѣйствительно подъ воздѣйствіемъ именно образа Елены и вообще классическаго миѳа, то Гомеровы черты этой Елены, по нашему мнѣнію, сказались бы ярче, характернѣе—и образъ былъ бы полнѣе, осязательнѣе и, если можно, такъ-сказать индивидуальнѣе.

Наша Дѣва-обида, какъ мѣтко указалъ А. Н. Веселовскій, по своему характеру и не довольно опредѣленному облику, походитъ на образъ «Судьбы», какъ именуется она въ «Причитаніяхъ Сѣвернаго края»:

Судинушка по бережку ходила,
Страшно ужасно голосомъ водила;
Во длани Судинушка плескала
И до суженыхъ головъ да добералась.

Но почему Дѣва-обида является въ «Словѣ» «крылатою»?

Г-нъ Веселовскій объясняетъ это творчествомъ автора «Слова», говоря, что представленіе Дѣвы лебедью, по общему закону развитія миѳа, естественно вызвало его воображеніе и къ украшенію ея «крыльями». Однако знаменательно, что въ народной поэзіи красная дѣвушка всего чаще рисуется въ образѣ бѣлой лебедушки, но нѣтъ примѣра, чтобы сама Дѣва, оставаясь таковою, изображалась съ лебедиными крыльями.

Едва ли не вѣрнѣе думать, что образъ крылатой Дѣвы, вступившей на землю Трояню, взятъ изъ круга миѳологическехъ преданій дружиннаго цикла. Въ одномъ старо-русскомъ поученіи, въ рукописи XVI вѣка, мы читаемъ, напримѣръ, слѣдующее: **«Двца есть «крилѣ имущи» златѣ, бѣло имущи лице, «крылата есть» и легка. Оу пртола стоящи црьска внегда соумся внезапу прѣстоитъ и авлѧеса».**

Не можемъ также опустить здѣсь изъ виду русскихъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Дѣвы; таковы, напримѣръ:

Дѣвица смердячая (село Воронежской губ.).

Дѣвичьи горы (возвышенности на правомъ берегу Волги, Сарат. губ. Хвалын. уѣзда; начинаются отъ села Алексѣевки и тянутся до окрестностей Вольска).

Дѣвичьи дубровки (село Пензенской губ.).

Дѣвичье городище (Курской губ. Путивльскаго уѣзда).

Дѣвій камень (гора, Пермской губ. Чердынскаго уѣзда, на правомъ берегу рѣки Колвы; на восточной сторонѣ горы, на срединѣ высоты ея, находится пещера, которая простирается въ гору на 200 саженъ и пересѣкается далѣе озеромъ; входъ въ пещеру имѣетъ видъ трещины до $^1/_2$ аршинъ; гора состоитъ изъ извѣстняка и не обыкновенно круто падаетъ къ рѣкѣ Колвѣ; въ одной верстѣ отъ этой горы

находится другая *Дѣвья гора*, высотою до 560 фут. съ слѣдами древняго городища, въ которомъ, по преданью, жила Дѣва, управлявшая чудскимъ народомъ. (Поповъ, Опис. Хозяйств. Пермской губ. ч. 1, стр. 9).

Извѣстно, что въ спискѣ книгъ Константина-Порфиророднаго, которыя долженъ имѣть императоръ въ своей библіотекѣ, значится, между прочимъ, «Встрѣчникъ», т.-е. указатель разныхъ воинскихъ повѣрій и примѣтъ относительно удачъ и неудачъ похода. Имѣя въ виду строй и характеръ кіевской дружинной Руси и связь ея съ Византіей, не странно допустить, что и среди ея могъ обращаться подобнаго же рода «указатель удачъ и неудачъ походовъ». Изъ круга этихъ-то дружинныхъ преданій, хотя бы даже классическаго характера, и могла явиться въ „Словѣ" «Дѣва-обида съ лебедиными крыльями». Подобно тому, какъ въ классической поэзіи выступаетъ богиня Ἔρις—богиня вражды и распри, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, наша «Дѣва-обида» тамъ, гдѣ рѣшается рокъ крамольнаго похода Игоря, также является какъ разжигательница княжескихъ страстей и усобицъ.

VII. *Троянъ.* Одно изъ самыхъ неопредѣленныхъ миѳическихъ именъ «Слова»—это, безъ сомнѣнія, есть имя Трояна. Имя это, какъ извѣстно, встрѣчается въ «Словѣ» четыре раза; здѣсь упоминаются «вѣка Трояновы» и «седьмой вѣкъ Трояновъ», «тропа Троянова» и «земля Троянова».

Имя Трояна—есть имя обычное у южныхъ славянъ. У сербовъ и болгаръ до нынѣ сохранились преданія о какомъ-то миѳическомъ существѣ Троянѣ или Троимѣ, связанныя съ мѣстными урочищами, извѣстными подъ именемъ «Трояновыхъ». По сербскимъ преданіямъ, Троянъ боится солнечнаго свѣта и выходитъ изъ дома только по ночамъ—и, наконецъ, погибаетъ, растопившись отъ солнечнаго жара: иногда онъ представляется съ козьими ушами, иногда съ тремя головами и восковыми крыльями, которыя тоже отъ солнца растаиваютъ. Въ болгарскихъ пѣсняхъ воспѣвается языческій городъ Троянъ или Троимъ, жители котораго поклонялись золоту и серебру.

Едва ли не такое господство Трояна у южныхъ славянъ и было главнымъ поводомъ къ построенію разсмотрѣнной нами гипотезы о византійско-болгарскомъ прототипѣ «Слова». Но въ данномъ случаѣ не мѣшало бы имѣть въ виду и то, какъ широко употреблялось имя Трояна и на русской землѣ.

Извѣстны «*Трояновы валы*» въ южной Россіи. Кіевскіе Трояновы валы берутъ начало ниже Кіева, на правой сторонѣ Днѣпра, гдѣ рѣка Росъ изливаетъ въ него свои воды, и въ разныхъ направленіяхъ идутъ на сѣверо-западъ чрезъ уѣзды: Богуславскій и Васильковскій, Сквирскій и Кіевскій; изъ него входятъ въ радомысльскій, упираясь тутъ въ рѣку Звижъ, по другимъ—въ Припеть, впадающую въ Днѣпръ. Такимъ образомъ, Трояновы валы опоясываютъ Кіевъ. Не мало извѣстно на Руси и въ другихъ мѣстахъ географическихъ названій, связанныхъ съ именемъ Трояна. Есть, напримѣръ, *Троянъ* въ Таврической губерніи и *Троянъ* же въ Бессарабской области. Есть *Трояны*, *Троянка*, *Трояново* въ Херсонской губерніи. Есть *Троя* и *Трояновка* въ Полтавской губерніи. Есть *Трояновка* въ Волынской губерніи. Есть *Трояново* въ Орловской губерніи—и есть, наконецъ, *Троянкова* въ Калужской губерніи,

Нѣтъ сомнѣнія, что со всѣми подобными географическими названіями связаны въ народѣ какія-нибудь миѳическія преданія. Въ ожиданіи о томъ свѣдѣній отъ мѣстныхъ изслѣдователей, мы, съ своей стороны, можемъ лишь только замѣтить, что не даромъ же, конечно, и одинъ изъ кіевскихъ сосѣднихъ валовъ называется «*Змѣинымъ*».

Всѣ эти данныя должны сдержать порывы увлеченія болгарскими и сербскими именами Трояна и должны остановить вниманіе изслѣдователя прежде всего на значеніи этого имени на русской землѣ.

Въ Русскихъ историческихъ актахъ не мало является и лицъ съ именемъ *Трояна*; таковы: *Троянъ* Сулувскій (Арх. М. ин. д. 1649 г. св. 235, 80). *Троянъ* Піотровскій (Арх. югоз. Р. V, т. I, стр. 216—219).

Троянъ крестьянинъ (Ibid. VI, т. 1). Панъ *Троянъ* (Ibid. III, т. 1 стр. 280). *Трояновскихъ*—множество. Эта извѣстность имени Трояна на Руси достаточно показываетъ, въ какой мѣрѣ научно предположеніе, будто это имя принадлежитъ только южнымъ славянамъ и будто авторомъ «Слова» взято оно напрокатъ изъ болгарскихъ книжекъ.

Различны мнѣнія изслѣдователей объ этомъ Троянѣ. Одни разумѣютъ подъ нимъ римскаго императора Трояна (Карамзинъ, Максимовичъ и другіе), но такія выраженія, какъ «вѣка» Трояна, «седьмой вѣкъ» Трояна никакъ не могутъ быть объяснены лицомъ историческаго Трояна, какъ бы ни славна была его дѣятельность и какъ бы ни было грандіозно значеніе его въ славянской исторіи. Не бывало народа, который велъ бы свое лѣтосчисленіе отъ враждебнаго себѣ лица, отъ завоевателя и угнетателя.

Другіе (кн. П. П. Вяземскій) узнаютъ здѣсь въ имени Трояна преданія о тѣхъ Троянахъ, противъ которыхъ греки сражались подъ Троей. Сближенія кн. Вяземскаго сами-по-себѣ любопытны и много помогаютъ разъясненію смысла и всемірной распространенности древне-класическаго миѳа; но выраженія «Слова» о «вѣкахъ», «землѣ» и «тропѣ Трояновыхъ» такъ кратки и неопредѣленны, что едва ли могли явиться здѣсь и быть вызваны въ сознаніи его непосредственно преданіями Гомерова эпоса. Если бы дѣйствительно была такая генетическая связь выраженій «Слова» съ этими преданіями, то она непремѣнно, по нашему мнѣнію, отразилась бы здѣсь не въ такихъ туманныхъ намекахъ на Гомеровъ эпосъ, но въ болѣе полныхъ и грандіозныхъ, а главное—въ болѣе осязательныхъ и ясныхъ его слѣдахъ.

Не отрицая въ разбираемыхъ выраженіяхъ «Слова» указанія на такъ-называемыя троянскія событія въ обширномъ смыслѣ, А. Н. Веселовскій предлагаетъ новое и болѣе, такъ-сказать, мѣстное ихъ объясненіе. Онъ останавливаетъ свое вниманіе на томъ фактѣ, что Фредегаръ и неизвѣстный авторъ сочиненія: «Gesta Francorum», пріурочившіе, какъ извѣстно, къ Франкамъ культурныя преданія Рима, восходившія къ Энею и Троѣ, находятъ еще троянцевъ-тюрковъ: пер

вый—на берегахъ Дуная, а другой, анонимный авторъ заставляетъ пребывать ихъ нѣкоторое время у устьевъ Дона. Авторъ «Слова», по мнѣнію г-на Веселовскаго, знавшій объ азовскихъ готахъ, зналъ и объ азовскихъ тюркахъ, остаткахъ разбросанной здѣсь нѣкогда значительной хозаро-болгарской дунайской орды. «Надо предположить, — говоритъ онъ, — что автору «Слова» была извѣстна какая-нибудь историческая сказка, въ родѣ той, какую пріурочили къ франкамъ Фредегаръ и «Gesta Francorum», и тогда понятно будетъ, почему земля Тюрковъ на Дону явилась у него землею Троянскою и откуда взялось у него общее мѣсто о вѣкахъ Трояновыхъ». Съ своей стороны мы замѣтимъ, что въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ историческихъ сборниковъ вмѣсто названія Татаръ употреблено выраженіе «*Трояни улусы*».

Но какъ ни правдоподобно это предположеніе г. Веселовскаго, мы считаемъ однако нужнымъ замѣтить, что выраженія въ «Словѣ» — «Троянъ», во-первыхъ, не представляютъ только одно общее мѣсто, но художественнымъ образомъ Трояна выражается извѣстное и опредѣленное качество, которое само-собою давалось непосредственному разумѣнію той братіи, къ которой обращено «Слово»; во-вторыхъ, вѣка Трояна, по связи мыслей, относятся къ старинной, до-Ярославовой «эпохѣ русской земли», а не къ донской землѣ Торхота,—и, въ-третьихъ, наконецъ, еслибы эти мѣста о Троянѣ были взяты изъ какого-нибудь предполагаемаго средне-вѣкового сказанія въ указанномъ родѣ, то трудно представить, чтобы это заимствованіе сказалось такъ неопредѣленно. Эта краткость выраженій указываетъ на противъ, что для автора «Слова», какъ и всей его братіи, образъ Трояна—какъ и другіе подобные образы—вырваны изъ живого преданія и непосредственно давали себя понимать каждому живописной своей чертой и выражаемымъ ею качествомъ.

Гораздо ближе къ истинѣ, по нашимъ соображеніямъ, мнѣніе тѣхъ ученыхъ, которые въ «Троянѣ» «Слова» видятъ «древнее божество славянъ». Представителемъ этого мнѣнія въ литературѣ «Слова» является Ѳ. И. Буслаевъ. Если оно и кажется нѣсколько

искусственнымъ, то лишь потому, что недостаточно выяснено то качество, которое дается образомъ этого божества. «Троянъ» представляется лишь только существомъ миѳическимъ, стихійнымъ, наравнѣ съ вилами, русалками и т. д.

Въ послѣднее время, однимъ изъ нашихъ почтенныхъ историковъ, Ив. Е. Забѣлинымъ, высказаны весьма оригинальныя соображенія о характерѣ и бытовомъ значеніи этого божества. Въ немъ видитъ онъ верховнаго «представителя трехбратняго рода», отъ котораго собственно и расплодилось русское славянство. Миѳъ о Троянѣ рожденъ именно народнымъ представленіемъ цѣлости и полноты рода въ 3-хъ сыновьяхъ и служитъ корнемъ развитія прочнаго народнаго быта [1].

Мнѣніе это далеко не такъ фантастично, чтобы на него не стоило обращать вниманія, какъ выразился о томъ В. Ѳ. Миллеръ [2].

Чтобы понять, какое именно качество соединялось съ именемъ Трояна въ кіевской дружинной Руси, нужно лучше всего обратиться къ Волохамъ, о которыхъ то-и-дѣло упоминаетъ «Кіевская Лѣтопись». Донынѣ этотъ Троянъ нигдѣ такъ не властвуетъ надъ умами, какъ въ Молдавіи, Малой Валахіи и Трансильваніи. Румыны,— говоритъ Убичини [3], — не могутъ ни на небо смотрѣть, ни грома слышать, ни на землю взглянуть, безъ того, чтобы не представить при этомъ Трояна.

Нѣтъ сомнѣнія, что такою живостію представленій Трояна Румынія обязана историческому имени императора Траяна, завоевателя Дакіи, обратившаго ее въ римскую провинцію. Если его историче-

[1] «Исторія русской жизни» т. I, стр. 521—522.

[2] Взглядъ на «Слово о полку Игоревѣ», стр. 109.

[3] Ballades et chants populaires de la Roumanie, recueillis et traduits avec une introduction, par M. A. Ubicini. 1858. Paris.

скій образъ разукрашенъ чертами миѳическаго гиганта, исполина [1], то, съ другой стороны, уцѣлѣвшіе слѣды дѣятельности этого императора, предпринятые имъ для развитія и огражденія отъ степи этой провинціи (валъ Трояновъ, дорога Трянова, мостъ Траяновъ), въ свою очередь должны были поддерживать преданія о миѳическомъ значеніи Трояна.

Млечный путь (астрономическій) до сихъ поръ у румынъ называется «путемъ Трояна» (Callia luj Trajan).

Сугробы снѣга — донынѣ называются здѣсь «снѣгами Трояна» (Trajan de zpada). Зимою часто говорятъ здѣсь: не могу туда-то ѣхать потому, что Трояны (громадные снѣга) велики (die Trajanes sind zu gross) [2].

Широкое, необъятное поле называется «полемъ Трояна» (Campu luj Trajan). Курганы и высокія холмы называются «могилами Трояна» (Trajan de pament).

Итакъ, для потомковъ Волоховъ Троянъ видѣнъ донынѣ и въ млечномъ пути на небѣ, и въ широкомъ безводномъ полѣ, и въ высокихъ холмахъ, курганахъ и могилахъ. Величіе этого божества сказывается въ грандіозныхъ и поразительныхъ явленіяхъ природы, служащихъ по большой части преградами для силъ человѣческихъ.

Если мы представимъ при этомъ, что Кіевъ тяготѣлъ къ придунайской землѣ, какъ къ своей родинѣ, что Святославъ Храбрый

[1] Здѣсь, вѣроятно, родилось преданіе, которое дошло и до насъ въ одной изъ рукописей XVII в., подъ заглавіемъ «повѣсть Трояна Кесаря римскаго», будто Троянъ происходилъ отъ Унгровъ изъ Трансильваніи. «Какъ пришли Хоттеня 300,000 на нево, пали въ его государства и его самого загнали въ великую болоту; тутъ онъ скочилъ своимъ конемъ и потонулъ съ конемъ совсѣмъ и ни ево, ни коня его не нашли».

[2] За не пониманіемъ Румынскаго выраженія, мы попросили г. Точилеско, отъ котораго записаны эти данныя, передать намъ это выраженіе по-нѣмецки.

говорилъ даже: «хочу жить въ Переславлѣ на Дунаѣ, то бо есть среда земли моей», то для насъ совершенно будетъ понятно, какъ эти преданія о Троянѣ,—до нашихъ днѣй уцѣлѣвшія въ Молдавіи,— были близки представленіямъ кіевской Руси.

Припомнимъ теперь выраженія «Слова» о Троянѣ. Намѣреваясь воспѣть геройское движеніе къ Дону полка Игорева, авторъ «Слова» говоритъ: «Рища въ тропу Трояню чрезъ поля на горы,—пѣти было пѣснь Игореви того внуку».

Безполезно разсуждать о томъ, что называется «тропой»: смыслъ этого слова понятенъ всякому русскому крестьянину; какъ «тропать» значитъ оставлять слѣдъ, такъ «тропа» означаетъ дорожку, «протоpенную слѣдомъ скота или человѣка».

Авторъ «Слова» самъ объясняетъ почему называетъ онъ путь къ Дону—«тропою Трояна»... Тропа эта слѣдовала «чрезъ поле... а поле это, какъ говоритъ Ярославна, было безводно (campu Trajanus). Далѣе тропа слѣдовала «чрезъ горы»,.. Мысль о переходѣ чрезъ эти горы заставила автора воскликнуть «о! русская земля! Уже за шеломемъ еси!» (Trajan de pament).

Отсюда понятно, что̀ значитъ въ «Словѣ» «рища въ тропу Трояну чрезъ поля на горы»...

Воображенію поэта—путь, который предлежалъ полку Игоря, по безводности полей, по грандіозности холмовъ казался путемъ, гдѣ такъ сказывалась мощь Трояна: пройти этотъ путь—значило совершить необычайные подвиги, значило пройти поле Трояна (campu Trajanus) и «горы Трояна» (Trajan de pament).

Земля у Дона, земля приморская, своими вѣковыми валунами не иное впечатлѣніе могла производить на эпическаго человѣка, какъ и трудная дорога къ ней «чрезъ поля на горы». Здѣсь онъ долженъ былъ видѣть то же владычество Трояна, ту же мощь, какъ и въ горахъ, которыя вели къ ней. Дѣва-обида спустилась на землю Троянову,

т.-е. на «берегъ граней холмовъ вѣковыхъ» и сплескалась лебединымъ крыломъ на синемъ морѣ...

Но что значитъ «вѣка Трояна?»

Выше мы замѣтили, что мнѣніе о Троянѣ, какъ представителѣ трехбратняго рода, не такъ фантастично, какъ думаютъ другіе: въ Молдавіи донынѣ старшій братъ называется Трояномъ (badea Trajan): точно также и братъ особенно дорогой («badica Trajan»).

Но если въ патріархальную эпоху Троянъ и былъ миѳическимъ представителемъ славянскаго рода, то въ «Словѣ о полку Игоревѣ»— съ «вѣками Трояна» соединено, по нашему мнѣнію, нѣсколько иное представленіе.

Для лучшаго уясненія передадимъ это мѣсто въ общей связи мыслей. Свивая рать Игореву съ старымъ временемъ Ярослава и Олега, авторъ счелъ нужнымъ связать и это время съ болѣе древней вѣковой русской исторіей:

Были, говоритъ онъ, вѣка Трояновы,
Минули годы Ярославовы,
Были походы Олеговы.
.

То было въ ты рати и въ ты полки, но сицей рати не слышано.

Съ вечера до ра́звѣта
Летятъ стрѣлы каленыя,
Гремятъ сабли о ше́ломы и т. д.

Нельзя не видѣть, что общій признакъ всѣхъ этихъ эпохъ— «брань и рать»— и всѣ онѣ ставятся въ относительное положеніе одна къ другой.

Допуская, что въ патріархальную эпоху Троянъ былъ представителемъ славянскаго рода, мы полагаемъ, что съ развитіемъ славянскаго племени и выступленіемъ его на историческое поприще, онъ сталъ

національнымъ покровителемъ, поборникомъ славянства, божествомъ его героической славы.

По крайней мѣрѣ,—для дружинной кіевской среды онъ, какъ видно, былъ «богомъ ратей и браней».

Затѣмъ, какъ извѣстно, слѣдуетъ описаніе самой брани.

По видимому въ Бояновскомъ пѣснотворчествѣ этотъ миѳическій властиленъ славянства, полубогъ, былъ такимъ средоточнымъ лицемъ, какимъ является князя Владиміръ въ былинахъ Кіевскаго цикла. Къ его имени прикрѣплялись цѣлые вѣка славянской исторіи.

Что касается VII-го вѣка, въ который выступилъ Всеславъ на добываніе Кіева, то всего вѣроятнѣе, что это число имѣетъ эпическое значеніе и связано съ «хронологіей Трояна». Впрочемъ, такъ какъ вѣками Трояна авторъ «Слова» обозначаетъ дѣйствительную древнѣйшую эпоху русскаго славянства, то VII-й вѣкъ можно считать отъ начала выступленія славянъ на всемірное историческое поприще. Первое вторженіе Болгаръ во Фракію и Мидію было, какъ извѣстно, въ 500 г. по Р. Х. Кто бы ни были эти Болгаре, вторшіеся въ придунайскіе области въ концѣ V вѣка, важно для насъ то, что это вторженіе имѣло огромное значеніе въ исторіи Славянъ или Дунявянъ, какъ называли ихъ въ Византіи; (οἱ Σκλαβηνοὶ καὶ Φυσωνῖται, οἱ καὶ Δανȣ́βιοι προσαγορευόμενοι) съ этого именно времени начинается Славяно-болгарская исторія. Вѣка, прошедшіе съ этого времени до времени Всеслава—равняются дѣйствительно болѣе чѣмъ шести вѣкамъ. Въ теченіи всѣхъ этихъ вѣковъ—много было браней, въ которыхъ сказалась героическая слава Славянства и потому они могли быть названы вѣками Трояна.

Впрочемъ мы не стоимъ за это соображеніе, и повторяемъ, что въ данномъ случаѣ число *семъ,* по всей вѣроятности, имѣетъ скорѣе эпическое, а не историческое значеніе. Мы старались, по возможности, выяснить тѣ качества, которыя даются намъ именами боговъ, какъ художественными образами «Слова», по связи ихъ съ его мы-

слями; какъ ни скудны эти данныя, но все же проливаютъ нѣкоторый свѣтъ на характеръ до-исторической русской космогоніи и драгоцѣнны уже потому, что являются единственнымъ указателемъ не только божескихъ именъ, но и нѣкоторыхъ ихъ аттрибутовъ, и единственнымъ не только въ русской писменности, но и во всемъ славянскомъ мірѣ.

Но что̀ особенно важно, эти божескія имена, какъ художественные образы, не стоятъ внѣ, такъ-сказать, общаго взгляда и направленія «Слова»; напротивъ, авторъ до того находился подъ воздѣйствіемъ старыхъ словесъ Бояна, что все свое произведеніе построилъ на «эпической основѣ». Чтобы вполнѣ оцѣнить художественность «Слова», для этого нужно изучать его не въ отдѣльныхъ только фразахъ и оборотахъ, но и въ цѣлой его картинѣ и въ свѣтовыхъ отливахъ этой картины.

Авторъ «Слова» не излагаетъ въ немъ цѣлой системы миѳовъ— но лишь касается ихъ на столько, на сколько они служили ему для освѣщенія и эпическаго объясненія факта. Миѳъ проникаетъ въ «Слово», какъ прагматическій элементъ въ историческое изложеніе событій.

Какъ ни прекрасны были Бояновы пѣсни, но дѣйствительность была такова, что трезвое отношеніе къ ней не позволяло давать слишкомъ много мѣста «Боянову замышленію».

Рядомъ съ развитіемъ въ «Словѣ» идеи единства земли русской развивается идея, что обычное теченіе вещей находится подъ воздѣйствіемъ верховныхъ силъ, правящихъ міромъ. На событіе поход-Игоря и на весь порядокъ дѣлъ кіевской Руси накинутъ, такъ-сказать, верховный порядокъ судебъ Божіихъ: изъ этого-то религіознаго освященія и вытекаетъ эпическій характеръ «Слова»—и здѣсь получаютъ всю свою важность историческія событія и здѣсь же таится объясненіе высокаго поэтическаго значенія «Слова»:

Событія открываются предъ нами вѣщимъ предзнаменованіемъ солнца. И если въ «Лѣтописи» описывается это предзнаменованіе,

какъ естественное явленіе природы: «и видѣ Игорь солнце, стоящее яко мѣсяцъ», то въ «Словѣ» солнце дѣйствуетъ какъ будто живое существо и загораживаетъ предъ нимъ дорогу: «солнце мракомъ ему путь заступало».

Какое властное и могучее дѣйствіе произвело это явленіе на дружину, объ этомъ говоритъ намъ лѣтописецъ: «и видѣша вси мужи и поникоша главами и рекоша: «княже, се есть не надобро знаменіе се». Но, замѣчаетъ «Слово», рьяность въ князѣ умъ охватила и тосненіе напиться шеломомъ изъ Дона знаменіе мѣсто въ немъ заступило. Игорь идетъ вопреки знаменію солнца, но судьба непреложна: вѣщее предзнаменованіе должно оправдаться: его ждетъ неизбѣжная гибель.

Наступаетъ грозная ночь, которая приводитъ въ страшный переполохъ и птицъ, и звѣрей.

Выступаетъ на сцену какое-то страшилище—какой-то Дивъ, поднимается на вершину дерева и сзываетъ поганую силу: кликъ его раздается на Волгѣ и Поморьѣ, по Сулѣ и Сурожу и доносится, наконецъ, до Тмутораканскаго болвана.

Стрѣлы, ожидавшія Игоря, были губительны и смертоносны: ихъ навѣвали вѣтры, Стрибоговы внуки. Кромѣ Дива, созвавшаго поганую силу, на поле брани выступаетъ Стрибогъ, вѣя на Игоря смертоносныя стрѣлы.

Бывали же брани и усобицы при Олегѣ и Ярославѣ; прошли и цѣлые вѣка браннаго Трояна, родоначальника Славянства и его героической славы, но такой брани, какъ брань Игоря, не слыхано.

Какъ ни славно было геройство его и его дружины, однако, Игорь и чрезъ него вся русская земля должны были испить всю чашу бѣдствій отъ начатаго имъ похода вопреки вѣщему знаменію солнца.

Бились день, бились другой,
А на третій къ полудню
Стяги Игоревы пали!

Но откуда возникли эти княжескія крамолы? Гдѣ источникъ этихъ раздоровъ и связанныхъ съ ними всѣхъ бѣдствій русской земли?

Историкъ-прагматикъ сталъ бы отыскивать причинъ этого явленія въ ряду разныхъ историческихъ условій и фактовъ; лѣтописецъ видитъ причину ихъ въ дьяволѣ: то бо все дьяволе наученіе, говоритъ онъ; дьяволъ бо сваживаетъ ны; дьяволъ воздвиже кóтору нѣкую; но авторъ «Слова», находившійся подъ воздѣйствіемъ Боянова пѣснотворчества, не могъ иначе объяснить княжескихъ усобицъ какъ эпически.

Встала обида въ силахъ Дажь-божьяго внука,
Вступила Дѣвою на землю Трояню,
Всплескала лебедиными крылы на синемъ морѣ.
У Дону плещучись,
Убудила жирны времена.

Братъ сталъ говорить брату: се мое, а то—мое же, и про малое князья стали говорить: се великое.

Межъ собою стали они крамолу ковать,
А поганые со всѣхъ сторонъ съ побѣдами
Приходили на землю русскую.

Таково прекрасное эпическое объясненіе всѣхъ княжескихъ усобицъ и раздоровъ, губившихъ русскую землю! Источникъ ихъ указывался въ порядкѣ высшихъ силъ правящихъ міромъ.

Подобно тому, какъ въ классической поэзіи выступаетъ богиня Ἔρις, богиня вражды и распрей, которую Зевсъ посылалъ для возбужденія усобицы между людьми, и въ нашемъ драгоцѣнномъ «Словѣ»—на полѣ брани, гдѣ рѣшается рокъ крамольнаго похода Игоря—выступаетъ Дѣва-обида, разжигательница человѣческихъ страстей и браней и, спустившись на гранитные скалы великана Трояна лебединымъ крыльемъ плещетъ на синемъ морѣ. Она—эта Дѣва—пробудила въ князьяхъ усобицы и брани. Она навела всѣ бѣдствія на русскую землю: самъ Игорь съ полкомъ своимъ только несчастная жертва плесканья этой крамольной и губительной Дѣвы-обиды. О! далеко зашелъ ты, соколъ, птицъ бья къ морю. Но не воскресить уже полку Игоря!

Самый слухъ о несчастіи Игоря «Слово» изображаетъ намъ въ образѣ сна Святославова. Сонъ этотъ имѣетъ внутреннюю связь съ вѣщимъ солнечнымъ предзнаменованіемъ, предостерегавшимъ Игоря отъ его крамольной затѣи. Онъ самъ не что иное, какъ такое же вѣщее откровеніе объ исполненіи этого предзнаменованія.

Сдѣлавъ Святослава средоточіемъ идеи единства земли русской, авторъ «Слова» дѣлаетъ и душу его органомъ для таинственнаго голоса, вѣщающаго о судьбѣ крамольнаго похода Игорева.

Въ самомъ толкованіи этого сна выражается, на какой поэтической высотѣ стоитъ авторъ «Слова» и какимъ свѣтомъ освѣщаетъ онъ историческіе факты.

Сила темная возобладала надъ силами свѣта. Кликъ Дива, собравшій полчища поганыхъ, увѣнчался успѣхомъ: онъ кончилъ свое дѣло и съ вершины дерева повергся на землю. Игорь побѣжденъ, и Половцы ликуютъ свою побѣду. Таковъ смыслъ вѣщаго сна Святославова.

Въ подобномъ же внутреннемъ отношеніи къ вѣщему предзнаменованію солнца стоитъ и прекрасный плачъ Ярославны. Онъ есть не что иное, какъ заклинательная мольба къ богамъ о спасеніи любимаго и дорогого существа. Авторъ не просто разсказываетъ здѣсь, какъ лѣтописецъ, о бѣгствѣ Игоря, но самую удачу этого бѣгства изображаетъ слѣдствіемъ этой борьбы и путемъ спасенія, устроеннаго самимъ Богомъ.

Такъ всякій историческій фактъ авторъ «Слова» ставитъ подъ воздѣйствіе высшихъ, невидимыхъ силъ и причинъ. Идея судьбы, суда Божія, не разъ высказывается имъ прямо и относительно отдѣльныхъ князей. Такъ, говоря о Борисѣ Вячеславичѣ, павшемъ на Нежатиной нивѣ, онъ замѣчаетъ, что «слава его на *судъ привела* и на нивѣ зеленой погребальной покровъ постлала». Изображая волшебнаго Всеслава, онъ также прибавляетъ: «тому первое припѣвку смысленный рече: ни хитру, ни горазду, ни птицею горазду, *суда Божья* не минути».

Это-то эпическое міросозерцаніе, проникающее «Слово», какъ внутренняя его стихія, какъ душа историческихъ фактовъ, и служитъ, безъ сомнѣнія, основой его высоко-художественнаго значенія. Многіе образы прекрасны не сами только по себѣ, но въ ихъ соотношеніи къ этому эпическому міровоззрѣнію. Живописныя черты ихъ получаютъ особенную свою выразительность не въ силу только соотвѣтствія своему понятію, но въ силу верховнаго порядка, накинутаго на обычное теченіе человѣческихъ дѣлъ. При кликахъ Дива, при вѣяніяхъ стрѣлами Стрибога, при Дѣвѣ-обидѣ, получаютъ особенное поэтическое значеніе и карканіе вороновъ, и клекотъ орловъ, и завываніе звѣрей. Отсюда же, безъ сомнѣнія, вытекаетъ теплота и жизненность образовъ, выхваченныхъ изъ явленій природы, таковы, напр., «никнетъ трава отъ жалости, идутъ сморцы мглами; земля стучитъ, рѣки текутъ мутно; пыль поля покрываетъ». Подъ воздѣйствіемъ эпическаго міровоззрѣнія, вся природа является здѣсь какъ-бы одушевленнымъ лицомъ. Она полна сочувствія къ человѣку. Она угрожаетъ предвѣствіемъ—и она же откликается на радость. Всѣ явленія природы—здѣсь чувства одной и той же души, струны одного органа, члены одного тѣла. Только авторъ, находившійся подъ воздѣйствіемъ словесъ Бояна, могъ такъ живо и цѣльно понимать природу. Проглядываютъ здѣсь иногда картины природы сѣверной: таковъ напр., унылый образъ дерева, отъ туги къ землѣ наклонившагося: эта туга — едва ли не тяжесть снѣга, нагибающая къ землѣ древесныя вѣтви и дающая ему плакучій видъ. Но еще замѣтнѣе здѣсь картины природы южной. Онѣ схвачены и собраны воедино Максимовичемъ, обладавшимъ особеннымъ чутьемъ къ степной природѣ. «Стада вороновъ, галокъ, лебедей; орлы и соколы, чайки и гоголи, дятлы и сороки проносятся въ «Словѣ»,—говоритъ онъ,—какъ по степямъ южнымъ. Трава зашумѣла, когда двинулись шатры половецкіе — не степная ли это трава? Земля тутнетъ, кликну-стукну земля,—не созданы ли эти выраженія поэтомъ, который часто прислушивался къ гулу степи, къ ея чуткому отзыву на всякое движеніе? Телѣги скрипятъ въ полунощи, какъ лебеди распуганныя, эта краска не снята ли со степей малорусскихъ, гдѣ и теперь еще скри-

пятъ обозы чумаковъ и этотъ скрипъ ярче отдается въ ночной тишинѣ ровнаго поля? Всѣ отголоски ярки въ этомъ «Словѣ», какъ въ степи: Овлуръ свиснулъ за рѣкою и черезъ свистъ переговаривается съ княземъ. «Слово» такъ же богато растительностію, какъ и южная природа: рѣки стелютъ зеленую траву на серебряныхъ, т.-е. бѣлопесчаныхъ берегахъ своихъ и теплые туманы поднимаются отъ волнъ ихъ; текутъ они своенравно и струги оставляютъ на кустахъ».

До такой осязательности русская природа отражается въ «Словѣ». Она, какъ и кіевская Русь, всецѣло прикрѣпляетъ его къ національной русской литературѣ.

И если «Слово» въ такой полнотѣ изображаетъ предъ нами дружинно - кіевскую Русь, какъ мы видѣли; если языкъ его воплощаетъ въ себѣ даже всѣ картины русской природы, то не наивно ли думать, что авторъ «Слова» лишь нѣсколько миѳическихъ выраженій взялъ изъ болгарской книжки, чтобы прикрѣпить ихъ къ своимъ прекраснымъ картинамъ, не понимая ихъ значенія, и не изучивъ этого миѳа по русскимъ даннымъ, для его объясненія предлагать византійско-болгарскій прототипъ, котораго въ дѣйствительности не существуетъ?

VI.

„СЛОВО" ВЪ ЕГО ОТНОШЕНІИ КЪ „СЛОВАМЪ БОГАТЫРСКИМЪ".

Сближеніе «Слова» съ такъ называемой великорусской былиной.—Взгляды ученыхъ на происхожденіе и существо былины.—Зарожденіе былины на богатырской могилѣ и развитіе ея на основѣ предшествовавшаго героическаго эпоса.—Кіевская дружинная Русь въ «Словѣ» и былинѣ.—Опытъ сближенія былины съ миѳологіей «Слова».

Есть и еще наконецъ живой свидѣтель всецѣло - національнаго происхожденія «Слова»—это великорусская былина.

Уже одно наше намѣреніе сближать «Слово» съ былиною становится въ разладѣ съ мнѣніемъ нѣкоторыхъ ученыхъ. «Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», говорятъ, нѣтъ уже и тѣни чего-либо богатырскаго, мало даже и чисто эпическаго [1], и потому, казалось бы, не слѣдовало и дѣлать попытки подобныхъ сближеній. Но какъ ни различны эти памятники по идеѣ, складу и языку, они на нашъ взглядъ все-таки имѣютъ много общихъ сторонъ, и, исходя отъ разныхъ національныхъ слоевъ, рисуютъ предъ нами болѣе или менѣе одну и ту же общественную среду.

[1] «Илья Мур. и Кіев. богат.», О. Миллера, стр. XII.

Мы уже имѣемъ богатую литературу о великорусской былинѣ, но она далеко не исчерпываетъ всѣхъ существенныхъ сторонъ ея историческаго и литературнаго значенія.

Первый вопросъ, который представляется при ея изученіи, состоитъ въ томъ, какая самая существенная сторона въ былинѣ,— фактъ или миѳъ. Является ли здѣсь чудесное только прикрасою историческаго факта, служа лишь обычнымъ отраженіемъ народной эпической мысли, особенно когда она касается предметовъ возвышенныхъ и чрезвычайныхъ, или же этотъ фактъ былъ только формою выраженія космогоническаго миѳа и надъ былинными очертаніями носится ясное и опредѣленное религіозное вѣрованіе.

Представителемъ перваго мнѣнія является Л. Н. Майковъ. За миѳы же въ былинѣ выступили Ѳ. И. Буслаевъ и О. Ѳ. Миллеръ. Для послѣднихъ въ былинѣ является эпосъ героическій; первый видитъ въ ней лишь только эпосъ историческій.

Изслѣдованія г. Майкова весьма замѣчательны въ своемъ родѣ. Историческія данныя собраны у него съ большою обстоятельностію, сгруппированы съ большимъ искусствомъ и дарованіемъ и даютъ слишкомъ осязательно чувствовать въ былинѣ присутствіе историческаго факта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго.

Но если еще и въ этомъ направленіи работы надъ былиной нельзя считать законченными, то изслѣдованія г. Майкова о стихіи чудеснаго въ былинѣ еще болѣе требуютъ новыхъ изысканій.

Положимъ, что чудесныя представленія былинъ служатъ здѣсь къ тому, чтобы придать болѣе идеальный характеръ богатырямъ и лишь только дополняютъ содержаніе, взятое изъ дѣйствилельнаго быта, но откуда, спрашивается, взялось это чудесное въ народномъ сознаніи?

Нѣкоторые образы возможно еще истолковывать, какъ гиперболическія сознанія фантазіи, но за то многіе изъ нихъ таковы, что не даются прямо дѣйствительностію и совершенно несообразны ни

съ видимой природой, ни съ природой человѣка. Подобнаго рода образы такъ обхватываютъ въ былинѣ фактъ, что представляютъ въ ней цѣлый слой иного порядка вещей и явленій.

Сама былина иногда прямо указываетъ на эту присущую ей стихію народныхъ вѣрованій и представленій. Таково напр., указаніе на миѳъ, связанный съ образомъ орла.

Мнѣнія Ѳ. И. Буслаева о миѳѣ въ былинахъ гораздо умѣреннѣе и сдержаннѣе, чѣмъ выводы О. Ѳ. Миллера.

Изслѣдованія перваго въ этой области основываются на почвѣ обще-арійскихъ преданій и направлены къ сближенію данныхъ русскаго эпоса съ эпосомъ различныхъ народовъ арійскаго корня—въ особенности германцевъ.

«Важнымъ недостаткомъ у Буслаева,—говоритъ О. Ѳ. Миллеръ,—является то, что у него съ недостаточною ясностію обособляются черты, роднящія насъ съ славянами, отъ чертъ, роднящихъ насъ съ арійцами вообще. Первыя должны быть слиты въ кругъ обще-славянскій, вторыя въ кругъ обще-арійскій. Отъ относительно позднѣйшаго осадка обще-славянскаго долженъ быть со всею яркостію отдѣленъ съ другой стороны и собственно русскій былевой слой, а равнымъ образомъ внимательно прослѣжены въ этомъ послѣднемъ всѣ обозначившіеся слои частные, осадившіеся отъ различныхъ періодовъ русской исторіи» [1].

Такъ опредѣлилъ и разграничилъ О. Ѳ. Миллеръ задачу—«сравнительно-критическихъ наблюденій надъ слоевымъ составомъ народнаго русскаго эпоса». «Только при этомъ,—говоритъ онъ,—могутъ обозначиться какъ эпическія черты нашего родства съ другими, такъ и эпическое отпечатленіе нашей народной личности» [2]).

Но эта самая сложная задача представляетъ и почти неодолимыя трудности. Читая былины, нельзя не видѣть, что космогоническій

[1] «Илья Мур. и Кіевск. был.», IX—X.

[2] Тамъ же, X.

миѳъ прямо и непосредственно не выступаетъ здѣсь въ своей яркости и характерной опредѣленности, что онъ сказывается здѣсь только въ отрывочныхъ эпическихъ картинахъ и нѣкоторыхъ отдѣльныхъ образахъ и что онъ связанъ здѣсь съ живыми историческими лицами, которыхъ народъ какъ будто видитъ и знаетъ сегодня и съ такими иногда мѣтко подмѣченными историческими чертами, которыя прямо указываютъ на преобладаніе факта въ народномъ сознаніи. При такого рода построеніи и укладѣ дошедшей до насъ былины, изслѣдователю предстоитъ большая опасность увлечься ея неопредѣленнымъ миѳическимъ содержаніемъ и, благодаря отдѣльнымъ ея образамъ и картинамъ, хотя бы то на основаніи сравнительнаго метода всецѣло наложить космогоническій миѳъ на типъ, совершенно историческій.

Увлекаясь сравнительнымъ методомъ и богатствомъ обще-арійскаго миѳологическаго матеріала, О. Ѳ. Миллеръ поспѣшилъ всецѣло прикрѣпить къ этому богатству и смыслъ нашей былевой поэзіи. Но дѣло въ томъ, что былевые образы и картины сами по себѣ непосредственно не возводятъ сознанія къ обще-арійскому преданію: они представляютъ прежде всего смыслъ болѣе прямой и обыкновенный; отъ этихъ былевыхъ образовъ въ его «Кіевскомъ богатырствѣ» не перекинуто моста, по которому сознаніе переносилось бы отъ земли на небо, отъ горъ и холмовъ—къ облакамъ и тучамъ, отъ сошки къ молніи и т. п. Связывая былину съ обще-арійскимъ преданіемъ, изслѣдователь недостаточно связалъ ее съ русской землей и слѣдами живыхъ народныхъ вѣрованій. А между тѣмъ такія народныя преданія, какъ преданіе о «золотой сошкѣ», такія миѳологическія пѣсни, какъ пѣсня донынѣ распѣваемая «при верченіи бороды Волоса», разсказы о «мѣстныхъ богатыряхъ», представляютъ ближайшій и драгоцѣннѣйшій матеріалъ, на основаніи котораго прежде всего должна быть изучаема наша былина. Только подобнаго рода данныя могутъ указывать въ ней нѣкоторые слѣды дѣйствительнаго миѳа.

Такія явленія природы, какъ гроза, какъ борьба страшныхъ тучъ съ молніей, даютъ себя знать слишкомъ ощутительно; явленія эти

слишкомъ торжественны и величественны, чтобы сказываться въ народномъ сознаніи лишь въ образѣ тѣсныхъ похожденій Ильи Муромца—отъ Мурома до Чернигова и отъ Чернигова до Кіева. Замыкать народныя представленія о такихъ величественныхъ явленіяхъ въ кругъ подобныхъ похожденій, по такимъ знакомымъ и недалекимъ мѣстамъ, и укладывать борьбу небесныхъ грозовыхъ силъ въ картину борьбы Ильи Муромца съ поганымъ идолищемъ и съ разбойниками, это значило бы слишкомъ съуживать творчество фантазіи народа русскаго, который и донынѣ нѣмѣетъ предъ этими грозными явленіями природы и благоговѣйно созерцаетъ Громовержца, ублажая его христіанскими словами: «Святъ, святъ, святъ Господь Богъ Саваоѳъ, исполнь небо и земля славы твоея!» Нѣтъ, въ богатырскихъ образахъ сквозятъ лишь слабые проблески космогоническаго миѳа, которые скорѣе даютъ намъ знать, что дѣйствительно существовалъ нѣкогда русскій героическій эпосъ, болѣе соотвѣтственный и явленіямъ природы, и бьющему донынѣ ключемъ народному творчеству.

Есть еще одна гипотеза тюрко-монгольскаго происхожденія великорусской былины. Вмѣсто отпечатлѣнія въ ней народной русской личности, В. В. Стасовъ увидѣлъ въ ней лишь отпечатокъ тюрко-монгольскихъ сказокъ. Не вдаваясь въ критику этой гипотезы, которая и безъ насъ достаточно оцѣнена и взвѣшена, съ своей стороны ограничимся замѣчаніемъ, что она доказала лишь то, въ какой мѣрѣ русскій человѣкъ не желаетъ имѣть дѣла съ своими прямыми русскими источниками. Не изучивъ былины въ связи съ Русскими лѣтописями, не собравъ былевыхъ памятниковъ письменныхъ, не принявъ во вниманіе народныхъ преданій о богатыряхъ мѣстныхъ, мы устремились для объясненія ихъ отыскивать данныя въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ и заранѣе отказавшись отъ присутствія въ былинахъ этнографической народной стихіи, подрывая существенное значеніе въ нихъ бытоваго факта, мы готовы были считать ихъ не только наслѣдствомъ отъ тюрко-монгольскаго племени, а даже жалкими копіями тюрко-монгольскихъ оригиналовъ. Порывъ углядѣть, какъ можно больше, чертъ нашей былины въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ увлекъ В. В. Стасова къ такого рода сравненіямъ, въ которыхъ сходство рѣшается не по

существеннымъ, а лишь по случайнымъ признакамъ, и даже иногда по одному общему слову. Та общеизвѣстная истина, что одинаковость представленій и образовъ часто является слѣдствіемъ одинаковыхъ условій природы и степени гражданственности, и указываетъ лишь на тождество законовъ развитія общечеловѣческой мысли—мало имѣетъ цѣны для этой теоріи. Ей нѣтъ дѣла до тѣхъ безконечныхъ различій, которые не позволяютъ отъ видимаго сходства предметовъ заключать къ ихъ генесису. Какъ эстетикъ, г. Стасовъ, увлекаясь мотивами и развитіемъ ихъ въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ и, забывая что эстетическое мотивированіе есть наипозднѣйшее явленіе въ развитіи миѳа, онъ прикидываетъ аршинъ этихъ сказокъ къ русской былинѣ, мѣряетъ имъ содержаніе и укладъ ихъ и приговариваетъ—тутъ урѣзано, тутъ укорочено,—и въ концѣ концевъ, при измѣреніи такимъ аршиномъ, выходитъ, что наша былина является лишь жалкой а иногда даже безсмысленной копіей тюрко-монгольскаго оригинала. Съ этой точки зрѣнія «наши богатыри не чувствуютъ ни стыда, ни ревности, ни любьви, ни удивленія, ни состраданія, ни радости, ни горя; не чувствуютъ потребности ни въ великодушіи, ни въ мщеніи, ни въ благодарности. Хотя противные всему этому факты указываются самимъ г. Стасовымъ, но ему хотѣлось бы, чтобы не эпически только выражаемы были эти ощущенія, какъ въ нашихъ былинахъ, а чтобы сами богатыри изрыгали то, что они ощущаютъ какъ въ восточныхъ сказкахъ: «мы де то— и то чувствуемъ» [1]. Далѣе смотря на былину, на русскую голову, на русскій народъ—изъ подъ угла зрѣнія этихъ сказокъ, г. Стасовъ и неотразимые факты русской исторіи объясняетъ въ былинахъ такимъ же заимствованіемъ. Оказывается, что если князь Владиміръ пируетъ въ былинахъ съ своей дружиной, если собираетъ и отправляетъ богатырей на бой, если онъ держитъ постоянный совѣтъ съ своими боярами—то все это взято въ былины изъ восточныхъ пересказовъ. Если здѣсь является поповичъ—хотя и не попъ, то это потому, что въ тюрко-монгольскихъ сказкахъ часто выступаютъ на сцены

[1] См. подробнѣе въ отчетахъ о 12 присужд. наград. графа Уварова С.-Пб. 1870 г. въ отзыв. о сочин. В. Стасова—Ѳ. И. Буслаева (26—83).

брахманы. Если богатыри обыкновенно 7-ми лѣтъ были присажены за грамоту и притомъ сначала за чтеніе а потомъ за писмо, и грамота имъ въ толкъ пошла, то за объясненіемъ этого нужно обратиться не къ обычаямъ православной церкви, а къ брахманскимъ и зороастровымъ законамъ. Если богатыри мѣняются крестами и называются «братцами крестовыми» то это побратимство крестное и до сихъ поръ бытующее въ нашемъ народѣ не болѣе, какъ татарщина. Если для богатырей имѣло столь важное значеніе родительское благословеніе, то это не завѣтъ родоваго культа, освященный византійскимъ преданіемъ, а занесенный обычай, объясненія котораго нужно искать въ тѣхъ же восточныхъ сказаніяхъ. Если въ былинѣ упоминаются перины пуховыя, подушки и кровати задернутыя пологомъ, которыя и до нынѣ встрѣчаются почти у каждаго мужика и бабы,—то все это попало изъ восточныхъ сказокъ.

Характеристическія указанія на сѣверную природу и особенно замѣчательныя черты древне русскихъ городовъ, которыя помнитъ былина съ изумительною свѣжестію и въ краткихъ словахъ изображаетъ ихъ историческую роль—не имѣютъ для этой теоріи никакого значенія. Наконецъ, нѣкоторые факты въ былинахъ остаются непонятными для г. Стасова лишь вслѣдствіе недостаточнаго знакомства его съ народнымъ бытомъ. Грубый нравственный трагизмъ, обставленный въ былинѣ о Дунаѣ Ивановичѣ народными, бытовыми чертами, кажется ему смѣсью грубости, нелѣпости и чудовищности, лишь только потому, по нашему мнѣнію, что онъ оцѣниваетъ факты этой былины—не съ точки зрѣнія народной бытовой, а съ точки зрѣнія облагороженныхъ семейныхъ боярскихъ домовъ. Теорія г. Стасова была бы крайне сверхъобычнымъ и неожиданнымъ явленіемъ русской мысли, если бы она не была вызвана другими крайними мнѣніями.

Мы, съ своей стороны, придаемъ лишь отрицательное значеніе теоріи г. Стасова: она, какъ и всякая новая и смѣлая мысль, выступающая въ свѣтъ во всеоружіи, если и невѣрна сама въ себѣ, то вызываетъ критическую повѣрку данныхъ и наводитъ на болѣе

широкую потребность изысканій о миѳахъ вообще, коренныхъ законахъ ихъ развитія, и т. п. [1]).

На древность нашихъ былинъ отчасти указываютъ многія названія, связанныя съ разными селеніями и урочищами русской земли. Таковы, напр., *Былина* (Томской губерніи и округа), *Былины* (тамъ же), *Богатырь* (Маріупольской гр. и округа), *Богатыри* (Вятской губерніи, слоб. уѣзда) и мн. др.

Нѣтъ сомнѣнія, что съ этими и подобными названіями были связаны въ народѣ какія-нибудь преданія, и намъ остается лишь пожелать, чтобы мѣстными изслѣдователями было обращено на нихъ болѣе серьёзное вниманіе. Эти преданія могутъ помочь разъясненію нашихъ былинъ гораздо больше, чѣмъ тюрко-монгольскія сказки.

При изслѣдованіи былинъ прежде всего слѣдуетъ имѣть въ виду фактъ богатырства и его историческое значеніе.

Главный и существенный мотивъ въ былинахъ Владимірова цикла, это—борьба русской земли со степью. Рѣшать бой, выдвигая силачей, было въ обычаяхъ степи; русская земля должна была противопоставить степнымъ «богатырямъ» своихъ собственныхъ героевъ:

Проситъ Батыга отъ Кіева,
Проситъ Батыга супротивника,
Проситъ Батыга поединщика.

Что дѣйствительно были такого рода «поединщики», выходившіе на брань съ «супротивникомъ», въ этомъ едва ли возможно сомнѣваться. Вспомнимъ, что были Янъ Усмошвецъ [2], поборовшій печенѣжскаго богатыря-великана (1001 г.), Рагдай-Удалой [3], наѣзжавшій на 300 воиновъ, Мстиславъ Храбрый, зарѣзавшій Редедю предъ полками Косожскими (1036 г.). Былъ Александръ Поповичъ, кото-

[1] Попытка въ этомъ родѣ уже сдѣлана въ «Труд. К. Ак.» 1871 г., апрѣль мартъ, іюнь и іюль.

[2] П. С. Л., т. IX, стр. 68.

[3] Ник. Лѣт. IX, стр. 68.

раго лѣтописи упоминаютъ даже въ разныхъ эпохахъ—такъ живуче было имя его въ народной памяти (Ник., подъ 1216 и подъ 1224 и подъ 1001 г.). Но вотъ и другіе богатыри, упоминаемые въ лѣтописяхъ: Демьянъ Куденевичъ съ слугою своимъ Карасомъ (Ник. л., подъ 1148 г.), слывшій за «человѣка Божьяго» [1], Нефедій Дикунъ при Константинѣ Ростовскомъ (Ник. л., подъ 1216 г.), Добрыня «златой поясъ» (1224 г., Ник. л.), Могута (Ник. 1, 112) Гаврило Олексичъ, Буслай Якуновичъ, Яковъ Полочанинъ, Миша Новгородецъ, отрокъ княжій Савва, слуга княжь Ротмицъ (Новг., т. 3, стр. 5, 178). Въ лѣтописномъ Сводѣ Ярославскаго Архіерейскаго дома упоминаются (подъ 1164 г.) еще два богатыря: Андрей Жирославичъ и братъ его Шварнъ.

Всѣ эти имена, занесенныя съ лѣтописи, указываютъ на то, что въ борьбѣ со степью выдѣлялись герои, которыхъ имена страшны были для враговъ и популярны на русской землѣ. Не всѣмъ, конечно, приходилось вступать въ единоборство съ степными богатырями, но всѣ они стяжали себѣ «славу на бою», геройскими доблестями, необычайною силою, храбростію, безстрашіемъ и твердостію. Иначе въ лѣтопись попасть они не могли.

Много, конечно, было въ теченіе борьбы со степью подобныхъ героевъ, но именъ ихъ не донесла до насъ лѣтопись и не сохранила народная память. На одной Калкѣ, по сказанію лѣтописи, погибло 70 богатырей. Были также и при Мстиславѣ Удаломъ мужи храбры зѣло и богатыри велици, яко львы и яко медвѣди, не слышавшіе на себѣ ранъ.

При такихъ свидѣтельствахъ едва-ли возможно, говоримъ, сомнѣваться въ томъ, что борьба со степью создала цѣлый разрядъ героевъ, составлявшихъ особую славу князей, честь дружины, и мощь и величіе русской земли.

Есть данныя, которыя указываютъ, что богатыри бывали въ *разныхъ* областяхъ земли русской, но главнымъ средоточіемъ бога-

[1] П. С. Р. Л., т. IX, 177—178.

тырства былъ безъ сомнѣнья Кіевъ съ его заставами, оберегавшими Свято—русь землю отъ поганой степи. Чѣмъ страшнѣе была эта поганая степь для русской земли, чѣмъ опустошительнѣе были набѣги ея на русскія «поселицы», тѣмъ сильнѣе и глубже должны были производить на народъ впечатлѣніе подвиги служилаго богатырства. Въ глазахъ народа эти герои должны были представляться дѣйствительно «божіими человѣками», какъ прекрасно называетъ лѣтопись одного изъ нихъ.

Имѣя въ виду этотъ фактъ, не трудно понять и то, какъ зародилась былина.

Въ одной рукописи Соловецкаго монастыря XVI в. сохранилась любопытная запись, имѣющая для насъ особенную цѣну въ данномъ случаѣ. «Переяславль русскій по противъ Кіева за Днѣпромъ по лѣвой руцѣ Олтополя, а на Олтополѣ церковь стоитъ мурована велика, на крови св. Бориса, а вокругъ его роща березова, а отъ русскаго Переяславля до Кіева 60 верстъ, *«а тутъ богатыри кладутся русскіе»*, а кругъ городища того по кладищу тому каменіа много великаго по всполью, а кругъ городища того озера Трупежъ, изъ него же течетъ рѣка Мцица, и пала въ Днѣпръ» [1]. Эти богатырскія могилы знала и лѣтопись: Александръ же, (Поповичъ) выходя изъ города, многы люди Великаго князя избиваше, *ихъ же костей накладены могылы велики и до нынѣ* на рѣкѣ Ишнѣ, а иніи по ону страну Усіи. (Твер. Лѣт. стр. 337). Вотъ здѣсь въ селѣ, на могилахъ, которыя помнили и знали еще въ XVI в., по нашему мнѣнію, зародилась русская былина, воспѣвающая этихъ «божіихъ человѣковъ», моцію своею отстоявщихъ Святорусь землю отъ поганой степи. Эти могилы воочію напоминали народу преданія о существованіи этихъ могутовъ, этихъ «божіихъ человѣковъ».

Борьба со степью началась при князѣ Владимірѣ—и преданіе всѣхъ послѣдующихъ богатырей одного за другимъ причисляло къ

[1] См. Сборникъ (№ 860), 8-ю, XVI в. на 452 лл. Въ статьѣ «о градѣхъ и о рѣкахъ и о земляхъ» (л. 164).

его времени. Благоговѣніе къ нимъ, какъ къ «божіимъ человѣкамъ» было первымъ возбудителемъ народнаго творчества, создавшаго въ честь ихъ былевыя пѣсни. Пѣсни эти явились, безъ сомнѣнія, по готовой уже сотканной основѣ и съ теченіемъ времени всѣхъ богатырей воспроизвели въ опредѣленныхъ типахъ. Чѣмъ скуднѣе своимъ содержаніемъ были преданія о дѣйствительныхъ богатыряхъ, тѣмъ больше должны привзойти сюда готовыя народныя стихіи божескихъ существъ и качествъ.

Имѣя въ виду такое происхожденіе былины, не трудно понять и то, почему она даетъ очень ограниченную и недѣятельную роль князю Владиміру и его дружинѣ.

Воспѣвая богатырей, какъ поединщиковъ—противъ супротивниковъ, она справедливо заставляетъ князя лишь отыскивать вездѣ такихъ героевъ, жаловать, угощать пирами и отправлять на бой; если отсутствіе богатырей наводило трусость на князя и его дружину, то это весьма понятно съ народной точки зрѣнія на богатырей, какъ «*божіихъ человѣковъ*»; эти бояре въ сравненіи съ ними могли казаться, «не болѣе иногда, какъ воро́ны». Притомъ же, по смыслу былинъ, и въ княжеской гриднѣ образъ богатыря властвовалъ надъ сознаніемъ такъ же, какъ и въ крестьянской хижинѣ.

Богатырство, какъ «явленіе божіихъ человѣковъ», не знало сословій; богатыремъ могъ быть всякій; имъ могъ быть такъ же князь, какъ и простой мужикъ; такъ же боярскій сынъ, какъ и поповичъ.

Изъ такого воззрѣнія на происхожденіе былины объясняется само собою и то отношеніе, въ какомъ стоитъ былина къ главному предмету нашего изслѣдованія —«Слову о полку Игоря». «Слово» есть произведеніе чисто дружинное. Былина же есть произведеніе народное и рисуетъ богатырскіе образы князя и дружинниковъ, какъ избранныхъ героевъ, какъ божіихъ человѣковъ. То изображаетъ одинъ изъ походовъ и съ нимъ бѣдствія русской земли отъ поганой степи, эта воспѣваетъ въ лицѣ богатырей ея непрерывную побѣду надъ этою степью. То рисуетъ предъ нами дружинно-кіевскую Русь въ цѣлой ея картинѣ; эта развиваетъ отдѣльные типы служилой дру-

жины съ тѣми или другими ея доблестями. Тамъ изображается фактъ внѣшній, здѣсь — фактъ внутренній русской исторіи. Отсюда и различіе въ самой формѣ изложенія: то написано по пріемамъ искусственнаго витійства, съ предисловіями, вводными повѣствованіями, съ лирическими разсужденіями и заключеніями, былина же свободна въ своихъ очертаніяхъ, какъ свободенъ богатырь въ своихъ дѣйствіяхъ: пошибъ очертаній ея размашистый; мысль развивается здѣсь въ дробномъ разсказѣ, съ эпическими повтореніями, однозначущими стихами, не говоря уже о тѣхъ сверхъестественныхъ чертахъ, коими по преимуществу и характеризуются укладъ и составъ былины.

Но при всемъ своемъ существенномъ различіи, уже потому, что богатыри вводятся въ гридню князя Владиміра и числятся на его службѣ, — уже потому, что «Слово» и былина своимъ содержаніемъ относятся къ одной и той же кіевской дружинной Руси, — они непремѣнно должны имѣть и общія черты.

Въ этомъ смыслѣ одна извѣстная намъ былина, записанная еще въ XVII вѣкѣ какъ будто въ соотвѣтствіе «Слову о полку Игоря», прекрасно названа «богатырскимъ словомъ» [1].

Въ одномъ Лѣтописномъ сводѣ, принадлежащемъ Ярославскому архіерейскому дому уцѣлѣла для насъ въ самомъ сказаніи о походѣ Игоря драгоцѣнная вставка: «убиша бо тогда и дивіа богатыря *Доброю Судиславича*» (л. 118). Къ сожалѣнію былина о Добрѣ Судиславичѣ до насъ или не дошла или не записана. Если бы она была намъ извѣстна, мы могли бы наглядно и осязательно видѣть отношеніе былеваго творчества къ тому же историческому факту, которое воспроизводитъ и «Слово».

Идея единства земли русской, такъ блистательно проведенная въ «Словѣ», не чужда былинѣ; такое понятіе, какъ «Святорусь зем-

[1] Издана въ приложеніи къ XL тому Записокъ Императорской Академіи Наукъ № 5, 1881.

ля» какъ «земля Святорусская», столь присущее былинѣ, глубокими корнями связываютъ ее съ «Словомъ».

Изъ «Слова» видно, что время князя Владиміра было идеаломъ времени, которое не повторится: «нельзя бѣ того стараго Владиміра пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ»; уже въ XII в. имя Владиміра связывалось съ идеею русской земли; на горахъ Кіевскихъ и въ это время виднѣлся еще Владиміръ съ знаменемъ «единой земли русской».

То же понятіе связывается съ именемъ Владиміра и въ народной былинѣ: онъ и здѣсь то же, что единое «красное солнышко» для земли святорусской. Къ нему стекаются богатыри изъ разныхъ областей: сюда тянетъ богатырскій острожекъ Ростовскаго поповича, сюда пробирается крестьянинъ Илья Тимоѳеевичъ изъ Мурома; сюда тянутъ и Волынь и Галичъ.

Говоритъ Дюкъ да таково слово:
Во всѣхъ градахъ у меня побывано
А всѣхъ князьевъ да перевидано
.
Въ одномъ Кіевѣ не бывано
Кіевскаго князя-то не видано.

Былинный образъ этого представителя земли русской вполнѣ отвѣчаетъ его историческому облику. Вполнѣ согласно съ исторіей пированіе его съ дружиной; извѣстно, что вслѣдствіе ропота дружины: не хотѣвшей ѣсть деревянными ложками, онъ вынужденъ былъ сдѣлать ей серебряныя ложки [1]. Но любопытны слова его при этомъ: «что дѣлать; серебромъ и золотомъ я не достану дружины, а съ дружиной добуду золото и серебро, какъ дѣдъ мой и отецъ мой доискивались дружиной золота и серебра.

Точно также и другая его былевая черта оправдывается исторіей, то бояре, то епископы руководятъ имъ въ дѣлахъ государственныхъ;

[1] Лавр. Л., подъ 996 г.

походъ на болгаръ остановилъ Добрыня; бояре и старцы—даютъ ему совѣты въ дѣлахъ вѣры; епископы заставляютъ его измѣнять наказаніе убійцамъ. Зависимость князя отъ дружины, не возможность выдержать безъ богатырей борьбу со степью также, какъ мы видѣли, имѣли свое основаніе въ древне-русской жизни.

Такимъ образомъ, былина, отражая въ себѣ эти историческія черты, лишь можетъ указывать на то, какъ вѣрно отразилась въ народѣ эта личность — князя Владиміра. Сдѣлавъ его представителемъ единой земли святорусской, пріурочивая къ его имени позднѣйшее богатырство, былина сохраняетъ и свѣжесть впечатлѣній, оставленныхъ имъ въ исторіи.

Странно, что И. Е. Забѣлинъ, на основаніи этихъ чертъ, находитъ противорѣчіе въ понятіи «былиннаго князя князю историческому»: князь — по исторіи, говоритъ онъ, долженъ быть предводителемъ войска, долженъ быть самъ героемъ, самъ начинать и оканчивать бой.

Но еслибы былина дѣйствительно имѣла своей задачей изображать укладъ дружинно-кіевской Руси, еслибы она сосредоточивалась на ея историческомъ значеніи, тогда мы въ правѣ были бы искать въ ней воинскихъ чертъ князя и его дружины. Но это значило бы понимать былину такъ же, какъ и лѣтопись, какъ и «Слово о полку Игоревѣ». Былина воспѣваетъ лишь только «избранныхъ героевъ дружинныхъ», лишь только они для ней дороги, лишь только въ нихъ слава князя, честь дружинная и мощь земли святорусской: она рисуетъ ихъ предъ нами «какъ божіихъ человѣковъ», стоящихъ выше князя и его дружины, властвовавшихъ въ гриднѣ Владиміра, какъ и въ хижинѣ народной своими необычайными доблестями, своею мощію, своею храбростію, своею ловкостію, своею твердостію. При этой существенной задачѣ изображать лишь только «типы святорусскаго богатырства» — было бы даже не естественно привносить сюда боевой характеръ «князя и его дружины». Очень можетъ быть, что историческая роль Владиміра здѣсь совпала еще и съ той эпической основой, на которой ткалась историческая былинная канва, о которой мы упомянули выше и о которой будемъ еще говорить ниже.

Еще страннѣе, что И. Е. Забѣлинъ въ лицѣ кіевскаго стольнаго князя Владиміра видитъ на томъ же основаніи лишь олицетвореніе города, общественнаго и нравственнаго его быта. Князь дѣйствительно имѣлъ связь съ городомъ, но далеко не такую, какую предполагаетъ г. Забѣлинъ. Дошедшіе до насъ «договоры города съ княземъ» указываютъ на то, что князь посягалъ «на земли и смердовъ» города: между нимъ и городомъ шла борьба изъ-за смерда. Но если въ народномъ творчествѣ прежде всего отражаются явленія высокаго нравственнаго свойства, то народъ долженъ былъ олицетворить не городъ съ его пирами и роскошью — «не купечество и боярскій торговый слой», — выжимавшій соки изъ своей земли и смердовъ, а скорѣе всего князя съ его дружиной, какъ живыхъ представителей охранной силы — какъ людей-героевъ, покупавшихъ себѣ довольство цѣною крови. Въ борьбѣ князя съ городомъ изъ-за смерда, этотъ самый смердъ скорѣе могъ становится своимъ сочувствіемъ на сторонѣ князя, точно такъ, какъ въ послѣдствіи народъ всегда искалъ въ своемъ царѣ защиты отъ барства и властей; по всей вѣроятности, это самое сочувствіе смерда вмѣстѣ съ степной силой и помогло князю одержать побѣду надъ городомъ.

Былинному образу князя Владиміра въ «Словѣ о полку Игоревѣ» — соотвѣтствуетъ Святославъ кіевскій, стоявшій внѣ войны, когда достаточно было увидѣть безпокойный сонъ, чтобы собрать бояръ, потолковать съ ними объ его значеніи; точно также соотвѣтствуетъ въ «Словѣ» былинному княжескому пированію замѣчаніе, невольно вырвавшееся изъ устъ бояръ, предъ Святославомъ: «а мы дружина жадни веселія».

Но, изображая представителя единой земли святорусской — не среди воинственнаго блеска, а среди мирныхъ заботъ и веселаго пированья, былина не выдаетъ этотъ образъ за исключительный идеалъ князя. Богатырство, какъ мы уже сказали, не знало сословій. Богатырство, какъ говоритъ сама былина, «братія наборная» (Кар. I, отд. IV, № 1, 4, № 2); и если были, какъ видно даже изъ «Слова», такіе князья, которые сами на бой не выходили, но посылали толь-

ко воеводъ, за то бывали и настоящіе «герои»: «божіи человѣки» выходили изъ княжеской гридни такъ же, какъ и изъ боярскихъ теремовъ и изъ крестьянскихъ хижинъ. Мы вполнѣ раздѣляемъ то убѣжденіе ученыхъ, что въ былинѣ о Вольгѣ и Волхѣ Всеславичѣ — воспѣтъ не кто иной, какъ «вѣщій князь Олегъ» съ наслоеніями, быть можетъ, преданій о другомъ — «вѣщемъ князѣ Всеславѣ». Подъ воздѣйствіемъ былиннаго уклада, въ «Словѣ о полку Игоря» начертанъ образъ буй-тура Всеволода; авторъ не изобразилъ предъ нами подробностей сраженія войска Игоря на другой день на рѣкѣ Каялѣ, о которомъ подробно разсказываетъ лѣтопись: онъ ограничился при описаніи этого сраженія лишь картиной борьбы одного князя Всеволода: богатырскій его бой даетъ понять лучше всего картину сраженія цѣлаго войска.

Какъ въ былинѣ, такъ и въ «Словѣ», князь, предводитель дружины, одинаково вдохновляетъ войско своими рѣчами. Подобно тому, какъ Игорь говоритъ: «Братья и дружино... а всядемъ на свои борзыя комони, да позримъ синяго Дона», — и богатырь Волхъ Всеславичъ взываетъ:

Ай же сила моя дружина хоробрая
Сѣдлайте,—уздайте добрыхъ коней
Туго нàтуго и крѣпко нàкрѣпко

Но особенно ясно и наглядно дается намъ въ былинѣ то же понятіе о дружинѣ, какое и въ «Словѣ». Задача жизни богатыря изображена въ былинѣ буквально тѣми же словами, какъ она изображается въ лѣтописи и «Словѣ».

Богатырь величается здѣсь стоятелемъ, оберегателемъ этой земли святорусской. Подобно тому, какъ въ «Словѣ». — куряне были подъ трубами повиты и подъ шеломами взлелѣяны, и въ былинахъ богатырь Волхъ говоритъ своей матери:

А не пеленай во пéлену червчатую
А не пояси въ поясье шолковое

Пеленай меня, матушка, въ крѣпки латы булатныя
А на буйную голову клади златъ шеломъ.

(Рыб. о Волхѣ).

Подобно тому, какъ въ «Словѣ» — дружина рыщетъ, яко туры, ищетъ князю славы, а себѣ чести — и въ былинахъ богатыри движутся тѣмъ же нравственнымъ мотивомъ.

При обозрѣніи историческаго значенія «Слова», мы уже видѣли, какъ дорожила дружинная кіевская Русь своею славою въ иностранныхъ земляхъ. Указаніе на то читаемъ и въ былинахъ.

Когда Дунай сваталъ дочь ляговинскаго короля за князя Владиміра, король говоритъ: «за Владиміра можно дѣвку отдать, хорошій женихъ — во славѣ и почести (кн. III, 55)·

Изъ иностранныхъ земель былина знаетъ латиновъ, землю ляховецкую, по «Слову» — лядскую. Она помнитъ даже землю веденецкую (И. Д. 1), что́ напоминаетъ «венедицевъ» «Слова».

Илья Богатырь, отпуская разбойниковъ-подорожниковъ изъ-подъ Чернигова, заказываетъ подавать всюду вѣсть.

Что святая Русь не пуста стоитъ—
Много въ ней славныхъ могучихъ бога́тырей.

Распаленіе къ геройскому подвигу здѣсь также картинно, какъ въ лѣтописи и въ «Словѣ».

Богатырское сердце разговорчиво и не уемчиво:
Пуще огня огничка сердце разыграется.

Подобно тому, какъ святославъ III говоритъ въ «Словѣ»: «чи-диво старику помолодѣти», Илья Муромецъ выражается «размотать развѣ старость богатырскую» (Г. 1158).

Понятіе былины о степи также тождественно понятію «Слова»· Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это «сила поганая великая» — и если въ «Словѣ» представителемъ степи является какой-то «Дивъ» и «бол-

ванъ Тмутораканскій», то въ былинѣ, въ силу непосредственной эпической стихіи, степь преставляется въ видѣ разныхъ поганыхъ чудищъ, то въ образѣ лютой «Горынь-Змѣи», или Змѣя Горыныча или Тугарина Змѣевича, то въ образѣ «Поганаго-идолища» или одолища, то въ лицѣ «разбойниковъ» или въ образѣ «Кощея безсмертнаго». Отъ поганаго духу татарскаго не можетъ крещеный живымъ быть. Но рядомъ съ такимъ представленіемъ, какъ и въ «Словѣ», является и какое-то необыкновенное благодушіе и даже побратимство.

Вотъ Илья убиваетъ Соловья-разбойника, но не позволяетъ князю Владиміру воспользоваться его мнѣніемъ, а отдаетъ его «Соловьинымъ дѣтушкамъ».

Какой-то черниговскій князь хотѣлъ выдать свою дочь за степного хана, хотя и удалось ей выдти за русскаго богатыря.

Былина помнитъ даже и землю половецкую (Кир. III, 116—124), она знаетъ телѣги ордынскія [1] (К. Д. 222). Ей извѣстна знаменитая половецкая фамилія Шаруканей и имя Салтыка, вѣроятно, Солтана.

Всѣ богатыя черты дружинной кіевской Руси, передаваемыя «Словомъ», сохраняются и въ былинѣ. Здѣсь мы встрѣчаемъ также «терема златоверхіе» [2] и даже съ матицей (К. Д. 159—160) или княземъ— черта, которой напрасно стали бы искать въ восточной архитектурѣ. Изъ покоевъ часто упоминается и гридня столовая, въ какой, по «Слову», преклонился Кобякъ предъ грознымъ Святославомъ. Встрѣчаемъ здѣсь и тесовую кровать, которая въ «Словѣ» называется «тисовой». Даже сонъ Святославовъ отчасти можемъ читать въ былинѣ.

Охота, которой занимался Игорь, по «Слову», часто упоминается въ былинѣ: «ѣздитъ богатырь по тихимъ по заводямъ и стрѣляетъ гусей, лебедей и пернатыхъ уточекъ» (Г. 1104).

[1] Въ Лѣтоп. о телѣгахъ и обозахъ татарскихъ, т. II, 144.

[2] Теремъ въ «Лѣт. Кіев.», т. I, 23, 35.

Выти завтрака и обѣда также встрѣчаются въ былинѣ (Рыб., 1, 112).

Семейныя отношенія отзываются здѣсь, какъ и въ «Словѣ», мотивами ближайшихъ родственныхъ привязанностей; кто старъ, тотъ отецъ («Пск. Лѣт.», изд. Погод., 16). Старики и старухи въ былинахъ—батюшка и матушка. Въ «Словѣ» Святославъ, какъ извѣстно, Игоря и Всеволода также называетъ «сыновцами».

Плачи женъ въ былинахъ встрѣчаются не рѣдко и даже съ характеромъ дружиннымъ: оставленная семья иногда какъ будто въ отчаяніи:

> Садилася свекровушка да невѣсточки въ одно мѣсто,
> Плачютъ убиваются,
> Да молода Добрыню изъ чиста поля дожидаются,
> Пріѣдучись не начаются.

Срокъ дружиннаго возмужанія, опредѣляемый былинами въ 15 лѣтъ, вполнѣ совпадаетъ съ годами Владиміра Игоревича, который былъ въ походѣ вмѣстѣ съ своимъ отцомъ.

Мощеніе мостовъ по болотамъ и грязнымъ мѣстамъ во время похода, которое въ «Словѣ» встрѣчается какъ поэтическій образъ, не рѣдко упоминается въ былинѣ:

> Шла же эта сила въ Кіевъ градъ,
> Мостили мосточки калиновыя.

Изъ культурныхъ предметовъ, привозимыхъ изъ-за границы, здѣсь упоминаются «оксамиты», о которыхъ говорится также въ «Словѣ».

Воинскіе доспѣхи и оружіе здѣсь тѣ же самые, что и въ «Словѣ»: мечи, сабли, копья, луки, стрѣлы, колчаны, кони съ сѣдлами и сѣдла со стременами; стрѣлы какъ тамъ, такъ и здѣсь называются калеными (Рыб., 1, 6, стр. 113), сабли называются вострыми (въ «Словѣ» изъострены); пряжки у сѣдла красна золота (въ «Словѣ»

златъ стремень). «Засапожникамъ» въ былинѣ, кажется, соотвѣтствуютъ «ножища-канжалища».

Мы уже упоминали о томъ, что «кметство» развивалось искусствомъ и существовали даже воинскія состязательныя игры.

Для характеристики «свѣдомаго кметства» считаемъ не излишнимъ указать на соперничество въ былинѣ богатырей въ конскомъ ристаніи, стрѣльбѣ въ цѣль и въ борьбѣ (Рыб. 1 и 11. 4 Майкова, стр. 54).

Если богатырь Дунай, и притомъ еще не въ трезвомъ видѣ, вызвалъ на подобное состязаніе свою жену, то напрасно г. Стасову подобный вызовъ дамы на поединокъ показался крайнею нелѣпостію. Вѣдь въ крестьянствѣ это обычное явленіе жизни: тамъ и нынѣ не рѣдкость, если мужъ и жена соперничаютъ въ томъ, кто кого переборетъ и кто кого перетянетъ и т. п. А вотъ и пѣсня, которая указываетъ на подобныя явленія:

Вдоль по травкѣ,
Вдоль по муравкѣ
Тамъ ходилъ-гулялъ молодчикъ.
Молодѐцъ удалый
Кличетъ выкликаетъ
Красную дѣвицу:
Выйди, выйди, дѣвица:
Со мной парнемъ побороться!
А дѣвица къ мòлодцу
Парню выходила,
А дѣвица мòлодцу
Парню говорила:
Не хвалися, мòлодецъ,
Самъ ты собою,
Самъ ты собою
Силою своею!
А дѣвица мòлодца
Парня поборола.

Что касается политическаго уклада древней Руси, то былина въ какомъ-нибудь Заонежьѣ не только знаетъ города областей приднѣпровской Руси, но и еще помнитъ, что было самаго характеристичнаго въ каждой изъ этихъ областей; она знаетъ, что «наилучшіе богатыри были въ Кіевѣ» на заставахъ отъ поганой степи, а «золотà казна въ Черниговѣ»—мы указывали уже на эту историческую черту его; «а хлѣбные запасы въ Смоленскѣ городѣ,»—средоточіи хлѣбной торговли между югомъ и сѣверо-востокомъ. Точность поразительная для народнаго эпоса.

Мы указывали также на тотъ упрекъ, съ какимъ Святославъ кіевскій обращается въ своемъ золотомъ словѣ къ князю Всеволоду, который, занявшись сѣверо-восточными дѣлами, мало обращалъ вниманія на югъ:

Не подумаешь ты, говорилъ онъ, поберечь золотого престола отецкаго?! Видно, что Кіевъ смотрѣлъ на сѣверъ свысока. Черта эта замѣтна и въ былинахъ: залѣсскій владимірскій край на богатую и боярскую кіевскую Русь производилъ впечатлѣніе края демократическаго, мужицкаго. Мужики отсюда называются въ былинѣ «залѣшане» (Рыб., 1, § 13) и трактуются «зѣваками».

Мужики залѣшане,—бѣда дремать,
Продремлютъ богатыря въ чистомъ полѣ.

Какъ «Слово», такъ и былина менѣе всего касаются народа, его быта и отношеній. Но если уже въ «Словѣ» рѣзко разграничивается боярство отъ «пахаря» или, какъ въ лѣтописяхъ, отъ смерда, то еще осязательнѣе сказывается это въ былинѣ:

Князь Владиміръ говоритъ Ильѣ:
Во глазахъ, мужикъ, ты насмѣхаешься,
Во глазахъ, мужикъ, ты надрыгаешься (Рыб., 1, 10).

Богатырь Микула Селяниновичъ—представитель крестьянства—и тотъ, по былинѣ, очень невыгодно трактуетъ мужика.

Или вотъ что говоритъ, напр., Чесова жена:

Мы есть роду богатаго именитаго,
Именитаго роду, княжескаго,
Вы есте роду нищетнаго, кошельчатаго.

Боярскіе роды хвастливые, замѣчаетъ одна былина (К., IV, 8).

Это понятіе дружинно-боярской Руси о своей родовитости нельзя считать позднѣйшимъ привнесеніемъ въ былину. Оно есть всеобщее явленіе и присущее всѣмъ передовымъ людямъ, стоящимъ во главѣ народовъ въ древнѣйшую эпоху ихъ исторіи.

Даже дочери Соловья-разбойника и тѣ не иначе говорятъ въ былинахъ о мужикѣ, какъ крайне презрительно; онѣ называютъ его «мужичищемъ-деревенщиной»; впрочемъ, иного, конечно, отъ степи и ждать нельзя.

Сдѣланныя нами сближенія «Слова» съ былиной показываютъ, насколько оно проникнуто народной стихіей. Чтобы еще болѣе видѣть сходство въ этомъ отношеніи мы сравнимъ ихъ по языку.

Оказывается, что здѣсь встрѣчаются не только одни и тѣ же отдѣльные образы, но и цѣлыя картины.

Для объясненія выраженія «бусый», въ былинѣ встрѣчается слѣдующее мѣсто: бусѣть, значитъ здѣсь—чернѣть.

Котора была мѣдь аравитская,
Никогда она не бу́сѣла, не ржавѣла.

Раны называются кровавыми.

Былина знаетъ также пардусовъ, какъ и «Слово» (въ числѣ звѣрей Волхъ убиваетъ пардусовъ) (въ «Словѣ» пардуже гнѣздо).

Шеломя встрѣчается также въ былинѣ, и называется окатистымъ. (К., Ш, 46).

Но вотъ и цѣлыя картины почти такія же, какъ и въ «Словѣ»

Измѣренія проѣханнаго пространства церковною службою, для обозначенія быстроты ѣзды, употребленное въ «Словѣ» (тому въ Полотскѣ позвониша къ заутренѣ, а онъ къ Кіевѣ звонъ слыша) являются въ былинахъ постоянною эпическою формою:

Стоялъ-то я заутреню во Муромѣ,
Поспѣвалъ-то къ обѣденкѣ въ стольный Кіевъ градъ.

Игорь, возвратившись изъ полона, разговаривалъ съ рѣкою Донцемъ, подобный же разговоръ ведетъ и богатырь Сухманъ съ Нѣпрою рѣкой.

Въ «Словѣ»: «И рѣче Гзакъ Кончакови: аще его опутаевѣ красною дѣвицею, ни наша будетъ сокольца, ни наша красной дѣвицѣ».

Въ томъ же смыслѣ старый казакъ Илья Муромецъ говоритъ кн. Владиміру на счетъ Данилы Ловчина и его жены, которую хотѣлъ себѣ присвоить Владиміръ:

Изведешь ты яснаго сокола
Не пымать тебѣ бѣлой лебеди.

Въ «Словѣ»:

Солнце на небеси,
Игорь князь въ русской землѣ.

Въ былинѣ:

Одно солнце на небѣ, одинъ мѣсяцъ
Одинъ казакъ на св. Руси,
Илья Муромецъ, сынъ Ивановичъ.

Число 7 въ былинѣ также встрѣчаемъ, какъ и въ «Словѣ».

Былъ я на семи бояхъ,
На семи бояхъ. на семидесяти
Все мнѣ старому удавалося.

Впрочемъ, главнѣйшія особенности языка былинъ связаны съ другой, присущей имъ стихіей, именно съ стихіей миѳической, которая здѣсь существеннымъ образомъ связана и перемѣшана съ бытовымъ фактомъ.

Всѣ былины Владимірова цикла, какъ мы уже сказали, выражаютъ собственно одинъ историческій фактъ, «борьбу русской земли со степью». Но кромѣ этого оберегательнаго, такъ-сказать, періода, былъ еще періодъ наступательный борьбы на Византію.

Выше мы говорили, что дружинныя словеса объ этомъ періодѣ сквозятъ на первыхъ страницахъ «Кіевской Лѣтописи». Здѣсь мы по-

зволяемъ себѣ высказать убѣжденіе, что этотъ наступательный періодъ не прошелъ безслѣдно и для народнаго творчества,—рядомъ съ дружинными словесами шла и народная былина. Даже дошедшая до насъ былина вспоминаетъ объ отношеніи Руси къ Царьграду: она знаетъ не только цареградскіе сыгришки (Кир., IV, 67), но и камку-хитрость Царьграда (Кир. IV, 101), и шляпу земли греческой (Кир. 11, 50); она знаетъ, что тамъ четье-пѣнье церковное и звонъ колокольный (Кир., IV, 22), что черезъ Царьградъ русскіе калѣки перехожіе ходятъ въ Іерусалимъ ко гробу Господню (К. Д., 227); былина знаетъ наконецъ, что тамъ былъ царь «Константинъ» Боголюбовичъ, что Царь-градъ обступила невѣрная сила и потому заставляетъ отправляться туда Илью Муромца и защищать его отъ враговъ, какъ защищаетъ онъ въ Кіевѣ князя Владиміра.

Принадлежащая намъ рукописная былина, о которой мы упоминали выше, прямо развиваетъ ту мысль, какъ ходили кіевскіе богатыри на богатырей цареградскихъ и учинили себѣ честь; на просьбу князя Владиміра поберечь Кіевъ, они отвѣчаютъ, что они сторожами не повадились быть и не придется имъ сторожами слыть. Наступательный характеръ составляетъ сущность этой былины и въ этомъ отношеніи ставитъ ее внѣ былинъ Владимірова цикла. Имена русскихъ богатырей тѣ же, что и въ дошедшихъ до насъ былинахъ; но побѣда надъ цареградскими богатырями, приводъ одного изъ нихъ къ Кіеву и затѣмъ отпускъ его въ Царьградъ: словомъ, начало и конецъ, связанные съ Царьградомъ и выраженные въ цѣлой особой былинѣ, указываютъ здѣсь подкладку болѣе древнюю, чѣмъ имена богатырей позднѣйшей эпохи.

Къ циклу былинъ этого наступательнаго періода на Византію мы относимъ и дошедшую до насъ былину о Волгѣ или Волхѣ Всеславичѣ, вполнѣ раздѣляя мнѣніе другихъ изслѣдователей, что въ ней воспѣтъ Олегъ вѣщій.

Такимъ образомъ, если «Слово о полку Игоревѣ» лишь только упоминаетъ о грекахъ, говоря, что они пѣли Святославу, былина тянетъ къ Византіи болѣе глубокими корнями.

Но что́ такое чудесное въ былинѣ и въ какомъ отношеніи стоитъ оно къ миѳологіи «Слова»?

Былина обязана своимъ происхожденіемъ, по нашему мнѣнію, историческому факту богатырства: нравственные подвиги дружинниковъ, подъятые за землю русскую отъ поганой степи, должны были производить на народъ глубокое впечатлѣніе и оставлять въ его душѣ столь же глубокіе слѣды. Богатырскія могилы, о которыхъ гласятъ рукописи и географическія имена бугровъ, должны были поддерживать и оживлять преданія объ этихъ необыкновенныхъ божіихъ человѣкахъ. Былина, по нашему мнѣнію, слагалась такъ же, какъ послѣ складывались житія святыхъ, о которыхъ преданіе мало сохранило біографическихъ под обностей.

За отсутствіемъ подробныхъ историческихъ данныхъ, біографы пріурочивали жизнь святого къ опредѣленной, уже установившейся рамѣ житія и обставляли его извѣстными эпическо-біографическими чертами, въ родѣ того, что «у родителей долго не быша дѣтей и святой былъ сыномъ молитвы, что уже груднымъ ребенкомъ по средамъ и пятницамъ отказывался отъ груди матери, что въ 7 лѣтъ онъ являлъ уже особенную премудрость» и т. п.

Подобнымъ же образомъ создалась и былина.

Прежде всего преданіе о богатыряхъ должно было прикрѣпиться къ готовому уже остову народнаго эпоса: иначе сказать, оно должно было принять форму народнаго эпическаго сказанія. Однообразіе и монотонность всѣхъ дошедшихъ до насъ былинъ Владиміровa цикла прямо указываютъ на этотъ остовъ.

Въ нашемъ рукописномъ собраніи есть, между прочимъ, одно сказаніе объ Ильѣ Муромцѣ съ особенностями малороссійскаго письма и говора, о которомъ мы заявили на III кіевскомъ археологическомъ съѣздѣ, поддерживая свое желаніе, чтобы кіевскіе ученые поискали подобныхъ рукописей въ своемъ краѣ и позаписывали уцѣлѣвшія тамъ преданія объ этой средоточной личности кіевскаго богатырства.

Сказаніе о которомъ мы говоримъ, носитъ въ нашей рукописи такое «заглавіе»: Исторіѧ ѡ славномъ и о храбромъ богатырѣ Ильє Мꙋромцѣ и о соловьє разбойникѣ». Въ данномъ случаѣ для насъ чрезвычайно важно то, что здѣсь Илья Муромецъ имѣетъ дѣло лишь только съ «кіевскимъ княземъ»; во всемъ сказаніи «имени Владиміра» нѣтъ и помину. Отсутствіе этого имени въ сказаніи, записанномъ притомъ на югѣ Россіи, чрезвычайно важно: оно именно указываетъ на тотъ остовъ, къ которому приросла былина въ главѣ съ княземъ Владиміромъ.

Далѣе, при отсутствіи біографическихъ подробностей, которыми, конечно, не богато было преданіе и которыхъ не могла восполнить богатырская могила, былина должна была брать содержаніе для нихъ изъ готоваго запаса представленій «божіихъ человѣковъ». Такимъ образомъ мертвый эпическій остовъ облекся въ историческую плоть и дружинники-герои получили въ народномъ сознаніи образъ «человѣковъ божіихъ».

По мѣрѣ того, какъ поганая степь возставала въ душѣ народа въ образахъ—«лютой змѣи и хоботастыхъ драконовъ», и богатырство земли русской должно было принимать въ народномъ сознаніи опредѣленныя очертанія и выражаться въ типическихъ обликахъ.

Итакъ, русскій народный эпосъ въ былинѣ является лишь формой отраженія историческаго факта: самъ онъ уцѣлѣлъ въ ней лишь только, какъ курганный костякъ. Но какъ по могильнымъ костямъ трудно воспроизвесть живого историческаго человѣка, такъ и по миѳическимъ обломкамъ, сохранившимся въ былинѣ, трудно возсоздать полный космическій миѳъ, видимо не наводя на нее искусственныхъ аналогій.

Время князя Владиміра было не эпохой развитія миѳа, а его упадка.

Въ исторіи развитія миѳа выдаются три главныя послѣдовательныя ступени: 1) царство неба или «Сварога», греческ. Урана; 2)

царство Сварожича—солнца и небеснаго огня; 3) царство громовержца и тученосителя «Перуна», греческ. Зевса. Каждая послѣдующая степь представляетъ бо́льшее количество боговъ,—а, слѣдовательно, и бо́льшее дробленіе божественныхъ силъ, болѣе развитый антропоморфизмъ въ представленіяхъ о богахъ, болѣе выработанный культъ и лучше организованную жреческую іерархію.

Чередованіе царства боговъ обусловливалось чередованіемъ формъ гражданственности у народовъ. Божеству неба поклоняются народы звѣроловные и номады въ древнѣйшую пору: надъ кочевыми народами царитъ божество солнца съ своимъ братомъ — небеснымъ огнемъ; оно же, естественно, господствуетъ въ странахъ, мало орошаемыхъ дождемъ; культъ громовержца и тученосителя встрѣчается во всѣхъ умѣренныхъ странахъ въ эпоху земледѣльческаго и государственнаго быта. Причина такого чередованія понятна. Вступая на новую ступень гражданственности, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ существенно измѣняетъ свое отношеніе къ важнѣйшимъ дѣятелямъ природы. Дикарю мало дѣла до силы солнца, сожигающей и произращающей злаки; средства его пропитанія мало выигрываютъ или страдаютъ; не много нужды и до грозовыхъ явленій, которыя притомъ въ иныхъ странахъ и не грозны. Вся жизнь кочевника въ стадахъ, а жизнь стадъ въ обиліи сочныхъ травъ на степяхъ, всегда сухихъ и подверженныхъ дѣйствію солнца; попали засуха степи, изсуши источники, стада погибаютъ, гибнутъ и люди. Урожай хлѣба и благосостояніе хлѣбопашца наиболѣе зависятъ отъ благопріятнаго распредѣленія, по временамъ года, дождя—небеснаго сѣмени. Человѣкъ же въ окружающемъ его мірѣ наиболѣе любитъ то, что́ ему полезно и боится того, что для него вредоносно. Съ измѣненіемъ отношеній человѣка къ природѣ, измѣнялись въ его глазахъ способы, мѣсто и свойство проявленій «божества» и его дѣятельности. Оно, въ понятіяхъ дикаря покоющееся въ небѣ, кочевникамъ представлялось дѣйствующимъ въ произращающей силѣ солнца и въ борьбѣ съ Зимою и холодомъ, а земледѣльцамъ являлось въ грозовыхъ явленіяхъ. Иного совпаденія формъ религіозныхъ и формъ гражданственности исторія человѣчества не представляетъ.

Раздѣляя всѣ эти мысли г. Розова, мы однакоже не можемъ согласиться съ нимъ о героическомъ значеніи нашей былины.

Время Владиміра не могло быть той эпохой, въ которую бы миѳъ переносился на героевъ людей—въ силу народнаго стремленія, придать ему болѣе естественности и жизненности. Это была эпоха рѣшительнаго потрясенія культа Перуна-громовержца; онъ былъ, наконецъ, замѣненъ христіанствомъ.

Положимъ, что масса народа могла оставаться во многомъ вѣрна этому культу и раздѣлять старыя вѣрованія, но, съ другой стороны, и политическое значеніе новой вѣры и церкви съ ея правами и широкимъ воздѣйствіемъ на общественныя и семейныя отношенія,—менѣе всего могли благопріятствовать развитію героическаго эпоса. Степь также, съ своей стороны, имѣла слишкомъ отрезвляющее дѣйствіе. Эти политическіе перевороты въ самомъ народѣ скоро и сильно должны были окончательно поколебать въ народномъ сознаніи силу и власть громовержца.

Миѳическія преданія явились въ народномъ сознаніи лишь на подмогу для образнаго и живаго представленія историческаго факта и дѣйствительныхъ—необыкновенныхъ героевъ въ борьбѣ съ поганою степью—какъ «божіихъ человѣковъ».

Не усматривая прямаго миѳа въ дошедшей до насъ былинѣ, мы однакожь, замѣчаемъ здѣсь слѣды его настолько, что допускаемъ впереди ея существованіе цѣльнаго героическаго періода русскаго эпоса.

Прежде всего замѣтимъ, что въ былинѣ встрѣчаются такія черты, которыя указываютъ на обычные пріемы геперболическаго изображенія и встрѣчаются наравнѣ съ былиной и въ бытовой поэзіи. Быть можетъ, черты эти и вытекали когда-нибудь изъ миѳическаго преданія, но въ настоящее время эта связь такъ отдаленна, что дѣлать какіе-либо выводы изъ подобныхъ выраженій насчетъ космогоническаго миѳа было бы крайне опасно.

Другія черты богатырства несомнѣнно отзываются миѳомъ, но въ былинахъ бо́льшею частію стоятъ отрывочно, лишь только какъ гиперболическія черты историческаго факта, а потому развѣ въ весьма рѣдкихъ случаяхъ возможно углядывать въ томъ или другомъ богатырѣ то или другое космогоническое божество.

Укажемъ на нѣкоторыя изъ этихъ чертъ, вошедшихъ въ былину изъ народнаго эпическаго міросозерцанія, для изображенія богатырей, какъ людей необыкновенныхъ по своимъ нравственнымъ качествамъ, какъ «божіихъ человѣковъ».

Таковы напр.:

1) Сверхъестественное рожденіе нѣкоторыхъ изъ нихъ;

2) Чудодѣйственный напитокъ, который даетъ исполинскую силу. «Что чувствуешь въ себѣ, Илья?—спрашиваютъ его калѣки перехожіе, поднесши ему чарочку питьица медвянаго;

3) Чудодѣйственные кони, какъ конь Василья Буслаева;

Подобные кони вѣщаютъ и человѣческимъ голосомъ.

4) Киданіе палки подъ облака: палка у богатыря въ 30 пуд., а иногда и въ 50: «налита свинцу чебурацкаго», и металъ онъ ту палку подъ облака (Г., 1199).

5) Враги подобные же гиганты, и притомъ чудища: Соловей-разбойникъ—получеловѣкъ и полуптица (К. IV, 3). Поганое идолище въ долину 5 саженъ, межъ плечами—косая сажень.

6) Чудесные звѣри.

7) Чудесныя птицы: мы уже выше привели примѣръ, въ которомъ сама былина замѣчаетъ, что она касается не того орла, который по полямъ летаетъ, а того орла, который дѣтей выводитъ на синемъ-морѣ, на бѣломъ латыри на камени (Г., 1104).

8) Чудесная смерть богатырей: отъ крови Дуная потекла рѣка Дунай (Р., 1, 185, 186, 194, 197, 11, 51), отъ крови жены его Настасьи Королевишны—также потекла рѣка; Илья-Муромецъ каменѣетъ въ то время, когда строитъ церковь пещерскую (К. IV, 52).

Всѣ эти черты таковы, что подъ ними теряются человѣческіе образы и предъ нами выступаютъ уже «божіи человѣки». Этихъ чертъ нельзя считать произвольными созданіями фантазіи: онѣ явились въ былинахъ на помощь ей для отображенія историческаго факта изъ запаса надмірныхъ о́бразовъ, такъ какъ они могли быть воззваны въ духѣ только величественными явленіями космоса, а не обычной исторіей человѣческихъ дѣлъ. Изъ космическаго міросозерцанія взяты онѣ—и лишь служатъ въ былинѣ къ характеристикѣ борьбы русской земли со степью.

На космическое ихъ значеніе наводитъ часто и сама былина своими сравненіями:

> Не двѣ грозны тучушки затучилйсь,
> Не двѣ горы вмѣстѣ сдвигалися,
> Два богатыря съѣзжались въ чистомъ полѣ. (К., IV, 80—82)

Встрѣчаются въ былинѣ черты, которыя совершенно не мирятся съ образомъ богатырей, какъ «божіихъ человѣковъ» и отзываются чисто стихійнымъ характеромъ и дикаго доисторическаго быта: появленіе ихъ въ былинѣ указываетъ на то, что на помощь народной фантазіи для изображенія факта безразлично представлялись и космическіе образы божествъ, болѣе человѣчно-мотивированные, и вмѣстѣ съ тѣмъ образы болѣе отдаленнѣйшей эпохи—эпохи дикаго быта и первобытнаго миѳическаго олицетворенія.

Къ такимъ стихійнымъ олицетвореніямъ относятся всѣ превращенія. Къ такимъ же чертамъ мы относимъ способность ихъ пить заразъ—полтора, полтретья, или полпята ведра; далѣе, наклонность ихъ къ самымъ грубымъ и дикимъ шуткамъ.

Сюда же относится подобная расправа богатыря съ врагами:

Ухватилъ татарина онъ за ногу,
Да и началъ татариномъ помахивать;
Онъ гдѣ вѣдь махнетъ—тутъ и улица,
А назадъ отмахнется—переулочекъ. (Г. II, 297).

Или же другой богатырь кидаетъ враговъ выше лѣса стоячаго, чуть пониже облака ходячаго.

Гораздо цѣльнѣе и нагляднѣе космическій миѳъ дошелъ до насъ въ сказкахъ, чѣмъ въ былинахъ. Эти послѣднія, по нашему мнѣнію, никакъ не должны быть изучаемы отдѣльно отъ сказокъ.

Всѣ отмѣченныя нами черты, вошедшія въ былину для отображенія историческаго богатырства, существеннымъ образомъ совмѣщаются въ сказкахъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ и страшныхъ силачей, исполиновъ и «вѣщихъ коней» (Аѳ., 1, 74, 11, 74, 84), и воду, дающую силу (1, 31), и живую и мертвую воду (1, 125), и окаменѣніе людей и змѣевъ о двѣнадцати хоботахъ, и «превращенія», и чудесныхъ животныхъ, шутки отрыванія рукъ и ногъ и т. п.

Такимъ образомъ, сказочный эпосъ не только можетъ помочь разъясненію миѳической стихіи былинъ, но и послужить указаніемъ для представленія русскаго эпоса, котораго въ былинахъ виденъ лишь только остовъ, да кое-какія кости космическихъ божествъ.

Нагляднѣе всего обнаруживается связь былины съ сказочнымъ эпосомъ въ одной сказкѣ—и именно въ той, которая больше всего имѣетъ значенія для теоріи тюрко-монгольскаго происхожденія былины, а именно въ сказкѣ объ Еруслане Лазаревичѣ [1]).

[1] Эта сказка въ нашемъ спискѣ носитъ такое заглавіе: «Сказаніе храбраго витязя Еруслана Лазаревича, русскаго богатыря». Рукопись въ 4-ю долю листа,

Важнѣе всего для насъ въ этой сказкѣ то, что она явилась къ намъ на Русь не отъ тюрковъ и монголовъ. Въ нашемъ спискѣ есть неотразимыя на то указанія. Здѣсь встрѣчаемъ мы собственныя имена, несомнѣнно греческія; таковы, напримѣръ: царь-змѣй Θеодулъ (Θεοδόυλος—января 19, марта 2, апрѣля 29, мая 18, іюня 7, іюля 4, сентября 2,—154, 7); царь Вахрамей (Βαρθολομέος—іюня 11, 30, августа 25); мать Еруслана называется здѣсь Епистимія (Επιςήμια—ноября 5); дочь Вахрамея царевна Настасія (Ἀναςάσια—марта 10, апрѣля 15, октября 20, 30, декабря 22); воительницы или поленицы носятъ названія: «Продора» (πρόδορμα—впредь бѣгущая-вѣстница); «Мандора» (μάνδρα—толпа дѣвицъ); «Легія» (λέγιαι-γυναικὲς—слабыя, невоинственныя женщины). Если о первыхъ двухъ именахъ и могутъ еще возникать недоразумѣнія, то послѣднее стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія—по самому значенію этой «поленицы» въ разсказѣ.

Въ виду такого преобладанія греческихъ именъ, мы склонны думать, что и конь Аращей есть не что иное, какъ конь браннаго Арія (αρηϊθόος—быстрый какъ Арій, или просто ἄραιος—бывшій предметомъ мольбы, желанный). Самъ Картаусъ угрожаетъ, такимъ образомъ, обратиться въ гомерическое державецъ—κρατυς, или κράτος (отъ κρατεω—владычествую, повелѣваю). Русскія сказки, дѣйствительно, всегда завязываются нарицательнымъ именемъ царя: «въ нѣкакомъ царствѣ жилъ былъ царь»—безъ указанія собственнаго его имени.

Но отъ кого бы ни пришла къ намъ эта сказка,—она въ русскомъ народномъ сознаніи нашла себѣ сродныя стихіи, прикрѣпилась къ общимъ съ нею эпическимъ представленіямъ,—получила форму, соотвѣтствующую народному характеру и быту, и такимъ образомъ—вмѣстѣ съ нашей былиной—она можетъ разъяснять не только общій миѳическій костякъ, замѣтный какъ у насъ, такъ и въ преда-

скор. 1753 г. Писалъ Михей Чаромскій,—село чаромское, въ череповскомъ уѣздѣ, новгородской губерніи. Рукопись подарена мнѣ преподавателемъ олонецкой духовной семинаріи—Д. И. Любецкимъ.

ніяхъ Византіи, но и служить еще указателемъ русскаго мотивированія космическаго миѳа.

Теперь обратимся къ самому существенному вопросу для нашего изслѣдованія,—именно къ вопросу о томъ, «въ какомъ отношеніи миѳическія черты былинъ стоятъ къ миѳологіи «Слова»?

Существенный выводъ въ данномъ случаѣ тотъ, что Соловей-разбойникъ, Поганое-идолище и Лютая-змѣя разныхъ видовъ, въ былинѣ означаютъ поганую степь и, стало-быть, вполнѣ отвѣчаютъ Диву и Тмутораканскому болвану, которые въ «Словѣ» являются представителями степи. Посредствующимъ и сближающимъ всѣ эти образы звѣномъ служитъ «Дивище», сохранившееся доселѣ на фрескахъ кіево-софійскаго собора, въ борьбѣ его съ какимъ-то богатыремъ. Это Дивище представлено здѣсь въ видѣ «человѣка съ птичьей головой»—и оно уцѣлѣло, какъ-будто для того, чтобы видѣть намъ, какъ сходятся въ немъ былинный Соловей-разбойникъ—полу-человѣкъ и полу-птица—и Дивъ «Слова», сидящій на деревѣ, кличущій степи—и затѣмъ повергающійся на землю.

Представленіе степной силы—въ образѣ Дивища—крѣпко было даже и въ московскій періодъ. Вотъ какъ, напр., описывалось вступленіе въ бой Улуха Махмета съ войскомъ Василія Васильевича Темнаго: «Онъ же царь змій, видѣвъ войско московское, уже близь къ нему грядуще... и всѣдъ на конь свой и взя оружіе свое въ руку и поскрежета зубы аки дивій звѣрь, грозно посвиста, аки страшный звѣрь, и ожесточися сердцемъ на брань, яко левъ ревый, огнемъ дыша; противу многихъ воевъ великаго князя съ немногими вои напустися».

Въ подобномъ же образѣ представляется затѣмъ самозванецъ: «и паки мало почіютъ люди московскаго государства—и звѣрь воста горшій первыхъ» [1]. Затѣмъ всецѣло этотъ образъ усвоенъ былъ расколомъ въ его воззрѣніяхъ на представителей церкви и государства,

[1] Рук. Чертк. библ. $1^{3}/_{46}$ л. 17, 18.

Микула Селяниновичъ является преемникомъ Велеса: въ этомъ случаѣ соединяющимъ звѣномъ былины съ «Словомъ» служитъ приведенная нами миѳическая пѣсня, которая и нынѣ еще бытуетъ среди народа. Борода при обрядѣ завертывается въ честь «Велеса»,—а въ пѣсни, которая при этомъ поется, воспоминается имя «Микулы».

Связь Микулы съ Велесомъ видна изъ того, что ни одинъ святой не пользуется въ крестьянствѣ такимъ почетомъ и любовію, какъ Николай Чудотворецъ и имя его поминается въ каждой малѣйшей крестьянской нуждѣ. Очевидно, въ живомъ народномъ сознаніи въ образѣ Николая—живетъ тотъ, кому вертится борода на полѣ, кто считается обладателемъ земной тяги, или же тотъ, кто говоритъ о себѣ въ былинѣ:

А я ржи напашу
Да во скирды складу,
Во скирды складу—домой выволочу;
Длани надеру, да и пива наварю
Пива наварю, да мужичковъ напою,
И станутъ мужички меня покликивати:
Молодоіі Микулушка Селяниновичъ

Николинъ день—дѣйствительно—пивной праздникъ по преимуществу,—по крайней мѣрѣ, въ Новгородской губерніи.

Есть въ былинѣ миѳическія черты, которыя близко подходятъ къ образу Хорса, упоминаемаго въ «Словѣ»:

Была у Ильи заповѣдь великая
Стоять-то у заутрени въ Черниговѣ
Поспѣть къ обѣдни въ Кіевъ градъ,
Перескоку ровно 300 верстъ.

Богатырь, ѣдущій на конѣ, изъ рта котораго пышетъ пламя, голова котораго подъ облаками, а хвостъ по землѣ разстилается, дѣйствительно соотвѣтствуетъ Хорсу, съ которымъ въ «Словѣ» соперни-

чаетъ въ бѣгѣ рыщущій Всеславъ: «ему же позвонили въ Полоцкѣ къ заутренѣ, а онъ въ Кіевѣ звонъ слышалъ».

Этотъ мотивъ, изображающій бѣгъ богатыря, аналогичный бѣгу великана Хорса, проникъ, какъ извѣстно, въ біографическую письменность и выраженъ въ поѣздкѣ Іоанна, архіепископа новгородскаго XII вѣка, изъ Новгорода въ Іерусалимъ между ранней и поздней обѣдней.

Если Игорь въ «Словѣ» называется «внукомъ Дажь-бога», по его жизни, по изобилію и богатству его земныхъ благъ, то съ этой стороны — судя по пирамъ и избытку въ хлѣбосольствѣ князя Владиміра — онъ по преимуществу является внукомъ этого божества. Основаніе для того дается живыми народными эпическими представленіями. Въ этомъ отношеніи особенно драгоцѣненъ найденный А. С. Лебедевымъ въ Дѣлахъ Харьковской Духовной Консисторіи 1764 г. и обязательно сообщенный намъ *заговоръ*, въ которомъ *мѣсяцъ* сродникъ Солнца-Дажъ-бога прямо называется *Володимеромъ*: «*Мѣсяцу Володимеру!* Славенъ ты на небѣ и на землѣ и царямъ и князьямъ и попамъ и священникамъ и всему роду Христіанскому! Такъ бы и я славенъ былъ и царямъ и попамъ и всему роду Христіанскому».

Наконецъ, въ «Словѣ о полку Игоревѣ» встрѣчаются слѣды оборотничества и стихійныхъ превращеній, которыя такъ часто являются въ былинахъ. Всеславъ князь, скакавшій лютымъ звѣремъ, ночью висѣвшій на мглѣ, а утромъ бронями разбивающій Новгородскія врата—по всей справедливости, можетъ быть сопоставленъ съ вѣщимъ Вольгой или съ Волхомъ Всеславичемъ, котораго вѣщая натура такъ прекрасно изображена въ былинѣ. Не даромъ, конечно, Волхъ называется Всеславичемъ и даже, какъ въ нашей рукописной былинѣ,— самъ Владиміръ величается также Всеславичемъ.

Мотивъ превращеній имѣетъ широкое значеніе въ сказкахъ и, конечно, имѣетъ связь съ космическимъ миѳомъ.

Таковы наши выводы изъ сравненія «Слова» съ былиной. Въ Лѣтописи и «Словѣ»—точно также какъ и въ былинѣ, изображается

одна и та же дружинно-княжеская кіевская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь—въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ,—«Слово» рисуетъ эту Русь—въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность. Былина же изображаетъ ее такъ, какъ развилась она въ народномъ сознаніи, и въ лицѣ необычайныхъ ея героевъ, и въ идеальныхъ типахъ историческаго богатырства рисуетъ намъ ту же борьбу русской земли съ поганою степью.

Итакъ, въ этихъ литературныхъ памятникахъ, мы видимъ дружинно-кіевскую Русь, какъ описалъ ее монахъ, какъ очертилъ ее бояринъ, и какъ воспѣлъ мужикъ.

VII.

„Слово“ въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ.

Судьба Кіевской дружинной Руси и слѣды языка ея въ позднѣйшей повѣствовательной литературѣ.—Отраженіе «Слова» въ «сказаніяхъ» о татарскихъ нашествіяхъ и повѣсти объ Александрѣ Невскомъ.—Задонщина какъ подражаніе «Слову».—Отношеніе «Слова» къ сказанію объ Азовскомъ сидѣніи.—Слѣды языка «Слова» въ Русскихъ хронографахъ.

Съ нашествіемъ татаръ пала навсегда Кіевская дружинная Русь, но не вдругъ могли изчезнуть ея воинскія преданія.

Центръ русской политической жизни съ нашествіемъ татаръ перемѣстился въ Суздальскую землю, въ тотъ самый за-Окскій край, который знатной боярской Кіевской Руси, представлялся не иначе, какъ краемъ залѣсскимъ, гдѣ съ ея точки зрѣнія жили мужики-демократы, которыхъ и величала она надмѣнно «мужиками *залѣшанами*». Съ тѣхъ поръ какъ на берегахъ Калки рѣшилась боевая слава Кіевскихъ храбрыхъ мужей, въ этотъ самый край должна была переселиться и Кіевская знать, и, подъ давленіемъ татарской силы, отказавшись отъ славы оружія, должна была прикрѣпиться къ землѣ вмѣстѣ съ мужикомъ залѣсскимъ.

Но, говоримъ, преданія о славѣ Кіевской дружинной Руси не вдругъ могли изчезнуть и въ этотъ періодъ вотчиннаго сельско-хозяйственнаго уклада ея въ за-Окскомъ краѣ. Въ позднѣйшей повѣствовательной литературѣ блескъ оружія старо-кіевской дружинной Руси все еще играетъ яркими лучами; образъ *«земли русской»* не перестаетъ предноситься рыцарскому сознанію; слава князя и честь его дружины еще отдаются въ старыхъ выраженіяхъ и рѣчахъ героевъ. Языкъ Слова о полку Игоревѣ еще живетъ въ устахъ и подъ перомъ повѣствователей о дѣяніяхъ князей и героевъ Сѣверной Руси.

Указать слѣды языка, оставленные Словомъ о полку Игоревѣ въ позднѣйшей письменности значитъ изложить судьбу этого памятника на Сѣверѣ Россіи, воскресить отзвуки Кіевской рыцарской Руси— среди поколѣній, жившихъ и дѣйствовавшихъ подъ новыми началами общественнаго и государственнаго уклада.

Начнемъ съ повѣствованій о нашествіи Батыя. Вотъ въ какой формѣ обыкновенно начинается скорбный разсказъ объ этомъ событіи:

«Хощу рещи, о друзи, повѣсть, иже и самыхъ безсловесныхъ можетъ подвигнути на плачъ или представити словомъ на сущихъ тогда Христіанъ изліянную на нихъ чашу пелыни Божія Суда... И кто можетъ представити словомъ, Христе милостивый, постигшая тогда злая Христіанскій родъ, глаголю же безбожнаго Батыя нашествіе, еже бысть въ лѣто ҂ѕѱмє. Сей убо безбожный, молніина стрѣла, съ безчисленнымъ множествомъ Агарянъ, безвѣстно пріиде лѣтомъ».....

Читая разсказъ лѣтописей о боѣ съ татарами на р. Калкѣ (подъ 1223 г.) нельзя не замѣтить, что здѣсь сказывается тоже понятіе о *«землѣ русской»*, какъ и въ Словѣ о полку Игоревѣ: этимъ именемъ, какъ тамъ, такъ и здѣсь, означается *«сила русская»*. Три Мстислава: Кіевскій, Галицкій и Козельскій, бывшіе тогда *«старѣйшинами»*, совокупили *землю русскую всю* противу татаромъ.

Причина пораженія таже, что и во время похода Игорева: бѣ бо котора межъ ихъ, съ грустію замѣчаетъ лѣтописецъ, велика.

Пораженіе описывается также картинно: «и пріидоша вси людіе рѣку Днѣпръ и поидоша на конѣхъ въ поле Половецкое и усрѣтоша татарове полки русскія, и стрѣльци же русскіе побѣдиша ихъ и гнаша въ поле далече сѣкущи и взяша скоты ихъ.. яко всѣмъ воемъ наполнитися скотомъ».

Это первая легкая побѣда, какъ и на Каялѣ.

Но вотъ и самое пораженіе:

«Оттуду... идоша до рѣки Калки... и ту срѣтошась сторожи Татарове и ударишась на полки Русскія»...

Подобно тому какъ тамъ героемъ былъ Всеволодъ, здѣсь Данила Романовичъ бившійся, не чуя раны на тѣлеси своемъ....

Союзники Русскихъ Половцы побѣгоша и потопташа, бѣжаще Русскихъ князей... и бысть сѣча зла.... и бысть побѣда на вси князи русскіа, якажъ не бывала отъ начала русской земли никогда же....

Скорбь о пораженіи—описана почти также»: и бысть вопль и воздыханіе и печаль по всѣмъ градомъ и по волостемъ».

Читая описаніе побоища ни Сити (1238 г.), нельзя также незамѣтить обычныхъ образовъ дружинной рѣчи: «Юрій, сѣдъ на конь свой.... съ братомъ своимъ и придоша противу поганыхъ... исступиша обои полци и бысть сѣча зла и велика и побѣдиша безбожніи, вси люди сѣкуще *аки траву*».

О князѣ Василькѣ замѣчено: «иніи же глаголаху: яко во крови утонулъ есть...»

Нападеніе Батыево на Кіевъ—еще изобразительнѣе рисуетъ дружинную рѣчь:» въ тоже лѣто пріиде Батый къ Кіеву въ *силѣ тяжцѣ*.... и не бѣ слышати во градѣ глаголющихъ другъ ко другу *во скрипаніи тѣлегъ* его и выбиша стѣны и внидоша горожане на избитыя стѣны *и ту бѣ видѣти ломъ копейный и щитомъ скипанія и стрѣлы омрачиша свѣтъ*». Замѣчено, что Батый пріиде во Владиміръ и «*взя его копьемъ*».

Повѣсть о раззореніи Рязани Батыемъ—такъ характерно воспроизводитъ для насъ геройскій духъ Кіевской Дружинной Руси, такъ прекрасно знакомитъ насъ съ понятіями ея о чести и славѣ, со взлядами ея на родную землю и съ отношеніемъ поганыхъ враговъ къ русскимъ героямъ, что самый языкъ этой повѣсти такъ ярко еще блеститъ образами и красотами Слова о полку Игоря. «О, господія и братіе моя, говорилъ Юрій Ингоревичъ своимъ героямъ, лучше намъ смертію живота себѣ купить, а неже въ поганской воли быти». Боевыя страды точно также, какъ и въ Словѣ «здѣсь называются *«великимъ трудомъ»*: «многихъ гражанъ побиша, а инѣхъ уязвиша, а иніи *отъ великихъ трудовъ* изнемогоша». Характиристика героевъ подобна Слову. «И многія князи мѣстныя и воеводы крѣпкія, удальцы и рѣзвецы (узорочье и воспитаніе Рязанское) вси равно умроша и едину чашу смертную испиша. Олегъ Игоревичь называется *«краснымъ»* подобно Мстиславу храброму въ Словѣ. Здѣсь какъ и въ Словѣ. *земля стонетъ»*. «Удальцы же и резвецы рязанстіи тако бьяшеся крѣпко, яко и *земли постонати»*. Подобны Слову и другіе образы: и *течаше кровь крестьянская яко рѣка* сильная». Олегъ Игоревичъ лежитъ *«изнемогая отъ великихъ* ранъ»... И многіе князи мѣстные и удальцы и рѣзвецы, узорочье рязанское, лежаша на землѣ пустѣ *«на травѣ ковылѣ»*.... отъ звѣрей тѣлеса ихъ снѣдаема и отъ множества птицъ растерзаема.... Бысть *первое* приходъ ихъ на землю Рязанскую и *взяша градъ Рязанъ копіемъ*. Есть даже выраженіе: гдѣ суть князи Рязанскіе? т. е. нѣтъ уже князей Рязанскихъ. Но самый прекрасный образъ «Слова», какъ давно уже замѣчено, «образъ *питія чаши смертной* и кроваваго пира на полѣ брани, здѣсь развитъ въ цѣлой драматической картинѣ:» Се бо я братъ вашъ, говоритъ Юрій Ингоревичъ своей братіи, напредь васъ изопью чашу смертную.... Князь Давидъ братъ нашъ напередъ намъ чашу испилъ, а мы ли сея чаши не пьемъ. Но бой въ образѣ брачнаго пира съ особенностію яркостію изображается здѣсь въ геройскомъ подвигѣ Евпатія Коловрата.

«И услыша приходъ зловѣрнаго царя Батыя... и иде изъ Чернигова съ *малою дружиною* и пріѣха въ землю Рязанскую и видѣ ея опустѣвшу: грады раззорѣны, церкви пожжѣны, люди побьѣны. И

пригна во градъ Рязань и увидѣ, градъ раззоренъ. И вскрича Еупатій въ горести души своея и распалаяся въ сердцѣ своемъ. И собра мало дружины. И погнаша въ слѣдъ безбожнаго царя Батыя, хотяще *пити смертную чашу* съ своими государьми равно. И едва угнаша его въ земли Суздальстей. И внезапу нападоша на станы Батыева и начаша сѣчи безъ милости. И смятоша яко всѣ полки Татарскыя. *Татарове же сташа яко пьяны*, а неистовый Еупатій тако ихъ бьяше нещадно, яко и *мечи притупишася*. Татарове мняше, яко мертвіи восташа.

И едва поимаша отъ полку Еупатіева пять человѣкъ, изнемогшихъ отъ великихъ ранъ и приведоша ихъ къ царю Батыю. И царь Батый нача вопрошати: коея вѣры есте вы и коея земля и что много мнѣ зла творите? Онѣ же рѣша. Вѣры крестьянскыя есвѣ—раби великого князя Юрія Ингворевича Резанскаго, а отъ полку Еупатіева Коловрата; да не подиви царю, не успѣвати *наливать чашу* на великую силу рать татарскую.

И посла шурина своего Хостоврула на Еупатія. И смутишася сильніи полки татарскія, хотя Еупатія жива яти. Еупатій же исполинъ силою и разсѣче Хостоврула на полы до сѣдла. И начаше сѣчи силу татарскую. И многихъ тутъ богатырей Батыевыхъ побивъ. Татарове же наводиша на него множество пороковъ и начаша бити по немъ и едва убиша его и принесоша тѣло его предъ царя Батыя.

Царь Батый, зря на тѣло Еупатіево и рече: о Кловрате Еупатіе, *гораздо еси меня поскепалъ* (подчивалъ) съ малою своею дружиною. Аще бы у меня такій служилъ, держалъ быхъ его противъ сердца своего.

И даша тѣло Еупатіево его дружинѣ останной; которые поиманы на побоищѣ (еле живы суще) и велѣ ихъ царь Батый отпустити и ни чѣмъ не вредити».

Не менѣе замѣчательна, по отношенію къ Слову, со стороны дружиннаго языка, и повѣсть о великомъ князѣ Александрѣ Ярославичѣ Невскомъ. Какъ въ «Словѣ», войско называется здѣсь «*силою*», враги называются «*погаными*»; сынъ Александра Всеволодича вели-

чается «*милымъ*»; Александръ Невскій—княземъ *крѣпкимъ, смысленнымъ и храбрымъ*. О немъ читаемъ, что «онъ подвижеся въ силѣ тяжцѣ, «*пыхая духомъ ратнымъ*»... *аркучи* тако... *разгорѣся сердцемъ*,.. *укрѣпи воя своя и рече*... О боѣ его съ Нѣмцами и Чудью говорится здѣсь: «и бысть сѣча зла и велика съ Нѣмцами и Чудью» *трескъ отъ копейнаго ломленія и звукъ отъ мечнаго сѣченія*... Пѣніе «славы князю послѣ сей побѣды въ устахъ повѣствователя сказалось въ слѣдующей формѣ: «и срѣтоша и со кресты... и народъ многъ предъ градомъ, *поюще славу* великому князю Александру Ярославичу».

Онъ называется здѣсь также «*грознымъ*» подобно Святославу въ «Словѣ» и притомъ съ прекраснымъ объясненіемъ этого прозванія: «По умертвіи же отца своего великій князь Александръ пріиде въ Володимеръ въ силѣ тяжцѣ и *бысть грозенъ пріѣздъ его*, пройде вѣсть до усть *Волги* и начаша жены Моавитски *полошати* дѣти своя, *аркуще*: «Великій князь Александръ ѣдетъ». Въ другомъ же мѣстѣ замѣчено: «и славна бысть земля его съ *грозою его*».

Авторъ не забылъ упомянуть и о той славѣ, о которой не разъ замѣчено въ «Словѣ и которой особенно дорожила Кіевская Русь, о славѣ за предѣлами земли Русской: «И нача имя славити великаго князя Александра Ярославича по всѣмъ странамъ отъ моря Варяжскаго и до моря Понтійскаго и до моря Хупожскаго и до страны Тиверійскіе и до горъ Араратскихъ... и до Рима великаго распространися имя его предъ тьмы тьмами и предъ тысяща тысящами.

Рѣчь Митрополита Кирилла предъ его гробомъ—служитъ также отголоскомъ дружинной Руси: «Чада моя *милая*, говорилъ онъ, яко зайде *солнце земли русской*: былъ же *плачь великъ* и кричаніе и *туга*, яко нѣсть такова бывало, токмо и земли *трястись*... Много бо *труждашеся за землю русскую*».

Герои его—тѣже Кіевскіе дружинники:

«Бяше же у Вел. князя Александра Ярославича множество храбрыхъ... *исполнишась духа ратна*». Бяше сердца имъ, аки львомъ и рекоша: «о княже нашъ честный и драгій: нынѣ приспѣ время *положити главы за тя*».

Особенно замѣчательно описаніе его героевъ въ боѣ съ «*Варяжской силой*» (Свея, Мурмань, Сумь и Ямь). «Бысть сѣча велика надъ Римляны и (вел. князь) изби множество Римлянъ и самому королю печать вложи своимъ острымъ копьемъ на лицѣ его. Здѣ же явишась въ полку (его) 6 мужей храбрыхъ. Первый Гаврило Олексинъ: выѣха по досцѣ до самого корабля и свергоша его со цки въ море и изыде изъ моря невреженъ и паки ѣхавъ «*бися крѣпко*» съ самимъ воеводою. Вторый же именемъ Сбыславъ Якуновичъ: сей же бьяшеться единѣмъ топоромъ и множество численно отъ руки его падаху. Третій же Яковъ Повчанинъ, ловчій у князя: сей наѣхавъ *на полкъ съ мечемъ и мужествова крѣпко* и похвали его князь. Четвертый Ноугородецъ Миша: сей высѣче три корабля. Пятый отъ молодыхъ его слугъ именемъ Сава: наѣха великій «*шатеръ златоверхіи*» и подсѣче столбъ ему и падеся. Шестый отъ слугъ его именемъ Ратма: сей бись пѣшъ и *оступиша* его Римляне многи, онъ же ото многихъ ранъ паде и скончася». Въ этихъ герояхъ трудно не видѣть образы Кіевскихъ богатырей, воспѣтыхъ народной былиной и отзвуковъ дружинной рѣчи, подобной «*Слову*». Здѣсь встрѣчаемъ также выраженія, употребляемыя въ словѣ: *мгла, насадъ, нелюбіе, червленый, аркучи* и т. п.

Въ житіи великаго князя Доманта Псковскаго также встрѣчаются пріемы повѣствованія, обороты и выраженія, сходныя съ повѣствованіями Кіевской дружинной школы. Такъ при разсказѣ о нападеніяхъ Литвы читаемъ: (Домантъ) «рѣче къ дружинѣ своей: се убо намъ отцы и братія предлежитъ животъ и смерть, не убоимся убо, о воины, потягнемъ за домъ Пресвятыя Богородицы. И сія рекъ охрабрися и быстро подвигся съ воицею си, во едино сердце снемшеся».,. видѣвше же поганіи крѣпость его и мужество... аки дикія звѣри рыкающе наскакаху... Бысть же сѣча зла и преужасна; падаху убо тѣлеса противныхъ, *аки древія*, и кровь сильныхъ, *аки вода льяшеся по удоліямъ*; стукъ же и шумъ страшенъ бяше, *аки громъ*, отъ вопля и кричанія обоихъ полковъ вой, и отъ трескоты оружія ихъ... И свѣтлая си оружія кровію ихъ *червлены* сотвориша, останокъ же поганыхъ, страхомъ объяти бывше, бѣжати устремишась [1].

[1] Текстъ приводится по списку *житія*, принадлежащему нашему рукописному собранію.

Въ житіи Михаила Ярославича Тверскаго—при описаніи нашествія на Тверь князя Юрія съ Кавгадыемъ также читаются выраженія и обороты, сходные съ «Словомъ». И бысть *туга* велика христіаномъ... Они же (бояре) едиными усты со слезами рекоша: правъ еси, господине, во всемъ *предъ сыновцемъ своимъ*.,. И поидоша противу ратнымъ... и бысть сѣча велика... И побѣди враговъ... И бысть видѣти безчисленное множество ратныхъ падающихъ язвени, *аки снопы въ жатву на нивѣ*... Князь же Юрій видѣ вой свой *располошенъ, аки птичье* стадо и побѣже къ Торжку съ малою дружиною своею.

Въ повѣсти о Московскомъ взятіи отъ царя Тохтамыша и о плѣненіи русской земли, также встрѣчаются выраженія, общія дружиннымъ повѣстямъ.

«Наутріажъ самъ царь приступи ко граду со всею своею силою; гражане же *пустиша нанъ стрѣлы*, а они паки своими *стрѣлами стрѣляху на градъ*, аки *дождь*... бѣхутъ бо у нихъ стрѣльцы *и горазди* весьми... Проліаше окаянніи кровь, аки воду... И трупіа мертвыхъ много лежаща.

Но если въ поэтическихъ образахъ и выраженіяхъ указанныхъ повѣстей доносятся до насъ отзвуки языка литературно-повѣствовательной Кіевской дружинной школы, къ которой относится и «Слово», то въ Задонщинахъ неотразимо сказывается непосредственное воздѣйствіе Слова на сѣверно-русскую письменность.

Нельзя безъ содроганія читать въ лѣтописяхъ, какія тяжкія страды выносилъ Русскій народъ подъ Татарскимъ игомъ въ теченіи нѣсколькихъ вѣковъ. Но вотъ на берегахъ Дона и Непрядвы совершился кровавый судъ исторіи: одержана была побѣда надъ погаными неслыханная, которая казалась современникамъ «*всеславнымъ чудомъ*». Съ этого историческаго момента орда перестала быть для Руси заправляющей силой и съ часу на часъ теряла свой грозный, устрашающій характеръ. Куликовская побѣда совершила на Руси подъемъ народнаго духа и дала почувствовать великое благо объединенія всѣхъ областей въ союзѣ вѣры и земли, въ единствѣ церкви и государства. Впечатлѣніе произведенное тогда Куликовскимъ подвигомъ было громадное, всенародное, вѣковое.

Дмитрій Донской тогда же признанъ избранникомъ Божіимъ: «*Господь Богъ единъ его вожаше*», замѣтилъ лѣтописецъ. Народный стихъ разсказываетъ, что «Апостоли Господни и Архангелы со ангелами» на полѣ Куликовѣ отпѣвали мощи павшихъ воиновъ, кадила на нихъ сама мать Пресвятая Богородица, а князь Димитрій *предводитъ на небѣ ликами мучениковъ*, Какъ святыня хранились до дней нашихъ и посохъ Пересвѣта [1] и костыль, съ которымъ Преподобный Сергій встрѣчалъ послѣ побѣды Дмитрія Донскаго [2]. Побѣда надъ безбожнымъ Мамаемъ разсказывалась на разныя лады и въ народныхъ сказкахъ [3].

Понятно, что событіе съ такимъ всеобъемлющимъ и вѣковымъ значеніемъ не могло остаться безъ литературной обработки въ книжной письменности. Понятно, что тогдашніе просвѣщенные люди не могли довольствоваться только витіеватымъ, но холоднымъ, такъ сказать, оффиціальнымъ пересказомъ этого событія, дошедшаго до насъ, подъ заглавіемъ: «О побоищѣ великаго князя Димитрія Ивановича на Дону съ Мамаемъ [4].

Литературная обработка этого событія дошла до насъ въ значительномъ количествѣ произведеній, подъ именемъ «Задонщинъ». Мы не будемъ входить въ подробныя опредѣленія редакцій и рецензій этихъ произведеній, такъ какъ это уклонило бы насъ отъ прямой нашей задачи [5]. Ограничимся лишь общимъ указаніемъ, что эти произведенія представляютъ собою два типа: 1, поэмы, воспѣвающія

[1] По словамъ Макарова, посохъ Пересвѣта—простая толстая дубинка изъ яблони, аршина два вышины—находился въ Скопинскомъ Дмитріевскомъ Соборѣ еще въ 1825 году. (Русскія народныя картинки, Ровинскаго кн. IV, стр. 383).

[2] Костыль этотъ показывали въ Голутвинскомъ монастырѣ еще въ 1840 г. (Ibid).

[3] См. у Аѳанасьева т. III, стр. 164.

[4] См. въ Воскресенскомъ сводѣ.

[5] Обзоръ редакцій «Задонщинъ» сдѣланъ въ статьѣ Назарова: «Сказанія о Мамаевомъ побоищѣ». Ж. М. Н. просв. 1858, стр. 41—42, 46 и еще обстоятельнѣе въ изслѣдованіи о Словѣ А. И. Смирнова. Ч. 2 стр. 133—180.

хвалу Великому князю Димитрію Ивановичу и брату его Владиміру Андреевичу и 2, повѣсти о Донскомъ бою съ преобладаніемъ въ нихъ историческаго факта.

1. Поэмы дошли до насъ въ двухъ видахъ—краткомъ и пространномъ. Краткая похвала читается въ Кирилло-Бѣлозерскомъ сборникѣ XV вѣка, гдѣ онъ носитъ такое надписаніе: «Писаніе Софонія старца Рязанца. Задонщина великаго кнзя гна Дмитрія Ивановч» [1]. Пространная похвала находится въ сборникѣ XVII в. Ундольскаго и озаглавливается такъ: «Слово о великомъ князѣ Дмитріѣ Ивановичѣ и братѣ его князѣ Владимірѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая» [2].

Обѣ эти поэмы суть осязательно-очевидныя подражанія Слову о полку Игоревѣ. Онѣ слѣдуютъ его плану; онѣ буквально повторяютъ его обороты; онѣ воспроизводятъ даже ошибки тѣхъ списковъ «Слова», коими пользовались ихъ переписчики.

Въ краткой поэмѣ указано самое имя автора: «писаніе Софонія старца Рязанца. Дѣйствительно, и Тверская лѣтопись первымъ авторомъ Задонщины называетъ Софонію, хотя и считаетъ его Брянскимъ бояриномъ. Кто былъ этотъ Софонія, іерей ли, какъ именуется въ позднѣйшихъ редакціяхъ, или бояринъ, какъ гласитъ Тверская лѣтопись, рѣшать этого не беремся да находимъ и не важнымъ для нашей задачи. Для насъ всего важнѣе то, что этотъ Софонія, задумавъ воспѣть задонскую побѣду, не нашелъ ничего лучшаго для подражанія, какъ именно Слово о полку Игоревѣ. Куликовская битва прежде всего была крестнымъ подвигомъ, великою народною скорбію, такъ какъ славная побѣда стоила дорого и плачемъ вдовъ и сиротъ огласила всю Московскую землю. Съ другой стороны—это было великое торжество, радость всеобщая и тѣмъ болѣе глубокая, чѣмъ сильнѣе ощущалось иго Татарское. Эта скорбь и ликованіе—невольно привлекли вниманіе Софоніи—автора Задонщины къ «Слову», гдѣ хва-

[1] См. Учен. Зап. Имп. Ак. Н. по 2 отд. кн. V, 1859 г. прил. стр. 57—60.

[2] См. Временникъ Общ. Ист. и Древ. Росс. кн. XIV.

лебный и торжественный тонъ также быстро переходитъ въ элегическій и радость и горе, такъ сказать, обнимаются. Этотъ двойственный характеръ, выдержанный въ писаніи Софонія, указываетъ, что оно появилось вскорѣ послѣ побѣды, подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ Куликовской битвы.

«Восхвалимъ вѣщаго Бояна въ Кіевѣ гораздо гудца. Той бо вѣщій Боянъ, воскладая свои златыя персты на живая струны, пояше славу Русскимъ князьямъ».

Такъ начинаетъ авторъ свое «Писаніе», Одно это начало уже говоритъ о томъ, въ какомъ непосредственномъ отношеніи стоялъ онъ къ «Слову». Но Софонія выдерживаетъ за тѣмъ самый планъ «Слова» и украшаетъ свое «писаніе» его поэтическими образами и выраженіями. Охарактеризовавъ своихъ героевъ на подобіе Игоря, онъ обращается за похвалою къ жаворонку, какъ авторъ «Слова» къ Бояну, при чемъ удерживаетъ и самую попытку пѣть въ духѣ Бояна. Коснувшись за тѣмъ Новгородскаго ополченія, гдѣ въ Словѣ стоитъ характеристика Всеволода и его дружины, Софонія, подобно автору «Слова» обращается къ соловью, чтобы онъ *выщекоталъ* двухъ братьевъ Ольгердовичей. Далѣе, какъ и въ «Словѣ», описываются выступленіе въ походъ и зловѣщія знаменія; второй битвѣ Игоря здѣсь соотвѣтствуетъ описаніе Куликовскаго боя; вмѣсто эпизода о Борисѣ Вячеславичѣ поставленъ эпизодъ о Пересвѣтѣ и Ослябѣ; въ соотвѣтствіи очертаніямъ бѣдствіямъ дѣйствій при Олегѣ и плачамъ женъ дружинниковъ въ Писаніи изображаются тѣ и другіе послѣ Куликовскаго боя.

А. И. Смирновъ предполагаетъ, что дошедшій до насъ Кирилло-Бѣлозерскій списокъ XV вѣка не представляетъ первоначальнаго вида «Писанія Рязанца Софонія»; оно будто бы только копія и въ сборникъ внесено по памяти, хотя и носитъ заглавіе «Писанія» [1]. Но для такого предположенія, на нашъ взглядъ, не представляется достаточныхъ основаній. Общее правило въ развитіи древне-русской пись-

[1] О словѣ о п. Иг. Вып. II, стр. 171.

менности то, что краткія редакціи предшествуютъ пространнымъ. Непосредственное тяготѣніе къ «Слову» и самая краткость «Писанія» даютъ разумѣть, что оно дошло до насъ въ его первоначальномъ видѣ.

Авторъ второй поэмы, уцѣлѣвшей въ Сборникѣ Ундольскаго, остается неизвѣстнымъ. Но онъ самъ замѣтилъ въ своемъ произведеніи: *«азъ же помяну Рязанца Софонія и восхвалю пѣсньми и гусленными словесы великаго князя Дмитрія Ивановича»*. Отсюда видно, что первымъ источникомъ для его поэмы служило выше приведенное «Писаніе» старца Софонія. До какой степени простиралось пользованіе этимъ источникомъ, указываютъ слѣдующія сравненія:

Въ Писаніи Софонія.	Въ Словѣ о Димитріѣ.
Жаворонокъ птица, въ красныя дни утѣха! Взыди подъ синіе облакы, пой славу великому князю Дмитрію и брату его Володимеру Ондреевичу.	Оле, жаворонокъ лѣтняя птица красныхъ дней утѣха! Возлети подъ синіе небеса ...воспой славу Вел. князю Дмитрію Ивановичу и брату его Владимиру Андреевичу.
Звонят колоколи вѣчьніи в Великомъ в Новѣгородѣ.	Звонятъ въ колоколы вѣчные въ ВеликомъНовѣгородѣ у Софеи Премудрые.
Славій птица, чтобы еси выщекотала сіи два брата.	О, соловеі лѣтняя птица, чтобы ты, соловей, пощекоталъ славу великому князю Дмитрію Ивановичу.
Тогда же гуси гоготаше и лебеди крилы въсплескаша.	Тогда же гуси возгоготали и лебеди всплескаша крылами своими.
Солнце ему на встоцѣ ясно свѣтить, путь ему повѣдаеть.	Солнце ему на востокъ сіяетъ и путь повѣдаетъ.
Тогда же не тури возрыкають... взопиша избіеніи отъ поганыхъ.	Не тури возгремѣли у Дунаю великаго, но посѣчени князи русскіе.

Но пользуясь такимъ образомъ «Писаніемъ Софонія», авторъ Слова о Димитріѣ распространилъ его поэму и, какъ видно, подобно ему имѣлъ при этомъ образцемъ тоже «Слово» о полку Игоря. На это указываетъ:

1. Запѣвъ, стоящій въ ближайшемъ отношеніи съ запѣвомъ Слова, о полку Игоревѣ котораго нѣтъ въ «Писаніи Софонія». Въ запѣвѣ упоминаются «иные *словеса*» «*нынѣшнія повѣсти*» повѣданіе «по дѣломъ *и по былинамъ*» *первыя времена* «*мысль*» т. е. тѣ самыя выраженія, которыя читаются и въ запѣвѣ «Слова».

2. Вставки въ самое повѣствованіе, кои сходны съ выраженіями «Слова», но которыхъ также нѣтъ въ писаніи Софонія: «*И наполнися ратнаго духа*», «а воеводы у насъ уставлены, а дружина *свѣдана*»; *гнѣздо есмя были великаго* князя Владиміра Кіевскаго, *не въ обидѣ есмы* были *по роженію ни ястребу, ни кречету, ни черному ворону*, трава кровью пролита бысть, *а древеса тугою къ землѣ преклонишася*. Жена Микулина... *рано* плакашеся у Москвы.

3. Наибольшее тяготѣніе къ буквѣ «Слова», чѣмъ въ Писаніи Софонія.

Въ Писаніи:	Въ Словѣ:
Уже бо стукъ стучить и громъ гремить рано передъ зорею.	*Что* шумитъ и *что* гремитъ рано передъ зорями.
Лучши бы есмя сами на свои мечи наверглися, нежели намъ отъ поганыхъ положенымъ быть.	Лудчи бы намъ *потятымъ быть, нежели полоненымъ* отъ поганыхъ Татаръ.

4. Болѣе стройное и логическое расположеніе частей. Скрыпъ телѣгъ здѣсь предшествуетъ появленію враговъ. Сраженіе описано болѣе послѣдовательно.

Предполагать, что была еще какая-то не извѣстная пространная поэма Софонія, по отношенію къ которой дошедшее до насъ его Писаніе есть лишь сокращеніе, и которая въ свою очередь служила источникомъ для Слова о Димитріѣ, не представляется, говоримъ, достаточныхъ основаній. Выраженіе автора этого послѣдняго произведенія «азъ же помяну Рязанца Софонія и восхвалю» сколько указываетъ на то, что онъ пользовался имъ какъ своимъ источникомъ, столько и на то, что авторъ хочетъ быть при этомъ самостоятельнымъ и восполнить похвалу, написанную Софоніемъ.

Повѣсти о Донскомъ бою весьма разнообразны и существуютъ въ весьма значительномъ количествѣ списковъ. Онѣ носятъ разныя заглавія, но существенное ихъ содержаніе одно и тоже. Главными фактами служатъ: походъ Мамая, измѣннический замыселъ Олега Рязанскаго и Ольгерда Литовскаго, приготовленіе къ войнѣ Дмитрія Ивановича—это первая часть. За тѣмъ описывается станъ въ Коломнѣ, переходъ чрезъ Донъ и канунъ битвы—это вторая часть. Въ третьей—изображаются движенія противныхъ становъ раннимъ утромъ, самый бой и послѣдующія за тѣмъ обстоятельства. Всѣ эти факты также украшены витійствомъ, весьма близкимъ къ «Слову». Наибольшая часть поэтическихъ выраженій и оборотовъ, по видимому, привнесены сюда изъ «Писанія Софонія» и «Слова о Димитріѣ»; но встрѣчаются и такіе, которыхъ нѣтъ въ этихъ памятникахъ и которые могли попасть сюда прямо изъ «Слова». Книжники знакомые съ симъ послѣднимъ восполняли эти повѣсти такими или другими поэтическими оборотами «Слова», видоизмѣняя и располагая ихъ по силѣ своего разумѣнія.

Подобныя подражанія и заимствованія указываютъ лишь на то, какъ долго «Слово» не переставало быть извѣстнымъ на Сѣверѣ Россіи и увлекать книжниковъ красотами своихъ выраженій и оборотовъ.

Достойно вниманія, что наибольшая часть дошедшихъ до насъ Задонщинъ Новгородскаго происхожденія. Нельзя не замѣтить, что когда Татарское иго было свергнуто и завершилось собираніе Руси, когда для всѣхъ стало ясно громадное значеніе жизни Куликовской битвы, разныя области не принимавшія въ ней участія, какбы чувствуя зазоръ, спѣшатъ засвидѣтельствовать письменно, что они не были чужды этому великому дѣлу: сперва является Тверское сказаніе о мнимомъ участіи Тверичей, а потомъ создается и цѣлое Новгородское повѣствованіе въ томъ же направленіи. Въ «Писаніи Софонія» Новгородцы стоятъ у св. Софіи «аркучи *такову жалобу*: уже намъ, брате, къ Великому князю Дмитрію Ивановичу на пособь не поспѣти». Но эта *жалоба* въ «Словѣ» о Димитріѣ превращена уже въ дѣятельное соучастіе: «и какъ слово изговариваютъ, уже аки орли

слетѣшась, то ти были не орлы слетѣшася: выѣхали посадники изъ Великаго Новгорода 7,000 войска къ Великому князю Дмитрію Ивановичу». За дальнѣйшими распространеніями дѣло не стало. Въ одномъ изъ повѣданій уже передавалось, какъ Новгородцы порѣшили «побѣдный вѣнецъ пріяти съ вѣрными Русскими людми Московскія земли и *пострадати во единомъ мѣстѣ* Христова ради имени» и двинули «избраннаго войска 40,000 [1]. Новгородъ, какъ просвѣщенный центръ глубже другихъ областей оцѣнивалъ значеніе Куликовской побѣды и потому усиленно стремился хотя нравственно выразить свое соучастіе въ этомъ великомъ подвигѣ.

Ограничившись этими общими замѣчаніями о происхожденіи и типахъ Задонщинъ, перейдемъ къ разсмотрѣнію того, какъ отразилось въ нихъ «Слово».

Въ запѣвѣ пространной поэмы (т. е. въ Словѣ о Димитріѣ) удержано *обращеніе* къ братіи. Но если въ Словѣ о полку Игоря, это обращеніе живое, направленное къ наличной средѣ, къ дружинникамъ, то здѣсь въ Задонщинахъ—это не болѣе, какъ литературный оборотъ, взятый на прокатъ и потерявшій свой изначальный смыслъ. За тѣмъ какъ самъ Боянъ утратилъ здѣсь свой историческій обликъ, такъ и его «*старыя словеса*» лишились своего опредѣленнаго эпическаго значенія. Слава «*Боянова*» еще доносится до насъ въ «*Писаніи Софонья,* но для него Боянъ не больше какъ Кіевскій «гораздый гудецъ и самое имя его подъ перомъ его или его переписчика превратилсь въ Гобояна: *восхвалимъ, говоритъ онъ вѣщаго Гобояна, въ Кіевѣ гораздо гудца*». Но въ дальнѣйшей подражательной поэмѣ въ «Словѣ о Димитріѣ *Боянъ* слышится лишь *въ самыхъ смутныхъ воспоминаніяхъ* и личное его имя превращается въ «боярина, «*Помянемъ,* читаемъ здѣсь, *вѣщаннаго боярина, гораздо гудца въ Кіевѣ*». Въ одной изъ позднѣйшихъ повѣстей о битвѣ съ Мамаемъ, «Боянъ» также прозвучалъ еще, но уже съ именемъ Урана [2]: *Се повѣдай Уранъкако, случися брань*... читалось въ спискѣ Тимковскаго.

[1] О Донскомъ побоищѣ, Н. И. Мельгунова, стр. 26.

[2] Если только это не описка писца; быть можетъ слѣдовало читать: Се повѣдаю брань.

Одна лишь черта изъ характиристикѣ Бояновой въ «Словѣ» удержана въ разсматриваемыхъ памятникахъ: это именно изображеніе его какъ гудца. *Той бо вѣщей Боянъ,* читаемъ въ писаніи Софонія, *воскладая свои златыя персты, на живыя струны, пояше славу русскымъ князем*ъ». Или «тотъ бояринъ, какъ въ Словѣ о Димитріѣ, вскладаше свой персты на живыя струны, пояше[1] русскимъ княземъ славу».

Упоминанія «*о старыхъ словесахъ*», наиболѣе выдержаны въ Словѣ о Димитріѣ; здѣсь читаемъ: *Лудчи бо намъ брате начати повѣдати иными словесы отъ похвальныхъ сихъ и о нынѣшныхъ повѣстяхъ похвалу великаго князя.... Начаша ти повѣдати по дѣломъ и по былинамъ...* Для автора, читавшаго Слово о полку Игоревѣ «*старыя словеса*», очевидно, были нѣмыми, ничего неговорящими звуками: это были просто «иныя какія то *словеса*», которыя не отвѣчали «повѣданію по дѣломъ и по былинамъ; въ Писаніи же Софонія объ этихъ» словесахъ упомянуто еще болѣе глухо, гдѣ названы онѣ «*гуслѣнными буйными словесами*».

Но еще сильнѣе сказалось неразуміе автора пространной поэмы о Димитріѣ въ передачѣ выраженій «Слова» что «Боянъ растекался мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по землѣ».

Онъ измѣнивъ это такъ: *не проразимся мыслію, но землями, помянемъ первыхъ лѣтъ времена.* Такое разумѣніе смысла оригинала можно объяснить или тѣмъ, что авторъ не могъ его разобрать и внесъ фразы, какія прочиталъ, не заботясь объ ихъ смыслѣ, или же тѣмъ, что ихъ онѣ были обезсмыслены уже въ XV—XVI в. переписчиками.

Но какъ бы не старались оправдать такое грубое измѣненіе смысла, далѣе мы видимъ, что и «*первыя времена*», «Слова» авторы поэмъ о Димитріѣ понимали не лучше, чѣмъ «*старыя словеса*»

Въ силу своего неразумія Софонія заставилъ Бояна пѣть первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичу и Святославу Ярославичу и Ярославу Володимеровичу; а подражатель Софоніи, авторъ простран-

[1] Въ спискѣ: воскладоша, пояша—очевидныя описки.

ной поэмы о Димитріѣ заставилъ своего боярина пѣть: первому князю Кіевскому Игорю Бяриковичу и великому князю Владиміру Всеславьевичу Кіевскому и великому князю Ярославу Володиміровичу. Такъ поняли они выраженіе «Слова» что «Боянъ» помняшеть усобицы *первыхъ временъ*.

Но что еще болѣе указываетъ скудость пониманія авторами Задонщинъ эпическихъ мѣстъ Слова, такъ это *воззваніе къ Бояну*: прочитавъ ихъ въ оригиналѣ Софонія не выкинулъ ихъ въ своемъ твореніи, но чуждый живаго представленія Бояна, онъ замѣнилъ обращеніе къ Бояну обращеніемъ къ жаворонку: «Жаваронкъ птица, въ красныя дни утѣха! пой славу великому князю Дмитрію Ивановичу и брату его Володиміру Андреевичу». Тоже повторилъ и подражатель Софоніи авторъ, Слова о Димитріѣ. Тотъ и другой удержали при этомъ и выраженіе: лѣтая умомъ подъ облаки. Софонія передѣлалъ это мѣсто такъ: «взыди подъ синіи облакы» а продолжатель его; взлети подъ синіе небеса (въ Словѣ о Димитріи).

Стихъ: «не буря соколы занесе чрезъ поля широкая» въ краткой поэмѣ замѣненъ такъ: «они бо *взнялися*а какъ соколы со земли русскія на поля Половетцкія; въ пространной же превращенъ въ вопросительную форму:» —*ци* буря соколы снесетъ изъ земли залесскія въ поле Полотское. «Достойно замѣчанія, что подражительность доходитъ до того, что *поле Куликово* называется *полемъ Половецкимъ*».

Наконецъ удержано и второе воззваніе къ Бояну. Боянъ не названъ здѣсь но эпитетъ «*славія*» удержанъ въ той и другой поэмѣ «*славій птица*» читаемъ въ Писаніи Софонія, что бы еси *выщекотала* сіи для брата. Или какъ въ словѣ о Димитріѣ: *о, соловей* лѣтная птица, что бы ты, соловей, пощекоталъ славу великому князю Дмитрію Ивановичу!

Такъ-то образъ Бояна и его старыхъ словесъ, образъ столь живый и опредѣленный, столь высокій и поэтическій—для Кіевской дружинной Руси, помрачился въ Заокской Сѣверной Руси и исказился подъ тростію авторовъ Задонщинъ. Такъ-то тяготѣли они къ Кіевскому литературному преданію, раболѣпно ему подражая, но его не понимая!

Далѣе, изученіе Задонщинъ приводитъ къ тому положенію, что нѣкоторыя неисправныя мѣста въ дошедшемъ до насъ текстѣ Слова о полку Игоревѣ были испорчены или неясно написаны уже въ тѣхъ его спискахъ XV—XVI вв, коими пользовались авторы Задонщинъ.

Такъ выраженіе *подꙋбію* (бѣды его пасеть птиць подобію) написано было подъ титломъ. Иначе, трудно было бы ожидать такой передѣлки этого мѣста, какую мы находимъ въ Писаніи Софонія и въ Словѣ о Дмитріѣ Ивановичѣ».

Какъ въ томъ такъ и другомъ, выраженію «*подобію*» соотвѣтствуетъ: *подъ облакъ*. Такъ въ Словѣ о Димитріѣ читаемъ: а ужъ бѣды пасоша, птицы крылаты *подъ облакъ* летятъ, или какъ въ «Писаніи» Софонія птицы небесныя пасущеся то подъ синіе оболока».

Если бы въ спискахъ «Слова», коими пользовались авторы Задонщинъ строчнымъ письмомъ и яснымъ полууставомъ было начертано **по дꙋбію**, то подобной передачи никакъ не могло бы появиться въ ихъ поэмахъ о Димитріѣ.

Подобную же особенность представляли по видимому списки «Слова» XV—XVI вв. и въ томъ мѣстѣ, гдѣ говорится о Борисѣ Вячеславичѣ, что слава его на судъ приведе и *на канину* зелену паполому постла, и потому въ поэмахъ-задонщинахъ вмѣсто канину появляется «*ковыла трава*. Такъ въ «Писаніи» Ослабя говоритъ Пересвѣту: «уже твоей главѣ пасти на сырую землѣ *на бѣлую ковылу*». Тоже— и въ словѣ о Димитріѣ: летѣти главѣ твоей на траву *ковыль*, а чаду твоему Іякову лежати на землѣ *ковылѣ травѣ*. Но если предъидущіе примѣры указываютъ, какъ не отчетливы были списки «Слова», XV—XVII вв. то слѣдующія даютъ понимать, какъ далеко отстояла въ то время книжность сѣверно-русскаго человѣка отъ Кіевской передовой образованности и въ частности дружинной поэзіи.

Авторы Задонщинъ мало были знакомы съ живыми мѣстными говорами: только этимъ обстоятельствомъ можно объяснить замѣну выраженія: о, русская земле, уже за шеломянемъ еси, такого рода оборотомъ: *земля еси русская! какъ еси была доселева* за цремь *за Соломономъ*. На югѣ Россіи слово *шеломя*, какъ видно изъ лѣтописей,

было словомъ литературнымъ, на Сѣверѣ же, въ смыслѣ округлой и окатистой возвышенности, доселѣ сохраняется въ народномъ говорѣ и въ народномъ пѣснотворчествѣ. Авторы Задонщинъ, далеко стоявшіе отъ Кіевской литературы, были чужды пониманія и живаго народнаго сѣверно-русскаго языка. Всего вѣроятнѣе они увлечены были къ такому искаженію, какъ справедливо предполагаетъ А. И. Смирновъ, (ч. 2 стр. 174) тѣмъ, что вмѣсто «*шеломянемъ*» въ спискахъ «Слова», коими они пользовались, было написано: *солъмянемъ*, какъ читается это слово и въ Хлѣбниковскомъ спискѣ лѣтописи. Впрочемъ въ позднѣйшихъ Повѣданіяхъ удержано и подлинное значеніе этого выраженія, хотя и въ другой связи мыслей: «поганые же идутъ обаполъ, безбожный же царь выѣха съ 3 темными князи на *шеломя* высоко».

Далѣе, авторы Задонщинъ, не понимавшіе «Бояна» были чужды пониманія, и его «замышленій», а потому и «дивъ Слова» для нихъ не представлялъ живаго миѳологическаго значенія. Мѣсто: «Дивъ» кличетъ връху древа» велитъ послушати земли незнаемѣ, Влъзѣ и Поморію и Посулью.... въ Сказаніи о Дмитріѣ «передано такъ.. Возмутишася рѣки, потоки и озера и *кликнули быша дивы въ русской земли*; въ Писаніи же Софонія: оукупимъ землямъ» *диво*, старымь повѣсть, а младымь память. Въ подобномъ же неосмысленомъ видѣ встрѣчаемъ слово дивъ и въ повѣстяхъ о Донскомъ бою «уже бѣ вержено *диво* на землю».

Бояринъ-рязанецъ и его продолжатель мало были знакомы съ нѣкоторыми существенными свойствами животныхъ и потому многіе прекрасные поэтическіе образы Слова о полку Игоревѣ, попавъ подъ ихъ перо, потеряли ту характерную и осязательную черту, которой они даютъ разумѣть себя непосредственно; такъ напр. образъ брехания лисицъ въ «Словѣ осмысленъ»: тамъ «лисицы брешуть на *черленыя* щиты». Извѣстно, что лисица не выноситъ краснаго цвѣта и потому лай ея на красные щиты понятенъ. Въ Писаніи же Софонія «красные щиты опущены и говорится только, что лисицы *часто* брешутъ»; въ Словѣ же о Димитріѣ сдѣлана замѣна еще менѣе толковая: «лисицы *на костьхъ* брешутъ».

Наконецъ—наиболѣе тяготѣвшій къ буквѣ «Слова» авторъ пространной поэмы о Димитріѣ обнаружилъ себя недалекимъ словотолковникомъ.

Выраженіе «*Истягну умъ крѣпостію*»—онъ передалъ такъ: «*истязавше* умъ крѣпкою крѣпостію». Неговоря о томъ, что слово *истягну* прочитано не вѣрно, истягнуть во всякомъ случаѣ не значитъ *истязать*..

Само собою понятно, что какъ бы сильно не отразилась буквальная передача Слова во Задонщинахъ, онѣ, создавшись при такихъ условіяхъ и обстоятельствахъ, не много могутъ дать намъ для уясненія темныхъ и непонятныхъ мѣстъ этого памятника Кіевско Дружинной поэзіи. Во всякомъ случаѣ, важно уже то, что въ этихъ буквальныхъ, часто неосмысленныхъ выдержкахъ изъ Слова, приведенныхъ въ Задонщинахъ, открываются для насъ неотразимыя доказательства того, что тѣ или другія неисправныя выраженія и обороты дошедшаго до насъ текста были уже въ спискахъ Слова XV—XVI вв. и потому изслѣдователи и переводчики «Слова» должны относиться къ этимъ мѣстамъ съ особенною осторожностію и отнюдь не должны выкидывать ихъ изъ текста.

Намъ остается обратить вниманіе на тѣ картины и образы «Слова», которые были любимыми мѣстами для подражанія въ Задонщинахъ и служатъ наилучшимъ ихъ украшеніемъ, придавая имъ поэтическое достоинство. Таковы картины, изображающія станъ, отправленіе въ походъ, геройство, зловѣщія предзнаменованія, самый бой, разлучную причеть и бѣдствія побѣжденныхъ. Такъ какъ пораженіе потерпѣли татаре, которые, какъ и Половцы въ Словѣ, называются здѣсь «*погаными*», то, естественно, что многія картины, съ несчастнаго похода Игорева здѣсь перенесены на татаръ.

Станъ въ Словѣ о полку Игоревѣ, подъ воздѣйствіемъ пѣсней Бояновыхъ, изображенъ стихами:

Комони ржутъ за Сулою,
Звенитъ слава въ Кіевѣ,
Трубы трубятъ въ Новѣгородѣ,
Стоять стязи въ Путивлѣ.

Замѣтно стремленіе удержать тотъ же риѳмъ и въ Писаніи Софонія:

Кони ржутъ на Москвѣ,
Бубны бьютъ въ Коломнѣ,
Трубы трубятъ въ Серпуховѣ,
Звѣнитъ слава по всей земли русской,
Стязи стоятъ у Дону великаго.

Наиболѣе самостоятельно передѣлана эта картина въ повѣстяхъ о Донскомъ бою:

Громко въ варганы бьютъ,
Тихо съ поволокою ратные трубы трубятъ,
Многогласно и часто кони ржутъ,
Звенитъ слава по всей русской земли.

Но этотъ слабый риѳмъ, отражающій пѣсни Бояна, въ конецъ распадается въ нѣкоторыхъ Задонщинахъ Такъ въ «Словѣ о Димитріи» читаемъ:

Звонятъ въ колоколы вѣчные въ великомъ Новѣгородѣ
У Софіи премудрые.

Или, какъ въ нѣкоторыхъ Повѣданіяхъ:

Великовѣчье бьютъ въ великомъ Новѣградѣ
Стоятъ мужи Новогородцѣ у Святые Софіи премудрости Божьей.

Картина отправленія въ походъ въ Задонщинахъ отличается близостію къ Слову особенно въ поэмѣ о Димитріѣ. Вдохновенную рѣчь Игоря къ своимъ воинамъ мы встрѣчаемъ здѣсь въ устахъ Пересвѣта, который повторяетъ ее буквально: «Лучши бы намъ потятымъ быть, нежели полоненымъ отъ поганыхъ татаръ; «частица *бы* здѣсь удержана; значитъ она была въ оригиналѣ—и потому отмѣнять ее или замѣнять, какъ дѣлаютъ наши комментаторы, не слѣдуетъ.

При изображеніи похода, въ той же пространной поэмѣ читаемъ мѣста почти буквально взятыя изъ «Слова»: «*что шумитъ и что гремитъ рано перდъ зорями? Князь Владиміръ Андреевичъ полки перебираетъ*». Но въ позднѣйшихъ повѣстяхъ о Донскомъ бою или, такъ называемыхъ, Повѣданіяхъ тоже самое читаемъ уже въ болѣе свободныхъ передѣлкахъ;

Убо, братіе, стукъ стучитъ, а громъ гремитъ въ славномъ градѣ Москвѣ; стучитъ рать великаго Князя Дмитрія Ивановича, а гремятъ русскіе удальцы шеломы и доспѣхи.

Въ другихъ спискахъ «Повѣстей о Донскомъ бою—это мѣсто подъ воздѣйствіемъ народныхъ пѣсенъ приняло форму отрицательнаго сравненія...» «то не стукъ стучитъ и не громъ гремитъ въ славнѣ градѣ Москвѣ, стучитъ рать великаго князя Дмитрія Ивановича».

Характеристика героевъ—также болѣе или менѣе выдержана во всѣхъ редакціяхъ сказаній о Донскомъ бою по образцу «*Слова*».

Наибольшею буквальностію въ данномъ случаѣ отличается Писаніе Софонія:

Ти бо на щитѣ рожены,
Подъ трубами повити (поють)?
Подъ шеломы възлѣляны,
Конецъ копія вскормлены,
С востраго меча поены.

Въ «Словѣ о Дмитріѣ» эти картины сокращены:

«Тѣ бо суть вѣдомы полеводцы *подъ трубами, подъ шеломы* злачеными» но за то дальнѣйшіе доспѣхи описаны въ болѣе самостоятельной формѣ:

А боеводы у насъ уставлены,
А дружина свѣдана,
А подъ собою имѣемъ добрые кони,
А на себѣ значеныя доспѣхи,
А шеломы Черкаскіе,
А щиты Московскіе
А Сулицы нѣмецкіе.

Эти доспѣхи большею частію удерживаются во всѣхъ позднѣйшихъ подобныхъ повѣстяхъ и попали сюда подъ воздѣйствіемъ богатырскихъ народныхъ пѣсенъ.

Что касается «*Повѣстей*», то, приближаясь въ данномъ случаѣ къ поэмѣ о Димитріѣ, онѣ еще воспроизводятъ выраженія «Слова»: пути имъ вѣдомы, яруги знаеми—въ слѣдующемъ видѣ: *а дорога имъ вельми свѣдома, березі имъ по Оцѣ изготовлены.*

Въ картинахъ зловѣщихъ знаменій природы, воспроизведенныхъ въ Задонщинахъ, встрѣчаются указанія весьма важныя для текста «Слова.» Въ Писаніи Софонія читаемъ:

«Уже бо всташа сильніи вѣтри съ моря.
Прілѣяша тучу велику на усть Нѣпра,
Исъ тучи выступи кровавыя облока;
А изъ нихъ пышутъ синія молонья...
Быти стуку и грому велику межю Дономъ и Нѣпромъ».

Важно здѣсь именно то, что при «*молніи*» удержанъ эпитетъ «*синіе*», который въ позднѣйшихъ повѣстяхъ замѣненъ Словомъ «*сильнія*». Очевидно первое чтеніе какъ болѣе древнее и отвѣчающее нынѣшнему тексту должно считать неприкосновеннымъ.

Въ «Словѣ о Димитріѣ» уже читается эта замѣна, но за то здѣсь удержанъ образъ «*трепетанія молній*» и выраженіе *кровавыя зори*: «прилѣяша тучу на русскую землю, изъ нихъ же выступили *кровавыя зори*, а въ нихъ *трепещутся сильные молніи*.

Замѣчательно, что какъ тамъ, такъ и здѣсь, удержано неопредѣленное наклоненіе въ выраженіи: «*Быти* стуку, или *быти* грому велику».

Что касается другихъ зловѣщихъ предзнаменованій, какъ то: волци грозно воютъ, ворони граютъ, орлы клегчютъ, галици свои рѣчи говорятъ, то всѣ онѣ суть любимыя мѣста для подражанія и встрѣчаются во всѣхъ редакціяхъ Задонщинъ.

Образы боя въ Задонщинахъ тѣже, что и въ Словѣ о полку Игореву.

Хоробрый Пересвѣтъ.. свистомъ *поля прегороди*.—Подобно какъ Всеволодъ въ «Словѣ» онъ поскакиваетъ на своемъ добромъ конѣ, а златымъ доспѣхомъ посвѣчиваетъ. (Въ Сл. о Д.).

«Уже бо ста туръ на боронь (въ Сл. о Дм.) Стези ревутъ и воеводы и все великое войско широкія *поля кликомъ огородиша* (Въ Сл. о Дим.).

«На томъ полѣ сильніи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молоньи и загремѣли громы великіи, то ти ступишася русскіе

удалцы съ погаными татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильніе доспѣхи злаченые а грѣмѣли князя русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе (Въ Сл. о Д.).

Тѣже образы повторяются и во всѣхъ повѣстяхъ о Донскомъ бою.

«Треснуша копія харалужная,
«Звѣнятъ доспѣхи злаченые,
«Гремятъ мечи булатныя
«И блистаются сабли булатныя.

Описаніе сраженія въ образѣ удобренія земли также читается во всѣхъ почти Задонщинахъ.

Въ «Писаніи Софонія»:

«Тогда поля костьми насѣяны,
«Кровьми польяно.

Въ Словѣ о Димитріѣ:

Черна земля подъ копыты,
А костьми татарскими поля насіяша,
Кровію ихъ рѣки протекли.

Описаніе сраженія въ образѣ пира встрѣчаемъ въ «Повѣстяхъ»:

«Уже гости наши близко суть на рѣкѣ Непрядвѣ».
«Братія, видите ли своего чиноначальника: отъ него многимъ было пити горькую чашу.

Сочувствіе природы выражается въ Задонщинахъ почти буквально, какъ и въ «Словѣ».

Такъ въ пространной поэмѣ читаемъ:

«И въ то время по Рязанской земли
«Ни пастуси въ полѣ не кличутъ,
«Но едины вôроны граютъ,
«Трупья ради человѣческаго...
.
А древеса тугою къ землѣ преклонишася.

Черты—въ коихъ изображенъ въ «Словѣ» воинственный Святославъ, уцѣлѣли и въ Задонщинахъ.

«Лѣпо се есть въ то время и
«Стару помолодится, а молоду

«Храбрости испытати.
«А сильніи полки...
«Протопташа холми и луга,
И возмутишася рѣки, потоки и озера.
Въ Сл. о Дом.

Разлучная причеть женъ введена въ Задонщины также по образцу «Слова».

Въ Писаніи Софонія:

Восплачется жена Микулина Марья, аркучи таково слово:

Доне, Доне, быстрый Доне! Пробилъ еси берези харалужные, прилелѣй моего Микулу Васильевича.

Въ Словѣ же о Дмитріѣ: Московскія болярыни плачутъ, стоя «*на забралѣхъ*», аркутъ тако:

Доне, Доне, быстрая рѣка! Прорыла еси ты каменныя горы и течеши въ землю Половецкую, прилелѣй моего господина Микулу Васильевича.

А Тимоѳеева жена рѣче тако:

«Се уже веселіе мое пониче...
Обѣма нама солнца померкоста».

Воззваніе ихъ къ Дону, прорывшему берега харалужные отзывается воззваніемъ Ярославны къ Днѣпру, пробившему каменныя горы. Моленіе, чтобы Донъ прилелѣялъ Микулу Васильевича есть повтореніе моленія къ Днѣпру Ярославны: прилелѣй мою ладу ко мнѣ.

Выраженіе уже «*веселіе мое пониче*» есть остатокъ разрушеннаго воззванія Ярославны къ вѣтру: «чему Господне, веселіе мое по ковылію развѣя».

Едва ли и выраженіе «*обѣма нама солнца померкоста*» не представляетъ развалинъ обращенія той же Ярославны къ солнцу.

Въ эти плачи вставлены между прочимъ и мѣста изъ «воззванія Святослава къ кн. Всеволоду»: ты же можеши Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти—и къ Галицкому Ярославу: высоко сидиши, затворивъ Дунаю ворота. Здѣсь онѣ приводятся въ такой формѣ: *Можешь ли господине князе великій веслы Нѣпръ запрудить: замкни, Государь, Окѣ рѣкѣ ворота.*

Наконецъ въ одномъ изъ списковъ Повѣданія (Погодина) причеть эта начинается такъ: Микулина жена Өедосея, да Марья Тимофѣева *рано* сташа у Москвы рѣки, рѣкоша.

Въ «Повѣданіяхъ» сохранился и «плачь» женъ дружинниковъ, передѣланный нѣсколько на иной ладъ; здѣсь плачутъ жены татарскія:

Уже намъ въ своей земли не бывати
А катунь своихъ не трепати,
А дѣтей своихъ не видать.

Изображенія бѣдствій побѣжденныхъ читаются какъ въ поэмѣ о Димитріѣ, такъ и въ повѣстяхъ о Донскомъ бою. Здѣсь мы встрѣчаемъ тѣ самые образы, въ какихъ обрисованы страданія русской земли во время несчастнаго похода Игорева.

«Туто поганые разлучишася и побѣгоша неуготоваными дорогами въ Лукоморье (Въ Словѣ о Д.)

«Уже бо востона земля татарская (ib).
Уже русскія жены восплескаша Татарскимъ золотомъ (ib).
Уже бо веселіе наше пониче
Уже по русской землѣ пронесеся веселіе и буйство (ib).
Вознесеся слава русская по всей землѣ,
А на поганыхъ татаръ промчеся хула и пагуба (ib).

Еще ближе къ оригиналу воспроизведено это послѣднее мѣсто въ «Повѣданіяхъ» *уже возсія хула на хвалу и вержеся диво на землю.*

Любопытны также слѣдующія буквальныя заимствованія внесенныя въ Слово о Димитріѣ:

Уже грозы вел. князя Дм. Ив—ча по землямъ текутъ (ib).
Уже поганыя оружія своя
Повергоша на земли, а главы своя подклониша подъ мечи русскіе...
И трубы ихъ не трубятъ и уныша гласи.

Замѣчательно, что даже въ оффиціальныхъ лѣтописяхъ описаніе Донскаго побоища отражаетъ въ себѣ тѣже особенности языка литературно-повѣствовательной дружинной Кіевской школы.

Такъ въ Степенной книгѣ [1] читаемъ:

«И тако Великій князь Димитрій со всѣми своими вои Россійскими перевезеся за Донъ, и соступишася полки на усть рѣки Непрядвы на полѣ Куликовѣ, яко сильныя тучи; и бысть сѣча зла; блещашеся оружіе, яко молнія въ день дождя; и такова бысть битва, яко и по удоліямъ кровь, яко рѣка, течаше, и Донъ рѣка, съ кровью смѣсивься, потече; главы же поганыхъ, яко многое каменье, валяхуся, трупія же мертвыхъ, яко древа дубровная посѣчени, лежаху. И бяше чудно видѣніе и дивна побѣда, яко прежде блещаяся оружію, тогда же вся окровавлена кровію иноплеменныхъ».

Нѣтъ сомнѣнія, замѣтилъ достопочтенный изслѣдователь народной книжной литературы Д. А. Ровинскій, что автору Мамаева сказанія было хорошо извѣстно Слово о полку Игоревѣ и что это послѣднее въ литературномъ отношеніи выше сказанія о Мамаевомъ побоищѣ, но для *народа* оно не представляетъ особаго интереса ни по описанному въ немъ событію, ни по обилію поэтическихъ хитросплетеній (?), не всегда понятныхъ для грамотнаго люда. Мамаево побоище напротивъ того написано языкомъ простымъ и понятнымъ для народа; разсказъ о событіяхъ въ немъ безхитростный и полный кровнаго интереса и Верещагинской правды [2]. Но во 1-хъ, исторической правды далеко не такъ много въ сказаніяхъ о Донскомъ побоищѣ, какъ это кажется достопочтенному изслѣдователю; въ нихъ встрѣчаются не только историческія неточности, но, какъ выше замѣчено, и преднамѣренныя видоизмѣненія историческаго факта. Во 2-хъ, языкъ этихъ сказаній становится увлекательнымъ для народа именно потому, что это языкъ образный, доступный для народнаго эпическаго сознанія, а таковымъ онъ является лишь на столько, насколько эти сказанія оказываются подражаніями «Слову». Если «Слово» не имѣло такого широкаго распространенія въ народѣ, то это зависѣло совсѣмъ не отъ *поэтическихъ* его *хитросплетеній*, ка-

[1] По списку намъ принадлежащему, стр. 172.

[2] Рус. Народ. карт., кн. V, стр. 71.

кія видитъ изслѣдователь въ его художественномъ языкѣ, а именно отъ того, что начала Кіевской дружинной Руси—начала рыцарской чести и славы, развитыя въ «Словѣ», были чужды Руси Московской; здѣсь вступило въ силу и дѣйствовало уже начало вѣры, во имя которой совершался Куликовскій подвигъ; религіозная стихія проникающая сказанія о Донскомъ бою, дѣлала ихъ правдивыми и вполнѣ отвѣчала всенародному пониманію Куликовскаго подвига. Это, на нашъ взглядъ, и было главною причиною наибольшаго распространенія этихъ сказаній въ народѣ сравнительно съ «Словомъ».

Сказаніе объ Азовскомъ сидѣніи — есть произведеніе чисто-народное; оно стоитъ внѣ всякихъ прямыхъ заимствованій изъ «Слова» или Задонщины—и сходится съ нимъ по языку въ образахъ и оборотахъ—лишь въ силу—живаго представленія нравственныхъ качествъ богатырства, составлявшихъ душу Кіевской дружинной Руси и отразившихся въ былинѣ.

Сказаніе объ осадномъ Азовскомъ сидѣніи, въ народной его редакціи, гораздо ближе стоитъ къ Слову о полку Игоревѣ внутренней своей стороной, чѣмъ даже Задонщины. Слово, относится къ нему также, какъ къ богатырской былинѣ Кіевскаго цикла. Сущность сказанія объ Азовскомъ сидѣніи составляетъ богатырство героевъ Сѣверной Руси, ихъ молодечество, ихъ честь и слава. По своейв нѣшней формѣ оно есть пересказъ историческаго факта совершенно въ былинномъ духѣ и дышетъ такою же эпическою непосредственностію, той же свободой и ширью въ изображеніи внутреннихъ богатырскихъ силъ. Духъ Кіевской дружинной Руси—сказывается здѣсь съ такою яркостію какъ и въ богатырской былинѣ: нравственныя черты героевъ тѣже—что и въ кіевскихъ богатыряхъ: вотъ почему, говоримъ мы, это сказаніе стоитъ ближе къ «*Слову*», чѣмъ даже Задонщины, такъ тяготѣющія къ его буквѣ; вотъ почему встрѣчаемъ здѣсь образы и выраженія, сходныя съ Словомъ: въ языкѣ его, какъ и въ самомъ содержаніи, звучитъ для насъ народное преданіе также Кіевской дружинной Руси. Если въ Задонщинѣ—это преданіе слабо, понятіе чести и славы, главнѣйшій жизненный нервъ Кіевской дружинной Руси онемѣлъ—то

въ образѣ защитниковъ Азова еще разъ прозвучало рыцарское эхо и бьется этотъ нервъ съ такою же силою какъ и въ былинѣ и Словѣ.

Непосредственность, свобода и широта народнаго слова и представленія сказываются въ первыхъ же строкахъ этого сказанія. Былинный складъ—очевиденъ.

Войска турецкія заняли всю «*степь Азуевскую*». «Съ высоты города конца ихъ не видѣти», раскинули онѣ шатры свои и полатки своя распустили; какъ цвѣты въ поле закраснѣлися—и учали они изъ своихъ тарбоевъ стрѣлять.. и отъ тое великіе стрѣльбы на горѣ во Азуевѣ городѣ развалилися всѣ крѣпости Азуевскіе... а на головахъ у тѣхъ платье златоглавное с клеймомъ турецкимъ.... а у Янычеgreй всѣхъ пищали турецкіе заграми, а фетили у нихъ, что свѣщи горятъ». Но вотъ нашимъ героямъ предстоятъ испытанія: поганые приглашаютъ сдать имъ Азовъ и то обѣщаютъ имъ милости, то грозятъ имъ страхомъ и силою, но русскіе воины являются героями чести и хотятъ быть богатырями середи бѣлаго дня; они идутъ на поле и хотятъ умереть на прямомъ бою. Страды свои боевыя они называютъ *великимъ трудомъ*. Прощаніе съ морями синими, съ полями чистыми и лѣсами темными имѣетъ непосредственную связь съ народной причетью». И прислали к намъ на разговоръ голову Янычснску, и сталъ намъ Казакамъ говорить таковую рѣчь о, люди Божіи.. яко орли парящи и яко лви свирѣпіи... наступили вы, казаки, на Брагимъ царя турскаго, взяли вы у него Азуевъ градъ и высѣкли вы, казаки, во Азуевѣ всѣхъ воеводъ.. напишите повинныя а въ повинныхъ напишите «Азуевъ городъ» и Брагимъ турской всѣхъ васъ пожалуетъ, наложитъ на васъ платье златоглавое и станутъ васъ называть *многіе орды индѣйскіе и перскіе вѣсто русскими богатырями*... и нынѣ подъ васъ пришло и смѣты нѣтъ; на главахъ вашихъ волосовъ столько нѣтъ, сколько съ пашами силы пришло. Отвѣтъ казачей изъ Азуева города: не боимся мы, казаки, вашего Пахія турскаго и 4-хъ пашей..... а взяли мы Азуевъ городъ середи бѣлаго дня своею *храбростію и молодечествомъ*... а все то мы турокъ отвѣдали, а намъ знакомы ваши турскіе люди, на полѣ и на морѣ, по часту мы съ вами видимся; а какъ мы казаки взяли у васъ, турокъ, Азуевъ

городъ и тогда мы *накормили вашимъ поганскимъ трупомъ волковъ сѣрыхъ и лисицъ бурыхъ и орловъ сизыхъ и вороновъ черныхъ*, а посли того они давно не ѣдали вашего поганскаго трупа, и нынѣ давно ждутъ, а топеря мы коней чалыхъ накормимъ..... не боимся мы, казаки, про себя знать и вѣдать, дадимъ мы во всѣ ваши страны бусурманскія; скажите вы пашемъ своимъ, чево имъ отъ насъ из Азуева города хочется или онѣ пришли по наши сѣрые зипуны и тѣ имъ станутъ великую куплю».

«И стали мы, казаки, промежу собой прощаться..... Простите насъ православные христіяна; простите насъ моря синіи, и поля чистыи и лѣса темныя......... И пошли вонъ изъ Азуева города *на поле умереть на прямомъ бою* и какъ вышли мы на турокъ и онѣ побѣжали отъ горы тоя, а мы тутъ побили многія тысящи, а сами опять пошли во Азуевъ городъ; видимъ мы сами, што стоитъ надъ нами милость Божія; и посли того приступу три дни къ намъ турки приступать не бывали, а мы въ то время отдохнули *отъ великаго труда*». Осада изображается очень просто: стрѣльба уподобляется грозѣ великой; бой выражается словами: *тотъ день весь билися*. И пошли они (за тѣмъ) изъ таборовъ своихъ на поле на приступъ ко Азуеву городу... идучи у нихъ пошла стрѣлба у всего войска и отъ той стрѣлбы стала *гроза великая*.. и пришли подъ самую стѣну Азуева города и учали лѣстницы по стѣнамъ приставливать и обухами въ стѣну колотить, и какъ поднялся тотъ великій дымъ, тогда у насъ по нимъ пошла своя стрѣльба.. и вышедъ мы, казаки, на вылазку, взяли у нихъ большое знамя съ клеймомъ турецкимъ; *тотъ день весь билися*, а на ночномъ часу турки пошли въ таборы свои». Но вотъ фактъ, который даетъ случай русскимъ героямъ показать честь своего богатырскаго имени. «А изъ утра прислали къ намъ турки толмачей своихъ подъ Азуевъ городъ и толмачи стали насъ *кликати* на разговоръ, и мы къ нимъ не можемъ слова молвить, весьма утомилися и стали у насъ просить мертвыхъ тѣлъ, а за всякое тѣло давали по золотому, и за начальныхъ людей по 12 золотыхъ, а за пашу давали, что онъ потянетъ злата; и молодцы о томъ отказали: мы, казаки, мертвыхъ тѣлъ николи не продаемъ; емлите вы у насъ свои тѣла даромъ—то вамъ отъ насъ

изъ Азуева игрушка первая, лише только молодцы ружіе свое почистили; *не дорого намъ, казакамъ, ваше золото; дорога намъ слава молодецкая*». Далѣе слѣдуетъ прекрасное описаніе богатырскаго боя на чистомъ полѣ, описаніе простое, безъискуственное, народное: небольшая русская сила называется «*дружиной малою*», вражья же сила—назыґвается гнѣздомъ змѣинымъ. «И турки видятъ, имъ города приступомъ не взять и стали они копать гору высокую, многимъ выше Азуева города; хотятъ онѣ тою горою засыпать Азуевъ городъ; видимъ мы, казаки, надъ собою смерть скорую и стали мы думать промежу собой, *хорошо бы намъ, казакамъ умереть на полѣ, а не въ ямы;* помолилися мы бѣдныи своему Іоанну Предотечу да Николаю Чудотворцу, и пошли вонъ изъ Азуева города *на поле умереть*; а мы тутъ побили многіе тысящы, а взяли мы у нихъ 40 бочекъ пороху, да 16 знаменъ... видятъ турки, что мы у нихъ землянyю мудрость отняли и стали они думать, какбы насъ доходить во Азуевѣ городѣ и учали они другую гору вести и въ три дни привели многимъ выше Азуева города.. и учали стрѣлять по Азуеву городу и стрѣляли 12 дней да 12 нощей безпрестанно и разбили всю стѣну Азуевскую.... а посли стрѣльбы они турки удумали, чтобы намъ, казакамъ, не дать опочинуть и учали они приступать рядомъ, хотятъ насъ прямымъ боемъ взять; днемъ приступаютъ одна десять тысящь а ночью другая десять тысящь придетъ; а бьются онѣ съ перемѣною, а мы стали люди одинокія, *а дружина малая*; видимъ мы, казаки, надъ собою смерть свою скорую; собралися мы бѣдныи ко Предтечеву да къ Николину образу и стали мы умильно плакаться: свѣтъ-государь милостивой, Іоаннъ Предотеча и Николай Чудотворецъ; чѣмъ мы грѣшныи васъ свѣтовъ прогнѣвали; вы намъ велѣли взять Азуевъ городъ и мы по вашему велѣнію раззорили *гнѣздо змѣиное*, искоренили душегубцевъ крестьянскихъ, а нынѣ вы насъ выдаете роду бусурманскому, въ руки воромъ; не можемъ слова молвить, головы наши не служатъ». Враги хотѣли подкупить ихъ золотомъ:» и толмачи стали писать ярлыки и кидать во Азуевъ городъ на стрѣлахъ, а въ писмахъ пишетъ, чтобы мы казаки отдали бъ мѣста Азуевскія, а взяли бы на всякаго молодца по 30 золотыхъ, а насъ казаковъ со всѣмъ животомъ отпущаютъ

и мы, казаки, о томъ отказали; «*не дорого намъ ваше золото, дорога намъ слава молодецкая*; дадимъ, казаки, себя знать и вѣдать во всѣ ваши страны бусурманскія; не на то мы во Азуевѣ сѣли, чтобы вамъ-собакамъ отдать мѣста Азуевскія; и толмачи отъ насъ прочь поѣхали, и мы кинулись на ихъ таборы, ажно турки *бегутъ дорогами неутолимыми* и тутъ били ихъ 3 дни и 3 нощи, сколько могъ (всякій), и живыхъ поимали многія тысящи». Одержанная побѣда приписывается не собственной удали и молодечеству, но объясняется эпически: она одержана, благодаря небесной силѣ». Стали мы пытать и спрашивать, отъчего они побѣжали и крымскій царь съ татары; они намъ сказали: оттого—де паши побѣжали и крымскій царь съ татары: вечеръ отъ Москвы вашей *стали великіе тучи* и изъ той тучи вышли 2 юноша младыхъ; насъ онѣ сѣкли на полѣ, а за тѣми юношами идетъ сила небесная—многіе полки; и пришли близко тѣ юноша два, стали пашамъ говорить: бѣгите вы, собаки, во орды своя отъ Азуева, съ заутра всѣхъ васъ побьютъ; и паши оттого побѣжали и крымской царь съ казаки.....

Конецъ сказанія также эпическій:

Намъ казакамъ—слава молодецкая, а имъ бусурманамъ укоризна великая.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о томъ, на сколько отразился стиль «Слова» и той литературно-повѣствовательной дружинной школы, которой служитъ оно выраженіемъ, въ нашихъ Русскихъ Хронографахъ, сформировавшихся съ конца XV по XVII вѣкъ.

Въ описаніи царства Маврикіева читаемъ: «Разъярися хаганъ (царь Скифовъ), яко пардосъ и тигръ.. о горе!. и пожатъ, увы мнѣ, мечь толикое множество, и покры лице земное *трупіемъ*, снѣдь птицамъ парящимъ и звѣремъ».

Въ описаніи нападенія Андроника Дуки на Константинъ градъ: «И полки собра, яко морскій песокъ, и наполняетъ поля храбрыхъ мужей; и всю землю облистоваху копія и сіяху шлемове и щитове зоряхуся и воздухъ облистоваху *сулицами*».

Въ описаніи царства Іоанна Цимисхія:

«Бѣже Цимисхіе храбръ и страшенъ зѣло.. сей царь на враги мечь потрясъ; устрашишася копья его Киликійскіе стражеве; востря-сошася отъ крѣпости его Аравійскіи военачальницы; отъ блещанія копья бѣжаша Сиряне; Греческыя же кони напоишася водъ Ефратскихъ.., тогда и струя рѣчныя въ кровь преложишася и бысть *червленъ* доброводный истръ, сирѣчь Дунавъ; Греци ликоваху въ полѣхъ, сердца же варварьская страхъ уязвляше».

Въ описаніи царства Василья Романова: «Паки возгласи труба ратная, паки возложи на ся мечь».

«Измовени кровьми длани его (царя Романа); кровьми же покапана десница его и омаканъ мечь».

Встрѣчаются въ Хронографахъ и эпическія очертанія. Такъ напр. изображена сестра Никифора Фоки:

«Жена была зѣло красна, а нравомъ была своеобычна; всякое брашно ѣла и пила руками не касаючись, ссала златыми цѣвками; а рѣчными водами не умывалася, собирала воду съ росы со всякихъ цвѣтовъ; ароматными духи растворяющи, умывалася; одръ же имѣла отъ кедръ ливанскихъ».

Обращая вниманіе на ближайшее отношеніе стиля «Слова» къ языку Хронографовъ, сопоставимъ здѣсь слѣдующія выраженія и обороты:

Въ Хронографахъ:	Въ Словѣ:
Василій же Македонянинъ «*тя* мечемъ кесаря».	*Потяту быти.*
Долгіе вѣки человѣкомъ отсѣкошася.	*Вѣци человѣкомъ скратишась.*
И землю тѣлесы, аки снопові-емъ покры.	*Снопы стелютъ головами.*

VIII.

„СЛОВО“ ВЪ НОВѢЙШИХЪ ПРОИЗВЕДЕНІЯХЪ ИСКУСТВА.

Въ гравюрахъ, живописи и музыкѣ.

Слово о полку Игоревѣ само въ себѣ есть сочетаніе картинъ, поэтически и ярко очерченныхъ, потому и носитъ въ себѣ источникъ вдохновенія и богатый запасъ данныхъ для художественныхъ изображеній. Имѣя это въ виду, можно было бы ожидать въ области Русскаго искуства—знаменитыхъ художественныхъ произведеній, относящихся къ «Слову». Дѣйствительность же представляетъ самыя печальныя явленія.

Въ области Русской исторической науки и литературы за текущее столѣтіе является цѣлая библіологія «Слова»; въ области искуства нельзя указать ни одного замѣчательнаго произведенія относящагося къ «Слову». Всякій болѣе или менѣе замѣчательный ученый, литераторъ, историкъ, поэтъ, педагогъ, восхищался этимъ произведеніемъ и стремился сказать о немъ свое слово; изъ среды же художниковъ—находится не болѣе двухъ-трехъ именъ, связанныхъ съ воспроизведеніемъ этого творенія.

Это объясняется, конечно, полной исторической тьмой, облегающей міръ нашихъ художниковъ. Наши художественные школы въ отношеніи къ общему образованію стоятъ такъ низко, какъ ни въ одной странѣ Европы. Въ отношеніи грамотности нѣкоторыя изъ нихъ стоятъ

даже ниже сельской народной школы. Но что всего замѣчательнѣе, даже въ наши дни одинъ изъ профессоровъ Московскаго училища художествъ, не обинуясь, заявилъ, что предметы общаго образованія, не только излишни для художника, но что они даже портятъ таланты. При такомъ уровнѣ сознанія профессоровъ нашихъ художествъ, мы, конечно, долго не дождемся художественныхъ произведеній, относящихся къ древнѣйшимъ эпохамъ Русской исторіи.

Въ настоящее время мы можемъ указать только на жалкія гравюры, помѣщенныя въ иллюстрированныхъ періодическихъ листахъ (Нива, Сіяніе) и въ изданіяхъ «Слова», Гербеля, Алябьева и Погосскаго. Всѣ эти гравюры въ художественномъ отношеніи ниже всякой критики. Дружина изображается въ нихъ едва не въ нынѣшнихъ военныхъ костюмахъ, съ казацкими пиками; Ярославна — представляется едва не модной француженкой, сидящей то за ширмами, то на балконѣ, съ зажмуренными глазками, окруженная птицами и т. п.

Въ живописи—являются лишь два истинныхъ художника, воплотившіе въ своихъ произведеніяхъ картины «Слова»—это Шварцъ и Васнецовъ. Не считая себя властными цѣнителями искусства, приведемъ здѣсь отзывъ объ ихъ произведеніяхъ такого авторитетнаго художественнаго критика, какъ В. В. Стасовъ.

«Эпохи нашей древней исторіи, говоритъ онъ, удававшіяся Шварцу—это XVI и XVII вѣка; болѣе раннія эпохи Русской исторіи были меньше ему доступны, такъ что напримѣръ плачъ Ярославны изъ «Слова о полку Игоревѣ, совсѣмъ ему не удался» [1]. За тѣмъ оцѣнивая Васнецова, г. Стасовъ продолжаетъ: «Чѣмъ отдаленнѣе отъ насъ была взятая художникомъ эпоха, тѣмъ было для него хуже. Такъ напр. всѣ богатыри на поляхъ сраженія, на распутіи, въ волшебномъ полетѣ, въ раздумьѣ и т. п. уже вовсе ничего не стоятъ у Русскихъ живописцевъ. Такой даровитый, хорошій художникъ, какъ Васнецовъ, становится не узнаваемъ, когда принимался онъ за Русскую сѣдую

[1] См. Вѣстн. Евр., 1882 г. декабрь, стр. 653.

древность и вмѣсто чудныхъ витязей изъ Слова о полку Игоревѣ... представилъ только какихъ-то неуклюжихъ, ровно ничего намъ не говорящихъ, топорныхъ натурщиковъ, нагруженныхъ кольчугами и шлемами. Правда, эти богатыри на нѣсколько процентовъ лучше Академическихъ Добрыневъ, Ильевъ-Муромцевъ, но это еще не великая честь [1].

Наконецъ, сколько намъ извѣстно, была сдѣлана попытка воплотить «Слово» въ музыкѣ; но эта попытка принадлежитъ не первоклассному композитору, а лишь любителю музыки, г. Акатову, который не успѣлъ даже въ томъ, чтобы добиться исполненія своей композиціи въ Московскомъ артистическомъ кружкѣ, для котораго, какъ мы слышали, онъ предназначалъ свой трудъ.

[1] Ibid. стр. 668.

УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ *).

А.

А. В. 2—1810 г.
Акатовъ 462.
Аксаковъ К. 12—1846; 132, 133.
Алябьевъ Н. П. 22—1873; 182, 461.
Андреевскій М. А 26—1879, 1880—155, 156, 190.
Андрохомій 59.
Антоновичъ В. 23—1874.
Аристовъ Н. 21—1870; 25—1877.
Арцыбашевъ Н. С. 7—1826; 9—1838, 112.
Аѳанасьевъ А. 19—1865.
Аѳанасьевъ-Чужбинскій 15—1854, 180.

Б.

Бантышъ-Каменскій 32, 33, 35, 43, 54, 55, 95, 112.
Барсовъ Е. В. 22—1872, 22—1874, 23—1876, 24—1877, 25—1878, 27—1882, 47, 51, 211, 346.
Барсовъ Н. И. 26—1880.
Барсовъ Н. П. 22—1873, 112.
Безсоновъ П. А. 17—1860, 18—1862, 21—1871.
Бергъ Н. 12—1846.
Беллярминъ 59.
Бередниковъ Я. 11—1845.
Березинъ И. 13—1849, 14—1854.
Бестужевъ-Рюминъ К. Н. 20—1868, 22—1872, 336.
Бицинъ (Павловъ Н. М.) 183, 190.
Бланшардъ 29—1823, 194.
Бодянскій О. М. 12—1846.

*) Прилагаемые указатели обязательно составлены для насъ о. дьякономъ Матвѣемъ Владиміровичемъ Кудрявцевымъ, Членомъ-соревнователемъ Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Болтинъ 33.
Больцъ 30—1854, 196, 197, 198, 204.
Брунъ Ф. 23—1874.
Будиловичъ А. 26—1878.
Бунаковъ Н. 22—1873.
Бураковскій С. 21—1871.
Бурачковъ П. 25—1877.
Буслаевъ Θ. И. 10—1842, 11—1844, 11—1845, 13—1848, 1850, 17—1859, 17—1861, 18—1862, 18—1867, 20—1869, 21—1870, 21—1871, 131, 132, 135, 137, 140, 142, 166, 188, 331, 350, 379, 392, 393, 394.
Бутковъ П. Г. 5—1821, 8—1834, 10—1842, 111, 120, 122.
Бычковъ А. Θ. 20—1862.
Бѣлевскій 27—1833, 200, 201, 202.
Бѣлинскій В. 10—1841, 11—1845, 12—1847, 125.
Бѣликовъ 8—1834, 126.
Бѣлюстинъ 5—1819.
Бѣляевъ И. Д. 14—1852, 1853.

В.

В. М. 21—1871, 189.
Ваденюкъ П. 22—1874, 26—1880.
Васнецовъ 461.
Вельтманъ А. 7—1833, 10—1842, 112, 113, 115, 116, 117, 120, 121, 124, 129, 191.
Венелинъ Ю. 13—1848.
Веселовскій А. Н. 22—1872, 23—1875, 24—1877, 349, 361, 374, 375, 378, 30—1873.
Викторовъ А. Е. 22—1872.
Вишневскій 27—1840, 201.
Водовозовъ В. 17—1861, 20—1868, 190.
Воцицкій 27, 201.
Воскресенскій Гр. 27—1882.
Востоковъ А. 2—1812, 5—1820, 17—1858, 92, 168, 169, 179.
Вяземскій кн. П. П. 13—1851, 23—1875, 24—1876, 1877, 54, 55, 57, 80, 91, 98, 139, 145, 147, 149, 172, 326, 374, 378.

Г.

Г. Г. 19—1866.
Гагней 59.
Гай 107.

Галаховъ А. 13—1848, 18—1863, 26—1880, 188.
Ганка 28—1821, 29—1821, 204, 206.
Ганушъ 30—1842.
Гаттала 29—1858, 204.
Гедеоновъ С. А. 25—1878.
Георгіевскій 9—1836.
Гербель Н. 14—1854, 24—1876, 112, 121, 162, 179, 180, 207, 208, 461.
Глаголевъ А. 8—1834, 202.
Годебскій 27—1821, 206.
Головацкій 30—1853, 199.
Головинъ Н. 12—1846, 134, 135, 202.
Голубинскій Е. Е. 27—1880, 160, 161, 258.
Грамматинъ Н. Ѳ. 2—1809, 5—1821, 6—1823, 108, 109, 110, 112, 113, 122, 124.
Гречъ 6—1822.
Григоровичъ В. И. 22—1874.
Гротъ Я. К. 20—1869.
Груздевъ А. 19—1867.
Гушалевичъ А. 28—1850, 208.

Д.

Давыдовъ И. 8—1833, 1834, 126, 129.
Данилевскій Г. 16—1858.
Дедицкій Б. 28—1849.
Де Ларю М. 9—1839, 177, 178.
Деляве 29—1854.
Дидицкій 13—1849.
Димитрій Ростовскій 59.
Дмитріевъ М. А. 13—1850.
Драгомановъ М. 23—1874.
Дриновъ 141.
Дубенскій Д. Н. 7—1828, 11—1844, 11—1845, 16—1855, 51, 52, 53, 57, 111, 121, 131, 132, 170, 198, 204, 208.

Е.

Евгеній митроп. 2—1806, 2—1806, 2—1811, 2—1812, 4—1814, 5—1819, 5—1821, 1821, 6—1823, 8—1834, 10—1842, 39, 40, 47, 53, 56, 107, 111, 130, 177.
Ермолаевъ А. И 43, 46, 47, 55.

Ж.

Ждановъ И. 26—1879, 26—1880, 155.
Жензифовъ Р. 29—1863, 208.
Житецкій П. И. 23—1875, 30, 210, 211.

З.

Забѣлинъ И. Е. 24—1876, 380, 404, 405.
Загорскій В. А. 6—1825.
Зедергольмъ 29—1825, 196.
Зосима И. 36, 128.

И.

Ивановъ А. 12—1847.
Иванчинъ-Писаревъ 9—1937.
Иловайскій Д. И. 17—1859, 22—1873, 23—1874, 24—1876 25—1878, 26—1880, 331.
Иннокентій, 118.
Иноходцевъ Б. П. 7—1826.
Іоиль архм. 36, 58, 61.
Иричекъ Іосифъ 30—1862

К.

К. Б 15—1854.
Калайдовичъ К 2—1812, 3—1813, 3—1814, 4—1818, 35, 37, 38, 39, 40, 45, 46, 47, 48, 49, 54, 55, 56, 59, 105, 106 108, 119, 128, 145, 196, 204
Карамзинъ 1—1801, 4—1814, 1815, 1816, 35, 43, 48, 49, 51, 54, 55, 56, 68, 77, 81, 83, 84, 99, 104, 117, 123, 130, 145, 177, 312, 317, 378.
Карауловъ Г. 19—1865.
Карьеръ 30—1874, 103, 199.
Карелинъ 15—1854.
Касторскій 9—1848.
Каченовскій Н. П. 8—1834, 107, 125, 126, 127.
Квашнинъ-Самаринъ К. Д. 22—1872.
Кендзерскій В. 23—1875, 185, 186.
Кеневичъ 19—1866.
Кеппенъ 6—1825, 9—1838
Кіянинъ Дмитрій 12—1845.

Ключевскій В. О. 217.
Козловъ И. 8—1834.
Колосовъ М. 22—1872, 23—1874, 24—1876, 142—143.
Кондратьевъ 17—1860.
Кондратовичъ Людвигъ 27—1860, 201.
Кораблевъ С. 16—1856.
Костомаровъ Н. М. 27—1861, 18—1862, 20—1870, 23—1873.
Коршъ Ѳ. Е. 19—1866, 20—1868, 23—1874, 141, 142.
Котляревскій А. А. 20—1868, 20—1868.
Коцебу А. 20.
Красинскій 27—1856, 200.
Крекъ Гр.
Кулишъ П. 16—1856.
Куникъ А. А. 23—1874, 23—1875, 160.

Л.

Лавровскій Н. А. 20—1870, 166, 205, 206.
Лавровскій П. А. 19—1867.
Ламбинъ Н. 23—1874.
Ламанскій В. И. 18—1864.
Лебедевъ А. С. 425.
Левицкій И. 3—1813, 112, 124, 174, 175, 195.
Линде 27.
Лукашевичъ 20—1868.
Лукашевичъ-Лестовъ 27—1836, 201, 202.
Людовикъ Гай 18.

М.

Майковъ Л. Н. 18—1863, 20—1868, 21—1870, 165, 181, 182, 191, 273, 392, 393, 410.
Максимовичъ М. 7—1833, 9—1836, 9—1836, 11—1845, 13—1850, 15—1855, 1857, 20—1869, 112, 113, 116, 117, 118, 119, 120, 125, 127, 129, 131, 134, 135, 163, 169, 180, 179, 184, 185, 204, 208, 373, 378.
Макушевъ В 19—186, 25—1878, 142.
Малашевъ Я. 21—1871, 186.
Малиновскій 32, 33, 35, 40, 43, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 68, 70, 72, 75, 76, 77, 80, 82, 83, 84, 85, 86, 89, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 112, 141.

Малышевскій И. И. 26—1879, 150.
Мальгинъ Т. С. 7—1826.
Маннъ 180.
Марковъ Е. 25—1878.
Мартыновъ 29—1876.
Мацѣевскій 12—1846, 201.
Медичъ 28—1840.
Мельгуновъ Н. П. 27—1880.
Мей А. 13—1850, 16—1856, 178, 179.
Миллеръ В. 22—1872, 24—1877, 25—1877, 25—1878, 26—1879, 150, 152, 165, 308, 311, 312, 316, 320, 325, 346.
Миллеръ Ор. Ѳ. 17—1862, 18, 24—1877, 25—1878, 137, 350, 392.
Миллеръ Ѳед. Б. 22—1873, 188.
Милошь-Свѣтичь 28—1837.
Милюковъ А. 12—1847.
Минаевъ Д. 12—1845, 112, 176,
Мицкевичъ А. 29—1840, 200, 373.
Мордовцевъ Д. 24—1886.
Морозовъ П. Ѳ. 25—1878.
Мрочекъ-Дроздовскій П. 27—1881.
Мусинъ-Пушкинъ 1—1800, 3—1813, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 43, 45, 46, 47, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 61, 62, 68, 76, 77, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 86, 91, 95, 96, 107, 124, 139, 141, 143, 145, 200.
Мюллеръ 29—180.

Н.

Назаровъ 17—1858.
Некрасовъ И. 20—1869, 21—1870.
Некрасовъ Н. 19—1867, 142.
Н. №№: 4—1819, 5—1820, 5—1821, 13—1851, 19—1867.
Николичъ А. 19—1866.

О.

Огниловъ-Утѣшиловичъ 28—1852.
Огоновскій Ом. 28—1876, 209, 210.
Оленинъ А. Н. 5—1822.
Орловъ М. 32—1873.

П.

Павловъ Н М. 22—1874, 26—1880, 191, 193.
Павскій 6—1823, 112, 113
Палицинъ А. 2—1807, 112, 174, 175, 177.
Пассекъ В. 9—1838.
Пекарскій П. 18—1864.
Пенинскій 7—1828.
Перевлескій П. 18—1863.
Петровъ К. 18—1863, 19—1866.
Плаксинъ 8—1833.
Плетершнинъ 28—1865.
Погодинъ М. П 11—1845, 12—1845, 21—1872, 134, 331.
Погосскій А 190, 461.
Пожарскій Я. О. 4—1819, 106, 107, 108, 112, 124, 204.
Полевой Н. 7—1830, 8—1833, 18—1864, 21—1872, 62, 113, 114, 116, 119, 123, 126, 134, 164, 165, 169, 191.
Поповъ А. Н. 19—1867, 62, 188.
Порфирій Епис. 214.
Порфирьевъ И. 31—1870.
Потебня А. 23—1874, 95—1877, 1878, 152, 153.
Прейсъ 10—1841.
Прозоровскій Д. 27—1882, 158, 159.
Прыжовъ И. 20—1869.
Пушкинъ А. С. 8—1834, 117, 127, 130, 145, 159, 179.
Пыпинъ А. Н. 17—1858, 19—1865, 24—1877, 164, 310, 311, 312, 313, 316, 317.

Р.

Разпай 28—1808, 203.
Раковецкій 27—1820, 200.
Рамбо 29—1876, 195.
Ридль Сипде 199
Рихтеръ Д А. 453.
Розовъ 418.
Румянцевъ Гр. 38, 48, 50, 53, 55, 107, 111.
Руссовъ С. 8—1834, 125.

С.

С. С. 7—1830.
Сабина 20—1860.

Сахаровъ И. 10—1839, 33, 107, 119, 123, 124, 125, 197, 204.
Селивановскій 59.
Сеньковскій О. 8—1834, 9—Э836, 9—1836, 12—1847, 14—1854, 126, 128, 129.
Сербиновичъ 119.
Силинъ А. И. 186.
Скопинъ 19—1866.
Скромненко С. 8—1834.
Скульскій А. 24—1876, 183.
Слобода 30.
Словесникъ 26—1879
Смирновъ А. 25—1877, 26—1879, 143, 145, 437, 445.
Смирновъ проф. 47, 51, 52, 98.
Снегиревъ И. 9—1838, 10—1839, 113, 122, 123.
Соловьевъ С. М. 14—1853, 137.
Спасовичъ В. 19—1865.
Срезневскій И. И. 13—1850, 15—1854, 16—1858, 18—1862, 44, 123, 326.
Стасовъ 395, 396, 397, 461.
Стоюнинъ В. 18—1864, 180.
Строгановъ Г. Д. 59.
Строевъ П. М. 4—1815, 8—1834.
Судовщиковъ Е. 18—1863
Сценде 29—1858.
Сѣряковъ И. 1—1803, 112, 174.

Т.

Таруновъ Я. 16— 1857.
Татищевъ 40.
Тацитъ 278.
Тимковскій Р. Ѳ. 3—1814, 37, 38, 49, 122, 441.
Титовъ А. А 162.
Тихонравовъ Н. С. 17—1859 19—1866, 20—1868, 45, 89, 121, 139, 140, 142, 143, 144, 186, 188, 191, 206.
Туловъ М. 14—1853, 164

У.

Ушинскій 180.

Ф.

Феологъ 59.
Филаретъ арх. Черниговскій 16—1857, 1857, 130.

Филоновъ А. 18—1863.
Функцій 59.

Х.

Хвостовъ 107.
Хрущовъ И. П. 21—1870, 23—1875, 25—1878.

Ц.

Цертелевъ князь 5—1819.

Ч.

Ч—нъ И. 24—1877

Ш. Щ.

Шафаринъ 11—1842, 28—1842.
Шварцъ 30—461.
Шевченко 19—1867, 23—1876.
Шклярскій П. 7—1831.
Шимельфейнъ 42.
Шишковъ А. 2—1805, 5—1819, 103, 104, 105, 107, 112, 113, 117, 124, 204.
Шлецеръ 29—1801, 32, 34, 146.
Щербатовъ 36.

Э.

Эверсъ 125.
Экштейнъ 29, 195.
Эрбенъ 28—1860, 204, 205, 206.
Эрдманъ 18—1842.

Ю.

Юнгманъ 28—1808, 196, 203.

Я.

Ягичъ В. 21—1871, 28—1876, 30—363.
Язвицкій Н. 3—1812, 112, 174, 175, 177.

Указатель періодическихъ и отдѣльныхъ изданій съ статьями о „Словѣ“.

Б

Бесѣда Любителей Рос. Слова 1812 г. 3.
Бесѣда 22.
Библіографическій листокъ 6
Библіотека восточныхъ историковъ 13—1849.
Библіотека для чтенія 8—1843, 9, 12, 13, 14, 15.

В.

Взглядъ на русскую поэзію 9.
Временникъ Общества Исторіи и Древностей 13, 14.
Временникъ 23.
Вѣстникъ Европы: 5—1821, 5—1822, 7—1826, 7—1830, 23, 24, 25.

Г.

Голосъ 20, 25.
Грамотѣй 22.

Д.

Досугъ 19.
Дѣло 24.

Ж.

Журналъ Древней и Новой Словесности 4—1819.
Благонамѣренный 5—1819.
Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 8, 9, 10, 11, 15, 17, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26.

З.

Записки Одесскаго Общества Исторіи 14.
Записки Императорской Академіи Наукъ 18, 23.
Заря 21.

И.

Извѣстія 2 отд. Императорской Академіи Наукъ 14, 15, 16, 17.
Извѣстія Историко-филологическаго Института 25.
Иллюстрированная Недѣля 24.
Историческая Библіотека 26.

К.

Кишиневскія Губ. Вѣдомости 19.
Кіевскія Губ. Вѣдомости 16.
Кіевскія Университетскія Извѣстія 6, 23, 26.
Критическое Обозрѣніе 25, 26.

Л.

Литературная Газета 10.
Литературныя Привязки 7.

М.

Матеріалы для біографіи Пушкина 8, 18.
Молва 7.
Москвитянинъ 10, 11, 12, 13.
Московскій Телеграфъ 8, 116.
Московскія Университетскія Извѣстія 19, 20, 22.

Н.

Новая Библіотека для воспитанія 12.
Новое Время 21.
Новости Литературы 6, 24.

О.

Основа 18.
Отечественныя Записки 10, 11, 13, 14, 15, 16, 24.
Очеркъ Исторіи Русской Поэзіи 12.

П.

Памятники Древней Письменности 25.
Пантеонъ Россійскихъ авторовъ 1.
Повѣствованія о Россіи 9.
Путешествіе по Исландіи 9.
Пчела 13.
Пѣсни Русскаго народа 10.

Р.

Разсужденіе о Древней Россійской Словесности 2—1809.
Руководство къ познанію Русской Литературы 8.

Русскій Инвалидъ 2—1819, 16.
Русскій Историческій Сборникъ 9, 10.
Русскій Вѣстникъ 18. 22.
Русскій Міръ 23, 24.
Русскій Филологическій Вѣстникъ 25, 26.
Русская Поэзія 5, 18, 20.
Русская Старина 6, 23.
Русскія Достопамятности 11.
Русское Слово 17.
Русская Бесѣда 17.
Русская Старина 26.
Русь 26.

С.

С.-Петербургскія Вѣдомости 2—1812, 15, 16.
Сборникъ Императорской Академіи Наукъ 1—1868, 5, 6.
Сборникъ Археологическаго Института 26.
Семейные Вечера 21.
Семья и Школа 21.
Славянская пѣснь XII в. 1.
Славянская Христоматія 7.
Собраніе Малороссійскихъ сказокъ 5—1819.
Собранія сочиненій Шишкина 7.
Современникъ 12, 14, 15.
Стихотворенія Козлова 8.
Стихотворенія Шилярскаго 7.
Сочиненія Максимовича 7.
Стихотворное переложеніе 1.
Сынъ Отечества 1—1821, 3, 5, 6, 8, 9, 12, 24.
Сѣверная Пчела 8, 10.

Т.

Труды Общества Любителей Россійской Словесности 3—1812, 4—1818, 5—1820, 6.
Труды Общества Исторіи и Древностей 6, 12, 14.
Труды 1 Археологическаго съѣзда въ Москвѣ 20, 22.

У.

Умозрительныя и опытныя основанія словесности 8.
Ученыя записки Императорскаго Московскаго Университета 8.

Ф.

Филологическія записки 20, 23, 24, 25, 26.

Ц.

Цвѣтникъ 2—1810.

Ч.

Чтенія Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 18.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Вмѣсто епиграфа IV

Предисловіе VII

Введеніе. Общее содержаніе, идея и форма „Слова" XIV

I. Библіографія „Слова".

Изданія, переводы, изслѣдованія и замѣтки на русскомъ языкѣ. 1

Изданія, переводы и замѣчанія на Славянскихъ нарѣчіяхъ и иностранныхъ языкахъ 27

II. Критическій очеркъ литературы „Слова".

. Открытіе и изданіе „Слова". Первые скептики. Первыя поддѣлки. Рѣшеніе важнѣйшихъ вопросовъ, относящихся къ Пушкинскому Сборнику вообще и къ рукописи „Слова" въ частности 31

2. Обзоръ изданій, прозаическихъ переводовъ и изслѣдованій „Слова". Новые скептики. Новыя поддѣлки 100

3. Обзоръ поэтическихъ переложеній „Слова" 163

4. Обзоръ изданій „Слова" педагогическихъ и популярныхъ . . . 189

5. Обзоръ изданій, переводовъ и объясненій „Слова" на иностранныхъ языкахъ и славянскихъ нарѣчіяхъ 194

III. „Слово", какъ выраженіе школы Кіевской дружинной Руси.

Необходимость обстоятельнаго изученія древнерусскихъ переводныхъ памятниковъ для исторіи русской литературы. Значеніе въ этомъ отношеніи перевода Флавія о раззореніи Іеру-

салима. Неизвѣстность этого перевода у Болгаръ и Сербовъ въ XVI вѣкѣ. Русское происхожденіе этого перевода въ дружинную эпоху Кіевской Руси. Переводъ этой повѣсти—какъ выраженіе дружинной литературно-повѣствовательной школы: его особенности и связь съ Кіевскою Лѣтописью. Отношеніе „Слова о Полку Игоревѣ“ къ переводу этой повѣсти. „Слово“‘ какъ выраженіе той же школы... 231

IV. „Слово“, какъ историческая повѣсть.

Недостатокъ въ обществѣ яснаго сознанія историческаго и художественнаго значенія „Слова“. Связь „Слова“ съ культурой черниговскаго княжества. Сходство „Слова“ и Лѣтописи въ основныхъ воззрѣніяхъ и изображеніяхъ при-Днѣпровской Руси XII вѣка. Тождество въ понятіяхъ, отношеніяхъ, въ бытѣ и языкѣ этой Руси по Лѣтописямъ и „Слову“. Особенности изображеній „Слова“ въ сравненіи съ разсказами лѣтописными.. 273

V. „Слово“, какъ пѣснь, подобная Бояновой.

Значеніе „Слова“ какъ памятника историко-литературнаго. Отношеніе его къ пѣснотворчеству Бояна, какъ къ своему прототипу. Предположеніе о связи Бояновыхъ пѣсней съ классической поэзіей. Гипотеза о Византійско-Болгарскомъ прототипѣ „Слова“ и критическій разборъ ея. Разсмотрѣніе миѳологической стороны „Слова“ въ связи съ этой гипотезой. Поэтическіе образы „Слова“ въ связи съ эпическимъ его міросозерцаніемъ .. 299

VI. „Слово“ въ его отношеніи къ „Словамъ богатырскимъ“.

Сближеніе „Слова“ съ такъ называемой великорусской былиной. Взгляды ученыхъ на происхожденіе и существо былины. Зарожденіе былины на богатырской могилѣ и развитіе ея на основѣ предшествовавшаго героическаго эпоса. Кіевская Дружинная Русь въ „Словѣ“ и былинѣ Опытъ сближенія былины съ миѳологіей „Слова“.. 391

VII. „Слово“ въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ.

Судьба Кіевской дружинной Руси и слѣды языка ея въ позднѣйшей повѣствовательной литературѣ. Отраженіе „Слова“ въ

„сказаніяхъ“ о татарскихъ нашествіяхъ и повѣсти объ Александрѣ Невскомъ. Задонщина какъ подражаніе „Слову“. Отношеніе „Слова“ къ сказанію объ Азовскомъ сидѣніи. Слѣды языка „Слова“ въ русскихъ хронографахъ 427

VIII. „Слово“ въ новѣйшихъ произведеніяхъ искусства.

Въ гравюрахъ, живописи и музыкѣ . 460
Указатель собственныхъ именъ 1

6404

BAYERISCHE STAATS-BIBLIOTHEK MUENCHEN

10/01
Buchbinderei
Wawrzyniak & Singer
Marktplatz 23
85614 Kirchseeon

BSB Bayerische StaatsBibliothek

MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Barsov, El�pidifor V.,

Slovo o polku Igorevě kak chudožestvennyj pamjatnik Kievskoj družinnoj Rusi

Bd.: 1

(1887)

4 P.o.rel. 517 n-1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11519179-0